

Академия наук Абхазии
Институт гуманитарных исследований имени Д.И. Гулиа

Абхазский государственный университет

Валерий Бигуаа

*Светлой памяти
моего первого научного руководителя,
доктора исторических наук, профессора,
академика АН ГССР **Гео́ргия Чита́я***

АБХАЗСКАЯ ФАМИЛИСТИКА

СЕКРЕТЫ АБХАЗСКОГО ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА

ЭТНОГРАФИЯ ТРАДИЦИОННО-БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

Сухум – 2023

УДК 39
ББК 63.5(5Абх)60.4
Б 59

Автор проекта: Зав. отделом этнологии АБИГИ АНА,
доц АГУ С.А. Дбар.

Рецензенты: доктор исторических наук, профессор АГУ,
в.н.с. Отдела истории АБИГИ Г.Д. Гумба;
доктор исторических наук, проф. АГУ, в.н.с. АБИГИ АНА О.В. Маан.

Отв. редактор: доктор филологических наук,
профессор АГУ, акад. АМАН Дж. Я. Адлейба

В. Л. Бигуаа

Абхазская фамилистика. Секреты абхазского долгожительства. Этнография традиционно-бытовой культуры абхазов. – Сухум, АГУ, 2023. – 638 с.

Книга содержит ранние монографические работы автора и статьи, помещенные в сборниках научных трудов. В каждой из них рассматриваются различные вопросы традиционно-бытовой культуры абхазского народа, в основе которых – полевые этнологические исследования. Широко использована также научная литература, в которой так или иначе содержатся отдельные сферы проблемы.

Рассчитана на этнологов, фольклористов, аспирантов, студентов исторического, филологического, педагогического факультетов Абхазского государственного университета и широкий круг читателей.

Ашәкәы иагәылоуп автор уаанзатәи имонографиакәеи еиуаеипшым аколлективтә усумтақәеи ирныз ишымтақәеи. Урт рҕы ишьтыхуп ацсуа жәлар ртрадициа-бзазаратә культура ахырхартақәа жәпақы аазырпшуа азцаарақәа, автор имҕапигоз адәынтәи аетнологиатә усурақәа шыатас ирытаны. Хархәара рызууп иара убас анс аума, арс аума апроблема атәы зхәо азанааттә литература.

Ашәкәы рызкуп аетнологцәа, афольклористцәа, агуманитартә занатқәа рыла ацара зцо аспрантцәа, Ацсуа хәынтқарратә университета аҕоурыхә факультети афилологиатә факультети, апедагогтә факультети иртоу астудентцәа, иара убас апсуара аинтрес змоу адхьаҕцәа.

© В.Л. Бигуаа, 2023

Содержание

Раздел I. Абхазская фамилистика	7
Современная сельская семья у абхазов (этнографическое исследование)	9
Апсуа традициатә таацәеи аиашахатеи (аэтноглогиатә тцаамта)	155
Абхазская традиционная семья и действительность (этнографическое исследование).	155
Раздел II. Секреты абхазского долгожительства	233
Образ жизни абхазских долгожителей	235
Раздел III. Этнография традиционно-бытовой культуры абхазов	338
Апсуара – сердце традиционной культуры абхазов (проект будущей монографии).	336
Апсуара: структуралтә методла атцаара. Апроект	366
Традиционно-бытовая культура абхазов и современная действительность (докторская диссертация в виде доклада)	385
Апсуаа рыбазаратә культура	470
Апсуа нцәахәкәа рпантеон	490
Вопросы бытовой культуры абхазов: структурный аспект	501
Ацәгъеи абзиени: атрадициеи хазтагылоу аамтеи	522
Обрядовая культура: Традиция и современность	540
Жилище как элемент жизнеобеспечивающей системы у абхазов	553
Структура и социальная организация абхазской семьи	576
Абхазская свадебная обрядность: традиция и современность	591

Апсуаа рѣы абыкатара атоурых акынтэ	612
Этническая специфика виноградарства и виноделия у абхазов	619
Садоводство и огородничество у абхазов.	630

От автора

Дорогой Читатель! В самых ранних работах, которыми открывается данная книга, имеет место отражение того периода времени, когда они были написаны. Я уверен в том, что отдельные выражения, встречающиеся в них, могут вызвать улыбку. Да, у нас сегодня другой взгляд на мир. В стране советов не только начинающий молодой ученый, но и маститый интеллектуал, в процессе выполнения своей научной работы проскочить мимо партийности печати не мог.

Несмотря на очевидность перегибов в идеологической сфере жизни сверхдержавы, частью которой была наша страна, лично я не сомневался в том, что рано или поздно всё у нас, советских людей, будет хорошо, нас ждет справедливое, прекрасное будущее. Я как гражданин могучего государства, получивший воспитание и образование по тому же государственному стандарту, гордился своей сверхдержавой, перед которой дрожал весь мир.

Не скрою, и сегодня я, никогда не состоявший в коммунистической партии, глубоко убежден в том, что в теоретическом плане социализм, конечно, не такой, какой был у нас, – самая совершенная политическая система среди всех известных человечеству социально ориентированных политических систем. Я мог убрать те несколько политизированные предложения, имеющиеся в них в двух-трех местах. Но не убрал. Это мой вчерашний день, это моя история– история моего поколения.

Нравится или не нравится стиль изложения, к примеру, монографии «Современная сельская семья у абхазов», материал, на основе которого написана она, – продукт моего аспирантского полевого этнографического исследования, проведенного на совесть. Более того, материалы социологического и этностатистического плана следует принять как своего рода уникальный подарок судьбы, поскольку госархив, в котором хранился его аналог, не существует – он был уничтожен пожа-

ром, целенаправленно во время войны 1992–1993 годов советскими боевиками. Мне представляются интересными и сообщения об абхазских долгожителях и их образе жизни, так как нет уже этих людей в живых. Это с одной стороны. С другой стороны – за менее чем полвека динамика данного социального феномена заметно изменилась в сторону уменьшения. Если, допустим, в конце 70-х – начале 80-х годов XX века только в одном отдельно взятом селе Члоу, где проводилось комплексное международное обследование, число людей, которым было 90 лет (по ЮНЕСКО, долгожительство начинается после 90) составляло более тридцати, то уже в начале текущего столетия в девяти селах Абхазии, где иною собирался полевой этнографический материал с использованием хозяйственных книг, геронтологические случаи не превышали и десяти единиц (см. Бигуаа, 2010).

Все остальные работы, содержащиеся в сборнике, созданы несколько позже. Все они (особенно те, которые на абхазском языке) написаны как материалы по созданию монографии «Апсуара» – сердца традиционной культуры абхазов, перед которым в долгу все мы, ученые, имеющие то или иное отношение к этнологии.

И в блоке этих материалов (раздел III) могут быть моменты перекликания. Обстоятельство это продиктовано функциональным назначением каждого из них. В условиях современного реалия образовательного стандарта разность изложения научной продукции по одной и той же тематике не воспринимается как минус. Наоборот, она приносит свои плоды, тем более в нашем случае. На историческом факультете Абхазского государственного университета, где я работаю уже десятки лет, один из моих спецкурсов посвящен проблемам традиционно-бытовой культуры абхазов. Выход предлагаемого сборника может предоставить студентам и магистрантам право на выбор. А вот насколько мне это удалось судить ни мне.

С уважением, Валерий Бигуаа.

**РАЗДЕЛ I.
АБХАЗСКАЯ ФАМИЛИСТИКА**

В. А. БИГВАВА

современная
сельская семья
у абхазов

«МЕЦНИЕРЕБА»

СОВРЕМЕННАЯ СЕЛЬСКАЯ СЕМЬЯ У АБХАЗОВ

Издательство «Мецниереба», Тбилиси – 1983

В работе поднят основной круг проблем, связанных с этнографической характеристикой особенности эволюции абхазской сельской семьи и тенденцией ее дальнейшего развития. В ней дается также ряд рекомендаций по изживанию пережитков прошлого и внедрению в быт новых семейных обрядов, которые могут быть использованы на практике.

Рецензенты: доктор ист. наук, проф. Ш.Д. Инал-ипа,
кандидат ист. наук Л.М. Магия.

Ответственный редактор: академик Академии наук Грузинской ССР Г.С. Читая.

Введение

Одной из существенных черт, характеризующих развитие этнографической науки, является развертывание в стране большой исследовательской работы по изучению социалистического образа жизни. Особенно оно усилилось в послевоенный период.¹ И это закономерно. Современность – это итог прошлого, а прошлое – это еще неразвившееся будущее. В этой связи изучение процесса изменения культурно-бытовых форм, складывания новых этнических традиций представляет собой задачу, важную не только в чисто познавательном, но и в практическом отношении². Новые формы быта возникают не всегда гладко и безболезненно. Жизнь ставит множество практических, порой очень острых вопросов, большинство которых невозможно решить без серьезного исследования. Сюда относятся, прежде всего, вопросы семейного быта. Известно, что семья как важнейшая социальная ячейка развивается в соответствии с прогрессивным движением общества. Еще Маркс отмечал, что семья «должна развиваться по мере того, как развивается общество и должна изменяться по мере того, как изменяется общество. Точно так же, как это было в про-

¹ Г. Читая, М. Гегешидзе, И. Чкония. Новый быт в колхозе с. Тортиза Горийского района. ВЭК, Тб., 1952; Л. Лавров. Советская культура и быт лаков. ВЭК, Тб, 1952; Н. Н. Ершов, Н. А. Кисляков и др. Культура и быт таджикского колхозного крестьянства. ТИЭ. XIV, М., 1954; Т. Т. Шикова. Семья и быт кабардинцев в прошлом и настоящем. М., 1955; Н. С. Сабитов.

Общественная жизнь и семейный быт казахов-колхозников. ТИИАЭ, АН КазССР, 1956; Село Вирятино в прошлом и настоящем (опыт этнографического изучения русской колхозной деревни). ТИЭ, т. XII, М., 1958; М. А. Бикжанова. Семья в колхозах Узбекистана. Ташкент, 1959; Л. Н. Терентьева. Колхозное крестьянство Латвии. ТИЭ, т. IX, М., 1960 и др.

² См. Ю. В. Бромлей. К вопросу об особенностях этнографического изучения современности. СЭ, 1977; I; А. И. Робакидзе. К некоторым спорным вопросам этнографического изучения нового быта. СЭ, 1952, 2.

шлом. Она представляет собой продукт общественной системы»³

Естественно, глубокие социально-экономические и культурные перемены, происшедшие за годы Советской власти, не могли не подвергнуть семью значительным преобразованиям, ибо она «в современном обществе не является самостоятельной, замкнутой ячейкой, в которой происходит воспроизводство культурных традиций и формируется этническое самосознание»⁴. Поэтому изучение процессов развития семьи во всех сферах жизни было и продолжает оставаться в центре внимания советской этнографии. Вообще, как отмечает С. Л. Токарев, – «проблемы современной семьи (и в буржуазном, и в социалистическом обществе), тенденции ее изменения в ближайшем и более удаленном будущем – это вопросы, задевающие самые глубинные сферы человеческой жизни»⁵. Диалектика этих проблем заключается в росте требования, предъявляемых к семье как социальной ячейке, играющей огромную роль в формировании личности. Более того, «семья передает не только давно стабилизировавшиеся, бытующие в ней привычки, обычаи и обряды, но и соционормативную культуру современного общества, которую она аккумулирует и «воспроизводит»⁶.

За последнее время советов в нашей стране вышел ряд работ, посвященных современной семье у различных народов СССР⁷. Одни из них освещают ее отдельные вопросы,

³ К. Маркс. Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество». Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. IX, 1941. С. 37.

⁴ Л. М. Дробыжева. Международный симпозиум «Роль семьи в этнокультурных процессах в условиях социализма». СЭ, 1980, с. 136.

⁵ С. А. Токарев. Обычай и обряды как объект этнографического исследования. СЭ, 1980, 3, с. 33.

⁶ Л. М. Дробыжева. Указ. сообщ., с. 136.

⁷ Проблемы быта, брака и семьи (сб. ст.). Вильнюс, 1970; А. Г. Бегмуратова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем Нукус, 1970; Н. Г. Юркевич. Советская семья. Функции и условия стабильности. Минск, 1970; Л. С. Ким. Семья и проблемы коммунистического воспитания. Фрунзе, 1971; А. Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян.

другие; же являются монографическими исследованиями.

Вопросы семьи и семейного быта абхазов, как народа с древнейшей самобытной культурой, интересовали многих авторов как советского, так и дореволюционного периода. Среди работ последних следует отметить, прежде всего, такие, как «Поцелуй за занавесом» С. Т. Званба⁸, «Некоторые черты из жизни абхазцев» К. Д. Мачавариани⁹, «Этнографические наблюдения в Абхазии» Н. М. Альбова¹⁰, «Свадьба в Абхазии» И. С. Патеипа¹¹, «Свадьба в Абхазии» Н. Державина,¹² «Абхазский культ и быт» Н.С. Джаниашиа и¹³ др.

Хочется выделить также работу Г. Ф. Чурсина «Материалы по этнографии Абхазии»¹⁴, написанную им исключительно

М., 1972; К. Д. Басаева. Преобразования в семейно-брачных отношениях бурят (по материалам Аларского и Ольханского районов Иркутской области). Улан-Удэ, 1974; А. П. Новицкая. Численность и состав семьи в Молдавской ССР. СЭ, 1974, 6; Л. П. Лобачева. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975; Л. Ф. Филюкова. Сельская семья. Минск, 1976; М. А. Меретуков. Семья и семейный быт адыгов в прошлом и настоящем. – Культура и быт адыгов. Майкоп, 1976; Взаимоотношение поколений в семье. М., 1977; Н. Я. Соловьев. Брак и семья сегодня. Вильнюс, 1977; А. Г. Харчев, М. С. Мацковский. Современная семья и ее проблемы. М., 1978; С.Ш. Гаджиева, З.А. Янкова. Дагестанская семья сегодня. Махачкала, 1978; С. М. Мирхасилов. Социально-культурные изменения и отражение их в современной семье сельского населения Узбекистана. СЭ, 1979, 3; В. П. Кривоногов. Межэтнические браки у хакасов в современный период. СЭ, 1980, 3; Я. С. Смирнова. Новое и традиционное в быту осетинской сельской семьи. КЭС. VII, М., 1980; А. Е. Тер-Саркисянц. Основные тенденции развития современной сельской семьи у армян. КЭС, VII, М., 1980.

⁸ С. Т. Званба. Поцелуй за занавесом. К., 1858, 55; С. Т. Званба. Этнографические этюды. Сухуми, 1955 (сост. Г. А. Дзидзария).

⁹ К. Д. Мачавариани. Некоторые черты из жизни абхазцев. СМОМПК, вып. IV, от. II, Тифлис, 1884

¹⁰ ЖС, вып. 3, СПб., 1893.

¹¹ Н. С. Патеипа. Избранные. Сухуми, 1978 (раб. написана в 1908).

¹² СМОМПК, вып. 37, Тифлис, 1906

¹³ ХВ, т.5, вып.3. Петроград, 1917.

¹⁴ Г.Ф. Чурсин. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми, 1957.

на основе собранных в 1928 году оригинальных материалов. В ней автор приводит фактические данные о ряде элементов материальной культуры, в частности, о жилище, одежде и пище, а также брачном возрасте, формах заключения брака, свадебной обрядности и родильных обычаях. Как правильно отмечает Л. Х. Акаба¹⁵ в абхазской деревне в те годы оставалось многое от дореволюционной жизни крестьян. За несколько десятилетий, прошедших с тех пор, неизменно изменилось и абхазское село, следовательно, подвергалась существенным изменениям и сельская семья. Естественно, в быту абхазской семьи отсутствует подавляющее большинство явлений, описанных им. Поэтому эта работа, как содержащая много фактического и сравнительного материала, представляет собой этнографическую ценность.

Систематическое изучение абхазской сельской семьи началось лишь в послевоенные годы, когда в Абхазии оживилась этнографическая работа. Издано было несколько интересных исследований, подготовленных главным образом абхазскими этнографами. К ним относится, прежде всего, монография Ш. Д. Инал-ипа «Очерки по истории брака и семьи у абхазов», вышедшая отдельной книгой в 1954 году в Сухуми. В работе рассматриваются самые различные вопросы брачных отношений и семейного быта абхазов. В ней использована обширная дореволюционная литература, в которой сведения о браке и семье у абхазов беспорядочно разбросаны по отдельным работам; привлечено огромное количество полевого материала, собранного автором в сельских районах Абхазии. Благодаря полноте и достоверности этнографических сведений, приводимых в работе и почти неизвестных до этого, автору удалось пролить свет на изучение вопросов одной из самых сложных проблем социальной жизни абхазов – брачного института, отличающегося чертами этнического своеобразия в глубокой древности.

¹⁵ Л. Х. Акаба. Предисловие к указанной работе Г. Ф. Чурсина.

К этому периоду относится также и начало изучения социалистического быта у абхазов. Одной из первых как по времени, так и по уровню научной ценности является работа Л. Х. Акаба «Абхазы Очамчирского района», помещенная в первом томе «Кавказского этнографического сборника»¹⁶. На основе полевого материала, собранного автором, в ней наравне с другими сторонами жизни освещаются и вопросы брачных обычаев, внутрисемейных отношений и других элементов семейного быта абхазов, сохранившего свою национальную черту и одновременно приобретшего социалистическое содержание. В целом работа дает нам немало этнографических сведений о материальном благосостоянии и духовной жизни южной части республики в указанное время.

В этот же сборник вошла и работа Я. С. Смирновой «Семейный быт и положение абхазской женщины XIX–XX вв.», в которой рассматриваются, главным образом, вопросы, связанные с хозяйственным и общественным положением абхазки в прошлом, и ее раскрепощением. По мнению ученого, основным фактором осуществления всего этого явилось вовлечение горянки в социалистический трудовой процесс, обеспечившее ей высокое положение в семье.

Сведения о традиционном и современном семейном быте имеются также в работах Л. Е. Кучберия – «К вопросу о развитии брачных обычаев и свадебной обрядности абхазов»¹⁷ и Ю. Г. Аргун – «Быт и культура современных абхазов»¹⁸. Первая работа посвящена тому новому, что появилось в свадебных обрядах абхазов за годы Советской власти. Основой работы послужили полевые этнографические материалы, собранные автором в районах республики в 1963–1964 гг. В основе же работы Ю. Г. Аргун лежат в основном материалы по Бзыбской Абхазии, собранные им в конце 60-х годов. Семейному быту автор посвя-

¹⁶ КЭС, т. I. М., 1955.

¹⁷ Современное абхазское село. Тб., 1977.

¹⁸ Ю. Г. Аргун. Указ. раб. (на абх. яз.). Сухуми, 1976.

щает небольшую главу, в которой касается вопроса изменений, происшедших за годы строительства социализма во внутрисемейных отношениях и обрядности абхазов.

Наиболее близкой как по форме, так и по содержанию к исследуемой здесь теме является сравнительно небольшая (около 1,5 п. л.) работа талантливого абхазского этнографа Ц.Н. Бжания «Семья и семейный быт в абхазской колхозной деревне»¹⁹, написанная по этнографическим материалам села Атара Очамчирского района. В ней автор исследовал такие важные стороны семьи, как ее поколенный и численный состав, экономику, домашний быт, процесс преодоления пережитков старых брачно-семейных отношений, формирование новой по содержанию семьи и др. Работа насыщена интересными фактами, свидетельствующими об огромных культурно-бытовых изменениях, которые произошли за сравнительно короткий срок в жизни абхазской деревни. Но, естественно, что незначительная по объему работа, выполненная по материалам лишь одного села, не может претендовать на полное освещение многих существенных вопросов.

Настоящая работа представляет собой первую попытку всестороннего исследования основных аспектов, современной абхазской сельской семьи, каковыми являются, например, ее материальная основа и жилищно-бытовые условия, строение и внутренняя организация, обычаи и празднества, духовная жизнь и пр. То есть в ней рассматриваются вопросы, без которых невозможно иметь полного представления об изменениях, происшедших в абхазской семье за период развитого социализма. Работа выполнена в плане комплексно-интенсивного метода этнографического изучения объекта²⁰ с привлечением конкретно-социологических и этноста- тических материалов.

¹⁹ Современное абхазское село.

²⁰ См. Г. Читая. Этнографическое исследование в Грузинской ССР. СЭ, 1948, 4; его же. Принципы и методы полевой этнографической работы. СЭ, 1957, 4.

Основным источником исследования служат полевые материалы, собранные автором в селах Абхазии в 1973–1977 гг. Используются также похозяйственные книги сельских советов, годовые отчеты колхозов, архивные материалы Бюро записей актов гражданского состояния республики, данные ЦСУ Абхазской АССР и материалы периодической печати на абхазском, грузинском и русском языках.

Обследуя, например, поколенный и численный состав семьи, я обработал похозяйственные книги 16 наиболее типичных абхазских селений. Для сравнения же отдельных явлений частичное исследование вел и в некоторых селениях, отличающихся разнородностью этнического состава населения. Одновременно получены важные для настоящей темы сведения о личном подсобном хозяйстве, уровне образования членов семьи и др. Для исследования такого существенного вопроса, как изменение брачного возраста, изучены данные карточек соответствующих бюро загсов за 1890–1900, 1935–1940, 1970–1975 гг.

На основании данных статистических материалов были составлены соответствующие таблицы, которые позволили сделать определенные выводы. В общей сложности мною обследовано 5225 семей²¹, в том числе 2346 семей сел горной зоны (Арасадзых, Отап, Тхина, Члоу, Джгерда, Гуп, Пакуаш, Хуап), 1607 семей районов холмисто-предгорной полосы (Атара, Кутол, Дурипш) и 1274 семьи приморских селений (Кындых, Адзюбжа, Тамыш, Мгудзырхуа, Куланырхуа)²².

²¹ Под семьей принято понимать совокупность лиц, проживающих совместно, связанных родством или свойством и общим бюджетом (см. И. А. Герасимова. Структура семьи. М., 1976).

²² Учитывая разнообразие физико-географических условий и сложность рельефа Абхазии, в работе условно разбиваются все районы заселенной территории республики на три зоны: приморскую, холмистопредгорную и горную. Такое деление позволяет выявить ряд причин возникновения или исчезновения того или иного явления в жизни изучаемой семьи.

Особое место отведено изучению традиционных и новых, семейных обрядов, которое осуществлялось методом наблюдения и опроса населения. Проблема это приобретает и государственное значение, ибо в Постановлении ЦК КП Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями»²³ отмечается, что наряду с теми, что сделано в республике для того, чтобы обогатить народные праздники социалистическим содержанием и поставить их на службу коммунистическому воспитанию, в них сохраняются еще консервативные элементы. В Нем говорится еще, что они превратились уже в анахронизм и находятся в антагонизме с современными общественными отношениями. По этому вопросу соответствующее постановление было принято и Абхазским обкомом партии²⁴, после которого в автономной республике усилилась работа по устранению чуждых современной действительности народа привычек. В частности, организованы выступления передовых людей в печати, по радио и телевидению Абхазии²⁵, а во многих селах и районах проведены специальные лекции, конференции и другие мероприятия. Поэтому, руководствуясь данными партийными документами, автор делает ряд рекомендаций, которые могут быть использованы на практике.

²³ См. «Заря Востока» от 25 ноября 1975 г.

²⁴ Борьбе с вредными традициями и обычаями – неослабное внимание. – «Советская Абхазия» от 29 апреля 1976 г.

²⁵ Напр., Л. Маршания. Борьбе с изжившими себя нравами и обычаями – последовательность и целеустремленность. – «Советская Абхазия», 17 июля 1976; С. Зыхуба. Хлеб-соль и ложное понятие о нем. – «Апсны капш», 31 мая 1977; И. Лакербая. Социалистическим праздникам – широкую дорогу. – «Советская Абхазия», 16 июня 1978; Г. Смыр. Встреча хороших и плохих обрядов. – «Алашара», 1978, 8; Х. Дждежая. Дорогу новым обрядам. – «Советская Абхазия», 17 октября 1978 и др.

ГЛАВА I

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СЕМЬИ

1. Бюджет семьи

Доход семьи от общественного производства. Уровень экономической жизни семьи во многом определяется спецификой общественного хозяйства района, в котором она живет и производит материальные блага.

Для территории Абхазии, относящейся к числу горных республик Кавказа, характерно разнообразие климатических условий, смена которых подчинена закону вертикальной зональности. Поэтому и сельское хозяйство здесь многоотраслевое, доминирующее положение в котором занимают чаеводство и табаководство. Что касается размещения тех или иных культур, то оно зависит, в основном, от рельефа местности, почвы и количества выпадающих осадков. Так, население юго-восточной части республики, входящей в районы Колхидской низменности, занимается преимущественно чаеводством, а в центральной и северо-западной Абхазии, для которых характерен типичный горный рельеф, ведущее место в общественном производстве занимает табак. Табаководство представляет также главное занятие и в селах горной и, отчасти, холмисто-предгорной зоны.

К важнейшим видам сельскохозяйственных культур, возделываемых в Абхазии, относятся также citrusовые и виноград. Они сосредоточены в холмисто-предгорных местностях, отличающихся обилием света, тепла и растительного покрова.

Новой отраслью в экономике сельских тружеников республики явилась химическая промышленность, в частности, переработка эфиромасличных культур, получившая особое развитие в приморской зоне.

Динамика всех этих отраслей определяется последовательным ростом площади, урожайности и валового сбора продукции.

Что касается животноводства, являющегося одним из древнейших им традиционных занятий абхазов, то за последнее время в ряде предгорных и горных районов начали создаваться крупные специализированные комплексы. Поэтому многие хозяйства, в силу их географически невыгодного положения, частично освобождаются от него.

Усиление экономической мощи общественного хозяйства вызвало увеличение его денежного дохода. С. повышением же доходности производства выявляется четко выраженная тенденция роста оплаты труда. В 1977 году, например, в колхозах Абхазии на один человеко-день приходилось 6 руб. 29 коп.,²⁶ против 3 руб. 82 коп. в 1965 году²⁷. Следует отметить, что среднемесячная заработная плата колхозников приближается к заработной плате рабочих совхозов, при одновременном росте последней. Если в совхозах она составляет 127 руб. 09 коп.²⁸, то в колхозах – 104 руб. 20 коп.²⁹. Однако оплата труда членов артелей или рабочих государственных предприятий села все еще зависит от отраслевой направленности хозяйства. Как правило, хозяйства чаеводческого направления мощнее всех колхозов и, даже, совхозов иных, направлений. Если, например, в колхозах Сухумского и Гулрипшского районов, ведущей культурой сельскохозяйственного производства которых является табак, заработная плата среднегодового колхозника равна, соответственно, 76,7 и 90,2 руб., то в Очамчирском районе, где в основном возделывают чай, – 121,6 руб.³⁰

²⁶ Основные экономические показатели сельскохозяйственного производства колхозов и совхозов Абх. АССР. Сухуми, 1978, с. 68.

²⁷ Народное хозяйство Абхазской АССР. Тб., 1973, с. 104–107.

²⁸ Основные экономические показатели..., с. 137

²⁹ Там же, с. 72-74.

³⁰ Основные экономические показатели..., соотв. гл

С другой стороны, различные размеры заработной платы членов артелей объясняются особенностью кооперативной формы социалистической собственности. Труд колхозников оплачивается из фонда колхозников. Поэтому доход колхозника зависит не только от количества и качества труда, затраченного им лично, но и от работы всего коллектива. Если колхоз успешно выполнил свои планы, добился низкой себестоимости продукции, то доходы его увеличиваются. Это значит, что он может больше средств отчислить в фонд оплаты труда. Следовательно, повышается и индивидуальная заработная плата колхозников, что, в конечном итоге, способствует улучшению материального благосостояния семьи. Так, за последние десять лет в передовом чаеводческом колхозе «Дурипш» Гудаутского района на один человеко-день приходится более 9 руб.³¹. При этом среднемесячный доход от общественного хозяйства составил в среднем 160–170 руб. Таковы, примерно, доходы и у жителей Лыхны, Члоу и многих других сел, основной культурой производства которых является чай. В качестве примера можно привести семью члена колхоза им. Нестора Лакоба Очамчирского района Ньязбей Чан-ипа, представляющую супружескую пару и пятерых детей школьного возраста. В 1974 г. Ньязбей получил 1800 руб., жена его, Этери – известная в селе сборщица чайного листа, – 3348 руб., а дети – 1968 руб³². В целом семья заработала 6846 руб. Бичнко Бигуа – молодой бригадир колхоза им. Ленина с. Тхина. Его оклад 150 руб., жена, Гунда, собирает 11–12 тонн сортового чайного листа в год. В 1977 г. Гунда была награждена орденом Трудовой славы III степени, в 1979 году стала лауреатом Государственной премии Грузинской ССР и ныне – депутат Верховного Совета СССР

³¹ Годовые отчеты колхоза «Дурипш» за 1970–1978 гг.

³² Данные бухгалтерии колхоза им. Лакоба Очамчирского района получены в 1975 г.

десятого созыва. По ее словам, в 1979 г. она заработала более 5000 руб., а дети – до 900 (их трое). Таким образом, годовой заработок семьи Бигуаа от общественного производства составил 8300 руб.³³.

Как известно, размеры семейного дохода от общественно-го производства определяются не только вышеуказанными факторами, но и количеством трудоспособных членов семьи. Естественно, поэтому, что среднегодовой заработок семей будет различным.

При изучении общественного бюджета пристальное внимание заслуживает еще одна немаловажная сторона. В ходе и в результате строительства социализма, крестьянство нашей страны, как и рабочий класс, по своей сущности изменило свою первоначальную природу и стало социалистическим классом. Одновременно наблюдаются и другие социальные явления – выделение из среды крестьянства сельскохозяйственных рабочих. Вместе с тем, из колхозного крестьянства выходит и сельская интеллигенция³⁴. За последнее время, вследствие укрепления технической оснащённости сельского хозяйства и непрерывного роста в селах сети культурно-просветительных и производственных объектов, этот процесс еще больше ускорился.

В тех селах, где формой общественного производства является артель, самой многочисленной группой семей является колхозно-крестьянская (66,32%), за ней следует социально-смешанная (30,1%), то есть группа семей, в которые наряду с крестьянами входят рабочие или служащие. За редким исключением в работе не фиксируются семьи, состоящие только из одних рабочих или служащих, так как в колхозах они единичны. Относительно многочисленны подобные семьи лишь в двух-трех селениях, расположен-

³³ Полевой материал автора 1980 г. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

³⁴ П.И. Симуш. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976, гл. I и IV.

ных в непосредственном территориальном соприкосновении с городом или большим государственным объектом. К примеру, в приморском селе Мгудзырхуа Гудаутского района, где из года в год растут многоэтажные корпуса домов отдыха и других здравниц, рабоче-служащие семьи составляют около 24 %, в том числе собственно рабочие –11%³⁵. Дело в том, что здесь многие семьи работают в указанных учреждениях и на железнодорожной станции, имея в то же время дома и земельные участки на территории колхоза.

Иная картина наблюдается в совхозах. Здесь преобладающее место занимают семьи рабочих (72, 52%). Но среди них немало семей, в которые входят как рабочие, так и служащие. В количественном отношении социально-неоднородные семьи малочисленны (16,86%). В совхозах на группу семей, состоящих из служащих, приходится больше (10,88%), чем в колхозах (см. таб. I). Это объясняется, прежде всего, сферой культурно-бытового обслуживания, которая стоит здесь на более высоком уровне.

Полевой этнографический материал показывает прямую зависимость размеров семейного дохода и от социальной принадлежности семьи. Как правило, рабочие-механизаторы зарабатывают несколько больше, чем колхозники и рабочие, не имеющие определенной специальности. Труд рабочих с профессиональной подготовкой расценивается выше, чем труд крестьян. К тому же к заработку им выплачивается надбавка за классность по тарифной сетке. Далее, таким специалистам выплачивается также за стаж работы по специальности в данном хозяйстве, в зависимости от суммы годового заработка. Так, житель с. Члоу К. Аджапуа, работающий более пятнадцати лет на чаесборочной машине, вырабатывает до 200–220 человеко-дней в год, в результате чего получает 3000–3500 руб.³⁶. Такого заработка не имеет ни один колхозник или ра-

³⁵ По данным похозяйственных книг с. Мгудзырхуа 1978 г.

³⁶ Со слов К. Аджапуа записано в 1977 г. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

бочий совхоза, занятый ручным трудом. Исключение составляют наиболее способные сборщицы чая, заработки которых, как правило, выше заработков мужчин, занятых, главным образом, выращиванием кукурузы.

В отличие от рабочих и служащих, оплата труда колхозников-крестьян остается еще неустойчивой, что объясняется сезонностью работы. Как правило, во время сбора чая или возделывания табака, которое длится с мая до начала октября, колхозники и рабочие совхозов получают два-три раза больше, чем зимой, когда на полях мало работы.

Что касается семейных доходов служащих, то, естественно, они носят постоянный характер. И размеры их заработков зависят от занимаемой должности и стажа работы.

Таблица 1. Социальный состав семьи в колхозах³⁷

Село	Всего семей	В том числе		
		колхозно-крестьянс. %	социально-смешанные %	прочие
Арасадзых	214	67,75	28,97	3,27
Отап	110	72,72	23,83	3,63
Тхина	242	66,11	29,79	4,13
Члоу	524	63,35	33,53	3,05
Джгерда	283	67,13	30,08	2,82
Гуп	403	65,26	28,78	5,7
Пакуаш	411	61,8	36,0	2,18
Хуап	159	72,95	22,64	4,4
Дурипш	601	68,71	27,62	3,66
Итого	2947	66,27	30,09	3,59

³⁷ Таблица составлена автором по данным похозяйственных книг указанных сельсоветов 1976-1979 гг. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

Таблица 2. Социальный состав семьи в совхозах

Село Моква	Всего семей	В том числе		
		рабочие. %	служащие %	националь- но-смешан- ные %
Совхоз «Абхазия»	347	74,35	12,39	13,23
Совхоз э.-м. культ.	250	70,0	8,8	21,3
Итого	597	72,52	10,88	16,58

В целом отметим, что независимо от производственного направления общественных хозяйств, социальной принадлежности семей, за последние десять лет уровень доходов от колхозов и совхозов возрос в два раза. А это в свою очередь вызвало резкое улучшение материального благосостояния семей всех социальных групп.

Уровень материального положения современной абхазской сельской семьи, как и у других народов страны, определяется не только результатами производственной деятельности ее членов в общественном производстве, но и общественными фондами потребления, представляющими собой ежемесячные государственные пособия, выплачиваемые многодетным и одиноким матерям, получаемые по инвалидности, за выслугу лет и т. д.

Доход семьи от личного подсобного хозяйства. Когда речь идет о бюджете сельской семьи, нельзя не остановиться на ее подсобном хозяйстве, натуральный доход от которого занимает еще значительное место.

Размеры приусадебного участка зависят главным образом от формы общественного производства, с которым связана основная трудовая деятельность семьи. В колхозах они колеблются от 0,5 до 0,25 га. Причем, 0,5 га владеют только те семьи, которые в данном селе живут и работают со времени

образования общественного хозяйства. Если же по мере численного роста от такой «коренной» семьи отделяется женатый сын или брат, то последнему предоставляется минимальный размер, установленный уставом колхоза, следовательно, и от отцовского участка отделяется соответствующая площадь. В совхозах же земельный надел регулируется в соответствии с земельным фондом общественного хозяйства, и поэтому все семьи, независимо от их социальной принадлежности, имеют в пределах от 0,15 до 0,25 га.

Несмотря на незначительные размеры своего земельного надела, абхазский крестьянин умело распределяет его на необходимые хозяйственные части: это двор, в глубине которого стоят жилища, и расположенная за ним хозяйственная часть – ахкаара. Большую часть ахкаара, занимающей около 3/4 всей площади усадьбы, крестьянин отводит под кукурузу – единственную зерновую культуру. До массового распространения кукурузы в качестве злака абхазы выращивали пшеницу, т. н. апсуа-ча и два сорта проса – аширдз и ахурдз. Но уже в конце прошлого столетия кукуруза занимала первенствующее место. Тем не менее ее производство побило в основном натуральный характер. Да и земледельческая техника была примитивной³⁸.

Вспашка производилась при помощи легкой сохи, встречавшейся в трех видах³⁹. Вообще земледелие имело ведущее значение на побережье и плодородных речных долинах, то есть на основной части населенной территории Абхазии⁴⁰.

И в настоящее время кукуруза представляет собой одну из основных статей натурального дохода абхазской сельской семьи. Объем урожая, получаемого семьей колхозника, со-

³⁸ См.: Р. К. Чанба. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии. Тб., 1977, гл. VI.

³⁹ Г. С. Читая. К вопросу о происхождении абхазских пахотных орудий. – Сообщение АН ГССР. Тб., 1941, т. II, с. 3–4.

⁴⁰ Г. А. Дзидзария. Народное хозяйство и социальные отношения в Абхазии в XIX веке. Сухуми, 1958, с. 27.

ставляет, приблизительно, около тонны. В совхозах же, где размеры усадьбы относительно небольшие, семья получает в среднем до 500–700 кг.

Немаловажное значение в сфере натурального дохода семейного бюджета имеют также бобовые культуры, из числа которых наибольшее распространение имеет фасоль.

Остальная часть усадьбы – «ахкаара» предназначена для огорода и других культур. Огород занимает приблизительно одну десятую часть приусадебного участка, но он дает семье достаточное количество лука, чеснока, перца укропа, фенхеля, кольраби, огурцов, помидоров и прочих овощей и трав, занимающих важное место в пищевом рационе семьи. Бахчевые – арбуз, дыню, тыкву сеют обычно вдоль ограды кукурузного поля так, чтобы они не занимали много полезной площади. В целом индивидуальное огородничество, как и производство зерна, носит потребительский характер.

После установления Советской власти в Абхазии, под влиянием общественных хозяйств, начали сажать на приусадебных участках и неместные плодовые деревья. Наряду с яблоней, грушей, персиком, сливой, черешней, лавровишней, гранатом, айвой, фундуковым и грецким орехами в саду абхаза произрастают мандарины, апельсины и другие ценные субтропические культуры. Точнее, почти на каждом втором приусадебном участке имеется цитрусовый сад. Реализация этих плодов производится в специализированных приемных пунктах райзагконторы. Денежный доход от данной статьи в среднем превышает 500–600 руб.

К основным статьям семейного дохода от приусадебного участка относится также виноградарство, занимающее почетное место. По-прежнему в селах горной зоны наибольшее распространение имеет «Изабелла», вьющаяся высоко по дереву, а в Бзыбской Абхазии – и такие местные высококачественные сорта винограда, как «Ақачич», Апсуажь» и пр. В приморской зоне местные сорта, в том числе и укоренившаяся «Изабел-

ла», начали вытесняться низкоствольным белым виноградом «Цоликаури». Что касается объема продукции виноградарства, получаемого семьей, то он составляет в среднем 60–80 пхал⁴¹ вина и до 10 литров водки. Однако продажа спиртных напитков не имеет широкого распространения и, скорее всего, представляет собой редкое явление. Роль вина в домашнем быту абхазов была и остается исключительной. Не говоря уже о том, что любое торжество не обходится без вина, до сих пор закон гостеприимства требует, чтобы каждого, даже проходящего путинка, который захотел бы напиться, угощали вином, а не просто водой.

Наряду с усадьбой важное место в личном подсобном Хозяйстве абхазской сельской семьи занимает разведение крупного и мелкого рогатого скота.

В колхозах и в ряде совхозов, где имеется возможность содержать окот, семья имеет в среднем не менее двух–трех коров местной породы. В низменных районах разводят также буйволов, используют их исключительно как молочный скот, дающий жирное молоко. Коз держат главным образом в селах горной зоны, где имеются обильные проселочные пастбища, в приморской же полосе их имеют немногие. Овец обычно содержат в общем стаде с козами, но количество их, особенно в районах приморья, из года в год убывает.

Как полевой, так и литературный этнографический материал говорит о том, что вплоть до коллективизации сельского хозяйства главным богатством горных жителей был домашний скот. Каждое хозяйство в среднем имело до 7–8 дойных коров и несколько десятков коз и овец⁴². А отдельные семьи владели значительным количеством мелкого рогатого скота с преобладанием коз. Приведем пример. В 20-х годах текущего столетия братья Якуп, Дут и Максма Цвижба, которые прожи-

⁴¹ 12-литровый глиняный сосуд, служивший мерилем для вина.

⁴² Ц. Н. Бжания. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, с. 8.

вали в с. Члоу, имели 1000 коз и овец. Скот находился круглый год на подножном корму: весной пастся в горных ущельях, летом поднимался в высокогорные пастбища, осенью вновь спускался к своей стоянке, а зимой – возвращался домой⁴³.

Многие жители горных сел в летнее время организовывали коллективную форму выпаса скота, т. н. агуп, при которой несколько скотохозяев, объединив свои силы, перегоняли скот на летние пастбища и вместе пасли его. Встречались и такие котохозяева, которые нанимали пастухов. Так, житель с. Верхняя Ешыра Хуарцкина Аслангери имел в своем хозяйстве около 800 голов мелкого рогатого скота, 18 коров, две пары волов и четырех лошадей. Коз и овец пасли наемные пастухи по фамилии Чантуриа из Джвари (Мегрелия). Сам Аслангери со своими женатыми сыновьями и племянником, которого он воспитал после смерти родителей последнего, занимался в основном земледельческими делами, а в свободное от работы время – охотой⁴⁴.

В основном, большим количеством скота владели многочисленные семьи, способные обеспечить хозяйство необходимым количеством рабочих рук.

Традиции разведения мелкого рогатого скота сохраняются и ныне, как уже было сказано выше, в отдельных горных районах. Если, например, в горном селе Арасадзых число семей, имеющих до 20-30 коз и овец, составляет соответственно, 41,12 14,97 процента, то в приморском селе Куланыхуа – всего лишь 2,36 и 1,18% (см. таб. 2.) Наблюдающаяся тенденция объясняется тем, что исчезла необходимость в шерсти, из которой в прошлом женщины изготавливали ткани, войлочные изделия и другие предметы рукоделия. В настоящее время рогатый скот нужен семье, главным образом, как источник мясо-молочных продуктов, необходимых

⁴³ Со слов 82-летнего жителя с. Члоу Очамчирского района Гамгия Куашв (записано автором в 1978 г.).

⁴⁴ Со слов 60-летнего жителя с. Верхняя Ешеыра Сухумского района Хуарцкиа Маази (записано автором в 1977 г.).

для личного потребления. Следует отметить, что в прошлом крестьянин-абхаз редко разводил свиней, в северо-западной части страны, где ислам оказал большее влияние, вовсе не разводят их и сегодня.

Таблица 3. Семьи, имеющие в своем хозяйстве скот⁴⁵

Село	Всего семей	из них имеют (в%)						
		коров	буйв.	коз	овец	свин.	лош.	пчел.
Арасад-зых	214	97,66	7,0	41,12	14,97	24,28	24,28	13,08
Отап	110	100,0	7,27	33,63	14,54	96,36	36,36	13,63
Тхина	242	99,58	16,52	17,35	6,61	98,34	35,53	9,09
Члоу	524	99,42	9,54	14,31	4,96	99,23	25,95	5,72
Джгерда	283	98,93	21,9	35,5	7,77	97,75	37,8	13,42
Гуп	403	98,51	16,12	24,73	3,72	99,25	22,33	9,92
Пакуаш	411	99,27	21,41	25,79	2,42	98,54	21,41	6,32
Итого:	2187	99,03	14,98	26,52	6,35	98,1	28,17	9,09
Атара	238	99,15	20,16	17,22	13,44	99,15	23,1	10,08
Моква	250	96,4	2,8	3,2	1,2	84,8	25,2	0,8
Итого:	488	97,74	11,27	10,04	7,17	91,8	24,18	5,32
Кындых	171	94,73	6,43	14,61	4,67	99,41	15,02	8,18

Из года в год убывает количество лошадей, служивших до недавнего времени главным образом для верховой езды. Ныне лошадь, особенно в низменных районах, используют и м качестве тягловой силы. Верховой ездой увлекаются в основном люди старшего поколения, у которых сохраняется еще традиционная любовь к коню⁴⁶. В еще большей степени интенсивно сокращается количество ослов – незаменимых вьючных животных в горных условиях. Их можно увидеть, как, правило, у пастухов.

Как известно, к традиционному виду хозяйственных занятий абхазов относится также пчеловодство. Еще в прошлом:

⁴⁵ Таблица составлена автором по данным похозяйственных книг 1976–1978 гг. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195

⁴⁶ Подробнее об этом см. Г. А. Амичба. Верховая езда абхазов (на абх. яз.). Сухуми, 1978.

столетии им занималось почти все население Абхазии, причем встречались хозяйства, имевшие по 600–800 колод⁴⁷. Кроме того, здесь можно было увидеть мириады диких пчел, гнездившихся по лесам и на горах по скалам⁴⁸. В настоящее время лишь 7,61 процента жителей имеют по несколько пчелосемей (см. таб. 2). Такой упадок пчеловодства в значительной мере объясняется сокращением лесных массивов, особенно, в приморской зоне, а также и химизацией сельского хозяйства.

Что касается домашней птицы, то в довольно значительном количестве разводят кур. Часто встречаются также индейки, утки и гуси. Первых держат главным образом в Бзыбской Абхазии.

В заключение следует сказать, что объем личного подсобного хозяйства сельской семьи у абхазов определяется, с одной стороны, природно-географическими условиями, а другой – формой и уровнем экономического развития общественного производства села, в котором она проживает. Семья компенсирует свой материальный недостаток продуктами от подсобного хозяйства. Денежные доходы от подсобного хозяйства невелики, так как почти вся продукция идет на личное потребление семьи. В целом, денежные доходы, получаемые от продажи излишних продуктов подсобного хозяйства, как и основные денежные заработки семьи, тратятся отчасти на покупку продуктов, таким образом, и па покупку одежды, мебели и другие нужды. Несмотря на повышение уровня и значение дохода колхозной семьи в Абхазии от общественного производства, подсобное хозяйство колхозника все еще играет значительную роль в общесемейном доходе. Так, в 1975 году доля доходов от личного подсобного хозяйства составила в семейном бюджете 41,5 процента⁴⁹. Таким образом, в колхозах доходы от общественного производства не заняли

⁴⁷ И. А. Аджинджал. Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969', с. 296.

⁴⁸ Ф. И. Доброхотов и др. Черноморское побережье Кавказа. Петроград, 1916, с. 366.

⁴⁹ Б. Ш. Ашуба. Оплата труда в колхозах. Сухуми, 1876, с. 15.

еще необходимого ведущего положения, как что наблюдается, например, в специализированных совхозах. У рабочих и служащих совхозов удельный вес финансовых поступлений из общественного хозяйства в 1,8 раза больше, чем у колхозников и достигает в общем доходе 93,0%, в том числе заработная плата составляет 78,8%, а доля дохода от личного подсобного хозяйства, наоборот, в 7,5 раза меньше и не превышает 5,5%⁵⁰. При этом следует отметить, что в целом «совокупный доход на семью по своему объему у колхозников несколько выше, чем у рабочих и служащих, (на 17,6%—в 1975 году). Однако в связи с различным составом семьи доход на одного человека у колхозников меньше, чем у рабочих и служащих, на 11,5%⁵¹.

Несколько слов о режиме дня изучаемой семьи.

Как известно, порядок работы и отдыха в семье зависит от образа жизни ее членов. Поэтому день в абхазской семье начинается очень рано. Старшие члены семьи поднимаются с постелей чуть забрезжит свет. Как правило, хозяин дома обходит все хозяйство, как бы проверяя наличие всех его объектов, заготовит дрова, разводит на очаге огонь, доит коров, буйволиц и коз, затем выгоняет их на пастбище. Вслед за ним или, скорее, одновременно с ним встает его жена, которая прежде всего выпускает домашних птиц, приносит свежей воды и приступает к приготовлению пищи. Через некоторое время поднимаются взрослые домочадцы и школьники. Между теми или иными делами хозяйка успевает постирать, помыть пол, подмести двор и заглянуть в огород. Закончив все эти мероприятия, обычно до восхода солнца, семья садится за стол. Во время завтрака она обсуждает предстоящие дела, после чего отправляется на работу.

Во время обеденного перерыва, семья вновь собирается и вместе принимает еду. При этом старшая женщина приходит домой раньше других и готовит пищу.

⁵⁰ Там же, с. 16.

⁵¹ Б. Ш. Ашуба. Указ. раб., с. 16

Заметим: в том доме, где есть взрослые дети, часть работ, которыми занимаются родители, делают они. В трехпоколенных семьях члены семьи, занятые общественным производством, частично освобождаются от домашних забот. Старики присматривают за детьми, ухаживают за скотом, садом и пр.

После обеда, особенно летом, во время прополки кукурузы, мужчины прилягут на часок во дворе, где-нибудь в тихом и прохладном местечке. Если нет никаких дел, то отдыхают и женщины, но только внутри дома или на балконе. Считается неприличным для женщины ложиться на виду у всех.

Рабочий день семьи длится вообще до самого захода солнца. Начало ужина зависит от сбора семьи.

Младшие члены семьи ложатся рано, а взрослые проводят время до позднего вечера.

Таким образом, чередование труда и отдыха абхазской сельской семьи весьма ритмично. Оно нарушается очень редко, в нем не бывает рывков, неожиданных изменений, которые могут его нарушить.

Распределение доходов. При изучении семьи немаловажный интерес представляет и вопрос распределения ее доходов.

Выше отмечалось, что подсобное хозяйство служит лишь источником натурального продукта, идущего в основном на личное потребление семьи. Однако, как уже было сказано, объем личного подсобного хозяйства определяется главным образом физико-географическим положением района, где проживает семья. В селениях горной зоны, например, размеры приусадебного участка в среднем несколько больше, чем в селениях приморья, что объясняется малоземельем у последних. Здесь мало также проселочных пастбищ, следовательно, нет возможности держать необходимое количество скота. Поэтому в селах приморской зоны и, тем более, в специализированных совхозах, где рабочие и служащие живут в коммунальных домах, одно из основных статей семейного расхода

да является покупка продуктов питания. К таким продуктам относятся, прежде всего, хлеб кондитерские и мясомолочные изделия. Например, в районах горной зоны эта статья расходов не имеет серьезного значения.

Если в дореволюционное время абхазские крестьяне почти не тратили денег на покупку одежды, то в настоящее время на приобретение ее приходится значительная доля расходом семьи.

Сельские жители расходуют заметную часть своих денежных доходов на улучшение жилищно-бытовых условий семьи. Не говоря уже о том, что почти каждая семья живет в двухэтажном доме, многие приобретают импортную мебель, сервизы, легковые автомашины и другие предметы быта, превратившиеся за последнее время в предметы необходимости. В таких селах, как Дурипш, Лыхны, Члоу и другие, где экономическая мощь общественного производства достигает максимума развития, в каждом четвертом-пятом дворе имеется «Жигули», «Москвич» и, нередко, «Волга».

Во многих семьях часть денежного дохода, зачастую и натурального, уходит на материальную помощь, которую оказывают члены семьи учащимся в высших или средних специальных учебных заведениях. Необходимо при этом отметить еще, что сельские жители материально поддерживают не только учащихся детей или младших братьев и сестер, но и других, проживающих в городе самостоятельно родственников, обеспечивая их необходимыми сельскохозяйственными продуктами. А в колхозах и совхозах, в которых функционируют дошкольные учреждения, семьи, дети которых посещают их, систематически уплачивают соответственные взносы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что в настоящее время абхазские сельские семьи тратят все больше денег на такие культурные и общественно-бытовые нужды, как, например, кино, концерты, покупка книг, выписка газет и журналов. В этой связи отметим, что доля семейных расходов на

проведение культурного досуга особенно высока в приморских селах, расположенных, как правило, недалеко от городов, куда часто приезжают жители, особенно молодые люди.

Одним из ярких показателей роста материального благосостояния абхазской сельской семьи является увеличение числа любителей путешествовать. Участились случаи выездов по туристским путевкам в различные районы нашей страны и за границу.

Вместе с тем, сельские жители совершают большие траты, порою даже выходящие за рамки семейного бюджета, на устройство свадеб, похорон и поминок, ставших в последние годы излишне пышными.

Для того, чтобы получить более точное представление о структуре семенных расходов, рассмотрим в качестве примера бюджет семьи жителя с. Моква Очамчирского района Ш. Шадания, состоящей из его самого, жены, троих детей и сестры. Как семья, относящаяся к группе семей служащих, ее доходы устойчивы. От работы в общественных учреждениях (Ш. Шадания вместе с женой работают в школе, а сестра его – в системе торговли) взрослые члены семьи получают 4248 руб. в год. На приусадебном участке они выращивают зерно, овощи, фрукты, виноград, имеют четыре коровы и пр. Следовательно, в данной семье зерно и мясомолочные продукты, как правило, не покупаются. Кроме того, Шадания имеет мандариновый сад, дающий ежегодно до двух-трех тонн плодов, более 60 плодоносящих корней фундуковых деревьев. В 1976 г. например, от продажи государству мандарина и ореха было получено 2500 руб. Таким образом, годичный доход семьи в целом составил 6748 руб. В том же году хозяин купил автомашину «Жигули – 21011», спальную гарнитур. Кроме того, у данной семьи были расходы, связанные с покупкой одежды, с уплатой за газ, электроэнергию, страхование и прочие услуги. Далее, семья получила от родственников и знакомых 13 приглашений на различные торжества, сопровождающиеся

по обычаю подношением подарков, на которые было израсходовано 870 руб. Другими словами, расходы данной семьи превысили ее доходы, примерно, на 1400 руб., которые пришлось занять у соседей⁵².

Следует при этом отметить, что если в структуре расходов, связанных, например, с приобретением культурно-бытовых товаров, между семьями, различными по социальной принадлежности, существует заметная разница, то в структуре расходов, делаемых по случаю приглашения на те, или иные празднества, нет никакого расхождения.

В основном, с ростом доходов семьи изменилась и структура ее расходов. Доход и расход, как две диаметрально противоположные, но взаимообусловленные стороны семейного бюджета, находятся в постоянном движении: на смену исчезающим статьям приходят новые, большинство из которых отвечает требованиям времени.

1.2. Жилищно-бытовые условия семьи

Одним из важнейших показателей материального благосостояния семьи является ее жилище⁵³.

Переместившись из глубины приусадебного участка на его лицевую часть, весь комплекс жилых построек абхазского крестьянина за последнее время подвергся значительному изменению. Более того, в отличие от известного типа поселения абхазов, характерного для дореволюционной Абхазии, колхозники приморских и, отчасти, холмисто-предгорных районов стараются строить свои дома вдоль центральных и проселочных дорог. А в районах горных сел, в силу их естественно-географического положения, разбросанный вид поселения остается пока ведущим.

⁵² Со слов Р. Шадания-Тарба записано автором в 1977 г. Архив АИЯ-ЛИ, ф. 2, д. 195.

⁵³ Подробнее об этом: В. Л. Бигвава. Жилые и хозяйственные постройки современной абхазской семьи. «Мацне», 1976, 1.

В прошлом единственным строительным материалом абхазский крестьянин считал лес, которым так была богата и сама Абхазия. Лишь в начале 60-х годов текущего столетия, по мере роста экономической мощи общественного производства, начинается массовое строительство жилища нового типа.

Современный жилой дом сельской семьи у абхазов представляет собой двухэтажное шлакоблочное или кирпичное здание, из шести-восьми комнат с одним или двумя (в Абжуйской Абхазии) балконами, которое крыто шифером или, реже, черепицей. Вместе с тем, следует отметить, что развитие новых форм абхазских домов происходит в одном направлении – по линии преобразования национального типа жилища – акуска / асааирта (трех или четырех камерный дощатый дом на сваях), применительно к требованию современной сельской жизни, с широким применением национальных элементов, строительного искусства.

Встречаются и постройки смешанного типа, второй этаж которых деревянный, а первый кирпичный. Подобные дома характерны, главным образом, для Абжуйской Абхазии. Таким образом, в современных домах абхазской сельской семьи переплетаются черты национальных жилищ и новые особенности в конструкции и планировке, отвечающие требованиям возрастающего ее культурно-экономического уровня. Штукатурка, побелка стен и потолка, двустворчатые двери и большие светлые окна являются неперенными условиями современного дома. Дощатый пол второго этажа дома окрашен коричневой масляной краской. Пол его первого этажа земляной, ибо нижняя половина дома взяла на себя все функции амацурта или апацха – прямоугольного плетеного из рододендрона жилища, покрывавшегося соломой, с открытым очагом в центре, где готовили пищу. Однако за последнее время начали стилать пол и на первом этаже из досок, видать, в скором будущем земляной пол уйдет в прошлое.

Обязательной принадлежностью жилого дома у юго-восточных абхазов является открытый камин, а у северо-западных – плита. То или иное обогревающее средство располагается в центре дома так, чтобы одновременно могло отапливать все комнаты. Как правило, в задней комнате, служащей помещением для приготовления пищи, имеется также печь, но за последнее время она начала уступать место газовой плите. В быт семьи прочно вошли также холодильники, стиральные машины, пылесосы и другие предметы необходимости. Таким же образом уступили место фабричным изделиям и старинные комоды, железные кровати, а также покрывала, скатерти, ковры и прочие вещи традиционного убранства, украшенные национальным орнаментом и разными узорами, сделанные руками абхазских женщин.

Нарядно и красиво стараются обставить особенно парадные комнаты, предназначенные для приема гостей. В комнатах для гостей, как правило, никто из членов семьи не живет. Распределение же жилых комнат находится в прямой зависимости от структуры семьи. Обычно старшие члены семьи располагаются в передней комнате нижнего этажа, ибо, по обычаю, в случае прихода гостей, которые пользуются правом посещения в любое время суток, первым из дома должен выйти и встретить их хозяин. Младшие же живут в комнатах верхнего этажа. Нередко встречается и такое, что весь второй этаж дома служит в качестве гостиной.

За последнее время в Абжуйской Абхазии рядом с главным жилищем начали строить вышеупомянутую апацху, в которой, как и прежде, над очагом коптят мясо и сыр (ашвах). Вместе с тем, она служит и символом уважения к национальной культуре и соблюдения священного закона гостеприимства, запрещающего даже закрывать ее двери.

В комплект жилых построек входит также аганюны или, как еще начали называть в Южной Абхазии, «аказарма», представляющая собой прямоугольное дощатое или, чаще,

шлакоблочное сооружение размером в 6х20 м. Во время торжественных и несчастных случаев в семье в ней накрывают столы для многочисленных гостей, в остальное время используется в хозяйственных целях.

Определенным изменениям подвергся и двор, который в силу продолжающих жить национальных традиций, до сих пор необходим дому и служит местом многолюдных сходов по время значительных семейных торжеств. С одной стороны, в связи с уменьшением размеров усадьбы, уменьшились его размеры, с другой стороны его обносят теперь не забором вертикально ставящимися кольями и горизонтальным направлением плетения, как это делали еще лет двадцать назад, а проволоочной сеткой, которую растягивают между железными столбами. В Бзыбской Абхазии распространена еще и живая изгородь из цитрусовых кустов. Разнообразны по своей форме и двустворчатые ворота, основным материалом которых служит также металл. Вместе с тем, перестали возводить над воротами особые навесы для защиты их от дождя.

Рост материального благосостояния современной абхазской сельской семьи позволил также усовершенствовать облик хозяйственных построек, делящихся, как правило, на две группы: 1) постройки земледельческого производства (кукурузник, винодельня и пр.) и 2) постройки животноводческого хозяйства (коровник, козлятник и др.). С сокращением количества домашнего скота сократилось и количество построек животноводческого хозяйства. Вместе с тем, следует отметить, что все хозяйственные постройки, в особенности животноводческие, независимо от их реконструкции и назначения, располагаются так, чтобы они не нарушали общий ансамбль жилищ, когда на него смотришь со стороны проезжей дороги, главным образом, не мешали двору в санитарно-гигиеническом отношении.

Коренные изменения произошли и в одежде. Как отмечает исследователь абхазского национального костюма Е. М. Ма-

лия⁵⁴, по материалам, форме и покрою одежда абхазов была приспособлена к условиям быта, основным трудовым процессам, а также географической среде, в которой с древнейших времен живет народ. Одежда являлась в основном продуктом домашнего производства. Материалами, употребляемыми для изготовления одежды, были льняное полотно, шерсть, шелк, хлопчатобумажные ткани. Комплекс основного костюма абхазов, как и других родственных им народов Кавказа, состоял из черкески, бешмета, узких штанов, на голове носили башлык или папаху, на ногах кожаную обувь, которую изготавливали из сафьяна. Общекавказским был также поясной набор, главной принадлежностью которого являлся кинжал.

Основная одежда абхазской женщины представляла собой простое длинное платье с затягивающимся поясом, прилегающее к талии, без воротника, с большим клинообразным вырезом на груди и длинными рукавами без манжет, но застегивающимися на конце плетеными пуговицами.

Под платьем женщины носили длинную рубашку из самодельной ткани и своеобразный, очень узкий корсет. Повседневно абхазки носили еще шаровары широкого фасона с очкурком. На голову надевали обычно два платка: один (нижний) небольшой треугольный – из белой бязи, другой (верхний) – более длинный и широкий прямоугольной формы, чаще – шерстяной⁵⁵. Все женщины без исключения носили деревянные ходули – акапкап, подошва которых изготавливалась из древесины шелковицы. Кроме того, крестьянки носили сафьяновые чуваки, а с появлением фабричной обуви – и туфли⁵⁶.

Выходная одежда детей почти ничем не отличалась от одежды взрослых. Только вместо черкески мальчики надевали суконные блузки. Дети привилегированных сословий, а

⁵⁴ Е. М. Маля. Мужская одежда абхазов конца XIX – начала XX вв. Известия ЛИЯЛИ, вып. VI, Тб., 1977..

⁵⁵ Ю.Г. Аргун. Изменение материальной культуры абхазов за годы Советской власти. Труды АГМ, вып. IV, Сухуми, 1974, с. 13..

⁵⁶ И.А. Аджинджал. Указ. раб., с. 372-173.

также, дети богатых крестьян носили черкески из красного, синего, зеленого, иногда белого сукна, разукрашенные золотыми галунами, с маленькими кинжалами и игрушечными пистолетами за поясом. На голову надевали белую папаху и белый башлык, а на ноги – красные сафьяновые ноговицы и чувяки⁵⁷.

В настоящее время старая самодельная хлопчатобумажные или грубошерстная одежда дореволюционного крестьянина стала музейной редкостью. Вместе с тем, совершенно забыто искусство прядения, тканья и других работ, являвшееся одним из первостепенных занятий женщин в прошлом.

Национальный костюм в настоящее время вытеснен европейским костюмом.

Поклонниками народной одежды являются пожилые люди. Во время общественных праздников, свадеб и похорон они одеваются в национальный костюм.

В горных и, отчасти, холмисто-предгорных районах мужчины средних лет носят в основном легкие шерстяные кители. Среди них распространены также костюмы, фасон которых напоминает повседневную офицерскую, форму, широкий пояс, азиатские сапоги, фуражка с большим козырьком или реже, папаха. Встречаются также люди, которые надевают национальные штаны, сапоги, и, вместе с тем, современный пиджак.

Национальная женская одежда совершенно исчезла, шьется она теперь только для сцены. В то же время характерной чертой для костюма пожилых женщин, как и пожилых мужчин, является темный цвет. Из черного материала женщины старшего возраста шьют себе кофту с юбкой и платье с длинными рукавами. Обувают туфли так же темного цвета на невысоких каблуках. Летом из головных уборов носят платок из шифона, а в зимнее время – шаль.

Дети носят также обыкновенную покупную одежду. Что касается молодых людей, то по костюму их трудно отличить

⁵⁷ И.А. Аджинджал. Указ. раб., с. 367.

от городских сверстников, являющихся в то же время распространителями моды среди сельской молодежи.

Наиболее консервативным элементом из составных частей материального быта абхазской сельской семьи является пища. Другими словами, независимо от социальной принадлежности, в любой семье придерживаются основных национальных блюд.

Обычная кулинария у абхазской сельской семьи состоит из растительных и мясомолочных продуктов, которые делятся на две основные категории: агуху – мучные блюда, и ацыфа, в которую входит все, что с агуху едят.

У абхазов, как и у других народов северо-западного Кавказа, роль хлеба играет абыста (адыг. – паста) – мамалыга. Остальные мучные кушанья, как, например, ачамыкуа – вареная в медовой воде крутая каша из кукурузной муки со свежим сыром, ачашв – слоенный пирог, ачаатша – вареники и т. п., по сравнению с абыстой, являющейся почти повседневным кушаньем, имеют второстепенное значение и готовят лишь от случая к случаю.

В силу того, что абыста совершенно пресная, подавляющее большинство блюд, вместе с которыми едят ее, отличается чрезвычайной остротой. Это прежде всего блюда из растительных продуктов, так называемые ацаара, среди которых наиболее простым в отношении технологии приготовления, и потому частым, является акуд – вареная и размешенная фасоль⁵⁸, заправленная аджикой, чесноком, свежим луком и прочими пряными растениями. При употреблении акуд, макая в него, едят прасу, соленые кольраби, огурцы и другие овощи. Часто готовят также разновидность данного блюда, т. н. акудрпапа (бзыб. акудеилыршшва) – фасоль крупного сорта, варенная и смешенная с растертыми зернами ореха, а также острыми приправами. Во многих горных селах, как повсюду

⁵⁸ Размешивание фасоли осуществляется при помощи акудршшига – небольшой палочки с восьмью плоскими спицами па конце.

это делали в прошлом, орех растирают яйцеобразным массивным камнем (апхныга) на плоской каменной терке (ахакьа) и, тем самым, из него выжимают ореховое масло (арашы), которым поливают блюдо для придания ему особого вкуса.

В число группы блюд ацаара входят также ахулчапа, апырчманчапа и ахуацчапа. Первое представляет собой нарезанные на мелкие кусочки соленые кольраби, заправленные тем же орехом. Апырчманчапа готовят из молодых побегов сассапарели, которые варят, затем растирают вместе с орехом, аджикой и сочными плодами граната. Такой способ приготовления и ахуацчапа, которое делают из молодых листьев крапивы. Причем это блюдо употребляют еще и как кушанье, обладающее многочисленными целебными свойствами.

Вышеназванные и другие блюда, относящиеся к группе ацаара, являются «семейными». Вместе с тем они считаются постными, поэтому не ставятся на праздничный стол. Не принято угощать ими и гостей. Для гостей предназначаются в основном мясные блюда.

Мясо употребляют в вареном и жареном виде. Вареное мясо едят с аджикой или острым соусом из алычи, а жареное – обычно с последним. По мнению абхазов, самое вкусное мясо это козлятина.

Любимым и часто употребляемым блюдом является также куриное мясо, жареное на вертеле у огня или вареное и заправленное острым ореховым соусом.

Заметим, что если во время приема гостей, сопровождающегося обильным угощением, приготовление мамалыги, пирогов и других блюд, в том числе и из куриного мяса, считается обязанностью женщины, то закалывание козленка или бычка, а также варка и раздача мяса – делом рук мужчин.

В домашнем быту многих жителей, особенно горных сел, широкое распространение имеют еще и такие исключительно вкусные мясные блюда, как акурма и атубар, способ приго-

товления которых требует высокого мастерства, кулинарного искусства⁵⁹.

Вообще, наличие мясомолочных продуктов в пищевом рационе семьи считалось и считается у абхазов непременным условием жизни. Человек, в доме которого отсутствовали данные продукты, подвергался насмешке, как лентяй.

Что касается собственно молочных изделий, то абхазам известно до десяти видов, среди которых особое место занимают сыр сулугун (ашвха или ашвлагун) и простокваша (ахарцвы). В свою очередь все жидкие молочные продукты, объединяющиеся под термином «абаадзатвы», пользуются широкой популярностью как необходимое, особенно детям и старикам, питательное вещество. Поэтому хотя бы один из них в обязательном порядке входит в меню семейного обеда абхазов.

Осенью, во время сбора урожая, из виноградного суслу, смешанного с кукурузной мукой, варят своеобразный кисель, т.н. акалмышь, который после остывания превращается в густую кашу. Кроме того, в этот горячий кисель погружают нанизанные на нитки зерна грецкого ореха или фундука, в результате чего они приобретают форму висячих палочек, подвергающихся затем сушке на солнце и над огнем. Лакомство это называется аджинжихуа. К роду лакомых кушаний относятся также высушенные кусочки яблока, нанизанные также на нитки (ацварюа), и сухое варенье из инжира в виде

⁵⁹ Акурма заготавливают из сердца, печени, почек и других внутренних частей крупного рогатого скота. Для этого их отваривают и нарезают на кусочки, затем солят, заправляют острыми приправами и кладут в котел, где содержимое жарят в животном жире. Хранится акурма в глиняном сосуде. Перед употреблением подогревают. Агубар делают только из внутренности козы. При этом кишки животного нарезают на куски длиной с локоть. А желудок разделяют г таким расчетом, чтобы в каждый кусок завернуть определенную часть жира, обсыпанную солью, и обвязать кишкой. Таким образом, эти куски приобретают форму колбасов. Затем, обсыпав еще раз солью, кладут на несколько дней в глубокую посуду, после чего нанизывают их поперек на палочки и коптят над огнем. Перед употреблением агубар жарят на вертеле у огня.

лепестков. Те и другие лакомства служат, как правило, в качестве закуски к водке.

Как уже упоминалось выше, стол, накрытый для приема гостей, на свадьбе и другом семейном торжестве, не мыслится без вина и водки. Причем, любое застолье начинается с подачи водки; пьют ее немного, затем подают вино, которое пьют до конца трапезы. В обыденной жизни вино подается к обеду, где выпивают два-три стакана.

Прием пищи производится три раза в день, во время которого, как правило, собирается вся семья. Обычно каждый раз принимают горячую пищу. Утром и вечером предпочитают молочные продукты, на обед – преимущественно острые и мясные блюда. К тому же сначала едят острые, затем – мясные, а молочные – в последнюю очередь.

Ассортимент блюд зависит, главным образом, от времени года. В летний период употребляют в основном сыр и простоквашу, а зимой – мясо.

Нужно сказать, что абхазская кухня обогатилась и некоторыми неместными продуктами питания. Прежде всего, к таким относятся сахар, масло, макароны и др. В селах, расположенных в окрестностях города, а также в ряде совхозов, готовят иногда широко распространенные европейские блюда. Здесь чаще, чем в отдаленных селах, пьют также чай, в народе считавшийся прежде напитком для больных. Некоторые вытеснения в данных местностях республики традиционных блюд и продуктов объясняется, с одной стороны, влиянием городской культуры, с другой – нехваткой в них сельскохозяйственных продуктов.

В целом же современная абхазская кухня не только сохранила традиционный состав блюд, но получает широкое распространение и среди представителей других народов, населяющих ныне Абхазию. Как правильно отмечают многие авторы, это объясняется высокой питательностью и особыми вкусовыми качествами абхазской национальной кухни.

В отличие от прошлого, когда всеми кухонными делами ведала жена главы семьи, в современной абхазской семье пищу готовит наиболее свободная от работы в общественном производстве женщина. В семьях, в которых живут родители и дети, приготовлением пищи занимается мать. В трехпоколенных семьях эту обязанность берет на себя свекровь, естественно, если она физически справляется с нею.

В то же время, в подавляющем большинстве случаев, до сих пор, во время приема пищи придерживаются некоторых традиционных обычаев. Так, при мойке рук соблюдается старшинство. В тех семьях, где вместе с молодыми живут старики, невестка накрывает на стол, обслуживает семью, убирает со стола, только после этого садится за стол.

В присутствии гостей молодые женщины за стол с мужчинами не садятся. Обычно, особенно в двухпоколенных семьях, все члены, независимо от возраста и отношений, садятся за один стол.

Важно отметить также, что в настоящее время, даже в горных селах, никто не пользуется низким длинным и узким столом – аишва; он уступил место фабричному столу. Следовательно, вышел из употребления и трехножный столик, предназначенный специально для главы семьи. Исчезли также низкие стулья, как удлиненной, так и короткой или круглой формы. Коренным изменениям подверглась и кухонная утварь. Вместо деревянных мисок, ложек и прочих предметов в быт вошли фаянсовые тарелки, стеклянные и хрустальные стаканы, фужеры, серебряные ножи, вилки и другие составные части столового сервиза.

ГЛАВА 2

СТРУКТУРА И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЬИ

2.1. Структура

Форма и поколенный состав. Семья, как продукт общественной системы, изменяется со временем и зависит от той или иной исторической эпохи, основывающейся на определенном способе производства. Развитие абхазской семьи подчинено этой же закономерности. Значительным преобразованиям она подвергалась особенно в течение последних десятилетий. Эти изменения сказались буквально на всем механизме ее внешнего строя⁶⁰.

Господствующей формой семьи во всех районах современной Абхазии является малая семья, состоящая из супружеской пары и детей. Вместе с тем встречаются и такие малые семьи, в которые входят и престарелые родители, ибо по традиции один из сыновей должен оставаться в отцовском доме. Поэтому их можно разделить на два типа: 1) супружеская пара с неженатыми и незамужними детьми, 2) супружеская пара с женатым сыном и внуками.

Следующая форма семьи – это сложная по всей структуре семья, насчитывающая не только родственников по восходящей и нисходящей линии, но и боковых. Исходя из своей природы, она может иметь четыре основных типа: 1) супружеская пара с женатым сыном, неженатыми и незамужними детьми, внуками; 2) супружеская пара с двумя или более женатыми сыновьями, неженатыми и незамужними детьми и внуками; 3) супружеская пара с неженатыми братьями и незамужними сестрами; 4) женатые братья с детьми, неженатыми братьями и незамужними

⁶⁰ В. Л. Бигвава. Структура современной семьи у абхазов. «Алашара», Сухуми, 1976.

сестрами. В любой из этих семей могут быть также тети, дяди, племянники и другие, более дальние родственники, в зависимости от их возраста и физического состояния.

Как известно, в советской этнографической литературе такая сложная по своему строению семья обозначается как «неразделенная семья», а абхазы называют ее атаацваду⁶¹, что говорит о существовании у них в недалеком прошлом большой семьи. Такая форма семьи, – писал М. О. Косвен, – «была свойственна всем без исключения народам Кавказа на соответствующем этапе их истории⁶². П. Державин, побывавший в Абхазии в 1903 г., зафиксировал два двора, в одном из которых жили десять семейств, ведших отдельное хозяйство, в другом – восемь. По его сведению, этой семье предшествовала т. н. семейная община, в состав которой входило несколько поколений ближайших родственников⁶³. О существовании в Абхазии большой семьи параллельно с малой говорят также и факты, приводимые Ш. Д. Инал-ипа в монографии «Очерки по истории брака и семьи у абхазов»⁶⁴.

По всем данным, разложение классической формы большой семьи у абхазов началось задолго до XIX века, так как

⁶¹ По-видимому, этимология слова «атаацва» или «атахцва» (бзыб) понимается как «родственники» (от «атахы» – нужный, желанный, свой и «цва» – окончания существительных множественного числа разумного класса). Для обозначения же понятия «дальние родственники», в круг которых входят обычно однофамильцы отца, матери, бабушек и др., имеется термин «ауацва», состоящий из «ауаа» – люди (в смысле «наши») и известного нам уже окончания «цва». Интересно и то обстоятельство, что понятие «Фамилия» звучит как и термин «ажвла», что буквально значит «семья». Все это наталкивает на мысль, что слово «атаацва» зародилось с возникновением внутри относительно большой общественной организации более узкой социальной группы, включающей в свой состав только кровных родственников

⁶² М. О. Косвен. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 102.

⁶³ Н. Державин Абхазия в этнографическом отношении. СМОМПК, XXXVIII, Тифлис, 1907, с. 4–5.

⁶⁴ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазом Сухуми, 1954.

до сих пор еще никому не удавалось зафиксировать ни одного материала, подтверждающего её существование в том или ином периоде времени. Но не исключена возможность существования пережиточных форм семейной общины в горных районах Абхазии даже вплоть до коллективизации сельского хозяйства. Полевой этнографический материал говорит в пользу последнего предположения.

При низком уровне производительных сил существование большой семьи было реальной необходимостью для поддержания благосостояния семьи, ибо экстенсивно-отгонная форма ведения скотоводства (мелкий рогатый скот с преобладанием коз), являвшегося в то время в горной части Абхазии ведущей отраслью сельского хозяйства, требовала большого количества рабочих рук.

Как отмечает В. Итонишвили, и «в Грузии и Армении уровень социально-экономического развития между горными и равнинными районами был неодинаков. В соответствии этим в горных районах Грузии и Армении, в отличие от равнины, более длительное время сохранились пережитки древнейших социальных институтов, в том числе и большие семьи»⁶⁵.

О существовании же до недавнего времени сравнительно сложных по своей структуре и больших по численности крестьянских семей сообщают многие представители старшего поколения. Так, по словам 77-летнего Рата и 72-летнего Баджгура Багателиа, проживающих в горном селении Ачампазра Очамчирского района, семья их деда, Джидж, состояла из самого его, жены, четверых женатых сыновей, внуков и младшего, не состоящего в браке, сына.

Родители, т. е. глава семьи, в руках которого была сосредоточена вся полнота власти в семье, и его жена, вместе с младшим сыном (информаторы не помнят его имени) жили в

⁶⁵ В. Итонишвили. Кавкасиис халхта саоджахо копа (Домашний быт народов Кавказа). Тб., 1977, с. 193

«большом доме», (аюнду), женатые сыновья со своими женами и детьми – в отдельных жилищах, т. н. амхара, располагавшихся во дворе отцовского дома. Все члены семьи питались вместе у очага «большого дома», как говорится, из одного котла.

Схематически структура этой семьи, представлявшей родственный коллектив из трех поколений численностью в 36 человек, выглядела так:

Джидж и его жена

- с. Ута и его жена
- с. Дырсын и его жена
- с. Куч и его жена
- с. Хакуцв и его жена
- с. младший (имни не помнит)

Ута и его жена

- с. Джыр
- с. Куана
- с. Иуана
- с. Нача
- д. Цхьыбб
- д. Чыку
- д. Лидя
- с. Естата

Дырсын и его жена

- с. Чичи
- д. Куакуа
- с. Чьж
- с. Тарас
- с. Баджгур
- с. Хуана

Куч и его жена

- д. Хьфаф
- с. Шьыкур
- д. Чаку
- д. Сопя
- д. Машькуа

Хакуцв и его жена

- с. Темыр
- с. Рата
- д. Цац
- д. Лида
- д. Соня
- д. Маруся⁶⁶

Главным занятием семьи было скотоводство. Она располагала большим стадом коз и овец, насчитывавшим, соответственно, 800 и 200 голов. В хозяйстве имелись также коровы, быки, лошади и др. Из зерновых выращивали кукурузу, просо и немного пшеницы.

Коллективная собственность, производственное и потребительное единство семьи, являвшиеся основой ее существования, требовали и коллективной формы труда. В ведении хозяйства равное участие принимали все взрослые члены семьи. В то же время в ней существовало четкое разделение труда с соблюдением половозрастной градации. Закрепление за отдельными членами семьи того или иного вида работы зависело, главным образом, от способности и умения каждого из них. Если три брата во главе с отцом занимались скотоводством, то на плечи других братьев ложилось земледельческое хозяйство.

Взрослые женщины занимались домашними делами, в круг которых входили: приготовление пищи, поддержание чистоты

⁶⁶ Бквы: ж,с,д, пс, пд используются соответственно для обозначения «жена», «сын», «доч», «племянник», «пасынок», «падчерица».

в доме, изготовление одежды, участие в полевых работах во время сева и уборки урожая и, главным образом, воспитание детей. Ими руководила жена главы семьи – апшма-пхус. Ее первой помощницей была жена старшего сына, которая пользовалась наибольшим авторитетом среди других невесток.

Мальчики оказывали посильную помощь мужчинам, а девочки – женщинам, прежде всего – своим матерям.

Данная семья начала распадаться лишь через десять лет после смерти Джиджа⁶⁷.

Наглядным примером пережиточной формы большой семьи может служить также названная уже в первой главе работы семья Хуарцкиа Аслангери, проживавшая в селе Верхняя Ешыра. Она объединяла как прямых родственников, так и боковых и даже приемных. У самого Аслангери было три женатых сына со своими детьми и три незамужние дочери. С ними же жил женатый, имевший также детей, племянник Аслангери (брата сын), которого он взял к себе еще ребенком после смерти родителей последнего. Помимо того, Аслангери воспитал еще трех подростков-пасынков по фамилии Царгуш. Таким образом, и данную семью входило 30 человек.

Алгери и его жена

- с. Батыт
- с. Къамшишь
- с. Куагу
- д. Куагуса
- д. Чкурцыс
- д. Зиза

Батыт и его жена

- с. Султан
- д. Сончка

⁶⁷ Полевой материал автора, записанный в мае 1973 г. со слов указанных лиц. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

Къамшишь и его жена

- п. Бесят и его жена
- с. Отарбеи
- д. Цица
- д. Хабиба
- д. Шъакуа

Куагу и его жена

- с. Грышьа
- с. Хумса
- д. Тамара
- д. Адилей
- с. Маази
- с. Жора
- с. Ладикуа
- с. Нурбей

пс. Мсурат

- пс. Кадыр
- пс. Ася

Когда братья Царгуш выросли и стали самостоятельными, Аслангери построил им дом в селе Ачандара Гудаутского района, где жил их отец, отдал несколько голов крупного и мелкого рогатого скота, двух лошадей, необходимое количество постели и предметы первой необходимости.

Аслангери умер в конце 20-х годов в возрасте 111 лет. Главенство механически перешло к его племяннику, Басяту, так как он был старше других мужчин в семье. Разделение данной семьи на самостоятельные малые семьи началось после завершения коллективизации сельского хозяйства в крае⁶⁸.

Совместное проживание боковых родственников второго колена в одном доме имело распространение и у других кав-

⁶⁸ Полевой материал автор написал в 1977 г. (со слов Маади Хуарцкиа).

казских народов. Например, у осетин еще в XIX веке часто встречались факты существования больших семей, в которых нераздельно жили двоюродные братья, а также семейные братья *и их* семейные племянники»⁶⁹.

Во время моих полевых работ я встретился с рядом информаторов, в сообщениях которых говорится о существовании в Абхазии относительно больших семей еще в начале тридцатых годов текущего столетия. Если подобные семьи, «которые представляли собой единый хозяйственный коллектив, спаянный еще сильнее единством идеологического порядка»⁷⁰, нередко встречались в горных районах в указанное время, то в низменных, особенно в приморских селах, большие семьи считались исключительными явлениями. Это в значительной мере объясняется естественно-географическим положением этих районов, которые в свою очередь раньше подвергались проникновению капиталистического способа производства.

По сообщению 70-летнего жителя села Моква, расположенного на стыке холмисто-предгорной и приморской зон, Атарба Гриши, уже в двадцатых годах в этой общине самой многочисленной семьей была семья Атарба Иуаны, которая состояла из его самого, жены, Хауа, четырех женатых сыновей со своими детьми и трех неженатых сыновей. Этот семейный коллектив, объединявший в своем составе 26 человек, начал распадаться в порядке старшинства на отдельные семьи после смерти отца. Однако, выделившиеся сыновья построили себе дома недалеко от «большого дома»⁷¹. По данным другого же информатора, жителя приморского села Тамш, Бжания Алцыку (90 лет), еще в конце прошлого столетия здесь не было ни одной большой семьи, кроме семьи его деда Кыпа, в которой помимо самих родителей проживало четверо женатых сыновей со своими детьми. У старшего сына, Кута, было семеро детей, у следующего,

⁶⁹ З.Д. Гаглойти. Семейно-родственные коллективы у осетин. КЭС, V, 2, Тб., 1979, с. 9.

⁷⁰ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 466.

⁷¹ Полевой материал автора 1974 г. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

Ашхангери, – четверо, у третьего, – Тахуц, – пятеро и столько же у младшего сына, Фат. Таким образом, эта семья состояла из 31 человека. Занималась она, как и другие жители равнины, земледелием, но в хозяйстве имела около 30 коров, буйволиц, две пары волов и четыре верховых лошади. Коз и овец семья не держала, так как в селе Тамш много сырости, в условиях которой мелкий рогатый скот плохо уживается.

Основной причиной сохранения данной большой семьи до указанного выше периода информатор назвал не экономический фактор, игравший решающее значение в жизни, а опасность насилия со стороны чужеродцев⁷². В действительности, известно, что до окончания Русско-турецкой войны 1877–1878 г. г. в приморских районах Абхазии разгуливали разбойники, которые под турецким подстрекательством воровали людей и продавали в рабство. Как метко подметил А. Х. Магометов, в условиях Кавказа «большая семья в общественном отношении имела большой вес, чем малая семья»⁷³. Поэтому этот фактор долго поддерживал существование больших семейств.

Живым свидетельством существования большой семьи в недавнем прошлом в Абхазии может служить также наличие особых родственных патрилинейных групп, являвшихся, видимо, ее пережиточной формой. Образовались они в результате распада семейной общины и выделения моногамных семей, между которыми и сегодня сохраняются родственные связи, а также и некоторые хозяйственные отношения. Чаще всего семьи одной родственной группы живут по соседству. Во многих горных, отчасти и холмисто-предгорных, селениях встречаются факты проживания нескольких братьев в домах, которые имеют общий двор. Таковыми являются, например, сыновья Ломиа Гуадж (с. Арасадзых) сыновья Цвижба Пшкана (с. Члоу), Дбар Блата (с. Блабырхуа) и др. Естественно, та-

⁷² Полевой материал автора 1978 г. Архив АИЯЛИ, т. 2, д. 195.

⁷³ А.Х. Магометов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 317.

кое близкое соседство способствует поддержке как родственных, так и экономических контактов. Хорошо известно, что переселение любой из этих семей даже в другой поселок приводит к ослаблению всяких отношений с другими семьями.

Современная неразделенная семья, которую абхазы по привычке называют «атаацваду», в отличие от¹ пережиточной формы семейной общины, встречавшейся еще в 20-х и, отчасти, 30-х годах XX в., представляет собой более упрощенный вариант и является лишь последней стадией большой семьи или начальной формой малой семьи. Из обследованных мною семей такие семьи составляют единицы и стоят на грани исчезновения.

Одним из важных компонентов структуры любого типа семьи является ее поколенный состав, в значительной мере обуславливающий внутреннюю организацию семьи, ее быт. Для определения поколенного состава семьи мною были рассмотрены данные похозяйственных книг 14 сельсоветов, охватывающих всего 4578 семей (табл. 3).

Анализ имеющихся материалов показал, что, исходя из поколенного состава, все семьи могут быть разбиты на четыре группы, каждой из которых соответствуют определенные типы семей. В наиболее многочисленную группу семей входят двухпоколенные семьи (61,94%), состоящие из родителей и детей. В число двухпоколенных семей входит также и четвертый тип неразделенных семей. Но последние, как говорилось выше, встречаются редко. Второе место занимает группа трехпоколенных семей, охватывающих второй тип малой семьи, первый и второй типы неразделенных семей. Такие семьи составляют 22,25%. За ней следуют неполные семьи, то есть семьи в одно поколение (15,59%). Чаще таковыми являются одинокие женщины или, реже, мужчины, супружеская пара, дети которой переехали в город, и т. п. Замыкающую группу составляют четырехпоколенные семьи, которые встречаются как исключительные явления. Мною зафиксировано всего семь семей.

Таблица 4. Поколенный состав семьи⁷⁴

Село	Всего семей	в том числе семьи, состоящие из											
		1 поколений		2 поколений		3 поколений		4 поколений					
		чис.	%	чис.	%	чис.	%	чис.	%				
Арасадзых	214	23	10,74	113	52,8	56	26,16	—	0,93	—	—	—	—
Отап	110	10	9,09	75	68,18	24	21,81	1	0,9	—	—	—	—
Тхина	242	20	8,28	160	66,11	62	25,61	—	—	—	—	—	—
Цлоу	524	36	6,87	328	62,5	158	30,15	2	0,38	—	—	—	—
Джгерда	283	56	19,78	162	57,24	65	22,95	—	—	—	—	—	—
Пакуаш	411	49	11,92	256	62,28	106	25,79	—	—	—	—	—	—
Хуап	159	29	18,23	92	57,86	38	23,89	—	—	—	—	—	—
Итого:	1943	223	11,47	1206	62,06	509	26,19	5	0,25	—	—	—	—
Атара	238	48	20,16	136	57,14	54	22,62	—	—	—	—	—	—
Кутол	768	93	12,1	507	66,01	168	21,87	—	—	—	—	—	—
Дурипш	601	68	11,31	386	64,22	146	24,39	1	0,16	—	—	—	—
Итого:	1607	209	13,0	1029	64,03	368	22,89	1	0,06	—	—	—	—
Кындых	171	41	23,97	98	57,3	31	18,1	1	0,58	—	—	—	—
Адзюбжа	233	38	16,3	145	62,23	48	20,6	2	0,85	—	—	—	—
Мгудзырхуа	370	112	30,27	224	60,54	34	9,18	—	—	—	—	—	—
Куланьрхуа	254	91	35,82	134	52,75	29	11,41	—	—	—	—	—	—
Итого:	1028	282	28,43	601	58,46	142	13,81	3	0,29	—	—	—	—
Всего:	4578	714	15,59	2836	61,94	1019	22,25	8	0,17	—	—	—	—

⁷⁴ Таблица составлена автором по данным похозяйственных книг 1076–1978 гг. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

Чаще всего семьи в трех поколениях встречаются в горных селах, где они составляют более 26 процентов, а однопоколенные – в приморской зоне (27,43% против 11,47% в горных районах). Относительно высокий процент трехпоколенных семей в горной зоне объясняется отдаленностью того или иного селения от городов и, частично, пережитками прошлого, поощряющими совместное проживание одного из сыновей с родителями. Сравнительная же многочисленность однопоколенных семей в селах приморской зоны вызвана главным образом значительным притоком рабочей силы из этих местностей в соседние города, расстояние между которыми позволяет оказывать непрерывную помощь родителям, оставшимся жить в деревне.

Следует отметить также, что в число двух и, чаще, трехпоколенных семей могут быть включены, как было уже отмечено, не только близкие родственники. Нередко можно встретиться с фактами совместного проживания овдовевшей женщины с родителями своего умершего мужа, которым оказывает материальную помощь. В свою очередь и старики помогают воспитывать детей. Вполне возможен случай, когда вдова живет вместе с семьей брата своего умершего мужа. Примером может служить семья жителя села Киндги Очамчирского района Шамиля Лакуатаа, которая состоит из его самого, жены, овдовевшей сестры, жены погибшего на войне его брата с ее женатым сыном. Случается, что овдовевшая женщина воспитывает своих детей в семье своего младшего брата, проживающего в отцовском доме.

Изредка встречаются семьи, в которых на иждивении молодых супругов находится мать или сестра жены, тогда как не зафиксировано ни одного случая проживания в семье зятя тещи или шурина, так как, по традиции, всю ответственность за нуждающегося в помощи старика берут на себя, прежде всего, близкие однофамильцы.

В ряде сел можно встретить единичные факты поселения зятя в доме родителей жены, известного под названием ахатва (букв. «сидящий на голове»). Лишь в редких случаях муж сам переселяется в дом родителей жены. Этот непопулярный в народе вид брачного поселения обусловлен главным образом желанием родителей единственной дочери сохранить за ней право наследования имуществом. «В противном случае оно могло перейти к другим их ближайшим родичам»⁷⁵. Ныне наследование имуществом уступает место долгу перед родителями, нуждающимися в повседневной помощи, ибо молодые супруги, принимающие активное участие и общественном производстве, не испытывают серьезных материальных затруднений. Повторюсь, примачество, как и прежде, считается необычным явлением, но в отличие от прошлых времен, получает некоторое одобрение со стороны общественного мнения, как как к нему прибегают только в том случае, если в этом есть крайняя необходимость.

Следует отметить также еще, что примачами являются, и оспой ном, мужчины абхазской национальности.

Численный состав семьи. Одной из характерных особенностей сельской семьи у абхазов является ее сравнительная многочисленность. Если средний размер абхазской городской семьи составляет 4,0 человека, то в сельских районах он равняется 4,9⁷⁶.

Как видно из таблицы 5, наибольшее число сельских семей включает в свой состав шесть человек, второе место занимают семьи, состоящие из пяти человек. За ними следуют семьи, из трех и четырех человек. Что касается городской семьи, то самой многочисленной является группа семей, состоящих из четырех человек, на втором месте стоят семьи из трех человек.

⁷⁵ Народы Кавказа. М., 1962, ч. 2, с.408.

⁷⁶ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М., 1974, т. VII, с. 368-369.

Полевой материал, собранный мною в 16 селах республики, показывает, что соотношение семей различной численности в разных физико-географических зонах неодинаково. Как правило, многочисленные семьи встречаются в основном в горных селах. Так, самые крупные семьи, число членов которых превышает 11–12 человек, зафиксированы в Арасадзых, Отап (Очамчирский район), Хуап (Гудаутский район) и других селениях. Если, например, из 214 семей села Арасадзых 15 семей состоят из 10 и более человек, то в приморском селе Адзюбжа, где 233 двора, имеется только одна такая семья. Семей из 9 человек здесь насчитываются только 2, тогда как в Арасадзых их 15 (см. табл. 4).

Наблюдаемая разница в количестве многочисленных семей обуславливает различие в среднем размере семьи разных районов. Так, средний размер семьи в селах горной и холмисто-предгорной зон составляет немногим более, 4,9 человека, а в районах приморских селений – 4,3.

В целом, из общего числа обследованных мною семей наибольшее число приходится на семьи, включающие в свой состав 6 человек. Такие семьи составляют 16,34 процента. Второе место занимает группа семей, состоящих из пяти человек (15,04%). На долю всех остальных групп вместе взятых приходится не многим более 68 процентов, в том числе на долю семей-одиночек – 9,05%, семей в два человека – 12,28% и т.д. Семьи, состоящие из 10 и более человек, составляют 2,81% от общего числа обследованных семей.

Как известно, размер семьи находится в прямой зависимости от детности, т. е. от количества детей в семье. Имеющийся материал наглядно показывает, что в абхазской сельской семье численность детей так же, как и общая численность семьи, находится в зависимости от физико-географической зоны и от ее социальной принадлежности. Как правило, семьи, в которых имеются более 8–10 детей, встречаются только в горных селениях. Обычно это нуклеарные семьи колхозников, все

взрослые члены которых заняты физическим трудом. Сравнительный анализ материалов о численности семьи, в зависимости от ее социального положения, приводит к заключению о том, что семьи работников совхозов всюду уступают семьям колхозников. Вместе с тем наиболее многодетными в совхозах, как и в колхозах, являются семьи рабочих неквалифицированного ручного труда

Интересно, что рост экономического благосостояния семьи не способствует повышению численности детей в ней. То есть не фиксируется существование прямой зависимости между этими двумя величинами. В настоящее время исследователи семьи и семейного быта в нашей стране приходят к мнению, что основным регулятором численности семьи служат не экономические факторы, а социальные. На первом месте стоит здесь образование.

В. А. Белова отмечает, что образование, как одно из характеристик личности, влияет на стиль жизни, круг интересов, систему потребности. Чем выше уровень образования, тем ниже плодовитость, так как чем выше образование женщины, тем больше она дорожит своей работой, вследствие большого профессионального интереса к ней у нее шире круг интересов, выше потребности в свободном времени, вместе с тем большая потребность к воспитанию детей⁷⁷.

Аналогичная картина наблюдается и в Абхазии, где с ростом экономического благосостояния сельских семей увеличивается и удельный вес женщин, имеющих не только среднее, или средне-специальное образование, но и высшее. В результате выявляется тенденция к сокращению детности, от которой зависит вообще её численность семьи⁷⁸.

⁷⁷ В. Л. Белова. Число детей в семье. М., 1975, гл. IV.

⁷⁸ Для сравнения укажем, что до массового выселения абхазов в Турцию средняя численность абхазской сельской семьи составляла 6–7 человек, а уже в 1926 году – 5,3 чел. (см. Ю. Г. Аргун. Современный быт и культура бзыбских абхазов. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук). М., 1971, с. 15–16.

Если в начале текущего столетия встречались такие сѣмьи, как семья Тарба Кадыра (с. Моква), в которой имелось 18 детей⁷⁹, или Багателиа Джабаси (с. Ачампазара) – 11 сыновей и 6 девочек⁸⁰, то в настоящее время во всех районах республики не найти ни одной брачной пары, число детей которой превышало бы 14 душ. Причем количество таких многодетных семей ежегодно сокращается. Так, согласно статистическим данным, численность матерей с 11 и более детьми уменьшилась с 53-х в 1956 г. до 20 человек в 1972 году⁸¹. В результате почти вдвое уменьшился и естественный прирост населения республики. Если в 1940 г. прирост населения Абхазии на 1000 жителей составлял 17,1 человек (городское – 12,3% сельское 19,1%),»то в 1972 г. – 9,3 (городское – 8,2%, сельское– 10,1 %)»⁸².

Таким образом, причины процессов, изменяющих структуру семьи у абхазов, как и у других народов нашей страны, кроются в общих социально-экономических и культурных сдвигах, происшедших за годы Советской власти.

2.2. Внутрисемейные взаимоотношения

Глава семьи. Внутренняя организация семьи в той или иной мере зависит от ее структуры. Она, как и последняя, подвергалась значительному преобразованию, ибо, являясь формой, структура оказывает известное воздействие на внутренний строй семьи представляющий ее содержание.

⁷⁹ Со слов 62-летней жит. с. Моква Очамчирского района Атарба Маницы записано автором в 1976 г.

⁸⁰ Со слов вышеупомянутого информатора Багателиа Баджгур записано автором в 1973 г.

⁸¹ Народное хозяйство Абхазской АССР. Тб., 1973, с. 66.

⁸² Там же, с. 62.

Таблица 5. Численный состав семьи у абхазов по данным похозяйственных книг⁸³

Село	Всего семей	В том числе семей, состоящих из					
		1 человека		2 человек		3 человек	
	чис.	%	чис.	%	чис.	%	
Арасадзых	214	12	5,6	24	11,21	19	8,87
Отап	110	4	3,63	17	15,45	15	13,63
Тхина	242	17	7,04	30	12,39	23	9,5
Члоу	524	29	5,53	46	9,16	72	13,74
Джгерда	283	20	7,06	48	16,25	36	12,72
Гуп	403	47	11,66	40	9,92	31	7,69
Пакуаш	411	39	9,48	48	11,67	48	11,67
Хуап	159	16	10,06	17	10,69	25	15,72
Итого:	2346	184	7,84	270	11,5	269	11,46
Атара	238	30	12,6	34	14,28	25	10,5
Кутол ⁸⁴	768	51	6,64	60	7,81	99	12,89
Дурипш	601	26	4,32	70	11,64	67	11,14
Итого:	1607	107	6,65	264	10,2	191	11,88
Кындых	171	22	12,86	25	14,61	25	14,61
Адзюбжа	233	30	12,87	24	10,3	38	16,3
Тамыш ⁸⁵	246	35	14,22	39	15,85	30	12,19
Мгудзырхуа	370	51	13,78	68	18,37	55	14,86
Куланыхуа	254	44	17,32	52	20,47	35	13,77
Итого:	1274	182	14,28	208	16,32	183	14,36
Всего:	5225	473	9,05	642	12,28	643	12,3

⁸³ Таблица составлена автором по данным похозяйственных книг 1976–1978 гг. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

⁸⁴ В с. Кутол проживают также 228 грузинских семей, в т. ч. семьи из. 1 чел. – 3,38%, 2-х чел. – 5,26%, 3-х чел. – 12,71%, 4-х чел. – 10,52%, 5 чел. – 18,85%, 6 чел. – 22,8%, 7 чел. – 10,08%, 8 чел. – 6,14%, 9 чел. – 5,20%, 10 чел. – 3,94%.

⁸⁵ В с. Тамыш проживают еще представители других национальностей. В данное число входят только абхазские семьи.

Продолжение таблицы 5.

Село	Всего семей	В том числе семей, состоящих из					
		4 человека		5 человек		6 человек	
	чис.	чис.	%	чис.	%	чис.	%
Арасадзых	214	17	7,94	28	13,08	33	15,42
Отап	110	18	16,3	20	18,18	14	12,72
Тхина	242	31	12,8	39	16,11	38	15,7
Члоу	524	76	14,15	86	16,41	67	12,78
Джгерда	283	41	14,48	38	13,42	42	14,84
Гуп	403	59	14,64	63	15,63	75	18,61
Пакуаш	411	38	9,2	63	15,32	72	17,51
Хуап	159	16	10,06	25	15,72	23	14,46
Итого:	2346	296	15,43	362	15,43	364	15,51
Атара	238	23	9,66	40	16,8	42	17,64
Кутол ⁸⁶	768	79	10,28	119	15,49	154	20,05
Дурипш	601	94	15,64	101	16,8	108	17,97
Итого:	1607	196	12,19	269	16,17	304	18,91
Кындых	171	16	9,35	15	8,77	30	17,54
Адзюбжа	233	42	18,02	31	13,3	36	15,45
Тамыш ⁸⁷	246	35	14,22	47	19,1	39	15,85
Мгудзырхуа	370	44	11,89	42	11,35	51	13,78
Куланыхуа	254	25	9,84	29	11,41	30	11,81
Итого:	1274	162	12,71	164	12,87	186	14,59
Всего:	5225	654	12,51	786	15,04	854	16,34

⁸⁶ В с. Кутол проживают также 228 грузинских семей, в т. ч. семьи из 1 чел. – 3,38%, 2-х чел. – 5,26%, 3-х чел. – 12,71%, 4-х чел. – 10,52%, 5 чел. – 18,85%, 6 чел. – 22,8%, 7 чел. – 10,08%, 8 чел. – 6,14%, 9 чел. – 5,20%, 10 чел. – 3,94%.

⁸⁷ В с. Тамыш проживают еще представители других национальностей. В данное число входят только абхазские семьи.

Продолжение таблицы 5.

Село	Всего семей	В том числе семей, состоящих из							
		7 человека		8 человек		9 человек		10 человек	
		чис.	%	чис.	%	чис.	%	чис.	%
Арасадзых	214	28	13,08	23	10,74	15	7,0	15	7,0
Отап	110	10	9,09	2	1,81	4	3,63	6	5,45
Тхина	242	24	9,91	15	6,19	15	6,19	10	4,13
Члоу	524	63	12,02	41	7,82	22	4,19	20	3,81
Джгерда	283	34	12,01	15	5,3	5	1,76	6	2,12
Гуп	403	28	6,94	29	7,19	15	3,72	16	3,93
Пакуаш	411	42	10,21	19	4,62	25	6,08	17	4,13
Хуап	159	13	8,17	12	4,54	6	3,77	6	3,77
Итого:	2346	242	10,31	156	6,64	107	4,56	96	4,09
Атара	238	21	8,82	18	7,56	2	0,84	3	1,26
Кутол ⁸⁸	768	75	9,76	62	8,13	37	4,81	32	4,16
Дурипш	601	69	11,48	37	6,31	13	2,16	16	2,66
Итого:	1607	165	10,26	117	7,28	52	3,23	51	3,17
Кындых	171	14	8,18	14	8,18	8	4,67	2	1,16
Адзюбжа	233	22	9,47	7	3,0	2	0,85	1	0,42
Тамыш ⁸⁹	246	9	3,65	4	1,62	5	2,03	3	1,21
Мгудзырхуа	370	36	9,72	13	3,51	10	2,7	–	–
Куланыхуа	254	20	7,87	15	5,59	4	1,57	–	–
Итого:	1274	101	7,92	53	4,16	24	1,88		
Всего:	5225	508	9,72	326	6,23	183	3,5	147	2,81

Произошли существенные изменения в положении всех без исключения членов семьи. Наиболее важным в этой связи является вопрос о главенстве в семье. Известное понятие о главе семьи, как единоличном владельце имущества, решающим жизненные вопросы всех членов своего коллектива, ушло в прошлое. Семья относится к своей главе с уваже-

⁸⁸ В с. Кутол проживают также 228 грузинских семей, в т. ч. семьи из. 1 чел. – 3,38%, 2-х чел. – 5,26%, 3-х чел. – 12,71%, 4-х чел. – 10,52%, 5 чел. – 18,85%, 6 чел. – 22,8%, 7 чел. – 10,08%, 8 чел. – 6,14%, 9 чел. – 5,20%, 10 чел. – 3,94%.

⁸⁹ В с. Тамыш проживают еще представители других национальностей. В данное число входят только абхазские семьи.

нием, как старшему наставнику, умудренному жизненным опытом.

Как и прежде, в трехпоколенных семьях чаще всего главой семьи считается старший в семье мужчина даже тогда, когда по старости он уже не способен фактически ею управлять. В этом случае его экономическая власть не выходит за рамки формальности. Другое дело, что старость главы семьи отнюдь не вызывает ослабления его идеологических позиций. Напротив, с возрастом поднимается его авторитет не только в собственной семье, но и за ее пределами. В доме он регулятор всяких разногласий между членами семьи. Если же среди однофамильцев нет старше его человека, то он является главой совета старейшин рода и называется почтительным словом «ахыбаю», что переводится как «кость головы». При решении важнейших вопросов в бытовой и религиозной жизни всех родственников, старейшина играет главную роль. Являясь их незаменимым модельщиком, выполняющим религиозные обряды, правда, уже несколько упрощенно, он служит как бы посредником между богом и соплеменниками. Как уже отмечалось выше, старейшина пользуется непрерываемым авторитетом и среди односельчан. Во время радостных событий ему предоставляется первое слово за пиршественным столом и право избрать тамаду.

Таким образом, старики, став даже нетрудоспособными, не чувствуют себя обузой для семьи, наоборот, они, как и в прошлом, занимают в ней наиболее почетное место. А чувство своей полезности, в свою очередь, делает старика более стойким и выносливым как в моральном, так и в физическом отношении, и что в конечном итоге служит одним из главных факторов долголетия.

В действительности же фактическим руководителем семьи является ее наиболее способный и пользующийся уважением в обществе член, труд которого играет важную роль в материальном благосостоянии всех домочадцев. Естественно, что и старейшие члены семьи относятся к нему с особым уваже-

нием, прислушиваются к его мнению, особенно если он образованный. Подобные факты указывают на трансформацию, под влиянием нового быта, старых традиционных понятий о главенстве в семье.

В двухпоколенных семьях, в которых живет супружеская пара с детьми, главой считается муж, независимо от его положения в общественном производстве и, следовательно, размера заработной платы. Однако следует учесть то обстоятельство, что это явление отражает не характер внутренней организации семьи, а многовековую традицию горцев видеть во главе семьи мужчину.

Внешних традиции придерживаются и двупоколенные неразделенные семьи: в них обязанность главы выполняет старшин брат. Исключение может быть только в том случае, если старший брат. Исключение может быть только в том случае, если старший брат по состоянию здоровья не в силах практически руководить семьей. Следует также отметить, что в неразделенных семьях ощущается некоторая экономическая обособленность брачных пар, ибо отсутствие родителей, являющихся обычно связывающим звеном, способствует формированию в каждой из них самостоятельности. И, в конце концов, последняя тенденция приводит к сегментации семейного коллектива, в результате чего образуются индивидуальные, малые.

В некоторых селах встречаются единичные семьи, состоящие из родителей и детей, во главе которых стоят женщины. Как выявляется, во всех этих семьях муж является примакком. Факт этот обусловлен не тем, что в моральном отношении зять-примаком не пользуется равными правами с женой, а нежеланием последней вычеркнуть фамилию отца из похозяйственной книги, что воспринимается как окончание рода. Случай перехода главенства к зятю-примаку при живых родителях жены нигде не зафиксирован, ибо, как уже отмечалось, подобный вид брачного поселения пока не является характерной чертой семейного быта у абхазов.

За последнее время участились случаи главенства в семье женщины. В подавляющем большинстве случаев это семьи одиночек или матерей, дети которых работают или учатся в городе, а также женщин с несовершеннолетними детьми. Естественно, что в семьях, состоящих из женщины и ее несовершеннолетних детей, руководит мать, но, как правило, с достижением ею пенсионного возраста и вступлением старшего сына в брак главенство, как бы механически, переходит к последнему, а в его отсутствие – к старшей, образованной или приносящей наибольший доход семье, дочери. То же самое можно сказать и о семьях, состоящих из одних сестер.

В быту абхазов стали наблюдаться почти не практиковавшиеся в прошлом случаи возглавления женщиной семейного коллектива, в котором живут не только мать, но и женатые братья. В этом, весьма интересном с этнографической точки зрения, отношении примером может быть семья 48-летней учительницы Ткуарчалской средней школы Бабики Бегларовны Аршба, которая состоит из ее самой, матери, двух женатых братьев – Мирона и Мажары со своими детьми, а также несовершеннолетних Ирины и Риммы Адлейба. Бабики Бегларовна удочерила и переселила в свой дом последних после смерти их отца, названного брата семьи Аршба. На вопрос, почему сестра является главой семьи, братья ответили, что Бабики старше их и к тому же она с высшим образованием (они сами со средним образованием), следовательно, и лучше руководит ею⁹⁰.

Аналогичная картина о главенстве в семье наблюдается у многих народов Кавказа. Так, А. Е. Тер-Саркисянц отмечает, что сельское население Армении уже по-иному смотрит на обязанности главы семьи и придает важное значение степени его образованности⁹¹. «Понятие «глава семьи» в значительной мере переосмыслилось и сузилось» – пишет Я. С. Смирнова

⁹⁰ Полевой материал автора, собранный в с. Ткуарчал Очамчирского района в 1975 г. Архив АИЯЛИ, ю. 2, д. 195.

⁹¹ А.Е. Тер-Саркисянц. Современная семья у армян. М., 1972, с. 72.

в другой её работе – «Семья и семейный быт»⁹², в которой речь идет о внутрисемейных отношениях у чеченцев, ингушей, кабардинцев, осетин, балкарцев, карачаевцев и адыгейцев.

Таким образом, семейная организация, в частности, вопрос о главенстве в семье у абхазов развивается в тех же направлениях, как и у других народов Кавказа. При этом, старые традиционные черты, вытесняются новыми, влияющими на всю структуру внутрисемейных отношений.

Взаимоотношения супругов. Как правильно замечает Л. Х. Акаба, в семейном быту современных абхазов «не менее ярко выражается новое и во взаимоотношениях между членами семьи»⁹³, главным образом, между мужем и женой.

В прошлом, хотя «жена считалась полной хозяйкой дома»⁹⁴, по отношению к мужу она занимала подчиненное положение. Допустим, в случае решения важных семейных вопросов решающее слово оставалось за её мужем. По этому поводу К. Мачавариани писал: «Положение женщины в Абхазии...¹ зависит от того сословия, к которому принадлежит она. Большею самостоятельностью пользуется здесь женщина из привилегированного сословия: она исполняет в некоторых случаях религиозные обряды, руководит общественными делами, даже предводительствует иногда во время ночных походов с целью грабежа, одним словом, стоит совершенно наравне с мужчиной. Между тем деятельность и влияние простого сословия крайне ограничены: на ней лежат домашние и полевые работы, и лишь звание «кормилицы» доставляет ей известное уважение среди своего племени»⁹⁵.

Весьма непростым были отношения между супругами, особенно в больших семьях, в которых жили родители мужа.

⁹² Культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968, с. 237.

⁹³ Л. Х. А к а б а. Указ. раб., с. 93.

⁹⁴ Абхазы (Азегга). По поводу сочинения г. Дубровина: «Очерк Кавказа и народов его населявших». ССКГ. Вып. VI, Тифлис, 1872, с. 46.

⁹⁵ К. Мачавариани. Некоторые черты из жизни абхазцев. Положение женщины в Абхазии. СМОМПК, Тифлис, 1884. Вып. IV, от. 2, с. 41.

Долгое время супруги соблюдали обычай избегания. Например, жена не должна была разговаривать с мужем в присутствии старших родственников, как по отцовской, так и по материнской линии мужа. «Муж и жена никогда не называли друг друга по имени, заменяя его местоимением «ты»⁹⁶. «При посторонних жена никогда не садилась в присутствии мужа, не ела с ним за одним столом»⁹⁷. Только с достижением преклонного возраста эти строгие нормы поведения несколько смягчились. «Пожилая женщина, мать семейства, получала право и при старших родственниках сидеть, разговаривать с мужем, имела право появляться с ним вне дома»⁹⁸.

С вовлечением женщины в общественное производство возросла и ее роль в общесемейном бюджете. В современных условиях, работая наравне с мужчиной во всех без исключения областях производственной жизни села, женщина зарабатывает не меньше мужчины. К тому же на изменение положения женщины в семье определенное влияние оказывает авторитет, которым она в обществе пользуется, ибо проявляемое последним к ней уважение не может не находить отзвук и в отношениях между нею и супругом, с которым она работает, как правило, в одном коллективе. Немалое влияние оказали на характер взаимоотношений между супругами также политические и юридические права, предоставляемые женщине советским законодательством.

Большую роль в увеличении авторитета женщины играет уровень образования. В республике на 15 января 1970 года из 31 866 абхазок 1271 имеет высшее, 523 – незаконченное высшее, 1254 – средне-специальное образование⁹⁹.

Все это привело к фактическому равенству супругов. Об этом свидетельствует даже такой, на первый взгляд кажу-

⁹⁶ Я.С. Смирнов. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX вв.). КЭС, М., 1955, т.1, с. 120.

⁹⁷ Там же, с. 121.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Народное хозяйство Абхазской АССР, Тб., 1973, с. 396.

щийся мелким, но накладывающий отпечаток на характер тех или иных отношений между членами семьи, факт, что семейная касса находится в основном в руках старшей женщины; она же в основном занимается расходованием бюджетных средств, разумеется, согласованно с мужем и другими взрослыми домочадцами. Дом и хозяйство юридически оформлены на старшего мужчины, то есть на главу семьи. Но без ведома жены, по существу, он не решает ни одного серьезного вопроса, ибо экономическое равноправие супругов не допускает его к единоличному решению важных семейных вопросов.

Дружеское и заботливое отношение супругов друг к другу стало теперь обычным явлением. В основе взаимоотношений между супругами лежат любовь и уважение друг к другу. Как раз они и являются основным регулятором семейной организации, поскольку брачный союз заключается исключительно по взаимной согласованности.

Необходимо подчеркнуть, что тактичное отношение мужчины к женщине весьма ценилось у абхазов. И в прошлом, занимая подчиненное положение, абхазка однако совершенно не знала грубого обращения. Обидеть женщину считалось позором. Подобное отношение к женщине объяснялось, конечно не только пережитками патриархально-родовых воззрений, но и тем, что вся родовая группа женщины, и в первую очередь родители, братья и другие ее ближайшие родственники, стояла на страже ее интересов. Оскорбление жены немедленно привело бы к разводу и мести со стороны ее родственников¹⁰⁰.

Вместе с тем следует отметить, что в быту абхазов по прежнему сильна непримиримость к измене жены.

За нарушение супружеской верности в старину муж имел право убить и жену и соблазнителя. В лучшем случае он бросал ее¹⁰¹.

¹⁰⁰ См.: Н.М. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, вып. 3, СПб., 1893, с. 317-318.

¹⁰¹ Ш.Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 163-164.

На мужчин этот порядок не распространялся. Теперь измена, совершенная как женщиной, так и мужчиной, часто приводит к разводу.

Все более уходит в прошлое строгое разграничение в личном подсобном хозяйстве на мужские и женские работы, на которые обращали внимание еще дореволюционные авторы. «Полевые работы по сбору фруктов, винограда и приготовлению вина лежат исключительно на хозяина дома, – писал, например, тот же Н. М. Альбов. – На нем лежит и обязанность припасать валежник для костра и иметь присмотр за скотом – гонять его на пастьбу и обратно, доить коров и коз»¹⁰². В отношении последнего обстоятельства Г. А. Рыбинский отмечал также, что «щадя... силы женщины абхазец не стыдится доить коров, что даже как-то не идет к его боевой воинственной фигуре»¹⁰³.

И до сих пор сельские условия в Абхазии не исключают частичного существования в семье половозрастного разделения труда. По традиции мужчина отвечает за состояние жилых и хозяйственных построек, несет ответственность за приусадебный участок (мужчина обрабатывает участок; выращивает на нем кукурузу, виноград, мандарины и пр., за исключением фасоли, овощей и бахчевых культур, считающихся делом хозяйки дома), за все виды сельскохозяйственных орудий и за скот. В обязанности мужа входит также обеспечение семьи дровами и мукой.

Естественно, в настоящее время женщина освобождена от таких трудоемких работ, каковыми являются: размол зерна на ручной мельнице, выращивание льна, конопли, обработка шерсти и прядение, тканье, выделка сафьяна и изготовление одежды и т.д. И т.п.¹⁰⁴. Но до сих пор чисто женскими дела-

¹⁰² Н.М. Альбов. Указ. раб., с. 310.

¹⁰³ Г.А. Рыбинский. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тифлис, 1894, с. 15.

¹⁰⁴ Подробнее о роли женщины в домашнем производстве до революционной Абхазии см. раб. Я. С. Смирнова. «Семейный быт и общественное положение абхазской женщины» (XIX–XX вв.), с. 125 – 130.

ми считаются уход за детьми, приготовление пищи, переработка молочных продуктов, стирка, уборка и другие работы, связанные с поддержанием чистоты и порядка в доме. В ее обязанности входит также разведение домашних птиц и свиней. Дойки коров, буйволиц и коз падает как на мужчину, так и на женщину, в зависимости от степени занятости каждого из них.

Однако выявляется тенденция ломки старых традиций, особенно в семьях, состоящих из молодых супругов и детей. В них муж и жена, не стеснены присутствием старших, и свободно, без боязни помогают друг другу во всех домашних делах. Нередко можно увидеть молодого отца, который наравне с женой ухаживает за несовершеннолетними детьми, что считалось в прошлом неприличным для мужчины. В таких семьях уходит в прошлое и табуация имен, считавшаяся раньше непременным условием внешних взаимоотношений. Супруги не называют друг друга по имени только тогда, когда в доме присутствуют представители старшего поколения, особенно их родители.

Говоря об этом обычае, следует отметить, что степень соблюдения его зависит еще от природы социальной принадлежности семьи. Как правило, он не имеет большой силы в тех семьях, где большинство членов принадлежит к интеллигенции.

Взаимоотношения между невесткой и родственниками мужа. Значительно упростились отношения между невесткой и родственниками ее мужа. По требованию обычая, невестка до достижения почтенного возраста не имела права даже вступать в разговор со старшими родственниками мужа. Она не отвечала также на их обращение и вопросы, только молча выслушивала их, принимала к сведению и исполняла¹⁰⁵. В случае необходимости невестка вела переговоры со старшими только через посредство третьего лица, которым мог

¹⁰⁵ Ш.Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов, с. 135.

быть кто-либо из младших членов семьи. Она не имела право также разговаривать вслух в присутствии свекра и других представителей старшего поколения из фамилии мужа и свекрови. «При свекре невестка вообще не садилась, а если садилась, то в стороне на какую-нибудь самую низкую скамью¹⁰⁶.

Теперь мало кто придерживается этого обычая. Невестка относится к родителям мужа как к представителям старшего поколения, она уважает их так же, как своего отца и мать, и называет папой и мамой. Если они нуждаются в ее личной помощи, то она никогда не откажется сделать все, что может сделать для них родная дочь.

Другими словами, почитание старших родственников супруга является до сих пор одной из обязательных норм поведения абхазской невестки. В свою очередь свекор и свекровь к невестке относятся с почтительностью, в обращении с ней придерживаются известной корректности. Обычай обязывает каждого из них оказывать особое внимание, относиться к ней с чрезмерным тактом и почтением. Случаи грубых отношений между невесткой и родителями мужа крайне редкое явление, ибо они строго порицаются общественным мнением. Напротив, родители и другие старшие родственники мужа представляют собой опору и поддержку для невестки при возникновении возможных ссор с супругом.

Складывание простых и дружеских отношений между невесткой и родителями мужа обуславливается, с одной стороны, известной степенью участия первой в создании материального достатка семьи, с другой стороны, тем, что хозяйственные обязанности супружеской пары в трехпоколенной семье несколько легче, чем в двухпоколенной. Свекровь частично разгружает молодую женщину, помогая ей в домашнем хозяйстве и по уходу за детьми, отец освобождает своего сына от ряда мужских дел в усадьбе. О строгом разграничении домашних обязанностей между отцом и взрослым сыном, с одной стороны, и между

¹⁰⁶ Там же.

свекровью и невесткой с другой, как это было в абхазской семье в прошлом, не приходится вести и речи, ибо степень участия молодых и создании экономического благосостояния семьи полностью исключает подобные вопросы.

Как известно, патриархальным духом были проникнуты также и взаимоотношения между невесткой и другими старшими членами семьи, в частности, со старшими братьями мужа. Любой из них считал себя вправе требовать от невестки всевозможных услуг. Следовательно, она должна была уделять максимальное внимание всем. В то же время, между ними строго соблюдался обычай избегания; невестке запрещалось называть по имени старших братьев и сестер мужа, до определенного времени разговаривать со старшими и даже показываться перед ними с незакрытым лицом. По отношению к младшим последние запреты не практиковались.

До сих пор наиболее консервативным элементом избегания между невесткой и родичами мужа является запрет на имена, по которому она по-прежнему не называет по имени не только родителей, старших братьев и сестер, но и других старших однофамильцев мужа и свекрови, нарекая их новыми именами. В свою очередь и невестку называют именем, данным ближайшими родственниками мужа сразу же после свадьбы. Еще раз заметим, что эти правила частично или вовсе не распространяются на молодых образованных женщин, работающих учителями, врачами, агрономами и др.

Взаимоотношения между старшими и младшими членами семьи. Фактически изжил себя патриархальный дух, которым до последних десятилетий были проникнуты также взаимоотношения между старшими и младшими братьями и сестрами в семье. Прежде они складывались на основе известной традиции. Младший брат должен был относиться к старшему брату с особым почтением. Вступление в какой-либо спор со старшим братом не допускалось. Таковыми были отношения и между сестрами, в еще большей мере – между

братьями и сестрами. Но несколько слабее было выражено повинование брата старшей сестре, что объяснялось, видимо, приниженным положением женщины. Старшинство соблюдалось и в очередности вступления в брак; младший брат не должен был жениться, раньше старшего, младшая сестра – выходить замуж раньше старшей.

В значительной мере ограничения во взаимоотношениях между членами семьи утратили свой традиционный вес и селах приморской зоны. Здесь они имеют место лишь в тех семьях, большинство членов которых составляют люди старшего поколения. Главной причиной сохранения пережитков прошлых взаимоотношений является традиционное уважение молодыми старших, которые несоблюдение привычного этикета подчас еще воспринимают как пренебрежение обычаями. В настоящее время обычай почитания старших, сохранив свои положительные стороны, освободился от характерного для прошлого слепого повинования младших членов семьи старшим. Неизменно почитая старших, младшие члены семьи свободно, без каких-либо стеснений обращаются с ними как равные с равными. Взаимоотношения между ними носят естественный характер, не имеющий ничего общего с прежними половозрастными гранями.

Заботливое отношение друг к другу, характерное для абхазской семьи, не только не ослабевает, но приобретает качественно новые черты.

Как и прежде, правило взаимной помощи распространяется как на лиц, являющихся непосредственными членами семьи, так и на весь круг ближайших родственников по прямой восходящей и нисходящей линии, а также на боковых. Все родственники, начиная от отдельно проживающего брата и замужней сестры, кончая дядей, тетей или даже племянником и племянницей, считаются как бы членами «большого дома».

Особое внимание уделяют тем, кто проживает в городе или учится там. Горожан обеспечивают зерном, вином и други-

ми сельскохозяйственными продуктами, а студентов и деньгами. В свою очередь родственник. Проживающие в городе, в свободное от производства или учебы время приезжают в селение к старшим родичам и помогают буквально во всех работах домашнего и, нередко, общественного хозяйства.

Следует обратить внимание и на то, что отдельно проживающей с детьми вдове умершего брата, дяди или другого близкого родственника также уделяют особое внимание, оказывают различного рода помощь, стараясь тем самым не дать ей почувствовать своего одиночества. В случае же нетрудоспособности того или иного человека, не имеющего никого из ближайших родственников, необходимую поддержку ему дают однофамильцы и, отчасти, соседи, среди которых он живет.

Традиции всесторонней взаимопомощи проявляются особенно по время торжественных и несчастных случаев, а также при постройке дома отделившегося. Следовательно, родственники, особенно старшие, имеют право вмешиваться по внутренние дела любого члена «большого дома» в случае возникновения неполадков в его семье.

Следует особо подчеркнуть изменения, происшедшие во взаимоотношениях между родителями и детьми.

Еще Н. М. Альбов писал, что у абхазов родители относя ни к детям «необыкновенной нежностью»¹⁰⁷. В то же время строго соблюдались нормы обычая избегания между родителями и детьми. При старших отец не допускал к себе своих детей, не называл по имени. В свою очередь и дети, достигнув даже зрелости, не называли по имени отца¹⁰⁸. Они не имели также права садиться в его присутствии, садиться рядом с ним могли бы только лишь при исключительных обстоятельствах¹⁰⁹.

Теперь подобные нормы взаимных отношений между родителями и детьми стали совершенно отчужденными. Для

¹⁰⁷ Н.М. Альбов. Указ. раб., с. 318.

¹⁰⁸ Ш.Д. Инал-ипа. очерки по истории брака и семьи..., с. 135.

¹⁰⁹ Там же, с. 161.

современных родителей характерным становится открытое проявление чувств. Нередко можно увидеть, как молодой отец и в присутствии старших родственников беседует со своими детьми, рассказывает сказки, помогает учить уроки и т. д. Обычным явлением представляется также ходить вместе с детьми в кино, на концерт и тому подобные общественные места.

Примечательно и то, что каждый родитель старается дать своим детям максимальное образование, учитывая при этом призвание учащегося. Вопреки прежнему представлению горцев о том, что девочку не обязательно учить грамоте, современный абхазский крестьянин своих детей и мальчиков и девочек – воспитывает в одинаковых условиях и охотно посылает учиться не только в Сухуми, но и в Тбилиси, Москву, Ленинград и другие культурные центры страны. Старшие братья и сестры, дяди и тети, как уже было сказано, даже если они живут отдельно, проявляют повсеместное заботливое отношение к учащимся студентам и оказывают посильную материальную помощь.

Таким образом, благодаря социально-экономическим преобразованиям, происшедшим особенно за последнее время в Абхазии, сформировалась новая по своему содержанию семья, во взаимоотношениях между членами которой лучшие традиционные черты не только сохранились, но получают дальнейшее развитие, что в свою очередь способствует укреплению и упрочению ее внутренней организации. Естественно, что монолитность, характерная для абхазской семьи, послужит дальнейшему улучшению качества воспитания подрастающего поколения, в чем и заключаются и главные функции современной советской семьи.

ГЛАВА 3

СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

3.1. Обычаи и обряды, связанные с браком

Изменение брачного возраста. Изменения, происшедшие в социально-экономических условиях жизни абхазов, сказались также на семейной обрядности, разделяющейся на две категории: абзиа и ацвгъа. Первое понятие объединяет все знаменательные события в жизни семьи, среди которых наиболее любимым и разветвленным торжеством является свадьба, состоящая из ряда сменяющих друг друга церемоний. Ко второй группе относятся похоронно-поминальные обряды¹¹⁰.

В прошлом в быту абхазов довольно часто встречалось позднее вступление в брак. По сведению Г. Ф. Чурсина, в старину мужчина венчался тогда, когда приобретал некоторую славу и известность своими подвигами, ибо и сама девушка не выходила за человека, ничем себя не прославившего¹¹¹. Однако нет ни одного письменного сообщения, свидетельствующего о брачном возрасте абхазов до конца XIX века. Более того, в подавляющем большинстве случаев крестьяне воздерживались от церковного оформления брака, ограничиваясь брачным контрактом, закрепляемым свадьбой.

Из имеющихся документов наиболее ранними являются метрические книги последнего десятилетия прошлого столетия¹¹². Их исследование показало, что в 1890–1900 гг. обыч-

¹¹⁰ Похоронно-поминальные обряды, как наиболее устойчивая сторона семейной обрядности абхазов, требует всестороннего исследования. Поэтому, учитывая рамки данной работы, автор предпочитает посвятить им в дальнейшем отдельную работу.

¹¹¹ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 159.

¹¹² РАЗАГС. Данные метрических книг Пакуашской, Моквской, Лыхнынской, Дурипшкон церквей. Сохранились книги и в ряде других сел,

ный брачный возраст мужчин варьировал между 25 к 35 годами, женщин—18 – 25 (табл. 5). Но следует заметить, что преобладающее число мужчин вступало в брак в возрасте 30 лет, а женщин – в 18. Средневзвешенная величина возрастов всех мужчин и женщин, вступавших в брак в данном периоде, равна, соответственно, 30 и 23. В то же время имеются факты и минимального брачного возраста (до 18 лет). Из 231 обследованного мною документа только в одном говорится о вступлении мужчины в брак в возрасте ниже 18 лет, тогда как 19 женщин вышли замуж в возрасте 14–17 лет. Что касается возрастного разрыва между супругами, то, как показывает анализ имеющихся материалов, он составляет обычно 12 лет, а в среднем – 7. Нередко встречаются и такие супружеские пары, в которых муж старше жены на 20–25 лет. Отмечается также и обратное явление, но очень редко. Из рассмотренных метрических записей только в двух случаях жена старше мужа: в одном – на год, в другом – на десять лет. Так, 27-летний дворянин Маан Алмысхан женился на вдове князя Ачба Беслана, Нино, которой было 39 лет. В данном случае, по-видимому, основным мотивом брака была высокая сословная принадлежность жены, следовательно, и ее экономическое положение.

Таблица 6. Брачный возраст (в процентах)

Возраст	1890–1900		1935–1940		1970–1975	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
до 18 лет	0,43	8,22	40,6	15,11	–	1,84
18–20	4,76	29,43	5,81	30,23	4,29	29,75
21–25	24,67	34,19	24,41	38,37	21,77	32,51
26–30	29,43	15,15	34,3	13,37	20,85	10,12
31–35	22,94	7,35	16,27	1,74	26,99	14,72
36–40	7,79	3,46	6,97	1,16	13,57	6,74

но они слишком незначительны. Поэтому их данные в таблицу не включены.

41–45	6,92	1,73	2,9	–	7,97	1,84
46–50	2,16	–	2,9	–	4,9	2,45
51 и старше	0,86	–	2,32	–	0,61	–
Итого	100	100	100	100	100	100

Согласно имеющимся материалам, уже в середине первой половины текущего века картина возрастного разрыва между брачующимися несколько изменилась. В период 1935–1940 гг.¹¹³, обычная возрастная разница сократилась до 7 лет. Это было вызвано снижением преобладающего возраста мужчин, колеблющегося уже от 24 до 30 лет, и повышением обычного брачного возраста женщин до 20 лет. Средневзвешенная величина брачного возраста мужчин и женщин в этот период равнялась, соответственно, 28 и 21 годам. Таким образом, по сравнению с предыдущим периодом времени она сократилась на два года. Следует отметить также, что заметно увеличился и удельный вес минимального брачного возраста как женщин, так и мужчин. Однако это увеличение не смогло изменить общую картину возрастного разрыва между супругами в целом.

Снижение брачного возраста в 30-х годах объясняется, видимо, общим развитием экономической и культурной жизни края, вызвавшим в свою очередь сегментацию неразделенных семей на малые.

Материалы загсов периода войны чрезмерно скудны. Но, судя по имеющимся данным, можно сказать, что по сравнению с 1935 г. брачный возраст оставался неизменным вплоть до 50-х годов. Затем, в связи с известными культурными сдвигами, в частности, с расширением сетей общего и средне-специального образования, привлеченными за собой возрастание социальной активности женщин, наступило значительное повышение брачного возраста молодежи вообще.

¹¹³ РАЗАГС. Книги регистрации актов бракосочетаний с.с. Лыхны, Дурпш, Куланьрхуа, Ачандара, Члоу, Тхина за 1935–1940 гг.

Уже в период 1970–1975 гг.¹¹⁴, средний брачный возраст женщин равнялся 25 лет, а мужчин – 31 году. Наибольшее число браков женщин приходится на 20–21, а мужчин – 22, 24, 26 и 31 год. А средний брачный возраст мужчин повысился за счет исчезания начальной, сокращения первой (18–20), второй (21–25) и, главным образом, значительного увеличения четвертой (31–35) и пятой (36–40) возрастных групп (табл. 5). Повышение же средневзвешенной величины брачного возраста женщин вызвано сравнительным уменьшением частоты браков минимальной и возрастанием четвертой возрастных групп. В то же время число браков старшей возрастной группы (40 лет и более) обоюбого пола стало больше¹¹⁵.

Что касается минимального брачного возраста, то согласно имеющимся материалам, в этом периоде нет ни одного случая женитьбы в возрасте ниже 18 лет. А среди женщин, вступивших в брак в 17 лет, оказалось уже только 5. В результате происшедших изменений сократился средний возрастной разрыв между супругами. Теперь он составляет 6 лет, что вполне соответствует норме¹¹⁶.

Таким образом, за указанное время произошли принципиальные изменения как в брачном возрасте, так и в возрастной разнице между супругами. Выявляющаяся в последние годы тенденция возрастания брачного возраста обусловлена, главным образом, ростом культурного уровня населения республики в целом. Для семьи важна не только физическая, но

¹¹⁴ Данные книг регистрации актов бракосочетаний с. Лыхны (до 20.08.75), Дурипш (до 25.07.75), Члоу (до конца 1974), Тхина (до конца 1972).

¹¹⁵ Разделение браков на возрастные группы сделано мною условно, придерживаясь при этом группировки, предложенной Я. С. Смирновой в работе «Изменение брачного возраста у народов Северного Кавказа за годы Советской власти», СЭ, 1973, I.

¹¹⁶ В некоторых, особенно в горных селах республики юридическое оформление брака производится обычно после рождения ребенка, что не позволяет установить дату фактического вступления в супружество. Поэтому в данной таблице могут быть незначительные неточности

и экономическая и социальная зрелость супругов. В современных условиях последняя приходит довольно поздно, так как на получение образования, после которого формируется самостоятельность, требуется немалое количество времени.

Формы заключения брака¹¹⁷. В результате изменений, происшедших в материальной и культурной жизни абхазской сельской семьи, ожил и получил дальнейшее развитие ряд положительных национальных традиций. Одни устаревшие обычаи сменяются новыми обычаями, другие сохраняются, наполняясь новым содержанием. Совершенствуется, в частности, наиболее приемлемая форма заключения брака, соответствующая современной действительности абхазов.

В то же время современность пока не в силах изменить характер и состав брачного круга. Абхазы до сих пор строго придерживаются экзогамии, ограничения по которой распространяются на всех без исключения лиц, носителей фамилии отца, матери и даже обеих бабушек. Другим видом брачных ограничений у абхазов является ограничение по свойству. Считается неприличным брак – с сестрой, братом и другими ближайшими родственниками невестки, зятя как по отцовской, так и по материнской линии. Считается недопустимым также брак между людьми разных фамилий, вскормленных когда-то грудью одной матери. Как отмечали многие исследователи, брачные ограничения исключали из брачного круга и лиц, связанных искусственным родством. И ныне общественность не одобряет вступления в брак не только с названным братом или названной сестрой, но и с любым членом семьи побратима, ибо узы, связывающие обе стороны, считаются такими же священными, как и семейные. Исключается и вступление в брак с членом семьи, из которой был взят для усыновления ребенок. Как и прежде, запрещен брак также с кем-либо из членов семьи отчима или мачехи.

¹¹⁷ В. Л. Бигвава. Формы заключения брака у абхазов. Сансторио кребули (Исторический сборник), Тбилиси, 1976.

В то же время у абхазов, как и у других народов Кавказа, бытовал институт левирата и сосарата. Как об этом писал еще Н. Ф. Дубровин, вдова умершего по обычаю могла выйти замуж за родного брата покойного, если на то существовало обоюдное согласие¹¹⁸. Так, 110-летний житель села Гуада Очамчирского района Шоууа Осман сообщил мне, что отец его был женат на вдове своего старшего брата. Такой брак в то время считался «терпимым», но представлял собой чрезвычайную редкость¹¹⁹. Живых примеров этого рода давно не найти в Абхазии, ибо нарушитель приравнивался к кровосмесителю – амахагъа и подлежал наказанию, в частности, изгнанию из села.

Выявляется определенная степень влияния территориального фактора на брак, так как ослабление соседских связей, с давних времен характерных для общественного быта абхазов, почти не замечается. Именно поэтому в брак вступают чаще люди разных селений. Брак внутри поселка (ацута), а также и села (акыта) практикуется редко. Значительно видоизменились мотивировки брачного выбора, способы и формы заключения брака. Навсегда исчез брак по принуждению, при котором выбор невесты или жениха осуществлялся родителями. Как известно, у абхазов, как и у многих народов Кавказа, существовал обычай обручения, малолетних детей, инициаторами которого выступали родители – чаще всего отцы, между которыми поддерживалась многолетняя дружба. Современная молодежь не только не сталкивается с такими фактами, составлявшими в прошлом обычное явление, но и не каждый знает о существовании так называемого «люлечного обручения».

Молодые люди самостоятельно выбирают себе спутников жизни и основном, как уже отмечалось выше, из других сел

¹¹⁸ Н. Ф. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871, т. 2, с. 59.

¹¹⁹ Полевой материал автора 1976 г. Архив АИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

и районов. За годы Советской власти у абхазов возникли все необходимые условия для свободного выбора невесты или жениха. Знакомства происходят в общественных местах: на свадьбах, районных скачках, смотрах художественной самодеятельности и т. п. Но важно отметить, что где бы и как бы не началось знакомство, во взаимоотношении молодых людей замечается сдержанность в проявлении своих чувств. Как справедливо отмечает О. А. Ганцкая, в этом сказывается влияние традиций, восходящих к архаичным формам социальной организации, к таким, как патриархальная сегрегация полов, избегание и связанная с ним необходимость скрывать истинные взаимоотношения и намерения¹²⁰.

Следует отметить, что в этом отношении и представители сельской интеллигенции считают себя обязанными хотя бы формально придерживаться обычаев.

Если в прошлом молодые люди обращали внимание на материальное положение партнеров, то теперь оно не играет серьезной роли. Социальные и культурные преобразования породили тенденцию к изменению требований к избраннику или избраннице. Экономическая независимость и духовный рост молодых людей сделали брак по расчету самым непопулярным видом брака. При вступлении в брак, прежде всего, учитываются взаимные симпатии. Для современной абхазки хорошим считается тот мужчина, в котором гармонически сочетаются физическое совершенство и душевные качества. Традиционное представление горца о хорошей жене, как об умелой хозяйке дома, отступило перед желанием видеть ее образованной и умной. Таким образом, наиболее привлекательным стало образование. Поэтому социально неоднородные браки в селе единичны.

Меньше стало препятствий и к бракам абхазов с представителями других национальностей¹²¹. Этому способствует возникшая за годы Советской власти пестрота этнического

¹²⁰ О. А. Ганцкая. Этнос и семья в СССР. СЭ, 1971, 3, с. 22.

¹²¹ В дореволюционной Абхазии межнациональные браки имели место, в основном среди представителей высших сословий.

состава населения Абхазии и превращение ее в край курорта и туризма. Из года в год увеличивается число межнациональных браков. При этом важно заметить, что до последнего времени характерной чертой для межэтнических семей являлись браки абхазов с женщинами других национальностей. Теперь число абхазок, выходящих за мужчин неабхазской национальности, приближается к числу браков, заключаемых между абхазами и не абхазами. Такое явление наиболее характерно для приморской зоны, где помимо коренных жителей, проживают переселенцы из других республик страны. Например, из 370 семей, проживающих в приморском селе Мгудзырхуа Гудаутского района, 14 относятся к национально-смешанной группе семей. Из них 8 семей относятся к той группе семей, в которых муж абхаз, жена представительница другой национальности, в 6 семьях – женщины-абхазки замужем за мужчинами-неабхазами. В Моквском эфиромасличном совхозе проживают 240 абхазских семей и 32 грузинские семьи. Из них в 8 абхазских семьях мать или невестка по национальности грузинка, в 5 – русская, в 1 – турчанка. А в 9 грузинских семьях грузины женаты на абхазах. Аналогичная картина наблюдается и в селе Джал, где 101 грузинская и 20 абхазских семей. Из них в 14 семьях грузины женаты на абхазах, в 5 семьях – абхазы на грузинках. Так же обстоит дело и в селе Кутол, где из 768 семей 228 грузинских, переселившихся в начале 50-х годов текущего столетия из Чхороцкуйского и Цаленджихского районов Мегрелии. Среди абхазского населения этого села 49 семей относятся к смешанной в национальном отношении группе, в том числе в 29 семьях в браке состоят абхазы с грузинками, а в остальных – с представителями других национальностей. Приблизительно таков же удельный вес межнациональных браков и в грузинских семьях.

В районах же предгорных селений республики национально-смешанные семьи составляют незначительное число. На-

пример, в Арасадзых имеются 2 семьи, в Члоу – 3 семьи, в Тхина – 2 семьи. Малочисленность межнациональных браков в этих селениях объясняется отдалённостью районов от городов и других пунктов, население которых отличается разнородностью этнического состава¹²².

Среди черт, в равной мере характерных для всех обследованных межнациональных семей, можно указать, прежде всего, преобладание браков между представителями абхазов и мегрелов. Это объясняется всего этнопсихологической близостью и относительным сходством обычаев абхазов и мегрелов, процесс взаимопроникновения культур которых начался еще в глубокой древности. Второе место принадлежит бракам, заключенным между абхазами и русскими женщинами.

Тут следует обратить внимание и на то обстоятельство, что национально-смешанные браки оказывают известное влияние на все виды этнических процессов. Как отмечает Л. Н. Терентьева, «воздействия межнациональных браков на этнические процессы прослеживаются главным образом на примере языковых процессов у потомства от этих браков»¹²³.

Среди детей, родители которых принадлежат к разным национальностям, нередко распространяется двуязычие или осуществляется переход на другую речь. В семьях тех районов Абхазии, где основная масса населения представлена абхазами, разговорным языком в смешанных семьях становится – абхазский. В селах, где они составляют меньшинство, тем более отдельные семьи, абхазская речь нередко уступает языку окружающего населения. Таким образом, в ряде селений можно столкнуться с двумя направлениями ассимиляционных процессов, имеющих разную степень интенсивности. Первое направлено в сторону некоторой ассимиляции абхазами представителей других национальностей; второе проявля-

¹²² Данные нехозяйственных книг за 1976–1978 гг.

¹²³ Л. Н. Терентьева. Этнические процессы и семья. – XII Международный семинар по исследованию семьи. М., 1972.

ется в большей интенсивности ассимиляции абхазок представителями неабхазских национальностей, главным образом, грузинами.

Процесс языковой, частично и этнической, ассимиляции семей неабхазской национальности абхазами наблюдается в Моква, Члоу, Кутол, Лыхны и других селах, где основное население составляют абхазы. Так, например, грузин Тодуа Юрий (с. Моква) женат на абхазке, у них двое детей и записаны они абхазами, ибо и сам Юрий считает родным языком абхазский. Грузин Гогохия Амиран (с. Кутол) женат также на абхазке, но дети записаны по национальности матери и учатся в абхазской школе. Аналогичную картину можно увидеть и в семьях, где муж, допустим, русский или турок, а жена абхазка.

В тех селах, где грузины составляют абсолютное большинство, наблюдается обратное действие. Как, например Пачулия Сандро (с. Джал) по национальности абхаз, жена его грузинка, все дети записаны грузинами. А в Сухумском, Гульрипшском и, особенно, Гальском районах, основное население которых составляют грузины, процесс ассимиляции абхазов носит более активный характер. Так, если в 1925 году численность абхазов по родному языку составляла здесь 2649 человек, то в 1939 году она уменьшилась до 1786, а в 1970 году – до 589 человек. Аналогичная картина наблюдается и в Сухумском и Гульрипшском районах, где абхазское население, например, в 1939 году представляло 1962 человека, а к 1970 году – 1133 человека¹²⁴.

Что интересно, в районах армянских и других селений, где проживают абхазы отдельными семьями, факт перехода абхазских детей на речь первых не фиксируется. И, несмотря на то, что культурные достижения многих других народов стали достоянием абхазов благодаря, в основном, русскому языку, но полный переход на русскую речь мало где отмечается. Тог-

¹²⁴ Народное хозяйство Абхазской АССР. Сухуми, 1973, с. 45–48.

да как в районах совместного проживания абхазов с грузинами (мегрелами) распространяется двуязычье, или слегка осуществляется переход одних на язык других. Следовательно, абхазы владеют как родным, так и мегрельским, а мегрелы в свою очередь свободно обращаются с первыми по-абхазски.

До сих пор считается неприличным для молодого человека заявить непосредственно старшим членам семьи, тем более родителям, о своем намерении жениться. Об этом он доводит до сведения старших родственников через друга или родственника из числа людей соответствующего ему возраста, с которым можно ему поделиться со своей тайной – решением жениться на избранной девушке. Так поступает со своей стороны и девушка.

Родители в той или иной степени придают значение «общественному имени» (ахьдз) будущих свойственников. Они препятствуют браку с человеком, семья которого не пользуется в обществе авторитетом. Поэтому нередко можно столкнуться с фактами категорического отказа родителей девушки поддержать ее решение выйти замуж за своего избранника. В таком случае молодые люди прибегают к форме заключения брака, известной под названием «мадзала» (тайно). Согласно договору, заключенному между женихом и невестой, в условленный вечер он со своими дружками тайком приезжает к своей невесте и увозит ее. Невесту провожает кто-нибудь из двоюродных сестер или братьев, которым она доверяет свой секрет.

Кстати, описывая формы заключения брака у абхазов, Г. Ф. Чурсин допустил отдельные неточности. Так, например, он сообщает, что «большая часть браков заключалась путем похищения невест или, как выражаются абхазы, «мадзала» – «тайно»¹²⁵. При этом, одной из главных причин заключения такого брака он считает желание сократить свадебные издержки или, по крайней мере, отсрочить их. Напротив, свадебные

¹²⁵ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 160.

расходы жениха, связанные с формой вступления в брак путем мадзала или похищения невесты, как правило, превышают расходы, делаемые им в результате открытого заключения брака, так как с первым связана не одна свадьба, а две – малая и большая. Жених может выиграть только лишь время, которое необходимо для подготовки свадьбы. Если автор имел в виду родителей невесты, материальные условия которых не позволяют выдать дочь путем открытой формы заключения брака, требующей угощения многочисленных гостей, то он прав, но конкретного сообщения об этом в данной работе нет. Как правильно заметил Ш. Д. Инал-ипа¹²⁶, не следует преувеличивать и роль похищения. Похищение невесты устраивали только в том случае, «если не состоялось мирное междуродовое соглашение относительно брака»¹²⁷. Скорее всего оно представляло собой редкое явление, и всегда было противоправным актом. Следует отличать также настоящее похищение, то есть насильственный способ заключения брака от вступления в брак без согласия родителей, т. н. мадзала. Первое осуществлялось лишь путем нападения молодого человека со своими друзьями на выбранную девушку, которая ему отказала. Эта форма брака называется «амцарсра». По указанию Л. Е. Кучберия, «в современной Абхазии существуют три формы заключения брака: брак открытый, брак тайный и брак похищением»¹²⁸. Однако несколькими страницами ниже исследовательница пишет, что брак-похищение примыкает к тайному заключению брака – мадзала, не признавая, таким образом, самостоятельной формой. Следует заметить, что обе эти формы различны как по названию, так и по их содержанию. Попадая в подобную «ловушку», многие не находят выхода из нее и покоряются судьбе традиции, порожденной неравным положением горянки в прошлом. Разумеется, эта форма

¹²⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965, с. 450.

¹²⁷ Н. С. Патеипа. Избранные («Свадьба в Абхазии»)..., с. 11.

¹²⁸ Л. Е. Кучберия. К вопросу о развитии брачных обычаев и Свадебной обрядности абхазов. – Современное абхазское село..., с. 141.

вступления в брак не является характерной для современной Абхазии и находится на грани вымирания. Наиболее распространенной формой заключения брака является, как уже было сказано выше, аргама – открытый, гласный брак.

Родители, как со стороны жениха, так и невесты, получив известие о намерении молодых пожениться, начинают готовиться к предстоящему семейному празднику.

Через несколько дней после этого отец жениха посылает несколько человек, обычно двух-трех, из числа близких друзей и подруг сына и одного почетного односельчанина в дом невесты для сватания. С ним находится также и жених. Как правило, к приему гостей готовятся и родители невесты, так как о приезде сообщается им заранее через посредника. При этом следует отметить, что совсем недавно посредник играл важную роль в деле благополучного соглашения сторон друг с другом¹²⁹. В настоящее время его обязанности ограничиваются лишь подобными незначительными услугами.

Перед тем, как сесть за стол, который хозяева накрывают в честь гостей, старший из сватов сообщает цель их приезда и просьбу отца жениха дать согласие на брак его сына с дочерью хозяев. В это время жених со своими младшими дружками находится в другой комнате, где веселится молодежь из данного села, приглашенная на торжество. После формального соглашения родителей девушки молодые люди обмениваются подарками. Еще в начале 60-х годов жених и невеста дарили друг другу наручные часы, набор парфюмерных изделий, предметы украшения и туалета¹³⁰, но в дальнейшем подобные подарки не получили распространения. Теперь, как и в старые времена, обмениваются лишь обручальными кольцами.

Еще немногим более полвека назад, с момента времени обручения, жених и невеста тщательно скрывались от своих родителей: невеста редко выходила из своего помещения –

¹²⁹ Л. Е. Кучберия. Указ. раб., с. 147–149.

¹³⁰ Л. Е. Кучберия. Указ. раб., с. 149.

амхары, а жених почти не бывал дома днем. В прошлом существовал также специальный обряд, так называемый «вывод из амхары», который состоял в том, что приблизительно через неделю после сватовства в доме жениха собирались его товарищи и устраивали пир за счет дружки жениха. В начале обеда жениха выводили из дома соседа, где он скрывался, и приводили в отцовский дом. В эту минуту отец жениха, или старший в роде, поднимал стакан и провозглашал тост за здоровье жениха. После этого пир принимал обычный вид. Такой же обряд устраивали и в доме невесты, и тут угощение устраивалось за счет дружки невесты, который должен был сопровождать ее в дом жениха во время свадьбы¹³¹.

В настоящее время этот обряд не соблюдается. Однако невеста, как и прежде, со дня сватания носит кольцо, ведет себя скромно, давая тем самым знать окружающей среде, что она засватана и, следовательно, отказывается от всякого рода ухаживания со стороны молодых людей.

Определение дня свадьбы. Завершающим моментом всего брачного цикла является свадьба в доме жениха – ачара.

Как уже было сказано выше, при открытой форме заключения брака родители жениха и невесты так или иначе обмениваются мнениями о сроке свадьбы. Однако в случае возникновения разногласия, решающее слово остается за стороной жениха.

Для окончательного определения дня свадьбы в один из субботних или воскресных дней, когда люди не заняты работой, отец жениха собирает родственников соседей и друзей. Это торжество называется ачууарапцвара, в переводе – «определение срока». Причем, название строго соответствует содержанию торжества, пересмотреть решения которого лишены даже родители невесты. Срок свадьбы переносится только в том случае, если и семье жениха или невесты случилось несчастье.

¹³¹ Н. С. Патеипа. Указ. раб., с. 11–12.

Ачхуарапцвара устраивают и при заключении брака посредством тайного увода или похищения невесты. Однако, естественно, отпадают предварительные переговоры с родителями невесты о назначении дня свадьбы, так как в этом случае свадебный пир в доме невесты не устраивается. За родителями невесты остается только приготовление приданого, которое они присылают дочери в день свадьбы.

Перед началом пира отец, или чаще старший однофамилец, передает огласке причину и цель сбора и просит мнения и предложения каждого об определении дня свадьбы, ибо хозяин собрал именно тех, которые являются опорой для него во время торжественных и несчастных случаев в его доме. Придерживаясь известного этикета, присутствующие поздравляют отца и мать со счастьем сына и высказывают свои соображения по поводу определения свадебного дня. Выбирают такой день, когда никто из сельчан или¹ родственников, проживающих где бы то ни было, не играет свадьбу или не отмечает поминки. Особое значение придают также погоде, от которой зависит красота свадьбы, на которую съезжается несколько сот человек. Поэтому особо прислушиваются к мнению стариков – мудрых и опытных «специалистов» по установлению прогнозов погоды.

На этом же торжестве называют двух-трех старших товарищей жениха, которые должны довести до сведения родителей невесты о назначенном дне свадьбы.

Прежде для выполнения данной миссии к родителям невесты отправлялся сам отец жениха в сопровождении нескольких десятков почетных лиц. При этом он с собой брал богатые подарки для всех членов семьи невесты. В свою очередь и последние делали соответствующие подарки жениху, его родителям, а также и приехавшим с ними гостям¹³². В настоящее время этот обычай совершенно забыт.

После назначения посланников здесь же выбирают обслуживающий персонал, назначают старших, на которых возла-

¹³² Н. С. Патеипа. Указ. раб., с. 12.

гается руководство всеми делами для своевременной подготовки свадебного стола.

Спустя несколько дней после этого родители жениха составляют список лиц, которых они должны пригласить на свадьбу и рассылают пригласительные билеты. Независимо от общего списка приглашаемых, жених приглашает своих товарищей по работе или учебе. Невеста тоже приглашает на свою свадьбу людей из своего коллектива. Возникший обычай посылать письменные приглашения составляет совершенно новый элемент в свадебной обрядности абхазов.

Как отмечалось выше, прямо или косвенно подготовку к свадьбе начинают со дня сватания. Однако непосредственно к ней приступают после назначения дня свадьбы. Много забот особенно у родителей жениха, так как свадьба, устраиваемая в их доме, собирает в несколько раз больше гостей, чем в доме невесты. В этом деле данной семье помогают, прежде всего, соседи и близкие родственники.

Примерно за два-три дня до свадьбы они собираются в доме жениха. Избранные люди во время определения срока свадьбы для руководства подготовкой торжественного стола образуют несколько групп. Одна из групп занимается заготовкой дров, другая – постройкой свадебного навеса, в котором проходит пир, и т.д. В этот же день создаются также группы, которые в день свадьбы варят мамалыгу, мясо, разливают вино и подают па стол и. т. д.

Точно такие же группы создаются среди женщин, на которых лежит обязанность приготовить кондитерские изделия, накрывать на торжественный стол и другие работы, связанные с обслуживанием гостей. Причем, каждая группа как женская, так и мужская, имеет своего руководителя. Заметим, что вся физическая помощь, оказываемая соседями или просто приятелями, носит всегда безвозмездный характер. Но если в доме любого из них будет иметь место аналогичный случай, то тот, кому он когда-то помогал, считает себя обязанным оказать

ему посильную помощь. Для этого достаточно ему услышать о том, что тот в такое-то время будет заниматься той или иной работой.

В дни подготовительных работ хозяин, как правило, для обслуживающих лиц закалывает быка, а вечером, после окончания работы, устраивает им пир, носящий обычный торжественный характер.

Выдача невесты. Свадьба. Еще совсем недавно свадьбу устраивали ночью, поэтому гости начинали собираться вечером. Вечером, после захода солнца, сразу после угощения, отправлялась за невестой и свита. Она состояла из 30–40 и более человек. Невесту привозили поздно. Порою собравшимся на свадьбе гостям приходилось ждать свиту даже до утра. Сейчас утвердился обычай устраивать свадьбу днем в субботу или воскресенье. Невесту вывозят из родительского дома в первой половине дня.

Отказ от устройства свадьбы вечером говорит о том, что свадьба лишилась значительной части комплексов магических представлений, связанных, в частности, с запретом привода невесты днем во избежание всякого сглаза.

Современный свадебный кортеж насчитывает, как правило, не более 10–15 человек из числа молодых родственников и друзей жениха. Как и прежде, среди участников кортежа назначается старший, но носящий теперь лишь символический характер. Обычно им бывает хорошо знающий обычай уважаемый односельчанин.

Как правило, вместе со свитой за невестой едет и жених, чего нельзя было увидеть в прошлом. Еще лет десять-пятнадцать назад свита ехала на лошадях, теперь – только в легковых автомашинах, украшенных красивыми лентами, куклой и пр. символиками.

При женитьбе посредством похищения девушки невесту помещают до определенного времени в другом селении у близких родственников жениха, чаще всего у родственников

по материнской линии, где можно подольше держать ее втайне от родных. Причем, молодую поселяют в доме наиболее уважаемого и надежного человека, способного отстоять честь жениха и вести переговоры на высшем уровне с родителями для примирения сторон. В таких случаях свита отправляется, естественно, не в дом родителей невесты, а к родственнику, у которого находится последняя. Однако данный обычай уже не характерен для абхазской свадьбы, поскольку способ заключения брака путем насильственного похищения девушки представляет в настоящее время весьма редкое явление.

При тайном же заключении брака невесту привозят в отцовский дом жениха и устраивают угощение. Свадьбу играют через два-три месяца, то есть после того, как соберутся со средствами для этого. Естественно, поэтому на такой свадьбе свиты, как таковой, не формируют.

Как уже говорилось, при выдаче невесты ее родители устраивают свадьбу, на которую съезжаются родственники, соседи и близкие им люди. Здесь, как и на свадьбе в доме жениха, гостей усаживают за стол на противоположной от входа в помещение стороне, напротив них садятся представители хозяев. Согласно указанию отца жениха, свита вместе с невестой должна вернуться обратно в дом жениха не позднее условленного времени. Поэтому цель членов свиты – поскорее встать из-за стола, а хозяева стараются задержать подольше, при этом и напоить. Следует отметить, что как молодые члены свиты, так и женщины встают из-за стола раньше своих старших товарищей, ведущих «соревнование» с представителями противоположной стороны, что является знаком уважения и почтительного отношения к старшим.

Следует также отметить, что в подавляющем большинстве случаев и жених принимает некоторое участие в пире, сидя при этом вместе со своим дружкой в углу, где его меньше всего видно. Однако, в горных селениях жених в тон или иной степени соблюдает обычаи избегания, заключающийся в дан-

ном случае в запрете сидеть жениху в том помещении, где проходит пир, и разговаривать в присутствии старших родственников невесты.

В прошлом выдача приданого производилась через одного из уважаемых сельчан, под руководством которого оно выносилось на показ. Приданое дочери зажиточного крестьянина состояло, примерно, из 6–12 постелей (тюфяков и одеял), столько же подушек, медных котлов, рукомойников и тазов, двух надочажных цепей, железного крючка. Конечно же, в комплекте приданого несколько платьев, сундука, чемоданов, шкатулки, ковров, а также арбы с буйволами, лошади с седлом¹³³. Теперь приданое не выносится на показ и состоит из спального гарнитура или, чаще, денег в сумме 1000–2000 рублей.

Невесту сопровождают три-четыре, иногда и больше человек из числа близких родственников и подруг.

После завершения пира младшие члены свиты и подруги невесты выводят ее из дома.

Бывает, что хозяева предьявляют «протест» против выдачи невесты, в знак которого они преграждают ворота двора накрытым заранее столом. Они стараются не выпустить свиту, пока каждый ее представитель не поднимает объемистый рог с вином, осушение которого принимается как «выкуп» невесты.

Некогда местная молодежь встречала поезжан у ворот хозяйского дома и чем дольше она задерживала свадебную процессию, тем похвальнее было для нее. Затем молодые вскачь гонялись за поезжанами, то срывали с головы кого-либо из них папаху или башлык, то отнимали бурки друг у друга и т. д.¹³⁴. Односельчане считали своим долгом свалить на землю хотя бы по одному разу каждого из свиты. Победленных заставляли танцевать без музыки под свист и хохот победителей

¹³³ Н. С. Джанашиа. Указ. раб., с. 98.

¹³⁴ Там же.

и только затем разрешали сесть на лошадь. Считалось большим стыдом, если при этом кто-нибудь сердился даже тогда, когда во время борьбы его неловко роняли на землю¹³⁵.

Придерживаясь традиций, в Абжуйской Абхазии машина, в которой находится невеста, следует последней, а в Бзыбской Абхазии – в середине. На полпути свадебный поезд останавливается. Невесту вместе с младшим дружкой и подругой высаживают из машины, принадлежащей обычно одному из сопровождающих дружкой, и усаживают в другую специально предназначенную женихом для невесты. При приближении к дому жениха вперед мчится один из машин для того, чтобы сообщить хозяевам свадьбы о приближении поезжан. Водитель и все остальные сидящие в машине получают за это подарки.

За последнее время традиционным стали также свадебные путешествия молодоженов в Москву, Ленинград, Прибалтику и, нередко, в страны социалистического содружества, в которые отправляются обычно до свадьбы. На обратном пути молодых встречает обычная свита поезжан с букетами цветов. В этом случае соблюдаются те же обряды, каких придерживаются при настоящем приводе невесты. Налицо влияние традиции запада.

Привод невесты является кульминационным моментом всего свадебного торжества, во время которого не раздаются, как прежде, многочисленные выстрелы из пистолетов и ружей, но звучат прежние свадебные песни и устраивается молодежный перепляс, в разгаре которого можно увидеть национальный танец «ачаракуашара» отца и матери жениха, исполняющих по просьбе молодежи. Затем мать жениха, «следуя традиции, обходит вокруг невесты, обнимает и целует ее. На лестнице одна из женщин почтенного возраста обсыпает невесту серебряными монетами, после чего она переступает порог дома под звуки скрещивающихся над ее головой кинжалов.

¹³⁵ С. Н. Патеипа. Указ. раб., с. 13.

За редким исключением, выполняющие эти обряды люди далеки от магического смысла выполняемых обрядов, из которых первый тяготеет к космогоническим поверьям, а последний должен охранять молодую от злых духов. Сейчас поступают просто по традиции, не придавая этой обрядности никакого религиозного значения. Вместе с тем забываются обычаи рассыпания по следам невесты зерна, поднесения к ее губам меда, совершавшиеся в прошлом с «целью обеспечения новобрачным плодovitости, богатства и сладкой жизни»¹³⁶.

Невеста в современном свадебном костюме располагается в светлой комнате большого дома, обставленной соответствующей мебелью, в комплект которой входит все, что необходимо молодым. Комната эта взяла на себя все функции амхара – круглой плетенки с конусообразной крышей, которую строили специально для новобрачных. Рядом с окруженной особым вниманием молодежи невестой стоят ее подруга и одна из молодых родственниц жениха, которые не отходят от нее до конца свадебного торжества.

У абжуйских абхазов здесь, в комнате новобрачных, производятся смотрины невесты (атацабара), сопровождающиеся приношениями подарков (ачахтыпса или ахаршв), делаемых как бы в честь знакомства с невестой. У бзыбских абхазов подарки принимает определенная группа людей, состоящая из старшего дружки невесты и двоих родственников жениха, располагающаяся за накрытым столом под навесом, построенным специально во дворе дома. Еще лет двадцать-двадцать пять тому назад в подарок приносили различные предметы домашнего обихода, а денежные подношения, делаемые одним человеком, за редким исключением не превышали 5–10 рублей. Теперь, как правило, гости невесте дарят в основном деньги – от 10 до 100 рублей, а близкие родственники – золотые кольца, ковры, сервизы и другие ценные вещи. Более

¹³⁶ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 15.

того, все эти подарки регистрируются, так как рано или поздно и хозяину предстоит в свою очередь делать соответствующие приношения во время торжества в доме любого из присутствующих гостей на свадьбе.

Последняя форма одаривания, носящая сугубо официальный характер, неоднократно становилась предметом осуждения общественности.

Аналогичные подношения делаются у многих народов Кавказа. В частности, у грузин, как и у абхазов, для обозначения подношения, делаемого на свадьбе, имеются два термина – «тавгадасагдеб» и «шесацевари». Первое переводится как «покрытие головы», второе – как «оказание помощи»¹³⁷. По видимому, абхазский термин «ахаршв», означающий «то, что бросается на голову», идентичен по своему содержанию грузинскому «тавгадасагдеб» и связан с обычаем оказания помощи молодоженам со стороны присутствующих в торжестве гостей, а–«ачыхтпса», этимологизирующий как «цена открытия лица», делали невесте только старшие родственники жениха как бы дополнительно в честь прекращения ею обычая избегания. Об этом говорит то обстоятельство, что свекор и дядя жениха, как со стороны отца, так и со стороны матери, с истечением определенного времени, устраивали специальное угощение и просили невестку разговаривать с ними в дальнейшем.

Существует даже предание, в котором говорится, что в старые времена какой-то старик изъявил желание, чтобы жена его единственного сына начала говорить при нем и относилась как к своему отцу. Для этого он собрал своих односельчан, заколол быка и устроил обильное угощение, после нескольких просьб невестка заговорила с ним. Однако невестка оказалась слишком языкатой и вскоре показала старику «на что она была способна». Старик вновь собрал людей и попро-

¹³⁷ Г. Н. Джавахишвили. Быт и культура горцев Грузии. – Тбилиси, 1980, с. 78.

сил их: «сделайте так, чтобы моя невестка перестала говорить со мной, и я вам другого быка заколю».

Жених уже не избегает никого, кроме родственников преклонного возраста.

Заметим еще, что жених перестал носить головной убор, считавшийся в прошлом обязательным.

Свадебный стол накрывается заранее, но садятся за него только после прибытия свиты с невестой.

Говоря об изменениях, происшедших в абхазской свадьбе, прежде всего, следует отметить, что в дореволюционной Абхазии «во время свадьбы, которую к тому же могли устраивать только состоятельные люди, людей сажали прямо на землю и еду подавали им на соломе... В некоторых местах чуть ли не за неделю до свадьбы начинали варить мамалыгу и мясо, чем исчерпывалось все тогдашнее меню (если не считать вина), потому что не хватало даже котлов; не все крестьяне имели также стаканы, вино пили из деревянных чашек»¹³⁸. Сейчас особое внимание обращают на уют навеса – ашапа.

Как правило, стены свадебного помещения обтягивают белым льняным материалом, столы покрывают скатертью и богато сервируют.

Каждое блюдо подносится на отдельной посуде. Фрукты и сладости кладутся в вазы. Тем самым облегчилась функция распорядителя мяса, который каждому гостю должен был выделить соответствующую его положению и возрасту часть этого блюда. Так, например, старейшему полагалась преподнести половину головы жертвенного животного, наиболее почетному дружку невесты – бедро или лопатку. От этого деликатного обычая осталась теперь поговорка: «Взглянув на лоб, раздавай мясо».

Следует обратить внимание еще на этикет, соблюдающийся особенно за свадебным столом, за который садятся после омовения рук, во время которого строго придержива-

¹³⁸ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки..., с. 15.

ются традиционного порядка старшинства. Дружков невесты, считающихся самыми почетными гостями, сажают на самом почетном месте стола. Им считается обычно середина стола, стоящего на противоположной от входа в помещение стороне. В некоторых горных селах до сих пор придерживаются обычая сажать женщин за стол отдельно от мужчин, а в приморской и, отчасти, предгорной зонах этот обычай уже не соблюдается.

Пир начинается с тоста «за встречу» в данном доме, затем следует переходящий тост, т.н. чаанбзиала. Каждый из присутствующих может передать рюмку водки с пожеланиями другу, знакомому, понравившейся девушке и т. д. У бзыбских абхазов этот обычай не распространен. После неоднократной просьбы гостей водку со стола убирают и подают вино; его пьют стаканами, которые поднимают в том же порядке. Затем, один из старейших и почтенных представителей родственного круга хозяина встает, держа в левой руке фундуковую палочку с нанизанным на ней вареной печенью вместе с вареным сердцем убиенного быка, а в правой руке – стакан вина, говорит тост в честь новобрачной пары. Заканчивая тост, он поливает сердце и печень вином, затем раздает по кусочку сидящим рядом за пиршественным столом. Через некоторое время пи же старик назначает тамаду. Им обычно бывает хорошо, знающий застольный обычай, обладающий искусством красноречия, а также умеющий пить много вина, авторитетным односельчанин. В Бзыбской Абхазии каждая определенная группа гостей выбирает себе тамаду и в результате на свадьбе может быть несколько таких руководителей.

Прежде всего, тамада поднимает три бокала: за народ, за новобрачных и за родителей последних.

Вторая очередь тостов насчитывает семь-девять стаканов (больше или меньше – не имеет значения, лишь бы было нечетное число), поднимающихся за здоровье старших членов рода жениха, дружков невесты и других гостей, сидящих за

столом. Особое место среди них занимает тост, провозглашаемый за Родину. Обычно им завершается пир.

Как правило, лицо, получившее очередной бокал с вином, говорит тост и выпивает стоя. В Абжуйской Абхазии пить разрешается и сидя. Причем, если этот человек почтенного возраста, то во время произношения им речи все, кто моложе его, должны стоять. Так поступают и тогда, когда говорит дружка невесты, если даже он молод.

Нужно отметить еще то, что в случае, если тамада встанет раньше, чем это предполагалось, то за себя оставляет одного из своих заместителей, способного довести пир до конца. Ушедший из-за стола участник торжества не имеет права вернуться обратно к нему.

Вечером, после окончания свадебного пира, хозяин вновь режет быка и накрывает на стол для обслуживающего персонала, за которым сидят обычно до поздней ночи.

Абхазская свадьба отличается еще своим необычайным весельем. Как правило, до сих пор в нем господствуют традиционные формы развлечения. Здесь можно услышать самые разнообразные национальные песни, увидеть темпераментный свадебный перепляс, занимающий первенствующее место на торжественном празднике. Между тем, в современную свадебную обрядность вошли также такие новые элементы, как бальные танцы, организовывающиеся молодежью в зале дома хозяина до приглашения гостей за стол или после пира. Во время пира за свадебным столом поют также современные песни абхазских, грузинских и русских композиторов.

Значительно упростился обычай одаривания. Еще двадцать-тридцать лет назад невеста делала подарки чуть ли не всем присутствующим на свадьбе гостям. Теперь она ограничивается одариванием близких родственников жениха.

В прошлом одаривание происходило после окончания свадебного пира торжественно в присутствии гостей, которые, расположившись полукругом во дворе, слушали традици-

онную речь одного из старших родственников хозяев дома, выступавшего по их же поручению. Заканчивая свою речь, оратор вручал через кого-либо из молодых соседей подарки друзьям невесты. Где-то в начале 60-х годов одаривание начали производить в ашапе, при котором оратором бывал сам тамада. В настоящее время одаривание женихом дружков невесты стало необязательным. Но и если делаются подарки, то не вручаются демонстративно, как это делалось раньше.

Исследование свадебной обрядности показывает, что из нее выпадает также ряд элементов традиционного свадебного ритуала, такие, как закрывание лица невесты, подсматривание за новобрачными в первую ночь, ввод в большой дом и другие отжившие свой век обычаи. Вместе, с тем, в свадебное празднество начали входить чуждые для абхазов привычки, как игры в карты до приглашения гостей за стол, а за столом же – некоторое злоупотребление алкогольными напитками, нередко приводящее к нежелательным последствиям. Алкоголизм и пьянство – новые отрицательные явления в жизни абхазов, отличавшихся издревле сдержанностью и скромностью поведения. Описывая нравы абхазов, Н. М. Альбов писал: «вина туземцы выделывают много, потому что они большие любители этого напитка и пьют его много, в особенности в гостях». Однако «пьянство здесь совершенно неизвестно, и считается крайне неприличным для мужчины быть навеселе и вообще выказывать какие бы то ни было признаки опьянения»¹³⁹.

Заметим еще, что за последнее время несколько увеличились размеры материальных затрат, связанных со всем свадебным циклом. Это явление обусловлено возросшим уровнем экономического благосостояния семьи. Однако многочисленные и чересчур пышные свадьбы, которые участились ныне в Абхазии, не следует считать положительным явлени-

¹³⁹ Н. М. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, СПб., 1893, вып. 3, с. 315.

ем, ибо невольно они стали приобретать мещанский характер и не лишены меркантильных целей. Об этом говорит даже и то обстоятельство, что после свадьбы лица, принимающие денежные подношения, «отчитываются» перед хозяином. Часто эта сумма превышает 10–15 тысяч рублей. Следовательно, свадьба не только себя оправдывает, но и дает немалый доход данной семье.

Отрицательным является и отсутствие должных мероприятий по внедрению в быт новых обрядов. Так, до сих пор регистрации брака происходит, как правило, после свадьбы или после рождения первого ребенка, так как при выписке роженицы из родильного дома требуется свидетельство о браке. Между тем в Абхазии имеются все условия для организации Домов счастья, какие есть в ряде других республик страны.

По всем данным, вступающие в брак должны регистрироваться в день водворения невесты в дом жениха, то есть до начала свадьбы. Для этого свадебная процессия подъезжает к сельскому клубу, где с букетами цветов ее встречает группа близких родственников, друзей и приятелей. Наряд молодоженов должен соответствовать национальному вкусу, ибо костюм молодых придает особый эффект всей свадебной обрядности, особенно, если это – традиционный костюм. К тому же костюмы могут быть взаимными подарками жениха и невесты, сделанными ими друг другу еще во время сватовства. Регистрация должна проводиться при участии представителей руководства села или, в крайнем случае, работников Дома культуры (клуба). На них же следует возложить и миссию вручения свидетельства о заключении брака. После этого можно организовать торжественный стол, за которым присутствующие товарищи скажут несколько добрых слов в адрес молодых. Здесь же можно устроить также продажу книг, парфюмерных изделий и других предметов, которые могут быть поднесены молодоженам. Затем все отправляются на свадьбу.

Не менее интересным будет, если свита вместе с женихом и невестой отправится на свадьбу верхом на лошадях, что не представляет для села никакой трудности.

Свадьба как символический акт рождения новой семьи должна привлекать молодежь своей праздничностью, красотой, ибо, как отмечает А. Г. Харчев, «событие, воплощенное в яркой эстетической форме, дольше сохраняется в памяти, следовательно, сохраняется и тот моральный смысл, который оно имело для данного человека»¹⁴⁰.

Необходимо также практиковать приглашение молодоженов за пиршественный стол, так как «знакомство» гостей с невестой осуществляется во время смотрин, производящихся еще до приглашения присутствующих в ашапу. В крайнем случае, можно накрыть отдельный стол, например, в зале большого дома, где среди сверстников наравне со всеми могут веселиться и жених и невеста. Прежде всего, здесь нужно помнить, что свадьба – это торжество молодых и молодости. Следовательно, жених и невеста являются центральными персонажами всей свадьбы.

Следует поднять вопрос о приглашении родителей невесты на свадьбу в доме жениха. Это будет способствовать не только скорому сближению родителей молодых, но и значительному сокращению материальных расходов, связанных с приглашением родичей невесты зятем. Очевидно, что с включением последнего элемента в свадебную обрядность упадет и избегание зятем родителей жены, имеющее место в ряде горных сел Абхазии.

Далее заметим, что еще совсем недавно повсеместно соблюдался обычай, по которому до истечения определенного времени невестка не должна была показываться во дворе. На это она получала право после торжественного ввода ее в «большой дом (аюнду аюагара). По Ш. Д. Инал-ипа, данное торжество, устраивавшееся обычно на пятнадцатый день

¹⁴⁰ А. Г. Харчев. Брак и семья в СССР. М., 1964, с. 315.

после свадьбы, организовывал за свой счет «товарищ жениха»¹⁴¹.

Однако этнографические материалы говорят о том, что все расходы, связанные с ним, брал на себя дружка невесты, а в обязанность первого входил только вывод жениха из амхары, о чем речь шла несколько выше.

Перед тем, как сесть за торжественный стол, молодые в сопровождении дружков вводили невестку в «большой» дом со свадебной песней и демонстративно снимали с нее платок. С этого времени она становилась равноправным членом семьи.

На этом торжестве совершали также и моление Богу семейного очага «ажбахара».

В настоящее время «ажбахара» устраивают обычно на второй день после свадьбы, сокращая тем самым срок приобщения невестки и хозяйственным делам семьи до минимума. Для этого свекровь или какая-нибудь соседка преклонного возраста печет пирог, курицу и, посадив невестку на колени лицом к восходу, просит ажбахара дать ей теплоту своих очей и сердца. Затем обводит свечку вокруг головы молодой женщины и прикрепляет к стене, где она должна догореть. Что касается ввода невестки в «большой» дом, то за редким исключением, его перестали устраивать. Более или менее он держится еще в отделенных горных районах республики.

В еще большей мере стал забываться обряд торжественного шествия невестки к источнику для совершения моления Царице воды «Дзахкуажв»¹⁴².

Сильно упростился также обычай приобщения невестки к отдельно проживающим родственникам и соседям мужа, по которому она не имела права самовольно посетить их. Невестка могла наносить первый визит только по официальному приглашению. Для этого приглашающая семья устраивала

¹⁴¹ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, с. 138.

¹⁴² Об этом см.: Н. С. Джанашиа. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми, 1960, с. 103.

специальное угощение, при котором она должна была заколоть животное и делала подарок. В свою очередь и невестка одаривала различными вещицами почти всех членов данной семьи. Теперь эти церемонии забываются, а посещение невесткой родственников или соседей мужа не носит столь официального характера, хотя оно не обходится без угощения и небольших подарков.

Вытеснение или исчезновение этих обычаев объясняется, главным образом, усилением социальной и экономической активности самой невестки, способствующей упрощению отношений между ею и окружающей средой.

Взаимные приглашения свойственников. Как и свадьба, торжество, связанное с приглашением зятя родителями жены, или последних самим зятем, имеет до сих пор в жизни села не только семейное, но и общественное значение. На эти празднества приглашаются, как правило, только те, кто входит в круг родственников, друзей и соседей семьи.

Вообще зятю не полагается вольное посещение дома жены. Для этого он должен получить официальное приглашение от хозяев. Точно так же и родственники жены наносят визит зятю только по приглашению.

Таким образом, по истечении нескольких месяцев иногда и лет, после свадьбы, тесть сообщает молодым супругам о своем решении пригласить их в свой дом.

В старину нанесение зятем первого визита тестю происходило еще до женитьбы. Позже это торжество начали устраивать после заключения брака. Как правило, зять доставлял тестю коня, быка, теще дарил золотые или другие ценные вещи. В свою очередь и родители делали ценные подарки не только зятю, но и всем дружкам и родственникам, которые сопровождали молодоженов.

Многие на этом торжестве производили также и выдачу приданого, которое Л. Х. Акаба называет «аихрацара»¹⁴³.

¹⁴³ Л. Х. Акаба. Указ. раб., с. 89.

Как говорилось выше, приданое посылается девушке в день ее свадьбы. Что касается приведенного термина, то им обозначается не приданое, а сам процесс выдачи его. «Приданое» по-абхазски – «аихрацага».

Теперь не практикуется дарение тестем зятю или тестю зятем коня. Обычно подарком для зятя бывают золотые часы, а для сопровождающих товарищей – рубашки, кольца или соответствующая им сумма денег. При этом следует заметить, что при приглашении зятем родителей жены предмет, которым одаривают тестя, зависит от его возраста. Прежде всего – это турий рог, из которого пьют вино, или бурка, черкеска, кинжал и пр. элементы национального костюма, принимающиеся как символ почтения народного наследия. Брату, сестре и другим молодым родственникам жены дают памятные часы, золотые кольца, браслеты и прочие украшения, а старшему дружке тестя – 50–100 рублей.

Если исключить свадебные церемонии, связанные с приводом невесты, смотринами и т. п., то само торжество по своему характеру мало чем отличается от вышеописанной свадьбы. Заранее определяется срок назначения праздника, выбирают людей для разрешения тех или иных вопросов, связанных с организацией стола, рассылаются пригласительные билеты и т. д.

Наиболее отличительной чертой торжества, устраиваемого в доме тестя, является то, что зять в той или иной мере соблюдает еще обычай избегания, в частности, разговаривает вполголоса, пьет меньше других мужчин, не курит в присутствии старших родственников жены, не поет, не танцует и т. д.

За последнее время утвердился порядок приобщать зятя к дому родителей жены еще до официального приглашения. В этом случае в день официального приглашения он не соблюдает все эти церемонии. Более того, это приглашение, с целью сократить расходы, многие родители жены стали приурочивать дню свадьбы сына, естественно, если она предстоит.

3.2. Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей

Перемены, происшедшие в жизни абхазской сельской семьи, привели к нарушению традиционной обрядности, связанной с появлением новой жизни, и ряда приемов воспитания детей.

Как говорилось выше, у абхазов невестка пользуется особым уважением. А если она ждет ребенка, то все члены семьи относятся к ней с большим вниманием. Ни в коей мере не допускают ее к выполнению тяжелых физических работ, берегут от всякого душевного потрясения, следят за тем, чтобы она питалась и отдыхала нормально и вовремя.

В старину у абхазов, как и у родственных им адыгейцев¹⁴⁴, принимался ряд мер для предохранения беременной женщины от злых духов. Беременной женщине запрещалось, в частности, проходить между двумя надочажными цепями, ходить на кладбище, выходить со двора после захода солнца, садиться на камень, пустое корыто, сундук, раздувать огонь. Перед началом родов мать роженицы или свекровь принимала обет¹⁴⁵. Она совершала также обряд «вешения котла» (акуабкнахара), для чего котел с положенным в него камнем ставился под кровать роженицы¹⁴⁶. Около роженицы слева клали ножицы и веретено, а справа – кинжал, цалду, топор и другие предметы¹⁴⁷, которые могли «обратить» на себя внимание новорожденного. Все зависело от его половой принадлежности.

Муж роженицы поселялся где-нибудь за пределами поселка, разрядив при этом свое ружье, а также обнажив саблю и кинжал.

¹⁴⁴ Я. С. Смирнова. Воспитание ребенка в адыгейском ауле в прошлом и настоящем. УЗ Ад. НИИ, Майкоп, 1968, с. 111.

¹⁴⁵ Я. С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины..., с. 134.

¹⁴⁶ Л. Х. Акаба. Указ. раб., с. 90.

¹⁴⁷ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 181.

Во время родов и другие взрослые мужчины покидали дом¹⁴⁸.

Заметим, что в старину у абхазов, как и у некоторых пародов горного Кавказа¹⁴⁹, существовал и такой обычай, что молодая женщина, ждавшая первого ребенка, за несколько дней или даже месяцев до начала родов, ездила к своим родителям и там она разрешалась. Но уже в конце XIX в. он начал забываться.

Известие о появлении на свет ребенка принималась всегда с большой радостью. Однако отношение к мальчикам и девочкам было неодинаковым. На первых смотрели как на опору отцовского дома. Девочка же считалась «гостьей» в семье. Поэтому рождение мальчика встречалось многочисленными выстрелами из ружей.

«Вместо шумной радости, с какой приветствовали мальчика, появление на свет девочки встречалось в семье тягостным молчанием»¹⁵⁰.

Мальчику под подушку клали пулю¹⁵¹ с целью отогнать злых духов и обеспечивать успех в военных делах и охотничьих предприятиях¹⁵². Девочке же под голову клали подарки, очевидно, в знак того, что она принесет отцу богатый выкуп, даваемый женихом¹⁵³. Молодежь строила качели и качалась на них. На 14–15 день после рождения ребенка совершался обряд выкупа залогов и приношения жертв, который называется агылахъа, что значит – день поднятия рженицы».

Агылахъа считается настоящим женским праздником, ибо на него приглашались лишь соседки и родственницы вместе

¹⁴⁸ Со слов 95-лет. жит. с Моква Очамчирского района Маглони Цвижба записано автором в 1978 г.

¹⁴⁹ Напр., у осетин (см. А. Х. Магометов. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе. 1968, с. 366.

¹⁵⁰ Я. С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины..., с. 118.

¹⁵¹ Н. С. Джанашия. Указ раб., 106.

¹⁵² Г. Ф. Чурсин. Указ раб., с. 183.

¹⁵³ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки..., с. 65.

со своими маленькими детьми. При этом свекровь роженицы или одна из родственниц преклонного возраста за два-три дня сообщала об этом всем женщинам своего поселка. В свою очередь последние доставляли кур, свежий сыр, которым начиняют пироги, и т. п. Молодые соседки помогали хозяйке и в приготовлении пищи.

Приношение жертвы производила «чистая женщина» – ахусцкья¹⁵⁴, на том месте, где родился ребенок. При произнесении молитвы «чистой женщиной» ребенок в люльке располагался справа от нее (головой на восток), а роженица становилась на колени рядом с ним.

Держа годовалого петуха левой рукой, моельщица обращалась к царице земли (адгьыл-анцаваху) с просьбой быть милостивой к роженице и ее ребенку, беречь их, где бы ни были, простить молодую мать за все погрешности, если она допускала их по глупости. Затем обводила петуха вокруг ее головы и люльки. Роженица поворачивалась кругом три раза и низко кланялась. Жертвенного петуха резала старуха, не отходя от места выполнения обряда.

В этот день из мучных блюд варили мамалыгу, пекли пироги и четыре круглых пирожка из пшеничной муки, начиненных свежим сыром, готовили также две свечи.

Перед употреблением пищи старуха еще раз производила моление. Для этого вареного петуха и испеченные блюда ставили на стол, накрытый неиспользованной белой скатертью, или никем неиспользованным еще бполотенцем, так же белого цвета. Затем вновь моельщица повторяла весь тот церемониал, сопровождаемый теми же словами. Два пирожка моельщица накладывала на грудь молодой матери» один – на пупок ребенка, молясь, чтобы с этого времени они у них не болели.

Церемония завершалась тем, что моельщица обводила поочередно вокруг головы роженицы и ребенка свечой, ко-

¹⁵⁴ Женщина, оставившая позади менструальный возраст.

торые затем раздвигала и прикрепляла её к дверной стойке» «Жертвенную пищу ели только родители ребенка»¹⁵⁵.

В некоторых местах пекли пять пирогов: четыре круглых и один в форме полумесяца. Круглые пироги мольщицей проводились через круг, образуемый присоединением большого и указательного пальцев рук роженицы. Тем самым она «развязывала» ее для того, чтобы молодая рожала детей и в дальнейшем так же свободно, как свободно проходили пироги через этот круг¹⁵⁶.

Суть этого обряда заключалась в основном в поклонении царице земли, являвшейся одним из главных божеств абхазского пантеона, как бы в знак благодарности за появление на свет новой жизни. По-видимому, некоторые его параллели встречались в прошлом и в других областях Кавказа. Так, в 1927 году Г. С. Читая записал в Аглагском районе Грузии аналогичный «агылахья» обряд, т. н. «мицис гаджериеба». Здесь сразу, или на второй день после рождения ребенка, повитуха пекла пироги круглой и крестообразной формы, начиненные сыром и гранатом. Форма шара символизировала голову новорожденного, крест символизировал его тело, сыр – мудрость, а гранат – свежесть, жизнь. У очага, где родился ребенок, выкапывала небольшую яму, куда клала часть жертвенной пищи и кости заранее приготовленного поросенка. А отец ребенка туда заливал вино. Остальную же часть пирогов повитуха раздавала детям, которые в свою очередь должны были поесть ее на ходу. При этом старуха произносила молитву царице земли: «Деда-мица (мать-земля), бери хлеб и вино, а ты дай ребенку и роженице здоровья, благополучия и счастья»¹⁵⁷.

Как правило, на этом торжестве, т. е. на «агылахья» ребенку давалось имя. Если это первый ребенок, то тогда в этот день

¹⁵⁵ Со слов 68-летней жит. с. Моква Очамчирского района Маницы Тарба записано автором в 1976 г.

¹⁵⁶ Н. С. Джанаши а. Указ. раб., с. 107.

¹⁵⁷ См. Г. Читая. Этнографическое путешествие в Агбулагский район – Сообщение Музея Грузии, т. IV, Тифлис, 1928, с. 228 (на груз. яз.).

мать молодой женщины в сопровождении некоторых соседей и соседок привозила люльку со всеми ее принадлежностями. В свою очередь отец ребенка одаривал тещу золотым кольцом и отрезом материала на платье,

До года, иногда и больше, ребенка держали в люльке, из которой вынимали три-четыре раза в день. В течение этого времени его кормили грудным молоком. С пяти-шести месяцев начинали прикармливать кашей, а после года – также мамалыгой с молочными продуктами. Уже с двух лет ребенку разрешалось есть вареное мясо, не очень острое блюдо из фасоли и пр. Купали ребенка ежедневно, как правило, в первой половине дня. Считалось, что вечером бродят нечистые духи, которые могли сглазить его.

Для предохранения от злых духов ребенку на шею вешали серебряные монеты. Вместе с тем, в каждой семье умели лечить ребенка от незначительных болезней. В случае, например, «появления красноты в складках кожи ребенка, ее посыпали пылью, собиравшейся в гнилых ольховых досках»¹⁵⁸. Если он серьезно заболел, родители обращались к знатокам народной медицины. Лечили преимущественно целебными травами. Прибегали также к магическим приемам врачевания.

В прошлом вообще все болезни абхазы приписывали сверхъестественным силам. Если, например, ребенок заболел корью, то родители прежде всего принимали обет, по которому брали обязательство сходить босиком до Илорского святилища и там принести в жертву овцу совершенно белого цвета. Никому в данной семье не разрешалось находиться в половой близости, ходить на оплакивание, похороны и поминки, употреблять спиртные напитки, пользоваться режущими предметами, шить, кроить и т. д. запрещалось также рубить дрова, чтобы не разозлить всевышнего шумом, садиться на коня, так как бог «мог» подумать, что с ним не считаются. Соседи и другие сельчане, знавшие о том, что в этом доме «го-

¹⁵⁸ Ч. Мачавариани. Указ. раб., с. 46.

стит» корь, не заходили во двор а приносили всякие сладости и оставляли у ворот, стараясь тем самым умиловить бога. Больного могли проведать только те, которые перенесли корь. Причем, никто из них не спрашивал о том, как себя чувствует больной, а поздравляли членов семьи с «посещением высокого гостя». У постели, где лежал больной, устраивали веселье – пели, танцевали, играли на национальных инструментах. Умершего от кори ребенка не оплакивали и о нем говорили просто «дкьатеит», то есть «погас», но не «умер».

При коклюше родители прибегали также к магическим способам лечения. Для этого обычно в местах оползней находили ореховое дерево, под огромным корнем которого образовалась отверстие и расчищали проход так, чтобы можно было через него пролезть. Затем бабушка или одна из «чистых» женщин брала больного ребенка и семь раз пропускала его под этим корнем. Иногда больного переносили также через семь рек. При выполнении того или иного приема старуха произносила: «лыпхала иухгааит», что значит «да пройдет при помощи его (бога – В. Б.) теплых очей»¹⁵⁹.

Большой страх у абхазов вызывало заболевание оспой. Считалось, что эта болезнь имеет своего божественного покровителя – Ахьы-Зосхан. Поэтому при лечении болезни воспрещалось употребление каких-либо лекарств. Вместо лечения увлажняли Ахьы-Зосхана, ставили для него угощение, а для лошади клали солому, затем собирались около больного, веселились, как бы радуясь прибытию «дорогого» гостя, пели обрядовую песню, прося его быть милостивым к больному. В комнате, где лежал больной, воспрещалось разводиться огонь, а также вносить туда кипяченую воду. Умершего от оспы не оплакивали, а хоронили с весельем»¹⁶⁰. При этом запрещалось

¹⁵⁹ В основе текста о детских болезнях и об обычаях, выполняемых при заболевании ими, лежит в основном полевой материал автора, собранный в 1975 г. в селах Очамчирского района.

¹⁶⁰ Г. Ф. Чурсин. Указ раб., с. 210–211; Н. С. Джанашиа. Указ. раб., с. 58–60.

выражать данной семье свое сочувствие, им лишь говорили: «илпха шауааит!» – «дай вам тепло его очей!»

Здесь соблюдались также все те запреты, какие считались обязательными при заболевании корью и коклюшем. Вообще эти три болезни считались болезнями, находящимися в близком родстве. Причем, оспу обычно называли дядей кори и коклюша с материнской стороны¹⁶¹.

У абхазов, как и у других народов Кавказа; существовала также вера в возможность посредством магических приемов передавать болезнь животному или человеку (обычно старику), о чем сообщал еще Г. Ф. Чурсин¹⁶². В настоящее время все эти и другие виды исцеления больного не только не практикуется, но помнит о них очень немногие.

Обычно с пяти-шести лет родители и другие члены семьи начинали приобщать детей к физическому труду. Девочки учились домашним работам, прежде всего у своих матерей. Особой обязанностью девочек считалось прислуживание старшим членам семьи, в частности, подать напиток, полить из кувшина на руки, подержать полотенце и т. д. Во время приготовления пищи они помогали своим матерям или бабушкам. Очень рано их втягивали в работу на огороде, где старшие женщины сажали лук, чеснок, кольраби и другие культуры. Таким образом, с 10–12 лет девочка «должна была уметь выполнять все женские работы»¹⁶³.

Важное значение придавали овладению искусством рукоделия. Девочек, обладавших хорошим музыкальным слухом, рано начинали так же учить танцевать, играть на национальных инструментах. Более того, «девочку-подростка учили владеть оружием, что было необходимо в условиях феодальной междоусобной борьбы»¹⁶⁴.

¹⁶¹ Полевой материал автора 1976 г. Архив ЛИЯЛИ, ф. 2, Д. 195.

¹⁶² Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 118.

¹⁶³ Я. С. Смирнова. Указ. раб., с. 118.

¹⁶⁴ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 211.

К трудовой деятельности приучали рано также и мальчиков. Во время плетения забора, например, пяти-шестилетний мальчик подавал отцу или старшему брату хворост, заливал воду в дыры, куда тот забивал колья. С такого же возраста доверяли ему пасти козлят недалеко от дома¹⁶⁵. Позже он помогал работающим в поле мужчинам. Одновременно мальчик овладевал приемами джигитовки, охотничьим делом. Он учился у старших также метко стрелять, выслеживать дичь, ставить капканы и др. приемам. По этому поводу Н. М. Альбов писал, что «выработка умения хорошо править лошадью входит существенным элементом в программу абхазского воспитания¹⁶⁶. Иными словами, уже в 12–14 лет подросток наравне с взрослыми мужчинами ходил на прополку кукурузы, заготавливал и привозил на арбе дрова, то есть привыкал к самостоятельности. «В то же время, отнесясь к детям с любовью и заботой, – писал тот же Н. М. Альбов, – абхазы стараются по мере возможности не загружать детей, в том числе и дочерей... Телесных наказаний – не только розг, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т. п., при воспитании совершенно не практикуется, так как туземцы вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применять их к существам беззащитным и притом столь дорогим для них, как дети... В свою очередь, дети платят родителям почтительностью и послушанием»¹⁶⁷. При этом следует также отметить, что «почтительное отношение к старшим вообще составляет одно из самых отрадных явлений в жизни Абхазии»¹⁶⁸.

Особое внимание уделялось воспитанию в детях вежливости, честности, скромности и других замечательных качеств горцев.

В настоящее время, по мере роста социально-экономического и культурного уровня жизни семьи, изменились требования к воспитанию детей.

¹⁶⁵ См. К. Мачавариани. Указ. раб., с. 51.

¹⁶⁶ Н. М. Альбов. Указ. раб., с. 311.

¹⁶⁷ Там же, с. 318.

¹⁶⁸ Там же, с. 319.

Факты разрешения женщины от бремени на земляном полу, устланном соломой, встречавшиеся прежде повсеместно, теперь совершенно исчезли даже в самых отдаленных селах республики. Роды происходят только в родильном доме. Это обстоятельство ускорило процесс отхода масс от всяких поверий. Следовательно, изжил свой век институт повитух и молельниц, принимавших ребенка, совершавших по этому случаю различные обряды. Отпали всякие лечебные и магические приемы, применявшиеся при трудных родах.

Перед выходом роженицы из родильного дома в сельсовете, в присутствии отца ребенка, оформляется свидетельство о рождении. Имя ребенку дается отцом, матерью или другим ближайшим родственником. За последнее время широкое распространение получили такие вновь возродившиеся традиционные мужские имена, как Адгур, Алхас, Аляс, Аслан, Ахра, Батал, Гуатей, Гудиса, Манча, Хаджарат, Хьрыпс и др., а из женских имен – Амза, Амра, Арда, Гунда, Кама, Мадина, Мактина, Наала, Ната, Рица, Шадина, Шамсиа и др.¹⁶⁹.

С приводом ребенка домой его укладывают в люльку, где держат около года. Вынимают из нее часто. Но в колыбели ребенок лежит неподвижно, туго привязанный к ней, притом, без доступа свежего воздуха, недостаток которого ограничивает кислородный обмен, что противопоказан физическому развитию организма ребенка. В последние годы, под влиянием медицинской пропаганды и благодаря взрослому культурному уровню населения, в быт сельской семьи вошла детская кровать фабричного производства.

Воспитанием детей занимается мать, но в наименьшей мере о них заботятся и другие взрослые члены семьи.

Необходимую помощь молодым семьям в деле воспитания детей оказывают местные медицинские учреждения, способствующие внедрению передовых санитарно-гигиенических на-

¹⁶⁹ Более обширный список имен, имеющих наибольшее распространение см. Ш. Д. Инал-ипа «Традиции и современность», Сухуми, 1978.

выков. А при обнаружении признаков какой-либо болезни у ребенка взрослые члены семьи немедленно обращаются к врачу.

Воспитание детей стало также делом общественности. Значительна роль дошкольных учреждений, сеть которых из года в год расширяется. Во всех селах, где формой общественного хозяйства является совхоз, имеются ясли и сады. Общественное воспитание вместе с заботливым отношением родителей обеспечивает детям всестороннее развитие и вырабатывает коллективизм. Дошкольные учреждения функционируют также в ряде передовых колхозов. В большинстве же сел нет ни ясель ни садов, дети воспитываются под присмотром старших членов семьи. В трехпоколенных семьях ими занимаются бабушки – основные хранители и носители пережитков прошлого. Известно, что, с одной стороны, развитие детских дошкольных учреждений способствует формированию интеллекта подрастающего поколения. Следовательно, как говорится в Программе КПСС, «воспитательное влияние семьи на детей должно все более органически сочетаться с их общественным воспитанием»¹⁷⁰. С другой стороны, оно разгружает женщину от совмещения основной работы с функциями матери, то есть ослабляет ее физическую нагрузку.

Одной из положительных сторон воспитания в современной абхазской семье является вовлечение детей в посильные работы по дому и хозяйству, которое осуществляется методом убеждения, являющегося народным приемом воздействия на них. Причем, за добросовестное выполнение той или иной работы они поощряются похвалой взрослыми членами, главным образом, отцом. А физическое наказание, как мера воздействия на уклоняющихся от задания детей, как правило, не практикуется.

Одним словом, привычка к физическому труду у детей вырабатывается как-то легко и незаметно еще в дошкольном возрасте.

¹⁷⁰ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1974.

С 6 лет дети начинают ходить в школу, где наравне с умственным развитием особое внимание уделяется физическому воспитанию. Во время летних каникул дети помогают взрослым членам семьи в выполнении той или иной работы в общественном хозяйстве или принимают в нем участие самостоятельно, что дает им возможность находиться вне экономической зависимости. Таким образом, приучение детей к труду, являющееся одним из важнейших средств воспитания подрастающего поколения, было и остается характерной чертой сельской семьи у абхазов.

Отметим еще, что улучшению воспитания детей способствует и рост жизненного уровня семьи, создавший условия для постоянного увеличения затрат не только на питание и одежду ребенка, но и на удовлетворение его духовных потребностей, что существенно влияет на умственное и нравственное развитие молодежи. Если жилищные условия семьи, относящиеся к числу её важнейших материальных факторов, которые оказывают известное влияние на воспитание детей и отвечают требованиям принципов гигиены, дают возможность готовиться к школьным занятиям отдельно и спокойной обстановке, то возможность иметь личную библиотеку, а также радиоприемник и телевизор, которые встречаются теперь почти в каждом доме, определяют духовное развитие ребенка в семье.

Кроме того, родители, заинтересованные в правильном воспитании своих детей, повышают свои педагогические знания, приобретают для этого специальную литературу.

3. 3. Новые семейные праздники

В последние годы, под влиянием городской культуры, проникающей в быт сельских жителей через местную интеллигенцию, получили широкое развитие новые праздники и обряды, отвечающие требованиям современных семейных

отношений. К таким относятся день рождения, празднества, связанные с учебой, юбилейными датами, новосельем и др.

В основе некоторых из них лежат традиционные обряды, выполнявшиеся, как правило, в связи с тем или иным событием в жизни семьи. Так, например, когда ребенку исполнялся год, над ним совершался ряд религиозных обрядов, к числу которых относятся, прежде всего, «стрижка волос» и «развязывание ног».

Обряд стрижки волос (амшхуамхра) совершался по инициативе родителей ребенка или изъявившего желание породниться с ребенком человека. При этом родители ребенка накрывали на стол, за который приглашались ближайшие родственники и соседи. Человек, стригший волосы ребенка, делал также ценные подарки имениннику, одежду, игрушки и пр.

Перед тем, как сесть за торжественный стол, один из соседей старшего возраста, обращая на себя внимание присутствующих гостей, приглашает будущего «родственника» приступить к стрижке, высказывая при этом свои пожелания в адрес ребенка и того, кто с ним роднится. Для этой цели последнему давали ножницы. Одна из младших родственниц или соседок подносила ему тарелку, покрытую белой салфеткой, на которую он должен класть отстриженные полосы ребенка. После этой церемонии тот становился как бы членом семьи ребенка. Волосы обычно заплетали вместе с красной лентой и прятали или вешали на стенку. Затем садились за стол. Застолье проводилось в торжественной обстановке.

Так же торжественно совершался и обряд «развязывания ног» или как еще называют «становления на ноги» – «адашьхуапкара» (резание жилы пятки)¹⁷¹. Но он не имел такого резонанса, как «стрижка волос».

Специально для «развязывания ног ребенка» на глиняной сковородке пекли пирог из кукурузной муки, смешанной с

¹⁷¹ Н. С. Джанашиа называет этот обряд «ашьхуапкара», что переводится как «резание пятки». См. его указ. раб., с. 107.

пшеничной начиненный свежим сыром. Свекровь или одна из «чистых женщин», которую приглашали для совершения данного обряда, клала жертвенную пищу на застланный чистым полотенцем порог дома. Затем брала ребенка, на ноги которого была заранее надета плетка из шерстяной нитки красного цвета, ставила его на пирог, который также был покрыт полотенцем или салфеткой, и произносила молитву за то, чтобы с этого дня ребенок начал ходить. Нитку разрезала и выносила ребенка на двор. Куски пирога раздавала детям, которые должны были съесть их на бегу. Иногда при этом между детьми она организовывала всякого рода игры, и соревнования по бегу и прыжкам.

Исполнение ребенку года торжественно отмечалось также у адыгов, осетин и других народов Кавказа¹⁷², в частности, выполнялись обряды, связанные с его первым шагом и бритьем головы. Но они имели несколько иной смысл. В отличие от абхазского, обряд становления на ноги, например, служил у них для «определения» будущего занятия ребенка. Для чего на стол или на обрядовое кушанье, покрытое полотенцем, клали нож, кинжал, газыри и прочие предметы. Тот предмет, к которому притрагивался ребенок, считался предзнаменованием его будущности.

В настоящее время у абхазов эти обряды забываются; они заменяются празднованием дня рождения ребенка, устройством угощения близких. Заметим еще, что по исполнению года для ребенка кладут специально отдельную порцию мамалыги и то, что с ней едят, приобщая тем самым к полноценным членам семьи. До этого он считался ангелом (амаалыкъ).

В семьях интеллигенции дни рождения отмечаются ежегодно. Широко отмечают особенно круглые даты и, главным образом, совершеннолетие. На это торжество приглашаются, прежде всего, сверстники, друзья именинника. В день совершеннолетия

¹⁷² См. Б. Л. Колоев. Осетины М., 1967, с. 198; С.Х Мафедзев. Обряды и обрядовые игры адыгов. Нальчик, 1979, с. 98-100.

приглашаются также учителя школы, где учился «виновник» торжества. Обычно приглашенные гости приподносят подарки: детям дарят игрушки, книги и прочие вещи, а взрослым делают более ценные подарки. Застолье проводится традиционно, в частности, выбирается тамада, в чьи руки передается вся полнота «власти» до конца вечера. Не последнее место в проведении данного праздника занимают застольные песни и танцы.

За последнее время утвердился также обычай отмечать дни рождения взрослых людей в коллективе, где они работают. И здесь этот праздник не обходится без угощения.

Совершенно новым явлением в семейном быте абхазов, проживающих в сельских районах республики, представляется празднование поступления сына или дочери в вуз или его окончания. На данное торжество приглашаются также товарищи молодого человека, поступившего в институт или какое-нибудь училище. Или завершившего учебу, друзья, родственники и соседи данной семьи. Непременным условием считается также присутствие преподавателей школы, в которой учился и вырос «хозяин» торжества. И в этом случае многие из присутствующих одаривают его различными подарками. Ими бывают авторучки, книги, чеканки и др. Более ценные подарки делаются, как правило, коллективно. Обычно на этом торжестве руководителем стола выбирают директора школы. Причем участились случаи, когда представители школы от имени своего коллектива вручают памятный альбом, в котором помещается текст поздравления и напутствия.

Следует отметить, что не всякому учащемуся или выпускнику устраивают такое торжество. То или иное событие празднуют только в том случае, если выпускник завершил учебу с отличным дипломом. В какой-то мере это обстоятельство способствует стремлению учащегося окончить учебу хорошо.

Еще совсем недавно люди старшего поколения, пережившие ужасы Великой Отечественной войны, перед отправкой на военную службу сына или внука давали обет пожертвовать

бараном совершенно белого цвета, в случае благополучного возвращения его домой. Теперь этот обряд забывается. Он вытеснен торжественными проводами. Для этого отец призывника устраивает вечер, на который приглашают близких соседей, родственников и друзей. Как правило, закалывают козла или бычка, накрывают обычный торжественный стол. Произнеся очередной тост за юношу, каждый из присутствующих обращается к нему со словами напутствия и добрых пожеланий, примерно, следующего содержания: «Грустно расставание, но Родине нужно отдать долг. Пусть окрыляет тебя радостное сознание того, что ты охраняешь покой народа, служи честно и возвращайся домой только со славой»!

После окончания торжественного вечера родители, братья, сестры и близкие друзья провожают призывника до сборного пункта.

По возвращении сына из армии так же устраивают торжественный обед, на который с поздравлениями приходят все, кто узнает о его приезде. Человек, принесший родителям радостную весть о прибытии молодого человека, получает подарок от них, наручные часы.

Вместе с тем заметим, что порою торжественные провода в армию сводятся к многолюдным попойкам с денежными приношениями. Работники же культурно-просветительных учреждений большинства сел, не уделяют должного внимания этим явлениям, тогда как подобные события следовало бы превратить в общественные праздники с участием ветеранов войны и труда, а также передовиков производства, чьи имена дороги всем, кто дорожит мирной жизнью. Умелое проведение такого праздника несет в себе огромный эмоциональный и воспитательный заряд.

Обычай провожать человека труда на заслуженный отдых представляет собой один из замечательных общественно-семейных праздников, порожденных потребностью современной жизни.

Применение к данному торжеству наименования «общественно-семейное», данного Н. П. Лобачевой¹⁷³, представляется удачным, так как оно отмечается как в коллективе, в котором работал юбиляр, так и в его доме. В качестве примера может служить вечер, состоявшийся в 1976 году в селе Тхина Очамчирского района, в связи с 60-летием со дня рождения и 40-летием педагогической деятельности заслуженного учителя республики, директора школы Сократа Харитоновича Воуба, на котором довелось присутствовать и мне, как бывшему его ученику.

Сельский клуб был заполнен людьми. На сцене, за столом, украшенном букетами цветов, среди руководства и активистов села, представителей администрации парткома и колхоза, а также преподавателей школы, сидит юбиляр. Вечер открыл завуч (ныне директор) школы Ю. А. Тодуа. С докладом о жизни и деятельности С. Х. Воуба выступил председатель Исполкома Тхинского сельсовета народных депутатов А. Н. Думаа. Затем для поздравления юбиляра на трибуну поднялись пионеры школы. С приветственными адресами и памятными подарками пришли на торжество представители Моквской, Гупской, Члоуской и других соседних школ.

После торжественной части силами учащихся был показан концерт. Но вечер на этом школьном мероприятии не закончился. Он продолжился в доме юбиляра, куда были приглашены все участники торжества. В помещении аганюны (дом удлиненной формы) был накрыт праздничный стол, примерно, на сто мест, расходы на организацию которого взяли на себя его дети: Владимир, Валерий, Венера и Валентина (все они имеют высшее образование, и работают по специальности).

В отличие от обычного проведения стола, почти каждый, кто сидел за столом, перед тем, как выпить бокал за здоровье юбиляра, читал стихи, ибо основная масса присутствующих представляла его коллег, преподавателей абхазского языка и

¹⁷³ Н. П. Лобачева. Указ. раб.

литературы, любителей поэзии. За каждым выступлением следовали национальные песни и танцы, занимавшие на вечерах первенствующее место.

Из семейных праздников наиболее многолюдным бывает новоселье.

В прошлом по окончании постройки дома устраивали обряд, связанный с молением за дом (аюннухуара), сопровождавшийся обрядом жертвоприношения владычице земли.

По представлению абхазов, всякое место имело своего покровителя, а всякое жилище – своего духа. Поэтому, особенно при поселении на новом месте, в один из дней, считавшихся в семье счастливым, хозяйка приготавливала несколько лепешек, четыре чурека, начиненных кусочками свежего сыра (по одному для каждого угла дома), резала петуха. Затем, взяв в одну руку фундуковую палочку, на которую нанизывались куриное сердце и печень, а в другую – стакан вина, молилась божеству о том, чтобы хорошо жилось в этом доме, семья множилась и благоденствовала. Более того, в каждом углу дома она зарывала в землю по одному куриному яйцу и чуреку, по одной лепешке, по одной горсти соли и угля, а также и по одному гвоздю¹⁷⁴. Можно было встретить и такое, где женщина лила вино на кусочек лепешки и произносила следующую формулу молитвы: «пока не накормлю этой пищей всех Ачба и Чачба (Фамилии владетельных князей Абхазии), до тех пор пусть не будет в этом доме никаких болезней, никакого несчастья»¹⁷⁵.

В районах Южной Абхазии моление совершалось старшим родственником или главой семьи. В жертву приносили барана, замененного затем козленком. Став лицом на восток, держа левой рукой жертвенного животного за рога, старик произносил молитву, во время которой все члены семьи становились на колени. Затем резали жертву и варили мясо,

¹⁷⁴ Г. Ф. Чурсин. Указ. раб., с. 105.

¹⁷⁵ Там же.

после чего, взяв одной рукой заостренную палочку, на которую нанизывали сердце и печень, а другой – слоенный пирог из пшеничной муки, молещик произносил те же слова, и подчеркивал при этом, что до этого была представлена жертва в живом виде, а теперь – ее сердце и печень. Если участок земли некогда принадлежал тому или иному роду, то молещиком бывал один из старейших последнего, которому данная семья делала подарки¹⁷⁶.

Случай выполнения подобного обряда в настоящее время встречается лишь как исключительное явление. Скорее всего, он растворяется в бытовом празднике новоселья, которое устраивают в субботу или воскресенье, днем.

На новоселье, как и на свадьбу, приглашается широкий круг родственников, соседей, друзей и приятелей семьи. Как правило, каждый из них приносит новоселам подарки: сервизы, телевизор, холодильник и прочие бытовые предметы, или деньги.

Что касается угощения, пира, застольного этикета и других элементов, из которых состоит празднество, то они особенно не отличаются от – свадебного.

Другими словами, новоселье не походит на свадьбу только тем, что в нем отсутствуют жених и невеста. Следовательно, не выполняются и обряды, связанные с ними. Таким образом, здесь переплетаются элементы традиционного праздничного стола с элементами нового бытового застолья, возникшего в процессе становления современного семейного быта. Пышность празднества обусловлена возросшим уровнем материального благосостояния семьи.

Рост экономического и культурного уровня жизни абхазского села способствует вхождению в быт семьи и общественных праздников.

Одним из наиболее любимых и быстро распространившихся праздников является Новый год. В семье к Новому году го-

¹⁷⁶ Со слов 70-летнего жителя с. Моква Очамчирского района Атарба Грышья записано автором в 1973 г.

товятся тщательно: закалывают козленка или покупают мясо, открывают остродонные кувшины с вином, устраивают новогоднюю елку. Члены семьи обмениваются подарками. Отмечают Новый год в ночь на первое число за семейным столом.

Как правило, начало Нового года сопровождается многочисленными выстрелами из охотничьих ружей, служащими как бы сигналом того, что та или иная семья встречает праздник с хорошими настроениями и приветствует соседей.

Особое место среди общественных праздников занимают 1 Мая и 7 Ноября.

По примеру горожан и местной интеллигенции в семьях колхозников и рабочих села начали праздновать и день, международной солидарности женщин – 8 Марта. При этом они устраивают пирушку, женщинам делают подарки.

Во многих семьях, относящихся не только к группе семей служащих, но и другим социальным образованиям, фиксируется традиция отмечать и другие знаменательные даты, которые торжественно встречают в нашей стране. Распространился обычай рассылать при этом поздравления.

Многие из этих праздников, являющиеся совершенно новыми для абхазской сельской семьи, вбирают в себя лучшие прогрессивные элементы старых национальных праздников, и тем самым завоевывают всеобщую симпатию народа.

ГЛАВА 4

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ

За годы Советской власти культурная жизнь абхазской сельской семьи¹⁷⁷, как и у других народов нашей страны, подверглась коренным изменениям. Одним из существенных показателей этого является уровень образования членов семьи.

В современной Абхазии неграмотные люди встречаются в основном в трех поколенных семьях. Другими словами, число неграмотных велико только среди представителей до-революционного периода рождения. Так, из 564 человек, родившихся до 1916 года в обследованных мною селах, 293 не умеют читать и писать, что составляет более 51 процента. На лиц, имеющих начальное образование, приходится 40%. Что касается более грамотных людей данной возрастной группы¹⁷⁸, то неполное среднее образование имеют 42,33%, среднее или средне-специальное – 2,65%. Как видно, детство этого поколения проходило уже в первые годы Советской власти, но большинство в крае оставалось еще лишенным элементарной грамотности. Правда, уже в 1923 году в Абхазии было 237 школ, против 146 в 1921 году¹⁷⁹. Однако численность учащихся возросла не намного, так как республика испытывала большой недостаток в учителях. Дефицит в кадрах чувствовался особенно среди коренного населения¹⁸⁰.

¹⁷⁷ В. Л. Бигвава. Изменения в культурной жизни сельской семьи у абхазов. «Известия АИЯЛИ», т. VII, Тбилиси, 1978.

¹⁷⁸ Данные обследования населения приводятся по группам: лица, которым 16–19 лет, включаются и подрастающее поколение; 20–29 и 30–39 лет относятся к молодому поколению и называются первой и второй группами, соответственно; так же делится и среднее поколение, включающее в себя людей, минувших 40–49 и 50–59 лет, а те, кому уже 60 и более лет, – относятся к старшему поколению.

¹⁷⁹ Народное хозяйство Абхазской АССР. Тб., 1973, с. 38.

¹⁸⁰ См. З. В. Анчабадзе. Очерк этнической истории абхазского народа. Сухуми, 1976, с. 127–128.

Что касается всего населения республики, то численность безграмотных в это время составляла 69%. Причем, если общее число неграмотных мужчин в возрасте от 18 до 40 лет составляло 60,4% от общего числа, то неграмотных женщин было еще больше – 92,3 %¹⁸¹.

Учитывая это положение, правительство Абхазии провело огромную работу по развитию сети народного образования республики. Систематически из года в год начало расти количество школ и число учащихся. Если в 1914/1915 учебном году в Абхазии было 150 начальных, 4 семилетних и 2 средние школы, в которых училось 8720 человек, то уже на восьмом году Советской власти в крае функционировало 277 начальных, 24 семилетних и 9 средних школ. А число учащихся возросло до 24716 человек¹⁸². Отметим еще то, что в дореволюционной Абхазии не было ни одной семилетней, не говоря уже о средней школе. В указанный период (1928) сельское население республики имело уже 17 семилетних и 2 средние школы¹⁸³. Соответственно возросло и число учителей. Если в годы установления Советской власти в Абхазии работало 238 учителей, то в 1928 году их стало 813¹⁸⁴. Росту педагогического состава способствовало открытие в 1926 году в Сухуми специальных курсов подготовки учителей для абхазских школ, преобразованных затем в педтехникумы.

Кроме того, сразу после установления Советской власти началась работа по ликвидации неграмотности среди взрослого населения республики. Еще в декабре 1921 года Ревком Абхазии на основании известного ленинского декрета разработал и принял об этом соответствующее постановление. А с 1923 года стали открываться курсы ликбеза. Причем, для людей, обучавшихся грамоте, было установлены особые

¹⁸¹ Там же, с. 128.

¹⁸² Народное хозяйство Абхазской АССР, с. 338, 343, 344.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ Там же.

льготы. Все эти мероприятия партийных и советских органов республики способствовали оживлению данной работы. Но ликвидация неграмотности тогда все еще не получила большого размаха. Она сильно ограничивалась отсутствием достаточных материальных средств, недостатком педагогов и необходимых учебников¹⁸⁵. Поэтому, как было сказано выше, среди людей старшего поколения, молодость которых относится к двадцатым годам, встречаются довольно много неграмотных. Следовательно, сообщение В. И. Нарсия о том, что «в 1932–1933 учебном году уже никакой сети школ ликбеза не существовало, так как к этому времени неграмотное взрослое население было обучено грамоте»,¹⁸⁶ не соответствует действительности. Напротив, в указанное время работа по ликвидации неграмотности еще больше усилилась, ибо, как отмечалось в постановлениях Абхазского обкома КП (б) Грузии и Президиума ЦИК автономной республики, состояние хода ликбеза было неудовлетворительным¹⁸⁷. Лишь «к концу второй пятилетки был завершён переход к всеобучу. Все дети школьного возраста были обеспечены школами. Этим полностью был перекрыт источник пополнения неграмотных»¹⁸⁸.

Так, согласно обработанным мною статистическим материалам похозяйственных книг сельских советов, в которых я работал¹⁸⁹, среди поколения двадцатых годов рождения, то есть второй группы среднего поколения, неграмотных уже

¹⁸⁵ См. А. Е. Куправа. Из истории культурного строительства в Советской Абхазии. Сухуми, 1961, с. 53–57.

¹⁸⁶ В. И. Нарсия. Советская школа в Абхазии 1921–1931. Сухуми, 1956, с. 117.

¹⁸⁷ См.: А. Е. Куправа. Борьба за ликвидацию неграмотности на селе Абхазской АССР в 1930–1940 годах. Известия АИЯЛИ, V, с. 8–9.

¹⁸⁸ Там же, с. 11.

¹⁸⁹ В двух горных – Хуап и Тхина – и двух приморских селениях Кындых и Куланыхуа.

гораздо меньше. Они представляют лишь 13,38%, а удельный вес лиц, имеющих начальное образование, увеличивается до половины общего числа. Здесь же из 232 человек 61 человек имеет неполное среднее образование. Рост численности последней возрастной группы объясняется открытием еще в двадцатых годах в республике педагогических техникумов и училищ¹⁹⁰, С введением в начале 30-х годов всеобщего начального обучения еще резче повышается уровень образования сельских жителей. Неграмотность среди первой группы людей среднего поколения падает уже до 3,5%. Среди поколения 1916–1926 годов рождения удельный вес лиц со средним образованием достигает 33,55%, а с неполным средним – 14,0%. Увеличивается также число сельских жителей республики с высшим образованием. То есть, по сравнению с показателем предыдущей группы, оно возросло больше, чем в четыре раза (см. таб. 6).

Все это говорит о том, что в результате колоссальной работы, проведенной в республике по расширению сети народного образования, дети, школьные годы которых проходили в 30-х годах, имели уже необходимую возможность получить номинальное образование в селах, а в ряде из них – восьмилетнее и, даже, среднее. Таким образом, ко времени победы социализма в нашей стране неграмотность в Абхазии была в основном ликвидирована и среди взрослого населения. Это в свою очередь способствовало тяготению подрастающего поколения к знаниям. Об этом свидетельствует и собранный мною материал. Так, вопрос неграмотности среди лиц, относящихся ко второй взрослой группе молодого поколения, уже почти исчезает. На нее приходится лишь 0,8%. Достаточно указать на то, что по сравнению с первой группой среднего поколения число имеющих начальное образование уменьшилось вдвое, то есть оно составляет

¹⁹⁰ Например, Сухумский педтехникум, музтехникум и др.

только 22,4%, тогда как из 500 человек 146 (29,62%) имеют неполное среднее образование, а 113 (22,6%)—среднее или средне-специальное. Соответственно увеличилось и число работающих людей в селе с высшим образованием. Теперь оно составляло более 6% от его общего населения. Этому успеху в значительной мере способствовало открытие в 1932 году Сухумского госпединститута и Всесоюзного института субтропических культур.

В дальнейшем вопрос неграмотности среди молодого поколения полностью снимается. Если и встречаются неграмотные, то ими являются только те, которые по состоянию здоровья лишены возможности учиться. Резко уменьшается и численность людей с начальным образованием. Возрастает удельный вес специалистов сельского хозяйства. Говоря: словами статистики, среди первой группы молодого поколения на лиц, имеющих среднее или средне-специальное образование, приходится 55,7%, а на тех, кто с высшим образованием – около 9%. Во всех без исключения селах встречаются юноши и девушки 20 и менее лет, работающие в общественном производстве села. Таковыми являются в основном лица, оставшиеся в своих селах после окончания средней школы или восьмого класса. Значительное число среди молодежи падает также и на специалистов, получивших среднее специальное образование. В целом на эту группу приходится более 4%.

Следует отметить то, что неравномерность частоты колебания по уровню образования между горными и приморскими селами, которую можно наблюдать среди старшего и, отчасти, среднего поколения, в настоящее время не отмечается. Наибольший процент неграмотности среди представителей старшего поколения приходится, главным образом, на жителей горных районов, ибо по своему географическому положению они занимают самые удаленные от культур-

ных центров местности. Это можно наблюдать на примере прибрежного села Куланьрхуа, соседствующего с городом Гудаута, и горного села Тхина, расположенного в 30 км. от города Очамчира. В первом из 192 человек старшего поколения неграмотные составляют 10,9%, тогда как в Тхина они представляют более 79%, то есть 122 из 154 человек. В Куланьрхуа начальное образование имеют 83,3%, а в последнем селе только 12,9%.

Характерной чертой изменений, происшедших за годы Советской власти в республике в области культурной жизни, является также резкое сокращение разницы в уровне образования между полами. Если до революции женщины оставались почти безграмотными, то в наше время, независимо от половой принадлежности, все дети учатся в школах, после окончания которых многие из них поступают в средние специальные и высшие учебные заведения. Ярким примером этого явления служат изменения, происшедшие особенно за последние десятилетия. Привожу пример. Среди абхазов, в 1959 год, на 1000 человек приходилось 16 человек с законченным высшим образованием, 8 – с незаконченным высшим, 26 – со средне-специальным и 78 – со средним образованием. В 1970 году эти числа сменились такими числами: 45, 18, 37 и 134. Среди мужчин в 1959 г. они составляли 23, 10, 25 и 80, а среди женщин – 10, 6, 26, и 77. Но уже в 1970 г. наблюдавшийся выше разрыв между полами резко сократился, то есть среди мужчин на 1000 человек приходится 51 с высшим, 19 с незаконченным высшим, 35 со средним специальным и 138 со средним образованием. Среди женщин таковыми являются, соответственно, 40, 16, 39 и 131 человек¹⁹¹.

¹⁹¹ Народное хозяйство Абхазской АССР..., с. 394.

Таблица 7. Уровень образования населения абхазского села¹⁹²

Возраст	Не грамотное		Начальное образование		Неполное среднее		Среднее и специальное		Высшее и неполное высшее		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
60 лет и более	293	51,95	230	40,78	25	4,43	15	2,65	1,	0,17	564	25,97
50-59 лет	31	13,36	111	47,84	61	26,29	25	20,77	4	1,72	232	10,68
40-49 лет	16	3,5	201	44,73	158	34,64	64	14,03	14	3,07	456	21,0
30-39 лет	4	1,0	112	28,0	146	36,5	113	28,25	25	6,25	400	18,42
20-29 лет	4	0,95	27	6,42	118	28,09	234	55,71	37	8,8	420	19,34
16-19 лет	3	3,03	5	5,05	45	45,45	43	43,43	4	4,04	99	4,56
Итого	351	16,16	689	31,73	553	25,47	493	22,7	85	3,91	21171	100

¹⁹² Таблица составлена автором по данным поэзияственных книг Хуапского, Тхинского, Куланьхрусского и Кындыхского сельсоветов. Архив ЛИЯЛИ, ф. 2, д. 195.

Таблица 7. В том числе в с. Куланырхуа (март 1976 г.)

Возраст	Неграмотное		Начальное образование		Неполное среднее		Среднее и среднеспециальное		Высшее и неполное высшее		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
60 лет и более	21	10,93	160	83,33	7	3,64	4	2,08	—	—	192	30,96
50-59 лет	1	1,12	55	61,79	24	24,96	7	7,86	2	2,24	89	14,35
40-49 лет	4	3,73	54	50,46	44	41,12	5	4,67	—	—	107	17,25
30-39 лет	3	2,5	38	31,66	46	38,33	29	24,16	4	3,33	120	19,35
20-29 лет	1	1,09	77	7,69	11	12,08	64	70,32	8	8,79	91	14,67
16-19 лет	—	—	4	19,04	5	23,8	8	38,09	4	19,04	21	3,38
Итого	30	4,83	318	51,29	137	22,09	117	18,87	18	2,9	6200	100

Таблица 8. с. Хуап (май 1976 г.)

Возраст	Не грамотное		Начальное образование		Неполное среднее		Среднее и среднее-специальное		Высшее и неполное высшее		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
60 лет и более	76	65,51	31	26,72	6	5,17	3	2,58	-	-	116	28,15
50-59 лет	6	12,0	26	50,0	13	26,0	6	12,0	-	-	50	12,13
40-49 лет	-	-	42	39,25	34	31,77	23	21,49	8	7,47	107	25,97
30-39 лет	-	-	12	21,81	13	23,63	21	38,18	9	16,36	55	13,34
20-29 лет	1	1,4	2	2,81	13	18,3	46	64,78	9	12,67	71	16,9
16-19 лет	1	7,69	-	-	6	46,15	6	46,15	-	-	13	1,15
Итого	84	20,38	112	27,18	85	20,63	105	25,46	26	6,31	412	100

Таблица 9. с. Киндги (июнь 1976 г.)

Возраст	Не грамотное		Начальное образование		Неполное среднее		Среднее и специальное		Высшее и неполное высшее		Всего	
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%
60 лет и более	74	72,54	19	18,62	3	3,94	5	4,9	1	0,98	102	24,28
50-59 лет	3	7,89	14	36,84	14	36,94	7	18,42	—	—	38	9,04
40-49 лет	—	—	47	50,00	38	40,42	6	6,38	3	3,19	94	22,38
30-39 лет	—	—	22	26,82	46	56,09	11	13,41	3	3,65	82	19,52
20-29 лет	—	—	6	6,52	46	50,0	29	31,52	11	11,95	92	21,9
16-19 лет	—	—	—	—	7	58,33	5	41,66	—	—	12	2,85
Итого	77	18,38	108	25,71	154	36,66	63	15,0	18	4,28	420	100

Таблица 10. с. Тхина (июль 1976 г.)

Возраст	Не грамотное		Начальное образование		Неполное среднее		Среднее и средне-специальное		Высшее и не-полное высшее		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%	число	%
60 лет и более	122	79,22	20	12,98	9	5,84	3	1,94	—	—	154	21,41
50-59 лет	21	38,18	17	30,9	10	18,18	5	9,09	2	3,63	55	7,64
40-49 лет	12	8,1	61	41,21	42	28,37	30	20,27	3	2,02	148	20,58
30-39 лет	1	0,69	40	27,97	41	28,67	52	36,36	9	6,29	143	19,88
20-29 лет	2	1,2	12	7,22	48	28,91	95	57,2	99	5,42	166	23,08
16-19 лет	2	3,77	1	1,88	27	50,94	23	43,39	—	—	53	7,37
Итого	160	22,25	151	21,0	117	24,61	208	28,92	23	3,19	719	100

Таким образом, данные статистики и полевых материалов показывают, что наблюдается тенденция полного исчезновения интересующей нас разницы. Причем, среди лиц, имеющих средне-специальное образование, женщины составляют больше, чем мужчины. Это очень важно, ибо ликвидация той или иной разницы в уровне образования между мужчиной и женщиной накладывает отпечаток на семейный быт в целом.

Отметим, что наиболее грамотной семьей является молодая двухпоколенная семья, состоящая из родителей и детей. За ней следуют семьи, старшие члены которых относятся к среднему поколению.

Вообще в настоящее время у абхазов нет неграмотной семьи, за исключением семей стариков-одинок.

Как правило, дети дошкольного возраста посещают детские сады (правда, не везде), а школьники имеют возможность получить среднее образование в родном селе¹⁹³. В современном абхазском селе нет такой семьи, которая не имела бы возможности создать своим детям необходимые условия для приготовления уроков.

Как правило, они занимаются в отдельной комнате. Наличие необходимой жилплощади дает им возможность соблюдать принципы гигиены и заниматься в спокойной обстановке. Многие молодые члены семьи учатся в высших или средне-специальных учебных заведениях. Учащаяся молодежь играет важную роль в деле преобразования культурной жизни семьи.

Характерной чертой для молодых родителей стало неуклонное стремление дать своим детям знания, для чего они стараются создать им необходимые условия, требующие немало усилий и труда.

Уровень образования семьи в той или иной степени зависит еще и от социальной принадлежности ее старших членов,

¹⁹³ В 1972/1973 учебном году в Абхазии было 418 школ. В сельских местностях функционировали 356 школ, в том числе 137 начальных, 105 восьмилетних и 114 средних. Число учащихся составляло 59 745 человек (см. Народное хоз-во Абх. АССР...).

с которых берет пример подрастающее поколение. Нередко дети учителей или агрономов выбирают те же профессии, какие имеют родители. В этом весьма важную роль играют еще старшие братья и сестры, которые первыми в семье пробили себе дорогу в жизнь. Например, у жителя с. Джгерда Арсаны и ныне покойной Веры Абухба, не имевших образования, четверо детей. Старшая дочь – Бабуца окончила педагогическим институт, за ней последовали ее брат Иван и сестра Гульнара, а Юрий пошел в технический. Интерес представляет семья колхозницы с. Гвада Зинаиды Амичба, у которой четверо сыновей и две дочери. Старшие – Валентина, Сариа и Георгий – являются кандидатами наук. Их средний брат, Борис окончил факультет иностранных языков Сухумского пединститута, затем и Тбилисскую государственную консерваторию.

Вышеуказанные факты и приведенные примеры говорят о высоком уровне образования современной абхазской сельской семьи.

Ярким показателем роста культурного уровня изучаемой семьи служит то, что в ее быт прочно вошли газеты, журналы, радиоприемники, телевизоры и другие предметы, играющие огромную роль в духовной жизни современного человека. Не говоря уже об интеллигенции, во многих колхозно-крестьянских и рабочих семьях можно увидеть личные библиотеки. Так или иначе, почти каждая семья приобщается к сельскому клубу, имеет возможность в своей деревне смотреть кинофильмы, спектакли, различные концерты, принимать участие в экскурсиях, организуемых учреждениями Абхазского областного совета по туризму и экскурсиям по интересным маршрутам страны.

Следует указать, что за последнее время число культурно-просветительных учреждений значительно увеличилось. Так, если в 1940 году в республике было 159 библиотек с книжным фондом 153 тысячи экземпляром книг, 140 клубов 60 киноустановок, то в 1972 году насчитывалось, соответ-

ственно, 328, 209 и 254¹⁹⁴. Причем первые функционируют в каждой деревне, а киноустановки имеются во многих домах культуры, остальные пользуются передвижными установками кинопроекторов. Естественно, с повышением грамотности и образования сельского населения, колхозники стали проявлять больше интереса к газетам и журналам и книгам. Трудящиеся имеют возможность читать различную литературу на родном языке.

Качество же работы культмассового учреждения во многом определяется уровнем подготовки его работников. Например, в Доме культуры колхоза им. Лакоба с. Члоу выпускник Сухумского культпросветучилища Давид Цвижба за короткий срок собственноручно изготовил апхиарцу, ачарпын, ахымаа, акьап-кьап и другие национальные инструменты, научил играть на них ряд молодых людей и создал ансамбль народных инструментов, песни в исполнении которого часто можно услышать по по Абхазскому радио и увидеть по абхазскому телевидению. Хореограф Ирадион Бигуаа в с. Тхина организовал студию народного танца на базе средней школы. Хорошо работают эстрадные коллективы Баслахубского и Дурипшского Домов Культуры, которые со своими концертами выступают не только перед собственными зрителями, но и в других районах республики.

Однако в работе многих культмассовых учреждений имеют место серьезные недостатки. Сотрудники библиотек недостаточно заботятся о том, чтобы книга доходила до каждой семьи, до каждого труженика. Мало практикуются тематические вечера, диспуты, литературные кружки и другие мероприятия, имеющие немаловажное значение в развитии интеллекта и проведении культурного досуга людей. В большинстве сел республики клубные здания не отвечают требованиям. Отсутствие в них широких сцен лишает возможности принимать коллективы танцевальных и театральных групп.

¹⁹⁴ Народное хозяйство Абхазской АССР..., с. 364–371.

В подавляющем большинстве сел нет ни музыкальных, ни хореографических школ.

Не носит систематический характер и работа спортивного клуба, не уделяют должного внимания стадиону, хотя футбол – один из любимейших видов спорта. Ограничиваться лишь конным спортом, которым обычно занимаются только осенью, перед соревнованиями, недостаточно. Безусловно, такая организация работы культмассовых учреждений накладывает неизгладимый отпечаток на настроение людей, главным образом, молодежи.

Недостаточная организация культмассовой работы на селе способствует массовому уходу молодежи в города. Правда, урбанизация является в настоящее время характерной чертой для развития населения не только Абхазии, но и всей страны.

Известно, что в условиях Абхазии, являющейся в значительной мере горной страной, сельское хозяйство механизмуется относительно медленно и труд колхозников пока еще тяжел. Поэтому ручная работа занимает здесь значительное место. А современная молодежь, независимо от ее местожительства, отдает предпочтение квалифицированному труду.

Следовательно, с расширением жизненных интересов, вызывающимся ростом уровня образования, у нее возникает стремление к лучшему месту, где она могла бы применить свои знания и, прежде всего, энергию. С другой стороны, традиционные формы использования свободного времени устарели, они не удовлетворяют теперь потребностям молодых людей.

Молодежь требует организованной формы отдыха. Ведь известно, что и само свободное время и досуг играют большую роль в формировании молодежи. К тому же от содержания и характера досуга в значительной степени зависит эффективность ее участия в общественной жизни. Добавим еще, что умелое проведение своего свободного времени является одним из существенных показателей культурного уровня жизни человека.

За исключением ряда немногих сел, медленно развивается телефонная связь и сеть предприятий бытового обслуживания – швейные мастерские, парикмахерские, бани и другие, представляющие жизненную необходимость на селе. Таким образом, причиной ухода молодежи из деревни является не только неудовлетворительность условий труда, но и уровень всей культурной жизни.

Что касается оплаты труда, то она не может играть существенной роли, так как почти во всех селах республики довольно высокая. Поэтому мотив потенциальной миграции сельской молодежи занимает здесь не так много места. То есть тенденция миграции возникла в результате несоответствия возросшего экономического благосостояния и уровня образования сельского населения с его культурной жизнью в целом.

Подъем культурной жизни села и улучшение его быта, осуществление которых возможно только лишь путем коренного переустройства работы культурно-массовых учреждений, приведет к изменению психологического настроения сельского труженика.

Уровень духовного развития населения современной абхазского села уже не тот, что был даже два-три десятка лет назад, когда далеко не в каждой семье можно было найти человека с образованием. Теперешняя семья – это в основном семья, состоящая из грамотных колхозников, рабочих и служащих, мировоззрение, эстетический вкус и опросы которых растут изо дня в день.

Заключение

Анализ материалов, произведенный выше, со всей определенностью свидетельствует, что за годы Советской власти сельская семья у абхазов, как и все остальные их социальные институты в целом, подверглась всестороннему изменению. Рост экономического уровня общественного производства

и коренное переустройство села обусловили значительное улучшение материального положения семьи.

Изменился также и характер личного подсобного хозяйства, служившего в прошлом единственным источником существования крестьянской семьи; натуральный доход, получаемый от него идет в основном на личное потребление. Дальнейший рост доходов семьи от общественного производства приведет к уменьшению доли доходов от подсобного хозяйства в общем семейном бюджете.

Благодаря радикальным переменам, происшедшим в структуре распределения доходов семьи, ведущими статьями семейного расхода стали улучшение жилищно-бытовых и культурных условий жизни. Преобразовался материальный быт семьи. Вместо малоудобных деревянных жилищ колхозники и рабочие села возвели себе большие двухэтажные дома, сохранив при этом основные черты народной архитектуры. Существенные изменения произошли во внутреннем убранстве крестьянского дома; предметы кустарного производства полностью вытеснены предметами промышленного происхождения.

Неустойчивой стороной материального быта оказалась также национальная одежда. В полном комплексе она встречается обычно лишь у людей старшего поколения, у представителей средней возрастной группы – в сочетании с элементами европейского костюма. Основная же масса молодежи придерживается текущей моды.

Таким образом, если не считать национальной пищи, которая не только не проявляет признаков отживания, но получает широкое распространение и среди представителей других народов, населяющих республику, современная абхазская сельская семья по своим материально-бытовым условиям вплотную подошла к – городской.

Все более очевидным становится изменение в строении и во внутренней организации семьи. Повсеместно, как и по

стране в целом¹⁹⁵, растет доля малой нуклеарной семьи. Более того, наблюдается тенденция развития семьи и сторону сокращения ее численного состава. Все это позволяет прийти к выводу, что в скором будущем она будет представлять в основном родителей и их двоих детей.

Взаимоотношения между всеми членами семьи приобретают демократический характер. Об этом свидетельствует и то, что фактическим руководителем семьи является теперь ее наиболее авторитетный трудоспособный член. Юридическое же закрепление главенства за старшим мужчиной представляет не что иное, как многовековую традицию горцев. Точно так же, в настоящее время особенно не приходится говорить и о распространении обычая избегания. Быстрое его изживание происходит, главным образом, в приморской зоне, население которой отличается пестротой этнического состава.

Соседствуя с представителями других национальностей, абхазские семьи в значительной мере втягиваются в процессы культурно-бытовых взаимодействий. Однородное же в национальном отношении население горных и, отчасти, предгорных сел таким воздействиям подвергается несколько меньше.

Не все виды обычая избегания отмирают с одинаковой интенсивностью. Медленнее уходят в прошлое ограничения между невесткой и старшими родственниками мужа, принимающие пока отклонения от привычного этикета как нарушение правил вежливости. Степень соблюдения обычая зависит еще и от социальной природы самой невестки. Как правило, образованные женщины недолго отдадут дань традиции.

В отличие от семей, в которых совместно с молодыми супругами проживают старики, в двупоколенных малых семьях наблюдается четко выраженная тенденция к полному отказу от избегания между мужем и женой, а также и, в еще большей мере, между родителями и детьми.

¹⁹⁵ И. А. Герасимова. Структура семьи. М., 1976, с. 28.

Очевидно, что дальнейший рост культурного уровня семьи в ближайшее время будет способствовать полному отмиранию этого обычая со всеми его проявлениями.

Существенные изменения претерпели семейные обряды и праздники, наиболее интересным и любимым торжеством из числа которых является свадьба.

Прежде всего следует отметить, что возрос брачный возраст. Благодаря сокращению числа поздних мужчин и случаев вступления в супружество несовершеннолетних девушек, нормализовалась и средняя возрастная разница между вступающими. Это объясняется, главным образом, возрастанием требовательности к формированию социальной и экономической зрелости молодых.

Ожила и получила широкое распространение наиболее приемлемая форма заключения брака. Теперь браки заключаются в основном по взаимной склонности молодых людей.

Сохранив свою прежнюю форму, абхазская свадьба изменила свое старое содержание. Стал проще и приобрел новые черты и основной свадебный ритуал. Он освободился от ряда излишних элементов традиционной свадьбы, в частности, от основного комплекса обычая скрывания, соблюдения половозрастной градации за пиршественным столом и т. д. Вместе с тем, до сих пор, хотя в несколько ослабленной форме, сохраняются многие элементы из традиционной свадебной обрядности, не соответствующие развитию современных семейных отношений. Причем, они трансформируются значительно медленнее по сравнению с преобразованиями, например, экономической жизни семьи. Отсюда вытекает необходимость в ускорении этого процесса путем создания новой свадебной обрядности, работа над которой требует глубокого знания всех сторон абхазской жизни. В связи с этим в республике проводится большая пропагандистская работа. Вместе с тем следует обратить большее внимание на то обстоятельство, что актив села, на котором опираются при решении подобных

проблем, состоит в основном из молодежи. Обычай же почтительного отношения младших к старшим исключает вступать с ними в спор. Поэтому необходимо использовать авторитет людей старшего поколения, способных оказывать на всех односельчан известное влияние. Нужно при этом создать на местах советы старейшин, а не ограничиваться читками сухих лекций. Многие же ответственные работники впадают в крайность: отклоняют приглашения на любое семейное торжество и, более того, взыскивают членов партии, принимающих в них участие. Отнюдь как указывается в известном Постановлении ЦК Компартии Грузии по этому вопросу, свадьба – праздник красивый и добрый. Просто тут, как и во всем, надо знать меру, ограничивать круг гостей родственниками, соседями и близкими друзьями. Это в конечном итоге выведет из моды так называемые «престижные» свадьбы, «не хуже, чем у других». Вместо них надо развивать обычай торжественного оформления брака и другие значительные моменты свадебного цикла в целом. Остро ощущается также необходимость присутствия родителей невесты на свадьбе в доме жениха, во время которой обе семьи получают возможность лучше узнать друг друга и намного сократить расходы, связанные с официальными приглашениями, устраивающимися ими же через некоторое время после свадьбы.

Для решения тех или иных вопросов нужно способствовать устройству примерных свадеб, при котором, как говорил В. И. Ленин, «красивое нужно сохранить, взять его как образец, исходить из него, даже если оно «старое»¹⁹⁶.

По мере возрастания духовных запросов семьи формируются новые общесоветские семейные праздники, широко отмечающиеся уже у многих народов нашей страны. В большинстве из них входят национальные особенности оформления торжества, благодаря чему завоевывают всеобщие симпатии народа.

¹⁹⁶ К. Цеткин. Воспоминания о Ленине. – В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1969, с. 663.

В дореволюционном прошлом обычаи, связанные с воспитанием детей являлись одним из функциональных элементов патриархального быта, который был характерен для феодального строя Абхазии. В наше время их содержание и значение изменилось. Другими словами, народная система воспитания освободилась от подавляющего большинства отрицательных пережитков, а сохраняющиеся ее положительные стороны обогатились инновациями.

Глубокие изменения произошли в культурной жизни семьи, яркой иллюстрацией тенденций неуклонного повышения которого служат приведенные в работе материалы о росте образования ее членов. Имеющиеся в настоящее время проценты неграмотности в целом по уровню образования существуют лишь за счет представителей старшего поколения и, поэтому, в скором будущем это явление совершенно исчезнет. Однако тут уместно подчеркнуть еще раз, что с повышением образовательного уровня семьи, являющегося одним из важнейших факторов, определяющих личность, у нее усиливается требовательность к организации своего свободного времени. Как отметил Л. И. Брежнев на XV съезде профсоюзов, «свободное время может считаться общественным богатством, когда оно используется в интересах всестороннего развития человека, его способностей и тем самым – для еще большего умножения материального и духовного потенциала всего общества¹⁹⁷.

Правда, созданные в Абхазии условия для рационального использования культурного досуга сельской семьи отнюдь не умаляются, но неудовлетворительность работы в этой области, ощущающаяся во многих селах, особенно в горных, оборачивается заметным ущербом для общественного производства. Этот вопрос, на первый взгляд кажущийся сравнительно нетрудным, но имеющий огромное значение в развитии социальных отношений, можно решить только путем практиче-

¹⁹⁷ Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Т. 3, М., 1970, с. 481.

ского отнесения его к первостепенным проблемам села, какими являются, например, проблемы, хозяйства.

В целом современная сельская семья у абхазов развивается в соответствии с новыми социально-экономическими и культурными условиями жизни советской деревни, которые непрерывно стирают грань между городом и последней, что в свою очередь является прямым результатом политики нашей партии и правительства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГМ – Абхазский государственный музей.

АИЯЛИ – Абхазский Институт языка, литературы и истории имени: Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

ВЕ – «Вестник Европы».

ВЭК – Вопросы этнографии Кавказа.

Ж – «Живая старина»

ЗКОРГО – Записки Кавказского отделения Русского географического общества.

ЗКОСХ – Записки Кавказского общества сельского хозяйства.

К – «Кавказ».

МК – Метрические книги.

КЭС – Кавказский этнографический сборник.

РАЗАГС – Республиканский архив записи актов гражданского состояния Абхазской АССР.

СМОМПК – Сборник материалов описания местностей и племен Кавказа.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах.

СЭ – «Советская этнография».

ТИИАЭ – Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

ТКОСХ – Труды Кавказского общества сельского хозяйства.

УЗ – Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института.

ХВ – «Христианский Восток».

Э – «Этнография».

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава I. ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ СЕМЬИ

1.1. Бюджет семьи

1.2. Жилищно-бытовые условия семьи.

Глава 2. СТРУКТУРА И ВНУТРЕННЯЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕМЬИ

2.1. Структура

2.2. Внутрисемейные отношения

Глава 3. СЕМЕЙНЫЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ.

3.1. Обычаи и обряды, связанные с браком

3.2. Обычаи и обряды, связанные с рождением и воспитанием детей

3.3. Новые семейные праздники

Глава 4. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ СЕМЬИ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БИГУАА

**АЦСУА
ТРАДИЦИАТӘ
ТААЦӘЕИ
АИАШАХАТЕИ**

ВАЛЕРИЙ

**АБХАЗСКАЯ
ТРАДИЦИОННАЯ
СЕМЬЯ И
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Апсны ацарадырракэ ракадемия
Дырми Гэлиа ихыз зху Апсуатцааратэ институт
Аетнологиа акэша

Апсуа хэынткарратэ университет
Арцагатэ литература атыжьязы ацарадырра-методикатэ кэша

Валери Бигэаа

АПСУА ТРАДИЦИАТЭ ТААЦӘЕИ АИАШАХАТЕИ

АБХАЗСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬЯ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Акэа – Сухум – 2010

Амонографияҕы автор ититаауеит аҕсуа традициатэ таа-
цэа аилазаашьеи аиҕкаашьеи рыҕиаратэ процесс, хронологи-
ала XX ашэ. XXI ашэ. алагамҕеи иеыртагзаны. Уи дахэапшу-
еит иара убас аҕсуа таацэа наҕ-наҕ иаиур зылшо аитакрақеи
аформеи рҕаки.

Аусумта апцоуп аҕсуатцааҕцэа, аспирантцэа, астудентцэа
ухэа аҕсуа жэлар рлахьынҕа згэы итҕо рзы.

Арецензиактаҕы Анатоли Хьаҕа
Аредактор Иури Аргэын

В монографии автор исследует процесс развития структу-
ры и внутренней организации абхазской традиционной се-
мьи, хронологически ограничиваясь XX – нач. XXI в.в. Автор
пытается также прогнозировать форму и содержание объекта
исследования и его дальнейшую трансформацию.

Работа рассчитана на абхазоведов, аспирантов, студентов
и широкого круга читателей – тех, кому небезразлична судьба
абхазского народа.

Рецензент Анатолий Хеҕия
Редактор Юри Аргун

АПСУА РТРАДИЦИАТӘ ТААЦӘИ АИАШАХАТӘИ

Атаацәа атоурыхтә аамтә иасаркьоуп – иҕеиоит, ишәуеит, аҕеитанакуеит, аҕаажәларратә еизыкказаашьакәа ршәага-за-гакәа рыҕерыкәыршәаны.

Апсуа таацәаҕы даҕаак ала калашья амам. Цкарак аҕасаб ала, ианакәызаалакь аҕаацәаратә еиҕартәышьеи аҕаацәаратә еиҕкаашьеи еинаалоит, ихеибартәауеит, иҕибагоит. Идыру амзыккәа ирыхкьаны, ХХ ашәышыкәсазы апсуа таацәа кыр рҕеырыпсахит, формалаҕы, цакылаҕы, уи азы шахтра руеит аетнологиатә, аетнодемографиатә материалкәа.¹

§ 1. Аиҕартәышьа

Ишдыру еипш, уаанза, XIX ашә. антцәамтәи ХХ ашә. ала-гамтәи рзы апсуа таацәа «-формакны уаҕы ипылон: аҕаацәаду, аҕаацәахәычы. Азанааттә литератураҕы аҕбатәи аформа амоногамтә таацәа хәа иашьтоуп. Цакантә хыхь, ма хыхьынтә цака уахәапшуазар (по восходящей и нисходящей линии), аҕаацәаду хҕа-пшьба бицара рыла ишьыкәҕылан, насҕы еиуеипшымыз амахәтакәа аман, иҕбаан: зыкәрахь инеихьаз ани-аби, рыхшара, урт рыхшара, дара убуртҕы рыхшара. Урт ирыцынхозар ауан иара убас аеҳәшьа, аҕаацәара иалалахьаз, ма зынасыц ззымпшаацыз аишьцәа. Аварианткәа рацәан.²

Апсуа таацәаду аилахарахь ахы археит атәылаҕы акапиталисттә нхашья-нтшышьа ацәара уаҕы ибо ианалага. Абзаратә сцена ишыкәтрыз икәцит уи асоветкәа анааи, анхаҕыжәлар рыдгьылмазара аҕыркәыдаара напы анадыркы, аналационализация аназыру анахыс – еихаҕы.

¹ Автор ихы иаирхәаз, «адәы икәигаз» аетнологиеи аетнодемографиатә материалкәеи еизигон ХХ ашә. а-70-тәи ашыкәскәеи ХХI ашә. алагамтәи рзы (шәрыхәапш атаблицакәа), еихарак, абзыпкәеи абжыуааи рыҕнытқа.

² Шәахәапш: Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, 1954, ад. 184-193; В. Л. Бигуаа (Бигвава) Современная сельская семья у абхазов. Тб., «Мециереба», 1983, ад. 33-38.

Ҳэарас иатахузеи, атаацэаду аныказ аамтақэа рзы икан атаацэахэычқэагы. Урт еивагылан, еицон. Уимоу, хыпхызарала атаацэахэычқэа еихан, апыжэара рыман, цсабарала ицоз асегментациатэ процесс аанкылашыа амамызт азы.

Атаацэахэычгы ахатэ вариантқэа аман. Ани-аби рыхшареи дарей нуклеартэ таацэан, таацэара ғыцын. Егы х-абицаракны иказ классикатэ таацэахэычын: зыуафра иотаагылоз³ ани-аби, атаацэара иалалахыз рцеитци, уи ихшареи. Ас еицш иказ атаацэа атаацэара иаламлацыз аишыцэа, ма аихэшцэа азэык-шыцк рыцынхозар, уи азы «еиғымцыц атаацэа» рхэон (неразделенная семя), даеак ала иаххэозар, уи атаацэадуи атаацэахэчи ирыбжыагылан.

Ақэраду нызтыз абыргцэа ишырхэо ала, ажэытэ иаабациахэац атаацэа, абжыаратаацэагы, хыпхызарала кыр ибеиан. Идеалра ауан аабык ахшара здэылтуаз аоната: «абжыеишыцэа, рахэшызатэ», «ахэыотацэа-ахшыпхацэа». Еитцаз атаацэа рзы, «анцэа изызирхаша» – рхэон, еихаз рзы – «анцэа ииаазаша».

Аеакала иаххэозар, «анхашыа-анцышыа ғыц» ааиаанза, уинахысгы пытраамтак – апсуа оната ахэычырацэа зыоназ онатан.

Еиқэаз архивтэ материалқэа рахытэ еиха акрызхыцуа а-60-тэи ашықэсқэа ирыцаркуеит. Урт ишырхэо ала, зегь рацкыс ирацэан ануклеартэ таацэақэа ргэыц – 70 процент иаарыдыло. Егырт, абицаракны хабицаракны ишыакэгылаз, иаанхаз еикараны еишыршон (атабл. 1).

Жэаба-жэохэ шықэса рышытахь – а-70-тэи ашықэсқэа рзы – ани-аби рхэычқэеи дарей рыла еиғартэыз атаацэақэа ргэыц (ануклеартэ) 62 процент ркынза илбааит. Урт ирышытанеиуан ах-абицара-таацэақэа – 23%. Ацыхэтэаны игылан хатей-цхэыси ма азатэқэа ргэыц – 14%.⁴ Уи бжыа-

³ Шахэапш: Валерий Бигуаа. Традиционная система возрастных категорий у абхазов.// Кавказ: история, культура, традиции. Сухум, 2004. С. 296 – 304.

⁴ Асовет аамтазы иғиаз апсуа таацэаратэ бзавара иазку аетнографиатэ усумтақэа мачзам: Л. Х. Акаба. – Абхазы Очамчырского района // Кав-

ратәла. Икан урт рыкапанга ахы ахыылакәуаз, ма иахыыҗа-
ракхоз. Иаххәап, Члоу 524 тзы ркынтә 36 тзы ракәын иказ
абицарак зцазкуаз, егырт зегыы җба-хпа абицара рыла
ишьақәгылан. Ө-абицаракны еибытаз атаацәкәа зегь реиҗа
ирацәан Кәтоли Дәрыцшыи – 66 – 67 процент инархыхәхәо.
Х-абицарак зыоназ аонатақәа рганахыалагыы урт хыдамы-
зт – 22-24 процент ыкан. Зегыы иреиҗан члоуаа. Урт рҗы
х-абицаракны еиҗартәыз атаацәкәа 30 проценти бжаки
ыкан. Урт ирышьтанеиуан арасазыхыаа – 26 процент, нас
– Хәапаа – 24 процент, уамазак агымкәа. Иубаратәы икоуп
атаацәкәа рабицаратә шыақәгылашыа ақытақәа ргеографи-
атә тагылазаашыа ишахыыцшыз. Х-абицаракны ишьақәгы-
лаз атаацәаракәа еиҗа ирацәан ашыҗа иапну ақытақәа рҗы,
амилатәтә традициакәа еиҗа амч ахырымаз, абыргцаа рхала
рааныҗыра гәнаалам, хәа, иахыырыцхыазоз. Хәарада, ақыта
хараҗ урт рхала рааныҗыра апрактикатә цакгыы аман, ика-
лап уи акәзаргыы ароль хада аанызкылоз. Азатцәкәа рацәан
ага иапныз, ма ақалақь иазааигәаз ақытақәа рҗы, иаххәап,
Мгәызырхәа урт 30 процент иреиҗан, Атара – 20 процент
(шәахәапш атаблица 2).

Җазлацәажәо аамтеи иахыатәи амши 40-50 шықәса рыбжьо-
уп. Уи рацәам, апсуа кәра абжеицарагыы ыказам, аха асоци-
ал-еканомикатә, аполитикатә цатцгәы змоу аетностә процесс,
гәра зҗам аеура еицш, ииақьаны ишцо ала уахәапшуазар, егь-
мачцәам. Ари апроцесс аныцшит апсуа таацәаратә структура,
ахәтакахыала, уи абицаратә шыақәгылашыа.

казский этнографический сборник, т. 1, М., 1955; Ц. Н. Бжания – Семья
и семейный быт в абхазской колхозной деревне (по материалам с. Атара)
// Современное абхазское село, Тб., 1967; И. Г. Аргәын – Иахыатәи апсуа
аа рыбзашыи ркультуреи, Акәа, 1976; В. Л. Бигвава (Бигуаа) – Сове-
ременная сельская семья у абхазов, Тб., 1983 уб. итц. Ацыхәтәнтәи аусумта
алахамцозар, этнодемографиатә методла атаацәаратә структура цыаргыы
итцаазам. Авторцаа рхы иадырхәоз ускан асоветтә этнографияҗ апыҗәара
змаз алапшхәаатә метод акәын. Атаацәа җнытцкалатәи аиҗкашыа атцаа-
ра акәзар, алейшәатә культура хыҗ-хыҗшәа иналацәажәахыит акароуп.
Атаацәараҗы азәи-азәи реизыказаашыақәа чыдала итцаазамызт. Уи ага-
нахы ала ари аусумта хычы рапхыазатәи напышәагоуп.

Иашоуп, иахьа актэи ацэахэафэы ишгылац игылоуп «-абицарак рыла ишыакэгылоу атаацэакэа, урт 44 процент ыкоуп, аха оын«ажэи пшьба абакоу, хан«ажэи «ба абакоу? 36 процент ркынза ицеит уанза 15 процент ркынзагы цкэа изы«амзоз абицарак ала мацара зыпсы тоу атаацэакэа, атаацэа бжатакэа (неполные). Ианырратэ еицш иагхеит ах-абицарагы (19,79. Уи аганахь ала, зегь рааста уафэы илацш иташэо кытоуп Атар. Арака азатэакэа, ма зыкэрахь инеихьоу ани-абни рымацара иахьаху анхаракэа 62 процент ирхыхэхэоит! Ихьбжатоу атызкэа рацэоуп иара убас Лыхны – 38,1, Цьгьарда – 37,05 процент. Хыхь хазлацэажэоз агеографиатэ факторцэакэагы аусура иакэыцит атыхэтэантэи акытафэы (шэахэацш атаблица 2).

Атаацэа аструктура иаиуз аитакра еихагы уафэы ибартахеит уи ахыцхьазаратэ еилазаашьяфэы.

Хара итахтааз ажэ-кытак – Арасазыхь, Цьгьарда, Члоу, Кэтол, Атара, Хэац, Мгэзырхэа, Дэрыцшь, Лыхны – рахьтэ ахыцхьазаратэ процесс аганахь ала акы алкаара удаоуп. Хланцы еиха имарианы илбаауеит ашкала, ахалара ааста.

Иацы, 1970-тэи ашыкэскэа рзы, Арасазыхь 214 тзы нхон. Убарт рахьтэ ацхьахэ аанызкылоз хьы-хьы зтазкуаз атаацэаракэа ракэын. А«батэи атыц афэы игылан фьы-фьы зтазкуаз а«натакэа. Бжьаратэла иаагозар, «натак хэ«ык инареиханы и«нан (5,59. Таацэак афэы хэ«ык ыкан иара убас Члоугы. Урт ирышьтагылан Дэрыцшь – 4,9, нас – Хэац – 4,7, Цьгьарда – 4,6. Егьырт акытакэа рфэы, шамахамзар, пшьы-пшьы ирхыхэхэон. Уафэы иаликартэ ыкан, зегь рацхьаза иргыланы, афэаа кытакэа. Ишырхэо еицш, арака иуцылоз еица«фэы иказ атаацэакэа ракэын (шэахэацш атаблица 3). Иаидкыланы иугозар, ацсуа таацэа аизхара ам«а ианын, ианымтыцызт – пшьы иреихан, хэ«ы ркынзатэкэа изхаломызт, аха...

Иахьа, Арасазыхьаа ртэы хамхэап – аибашьра ашьтахь урт ргырак ркыта нрыжыит, – Хэаци Члоуи, Кэтоли, Лыхни, Дэрыцшьи «натак и«ноу хьык иреихауп, аха пшьык ркынза изы«азом – 3,8; 3,6; 3,6; 3,5; 3,4. Даеак ала иаххэозар, хыцхьазарала еихауп хьы-хьыла икоу атаацэакэа

2. Атаңа ахыцхъазаратэ шыакэгылашыа – 1964-1966⁵

Ақыта	Атаңақара эгъы										еиҳаны	агытэжэ											
	1 азы	2 Фышыа	3 хъык	4 цшыфык	5 хъык	6 Фык	7 быжъфык	8 аафык	9 жъфык	10 Жафык													
	ахыцхъ.	ахыцхъ.	%	ахыцхъ.	%	ахыцхъ.	%	ахыцхъ.	%	ахыцхъ.	%	ахыцхъ.	%										
Хъап	2	1,2	27	10,7	16	9,9	16	9,9	28	17,3	21	13,0	18	11,1	5	3,1	-	-	5,0				
Дърылшы	21	4,4	45	9,8	56	11,9	63	13,4	79	16,8	61	13,0	46	9,8	14	2,9	13	2,7	3	0,6	5,1		
Мгъыдырхъа	31	9,0	41	11,9	35	10,1	43	12,5	39	11,3	50	14,5	39	11,3	50	14,5	12	3,4	3	0,8	1	0,2	4,9
Зегъык	53	5,4	113	11,6	107	10,9	122	12,5	146	14,9	145	14,8	121	12,4	114	11,7	31	3,1	16	1,6	4	0,4	5,0

3. Алсуа таңа рабицаратэ шыакэгылашыа 1976⁶

Ақыта	Атаа- цаақара зыңа	Абицарак ала(1)		Ф-абицарак рыла(2)		Х-абицарак рыла (3)		I шы-абицарак рыла	
		Ахыц- хъазара	%	Ахыц- хъазара	%	Ахыц- хъазара	%	Ахыц- хъазара	%
Арасазыхъ	214	23	10,7	113	52,8	56	26,16	2	0,9
Цыгъарда	283	56	19,7	168	57,2	65	22,9	-	-

⁵ Атаблица шыакэгыргылоуп хыхъ иарбоу Гъдоудатгъи араиархив асы ипеаху ақытақара рытзынхаматэ пше-кеқара рыла.

⁶ Анхаңа рынхаматэ шлэкъара рматериалқара рыла, 1976 ш. В. Л. Бигвава (Бигуаа). Современная сельская семья у абхазов. Тб., «Мецинерба», 1983.

Цлоу	524	36	6,8	328	62,5	158	30,5	2	0,38
Көгөл	768	93	12,1	507	66,01	108	21,87	-	-
Атара	238	48	20,16	136	57,1	54	22,6	-	-
Хэац	159	29	18,2	92	57,86	38	23,89	-	-
Мгэызырхэа	370	112	30,27	224	60,54	34	9,18	-	-
Дэрыцшь	601	68	11,3	386	64,2	146	24,39	1	0,16
Иааидкыланы:	3151	465	14,7	1948	61,8	119	22,8	5	0,1586

4. Ацсуа таацэа рабичарагэ шыакэгылашыа 2006⁷

Акыта	Атаа-цаакэа зынза	Аби Гарак ала(1)		Ө-абицарак рыла(29)		Х-абицарак рыла (3)		I шы-абицарак рыла	
		Ахац-хьазара	%	Ахыц-хьазара	%	А хыц-хьазара	%	Ахыц-хьазара	%
Арасазыхь	107	36	33,6	50	46,7	21	19,6	-	-
Цыгьарда	224	83	37,05	98	43,7	43	19,1	-	-
Цлоу	422	132	31,2	185	43,8	105	24,8	-	-
Көгөл	576	175	30,3	240	41,6	160	27,7	1	0,173
Атара	201	125	62,1	59	29,3	16	7,9	-	-
Хэац	135	43	31,8	63	46,6	29	21,48	-	-

⁷ Анхацаа рынхаматэ шэкэка рматериалкэа рыла, 2006 ш. Иахьатэи аьсуа таацаа аструктура агтааразы 2006 ш. пьхынчкэынмзазы хара имоаь-аагэит акспедициа. Уи иалахэын Аьсуа хэынцкэарагэ университет атоурыхтэ факультет астуленттэа – Мрамза Цыкыр-пьха, Есма Цьапуа-пьха, Астанда Гогиа-пьха, Нина Цедиа-пьха, Темыр Капба. Аматериал анзгарафэ исыртаз ацхьарааразы, – итабул! – хэа расхэонт.

Мгэызырхэа	327	104	31,8	164	50,1	57	17,43	-	-
Дэрыпшь	481	149	30,9	249	51,7	83	17,2	-	-
Лыхны	1398	534	38,1	615	43,9	249	17,8	-	-
Иааидкылыны:	3871	1381	35,6	1723	44,5	763	19,7	1	0,...

5. Ацсуа таацаа рхыпхьазаратэ шыакэгылашья 1976⁸

Акыта	Зынга шака гаацааа лыку										Уаацырага шапаныч										Уаацэаая ачы Ожкэа									
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	Ахып.	
	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	
Арасазыхь	214	12	5,6	24	11,21	19	8,87	17	7,94	28	13,08	33	15,42	28	13,08	23	10,74	15	7,0	10	7,0	1188	5,5							
Цыгьарда	283	20	7,06	46	16,25	36	12,72	41	14,48	38	13,42	42	14,84	34	12,01	15	5,3	5	1,76	6	2,12	1324	4,6							
Члоу	524	29	5,53	48	9,16	72	13,74	76	14,15	86	16,41	67	12,78	63	12,02	41	7,82	22	4,19	20	3,81	2644	5,0							
Кетол	768	51	6,64	60	7,81	99	12,89	79	10,28	119	15,49	154	20,05	75	9,76	62	8,13	37	4,81	32	4,16	3277	4,2							
Агара	238	30	12,6	34	14,28	25	10,5	23	9,66	40	16,08	42	17,64	21	8,82	18	7,56	2	0,84	3	1,26	1056	4,4							
Хаап	159	16	10,06	17	10,69	25	15,72	16	10,06	25	15,72	23	14,46	13	8,17	12	7,5	6	3,77	3	1,8	753	4,7							
Мгэызы- рхэа	370	51	13,78	68	18,37	55	14,86	44	11,89	42	11,35	51	13,78	36	9,72	13	3,51	10	2,7	-	-	1450	3,9							
Дэрыпшь	601	26	4,32	70	11,64	67	11,14	94	15,64	101	16,8	108	17,97	69	11,48	37	6,31	13	2,16	16	2,66	2952	4,9							
Зегьы ⁹	3157	235	7,4	367	11,62	398	12,6	390	12,3	479	14,9	520	16,4	339	10,7	221	7,0	110	3,4	95	3,0	14719	4,6							

⁸ В. Л. Бигуаа (Бигвава) Современная сельская семья у абхазов. Тб., «Мецнереба», 1983. Итцаан анхатэа рыгзышлэкэкаа рыла 1976 ш. азы.

6. Апсуа таапса рхыпхъазаратэ шыакэгылаша 2006⁹

Акыга	1 азы		2 Фыцца		3 хшык		4 пшык		5 хэык		6 Фшык		7 быжык		8 ааык		9 жык		10 жык		Уапырага шайа- нойыюу	Оаптык ашы ратыа	
	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%	Ахып.	%			
Арасдыхъ	107	19	17,7	27	25,2	14	13,08	22	20,5	9	8,4	11	10,2	3	2,8	2	1,8	-	-	-	-	343	3,2
Шыгарда	224	63	28,1	39	17,4	44	19,6	29	12,9	29	12,9	11	4,9	6	2,6	5	2,2	-	-	1	0,4	692	3,0
Цлоу	422	72	17,07	81	19,1	65	15,4	61	14,4	52	12,3	49	11,6	29	6,8	8	1,8	4	0,9	1	0,2	1540	3,6
Кетол	596	114	19,12	113	18,9	81	13,5	81	13,5	86	14,42	68	11,4	30	5,0	10	1,6	6	1,0	7	1,1	2159	3,6
Атара	201	89	44,2	43	21,3	23	11,4	19	9,4	5	2,4	6	2,9	6	2,9	2	0,9	9	4,4	-	-	459	2,2
Хэап	135	20	14,8	21	15,5	21	15,5	26	19,2	14	10,3	22	16,2	3	2,2	3	2,2	2	1,48	2	-	523	3,8
Мгызырхэа	327	75	22,9	64	19,57	50	15,2	53	16,2	33	10,09	27	8,2	16	4,8	4	1,2	2	0,01	2	0,01	1074	3,2
Дэрыпш ¹²	365	58	15,8	57	15,6	81	22,19	66	18,08	53	14,5	31	8,4	8	2,19	9	2,46	1	0,27	1	0,27	1260	3,4
Лыхны	1398	405	28,9	206	14,7	182	13,0	337	16,9	169	12,0	105	7,5	53	3,79	25	1,7	7	0,5	8	0,5	4900	3,5
Зегыг:	3775	915	24,2	651	17,2	561	14,8	694	18,3	450	11,9	330	8,7	154	4,0	68	1,8	31	0,82	20	0,52	12950	3,4

⁹ Анхацаа рынхамсагэ шэккэа рматериалкэа рыла.

¹⁰ Дэрыпш 481 тзы нхонт. Арака хархэара зууу 365 тзы рматериалоуп усугатэ тетрадкэак ахьяамбо иахъяны, аха, уеизгы, итахцаауа абиект асахъа уафы ибаратгы коуп.

Еикароуп Мгэызырхэеи, Арасазыхьи, Цьгьардеи. Аракаггы хьы-хьы инархьхэхэома ухэаратэи икоуп абжьарата-ацэакэа. Хэарада, зегь ратцкыс еитцоуп Атара. Атара иахьа онатак ионоу оыцья роуп (2,29)!

Ажэакала, иахьатэи ацсуа таацэакэа зегьы аайдкыланы урыхэапшуазар, хыхьтэи ацэахэа икэгылоуп азэы-оыцья зцазкуа атаацэа. Урт рытцака, аобатэи ацэахэафэы – хьы-цшьоы зцазкуа. Еитасхэоит: иахьатэи ацсуа таацэа 3,4 зцазкуоуп.

Хэарас иатахузеи, тзыла игархеит дара акытақэаггы. Иаххэап, Арасазыхь уаанза 214 тзы нхозтггы, иахьа – 107 ыкоуп, Цьгьарда 283 тзы ыкан уаанза, иахьа – 224; Члоу инхон 524 тзы, иахьа – 422 тзы; Мгэызырхэа 370 тзы нхозтггы уаанза, иахьа 327 рфэы иааит; Хэап 159 тзы ртыпан 135 тзы ыкоуп иахьа. Абасоуп ишыкоу, шамахамзар, егырт акытақэа рфэы (шэхэапш атаблица №4).

Уи тзыла. Ишцакоу урт ауаапсыра рхьцхьазара аганахь ала? Иаххэап, Цьгьарда паса 1324-оык нхозтггы, иахьа инхонит 692-оык; Члоу 2644 оык нхон 30 шықэса рышьтахь, иахьа – 1540-юык; Мгэызырхэаа 1450-оык ыкан, 1074-оык ыкоуп уажэы; дэрыцшьаа 2952-оык ыказтггы уанза, иахьа 1260-оык ыкоуп. Оынтэ рыла атцкыс еитцоуп атараа. Урт иахьа цшьышэи хыншэажэаоыкгы цкья икам, 1056-оык рхатыцан.

Хтема ахэаакэа хартыцуазарггы, иазгэхатпа дафэакгы. Атара иахьа инхо ауаапсыра рахьтэ 20 шықэса иртымсыц афар рхьцхьазара 13 процентки бжаки иреихам, 40 шықэса зхьцуаггы 20 процент роуп икоу, 60 шықэса иртысхьоу 21 процент ыкоуп. Зегьы иреихауп 80 шықэса ирылгахьоу абыргцаа, урт 35 процент ирхьхэхэоит. Акомментари ара имьцхэуп. Уатэы? Уатэтэи амш азы астатистика шахатра ауеит: абжьаратаацэарафэы цшьоык ауаа аныкоу, ауажэларра шыақэханы икоуп, апрогрессиени арегрессиени рхькэ икэгылоуп. Мачк иадамхарггы, цшьоык рытцкыс еихазар, ацларахь, ацстазаарахь рхьы хоуп, еитцазар, – агхарахь, анызаарахь.

§ 2. Аиҕаашыа

Ацсуа таацэа аиҕартэышыаҕы иҕалаз аиҕакрақэа онытҕкалатэи аиҕаашыаҕы аҕеиҕакрахь икылнаҕеит. Уахаҕы ҕалашыа амамызт – аформеи аҕаки еидхэалоуп.

Атрансформациатэ процесс рнырит атаацэара иатцанакуа ауаа реизыҕаашыатэ институтқэа зегы, акы еиҕаны, егы еитцаны, аха неилых ҕамцакэа. Зегь рацхьаза иргыланы, уи уаы ибартахеит аоната аиҕабы итагылазаашыаҕы.

Ажэытэ, аколлективтэ нхашыа-нтышыа, аколлективтэ хныкэгашыа тышэынтэалаанза, атаацэа атаацэа реиҕабы ина-пацака икан, ихэатэы иахыпомызт, хэычгы-дугы, зегы. Уи иакэын аоната зкыз, анхамоа иахагылаз, еиҕызкаауаз, ихэа-ақэызтцоз. Атаацэа реиҕабы имеида имамкэа, иахэатэала, ыыртысышыа имамызт азэгы, азеипш ус мацараҕы акэым, ихатэ ус аҕгы. Ега ус акэзаргы, аетнографиатэ литератураҕы ана-ара ишахпылало еицш¹¹, «ацсуаа рҕы атаацэа реиҕабы ддеспотын» ахэара калом.

Ацсшэа машэырны иалалаз фразиологизмзам «атаацэа анааилатэо», мамзаргы – «атаацэаду анааилатэо». Атаацэа еилатэон ахэылпаз, ианааилашэшэлакь, русқэа аныцхьарк-лакь ашытахь. Иашоуп, аамтоуп иахнарбо уи зегь рацхьаза иргыланы, аха аамта ахата зызку ауп аус злоу. Атаацэа реилатэара атаацэа иреизаран, атаацэа реилатэара еилабжьартан, усмоакэцартан. Атаацэа реилатэара, ус ххэар ауазар, таацэаратэ парламентын.

Хэарас иатахузеи, атаацэа реилатэараҕы ажэа ахы икуан, ажэа хиртлон аоната аиҕабы, «ахантэабы». Егыртгы, акыр хазгалоны иҕаз ахацэа, ргэаанагара рхэар ауан, иацэымшэакэа. Абжы лыман апшэмапцхэысгы, ахэыштэара иахылапшуаз, амца ахы еиҕакны изкыз, «аонра зхагылоу» азэы лахасаб ала.

¹¹ Иаххэап, Н. Дубровин. История войны и владчества русских на Кавказе. 1-тэи атом, а-2-тэи ашэкэы. Тиф. 1886; Я. С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женищины (XIX – XX). КЭС. Т. 1, М., 1955.

Аитбацаа, зыкэра намзацыз, зырѳуан. Ажэак ала, ацсуа таацэараѳы амчра змаз адемакратиатэ принципкэа ракэын.

Иазгэататэуп, атаацэаратэ бзазараѳы атыц чыда аанызкылоз ацеихшарагы агэыхалалра шатпаз атэгы. Ганкахьала, адэахтэи аус, аонтэи аус, мамзаргы ахатца иус, апцхэыс лус, даѳа ганкахьала – аду иус, ахэычы иус. Аоната аихабы, атааца анааилатэоз, иаашар рнапы зларкраны иказ аус даналацаажэоз аамтазы, дасу дызманшэалаз, имч зыкэхоз акэын дыззикуаз, идитцоз.

Адэахтэи аус – адгьылкэаарыхра, арахаазара, ашэарыцара, амѳыпцкара, амѳаагара, азлара – ахатца иусын. Аонус апцхэыс илтэын, апцхэыс «илмонополиан»: ахэыкцара, аонеилыргара, азэзэара, ауантара, апара, асра, азахра, апсаатэаазара, аутракцара. Хэарас иатахузеи, апцхэыс илус хадан ахэычаазара. Аонус акынтэ апцхэыс илтэымыз ажэхьара акэын. Ажэ, шамахазақ акэымзар, ахатца ихьон, ахатца имч зтаху акы еипш ипцхьазаны: «щадя силы женщины, абхаз не стыдится доить коров, что даже, как-то не идет его воинственной фигуре»¹².

Атаацэараѳы зегь напынтцак-напынтцак шрымаз зегь реиха лабѳаба иахзырбо бзазаратэ моментуп асаспылара¹³.

Асас апшэма дисасын, убри акынтэи ашта данталоз зегь рапцхьа ипылоз, апсшэагы иазхэоз аоната аихабы иакэын, нас – ипшэмапцхэыс. Егьыртгы асас ипылон, аха рэынкылашэа, хацала-пцхэысла, еихаб-еитцбыла. Дѳеуаѳызар, апшэма агэра

¹² Г. А. Рыбинский. Абхазия в сельскокозьяйстыенном и бытовом отношении. Тифлис, 1894. Ацитата аагоуп В. Л. Бигэаа ишэкэы Современная семья у абхазов» акнытэ.

¹³ Ацсуа кьыпцхь аѳы ахархэара змоу «асасдылара» аурышэа акынтэ еитаганы, ажымдыр еипш, апсшэа иаларгалаз терминуп. «Асас дымшуп», «асас быжь-насыпк ицуп» рхэоит, акэымзар асас «идкылар-идымкылар» апроблема апсуаа ахаангы рхаѳы ирзаагомьзт, егьырзаагом. Асас апшэма дитаауеит, апшэма асас дипылоит, уаца акгы. Убриазоуп апсуаа «асасаирта» (абж.), ахачашь (абз.) хэа хазы ахыбра чыда здыргылозгы, иапцыхэаны, аналара уаѳы деилахартэы. «Гость в абхазском доме божья благодать», – ихэеит XIX ашэышыкэсазы апсуа бзазара тызцаауаз апарауа Г.А. Рыбински.

ҕы ааникылон, ачкэынцэа, – ашыкыл. Амгэырхақэа ыркэа-дара, аҕы азы аржэра, акраҕацара айтбацэа ирусун. Ашытэи арыжэтэи (аҕы) апшэма итэын, егырт зегы – абыста, ачашэ, акэтыжэ, зхэаз еипш – апхэыс. Апшэмапхэыс илтэын иара убас ауаткагы (апсуаа ианрылатэа инаркны). Ашытэи ахэда ахэызба ацakra ихэтан апшэма, аха уи асас дидтэаланы диа-цэажэозар – ачкэын еихабы. Ашытэи ацэа ахыхра, айҕыхра, ажэра ачкэынцэа адгылон, дара ракэын акэац айшэахь иааз-гозгы, аха апшэма ма ацеихаб ирымтцайтон: «лахь уапшны акэац ша». Абыста анылтон, ацыфа аалгон апшэмапхэыс, лта-цацэа, ма лызгабцэа лыцырхырааны. Азгаб еитцбы, ма ачкэын еитцбы сасгы-пшэымагы рнапы дирзэзэон. Асас дидтэалон ипшэмахаца, уи апхэыс дицзар, – апшэмапхэысгы. Ахэса хазы иандыртэозгы ыкан, еихарак ахацэа анырацэаҕыс. Айт-бацэа тэомызт, аматц руан: азгаб ауатка лнахауан, ачкэын – аҕы. Асас инаскыагараангы, дасу ироль идыруан. Айхабацэа агэашэ интытуан акароуп, айтбацэа ахабла далыргон. Асас ихызгы-ихыымзггы апшэма идын азы. Иатахханы ианыкала апшэма исас ихы икэйтон, иарамоу дызлатэаз иуаажэларгы, ииашьара рацхьа инаргыланы.

Аҕната айхабы аргьажэоас диман кэрала ишьтанеиуаз ахаца – иашьеитцбы, ицеихабы, атаацэа реилазаашьа зеипш-раз еипш. Аҕната айхабы аҕны даныкамыз атаацэа рыхыз-гы-рыхыымзггы «аргьажэоа» идын – айхабы иаамышьтахь зегь реиха ацабааа збахьаз, апстазааратэ пьшэагы змамз ау-аҕы.

Аҕната айхабы иапхьа азэгы диасуамызт, ишьтахь иаирхо-мызт, диҕагыланы, – аҕҕа! – хэа диацэажэомызт, уимоу ибжь-гы ирдууамызт иара иахауаны, иара ибоны ататын дахомызт; амҕан ишьтахь дгылон, дивагылашэа днеиуазаргы – шыаҕак акара иҕаанкыланы; ҕыжэлан-ҕыжэтын иҕышыкыл икуан; напызэзэан иеихаб иапхьа инапы азы ахьиршомызт, дихатгы-лон; дихатгылон аҕны даныҕналоз-даныҕнытуаз, чан иапхьа ихэы инапы аиркуамызт азэгы, тэангы иапхьа дтэомызт,

дагъиватэомызт, уимоу аиҳабы икээрдэ аитцбы дыкэтэомызт, иара дыкамзаргы – аиҳабы икульт атрибуткэа иреиуан азы; убас зегынцъара – апцхагылара иман аоната аиҳабы.

Акэратэ ценз аус ауан иара убас адэахьгы, азэи-азэи ахь-зейбамдыруазгы – аиҳабы зегы рзы деиҳабын¹⁴.

Аитцбацэа хатэ уск анрымаз, рус аоната аиҳабы илымха акынза инаргон «иаргъажэа» ицэла. Ари амиссиа анагзара лылшон иара убас апшэмапцхэысгы.

Цакантэ хыхь ишцо еицш, хыхьынтэ цакагы ицон асу-бординация. Уи аилагара азин имамызт азэгы, аиҳабза иакэ-заргы: «аиҳабы аиҳабра ныкэйгон, аитцбы – аитцыбра. Зегы реиҳа зхыпцхьазара рацэаз, ануклеортэ таацэарақэа рцы аиҳабара икын аб, инарцэымца дыкэлахьазар – ан. Х-абицарак-пшь-абицарак рыла ишьақгылаз атаацэара дырхагылан абду, дыкамзар – анду, номиналла акэыз атахьызар.¹⁵

Атаацэа реиҳабы, наа дзымнеиуазаргы, деиҳабын, дхы-лапцшын, дныхьэащын. Иаргы «иеиҳабра» иидиологиатэ позиция ипсы акын, иканажьюамызт.

Агеронтологиатэ тцаамтақэа рцы атарауаа иазгэартахьейт.¹⁶ абырг заца ихы рацэимшьарыз, еиҳагы ихы-игы акэыбзианатэуан уи, дарыгэгэон, цытк днанагон: «еиҳаб дызмам, нцэагы димам». Аус ацы атаацэа хыс ирымаз, аоната аиҳабы ишьтахь игылаз, акыр зылшоз, акыр зынцоз иакэын. Уи унеишь-уааишь хэа иархэон, деизарауащын, аоната аиҳабы ихьз ала ажэа ихэон, ус акэымзаргы, ауаа ркынтэ, апшра акынтэ.

¹⁴ Уи атэы4 Ш. Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. Акэа, 1984, а-5-тэи ахы.

¹⁵ Уи атэы4 В. Л. Бигъаа (Бигвава). Образ жизни абхазских долгожителей. Тб. «Мецниереба», 1988, иара убас «Современная семья...»

¹⁶ Старовойтова Г.В. Этнопсихологические аспекты феномена долгожительства // Феномен долгожительства. М., 1982; Смирнова Я.С. Роль старших возрастных групп в абхазской патронимической организации // Феномен...; Бенет Сулла. Преднавыки долгожительства // Феномен...; Бигвава (Бигуаа) В.А. Из биографии двух абхазских долгожителей // Феномен...

Абицаракны иказ атацэараҕы – хачеи пхэыси рхала иахыџназ – хэара атахымызт, ахата деихабын. Аишыцэа еи-цынхозар амчра иман аиашьеихаб, аиҳэшыцэа ракэзар, – аи-аҳэшыеихаб. Еггы, иашьеи иаҳэшыеи аоны ианахыз, аонра зыхыз ахыз аиашья иакэын, деитцбызарггы, егья умхэан, дхатажэлан. Азатэ – усггы дзатэын.

Уарла-шээрла акэзарггы, икан ахата ироль ахыылакэыз, хэарада, амораль аганахь ала. Уи ахата иабхэа иҕы данынхоз акэын.

Зыкэрахь инеихяз, цеи дызмамыз хачеи пхэыси рхала аоны ианаххалалакь, рыуа-ртынха, хэа, иказ ауаа хатэрақэа ааизаны, амаҳэ даарыпхьон, «абарт рыпсы танаты уархылапш, ипсырггы рыџны-ргэара қыацтажэумтэын», – рхэон. Уаха цыххэа аныкамыз, амаҳэггы дазааиуан, амала, иаб игэараҕы иаангылоз аиашья данимаз. Зегь акоуп, амаҳэ ихыз ахыломызт аоната. Аоната зыхыз ахыз абхэа иакэын. Иабхэа идунеи анипсахлакггы, ус акэын, – ипха лыхыз ала азбахэ рхэон, апшэмацэкья ижэла амырзразы. Азныказы игэыразрадоушэа икоу ари атрадиция адацкэа цауланы ицоуп, аматриархалтэ еицынхашьеи апатриархалтэ еицынхашьеи ииаауа-еицеиуа хэа, ианыказ аамта иагэылалоит.

Аоната аихабы – аб, деихабымзарггы, ихшара «баба», «дада» хэа ишытан, абду – «бабаду» – «дададу» «даду». Ихыз рхэомызт. Ихыз рхэар ауан, азэы дрызцаар: «узцада, дад?» Ан, аоната деихабы-деихабым, «нан», «нана», хэа, илышытан илышшаз, иара убас атацацаггы, анду – «нанду», «нану», хэа. Дара ани аби, иара убас андуггы абдуггы, рхылтц-пылтц рхатэы хыызкэа рыла акэын ишырыпхьоз, «дад», «нан» наццаны. Арт аицэажэашьатэ формулақэа хазы иказам, ахэычтэы лексика иахылҕиааит, ажьрацэаратэ номенклатура иашьатоп, аха акоммуникативтэ цак чыда рымоуп, аихаби аитцби еи-зааигэанатэуеит, еиднакылоит.

«Ахатаус-апхэысус» хачеи-пхэыси реибабашья, реи-зыказаашья затца иапырхагамхарыз, еихаггы иацагылан,

ихэаакэнацон. Апшэмахатеи ипшэмапхэыси рымацара рзы акэым, анхамѳаѳеицш, иара ус, абзараѳгы, атаацэара ѳыц апызтаз рзы – еихагы.

Хатеи-пхэыси реизыкэзаашы еиѳакны изкыз арегментация, ишырхэо еицш, «ладагы-ѳадагы ицэагэон» – иара иганахыгы, лара лганахыгы.

Ахата итаацэа дшырхагылаз еицш акэын ѳынгы-бнагы ихыпша шыказ, хатыр икэзар, изикэыз: «ухатэы збаны, збара уца». Зегь рапхэаза иргыланы, уи уасхырс иацаз, изыкэгылаз ипшэмапхэыси иареи рхэатэеикэшэашы, реицынхашы акэын. Цоуп, ахата ихэатэы акэын ицоз иѳнатаѳы, ипхэыс уи иажэа дахыцомызт, аха зеипш зцаарак, зцаара хьантак цэыртыр, ларгы акы наиталхэар, акы наиабжьалгар ауан, амала, тэым лымхак иамахауа. Ахата дыр, ахата кэыш уи дацраломызт, дхьижэомызт, длызхэыцуан, «исхэаз, схэеит» мацарала ишзеицнымхо хасаб азуны: «апхэысгы ала даанамцеит». Ус акэымкэа, еикэымшэо иалагар, ахата ипхэыс «алакта» лирбар, «дныкэикшаргы» ауан, уи хатеи-пхэыси реизыкэзаашы ашэага-загакэа ирыкэшэон, аха ажэала, инапы дѳахомызт. Апхэыс лэы анапѳахара азэгы ианеишьомызт, ипхашьаран. Анапѳахара ианарыжьуамызт иабхэарагы, еихаракгы, лашыцэа. Урт рахэшы даашытыхны дыргар, лырхынхэра уадаѳхон, димырхынхэыр, айгарахь икылнагон, еихарак, абжьиаа дрыбжьагыламзар. Акызатэык, уи ианианарыжьуаз, длыцсахыр акэын¹⁷. Ускан иабхэара хэатэ рымамызт: «рылахь ада ццэан».

Ахата ипхэыс дкаижьыр калон, иара убас, иабхэараагы акгы рхэомызт, ахшара дылмоур. Аха икан ари азцаара аѳеамаак анартоз. Амаа атара зылшозгы лара лакэын. Апхэыс лхата пхэыс дизаалгон: авартэа. Ажэлар уи иадгылон. Мап ахырхэауамызт «апхэысаагара» апшыызгаз апхэыс лтаацэагы, уимоу, «илывалыртэаз» лтаацэа рхатакэагы: «ахата

¹⁷ Уи атэы шэахэапш Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов..., ад. 163, 166.

цеида иныжьра гəнахароуп». Амала, ацхьатəи дшацхьатəиз дынхон – «деихабын». Ахəсақəа ашыцагы кык-фыкда рхата ицынхон, ахшара дызмауаз дзауаз лыхшара лыцлазон.

Иазгəататəуп аеакгы. Ацхьыс лхарала хатעי-цхьыси еилыцыр, ахшара раб ифы инхон, лара илтəыз леихратага затəык акəын. Ус акыəымкəа, иара иинициативала еилыцыр, ацхьыс лхьыцкəа аашьтхны лтаацəа рахь илгон, илгон раразагагы – рахьыла-шəахьыла зхəаз еицш, данауаз илыцааз амалгы надкыланы. Аусгы, усцас еилдыргон, «атцыс ашьапы ццəазар, еицызшьуаз» ауаа адгаланы.

Хəарас иатахузеи, хатעי-цхьыси еилыцыр алшон, ус казшьала айкəымшəарагы, еихарак «реицынхара» рацəак ахылаанза. Аха аилыцра аанызкылоз, ифəазхəоз «азатцəтəи ахахкəа» рымацара ракəымызт, урт зегы рацхьа игылан ахшара. Ахшаа хатעי-цхьыси еидикылон цхарала, пейцшла, урт ынцклатəи реизыказаашьа, рхəатəеикəшəашьа дааразак изхəарамзаргы. Убри акынтə, аилыцра ацсуа таацəаратə бзазара иакəзшьамызт, уарла-шəарлатəи усын.

Х-абицаракны ишьакəгылаз атаацəа рыфныцка, хатעי цхьыси реизыказаашьа нацшыакə иамаз апынгылакəагы рхыцара каломызт, еиднагалейжьтעי акыр цуазаргы, ирыхшаз рхатакəа таацəарахахьазаргы.

Аихабы ибонь хатעי цхьыси еидтəаломызт, еидгыломызт, еицəажəомызт, еицəажəозаргы реицəажəара аартымызт, иныцакшəа цьара акы нейбырхəон, блала еибадыруан акароуп. Ашыцхьыс лфəацхьагы ус акəын, атрадиция иацклацшуан, аха еиха ирмарианы, иатцəырбашəа: анра-ацара иатцаз ацхара зегы ауантон.

Ахата ицхьыс лыхьз ихəомызт, ацхьысгы ус акəын, – «уара», «бара» рыздырхон, еидажəларгы, азəы иахауаз-имахауаз.

Генезисла хатעי цхьыси реизыказаашьа иацшьу атабуация, ахьызшьаракəагы убрахь инаццаны, апатрилокалтə таацəаралалара ацхьазатəи аформа агəы икəиааит. Уи амцарсроуп.

Апхэыс лымцарсра, аекзогамия иадхэалоу акы ахасаб ала, атаацэалаларатэ еизыкказаашьақэа иринститутхеит. Избанзар апхэызба хаала, амала, хэа, азэггы диауаумыт: «азэы иаазара азэы ицсан». Уи адаггы, апхэызба дзеиуаз ауаа, лабраа ирцэызуан акыр казцоз, акрызуаз анапқэа.

Апхэыс дымцарсны мчылацэқя дызгоз ахатца ицхэыс тэым бла даирбомызт, тэым лымхаггы даирхауаумыт, бнаршэырак ахь дигон, пытраамтақ, «аус цханатцы». Ус-ус абна зыпсахыз акы акэны икалеит амхара – амахэи атацеи рыоны. Уи афункциоуп иара атермин иахэоггы: «амахара». Дызланагалаз ракэзар, ирыланагалаз атэымцхэыс лыхыз рхэоумыт, имазан, дызцэыргаз ирахар ауан. Атаца лымцэажэара аетикеттэ нормақэа ракэзар, атаацэарак ирыбжьбалаз антагонизм иацыцэахоуп. Еггы амагиатэ цакы аамта иацранахэаз цэырцрақэоуп, шыақэыргэгэагақэоуп.¹⁸

Аихабреицыбра асистема аоната еихабы итаацэеи иарейрыбжьбара мацара акэмыт, хэарада, аус ахьауаз, уи аус ауан дызхагылаз дара-дара рыбжьбараггы: аиашьеи-аиашьеи, аиахэшьеи-аиахэшьеи иашьеи-иахэшьеи, абхэындеи-тацеи, анхэыцхаи-тацеи, ахэычи-адуи, зхэаз еицш.

Аоната аихабы ицеихаб цсабарала иара дизааигэамхар аумыт – еиха ибахьан, еиха иахахьан, еиха дпышшэан. Утэума-хэатэума, зеггы рфы дцэатэышыакан. Иаб дыкамзар, уи итцакы, уи ихыцша (иимиць) еихаггы иацлон, анхара-анцыра зеггы иара инапахы ииасуан, иқэра иацанамкуазар, иан лхэатэала дныкэон. «Абас жэуы, абас кашэца!» – мацарала акэымкэа, иарбан усзаалакь афы уи иеицбацэа рапхьа дгылон, ахы шытихуан. Иеицбацэеи иарей реицэажэашья-реизызыршышья, ухэа, зеггы-зеггы ирыцын «аихабреицыбра». Аиашьеихаб индатлара, ицхэа ахэара, ифагагыара каломызт, иара усггы «азэы иахар, цхашьаран».

¹⁸ «Фырпштэык: ахэычы ахахэ дыкэтэар, «укэымтэан уан лкыка шэуеит», хэа дацэдыршэоит, ичачакэа ахьта рылалар калойт азы.

Аиашьеитцбы аиашьеихаб иҕы иешникилос еипш, ие-никилон аиашьеихабгы. Уи иеитцбы иҕацхья иабалакь ихэо-мызт, иабалакь кайтомызт. Ажэакала, иашьеитцбы иашье-ихаб дихэапшуан («дитацшуан» ххэар еихагы ииашахоит), диҕыцшуан, иеимаириашон – дыхсаалан, атаацэаратэ абзаза-ра еипш, ауажэлларратэ бзазараҕгы.

Аиашьеитцбы икнытэ аиашьеихабгы иауаз мачымызт. Уи дцыргэан, акы анеицыкарцоз, акры анеицыруаз мацараҕ акэым, абжъяапынгы. Иаххэап, аиашьеихаб цъара цатэыс имазар, иутэы-ихэатэы аитцбы дадгылон, икэикуан; амѳа икэламтаз иҕы пшааны изааигон, изирыцкьон, икэабатэы-заргы изикэабон, атыхэеи апрыцэкэеи цатэызар, изипон, изикэадыруан, амгэырхақэа изирххон, иҕышыкыл кны дҕеыжэитон. Амала, аихабы изылшашаз аца димазар уи, хэа-рада, аиашьеитцбы иуалхомызт урт.

Аиашьеихаб иашьеитцбы дикэгэыцуан, ишырхэо еипш, дшыацэхныслар, дкаижьюамызт, ишыа утэхар, ишыа иуан. Иаргы иашьеитцбы изы дыбган, дбаагэаран – дихылапшуан, дихьчон, дихзызауан.

Аиашьеитцбы иашьеихаб иацхья цхэыс дааигомызт, ега тыргы, дзыцшуан.

Амала аиашьеи-аиашьеи реизыказашья, реибабашья «адэы икэымызт», итэахын, аспартанцэа реизыказашья еип-шын.

Иахэшыеи-иахэшыеи реизыказашья еиха иаартын, еиха уаѳы ибартан.

Апцаихаб ианакэызаалакь лан длывагылан – аматцуртаҕы, асасааиртаҕы, аутраҕы – илкуаз лыцылкуан, илышытуаз лы-цлышытуан, апышэа лауан. Дыцхырааѳын аитцыбгы, аха еихарак лахэшыеихаб лзы: длыцыпссон, длыцызэзэон, длы-цуантон. «Илыцылуан-иыцылхэон», избанзар ран адца зылтоз лыпцаихаб лакэын, акы – дпышэан, длыкэгэыцуан, ѳба – аихабреитцбыра азгэалтон, цхьяказы иурукхон.

Аиахэшыеитцбы лахэшыеихаб «ахатцацарагы дазыкалтон»: лпатэы лыцылпон, лыстэы лыцылсуан, лыкэцатэы лы-

цкэылтцон – лчараѣ лабхэараа ирзылшараны иказ ахамтакэа. Аиахэшьеихаб лхэацэакэак ааир, уаѣ иимбоз «аутэеикэатэакэа» зегьы лахэшьеитцбы дрыдгылон, илзыкалцон, ацэыргарада, лыбаѣ дырбарада хьаа лымамкэа длырхион, длырѣырбон. Хэарас иатахузеи, аиахэшьеитцбы лахэшьеихаб дызцылуаауаз, дызлывагыжьюаз бзиа дахьылбоз мацаразы акэзам, уи ала «лымѣагы лрыцкьон». Аиахэшьеитцбы леихабы лзы дгэыхэтэыхьзаган, дгэытгаган. Аиахэшьеихабгы лахэшьеитцбы лылымкаа лфомызт, лылымкаа лшэылтцомызт, лылымкаа лбомызт, ацэгьей абзиеи рахь дналга-аалгон, «ацъар ллырбон», хэарас иатахузеи, атыцхарахьы лхы кыдылцартэ дыказар. Уи ѣызара луан еихаракгы аиахэшьеихабы уабара, ма аанѣасра данцоз.

Аиахэшьеихабы лтэашья-лгылашья, лнеишья-лааишья, лныкэгыла-аакэгылашья ухэа акгы баша илаѣлыжьюамызт аиахэшьеитцбы, урт зегьы цэахын ацэыргара аенынза. Аиахэшьеихабы аиахэшьеитцбы лзы дышэшьыран, дымѣартыган, дкэырцшыган, ѣатэ терминла иаххэозар, дориентирын.

Иашьей иахэшьей реизыказашья аихабреитцбыра астандарткэа рааста «ахаца дхацоуп, апхэыс дыпхэысуп» алогика иакэшэоит.

Аиахэшьа лѣапхья аиашья амчра иман, даарак деитцбымзар, апатриархалтэ еизыказашьякэа ирхылѣиааз нормак ахасаб ала. Зегь рацхьаза иргыланы, уи иаанаго ахаца итакпхыкэра атэоуп. Аиашья иахэшьа илапш лхын, дахьыказалаакгы, дызѣызаалаакгы, «ацэца кахар, ицѣит, рхэоит» дацэшэаны. Убри акнытэ, ахаца иахэшьеитцбы даалыкэымчыргы акгы амамызт, ажьрацэаратэ еизыказашьякэа ршэага-зага ианаалон. Аихабы лѣапхья уи еиха иеникылон, аха, зегь акоуп, иеирцацъаргы ауан, лыхьзгы лыхьымзтгы иара идрыцхьазалон азы.

Аиашья дычкэыннацы, пхэыс дааигаанза, ишырхэо еипш, дзызэзэоз-дзыхэхэоз иахэшьа лакэын, иахэшьеитцбы. Атаацэара даналалалакь, урткэа зегьы ипхэыс лахь ииасу-

ан, ипхэыс илтэын. Иатахханы ианыкала, аиахэшьа лашья лхы икэылтцар лылшон. Исакала жэак азэы ифьтцшэар луамызт, «дифеацалон», аха цэхара-шхарада – абз баапс апхэыс дарпшзомызт, аситуация баапс дакэшэаргы.

Аиахэшьа лашья икны дкэандан, дхаан, лгэыблышьа гэыблышьа иеипшымызт, дхазын. «Аиашья ипсззы захаз аиахэшьа «аартэаа»(!) анаатлырга, дзыкэгылаз ашьац лытыблааит», – рхэеит.

Атаца лтэы даеакы еипшмызт.

Х-абицаракны еифэартэыз атаацэарафэы атаца, еихаракгы аитцбы, зегы рнапы дыкэыргыланы дырбон, мыцхэгы хатыр лыкэыртцон, аха мыцхэгы ацабаа лбон. Кэрала иналеихабыз зегы «рымац абазури», хэа, дпыр-пыруа, аоны дыоназар ахэтан. Азэ дааир, лутэы аутэы ацлон, «таца-быстак» ифамцакэа уи аоны ддэыллыжьюамызт: цхашьаран. Аонатафэы атаца зегы рапхэа дгылон, зегь рышьтахь дышталон. Ашьыжь уи «лтэафымсаг» лзыпшын. Фнума-гэароума, штоума-мзырхоума, зегы–зегы казказуа иказар акэын, «ухэы ыкэцаны иуфэртэ» еипш. Уаххашьтахь, апх анеигэалак, акфэора лара илтэын, аишэа ашьтыхра инаркны ачысмагэа акнынза. Ганкахьала, зегы цкэа-шэкэаза ипхьалкыр акэын, даеа ганкахьала, заа ашьталара гэнааламызт, – «лхата ииарта цха лгэы италеит», – рхэар ауан.

Кэама-цама агмызт абхэеи-тацеи, анхэеи-тацеи, абхэын-деи-тацеи, анхэыпхэи-тацеи реибабашья. Уи ахэаакэа цкан, ишэан, изан, аилагара каломызт, лара лзы еипш, лхата итынхацэа рызгы. Зегы-зегы ртыпкэа рфэы изыргылоз акызацэык акэын – аэынкылара. «ухахы уцымшь ыкоуп», ма «бхахы быцымшь ыкоуп» – калашья змам усын. Уимоу, атаца дахыказ атаацэа азэи-азэи ааикэымчыргы каломызт, – «атаца дтэымуафуп», – рхэон.

Атаца лабхэареи лареи реизыказашья шыкэзрыгэго акы акэны икан лзыргара. Ланхэа, ма ланхэыпхэацэа цэгьак-бзиак ахь ианцоз, ртаца дфьцзар, рыгэта дыргыланы дыргон, ауаа дыддырбон лыбырзы шырхэо мацара – илылафьрбон.

Атаца ҫыра акы аалыгхаргы, иаразнакы лыла ихыркшаломайт, ирымбозшэа иавсуан, ахшара анлоулакь еихагы иланарыжьуан. Лхаҫеи лареи еимагык роур, даныз-дабыз, диашьаз-диахэшьаз, дара ртэы «иабашьуан» акэымзар, лара лысакалажэа рхэомайт, ацшракынтэ акэзаргы, лара илыдгылон. Амала, илабажьар калон.

Цкарак еипш, атаца ллейшэа лара лхаҫа агэра аҫакны илкын – дызлытчыз лырцхашьомайт, насгы егышэартан. Ишэартаз лхаҫа иакэын – лыфныка лыргьежьра азин змаз ауафы. Злейшэазы икарыжьыз апхэыс, уаха хаҫа дызцомайт – «лгэшэ аркын».

Атаца лтацашьа иаказшьарбаган атабуациатэ нормақэа. Атаца цытраамтак – мызла, шықэсыла – лабхэеи ланхэеи рҫы лхаҫа диццэырцуамайт, дцэажэомайт: «дыпхашьон». Иамур, ланхэа лҫы еиха лассы илгэагыуан, иахьеи-уахеи акҫыфара иахьеицыкҫаз акнытэ, уаха цсыхэа аныкамлалакь. Анхэеи-ҫаҫеи зегь реиха еизааигэанатэуан ахэычаазара. Атаца ҫыра акы данаҫыз, данейлахаз, ахэычы ланхэа дылзылбон: дгаразар, игара лыртысуан, деилалхэон-деилалцон, криҫалцон-крилыржэуан. Лабхэа иацэажэара дазааиуан атаца, фыцья-хфы ахшара анлоулакь, насгы иара ихаҫа хар змам ауаа адгаланы, «данлыхэалак» ашьтахь.

Атаца лабхэеи ланхэеи рааигэара дтэомайт, лхэыцқэа драхэмаруамайт, илыгэзуамайт, илшьышьуамайт. Ега цыргы, уи ланхэеи лабхэеи рыхыз лҫытцалыршэауамайт, дара ирмахауазаргы. Атаца ланхэеи лабхэеи ирыхшаз ирхэоз лхэон, дара – лыхызшьара.

Атаца акраамта дцэажэомайт лабхэында еихабы иҫгы, ихыз лшьон, иаргы лыхызшьарала акэын данлыцхэоз дышлыпхэоз. Атаца лыхыз ршьон егыртгы, хэычгы-дуггы.

Ажэакала аҫаацэаратэ бзараҫы атаца лыхызшьареи лымцэажэареи ахаҫыр иасимволын, уи, жэахэарада, лабхэындей лареи реизаказаашьақэа зырлашоз, амфа рзырбоз, ацыруа иҫызмыжьуаз афакторқэа ирфакторын.

Х-абицаракны ишыақәгылаз, еиҕымтыцыз атаацэараҕы, тацак лакэым, ыыца-хыи аицалацэа калар алшон. Аицалацэа рыбжьара атыц чыда аанылкылон апхыа иаанагаз, атацеихабы. Атацеихабы еиха анхэа дылзааигэан, аамтала мацара акэым, қэралагы. Уи атаацэа рыбзиагы лдыруан, илдыруан рыцэгыагы, дара дрылиаазшэагы лхы лбон. Атацеихабы апшэмапхэыс лроль ахыналыгзоз рацэан. Лацала еитбацэа лара илзызырсуан, илзымызырсуыр ланхэагы илуамызт. Еикэымшэо иалагаргы, анхэа лакэын ацтэы ацыхэа цызтэоз, аус еилзыргоз, ахацэа рахы уи азбахэгы дырзомызт. Атаца еитбы лацала еихабы лхэатэы ахьхалцоз аутэы-ахэатэы мацараҕ акэзамызт, лхэатэы халцон абзараҕы. Атаацэара «иашыагытхыаз» азэы лахасаб ала, атацеихабы атаца ҕыц атаацэа рыказшыахы, «атаацэа ртэахы» диалгон, ахэыча-азашыа ллырцон, апхыраара лтахызар, апхыраара лылтон, акы аалыгхаргы, дхылсон, цыара ианнеитэыс–ианааитэыс, лапхыа дгылан. Атаца еитыбгы леихабы лыснускаа лыцкалтон, апкыашэкыара иаатахыз зегы лара дадгылон. Атаца еитбы лацала еихабы лыхызгы лшыон, қэрала дахыеихабыс, апхыа дахыаанагаз адагы, лабхэында еихабы дахыипхэысыз азгы. Хэарада, аицалацэа, еихаракгы, аитбацэа рыбжьара ицэырцыр ауан аицлабрагы, аиканрагы, еихарак ахазцара анааигэахалакы, «утэы-стэы» аныкалалакы. Ускан аицалеихабы, анхэа ларгыажэа лахасаб ала, дыбжыаказафын, деилыргафын, аха уеизгы-уеизгы аиканра апсуа таацэаратэ пстазара иачыдаказшыамызт, иналашэа-аалашэон акэымзар.

Ф-абицарак рыла ишыақәгылаз атаацэараҕы, шамахамзар, аицалацэа зыкаломызт, икаларгы – аамткаҕаҕк иатэын – х-абицара таацэаны икалаанза.

Регламантациала итэын ахэычи адуи реизыказаашыа, атаацэаратэ бзара мацараҕ акэым, антыцгы, аха уи даҕаа темоуп.

Ауафсы ҕажэа шыкэса ркынза ахэычтэы категория дацанакуан, иара ахэычтэы категория ахатагы пшыбаны еихацсан. Уи ахэычи адуи реизыказаашыагы ианыцшуан.

Хэышықәса дыртысаанза ахэычы дхэычыцшқан, дсабин, ииуаз-иихэоз зегы бзиан, ихаан, «икалоит-икалом» зыхьзу ирцара рэазыркуан, уаха акгы. Иаазара зтэыз иан лакэын, иаб ашыжь дындэылцыр, ахэылбгыча дааиуан, «адэы дықэын». Аха анимазгы ихэычы икра-ишьтра ихы иатэе-ишьомызт – «ахатара илаиаазон», дызгабзар, даалыхэач-чон, аха убригы мазала, азэы ианимбоз. Егьырт ахэычы деимыркыа дырбон, «гэмырфэыгьгас» дрыман, еихаракгы, анду. Убри акнытэ, амата ианакэзаалак иан лыткысгы иан-ду лкалт дахьынхалан. Насгы уи ахэычы иан еиха лыпсы лнаргон, аонускэа лнаркатон. Анду лмата убыскак дишьцылон, убыскак игэшэымшэ лхэон, иара ус азэы диқэцэкьаргы лымуа акынза, дзыхшаз ракэзаит атахызар. Акы еицшмызт анду лажэа хаа, анду лтатэах. «Уанду уара дукэхшоуп» иацын ацьынцыхэа, алахарса, ацэарса. Абду иматацэа ишьамхы инықэыртэаны рыхкэа ааишьышьлон акэымзар, ииршьцыломызт. Андуи абдуи ртатара еигьгэыкатаган, егьаазаган абицарақэа реимадаразы здакам психологиатэ чыдарак ахасаб ала.

Хэба-фба рынахыс ачкэынхэычы абзиа кайцар имадырэхэон, ацэгьа ианарыжьуамызт, дацэдыршэон, акэакь дьгэадыргыларгы ауан, акгы амазамызт, аха икысуамызт: «телесные наказания, не только розга, но и более невинные, вроде щелчков, дранья за волосы и т.п. при воспитании совершенно не практикуются, т.к. туземцы (ацсуаа – В. Б.) вообще гнушаются телесных наказаний и тем более позорным считается применять их к существам беззащитным, притом столь дорогим для них, как дети»¹⁹. Азгабхэычгы ус акэын – ацэгьеи абзиен еишылдыраар лыхэтан. Ачкэынцэагы азгабцэагы аоны аоныцка ма акэша-мыкэша «акааг-акнаг» ада, шамахазак акэымзар, акгы ддыркатомызт, ахэмарха рыртон. Ачкэынхэыч уи азы ахыци ахэымпали амфэтэ шэакы изыкартон, «аибашышыа» идыртон, аеы абга дадыршьцы-

¹⁹ Н. М. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, СПб, 1893, ад. 318.

лон: «выработка умениг хорошо править лошадь» входит в программу абхазского воспитания»²⁰. Азгабхэычы акъанца кышьа лдырцон, илдырцон агара арцысышьагы, афымсаг-кышьагы. Жэаба-жэеиза зхыцуаз ачкэынката адэахыгы дхэартан, ахатаус агъама идыркуан, иаб имака дадхэалан, ма иашьеихаб. Ачкэын ката шыта ихатэ мыругакэагы имазар ауан: «аеага хэычы», «аигэышэ хэычы», «аиха хэычы». Ачкэын ката иабду еихагы дицын: абду дажэабжхэафын, длакэхэафын, дфыза дуун. Азгабката лани ландуи дрымадан – икарцоз рыцкалцон, ируаз рыцылуан, атыцхара амса дыкэын. Жэохэ шыкэса-жэаф шыкэса зышьтахька инзыжыыз ачкэын – ачкэын кэыпш – дыгэраган, афноума абнафэоума, иахьакэзаалакгы, идырцоз каитцон, адуца даарацлабуа. Уи ацэгъеи-абзиеи рахыгы «уааи» хэа иархэон: абыста зуаз абыста рыциуан, акэац жэуаз – акэац, дымфэаагафын, дзаагафын, дфынахафын. Агэылара-азлара ирхауаз ахыз итаацэаратэ базарафгы дытнагон, хэарас иатахузеи «аихабреитыбра» ахэаакэа рыоныцка, мархэацк ибжбартэ, абцбаркгы акра азин иоуртэ акынза. Азгаб кэыпшгы дтыцхан, апхэысназа илдырша лдыруан, онрак лутар, иныкэылгартэ еипш, лмыругакэа ракэзар, зегь рацхьа игылан азахыга-гэыр. Ацэгъеи-абзиеи рахыгы днарга-ааргон шыта азгаб кэыпш, амацушьа лдыруан, амацушьа дакэшэон, уаа дылмырцхашьартэ.

Абас «ажэа шыкэсанза. Уи нахыс арпызбаран, цхэызбаран. Уи нахыс ахэычра шыкэскэа цхызын: апхэызба агарашэа ллымха итафуан, арцыс – ар рашэа»²¹.

Иаaidкыланы иазгэахтозар, атаацэаратэ базарафы ахэычи адуи реизыказаашьякэа дара адукэа рхатакэа реизыказаашьякэа излареипшымыз оумак егыкамызт, аазаратэ процесстэкьа алахамтозар. Аракагы анакагы механизм хадас иказ

²⁰ Н. М. Альбов, иара уа. Ад. 311.

²¹ Уи атэы шэахэ. В. Л. Бигъаа (Бигвава9. Образ жизни абхазских жителей. Тб. «Мециереба», 1988; иара убас иара иусумта – «Система возрастных категорий, у абхазов // Кавказ... Сухум, 2004.

аихабреитцыбра акэын – арратэ демакратиа иагэылсны иаауа асистема.

Атыхэтэаны иазгэахтап апсуа таацэаратэ еизыказаашьақэа ретностэ аспецифика гэылзыршэо даға фактгы – атаацэа ре-иғытшыа.

Еиғытцуаз атаацэа – таацэа дуун, абицаралаггы хыцхьазаралаггы.

Атаацэаду шыатас иаман аекономикатэ цстазаара. Аарыхратэ мчкэа атаацэа рынхамға шытнахыртэ, иныкэнагартэ икаларцазы, анапырацэа атахын. Даға ганкахыалаггы атаацэаду ахыцша ду аман, ахыркэығера мариамызт. Абарт ацацгэы хадақэа ирывагылан иара убас ауаа ргэаанагара, «ауаа рыбз». «Атаацэа мааибит», – рхэар, аоната аихабы иахатыр хеуан. Аха атаацэа анеитыцзалакы, «чуанк изеицтамчо», «еишэак изеицыкэымчо» ианалагалакы, апшэма иуа-итахы, игэыла-изла идгаланы, «иус» еилиргон. Атаацэа еиғытцуан, ртэы-рымаа еилдыргон «ашахатцэа» ирбо-ирахауа, аргаматэ: «аихабы ихэтаа», «аитцбы ихэтаа».

Атаацэа реихабы – деихабын, «аонду» ибон, ихэтааггы еихан. Ихэтаа еихан еиғытцуаз аишыцэа реихабггы, ицбабаа еихан азы. Еггырт зеггы рыхэтаакэа еикаран, заб иғы иаагыллоз аитцыбггы убрахы днарылатаны. Аонду ағы аагылара зцаара атахзамызт, уи аминораттэ казшыа аман. Амала, азгабцэа хэтаа рымазамызт, рхатцацараан ирыртоз аихрацага атэы хамхэозар.

Атаацэа анеиғытцуаз атаацэа ирымаз-ирыхзыз ршон, рырахэ-рышэахэ инадыркны рыкэафраматэа акынза, азэггы давамхартэ, азэггы игэы нымхартэ еицш. Атаацэа рхэатэе-икэшэара, атаацэа ракзаара иасимволу, амагиатэ мчгы змоу акы ахасаб ала, атаацэара ғыцкэа ахэыштаараду амцажэла ағыргон. Икан архнышына ацыццэахақэа аныргозгы, еиғап-сак иадамзаргы. «Архнышына ааишыццэаз»²² рхэоит иахьа-

²² В. А. Касланзиа. Апсуа-аурыс жэар. Акэа, 2005, а-2-тэи ат., ад. 137-138.

ггы «аишьцэа гэакыакэа» ацынхэрас, ажэа ацакы аргэгэаразы, аеффе́кт азы.

Атаацэара ыщкэа, шамахамзар, «аонду» иацыртны хара́к ицомы́зт, ааигэа-сигэа рыцэоаншьапкэа адырсуан. Урт ибзианы ирдыруан, ибзианггы еилыркаауан, атаацэахэычы, атаацэаду еипш, акапан шамамыз, анаскэара шгэагыуацэаз. Ирзышьтхуамы́зт иара убас акзаара аидеологиатэ цакгы. Уи азоуп «атаацэаду» атыпан «итэы-ипча икоу атаацэа» зырхэозггы, еквивалентк ахаса́б ала.

Еиы́штуаз аишьцэа еихаггы игэеибатон, еихаггы ишьтибахуан оныргылан. Апхэа аихабы инхара напы адыркуан, нас, уи ишьтанеиуаз итэы, ахыбра ахата инаркны иаштеи игэарей ркынза. Урт зеггы илапш рхын, ахы ритон «аонду» аихабы.

Аишьцэа дара-дара шеицхыраауаз, ишеихэоз аткыс инеиханггы урт ацхраауан «аонду». Уи зеггы ирзеипшыз усун, иуспшьан, избанзар, хыхь ишазгэахтахоу еипш, уа дтэан зеггы еицазаазаз, анцэеи дарей ирыбжэагылаз, рцэашьхэы зкыз рыцхаражэ́хэа, «рхыбао».

Инаматэны акэзарггы, изгэахтап иара убас атаацэараду реиы́цтра иабзоураны ишьақэгылоз ануклеартэ таацэакэа антышэынтэалалакы, аамта кыр анахылалакы ашьтахь, зеггы зхылтыз раб иаб, уи иаб ихьз шырхылоз атэгы, зеипштэ епонимла: «Гьадлач-ипцэа», «Чыгыщ-ипцэа», «Хакэыщэ-ипцэа»... Азанааттэ литератураы́ уи «абипара» – «патронимия» хэа иашьтоуп (егыирахь, аструктура атэы анаххэо, «абипара» аеакзоуп – урысшэала: «поколение»).

Адэы икэаагаз аетногарфиатэ материалкэа ишырхэо еипш, иахьатэи апсуа таацэа аи́факаашьа́фы апыжэара змоу ануклеартэ таацэоуп, аоната иахагылоуггы аб иоуп, шэкэыла-быгышэыла мацара акэым, апстазаарагы́. Аб дахы́кам атаацэара́фы хадара луеит ан, зыкэра атцанакуа аца длымазарггы.

Х-абипаракны еилоу атаацэа нхамашэкэыла абду ихьз рхуп, аха абду, атаацэа реихабык иахаса́б ала, имчра номиналтэ мчроуп, еихаракггы ихы игэы азтацэкэаны дыкамзар.

Амала, ашэкэы акны еипш, ауаа рахыгы зегы-зегы иара ихыз ала икоуп, иара ихыз рхуп, аонра-агэара, арахэ-ашэахэ, ухэа, «акэаз-мазкэа», «асса-мысса» – апшэмапхэыс.

Азатэ дызху аонра, хатей-пхэыси ракэыз атахызар, ажэа мыщхэ атахзам. Арака анхара зыхыз ала икоу ауааы дагыейха-буп, дагыейцбуп.

Ануклеартэ таацэарафэ хатей-пхэыси реизыказаашыа атрадициатэ градациа уааы ибаратэы икоуп, аха «икоуп» иеихазам. Атаацэа ирзеипшу аус – анхара иатэума, абазара иатэума – аоната айхабы ихала дацазам, убри акнытэ, ихалагы изызбазом, «аоны икоугы» лгэы иныкэйишыуеит: «ишпакахцари, бара»? Зегь рапхэаза иргылары, хатей-пхэыси ирыбжьюу «аиоызара» аекономикатэ шыата амоуп. Ахатца акыр шааиго еипш, акры аалгоит апхэысгы, цэара-цэара инеихангы. Анхамоа атауартэ хырхартагы аанахэеит, ацармыкыахь ахы археит. Ацармыкыа ахатца иааста апхэыс данаалеит. Ахэаахэтра аткыыткыашыара рылоуп макыана апсуаа, изакэымтцыц.

Атира-аахэара ахатцауеи апхэысуси ирыбжыаз ахэаакэагы еиланагеит. Апхэыс «аоны дыфнытны адэы дыкэлеит», ахкаарафэы днеины лхатца дивагылеит. Ахатцагы аонус ихы ахибаауам, аоныпхэыс даныкатцэкоу, акфэыора дыкфалом хэарада, уи ларгы иатэалшыом, аха лара акрырхара данцо, ипхеишыазом – аонгы ибоит агэарагы ибоит, ахэычгы дибоит адугы дибоит, аоымсаги азэзэага сапыни рыда. Урт ркынзатцэкыа «ихы изыларкэуам» ахатца.

Хатей пхэыси реилытра апроблема акэзаргы, убас, тыц дук ааннамкылазацт, аха цыхеи уажэи злеипшым ыкоуп. Ахатца ихарала еилытыр, апхэыс лакэзам ицо, иара иоуп. Апхэыс лыхшара днырхагылары илаазоит. Лара илыдгылоит лхатца итаацэагы. Иара ахатца ихатагы ихэычкэа кайжызом: рхы иалаирпшуам, дрыцхраауеит. Убри акынтэ, хатей-пхэыси реилытра азцаара, шамахамзар, аус иартом, збафгы дадыргалазом. Ишабалакь зтаацэа ирызныкэо ахатца ажэлар рфэы хатыр икэзам.

Амала, хшара дызмам апхэыс, лхатца ихарала дилцуазаргы, лтаацэа рахь дцоит, цьабаа дук аонра илзаламзар. Азе-ипш мал ршоит еикэышахатны. Аимак калар, ауаа адгаланы, аус еилдыргоит.

Ахатцаус-апхэысус, адуус-ахэычус хэа атаацэа рфы дасу рольс иааникыло, функциас инеигзо лабѣаба уафы изырбо асаспылашыагы атрадициа цэа акэнуп иахыагы, аха адэахыала иканацсаз рацэоуп, апшэмацэа рымацара рзы акэым, дара иртаауа рызгы.

Иахыатэи асастаашыагы, асаспылашыагы иахыатэи аамта аныкэашэа иакэшэоит. Иласуп. Ауаа аитанеиааиха, асасха рымам. Гэылак-злак дааиргы, аказы дааит, иенирхом, амала атаацэа ркаалкымта дакэшэар, хымпада, апшэмацэа уи аишэахь даарымгар рузом. Харантэ иаауа – дуоуп, дтынхоуп – апшэмапхэыс лыкэты ма лшэишэи даларыгзоит. Асасдахьцэкыа, хэарас иатахузеи, атэыџа змоу, цшышыапык зцоу акы ихэцоуп, аха убриггы, шамахамзар, атаацэа дрылапхьом, дцоит.

Асас иматц аураан апшэмацэа аихабреитцыбра анормативкэа ирыкэныкэоит, иахынзауала, аха атаацэа мац рфы иуадаџуп, «анагзацэа» рхыпхыазара ахыазымхо иахкыаны. Аишэафы, цьара еитбацэакэак ракэымзар, асас акырицырфот, амала, иааигэара, иварафыцэкыа атэара азин змоу аоната аихабы иоуп.

Еихабейтцбылоуп асас данцо ишицдэылтцаугы ажэытэ еипш, аха агэашэнахыстэи инаскыагара ахэцоуп, хэа, ирыпхыазом шыта, дшыакауаџызаргы. Анаскыагара «алахтыра» иагеит.

Ахшара рхэычтэы категория итагыежыуанаты, рани-раби рнапафы икоуп, уимоу атаацэара иалалаанзагы. «Рани-раби» ххэоит, избанзар ахшара рызцаара иахыа аб ихала дахэапшзом, ашыцыагы арака рстатускэа акгы еиџыргом, еикароуп. Уинахысгы, ианеиџытцлакгы, урт реиладара, реиџаара ацыхэа ццэазом, еиха аџоунажыуеит, еиха аџаркэадоит акэымзар.

Хазы ицо – дцоит, ааигэара-ахарара рацэак хьаас имкзакэа, имчи илшеи нагзаны ихы иахьаирхэаша, еихарак – ака-лакъахь. Заб ионрафьы иаагыло социалла ақытафьы ада цьаргьы уиакара «иамаабуа» иоуп, зегьы рацхьаза иргьыланы. Амино-раттэ традиция хэит, ага қытақэа рфьы акэым, афэақэа рфьы. Аихабацэагьы уи иафэаапкуам, рхы андраалеит.

Аимадара афэаркэадеит, иашоуп, аха хазы инхо – дцоума дыпхаума, – дызустзаалак, Ацсны афнуцка дахьыкказаалакгьы, «афнраду» дадхэалоуп. Анапырацэа зтаху анхамфатэ усурақэа аамта къафк ианалагзатэу, уи дааны афнду афьы инхо дицхраау-еит, мышкы-фымш ирыдамхаргьы, «адэы дықэигоит». Афнду-аагьы акалакъуаф дгэыгэтарыжбуам, ацсуа фатэ игрыжбуам, ирылшо ала.

Шьак иалтыз ауаа еидызкыло рацхьа игьылоуп ацэгьей-аб-зиеи, уи зегьы ирзеицшуп, зегьы ирзеилоуп. Убри адагьы, урт ныхэарак еицацагылоуп, рцэашьхэы еилоуп: ажьырныхэа, ажьахара, анцэарныхэара...

Ачара змоу, хэарас иатахузеи, ахарць иацагылоу апшэма иоуп, аха иашьцэа, иахэшьцэа, ухэа, зегьы, ирылшо ала, уи ицхраауеит, маха-шьахала мацара акэым, паралагьы, шыра-лагьы, апшэма ак игхар, даргьы ирыгхейт, рхэоит анашцэа. Урт ахьз шырзеилоу еицш, Анцэа иумхэан (!), ирзеилоуп ахьымзггьы.

Абык ихылтыз, уимоу абшьтрак иатэугьы, еихагьы еид-накылоит ацсра. Алцсаа дзауз атаацэа ргэакреи дарей рхала еизынрыжбуам, еифьыршоит. Уи урт зегьы ирзеицшым, хэа-рада, аха, еитасхэоит, ирзеилоуп. Уиоуп ацсрахьы иааиуа ацэуацэагьы апшэма ишидашшыло еицш, игэакьацэагьы из-рыдашшыло. Аихэарей ашьтибахрей, арыцхаибашьарей мы-цхэы ирыцкляцшуеит ацсы икэ-итцас нарыгзаанза, неилых камцакэа.

Х-абипарак ахьыкоу атаацэарафьы афнра иахагылатэкъоу афнра ныкэызго иоуп – зани-заби рхы иалазмырцшыз, ражэымта зыршкэакэаз аца. Атаацэа рыфьныцка еицш, ауа-

ажэларааҕы уи иахатыр шытызхуа, ихыцша зыргэгэо факторқэоуп инхашья-инцышья, итаацэаныкэгашья, еихаракгы ихшара рхымоагашья, ихшара рлеишэа.

Аа-абицарақэа рҕы еицш, ах-абицаратаацэакэа рҕы ахэычаазара, хымпада, ани аби ируалцшыоуп: рыфатэ-рыжэтэ, рышэцатэы-ркэынцатэы, рцара-рдырра. Иахьягы ачкэын иб-зиагы-ицэгыагы аб итэуп, азҕаб лыхыз – ан, аха анацшцэа зегы здырцхязало аб шиакэыз дынхеит. Имачым андуи абдуи рыхэтаагы, еихаракгы урт апсыуа тасла апсыуа ламысла, раазараҕы. Зегы ирыцкуп абыргцэа рхатақэа рыхныкэгашья: «ла иабо хы иацсоуп». Даеакала иаххэозар, ануклеартэ таацэа рыхныкэгашья аҕатэ цивилизация иашьяшэалоуп, хабицаракны еилоу рҕы – ажэытэ традициякэа. Избанзар хабицарата-ацэараҕы икоуп, апсы тоуп абхэара-тацара, анхэара-тацара, «апхашьяпхатарақэа» инадыркны, амцэажэарақэа ркынза. Арака ажэытэи аҕатэи злеицшым аҕхэароуп – аҕхэара кьяҕ.

Аиашьеи аиашьеи, аиахэшьеи аиахэшьеи, аиашьеи аиахэшьеи рыбжьара аихзызаарей ашьтибахрей шыкац икоуп, уи апсабара иатэуп. Аха илакэит урт реизыказаашья иацу аформалтэ цынгылақэа, арегламентацйакэа, инеибеицшны акэымзаргы, моментқэак рҕы. Даарак изхэарамзаргы, икоуп аихабы истатус, аитцбы истатус, еихарак адэахьяла, атэымуаа рҕапхья. Абазараҕы атыц рымоуп иузымцэахуагы. Аиашьеитцбы иеихаб иапхья цхэыс дигар, аиахэшьеитцбы лахэшьеихаб дылпыоланы хатца дцар, азэгы ицьеишьязом, – «лынасыпхэ дазцеит», – рхэоит. Аус злоу афакт ахатоуп.

Иаидкыланы иаагозар, иахьатэи апсуа таацэа аиҕекаашья иаанахэеит зеицш чыдарак, зеицш тенденциак – амариара, аха макьянагы уи амилатцэа ахазцо, амилат казшья азто изырхио, изырпшзо, аихабыреитцыбратэ системоуп – ада ду еицш ажэлар рыбазара иагэылсуа аетикатэ феномен.

Абас ала, аамта кьяҕк иалагзаны апсуа таацэаратэ базара псабаралагы, тоурыхлагы иара иацэтэымыз амоа ианыллит – аструктура ҕари аеиҕекаашья мариеи рымоа. Уи машэы-

рзам, асоциал-еканомикатә пстазаараҕы икалаз аитакрақәа ирхылҕеиааз процессуп.

Атоурых атра итагъежъуеит: иацәахыз мышкызны ицәыр-намгар аузом, еицакны акәзаргъы. Асовет нхашъа-нтцышьбатә система анааи апсуа таацәа злеи-

баркыз атрадициатә ббазара иагәтасит, еиланаршәшәеит, аха иахъеи-уахеи уи ианалагыла, ианашыцыла, ианаалеит, ахыбгалара – аҕыщәхәы иқәнартәеит.

Имҕац айбашъра урт ирзыннажъыз ахәрақәагъы. Уи уафы имбар ауам иахъабалак, амахәҕеиаа кәзтәшәз атәицәа реилшъаара инаркны рматериалтә тагылазаашъа аилахара акынза. Уи аизхарагъы иакәнахит.

Ахыщшымреи адемократиатә шъакәгылашъеи ашәра иаҕуп, аха анхафыжәлар макъана агъама цқба ирымбацт, ирылымсыцт.

Апсуа таацәаратә ббазара гәгәлалатқкыа ианырит иара убас атрадиция кәзшъа аазхәаз аемансипациамц. «Ахатәи апцхәы-си рзинкәа реикаратәра» апсуа жәлар рменталитет цнашәа-аит. Адәахътәи аус афыщәагъы ирзеипшхеит, афныцкәтәи лара ишылтәыз инхейт. Ажәлар ажәапканы ирхәоз аамта итагылоуп: азәы иаазара азәы ипсатқкыоуп.

Икәтәтәузеи нас? Ари азцаара атак акацара азәы ихала идцатәзам, егылшом.

Апсуа таацәа иаанахәаз аеитакратә тенденция аҕәра аҕататәуп, иахыңзауала, ахышьтрахъ иргъежътәуп, формалагыы тақылагъы. Уи азы иатахуп, ахеилакра, ажәлар рыхшыю, ахәынтқарратә знеишъа!

Аилацәажәарақәа, айбаркәзарақәа мсапгәтәуп қыта-қытала, қалақь-қалақьла, уимоу – организация-иорганизациалагыы. Ажәлар, еихаракгъы, аҕар рлымха акынза инагатәуп аиаша – икоу, шыкоу, ишыкацқкыоу. Убри азы, зегь рацхәза иргыланы, адемографиатә политика ахәынтқарра априоритеттә хырхарта хадақәа ирхырхарта хадахароуп. Избанзар адемографиатә политика иахыщшуп иара хмилацтә хәынтқарра ахатагыы.

Ацыхэтэажэа ацынхэрас, ацсуара згэы азыбылуа азэы иахасабала, сара истахуп зда хэшэы ыкам хэа исыпхызо акы-оба ус сырзаатгыларц.

1. Ххэынтқарра зыхыз аху, гэыщэс иамоу ацсуажэлар адемографиятэ шэарта баапс иштагылоу иазхэыщны, агэра хатцаны, чыдала иапцатэуп Ацсуа ан лфонд, адемократиа ахэаакэа иртыцуазаргы. Уи асоциалтэ, аекономикатэ, азинтэ шыапфэаршэыртақэа рзыцшаара аеуит. Афонд ахарць ала ан ахшауроура деилахартэ еипш абга лытатэуп, лматериалтэ цхыраара еиха-еиха еизырхауа: «азэы изы», «шыща рзы», «хшы рзы»...

2. Агэра хатцатэуп ацсуара еикэзырхо ацсуа қыта шакоу. Убри акынтэ ақытанхамоа ашытыхра, ақыта моакэа рыкатцара, ақыта цараиуртақэа, акультуратэ хэыштаарақэа, ахэшэтэыртақэа ухэа апстазаара ацакы азто рырфыхара. Акырынтэ руалафахэы азырхатэуп, еиуеипшым альготақэа рытатэуп ақытафэы аус зуа аспециалистцаа. Аурбанизациатэ процесс аанкыларазы цапхас икоу ақыта пстазаара уао деилахауа акацароуп.

Хэарас иатахузеи, Ари апрограма апунктқэа зегы рынагзара алзыршаша амеханизмгы азыпшаатэуп, хылацшра айуроуп.

3. Даараза агэра хатцатэуп, ианакэызаалакгы иаадыруазароуп, иаххахмырштлароуп хара хдемогарфиатэ тагылазаашыа арееира мшыннырцэ икоу хдиаспора рырхынхэра ишахыпшшу. Убри акынтэ, хдиаспора ахыыкоу атэылақэа рфэы аус зуа ххэынтқарра ахатарнакцэ ырцыхцыхлатэуп урт ирылаланы аус зуша, хтагылазаашыа зеипшроу реилзыркааша, ргэы акынза иназгаша акадр қэыпшқэа рыла. Аамтак ала ицегь иргэгэатэуп Ацсны анапхгара нап здыркхыоу, иахыагы изфэу аус – ихынхэуа нхарта тыпла, хныкэгашыала, пстазаареифэкаашыала реикэыршэара, рырманшэалара.

P.S. Ацсуа жэлар ртрадициатэ базара ахышытрахь аргежьра иазку азцаарақэа шытырххэеит чышэрак здыруаны икоу апсуаа азэырфы, иара сара схатагыы снарылатцаны.

АБХАЗСКАЯ ТРАДИЦИОННАЯ СЕМЬИ И ДЕЙСТВИЕЛЬНОСТЬ

Семья – зеркало исторического развития общества. Она изменяется в соответствии с социально-экономическими процессами, происходящими в жизни народа. И абхазская семья не исключение. Причем, ее структура всегда, или почти всегда, адекватна внутренней организации и, наоборот. Свидетельство тому – полевой этнологический и этнодемографический материал, позволяющий проследить за ходом трансформации, которой по известной причине она так сильно подверглась в прошлом столетии²³.

1. Структура

Этнографии известно: еще в начале XX в. абхазская семья встречалась в двух формах – *аҭаацәаду* (большая семья) и *аҭаацәахәычы* (малая семья)²⁴. По восходящей и нисходящей линии *аҭаацәаду* состояла из трех-четырёх поколений: родителей, детей, внуков и правнуков. По боковой же линии она могла включить в себя несемейных или даже семейных братьев, племянников, племянниц и т.п. ближайших родственников. А в количественном отношении большая семья объединяла несколько десятков человек. Процесс ее сегментации начался в годы коллективизации сельского хозяйства, сопровождавшейся урезаниями приусадебных участков.

Безусловно, в период существования большой семьи существовала и малая, как бы параллельно. Иначе не могло и быть: обычно малая семья – продукт разрастания большой семьи.

²³ Полевые этнографические и этнодемографические материалы собирались автором в конце XX – начале XXI вв. в районах Абжуйской и Бзыбской Абхазии.

²⁴ См. об этом Ш.Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. С., 1954; В.Л. Бигуаа. Современная сельская семья у абхазов. Тб., 1983.

В свою очередь и малая семья встречалась в двух типах. Первый тип представлял собой моногамную семью из трех поколений, второй, – из двух. В литературе последний тип семьи называется – нуклеарной. Абхазская трехпоколенная малая семья, в которой жили женатые сыновья со своими детьми, этнологи называют и «неразделенной семьей» (*еиҭу, еиҭымҭыц*). Она встречалась в своей пережиточной форме вплоть до начала последней фазы «развитого социализма» в республике.

По сообщениям представителей старшего поколения²⁵, в прошлом, примерно до, в какой-то мере и после, введения в Абхазию «нового метода хозяйствования», и обычная абхазская моногамная семья была многодетной. Идеальная же детность представляла восемь душ, о чем говорит и фольклор: «*абжьџеишьцџа раҳъшьбацаџџы*», «*ахџыџџацаџа–ахџыџџацаџа*», что переводится как «сестра семи братьев», «пять сыновей и три дочери», соответственно. Добрые люди семьям, в которых имелись восемь детей, желали «счастливого роста» (*анцџа рзырҳа*), если их было больше – «уцеления с божьей помощью» (*анцџа иааза*).

Уже в 60-х годах прошлого столетия, к которым относятся сохранившиеся архивные материалы об абхазской семейной структуре, доминирующее положение занимали двухпоколенные семьи, составляя около 70 процентов, и лишь немногим более одной трети делили между собой однопоколенные и трехпоколенные (см. таб.1).

За каких-то десять-двенадцать лет картина заметно изменилась. Тогда, т.е. в середине 70-х годов, когда было проведено специальное обследование интересующего нас вопроса, двухпоколенные семьи представляли 62 процента – почти на восемь единиц ниже предыдущего показателя²⁶.

²⁵ По полевым материалам, собранным автором в 70-х годах XX столетия, хранившимся в архиве Абхазского института, излагается по памяти.

²⁶ В этнологическом абхазоведении есть ряд работ, посвященных семье и семейному быту времен советов: Л.Х. Акаба – Абхазы Очамчирского

За ними следовали семьи из трех поколений, насчитывавшие 23 процента. Третью строчку занимали т.н. неполные семьи – семьи из одного поколения. Таковыми являлись супружеские пары или одиночки, удельный вес которых равнялся 14% в среднем. Если рассмотреть вопрос отдельно по селам, неравномерность развития очевидна. Так, из 524 семей в с. Члоу однопоколенных было 36. Все остальные представляли собой два-три поколения. Наиболее богатыми селами из двух поколений были Кутол и Дурипш – 67 и 66 процентов, соответственно. В них было сравнительно много и трехпоколенных семей, превышавших 22и 24%. В отношении трехпоколенных семей также наибольший процент падал на тот же Члоу – 30. Значительно было число трехпоколенных семей и в Арасадзыхь – 26%, и в Хуап – 24%. (табл. 3).

Поколенность семьи в известной мере зависела от физико-географического положения того или иного населенного пункта. Как правило, наиболее многочисленные семьи из трех поколений встречались в предгорно-холмистых районах республики. Напротив, в далеких от городов селах однопоколенные семьи встречались реже. Редкостное явление это объясняется непоколебимостью еще в то время традиционного отношения детей к родителям, согласно которым оставление стариков в одиночестве считалось недопустимым, тем более в условиях отсутствия благоустроенных дорог между периферийными селами районными центрами, и

района // Кавказский этнографический сборник, 1. М., 1955; Ц.Н. Бжания – Семья и семейный быт в абхазской колхозной деревне (по материалам села Атара Очамчирского района) // Современное абхазское село. Этнографические очерки. Тб., 1967; Ю.Г. Аргун – Иахьатэи апсуаа рыбзашэи ркультуреи. Акэа, 1976; В.Л. Бигвава (Бигуаа) – Современная сельская семья у абхазов. Тб., 1983 и др. За исключением последней работы, ни в одной из них нет исследования в этнодемографическом аспекте. Что касается вопроса внутрисемейных отношений, то конкретно и дифференцированно он изучается впервые, в настоящей работе.

скудности средств передвижения. Однопоколенные семьи были сравнительно характерны лишь для пригородных и приморских селений.

В двух селах, Мгудзырхуа и Атаре, например, они преобладали, соответственно, тридцати-двадцати процентный барьер (см. табл.3)²⁷.

Время, отделяющее нас от указанных периодов, составляет, соответственно, сорок и пятьдесят лет – около половины человеческого возраста. Но, судя по темпу количественного и качественного развития общества, прошло немало. И известные изменения, происшедшие на наших глазах, оказали серьезное влияние на семью, в данном случае на ее структуру.

Правда, и сегодня структурно первенствующее место занимает группа нуклеарных семей, составляющая 44 процента. Но разница между показателями прошлого и настоящего периодов времени более, чем ощутима (18 и 26 %). До 36 процентов увеличилась доля однопоколенных семей. Разрыв – двадцать две единицы. Естественно, поэтому и позиция семей в три поколения, именующихся исследователями «полными» или «благополучными», существенно ослабла. Теперь они ограничиваются девятнадцатью процентами. В этом отношении от всех сел, где проводились полевые этнологические исследования, отличалась Атара.

В Атаре сегодня дома, в которых живут одинокие или супружеские пары, 62 процента. Количество неполных семей увеличилось также в Лыхны и Джгерде, где они колеблются между 37 и 38 (см. табл. 4). В последнем селении, несмотря на отдаленность места его расположения, традиционная ответственность детей за своих родителей работает уже по остаточному принципу.

Изменения, произошедшие в поколенном составе семьи, не могли не сказаться на ее количественном составе.

²⁷ Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья у абхазов, гл. III.

Из девяти сел – Арасадзыхь, Члоу, Кутол, Атара, Джгерда, Хуап, Мгудзырхуа, Дурипш, Лыхны, – в которых собирались данные этнической демографии, невозможно выделить ни одного, как благоприятного, в отношении количественного состава семьи.

Везде и всюду шкала количественного параметра абхазской семьи двигается в нисходящем порядке. Хотя имеющийся материал незначителен, но достаточно ярко демонстрирует, что в отношении численного состава семьи, самыми многочисленными в 60-х годах минувшего столетия были семьи из пяти-шести и семи человек. Часто встречались и более крупные семьи, представлявшие по восемь-девять человек. Напротив, одиночки не превышали и пяти с половиной процентов. Если иметь в виду среднестатистический показатель, то абхазская традиционная семья состояла из пяти человек (см. табл. 5).

Еще вчера, в семидесятых годах минувшего столетия, в Арасадзыхе, допустим, проживало около 215 семей, наибольшее число которых представляло семьи из трех человек. На втором месте находились здесь семьи из шести человек, в среднем – из 5,5. Средний размер был сравнительно высок также в Члоу – 5,0, Дурипше – 4,9, Хуапе – 4,7, Джгерде – 4,6. За редчайшим исключением в республике, не было такого абхазского села, в котором бы средний размер семьи опускался ниже четырехзначной отметки. А по всем селам он равнялся 4,6 чел. (см. табл.5).

Сегодня акцентировать на показатели села Арасадзыхь вряд ли правомерно, т.к. в течение поствоенного времени львиная доля его жителей переехала на постоянное место жительства в прибрежные районы страны, но следует отметить, что и оставшиеся в нем семьи малочисленны – 3,2. Даже, стало быть, наиболее благополучные в прошлом составом семьи села, как Хуап, Члоу, Кутол, Лыхны и Джгер-

да, не могут называться успешными, имея, соответственно, следующие показатели – 3,8, 3,6, 3,5, 3,4. Последнюю позицию и в этом отношении занимает Атара. В Атаре сегодня среднестатистическая семья состоит из двух человек (2,2)!

Уточняю: по данным этнодемографического материала, собранного мною, современная абхазская сельская семья составляет 3,4 человека в среднем.

Естественно, сокращение количественного состава семьи вызвало и сокращение самих семей (причиной могут быть и другие факторы, но не столь существенные). Если в том же Арасадзыхе раньше было 214 дворов, то в настоящий момент – 107. О том, что способствовало двукратному сокращению числа жителей здесь, говорилось несколькими строками выше. 283 крестьянских хозяйства было в селе Джгерда, сегодня – 224. Аналогичная картина относительно численности семей открывается и в Члоу, в котором 422 хозяйства, против 524 в недалёком прошлом. То же самое и в Мгудзырхуа, и в Хуапе, в которых насчитывают 327 и 135 дворов, вместо 370 и 158 соответственно (см. табл. 5 и 6).

Это состояние семей, документально числящихся как хозяйственные единицы. А как выглядит общая статистика в самых этих селениях, в которых мы проводили полевые этнографические исследования? Адекватно, если не печальнее. Число жителей села Джгерда в прошлом достигала 1324, сегодня – 692. В Члоу проживало 2644 человека, теперь – 1552. Дурипшцы насчитывали 2952 человека, сегодня 1200, т.е. в два с лишним раза меньше. Первенство с минусом принадлежит атарцам, число которых уменьшилось почти втрое – 450:1269 (см. табл. 6).

Возможно, не по теме, но отметим: из общего числа проживающих в с. Атара людей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, составляют менее 13,5 процента, до 40 лет – 20, до

60 лет – 21. Наиболее многочисленны люди, перевалившие 80-летний рубеж. Их 35 процентов. Думаю, что комментарии здесь не уместны. О том, что ждет село Атара завтра, свидетельствует «демография, наука о народонаселении, т.е. о динамике его изменения».²⁸ Если средний размер семьи равен 4.0 человека, то она в состоянии застоя, больше – прогресс, меньше – регресс.

2. Внутрисемейная организация

Те изменения и перемены, которые произошли в структуре изучаемой семьи, находятся в прямой взаимообусловленности с ее внутренней организацией.

Наиболее важным вопросом внутрисемейных отношений в абхазской бытовой действительности считается роль главы семьи – знаковой фигуры, как и у других горских народов Кавказа, без исключения.

До советизирования абхазского общества имидж главы семьи не вызывал сомнения, ибо им мог быть только старший мужчина – дед, отец, брат. В исключительных случаях, вызванных смертью, семейством руководила женщина, также старшая по возрасту – система «старшинства-младшинства» – «аихабреицыбра» – была незыблема. Глава семьи традиционно считался владельцем и распорядителем всего недвижимого имущества, которым пользовались все его домочадцы в период совместной жизни. И малейшее отклонение младших от повиновения ему не допускалось обычным правом горцев. Он должен был быть в курсе всех мало-мальски значительных дел семьи. Без его ведома ни один член семьи, особенно из числа молодых, не мог делать никаких решительных шагов, даже личного характера.

²⁸ Словарь иностранных слов. М., 1981, с. 156.

Вместе с тем, у абхазов глава семьи никогда не был деспотом по отношению к своим домочадцам, как это сообщают отдельные авторы дореволюционного времени и слепо поверившие им советские этнографы²⁹. Подтверждение тому – полевой этнологический материал.

Не случайно, что в языке абхазов сохранился, и до сих пор в обиходе, фразеологизм «*аҭаацәаду анааилатәо*» или «*аҭаацәаду реилатәара*» – момент заседания большой семьи.

1. Поколенный состав семьи – 1964-1966³⁰

Село	Всего семей	Однопоколенные		Двупоколенные		Трехпоколенные	
		число	%	число	%	число	%
Хуап ³¹	161	27	16.7	112	69.5	22	13.6
Дурипш ³²	469	62	13.2	223	71.4	72	15.3
Мгудзырхуа ³³	344	77	22.3	231	67.1	36	10.4
Всего:	974	166	17,0	678	69,6	130	13,3

²⁹ Напр., Н. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе. Тиф., 1886, т.1., кн. 2; Я.С. Смирнова. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XXвв.) // Кавказский этнографический сборник (в дальнейшем КЭС), М., 1955, т.1.

³⁰ Таблица составлена автором по материалам похозяйственных книг, чудом сохранившихся в Гудаутском районном архиве. Архив Очамчирского района, как и Государственный, сожжен госсотевтовцами во время грузино-абхазской войны 1992-1993 гг. Выражаю большую благодарность Зое Тыркба – директору Гудаутского райархива за советы и оказанную мне помощь в сборе материала.

³¹ Ф.192, А-126-129, оп.1.

³² Ф. 179, А-140-146, оп.1. Книга №3 отсутствует. Если в одной книге в среднем 100 хозяйств, то в Дурпише должно было быть 570 семей, а не 469.

³³ Ф. 46, А-216-221, оп.1.

2. Численный состав семьи – 1964-1966³⁴

Село	Всего семей		Из одного чел.		Из двух чел.		Из трех чел.		Из четырех чел.		Из пяти чел.		Из шести чел.		Из семи чел.		Из восьми чел.		Из девяти чел.		Из десяти чел.		В среднем		
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	
Хуап	161	2	1,2	10,7	16	9,9	16	9,9	16	9,9	28	17,3	28	17,3	21	13,0	18	11,1	5	3,1	-	-	-	5,0	
Дурлиш	469	21	4,4	9,8	56	11,9	63	13,4	79	16,8	67	14,2	61	13,0	46	9,8	46	9,8	14	2,9	13	2,7	3	0,6	5,1
Мгулдыр-хуа	344	31	9,0	11,9	35	10,1	43	12,5	39	11,3	50	14,5	39	11,3	50	14,5	50	14,5	12	3,4	3	0,8	1	0,2	4,9
Всего:	974	53	5,4	11,6	107	10,9	122	12,5	146	14,9	145	14,8	121	12,4	114	11,7	114	11,7	31	3,1	16	1,6	4	0,4	5,0

³⁴ Таблица составлена по материалам указанных выше хозяйственных книг, хранящихся в Гулдаутском райархиве.

3. Поколенный состав абхазской семьи – 1976³⁵

Село	Всего семей	Однопоколенные		Двупоколенные		Трехпоколенные		Четырехпоколенные	
		число	%	число	%	число	%	Число	%
Арасадзыхь	214	23	10,7	113	52,8	56	26,16	2	0,9
Джгерда	283	56	19,7	168	57,2	65	22,9	-	-
Члоу	524	36	6,8	328	62,5	158	30,5	2	0,38
Кутол	768	93	12,1	507	66,01	108	21,87	-	-
Атара	238	48	20,16	136	57,1	54	22,6	-	-
Хуап	159	29	18,2	92	57,86	38	23,89	-	-
Мгудзырхуа	370	112	30,27	224	60,54	34	9,18	-	-
Дурипш	601	68	11,3	386	64,2	146	24,39	1	0,16
Всего:	3151	465	14,7	1948	61,8	119	22,8	5	0,1586

³⁵ Таблица, составленная автором по материалам похозяйственных книг, взята из работы В.Л. Бигвава (Бигуаа) «Современная сельская семья у абхазов», Тб., «Мецниереба», 1983.

4. Поколенный состав абхазской семьи – 2006³⁶

Село	Всего семей	Однопоколенные		Двупоколенные		Трехпоколенные		Четырехпоколенные	
		число	%	число	%	число	%	число	%
Арасадзыхь	107	36	33,6	50	46,7	21	19,6	-	-
Джгерда	224	83	37,05	98	43,7	43	19,1	-	-
Члоу	422	132	31,2	185	43,8	105	24,8	-	-
Кутол	576	175	30,3	240	41,6	160	27,7	1	0,173
Атара	201	125	62,1	59	29,3	16	7,9	-	-
Хуап	135	43	31,8	63	46,6	29	21,48	-	-
Мгудзырхуа	327	104	31,8	164	50,1	57	17,43	-	-
Дурипш	481	149	30,9	249	51,7	83	17,2	-	-
Лыхны	1398	534	38,1	615	43,9	249	17,8	-	-
Всего:	3871	1381	35,6	1723	44,5	763	19,7	1	0,...

³⁶ Таблица составлена по материалам похозяйственных книг в 2006 г. во время этнологической экспедиции автора, в которой приняли участие студенты истории Абхазского государственного университета: Мрамза Джикирба, Есма Джапуа, Астанда Гогиа, Нина Чедиа и Темыр Капба.

5. Численный состав абхазской семьи — 1976³⁷

Село	Всего семей		Из одного чел.		Из двух чел.		Из трех чел.		Из четырех чел.		Из пяти чел.		Из шести чел.		Из семи чел.		Из восьми чел.		Из девяти чел.		Из десяти чел.		Всего чел.		Средний размер семьи
	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	Число	%	
Арасадзыль	214	5,6	24	11,21	19	8,87	17	7,94	28	13,08	33	15,42	28	13,08	23	10,74	15	7,0	10	7,0	10	7,0	1188	5,5	
Джгерда	283	7,06	40	16,25	36	12,72	41	14,48	38	13,42	42	14,84	34	12,01	15	5,3	5	1,76	6	2,12	1324	4,6			
Члоу	524	29	5,53	48	9,16	72	13,74	76	14,15	86	16,41	67	12,78	63	12,02	41	7,82	22	4,19	20	3,81	2644	5,0		
Кутол	768	51	6,64	60	7,81	99	12,89	79	10,28	119	15,49	154	20,05	75	9,76	62	8,13	37	4,81	32	4,16	3277	4,2		
Агара	238	30	12,6	34	14,28	25	10,5	23	9,66	40	16,08	42	17,64	21	8,82	18	7,56	2	0,84	3	1,26	1056	4,4		
Хуап	159	16	10,06	17	10,69	25	15,72	16	10,06	25	15,72	23	14,46	13	8,17	12	7,5	6	3,77	3	1,8	753	4,7		
Мгудзырхуа	370	51	13,78	68	18,37	55	14,86	44	41,89	42	11,35	51	13,78	36	9,72	13	3,51	10	2,7	-	-	1450	3,9		
Дурипш	601	26	4,32	70	11,64	67	11,14	94	15,64	101	16,8	108	17,97	69	11,48	37	6,31	13	2,16	16	2,66	2952	4,9		
Всего: ³⁸	3157	235	7,4	367	11,62	398	12,6	390	12,3	479	14,9	520	16,4	339	10,7	221	7,0	110	3,4	95	3,0	14719	4,6		

³⁷ Бигуаа (Бигвава) В.Л. Современная семья у абхазов. Тб. «Мецниереба», 1983. Таблица составлена по материалам похозяйственных книг 1976 г.

³⁸ Лыхны в тот раз не изучался.

6. Численный состав абхазской семьи – 2006³⁹ 40

Село	Всего семей	Из одного чел.		Из двух чел.		Из трех чел.		Из четырех чел.		Из пяти чел.		Из шести чел.		Из семи чел.		Из восьми чел.		Из девяти чел.		Из десяти чел.		Всего чел.	Средний размер семьи
		огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%	огось	%		
Арасд-зыжь	107	19	17,7	27	25,2	14	13,08	22	20,5	9	8,4	11	10,2	3	2,8	2	1,8	-	-	-	-	343	3,2
Джерда	224	63	28,1	39	17,4	44	19,6	29	12,9	29	12,9	11	4,9	6	2,6	5	2,2	-	-	1	0,4	692	3,0
Члоу	422	72	17,07	81	19,1	65	15,4	61	14,4	52	12,3	49	11,6	29	6,8	8	1,8	4	0,9	1	0,2	1540	3,6
Кугол	596	114	19,12	113	18,9	81	13,5	81	13,5	86	14,42	68	11,4	30	5,0	10	1,6	6	1,0	7	1,1	2159	3,6
Агара	201	89	44,2	43	21,3	23	11,4	19	8,4	5	2,4	6	2,9	6	2,9	2	0,9	9	4,4	-	-	459	2,2
Хуап	135	20	14,8	21	15,5	21	15,5	26	19,2	14	10,3	22	16,2	3	2,2	3	2,2	2	1,48	2	-	523	3,8
Мгулды-рхуа	327	75	22,9	64	19,57	50	15,2	53	16,2	33	10,09	27	8,2	16	4,8	4	1,2	2	0,01	2	0,01	1074	3,2
Дурипш ¹¹	365	58	15,8	57	15,6	81	22,19	66	18,08	53	14,5	31	8,4	8	2,19	9	2,46	1	0,27	1	0,27	1260	3,4
Лыхны	1398	405	29,9	206	14,7	182	13,0	337	16,9	169	12,0	105	7,5	53	3,79	25	1,7	7	0,5	8	0,5	4900	3,5
Всего:	3775	915	24,2	651	17,2	561	14,8	694	18,3	450	11,9	330	8,7	154	4,0	68	1,8	31	0,82	20	0,52	2950	3,4

³⁹ Таблица составлена автором по материалам похозяйственных книг 2006 г.

⁴⁰ В Дурипше всего 481 двор. Но, в связи с потерей отдельных рабочих тетрадей, изучено 305.

Большая семья собиралась вечером, после завершения дневных дел. «Атаацэаду реилатэара» было местом решения предстоящих проблем, всевозможных советов, принятия необходимых мер. Если правомерно так выразиться, то можно сказать, что «атаацэаду реилатэара» было своеобразным семейным парламентом, роль спикера которого исполнял глава семьи. Правом голоса пользовались все взрослые мужчины, от труда которых зависел семейный бюджет. С совещательным, а иногда и решающим голосом могла присутствовать и старшая женщина, обычно жена главы семьи, мать семейства, как хранительница домашнего очага и распорядительница «домашних дел». Молодые люди, преимущественно сыновья и дочери главы семьи, а также подростки, стоя слушали «парламентариев» и их разговор брали себе на вооружение. Первое и последнее слово принадлежало, естественно, главе семьи. Другими словами, в решении важных общесемейных вопросов семья придерживалась основ демократических принципов.

Гуманностью характера отличалось также и половозрастное разделение труда, непременно присутствовавшее в хозяйственной жизни абхазов. С одной стороны, это *адэахьтэи аус* – внешние дела и *авнтэи аус* – домашние дела. Первая сфера трудовой деятельности предназначалась мужчине, потому называлась еще и *ахайаус* – мужские дела, а вторая – женщине, именовавшаяся, соответственно – *аңхэысус* (женские). По понятию, и те и другие глубоко синонимичны. С другой стороны имелся в виду возрастной ценз: *аду иус* – дела взрослых и *ахэычы иус* – детские дела или работы.

На семейном заседании (атаацэаду реилатэараан), когда шло распределение предстоящих неотложностей, глава семьи учитывал все эти нюансы, а также призвание каждого исполнителя. Внешними делами считались тяжелые работы – земледельческие, скотоводческие и др., требующие мужскую силу. Внутренними или домашними делами считались

и считаются до сих пор, прежде всего, приготовление пищи, наведение порядка в помещении и во дворе дома, стирка, глажение, прядение, тканье, выращивание овощей, разведение домашних птиц и, конечно же, воспитание детей. Точнее все они представляли как бы женскую монополию. Из домашних дел, не женским занятием считалось доение крупного рогатого скота: «щадя силы женщины, абхаз не стыдится доить коров, что даже как-то не идет его воинственной фигуре»,⁴¹ – отмечал еще в конце XIX в. один из замечательных представителей русской интеллигенции.

Наиболее наглядным показателем распределения ролей по половозрастному принципу являются действия членов семьи при приеме, угощении и проводов гостей – *асас иҕылашьа*, *инькэгашьа*, *инаскьагашьа*, – которые в комплексе входят в емкое понятие *ачеицьыка* – хлебосольство.

Гость – человек хозяина – *аҕиэма дитәуп*, – поэтому, как только он приближался к воротам двора, глава семьи встречал его, торопливо, с довольным, улыбающимся лицом, а в его отсутствии – любой член семьи. За ним, как бы отставая на шаг-два, выходила хозяйка дома – *аоһнхәыс*, *аҕиэмаңхәыс*. Церемониал приветствия и приглашения гостя в дом осуществлялся самим хозяином, а хозяйка легким прикосновением целовала его в грудь.⁴² Если гость был верхом, хозяин, предлагая ему спешиться, брался за уздечку, а за стремя – молодые мужчины, скромно стоявшие до этого как-то в стороне. Первым в дом заходил хозяин, за которым следовал и гость. Уходом за лошадью – расслаблением подпруг, подачей воды и корма – занималась молодежь мужского пола. За убойного животного и вино отвечал хозяин, т.е. глава семьи, за все остальное, начиная от *обысты* – крутой каши из кукурузной муки, – кончая теми, что с ней едят, – его жена. В ее обязанности входила также подача

⁴¹ Рыбинский Г.А. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тиф., 1904. Цит. по книге В.Л. Бигвава (Бигуаа) – «Современная сельская семья»...

⁴² См. об этом Ш.Д. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете. С., 1984.

водки (со времени ее распространения в стране) и холодной закуски – *ацъыңыныхэа, айдарша, алахарша* и прочих лакомств. Скотину закалывал обычно хозяин, но если он беседовал с гостями, то – старший из мужчин дома или один из специально приглашенных соседей. Молодые выполняли подсобнические работы – свежевание убитого животного, разделывание туши по частям, варкой мяса и т.д., раздавал мясо также старший и опытный мужчина, хорошо знавший кому какой кусок положить: «лахы уацшы кэац ша». Абысту клала в тарелки старшая женщина, младшие ставили их на стол. В таком же порядке раскладывались и подавались и остальные блюда. Во время омовения рук перед едой и после еды воду поливала девушка, или молодой человек. Рядом с гостем за стол садился хозяин дома, остальные мужчины – слева от него, в порядке старшинства-младшинства. И обязанности тамады выполнял он или один из уважаемых соседей. Одни из молодых членов семьи, независимо от их половой принадлежности, обслуживали стол, другие следили за порядком в помещении: «мало ли кому что понадобится». Из женщин за стол могла садиться только мать семейства, остальные – нет. Исключение могло быть только в том случае, если вместе с гостем (или с гостями) была женщина. И при проводе гостя каждый член семьи, четко знал свои обязанности. Старшие провожали его до ворот, младшие – и до конца территории поселка: «жизнь и достоинство гостя защищались и оберегались»⁴³ хозяином, в случае необходимости, и родом последнего.

Главной опорой (*аргъажэа*) для главы семьи был по возрасту следовавший за ним мужчина – брат, чаще, сын. В его отсутствие он, как наиболее умудренный жизненным опытом, брал на себя обязанности главы, отвечал за семью и хозяйство.

Глава семьи пользовался непререкаемым авторитетом наставника; никто не осмеливался пройти перед ним (*иацхьа ии-*

⁴³ Об этикетной стороне гостеприимства см. Ш. Инал-ипа. Очерки об абхазском этикете...

асуамызт), становиться или садиться спиной к нему, курить, громко разговаривать при нем, пререкаться с ним. В пути он, как старший, должен был стоять впереди, если даже шел рядом, то все, кто моложе его шли, как бы, отставая от него хотя бы на один шаг. При входе старшего в дом или выходе из него находящийся в нем вставали, а молодые не садились рядом с ним, не садились даже на специально отведенный ему стул (аихабы икэардэ) и тогда, когда его в доме не было – один из атрибутов культа главы семьи. Так везде и всюду, место главы семьи – первый ряд. Глава семьи был первым не только потому, что глава, – прежде всего он был старший по возрасту. Возрастной ценз работал как в семье, так и в обществе.

Как отмечалось выше, общесемейные вопросы не решались вне поля зрения главы семьи. И, в случае появления личного плана, молодые домочадцы обращались к главе семейства ни непосредственно, а через посредство его «опоры». Эту миссию могла выполнить и хозяйка дома.

Субординация соблюдалась как снизу, так и сверху. Каждый знал свое место – и старший, и младший. Границу не мог нарушить никто.

В нуклеарных семьях во главе семьи стоял отец, в его отсутствии – мать. В трех-четырепоколенных семьях главенствовал дед, если его не было уже в живых – бабушка.

Глава семьи, если даже он был нетрудоспособен, все равно, считался главным, но больше в идеологическом плане. В геронтологических исследованиях отмечается, что идеологическая позиция престарелого человека, непременно способствовавшая развитию у него чувства своей полезности, играла немаловажную роль в продлении ему жизни.⁴⁴ «еихаб ды-

⁴⁴ Старовойтова Г.В. Этнопсихологические аспекты феномена долгожительства // Феномен долгожительства. М., 1982; Смирнова Я.С. Роль старших взрослых групп в абхазской фамилно-патронимической организации // Феномен...; Сулла Бенет. Предпосылки долгожительства// Феномен...; Бигвава В.Л. (Бигуаа). Из биографии двух абхазских долгожителей//Феномен...

змам анцаггы димам» – не имеющего старшего (родителя) лишен и бога.

На деле семейными делами руководил тот, умением и трудом которого определялось благосостояние всего коллектива. Таковым мог быть обычно мужчина, стоявший по возрасту за главой семьи, обладавший мандатом доверия и в обществе. В нем имел он право действовать от имени главы, пользуясь его полномочиями и голосом.

В однопоколенной семье из супружеской пары главой был муж. В семьях одного поколения, скажем, из одних братьев – главенствовал старший из них. Старшинство соблюдалось и среди сестер, представлявших также семейную единицу. Другое дело, когда семью составляли брат и сестра. Здесь главой считался брат, если даже он был моложе – образец превосходного положения мужчины перед женщиной. Редко, но встречались случаи, где семья как хозяйственная единица называлась по имени женщины. Таковой являлась только семья, в которой муж был примаком – *ахатэа*.

К примачеству прибегали исключительно тогда, когда престарелая супружеская пара, у которой не было никого, кроме замужней дочери, нуждалась в постоянном присмотре. При этом представители рода, пользовавшиеся известным уважением в обществе, приглашали зятя и обращались к нему с просьбой переехать на постоянное место жительства в дом нуждающихся стариков. Учитывая безвыходность положения, зять соглашался с обстоятельством. Зять не назывался главой семьи не только при жизни тестя и тещи, но и после их смерти – дом числился на имя его жены как бы ради сохранения фамильной традиции прежнего хозяина.

Порядок этот уходит своими корнями в эпоху «перетягивания каната» между матрилокальным и патрилокальным поселениями, закончившегося в пользу последнего.

Сыновья и дочери в обращении к отцу или в разговоре о нем с близкими, пользовались и пользуются до сих пор мно-

гие формулой «баба» (абжуйцы) или «дад», «дада» (бзыбцы), независимо от положения его в семье. Дед зовется внуками и внучками «бабаду (абж.) или «даду», «дададу» (бзыб.). Аналогичны обращения также к матери и бабушке – «нана» и «нанду», соответственно. А родители и «большие родители» (дед и бабушка) детей своих называют по имени, порою добавляя «дад», «нан», т.е. теми же формулами, которыми пользовались последние в обращении к первым. Но в данном случае они выполняют ласкательную функцию, выражающую естественные чувства любви родителей к детям. Формулы эти из области детской лексики абхазского языка, (на-на, ба-ба, да-да и др.) и являются основой терминологии родства вообще.

Разделение занятий на мужские и женские – «*ахайаус*» и «*аңхэысус*» – отнюдь не препятствовало взаимоотношению супруг, наоборот, служило регулятором «деловых» отношений между ними. Каждый из них четко знал область своего труда, своей ответственности. Оно соблюдалось в бытовой и хозяйственной жизни любой семьи, независимо от ее формы и состава. Однако регламентированность занятий по половому принципу, в данном случае супруг, не запрещала «нарушение» границ между ними. По мере необходимости они помогали друг другу.

Слаженность во внутренней организации семьи равно и уровень ее материального благосостояния во многом определяла и место главы семейства в общественных отношениях: «ухатгы ёбаны, ёбара уца» – сперва реши свои дела, а потом иди судить других. А общественное мнение о супруге его, как хозяйке, складывалось в соответствии с ее умением руководить женской половиной дома, вести внутренние дела, а также и степенью хлебосольства.

Секрет слаженности и благополучия семьи заключался в реальности взаимодействия ее главы со своей женой. Осознавая то, что слушая только самого себя не сохранишь

семейную монолитность, в решении жизненно важных вопросов он, как бы инкогнито, без свидетелей, советовался с ней: «ишпакаҭцари, бара?» – как нам делать. Несмотря на то, что в решении проблемы последнюю точку ставил он, как главное действующее лицо. Если даже мнение жены не устраивало его, он как мужчина, по отношению к ней не позволял себе грубости, наоборот, «с его стороны, как сознающего свою силу и превосходство проявлялись элементы рыцарского снисхождения к слабому».⁴⁵ В случае же раздора между ними, муж в то же время имел право дернуть ее (алакта лирбон), но без рукоприкладства. Настоящий мужчина «это считал не только ниже своего достоинства, но и несогласным с обычаем. Много терял в общественном мнении тот, кто позволял себе насилие или непочтительное отношение к женщине вообще».⁴⁶ Рукоприкладство не прощалось и ее родней, главным образом, братьями. Уход жены к своим родным по такому поводу не подлежал оправданию. Он мог перерасти во вражду между сторонами, особенно, если у них не было еще детей, ради которых можно было как-нибудь разрядить обстановку. Главной причиной развода супружеской пары могла быть только измена со стороны жены.⁴⁷ Тогда вражда исключалась – опозоренная поведением дочери родня не имела права голоса: «рылахь ада ццэан» – досл., кровеносный сосуд во лбу у них был порван. Другой причиной развода являлось бесплодие женщины, но, и в том случае находили выход из положения. По инициативе самой жены в дом мужа приводили другую женщину, в качестве второй жены, т.н. *авартъа* – присаженную. На первый взгляд, походящий на полигамию, обычай этот представлял вынужденную меру, и общественность относилась к нему с пониманием. И женщины, как правило, уживались в мире и

⁴⁵ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. С., 1965, с. 475-476.

⁴⁶ Инал-ипа Ш.Д. Там, же, с. 476.

⁴⁷ См. об этом Инал-ипа Ш.Д. очерки по истории брака и семьи у абхазов..., с. 163-166.

согласии, сообщая занимаясь домашними делами и, конечно же, воспитанием детей «второй».

Естественно, супруги могли прибегнуть к разводу в том случае, если не сходили по характеру» (казыаала иеикэымшээр), особенно в первые годы совместной жизни. Но появление у них детей предотвращало его. Но если развод был необратим даже и при наличии детей, допустим, по инициативе жены, то дети оставались в отцовском доме, она забирала лишь свое приданое. А когда инициатива исходила от мужа, дети уходили вместе с матерью к ее родителям, тогда ей принадлежала и половина общего имущества без исключения. А вообще развод как таковой в семейном быту абхазов представлял собой редкое явление.

В трехпоколенной семье внешние видимые барьеры взаимоотношения супругов, или т.н. элементы «обычая избегания», не осмеливался нарушить никто, даже если у них были уже взрослые дети. В присутствии старших членов семьи, в особенности ее главы, муж и жена не садились и не стояли рядом друг с другом, друг с другом не разговаривали, а старались общаться тихо, порою, просто глазами. По отношению же к матери семейства они придерживались избегания в заметно упрощенной форме. Этому способствовало еще совместное ведение домашнего хозяйства невесткой и свекровью. Муж не называл жену свою по имени и, наоборот, жена – мужа. Они ограничиваясь местоимениями «уара» и «бара», что значит «ты» (у и б – субъекты, показывающие пол, – мужской и женский, соответственно).

Хронологически эти ограничения, в том числе и табуирование имен, связаны с начальной стадией развития брачных отношений, в частности патрилокальных, породивших похищение невесты. Даром невесту никто никому не отдавал. С потерей молодых рабочих рук не хотела мириться ее родня.

Похититель тщательно утаивал место нахождения своей невесты, поместив ее где-нибудь в лесу, а позже – в специаль-

но построенную на быструю руку круглую плетеную хижину с конусообразной крышей – *амхара* так, чтобы её не увидел чужой глаз – не услышало чужое ухо. Об этом говорит и название постройки, этимологизирующее в точном соответствии с ее функциональной значимостью: «глушь», «глухомань». Никто из домашних не произносил имени невесты вслух, а называли совершенно по другим именем, во избежание выявления факта со стороны противоположной стороны. И обычай, запрещающий невестке называть родственников по имени – результат антагонистических взаимоотношений свойственников. А связанные с ним магические представления и этикетные нормы, согласно которым произношение невесткой имен старших родственников мужа вслух, с одной стороны, вызывает гнев злых духов, с другой неприлично – вторичны. Корень всякого явления в его практическом значении, материальность предмета, а духовная сторона – наслоение⁴⁸.

Система обычая *аухабрейыбра* соблюдалась не только между главой семьи и его домашними – но и между самими братьями, сестрами, братом и сестрой, деверем и невесткой, между взрослыми и детьми и т.д. Как отмечалось уже выше, из всех членов трехпоколенной семьи опорой для главы был следующий за ним брат или сын, в зависимости от ее формы и состава, отличавшийся наибольшей опытностью в житейских делах. В двухпоколенной семье роль помощника играл старший сын. Он действовал под руководством отца, а в его отсутствие – самостоятельно, естественно, если он был уже совершеннолетний. Подросток, каким бы он ни был знатоком дела, не позволял себе отсебятины, по всем мало-мальски значительным вопросам он спрашивал хозяйку дома, мать. Причем оставшийся за отца сын руководил своими братьями не столько приказами и распоряжениями, сколько личным

⁴⁸ В качестве примера можно привести абхазское поверье, по которому ребенку нельзя садиться на камень: «у матери появится нарыв соска». На самом деле оно служит остережением ребенка от простуды почек.

примером, берясь за самую тяжелую и трудную сторону дела. Во всех действиях на первый план выходила та же система аихабреитцбры, строго регулировавшая нормы поведения каждого. Старший брат всегда опекал младшего, покровительствовал ему, если даже в этом не было необходимости, просто, по традиции. В свою очередь младший отличался услужливостью. Допустим, старшему брату предстоит дорога, о чем он ставит в известность своего младшего брата. Все его полевые или другие работы младший берет на себя, пока его не будет дома. Более того младший брат помогал старшему брату подготовиться, в частности, пригонял, приводил в порядок и оседлал коня. Справившись и с обязанностями, выполняемыми тогда, когда старший садится верхом на лошадь, открывал ворота и отправлял его в путь с пожеланиями благополучного возвращения домой.

Но если старший брат имел сына, способного уже быть полезным в быту, то все эти виды услуг падали на него.

Ссориться со старшим братом как равный с равным, даже если он был неправ, младший не мог. Сдержанность в поведении распространялась и на старшего брата, хотя некоторая «родственная» суровость по отношению к младшему не запрещалась. При младшем брате старший брат не позволял себе вольности ни в действиях, ни в разговоре. Он старался быть всегда и везде подтянутым, сдержанным, терпеливым, степенным, чтобы тот равнялся на него. В случае необходимости старший брат был не только покровителем для младшего брата, но и надежной защитой его, как лицо фронтальное. В свою очередь и младший брат служил ему тылом. «Брат – это родная кровь!» говорится в народе. Младший брат не вступал в брак раньше старшего брата – терпеливо ждал своей очереди. Однако, естественные взаимоотношения братьев ни при каких обстоятельствах не подчеркивались, наоборот, они носили несколько завуалированный, можно сказать, спартагский характер.

Отношения сестер отличались относительно большей открытостью, особенно со стороны старшей. Старшая сестра как более приближенная к ней, и на практике помощница своей матери, пользовалась большей самостоятельностью и доверием одновременно и у взрослых и, у детей. И, как правило, младшая слушалась и подчинялась непосредственно ей, действовавшей исключительно по велению матери. Главным участком деятельности сестер являлись дом и двор, которые должны были быть в идеальной чистоте. Особое внимание обращали на последний – просторную полянку, покрытую зеленой травкой, огороженную частоколом, в глубине которой простирался первый. Он служил местом многолюдных мероприятий, проводимых по поводу радостных и печальных случаев в семье. Девушки помогали старшей сестре по той простой причине, что именно она отвечала за все, что поручалось ей матерью. К тому же, соблюдение и между ними системы аихабреитцыбра служило своеобразным уроком, так необходимым им в дальнейшей жизни. Одновременно младшая сестра «готовила» свою старшую сестру к замужеству, помогая ей в рукоделии, которыми, по обычаю, невеста одаривает в день свадьбы родственников жениха. А во время прибытия в дом гостей на смотрины или сватание девушки, младшая сестра брала на себя все «грязные работы» по приготовлению пищи, а за той оставалась лишь показательная сторона (*аеырбара*) – сервировка стола и его обслуживание. Старательность младшей сестры, диктовалась не только естественной любовью к своей старшей, но и тем, что она «прочищала» себе дорогу и получала необходимый опыт.

Отношение младшей сестры к старшей не оставалось без обратной связи. Заботливое и ласковое обращение старшей сестры к младшей сестре было само собой разумеющимся явлением. Оно проявлялось и в ее повседневных действиях. На свадьбу или вечеринку, куда бы она не собиралась в сопровождении одного из ближайших родственников, ходила на пару

с ней; старшая забирала ее и во время посещения ею семей дальних родственников (уабара, аанҕасра). Словом, старшая сестра для младшей была обычно примером для подражания.

Аналогичным образом выстраивались отношения между сестрами, где их было несколько – каждая из них терпеливо ждала приближения своего времени.

Отношения между братом и сестрой складывались не столько нормами аиҳабреитцыбра, сколько понятием «ахатца – дхацоуп» – мужчина есть мужчина.

Брат перед сестрой пользовался определенным преимуществом, если даже она была старше. Оно исходило из той ответственности, которую нес брат за честь и достоинство своей сестры. Поэтому сестра всегда была подконтрольна брату, в особенности младшая, к которой проявлял предельную строгость. К старшей сестре он мог относиться с большей корректностью и предупредительностью, очевидным возрастным разрывом. Все же невидимая энергия системы аиҳабреитцыбра постоянно давала знать о себе.

В свою очередь и сестра не обделяла соответственным вниманием своего кровного защитника. Она регулярно и аккуратно ухаживала за ним, по крайней мере, до его женитьбы: стирать, гладить ему личные вещи. После вступления им в брак, все эти обязанности переходили к жене. Более того, сестра тоже могла быть заступницей брата. Она пресекала любого, кто осмеливался отозваться нелестно о брате, но не грубостью, а предельно уместными, размеренными словами (грубая, языкатая женщина не воспринималась общественным мнением абхазов).

В обращении же с братом сестра отличалась необычайной теплотой и нежностью, адресуя ему при любом удобном случае благозвучные слова: «уахэшьа дукэыхшоуп» (да обойти мне вокруг тебя, в смысле: беру я на свою голову все твои беды). Подтверждением искренности этого выражения является и народная мудрость: «аиашья ипцзы захаз аехэшьа, –

«артэаа!», – анаатлырга, дзыкэгылаз ашьац лыцаблит» (когда сестра вскрикнула от горестной вести о брате, трава под ее пятой выгорела).

Особое место в абхазской традиционной семье занимала невестка. К ней относились с некоторой осторожностью и большей тактичностью, особенно к младшей, как к новому члену семьи, не успевшему еще приспособиться к непривычному ритму жизни. Вольготность обращения не только к ней, но и друг с другом в ее присутствии исключалась. «*Атаца дтэмыафун*» – невестка чужой человек, – гласит абхазское изречение. И она должна была быть услужливой, угодливой всем родственникам мужа, главным образом старшим.

Утром она вставала раньше всех, а ночью ложилась спать позже всех. Утром ее ждала «невестина метелочка» (атаца фымсаг), особенно во дворе дома, который должен был блестеть всегда. Днем невестка занималась теми домашними делами, какими и остальные молодые женщины. Вечером, как только соберется вся семья, невестка должна была накрыть на стол, обслужить её, после ужина – навести порядок на кухне (амацурта). Конечно же, все это делалось не без участия остальных невесток и девочек, но основной фигурой являлась она. Невестка ложилась спать позже всех еще и потому, что в свою спальню она должна была «проникнуть» незаметно, во избежание подкалывания со стороны шутников: «невестке тянется в теплую постель мужа». Во время встречи с гостями, или даже если они прибыли не издалека, невестины заботы добавлялись. Нельзя было отпускать их, не угостив своей «невестиной мамалыгой» (*атацабыста*).

Не последнее место в семейном быту абхазов занимали и барьеры, существовавшие во внешних отношениях невестки со старшими родственниками мужа – как по восходящей и нисходящей линии, так и боковой, коллатериальной. Переступить их не мог ни она, ни они. Подтверждением подчер-

кнутого отношения к невестке служило и ее рекламирование, подчас деланного происхождения.

На традиционные предприятия, имевшие широкий общественный резонанс, женская половина дома не ходила без своей невесточки. Обычно свекровь или старшая золовка знакомила ее со всеми, кто ею интересовался, отзываясь о ней с самой лучшей стороны, как бы с авансом.

Возможные ошибки, упущения или недоработки со стороны невестки домашними, как правило, прощались, «не замечались». В случае же ссоры между невесткой и ее мужем члены семьи защищали не своего, а ее, если даже она была неправа. Намеренно, со знанием дела.

Принцип, этот, на первый взгляд кажущийся лукавинкой, оправдывал себя как метод воспитания, выработанный эмпирическим опытом народа.

С истечением времени, когда стороны были уже спокойны, свекровь, или старшая золовка, давала невестке знать, что впредь не следует тягаться с мужем, что необходимо дорожить своей семейной жизнью.

С одной стороны, неучтивость и непокорность женщины тенью падала на авторитет ее родителей, во-вторых – они были небезопасны. Опасность представлял именно муж – единственный человек в семье, который имел право вернуть ее в дом родителей. Женщина, возвращенная за язык, не имела перспективы – ее больше никто не брал.

Достоинство невестки определялось и степенью соблюдения традиционных форм поведения. В первое время супружеской жизни невестке нельзя было показываться вместе со своим мужем представителям старшего поколения в семье – *аиццэырымйра*. Невестка со дня водворения ее в дом свойственников не должна была разговаривать при родителях и других старших родственниках мужа – месяцами, годами, нередко и всю жизнь. В случае же необходимости она могла говорить только с кем-нибудь из молодых членов семьи шепотом так,

чтобы старшие не слышали её голоса. Однако, по просьбе и настаиванию свекрови, она потихоньку начинала общаться с ней поскольку, постольку ведение общих для них домашних дел требовало от обеих женщин близких и открытых контактов. Их сближало особенно воспитание детей. Свекровь по мере необходимости высвобождала невестку от ухода за ребенком: укладывала его в люльку, качала его, убаюкивала, одевала, обувала и т.д.

Бывало, что невестка соглашалась разговаривать и со свекром, но в том случае, если тот устраивал ей хотя бы небольшую пирушку, где должны были принять участие «свидетели» из числа соседей. Да и после этого невестка при общении со свекром строго придерживалась вежливо-смиренного отношения, разговаривая с ним лишь вполголоса, не смея прямо смотреть ему в глаза, подчеркивая тем самым свое скромное положение в семье, во главе которой стоит он. Естественно, что оригинальность соблюдения данного обычая избегания зависела от психологической установки личности невестки. Дальше – больше. При родителях мужа, особенно свекра, невестка не ласкала своих детей, не игралась с ними. Невестка никогда, и ни при каких обстоятельствах не садилась рядом со свекром и свекровью, деверем и другими старшими родственниками мужа, не произносила их имена, даже и тогда, когда они не слышали. Она называла их так же, как и их родные дети, в частности, ее муж. Точно так же и родители мужа, вообще и другие его родственники, не называли невестку по урожденному имени, а давали другое имя, по своему вкусу⁴⁹. О происхождении данного обычая *ахъзышара* говорилось выше.

Соблюдение табуационных норм поведения в семейном быту абхазов, как со стороны невестки, так и со стороны ее свойственников, воспринималось общественным мнением как обязательный знак уважения, как дань времени. А на са-

⁴⁹ См. Ш.Д. Инал-ипа. Абхазы..., с. 464-465.

мом деле оно служило традиционным регулятором взаимоотношения сторон.

В трехпоколенных семьях, тем более в четырех, могла быть ни одна невестка, а несколько «соневесток» – *аицалацэа*. Их взаимоотношения складывались по известному принципу старшинства-младшинства. Старшей невесткой (аицала аихабы) считалась жена старшего брата, если даже она не была старше других по возрасту, и поэтому все остальные невестки относились к ней с почестями. Все младшие аицалацэа, не называли ее не только по урожденному имени, но и по имени, данному семьей мужа, нарекая совершенно другим, более почтенным. Она, как первая по времени, считалась большим знатоком семейных порядков, потому всегда и везде держалась рядом со свекровью, во время отсутствия которой выполняла руководящую роль. А повиновение невесток старшей невестке носило также характер возрастной градации.

Наловчившись навыками семейной жизни, старшая невестка выполняла и роль наставницы, содействуя, допустим, своей младшей *аицала* овладению опытом воспитания ребенка, манерам достойно держаться перед старшими родственниками мужа и т.д., и т.п. Достоинства молодой невестки старшая невестка выставляла как бы напоказ членам семьи и, наоборот, оплошности, изъяны, недочеты, которые могли иметь место в ее бытовой и хозяйственной жизни, укрывались. Благодарная младшая аицала оказывала ей всевозможные знаки внимания, помогая ей во всех делах повседневной жизни.

В случае разногласия между младшими *аицалацэа*, старшая как правая рука хозяйки дома, выступала в роли медиатора. Разногласия между аицалацэа могли возникнуть обычно перед сегментационным периодом, сопровождавшимся разделом имущества семьи. Вообще раздор во внутрисемейных отношениях, отрицавшийся и общественным мнением, не был характерен для бытовой культуры абхазов, поэтому он не стоит и акцентуации.

В двухпоколенной семье, в силу ее структурной природы, институт *аицалара* встречался редко, если, даже и встречался, то лишь до появления детей, хотя перерастания ее в трехпоколенную не исключалось.

Регламентированностью поведения были проникнуты также и внешние отношения между детьми и взрослыми членами семьи.

Вообще возрастная категория «детство» по-абхазски – понятие экстраординарное.⁵⁰ Хотя в целом она называется *ахэычра*, охватывает двадцать лет и состоит из четырех возрастных ступеней – по пять лет на каждую. Естественно, поэтому, и видимая сторона отношений к представителям той или иной ступени разнородна. До пяти лет ребенок именуется *аицқа* или *асаби*. Любое действие его воспринималось в семье радостно, но постепенно приучая отличать хорошее от плохого и, наоборот – плохое от хорошего.

Воспитание ребенка считалось делом чести его матери. Отец уходил утром, был занят внешними делами и возвращался только вечером, после захода солнца. И в свободное от работ время он не баловал его вниманием: «нежность в воспитании – плохая подруга мужчины». А девочку одаривал отцовской улыбкой, но не более того. Таковы, были отношения и других взрослых мужчин, входивших в семью. Напротив, вся женская половина дома считала себя обязанной помогать молодой матери, особенно по уходу и присмотру за ребенком.

В этом отношении особое место занимала бабушка. Поэтому привязанность ребенка к ней выглядела как само собой разумеющееся явление. И, как следствие всего этого, бабушка для ребенка представляла собой всепрощающую фигуру, порою и главную защиту. Она не допускала малейших признаков грубого обращения к ребенку, даже со стороны самой матери. К тому же бабушка была владелицей сундучного хра-

⁵⁰ Подробнее об этом: В.Л. Бигуаа. Система возрастных категорий у абхазов // Труды Абхазского госуниверситета. С., 2004.

нилища сластей: *ацѡанцѡыхѡа* (низки дольков ореха в виноградном желе), *алахарѡа* (сушеное желе из инжира), *айѡарѡа* (сушеные кусочки яблока, нанизанные подряд на нитки) и пр. заманчивые лакомства. Их раздаривание сопровождалось еще более сладкой формулой обращения бабушки к ребенку: «*уанду дукѡыхиоуп*» – да обойду я вокруг тебя.

И дед был мягок в обращении к внуку, пользуясь также словами доброго пожелания. Но дед, как мужчина, воздерживался от излишества нежностей. Естественная теплота, исходящая от стариков, способствовала не только сближению сторон, но и формированию у детей преемственности традиционных отношений между поколениями.

После пяти лет, примерно, мальчик, называвшийся уже *ачкѡынхѡычы* – маленький парень, – полагалось знать, что можно делать и чего нельзя, быть полезным в качестве сильного в пределах дома и двора: занести в дом или вынести из него сильные вещицы, подать воды или полить на руки взрослым и т.д. и т.п. За своевременность и аккуратность исполнения им задания поощряли добрым словом. А безалаберность, своевольничание и пр. вредности ему уже не прощались. Как правило, они были наказуемы, но в словесной форме. «Телесные наказания, не только розга, но и более невинные, вроде щелчков, драть волос и т.п. (...) при воспитании совершенно не практикуются, т.к. туземцы (абхазы – В.Б.). Тем более, что позорным считается применять их к существам беззащитным, притом столь дорогим для них как дети.⁵¹

Аналогичные требования предъявлялись и девочке пяти-десяти летнего возраста – *азгабхѡычы*, но с той лишь разницей, что ее склоняли к женским делам. Другими словами, воздействуя на воспитание ребенка, взрослые члены семьи делали основной акцент только на силу живого слова.

⁵¹ Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина, СПб, 1893, с. 318.

Детям давали больше времени на игры, для чего мальчику изготавливали лук со стрелой, различного рода «холодного» и «огнестрельного» оружия – учили его искусству ведения боя. В таком возрасте мальчика учили также верховой езде: «выработка умения хорошо править лошадью входит в программу воспитания». ⁵² Забавой для девочки *азҗабхэычы* служили главным образом куклы в национальном стиле, изготовленные вручную матерью или другой, более взрослой девочкой, а порою и самой.

В десять-пятнадцать лет мальчик подросток *азкъынйата* должен был быть полезным в полевых условиях ведения хозяйства. Он помогал своему старшему брату, отцу, чаще, и деду – искусному рассказчику занимательных историй. Он мог иметь и собственные орудия труда: *аеагахэычы* (мотыжка для прополки кукурузы), *аихахэычы* (топорик обыкновенный), *аигдышэхэчы* (топорик с изогнутым носом для рубки лианы, хвороста) и пр. Из животноводческих занятий на ачкэынхэыч ложилась роль пастушонка на проселочном пастбище. Девочка-подросток – *азҗабката* – помогала старшей сестре, матери и бабушке во всех внутренних делах: по дому, двору, огороду и, самое главное, присмотру и уходу за маленькими детьми. Юноша 16-20 лет – *ачкэынқэыңиш* (букв. мягковолосый парень) – считался полноценным членом семьи, которому доверялось самостоятельное ведение той или иной отрасли хозяйства. По мере укрепления его положения в семейной жизни формировалось общественное мнение о нем, как о личности с будущим. Ачкэынқэыңиш приглашали и на свадьбу или другие жизненно важные циклы, проводимые внутри поселка (ахабла) или даже села (ақыта) в качестве представителя обслуживающего персонала (амацуцаа) вместе с группой товарищей варил абысту и мясо, выполнял обязанности виночерпия и др. не столь значительных должностей. Внешний имидж *ачкэынқэыңиш* бумерангом возвращал-

⁵² Альбов Н.М. Там же, с. 311.

ся обратно в его семью, в самом лучшем понятии этого слова. В день его совершеннолетия или просто в один прекрасный день отец или дед делал ему подарки в виде личной лошади и оружия. Точно так же и юная девушка – *азҟабқәыҭи* (букв. мягковолосая девушка) – получала право на известную самостоятельность в кругу «внутренних» дел: готовила пищу как для семьи, так и для гостей, наводила чистку и порядок в доме и во дворе и т.д. абсолютно без подсказов и наставлений со стороны. Она умела вести себя достойно в обществе, невольно обращая на свою сторону внимание молодых людей.

Итак, до двадцати лет, плюс-минус в сторону увеличения или уменьшения не исключается.

В целом, в семейном быту абхазов взаимоотношения взрослых и детей мало чем отличались от отношений между самими взрослыми, если исключить процесс воспитания как таковой. И в том, и в другом случае главной осью, вокруг которой вращался весь механизм внутрисемейных отношений, является система аиҟабреитцыбра.

В заключении отметим еще один важный момент из жизни абхазской традиционной семьи, выпукло показывающий специфику взаимоотношений ее членов. Это – раздел семьи, встречающийся в специальной литературе как сегментация или метамерия. В силу их структуры сегментированию подвергались только большие или т.н. неразделенные семьи.⁵³

Как известно, в основе большой семьи лежала экономическая необходимость, требовавшая большое количество рабочих рук. С другой стороны, в условиях междоусобных столкновений, нередко имевших место в абхазской социальной действительности, большая семья имела и большой вес. Третьим фактором необходимости совместного проживания большого кровнородственного коллектива служило общественное мнение, отрицавшее домашний раздор в любом

⁵³ О большой семье см. Ш.Д. Инал-ипа. Очерки...; его же: Абхазы..., а также В.Л. Бигвава (Бигуаа). Современная сельская семья у абхазов...

его проявлении. Разнобой размывал авторитет главы семьи, да и семьи в целом. Во избежание разночтения факта, когда семья по своей структуре достигала чрезмерных размеров и «не могла питаться из одного котла» (чуанк изеицтамчо ианькалалакь), Глава созывал несколько человек из числа уважаемых представителей своего рода и односельчан и оглашал свое решение определить сыновей, имеющих уже собственные семьи. При этом указывал на причитающиеся им имущества в отдельности: «доля старшего», «доля младшего» – аихабы ихэтаа, аитцбы ихэтаа.

Для главы семьи, как основателя ее материальных благ, как создателя и вырастившего все потомство, представлялась одна треть имущества, под понятием которого понимался, прежде всего, домашний скот. Несколько больше других дольщиков получал его старший сын, чей вклад в общий котел был весомый. А все остальное имущество делилось между братьями поровну, куда входил и тот, кто оставался в отцовском доме для присмотра за родителями. Вопрос последнего решался обычаем минората.

Женская половина дома не имела отношения к разделу имущества, т.к. по-абхазски женщины – бездольны. Причина – приданое, которое они получали в день вступления в брак.

При разделе имущества семьи делилось все, чем располагала она, начиная от живности, кончая предметами кухонного обихода. Делили даже надочажную цепь – символ единения родственного коллектива, предмет, обладающий магической силой. Делили, скорее всего, символически, забирая всего лишь ее частицы, для счастья (анасыцхэ азы). Отсюда и известный фразеологизм «архнышьна еиѳызцэаз» (разделившие надочажную цепь), употребляющийся до сих пор как эквивалент понятия «родные братья», подчеркивая степень близости родственников по крови, как бы для эффекта.

Отделившиеся малые семьи не уходили далеко от «метрополии», а обосновывались вокруг нее – *аонду*, т.е. отцовского

дома. Мотив – те же факторы, о которых шла речь выше, плюс идеологическая сторона дела.

У отделившихся сыновей сохранялось чувство ответственности друг перед другом, а в еще большей степени – перед родителями. Поэтому для них была характерна взаимопомощь, при четком соблюдении обычая старшинства-младшинства. За всеми делами следил отец, по мере необходимости давая им советы. И каждый из них считал себя обязанным помогать «Большому дому», ибо в нем жил отец, давший им жизнь, стоявший между всеми ими и богом, владевший семейной свечой, «их череп», наконец (анцэеи дарей ирыбжьагылаз, рцэашьхэы зкыз, рхыбаф).

Следует отметить, что с истечением определенного времени вся группа коллатериальных семей начинала зваться по эпониму – имени своего родоначальника: Гьедлач-ипцэа, Чыгьыц-ипцэа, Хакэыцэ-ипцэа (в смысле: потомки того-то).

Теперь о современной действительности внутренней организации абхазской семьи по материалам, собранным методом опроса и личного наблюдения в 2006 году.

Поскольку сегодня господствующим типом малой семьи является нуклеарная семья из родителей и детей, ею руководит отец, не только юридически, но и практически. А в тех семьях, где отца нет, главенствует мать. В трехпоколенных малых семьях им является дед, а там, где его уже нет – бабушка. На деле положение главы здесь носит номинальный характер. И в тех, и в других случаях недвижимость, а также скот и другие «тяжеловесные» имущества принято считать «принадлежностью» главы семьи, а «легковесные» – его жены. В однопоколенной семье из супружеской пары, как и прежде, главенство принадлежит мужчине. В современном абхазском селе значительно и число одиночек, естественно и в комментарии они не нуждаются: и, старший и, младший здесь – в одном лице.

Внешние взаимоотношения супругов в нуклеарной семье как будто традиционны, на самом деле это только при посто-

ронных, поэтому заметно, что они из серии деланных элементов обычая. Отсутствие в ней носителей и выразителей этнических норм поведения налицо. Их стиранию способствуют еще и источники материального благосостояния семьи. Порою жена зарабатывает ничуть не меньше, чем муж. Поскольку хозяйство современной абхазской сельской семьи приобрело и рыночное значение, реализацией товара занимается преимущественно женщина, ибо традиционная пренебрежительность абхазов к торговле до сих пор заметно держится. Следовательно, и общесемейные проблемы решаются сообща, общими усилиями. В изменении формы, в какой-то мере и содержания, во взаимоотношениях супругов не последнее место занимают также уровень их образования и интенсивность информационных потоков извне.

Купля-продажа нарушила также и границы между понятием «мужские дела» и «женские дела». Женщина «вышла» за пределы внутренних работ, она встала рядом с мужчиной, где он занимается внешними делами, главным образом земледельческими. И мужчина в свою очередь не брезгает забот по дому, особенно во время отсутствия жены; присмотрит за детьми, приготовит им пищу, если они еще маленькие. Конечно, до метлы и тряпки – символов женской монополии – он еще не дошел, да и сама она не позволит ему взяться за них: *ҭхашьароуп* (стыдно).

Что касается проблемы развода, то, как и прежде, она может возникнуть редко, во всяком случае, при наличии потомства. Если даже бывает, то с той лишь разницей, что при решении вопроса по вине мужа, ни жена покидает дом, а он сам, поскольку все родственное окружение разводящейся пары, в особенности его сторона, защищают интересы детей, следовательно, и невестки. И в дальнейшем он не оставляет их без внимания. А дело, как правило, не доходит до суда, т.к. муж, независимо от отношения к своей бывшей жене, самостоятельно решает вопрос материальной помощи своим детям. В

противном случае, ему не избежать строго порицания со стороны общественного мнения.

Трансформировался также комплекс функциональных обязанностей членов семьи во время прихода, угощения и проводов гостей, который был охарактеризован в начале настоящего сообщения в качестве примера половозрастного разделения труда. Современная форма т.н. абхазского гостеприимства соответствует современному ритму жизни народа. Большим запасом времени сегодня не располагает ни гость, ни хозяин.

Односельчане посещают друг друга больше по делу, чем по зову родственных или дружеских отношений. Поэтому никто ни у кого долго не задерживается. Но если сосед заходит в дом соседа во время приема пищи в семье, то, разумеется, хозяева его не отпустят, пока тот не отведаст хлеб-соль. Если гость приехал издалека, то, значит, он родственник или близкий друг, его можно ограничить угощением горячей абыстой, пирогом, курятиной или мясом индейки. А с почетным гостем хозяин не обойдется без закалывания козленка – мясо его принято считать деликатесом. И тот и другой гость не останется на ночь, как это бывало в прошлые времена.

В отношении обслуживания гостя хозяева придерживаются того же принципа аихабреитцыбра и половой градации, но в силу малочисленности семьи, не хватает исполнителей, поэтому он нарушается часто. Вместе с гостями за стол садятся все взрослые члены семьи мужского пола, за исключением тех молодых, которые его обслуживают. Место за столом может иметь хозяйка дома или ее старшая дочь, но только в том случае, если среди гостей есть женщины. Рядом с гостем садится глава семьи, остальные в сторонку от него, чем моложе, тем дальше. Присутствие детей в помещении, где сидят гости, не допускается, они питаются, как и в старину, отдельно.

Семья придерживается традиционных принципов и во время проводов гостя: хозяин, хозяйка, затем остальные, так же по старшинству. Его сопровождают до ворот. Обычай же со-

провождения гостя до выезда из поселка или селения вытеснен «цивилизацией».

Дети до выхода из возрастной категории *ахэычра* остаются в руках родителей, не нарушая норм взаимоотношений, вплоть до получения ими определенной профессии, время которого совпадает обычно с вступлением в брак. Я умышленно подчеркиваю слово «родители» потому, что теперь проблемы детей решаются не столько отцом, сколько обоими – бытовые статусы супругов практически приравнялись. И после отделения, дети не прерывают связь с отцовским домом, но в известной мере она изменяется в сторону ослабления.

Отделившиеся сыновья уходят, не думая о расстоянии, главным образом в города, где они находят свое применение по специальности или призванию. В доме отца остается только тот, кому уютно в сельских условиях жизни. Традиция минората «устарела» не только в более или менее обустроенных прибрежных селениях, но и отдаленных, предгорных и горных. С положением вещей примирились и родители.

Как бы не ослабла связь между поколениями, отделившиеся семьи, независимо от места их постоянного проживания, оказывают посильную помощь отцовскому очагу. В свободные от основного занятия, особенно в период сева и уборки урожая, они приезжают к родителям, братьям или другим близким родственникам и содействуют завершению неотложных дел. В случае возникновения необходимости поправить здоровье, сельские жители могут рассчитывать на своих родственников – горожан, двери квартир которых всегда открыты для них.

Одним из факторов, способствующих единению кровных родственников, является обрядовая сфера семейного быта – *ацэгъеи абзиеи*. Она касается всех без исключения, ибо ответственность за качество ее проведения ложится на каждого из них. Это – прежде всего свадьба и пахоронно-поминальные предприятия. Безусловно, львиная доля расходов и физиче-

ских сил, связанных с организацией и проведением предприятия, падает на хозяина, а остальные ему помогают всем тем, чем они располагают. Если оно проходит по поводу радостного случая, то принимающие в нем участие гости поздравляют с торжеством, как семью «виновника», так и всех других родственников семей. Таков принцип и в похоронной процессии. Те, кто приходит на панихиду или в день погребения, выражают свое сочувствие всем родственникам усопшего, независимо от степени близости к нему.

Значительна также и роль семейных / патронимических молений: *Ажьырныхъаа* (моление божеству кузни и кузнечного дела), *Ажьахара* (моление божеству домашнего очага), *Анцгарныхъара* (моление Верховному богу) и др. Как правило, моление проводится в «Большом доме», в очаге которого «постоянно горит огонь». Жрец у всей родственной группы один, каковым является глава основной семьи. Все расходы, связанные с устройством моления, делают вкладчину.

Фактически во главе современной трехпоколенной семьи у абхазов стоит тот сын, который не покинул свое село, не оставил родителей в одиночестве, заслуживающий тем самым уважения в общественной жизни. Вне всякого сомнения, авторитет его зависит еще от уровня благосостояния семьи, которой он руководит, воспитанности детей в традиционном духе, личной коммуникабельности и, конечно же, приверженности к хлебосольству. Что касается юридического главы семьи – деда, на чье имя оформлены дом и хозяйство, то он больше идеолог, чем практик; дает различного рода советы сыну в решении проблем как внутрисемейного, так и внесемейного масштаба.

Воспитанием детей, независимо от состава семьи, занимаются родители. Посильное участие в нем принимают и дед, и бабушка не только в чисто физическом плане, но пенсией своей. Но главное не в этом. Главное заключается в том, что, благодаря именно дедушке и бабушке, в трехпоколенной семье еще живы и находятся в «рабочем» состоянии такие спец-

ифические обычаи отцов, как избегание во взаимоотношении супругов, с одной стороны, и родителей и невестки – с другой. То есть в трехпоколенной семье дети имеют возможность ощутить и усвоить традиционный стиль жизни, по мере взросления и испытывать чувство гордости за свой язык, за свое этническое «Я» в целом. В двухпоколенной семье воспитание детей полно элементов городского метода, отличающегося чрезмерной западизацией.

Отношения между боковыми родственниками – братьями, сестрами и т.д. – сохраняются естественным чувством ответственности друг перед другом, но внешне освобождаются от традиционных ограничений и регламентаций, особенно в семейном быту. В обществе они еще имеют определенную силу, хотя носят чисто показной характер. А во многих моментах жизненного цикла и показное соблюдение норм поведения уходит со сцены в отношении братьев или сестер, между которыми ощутим возрастной разрыв. Сегодня младший брат может жениться, не дожидаясь своей очереди, а младшая сестра опередить старшую сестру и выскочить замуж. И абхазское общество к ним относится с пониманием. Главное – факт свершения.

Совместное проживание двух-трех женатых братьев теперь не найти, если даже имеет место, то кратковременное. Поэтому исследование отношений современных «соневесток» – *аицалацаа* – невозможно.

В целом для современной абхазской семьи характерна одна общая тенденция развития – легковесность структуры и упрощенность внутренней организации. Это не случайность. Она – результат социально-экономических и культурных потрясений, произошедших в абхазском обществе в XX столетии, особенно за последние десятилетия.

Неизгладимый отпечаток оставила Отечественная война 1992-1993 гг., унесшая тысячи молодых жизней. Временем тяжких испытаний была и ельцинская блокада, отрицательнейшим образом сказавшаяся на разрушенном и бе того мате-

риальном быте народа. А все это в известной мере пошатнуло ментальность абхазов, соответственно, и семью как малую социальную ячейку.

Абхазия сегодня – признанное Россией и рядом других государств, строящееся под началом демократии. Но в условиях необустроенности села, абхазский крестьянин еще не успел вкусить настоящей демократии и прочно встать на ноги. Идет усиленный процесс урбанизации. Проблема номер один в современной действительности абхазской семьи – детность, приведшая ее к настоящему состоянию. Сокращению детности способствует еще лжеэмансипационное движение женщин, унаследованное слабому полу от идеологической системы советов.

Что делать? Дать однозначный ответ на этот вопрос не под силу никому, какого бы ранга он ни был. Ясно одно: современная абхазская семья стоит у опасной черты. Ей необходимо оглянуться назад, к своим традиционным истокам, полным структурных благополучий и богатых внутренних организаций. Для чего необходимо поднять статус института старейшин, способного использовать ум народа, реанимировать традицию народных сходов, где можно довести до каждого абхаза правду о том, что имеет сегодня народ. Народ сегодня имеет этнодемографическую катастрофу.

Этнодемографическая политика должна быть приоритетом приоритетных направлений Абхазского государства, т.к. вне всякого сомнения, от нее зависит и его будущее, в том числе и небезызвестное языковое.

Вместо заключения я, как гражданин страны абхазов, изложу свои соображения относительно принятия срочных мер, как исключение из общих правил.

1. Осознать и придать гласности демографическую опасность, перед которой оказалась государствообразующая нация – абхазский народ и создать исключительно для нее фонд материнства, максимально используя при этом всевозможные рычаги содействия – социальные, экономические, правовые и пр. Из средств Фонда стимулировать проблему детности в се-

мье путем многократных увеличений пособий, оказания также единовременной материальной помощи роженице, четко определив ее объем: за первенца, за второго, третьего и т.д.

2. Осознать, что абхазское село – источник абхазской этничности, поэтому составить развернутую государственную программу его развития, направленную, прежде всего, на поднятие экономического потенциала, строительства дорог, в том числе и проселочных, благоустройства учебных заведений, очагов культуры, медицинских учреждений и т.п. сфер жизнеобеспечения. Многократно увеличить заработную плату специалистов, трудящихся в селе, и предоставить им всевозможные льготы. Ключ сдерживания урбанизационного процесса в привлекательности сельской жизни. Разумеется, Программу эту надо обеспечить механизмом реализации на практике всех пунктов без исключения.

3. До конца осознать и всегда помнить, что полноценное оздоровление этнодемографической ситуации абхазского народа находится в прямой зависимости от пополнения этноса еще за счет возвращения диаспор, проживающих зарубежом. Для этого необходимо оживить деятельность наших представительств в соответствующих странах путем укрепления их молодыми кадрами, способными проводить разъяснительную работу среди них непосредственно в местах их проживания, вплоть до периферийных. Одновременно усилить начатую уже правительством нашей страны работу по созданию условий жизни возвращающихся в отчий дом семейств.

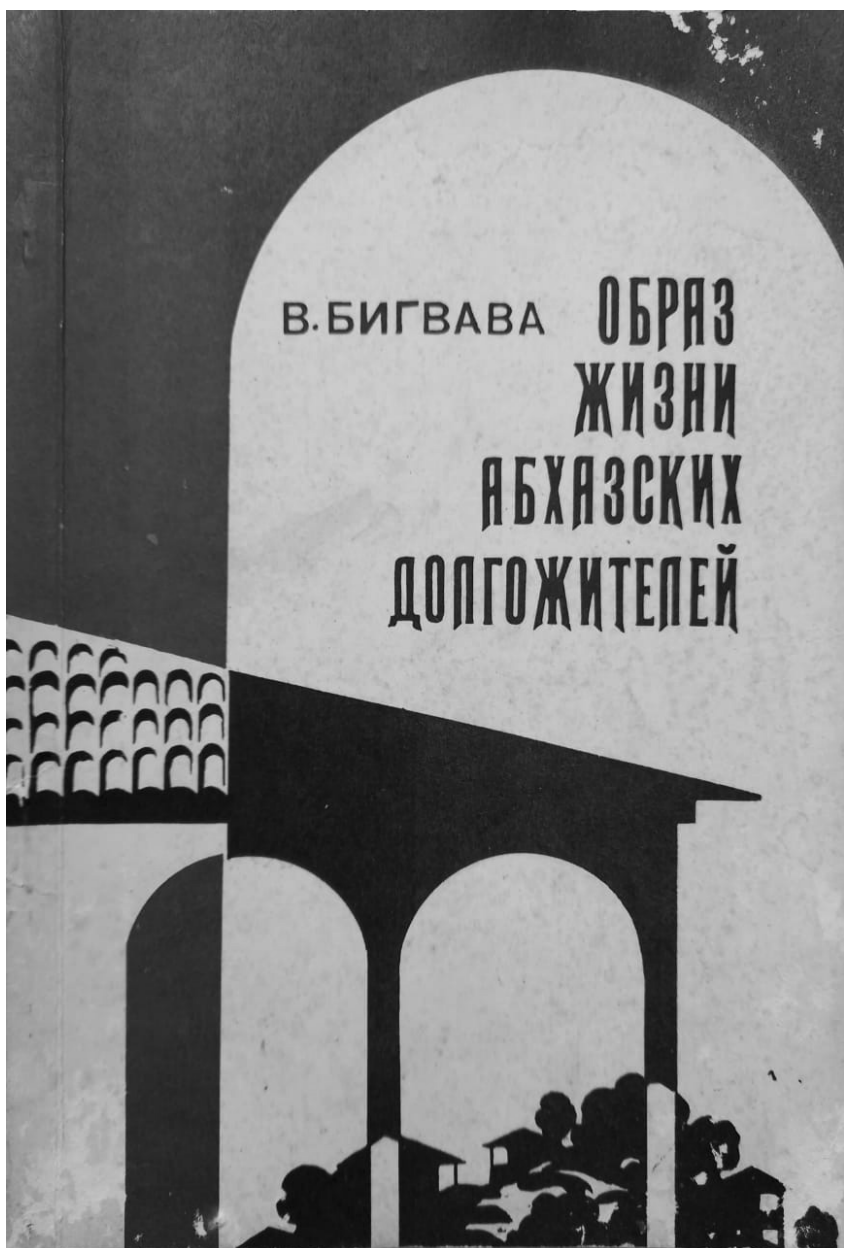
P.S. Эти вопросы – вопросы реанимации традиционного уклада жизни абхазского общества, в частности его важнейшего социального института – семьи, ставились и раньше на научных заседаниях и конференциях рядом этнологов и лингвистов. Мною тоже. Но пока нет на них ответа со стороны государственных властей.

16.03.2010.

Использованная литература

1. Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // Кавказский этнографический сборник. Т.1, М., 1955.
2. Альбов Н.М. Этнографические наблюдения в Абхазии // Живая старина. С.Пб., 1893.
3. Аргэын Иу.Гэ. Иахьатэи апсуаа рыбзашьей ркультуреи. Ақэа, 1976.
4. Бенет Сулла. Предпосылки долгожительства //Феномен долгожительства. М., 1982.
5. Бжания Ц.Н. Семья и семейный быт в абхазской колхозной деревне (по материалам села Атара Очамчирского района) // Современное абхазское село. Этнографические очерки. Тб., 1967.
6. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., 1983.
7. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Из биографии двух абхазских долгожителей // Феномен долгожительства. М., 1982.
8. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Образ жизни абхазских долгожителей. Тб., 1988.
9. Бигуаа В.Л. Система возрастных категории у абхазов // труды Абхазского госуниверситета. С., 2004.
10. Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Тф., 1886.
11. Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. С., 1965.
12. Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. С., 1954.
13. Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. С., 1984.
14. Смирнова Я.С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX–XX вв.) // Кавказский этнографический сборник. М., 1955, т. 1.
15. Смирнова Я.С. Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации // Феномен долгожительства. М., 1982.
16. Старовойтова Г.В. Этнопсихологические аспекты феномена долгожительства // Феномен долгожительства. М., 1982.

**РАЗДЕЛ II.
СЕКРЕТЫ АБХАЗСКОГО
ДОЛГОЖИТЕЛЬСТВА**

Академия наук Грузинской ССР
Абхазский институт языка, литературы и истории
имени Д.И. Гулиа

ОБРАЗ ЖИЗНИ АБХАЗСКИХ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Издательство «Мецниереба. Тбилиси, 1988

В работе рассматриваются основные вопросы образа жизни абхазских долгожителей – особенности семейно-бытовых отношений, хозяйственного строя, трудовой деятельности, контактов с окружающей средой, пищи и питания, сна, поведения их в стрессовых ситуациях. В ней используются также и сведения о некоторых долгожителях Западной Грузии, представляющие этнографический интерес как сравнительный материал.

Рецензенты: кандидат исторических наук Е. М. Маляя,
кандидат исторических наук Г. А. Амичба

Отв. редактор: доктор исторических наук, проф. Ш. Д. Инал-ипа

Введение

Исследование феномена долгожительства^{1*}, интересующее ученых различных наук – этнографии, антропологии, медицины и др., имеет несколько направлений. Одним из них является образ жизни, представляющий собой главным образом совокупность действий людей, исходящих, как из своих собственных потребностей, так и из потребностей окружающей среды. В свою очередь, эти потребности санкционируются социально-экономическими факторами и целым комплексом этнических традиций, обычаев и обрядов. Какие же вопросы конкретно охватывает понятие «образ жизни»? Прежде всего, это семейные и общественные отношения, трудовая деятельность, питание, сон, поведение в стрессовых ситуациях и т.п. стороны жизни.

Ученые, изучавшие абхазское долгожительство, уже давно обратили на них внимание. Так, например, краевед С. П. Басариа еще в конце двадцатых годов текущего столетия собрал материалы для описания жизни восемнадцати выдающихся случаев долголетия в сельских районах Абхазии². Примерно через десять лет украинские геронтологи провели здесь обследование около пятидесяти человек, в программу которого входили и некоторые стороны их образа жизни. Но, к сожалению, эти материалы остались не опубликованными³. В пятидесятых годах силами местных ученых было проведено еще одно обследование долгожителей, в ходе которого фиксировались их биографии, трудовая и общественная жизнь, жилищно-бытовые условия и др.⁴

¹ Долгожители это, по данным ЮНЕСКО, люди, достигшие 90-летнего возраста.

² См. С. П. Басариа. Избранные сочинения. Сухуми, 1967.

³ См. В. И. Козлов. Исследование проблем долгожительства – Феномен долгожительства. М., Наука, 1982; Ш. Д. Инал-ипа. Введение (Из истории изучения долгожительства в Абхазии). – Среди долгожителей Абхазии. Тбилиси.: Мецниереба, 1987.

⁴ И.Б. Шафири и др. Долголетние люди Абхазии. Сухуми, 1956.

Факторы, положительно или отрицательно влияющие на продолжительность жизни и процесс старения, в том числе и интересующие нас вопросы рассматриваются Г.З. Пицхелаури в своей работе «Долгожители Грузии»⁵. Многим аспектам образа жизни абхазских долгожителей существенное внимание уделено в книгах известного американского этнографа Сулы Бенет, проводившей разностороннюю изыскательскую работу в автономной республике в конце шестидесятых и в семидесятих годах⁶. В той или иной мере они освещаются и в монографии советских и американских ученых «Феномен долгожительства», вышедшем в Москве и Нью-Йорке в 1982 году⁷. Вслед за ней, одновременно, в Тбилиси и Москве вышли еще две монографии, но это уже силами только советских исследователей, – «Среди долгожителей Абхазии»⁸ и «Абхазское долгожительство»⁹, – в которых содержится также несколько работ по отдельным сторонам данной проблемы. Говоря о работах, посвященных абхазским мафусаилам, нельзя обойти и книгу американской журналистки Пола Гарб «Долгожители»¹⁰, написанную с большой любовью и уважением к тем людям, которых она изучала. В ней много фактического материала – живые картины их жизни, увиденные и нарисо-

⁵ Г.З. Пицхелаури. Долгожители Грузии. Тбилиси, 1976

⁶ S. Benet, *Abkhasian – the Long – Living people of the Caucasus*. New York, 1974; idem. *How to live to de 100. the life style of the peoples of the Caucasus*. New York, 1976.

⁷ Сула Бенет. Предпосылки долгожительства; Я. С. Смирнова, Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации; В. Н. Бугаев. Работоспособность абхазских долгожителей; В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей. – Феномен долгожительства ...

⁸ См. В. Л. Бигвава. Особенности трудовой деятельности абхазских долгожителей. – Среди долгожителей Абхазии...

⁹ В. П. Кобычев (при участии В. Л. Бигвава). Труд и физическая деятельность долгожителей; В. Н. Бугаев. Особенности трудовой активности абхазов. – Абхазское долгожительство. М.: Наука, 1987.

¹⁰ П. Гарб. Долгожители. М.: Прогресс, 1986.

ванные самим автором в ходе непосредственной полевой работы.

Настоящая работа является первой попыткой специального исследования образа жизни долголетних людей. В этом ее актуальность и научная значимость.

В работе содержатся двадцать четыре рассказа, написанного по этнографическим материалам, собранным автором в 1980–1985 гг. В ней приводятся также и данные о нескольких долгожителях из двух различных в этнографическом отношении районах Западной Грузии – Цаленджихского (Мегрелия) и Местийского (Сванети), которые могут быть использованы как сравнительный материал.

Каждую информацию я записывал отдельно, по возможности руководствуясь при этом специально составленным вопросником. Он охватывает весь круг вопросов, связанных, прежде всего, с жизнеописанием геронтов.

Следует отметить, что собирать сведения об образе жизни абхазов, да вообще кавказцев, довольно трудно. Правда, абхазские старики очень общительны. Они охотно рассказывают легенды и предания о народных героях, проявивших необычайное мужество в борьбе за независимость родины. Но не любят говорить о себе, считая это крайней нескромностью¹¹.

Трудности встречаются особенно при установлении календарного возраста пожилых людей. Причин тут много. Одна из них просто незнание своего действительного возраста. Метрических свидетельств у них не было, и нет. И в имеющихся, допустим, церковных книгах христианского населения даются неточности. Во-первых, детей крестили ни сразу, спустя несколько лет после рождения, во-вторых, имена, под которыми священник регистрировал их, не всегда употреблялись в быту. Кроме того, у абхазов женщины с вступлением в брак меняли не только фамилию, но и имя. Что касается

¹¹ В. Л. Бигвава (Бигуаа). Из биографии двух абхазских долгожителей. – Феномен долгожительства..., с. 69.

мусульман, то среди них вообще не было практики регистрации рождения. Еще больше неточностей в Похозяйственных книгах, введенных в Абхазии в тридцатых годах. Поэтому, естественно, что неграмотные люди, не имевшие традиций счета своих лет, определяют свой возраст приблизительно, в «круглых» цифрах¹².

Учитывая все эти факторы, я, как и другие ученые, изучавшие феномен долгожительства, устанавливал календарный возраст своих информаторов методом верификации, разработанным советскими геронтологами¹³. При этом основным событием, с которым я соотносил их биографические данные является Большой снег (1911).

В тексте имена изучаемых людей даются в соответствии с традиционной антропонимической моделью народа. У абхазов фамилия стоит перед именем. При этом, фамилии, образованные с помощью форманта «ба», соответствующего русскому «ов», произносятся в краткой форме: Адлеиба – Адлеи, напр., Адлеи Тандел. Фамилии с формантом «ипа» («ович»), «уа» или «уаа» («человек», «люди», в смысле – его, родового эпонима): Сабуа, Бигуаа, остаются без изменения. Не изменяются также и безформантные фамилии: Киут, Смыр и т. п. Это, когда речь идет о представителях мужского пола. Для женской же антропонимической модели характерно добавление к фамилии форманта «пха», выполняющего такую же функцию, какую – русский «ова»: Адлеи-пха, Сабуа-пха, Бигуаа-пха, Киут-пха и т. д.

Заметим еще, что в прошлом традиция называть человека только по фамилии и имени распространялась обычно на

¹² В. А. Большаков. Верификация календарного возраста долгожителей. – Среди долгожителей Абхазии...

¹³ Н. Н. Сачук. Точность показаний возраста лицами 80 лет и выше во время переписи населения. – Ученые записки по статистике, т. 8 и др. Широко использована также анкета, составленная известным московским этнографом, д. и. н. В. П. Кобычевым, для сбора полевого этнографического материала по трудовой деятельности абхазских долгожителей.

людей, достигших определенного зрелого возраста. Антропоним молодого человека включал в себя сразу три имени: имя отца, родовое имя, то есть фамилию, и индивидуальное имя: Хвакь-ипа Амчы Сеуарна, что переводится как «сын Хвакя Амичба Сеуарна». В то же время и среди молодых людей встречались такие, которые назывались в народе просто по фамилии и имени. Таковыми являлись, естественно, наиболее популярные и авторитетные люди.

Что касается грузинских антропонимов, приводимых в работе, то и они даны в традиционной форме грузинской антропонимической модели – по имени и фамилии: Иосиф Кварацхелия. Фамилия и имя человека обычно несут на себе определенный этнический оттенок.

Все долгожители – и абхазы, и грузины¹⁴, – о которых речь идет в работе, группируются лишь по месту жительства, хотя, конечно, можно было выбрать и другой принцип – хозяйственный, географический и т. д.

Работа эта отнюдь не ставит перед собой цели дать на поставленный вопрос исчерпывающий ответ, а является лишь началом большого комплексного исследования проблемы.

¹⁴ В выводах работы грузинские материалы не привлекаются, так как они не дают полного представления о многих вопросах изучаемой проблемы (возрастные категории, возрастная номенклатура и др., требующие специального исследования).

**ДОЛГОЖИТЕЛИ:
ИНФОРМАЦИЯ, ВЕРИФИКАЦИЯ,
ОБСЛЕДОВАНИЯ**

**ДЖАПОУ СЕУАРНА, ЧАЛАКУА КЫЧ, АНУА
МЫДЖГУА И САНГУЛИА-ПХА ФАД**

Еще до приезда в Члоу я слышал о четырех ровесниках—долгожителях, считающихся старейшими членами колхоза этого села. Об этом мне говорил председатель сельсовета Радион Ануа однажды, на свадьбе одного нашего с ним общего родственника, где мы сидели друг против друга за торжественным столом. Это Джапоу Сеуарна, Чалакуа Кыч, Ануа Мыджгуа и Сангулиа – пха Фад.

Время подходило к полудню. Весеннее солнце давало о себе знать, но было не очень жарко. После вчерашнего дождя оно только-только набирало силу.

Дом Джапоу Сеуарна, с которого я решил начать свою работу, расположен у самой дороги, соединяющей центр села с г. Очамчира. И как только подошел к воротам двора, я увидел интересующего меня геронта, Сеуарну. Он занимался первой прополкой кукурузы, недалеко от дома. Мне стало несколько неудобно отрывать его от работы, «Зайти, не зайти», – заколебался я. Но к счастью, Сеуарна почувствовал, что кто-то стоит у ворот и повернулся ко мне. Оставив тут же мотыгу, хозяин направился в мою сторону, приглашая меня в дом. Худощавый, высокий, едва заметно – сутулый, а судя по тому, как он легко шагал, нельзя было сказать, что он очень стар.

– Дай бог тебе здоровья! Если бы не ты, дад, я не заметил бы, что пора выйти. Старик ведь, поздно до меня доходит. – Словами благодарности и доброй улыбкой встретил меня Сеуарна.

Биография Джапоу Сеуарны – обычная биография абхазских долгожителей, проведших всю свою жизнь в труде.

Сеуарна помнит, когда в хозяйстве его отца, Дауал, имелось более сорока пяти голов крупного рогатого скота, до трехсот коз и овец, шесть верховых лошадей. Дауал считался человеком хлебосольным и искусным виноделом. За год он выделял двести–четыреста ведер чистой изабеллы. Ему помогали сыновья – Къарантыху, Леуа и Сеуарна. Детей у Дауала было всего шестеро – три сына и три дочери. Сеуарна приходился последним по счету ребенком. Несмотря на то, что старший сын, Къарантыху, был уже взрослый и трудоспособный, в хозяйстве могли быть полезны и младшие, он имел всегда наемных пастухов, обычно молодые люди из бедных семей.

Жили они у подножья горы, в местечке Аймара, где берет свое начало река Дваб, прорезающая село Члоу на две большие части.

Ежегодно Дауал перегонял скот на горные пастбища. Сам Сеуарна поднимался в горы не менее пятидесяти раз, то вместе с отцом и братьями, то в качестве скотохозяина, то пастухом, но это уже после организации колхоза.

При отце вся семья жила вместе. Только через три-четыре года после смерти отца средний брат решил отделиться. Он, Сеуарна, и старший брат были уже женаты и имели детей.

Все хозяйство семьи Джоуа, основу которого, как уже говорилось выше, составлял скот, разделили поровну на четыре части – трех братьев и матери. Разделить хозяйство они пригласили родственников и почетных представителей села. Для раздела же скота они сделали четыре ограды.

Мать осталась жить вместе со старшим сыном; Къарантыху, следовательно, и долю свою она отдала ему. Леуа переселился в центр села Члоу, вскоре за ним последовал и Сеуарна.

Поскольку в то время земля была собственностью крупных землевладельцев, Сеуарна, как и его брат, Леуа, купил участок, у князя Шьагутыл Ачба, на котором проживает и в настоящее время. Дом он построил при помощи братьев и соседей.

С этого времени началась самостоятельная трудовая деятельность Сеуарны. С начала коллективизации сельского хозяйства он становится одним из первых членов общественного производства. Выращивал кукурузу, как для семьи, так и для колхоза, помогал бригаде возделывать табак. Долгое время работал бессменным звеньевым, три года – бригадиром.

Женился Сеуарна поздно, примерно, в сорок пять-пятьдесят лет на двадцатилетней девушке по фамилии Чачхалиа из с. Тамыш.

Из шести душ детей трое умерли в раннем возрасте. Старший сын со своей семьей живет отдельно, но недалеко от отцовского дома, младший – в Сухуми, дочь замужем в г. Очамчире. Правда, дом и хозяйство в будущем принадлежит младшему сыну, но фактически в данное время Сеуарна и его жена живут одни. Сын приезжает лишь в выходные и праздничные дни для оказания необходимой помощи в личном подсобном хозяйстве.

Как всякий абхаз-крестьянин, Сеуарна не имеет понятия о жизни без физического труда. Трудится каждый день – с утра до вечера с продолжительным перерывом на обед, включая, конечно и дневной сон на часок или полтора. Говоря об этом, он имеет в виду летние полевые работы. Зимние, так называемые внутренние работы, каковыми являются, по его мнению, уход за скотом, приготовление дров, ремонт хозяйственных построек или орудий, за работу не считает. Все это просто разминка, для крестьянина, – поясняет он.

Торговлей Сеуарна не занимался, как он выразился, «на рынке не стоял». Однако, еще при жизни отца он вместе со своими братьями продавали скот и шерсть купцам, как говорится, не выходя из дома. «Позже местный князь Отар Ачба открыл небольшую лавку, в которой торговые операции вели наемники. И сюда на арбе, или вьюком привозили сыр и мед с целью приобрести соль, которой всегда так не хватало в доме. Но мы делали это очень редко, так как продавать продукты

питания, особенно молочные, считалось неприличным занятием».

В отношении еды Сеуарна не прихотлив, но, примерно; раз; в пятнадцать дней у него появляется желание поесть мясо, любит мед и употребляет его часто. В молодости пил вино, много и долго, но только за торжественным столом. А так, без значительной причины не пил, даже презирал тех; кто им увлекался.

Как любой горец, любимым занятием Сеуарны была охота. После наступления холодов, отправлялся в горы. Считался хорошим скалолазом. Стрелял метко.

Не смотря на худощавость телосложения, физически Сеуарна здоровый и до сих пор. За всю свою жизнь в больнице был один раз, когда у него вырезали аппендицит.

Жизнью своей Сеуарна доволен. Почему бы и нет?

Старший брат, Къарантыху, прожил до 100 лет, Леуа – средний брат – 80, сестра, следующая за ним, умерла в глубокой старости, другая сестра, Женя, жива, здорова. Только Хьыкур, средняя сестра, скончалась скоропостижно еще в молодости. Что касается умерших детей, то о них Сеуарна не горюет: «Они появились на свет по божьей воле и по божьей воле погасли»¹⁵.

Единственное, на что он жалуется, это малочисленность своего потомства: по его словам, у него «только шесть внуков».

– В Члоу немало людей, считающихся долгожителями. Все же, кто старше всех? спросил я Сеуарну в конце нашей беседы.

– Ануа Мыджгуа и Чалакуа Кыч мои ровесники, быть может я старше на один-два года. Нам было, наверное, тринадцать лет, когда впервые увиделись. В горах это было. Каждый раз при встрече боролись. Я был сильнее их обоих. Много лет

¹⁵ Абхазы не говорят о ребенке «умер», они употребляют при этом «дкьатеит», что значит «погас».

и дево́й постаревшей Сангу́лиа-пха́ Фад. По-видимому, не на много моложе нас... По документам сельсовета, мне сейчас 93 или 94 года, но год, указанный в нем, это год моего крещения. На самом, деле мне 101.

И, Чалакуа Кыч, проживающий в местечке Аражвпара данного села, считает себя христианином и хорошо помнит, когда – его крестили. Ему было шесть-семь лет. Но у него не сохранилось свидетельство о рождении. Если спросить его о том, – сколько ему сейчас, то он уверенно ответит: «103», ссылаясь при этом на Ануа Мыджгуа, якобы старшего на три месяца. «Мыджгуа грамотный, знает свой возраст», – говорит Кыч.

Родился Кыч в обычной семье земледельца. Отец его, Сит, выращивал кукурузу, возделывал виноград, имел несколько голов крупного рогатого скота, в том числе две или три пары тягловых быков и буйволов. Мать, Корсантия Ханифа (Тина) была родом из Речхи (Зап. Грузия). Кыч являлся шестым по счету ребенком в семье. Самая старшая сестра его, Дика, умерла пятнадцать лет тому назад в возрасте 95 лет. Следовавшие за ней две сестры, Тима и Куакуына, прожили совсем немного. Старший брат, Дамей, скончался от испанки, свирепствовавшей здесь в годы меньшевистского правительства (1918–1921). Младший, Нестор, погиб на фронте. Таким образом, из ближайших родственников, как по прямой линии, так и по боковой, у Кыча уже давно никого нет.

Кыч, как его друг Сеуарна, женился довольно поздно – после пятидесяти лет, а жене, Таразие, из рода Акаба (Члоу) исполнилось тогда двадцать пять. Она родилась в год Большого снега (1911). Значит, они поженились, приблизительно, в 1936 году, у них только одна дочь, которой, как сообщили родители, около пятидесяти лет, замужем в с. Арасадзыхь, имеет шесть душ детей.

Любовь к земледелию Кыч унаследовал от отца, для которого, как сказано выше, оно представляло традиционное занятие. Кукуруза, виноград, табак, чай – вот весь перечень

культур, возделываемых Кычом. Работал он умеренно, без каких – либо рывков, как он сам выразился, «не убиваясь».

Как правило, в первой половине дня он делал больше, а во второй половине работал неохотно, но вечером у него появлялась новая энергия. «Работал бы я в полную силу – жил бы получше», – сказал Кыч в шутку. Как говорится, в шутке доля правды. Свидетельство тому, в данном случае, – скромность его материальных условий. Живет он в традиционном дощатом доме на сваях – акуска. Рядом с ним стоит амацурта – плетенка из рододендрона с земляным полом, крытая из драни.

Летом, в свободные от полевых работ дни Кыч всегда поднимался в горы, где его односельчане пасли скот, и отдыхал. По его глубокому убеждению, отдых в горах продлевает человеку жизнь. «В горах воздух совсем другой и пища другая», – твердит он.

По натуре Кыч жизнерадостный человек, с юмором. Поет и играет на музыкальном инструменте ачамгур¹⁶, с которым не расстанется до сих пор. В молодые, да и зрелые годы часто приглашали его на коротание вечеров, устраивавшие обычно в доме, где находился тяжело больной человек.

Несмотря на глубокую старость, Кыч чувствует себя бодро, видит хорошо и хорошо слышит. Работает по дому. Серьезно ничем не болел. В молодости курил, но бросил. Алкогольными напитками не злоупотреблял, но пить умел, если в этом возникала необходимость. Нужно будет, и сейчас выпьет, но не много.

До сих пор Кыч принимает активное участие в общественной жизни села, является членом совета старейшин. Ездит на свадьбы, похороны, поминки и другие семейные предприятия, как правило, верхом на лошади. Если же это в окрестностях родного поселка, то ходит пешком, в обязательном по-

¹⁶ Четырехструнный инструмент, имеющий широкое распространение особенно в Абжуйской Абхазии.

рядке с посохом в руке. Выходной наряд его традиционный – черкеска, азиатские сапоги, башлык, бурка и т. д.

Говоря о состоянии здоровья нашего долгожителя, хочется сообщить еще один немаловажный, на мой взгляд, момент. В тот день, когда я нанес ему визит, этот столетний старец сидел на балконе и брился безопасной бритвой. При этом никаких признаков тремора руки не наблюдалось. Наоборот, он пользовался ею так умело, что можно было позавидовать.

После непродолжительной беседы с Чалакуа Кыч, я сразу же направился к Ануа Мыджгуа, проживающему, примерно, в двух километрах от него.

Время клонилось к вечеру. Загнав коз в козлятник, слегка опираясь на палку и медленно передвигая ноги, Мыджгуа возвращался домой, когда я зашел во двор его дома.

Дом Мыджгуа старинный, сделан из каштановых досок, размеры его внушительны, и покрыт он шифером. Стоящая рядом с ним амацурта – шлакоблочная. Видно, что весь комплекс жилых построек подвергался реконструкции. Двор, в котором он стоит, покрыт зеленой травкой и значительностью занимаемой им площади напоминает красиво ухоженное футбольное поле.

Хозяин заметил меня, но не обратил на меня внимания. Не узнал. Он подумал, что с работы вернулся сын, Радион, вышеупомянутый председатель сельсовета. Точнее, не сын, а племянник. Но об этом позже. Нетрудно догадаться, что Мыджгуа видит и слышит уже неважно.

Жизнь у Мыджгуа проходила несколько иначе. Родился он в семье зажиточного крестьянина Ануа Баджы, известного еще как распорядитель свадебных и погребально-поминальных церемоний. Мать, Амкуаб-пха Мсырхан, считалась умной экономкой и глубоко человеческой женщиной.

У Мыджгуа были три брата – Миха, Каласа и Сиса. Мыджгуа приходился третьим. Старшая сестра сгорела в детстве. Миха лет сорок назад случайно попал в перестрелку, прохо-

дившую между некими сванами и абхазами, погиб, не дожив и 65 лет. Каласа подвергся репрессии тридцатых годов и больше не вернулся домой. Младший брат, Сиса, умер недавно. Младшая сестра, Сонечка, жива, ей 85 лет.

Традиция позднего вступления в брак не обошла и Мыджгуа.

Женился он, примерно, 55–57 лет. Жену звать Куцниапха Татал, моложе его на тридцать с лишним лет. Детей у них нет, и не было. Зато они воспитали девочку по фамилии Цвижба, проживающую в настоящее время в г. Гагра, вместе со своей семьей, и четырех сыноей Каласы, без вести пропавшего брата. Двое из них живут с ним под одной крышей, а другие – в Сухуми. Вот, почему я позволил себе называть Радиона сначала сыном Мыджгуа, а не его племянником. И он, и другие относятся к нему с сыновней любовью и глубокой признательностью, с гордостью называя его отцом.

О своем жизненном пути Мыджгуа говорит еще следующее:

– «Детство мое прошло в счастливой, здоровой и многодетной семье, хотя, конечно, в те времена семья из восьми человек считалась не очень большой. Родители наши делали все, чтобы вырасти нас добрыми, честными и отзывчивыми. Материального недостатка не чувствовали, всегда были сыты и одеты. Почти каждое лето время проводили на альпийских лугах. Душевных потрясений я не знал до того момента, когда мой брат, Каласа, оказался в числе «врагов народа». Но заботы о его детях не давали мне возможности думать об этом и горевать. Всецело был занят воспитанием ребятишек. Теперь, слава богу, они ни в чем не нуждаются, на ногах стоят крепко: семейные, работают, живут не хуже других.

Физически я работал с детства, но справедливости ради нужно отметить, что не очень-то сильно. В меру. И то – в личном хозяйстве. В колхозе же я работал в основном на различных руководящих должностях: бригадиром, заведующим фермой, заместителем председателя, председателем. Где бы ни работал,

чем бы ни занимался, я старался быть принципиальным и поэтому начатое дело доводил до конца. С людьми общий язык находил легко, за редчайшим исключением ни с кем не ссорился. Тем не менее, в жизни я пережил одну необычную для меня неприятность. По фальшивым доносам одного нашего односельчанина, меня посадили в тюрьму. Но вскоре я доказал свою невиновность и отпустили. По дороге домой мне захотелось выпить, и нечаянно упал в колодезь. В течение всей ночи я промучился в этом колодезе и только утром следующего дня хозяева заметили меня и помогли выбраться оттуда.

Физически я был всегда сухощавый, не поправлялся, но чувствовал себя здоровым и сильным. На свадьбах пил много, но не доводил себя до опьянения. Поэтому меня часто выбирали тамадой. В молодости ничего не чувствовал, но на старости лет все это выходит боком. Желудок болит, зрение резко ухудшилось, слышу плохо. Причина – безмерное употребление вина. Необходимо остановить молодежь, любящую веселую жизнь. Относительно застоля хочется заметить, что в прошлом с обязанностями тамады можно было справиться легко. Дело в том, что тогда каждый человек знал свое место. Старший хорошо понимал, что он старший и вел себя солидно и тем самым вызывал к себе уважение со стороны окружающих. Младшие тоже знали, что они младшие, для которых нормой поведения являлось мнение старших. Они всегда были услужливы, предупредительны и исполняли желание стариков беспрекословно. Этот принцип взаимоотношений младших и старших соблюдался всюду, в семейном и общественном быту. Застольный этикет, особенно, не допускал пререкания и переговаривания со стороны младших по возрасту. Больше всего за столом, ценилось красноречие, но немногословие. Сейчас, на современной свадьбе, многие стараются говорить длинные тосты, порою шаблонные, пустые.

Теперь я стар, но должен сказать, что старость я почувствовал только после ухода на пенсию, когда круг моих

забот и интересов стали ограничиваться главным образом домом и личным хозяйством. Я не привык без дела сидеть. Нечего неделание – яд. Мои ребята «ругают» меня: «сиди спокойно, отдыхай, что люди подумают». Они думают, что я боюсь за скот или огород. Нет, я боюсь за себя. Если перестану работать, то перестанет работать и мое сердце. Да, и к тому же у них много всяких дел, пусть ими занимаются. А я еще могу, во всяком случае, пропалывать кукурузу у себя на участке».

– Вы курите? – спросил я.

– Да, курил, но не постоянно, лет десять тому назад совсем бросил.

– Я беседовал с Чалакуа Кыч. Он говорит, что ему столько, сколько и Вам.

– Нет, я старше.

– На сколько лет?

– На три месяца. Об этом моя мать говорила, помню. Меня крестили в семь лет. Это было в 1888 году.

В отличие от всех других долгожителей, Сангулиа-пха Фад – исключение: она прожила свои сто лет девой.

– «Мы с Джапоу Сеуарна ровесники, а если есть между нами разница, то не больше, чем один или два года. Кто из нас старше, трудно сказать. Мы с ним выросли, живя бок о бок в Аймаре», говорит она.

Детство и юность у Фад прошли в нормальных семейных условиях. Отец, Сангулиа Шьатажв, жил зажиточно: имел много земли и сотни голов рогатого скота. Были и такие времена, когда он не обходился без наемных пастухов. Умер он после 90 лет жизни. Мать, Адлей-пха Кына, прожила, приблизительно, столько же. Она славилась как редкая мастерица по буркам. Даже князь Хабыгу Ачба носил бурки, изготовленные только ею. «Золотыми ручками» называл он ее, поэтому надолго за ней закрепилось и прозвище «схьынапкуа».

У Фад были два брата, Маныху и Кьарантыху, и сестра, Ида, но никто из них не дожил до глубокой старости – умерли от малярии, от паралича.

В детстве она помогала матери во всех ее делах по дому и хозяйству – приготовлении нищи, стирке, уборке, выращивании овощей. Уже с четырнадцати лет могла делать все, что и взрослая женщина.

В свое время Фад не смогла выйти замуж – слишком уж требовательной была. А когда почувствовала, что уже поздно, она взяла на воспитание мальчика, Женю, и вырастила его. Жене сейчас 61 год, семейный, имеет четверо детей, живет вместе с Фад в одном доме.

Со времени организации колхоза Фад начала работать на табачной рассаде, а после окончания ее сезона занималась и низкой, и ломкой, и сушкой листьев этой однолетней культуры. И, как правило, она не только выполняла план свой, но и перевыполняла их, за что неоднократно бывала в числе стахановцев данного производства.

Вот, уже лет двадцать как стала жаловаться на свое здоровье. При этом ссылается на тиф, которым она болела в молодости дважды. Но, что именно у нее болит, Фад не может сказать: «Просто, общее состояние плохое», говорит она.

На вид Фад действительно очень старая женщина: ходит с палкой и медленно, видит относительно хорошо, но слышит неважно.

Тем не менее, она не очень жалуется на свой аппетит. Ест все, что и другие. Любит вино и пьет его до двух-трех стаканов. Не курит, и не курила.

На вопрос, довольна ли она своей прожитой жизнью, Фад не могла ответить ни «нет», ни «да».

– «Правда, я не вышла замуж и не имею своих детей, но зато мой воспитанник хороший и живет хорошо. Значит и я довольна», – сказала она в конце, но в тоне и манере ее разговора проскальзывала какая-то неуверенность¹⁷.

¹⁷ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та, А. 23.

ДЖИНДЖАЛ ТАРАШ, ЛАСУРИА (ЛАШВРИА) ТАРКУК И ХАРЕДЖАЛИА-ПХА ГУЛИЗА

Житель села Кутол Джинджал Тараш – старик среднего роста и крепкого телосложения со светлым лицом, большими остроконечными седыми усами и начисто выбритой головой.

Как всякий абхаз, Тараш принял меня весьма радушно. Поскольку я пришел к нему в полдень, когда летняя жара заставляет все живое искать тень, мы с ним расположились во дворе, под лавровишней. Судя по его одежде, Тараш только что вернулся с работы.

Еще в сельсовете мне сказали, что он выращивает столько табака, что ему позавидует любой молодой член колхоза. Ежегодно он сдает государству сотни килограммов качественного самсуна, идущего на ароматизацию других сортов табака.

Когда я представился и сообщил, с какой целью пришел, Тараш ответил мне, ссылаясь на свою старость, что он не блещет как сказитель. Все это было сказано им, конечно, из-за присущей абхазским старикам скромности. На вопрос, сколько ему лет, Тараш ответил:

– «Девяносто три».

И, не ожидая от меня верификационного приема уточнения, он добавил:

– «В 1893 году некий священник по фамилии Векуа подверг меня и моего старшего брата, Тархуна, крещению. Тогда мне было три года. Поэтому по метрическим данным мне как будто девяносто, а на самом деле «девяносто три года».

Отец Тараша, Джинджал Петра, считался одним из самых крепких и уважаемых крестьян в селе. Несколько десятин земли, более двух десятков голов крупного рогатого скота, пять-шесть лошадей входили в его хозяйство. Из жилых построек у Петра были амацурта и акуаскья.

– «Зимой, когда земля покрывалась снегом, – говорит Тараш о формах ведения хозяйства его семьи, – скот держали в

помещении, а как только пастбища освобождались – скот выгоняли на прибрежные районы, где его поили также и морской водой, поскольку нам всегда не хватало соли. С наступлением весны, мы начинали постепенно двигаться в предгорье, а летом поднимались в высокогорные луга. Таким образом, за исключением нескольких зимних дней, скот держали круглый год на подножном корме. В нашем хозяйстве имелось также много свиней, но мы им никогда не давали ни одного качана кукурузы, – их кормил лес. А когда подходило время продажи, мы туда отправлялись и ловили их с помощью собак, насколько они дичали».

Мать Тараша, Блыа-пха Хбылкан, родом из с. Пакуашь, родила восемь детей. Тараш был предпоследним. Самая старшая сестра и младший брат умерли в детстве. Средний брат, Нестор, за несколько лет до советизации края абреки ошибочно убили, приняв его за виновника гибели их близкого друга. Из числа других, кроме двух старших братьев, Куалашь и Тархуна, и сестры, Куакуына, умерших сравнительно недавно, до старости никто не дожил – умерли кто от малярии, кто от тифа. Мать скончалась в год Большого снега, отец – в 1932 году, перешагнув за сто лет.

В доме отца жил и живет Тараш. Физически труд он познал рано. В частности, в детские годы, примерно в 7–10 лет, на нем лежала обязанность присматривать за телятами. Уже в 12–14 он помогал отцу и взрослым пропалывать кукурузу, возводить ограды, возить на арбе дрова и прочую необходимую в хозяйственном быту кладь, а с 16 лет свободно без помощи других справлялся с пахотным орудием.

Женился Тараш в 23 года, а когда ему было немногим более 30 лет, он уже стал отцом четырех детей. Старший сын, утонул двадцатилетним молодым человеком. В 1931 году от болезни печени скончалась и жена. Через пару лет он женился вновь, но жил с женой только восемь месяцев – не сошелся характером и развелся.

Интересно, что первая жена была старше Тараша на год, вторая – на два, а третья, с которой он сейчас живет, наоборот моложе на... 35 лет. К тому же, она родила сына, когда ему было 75 лет. Помимо того, Тараш воспитал русского мальчика по имени Жора, которого он нашел беспризорным во время войны, в Сухуми. Тараш долго воздерживался говорить о нем, а когда все-таки заговорил, прослезился: Жора умер два года назад. Но Тараш тешится тремя его детьми, от которых он имеет еще внуков.

Кроме того, что Тараш пережил преждевременную смерть матери, трех братьев, сестры и двух сыновей (заметим, что приемного сына он не отделяет от собственных), у него в жизни имели место другие драматические события.

Первое. В 20-х годах он вместе со своим братом, Куалашь, некоторое время находился в заключении по обвинению в непреднамеренном убийстве. О том, как это случилось, Тараш говорит следующее:

– «Моя двоюродная сестра приглянулась одному молодому человеку (Тараш не захотел сказать мне ни фамилии, ни имени его), а она отказалась выйти за него замуж. После этого он стал угрожать ей. Однажды вечером, во время ужина во дворе залаяли собаки и тут же раздались выстрелы. И мы схватили свои оружия и пустили в ход в ту сторону, откуда стреляли они. Во время перестрелки двое неприятелей погибли. В результате я и мой брат, Куалашь, оказались за решеткой. Оказывается, это были вовсе не наши враги, которых мы ожидали в любое время дня и ночи, а сотрудники милиции.

Оказывается за день до этого несколько вооруженных дезертиров, бежавших на юг, попросили моего брата, Куалашь, показать дорогу на Зугдиди. Брат был немой, но слышал неплохо, и провел их до указанной дороги. В знак благодарности они подарили ему винтовку с патронами. А когда эти дезертиры попали в руки местной власти, сказали, что якобы в селе Кутол их обезоружил какой-то немой.

Девять месяцев мы с братом сидели под следствием, пока не оправдали нас во время судебного разбирательства. Оправдали благодаря тому, что мой брат не умел говорить, а я молчал. Абхазы говорят: умное слово – серебро, а молчание – золото».

Второе событие связано с войной.

По словам Тараша, вначале войны (ВОВ), когда ему было за пятьдесят, естественно, поэтому не подлежал демобилизации, по существу случайно попал в армию.

– «Племянник мой – сын старшего брата работал комиссаром села. Однажды он зашел ко мне и попросил, чтобы я поехал с ним в г. Очамчира, в военкомат. Он должен был явиться к военному комиссару с призывниками, но не смог собрать столько, сколько полагалось, потому и пригласил меня для галочки, поскольку я по возрасту отпадал. Я согласился и поехал с ним. И что же? Военком даже не спросил меня, сколько лет, и в срочном порядке отправил в армию. Одним словом, служил, но на фронт не взяли».

По своей природе Тараш чрезвычайно трудолюбивый человек. Об этом свидетельствует даже его личное подсобное хозяйство. На большей половине участка растут всевозможные плодовые деревья, имеется большой виноградник. Недалеко от дома он возделывает табак для колхоза. Вообще табаководство является для него профессиональным занятием, так как занимается им еще с дореволюционных времен. По своим жилищно-бытовым условиям, Тараш несколько не уступает своим молодым соседям. Все это – результат его многолетнего и упорного физического труда.

Как уже отмечалось, Тараш долгое время жил вместе с отцом. Пока отец был жив, он не чувствовал большой ответственности за семью, дом, хозяйство и т. д., а после смерти отца все это легло ему на плечи. Вначале самостоятельного хозяйствования было трудно, но потом постепенно привык. Любая работа стала для него обыкновенной и не вызывала никаких нервных перегрузок.

В молодости, в течение дня Тараш работал равномерно, не чувствуя сильной усталости. Но уже в зрелые годы начал ощущать, что после обеда он не может работать с такой энергией, с какой – до обеда.

Наиболее трудоемким временем года Тараш считает осень, когда приходит пора собирать урожай за очень сжатый срок, и убрать с поля корм для скота.

Всю жизнь Тараш был очень подвижен. Ходил много. Только с наступлением преклонного возраста он заметно убавил свою двигательную нагрузку. В настоящее время он полностью связан с хозяйством и домом. Но сказать, что «Тараш трудолюбив», значит – сказал слишком мало. По его словам, человек вне труда – мертв.

С любым человеком Тараш находил общий язык. Впрочем, жизнь научила его мегрельскому, армянскому, турецкому и русскому языкам, на которых он разговаривает, конечно, не так, как на родном абхазском, но довольно неплохо. Как он выразился, Тараш знает эти языки так, чтобы мог разговаривать даже с немым и довести свою мысль до глухого. Этими словами он напоминает мне образное замечание английской поэтессы Каролины Бови: «Доброта – язык, на котором немые могут говорить, и который глухие могут слышать».

В настоящее время недельный хронометраж нашего долгожителя выглядит так: утром встает перед восходом солнца. После утреннего туалета, ухода за скотом и других дел по дому – легкий завтрак и снова приступает к основной работе, в соответствии с временем года. Он выполняет все без исключения работы, считающиеся мужскими. В течение дня отдыхает три – четыре раза, и более. Каждый отдых длится пятнадцать–двадцать минут, в зависимости от степени физической нагрузки. Наиболее плотно он ест во время обеда. Спиртные напитки принимает редко и мало. Да и в прошлом пил умеренно. Иногда его выбирали и тамадой, особенно на поминках. Как правило, в полдень, после приема пищи не-

много поспит. По его мнению, сон дает человеку новую силу, именно дневной сон. После ужина посидит, обычно, у телевизора. Любит поговорить о политике.

Что касается самооценки его здоровья, то Тараш особенно не жалуется. Видит и слышит хорошо. За всю свою жизнь он болел лишь один, раз, и то – малярией. Следовательно, в больницу не ходил, скорой помощи не вызывал, лекарств не пил.

В конце нашей беседы я задал Тарашу несколько вопросов о продолжительности жизни человека вообще:

– Все-таки, сколько лет должен жить человек?

– Не меньше ста.

– Вам девяносто три. Возраст у Вас солидный. Как Вы думаете, что способствовало вашему долголетию?

– До ста лет нельзя считать долголетием. Этот рубеж я должен преодолеть, потому что сто лет это мое. Но если я буду жить дольше, то это уже подарок.

Следующего долгожителя, о котором речь будет идти ниже, зовут Ласуриа (лашвриа) Таркук. Тоже уроженец села Кутол, старый друг и ровесник Джинджал Тараша.

Ласуриа Таркук выглядит моложе своих лет, но это совсем не удивительно. Он потомок тех ласуриевских мафусаилов, /которые долгое время считались «рекордсменами» данного села. Отец Таркука, Осман, прожил 111 лет, дед Урыс, – 128. Но «всех опередила небезызвестная долгожительница Хьфаф, на счету которой 143 года.

– Ведь, за редким исключением, наши предки не умели читать и писать, интересно, как они устанавливали свой возраст? – спросил я Таркук.

– «Дедушка мой, Урыс, говорил, что в прошлом люди вели счет при помощи палочек, на которых ежегодно наносили нарезь», – ответил он.

Нелегкую жизнь прожил Таркук. Когда ему было всего три месяца, мать, Куцниа-пха Хьыц, умерла. О том, как это случилось, Таркук рассказывает:

– «Однажды совершенно неожиданно матери моей стало плохо. И как-то она смогла позвать свою соседку, Бжьа-ниа-пха Мкыд, на помощь. Но когда почувствовала, что пришел конец, она попросила ее взять меня на воспитание и воспитать вместе со своими детьми. Так, до четырехлетнего возраста я воспитывался у соседки. Затем меня забрала жена моего дяди по отцу, Сабакиа-пха Селымхан, у которой было также семь душ детей. Через три года я оказался в доме дедушки со стороны матери, в котором жили женатые и имевшие по шесть детей мои дяди, Ормат и Куакуана Куцниа. Там, в селе Атара – на родине матери – я пошел в школу, учился год. А когда отец мой женился, мне пришлось переехать сюда, в Кутол. Матерью стала Багателиа-пха Хьфаф – та самая долгожительница, о которой так много говорят и пишут. Мне «было тогда десять лет. Поскольку Хьфаф не родила от моего отца никого, я стал единственным сыном не только у отца, но и у нее. Она относилась ко мне как нельзя лучше, и я полюбил ее».

Незадолго до своей смерти Хьфаф повела Таркук на кладбище и сказала ему:

– «Ты, сын мой похорони меня рядом с дедушкой, я скоро умру».

– «Зачем, разве ты не желаешь рядом с моим отцом?» – спросил он. Хьфаф ответила:

– «Нет, твой отец теперь с твоей родной матерью. Она как первая, к которой он прикоснулся своим телом, должна быть с ним».

И как не парадоксально, ровно через недалю умерла Хьфаф. И Таркук выполнил ее наказ.

Отец Таркука, Осман, был независимым крестьянином и занимался своим хозяйством: выращивал зерновые культуры, разводил скот, в том числе хороших скакунов. Традиция эта перешла и к Таркуку. Амбар его был всегда полон кукурузы, остродонные кувшины и бесконечные бочки служили для

хранения черного вина, а природные условия местности позволяли держать и коров, и буйволиц, и коз и овец.

– «Отсюда до селения Қочара, где сейчас живут переселенцы, простирались огромные проселочные пастбища, богатые сочными травами и широколиственными лесами. В настоящее время скоту негде пастись...» – с сожалением говорит он.

Самостоятельно, как он сам выразился, по-мужски Таркук начал приобщаться к физическому труду с шестнадцати лет. Такое сравнительно позднее начало трудовой деятельности не характерно для абхазских долгожителей. Но и причина тут ясна – непостоянство места жительства в детстве.

Живя уже в доме отца, в молодости Таркук занимался всеми хозяйственными делами. Работал много и интенсивно, так как в семье не хватало мужских рук.

Тем не менее, отец Таркука умел находить свободное время для единственного сына. Когда Таркуку исполнилось восемнадцать лет, он ему говорит:

– «Одной только работой в личном хозяйстве человеком не станешь. Вот тебе конь, вот тебе седло. Езжай. Познай мир. Узнай людей. Но при этом помни, что необходима и обратная связь. Люди должны знать и тебя, относиться с уважением, а уважение нужно заслужить». Эти слова Таркук запомнил твердо, и стали они для него в дальнейшем как бы девизом жизни.

Много ездил Таркук по Абхазии Западной Грузии, ездил также на Северный Кавказ – в Кабарду, Адыгею, Дагестан. Заимел хороших друзей. Среди же односельчан он стал пользоваться заслуженным авторитетом. Об этом говорит и то, что более трех десятков лет он является постоянным членом Совета старейшин села, а в более молодые годы входил и в правление колхоза, неоднократно избирался депутатом в местные советы.

Таркук женился, когда ему было 34 года, а жене Цвиж-пха Катиане, 29. Через три года у них родился первый ребенок.

Затем пошли и другие – три дочери и два сына: Гуилиа, Маника, Пабу, Куаста и Язбей. Старшей дочери сейчас 54 года, младшему сыну – 42. Все они семейные, имеют детей, работают в общественных организациях.

В колхоз Таркук вступил несколько поздно. Он, как и другие жители данного поселка, долго не понимал его. А когда он понял преимущество коллективного хозяйства, Таркук с удовольствием стал в его рядах. Причем, он подарил колхозу пару хороших быков, так называемых аштацкуа¹⁸.

В годы Великой Отечественной войны Таркук, как и многие другие его односельчане, непризванные по возрасту на службу, работал в колхозе и в силу своей возможности помогал фронту. В одно время он даже был руководителем группы колхозников, доставлявших нашим войскам, действовавшим на перевалах Кавказа, боеприпасы, обмундирование и продукты питания.

В послевоенные годы Таркук вновь стал в числе передовых колхозников, делавших все, что от них зависело для восстановления народного хозяйства.

Как и все другие долгожители Абхазии, Таркук любил работать, и результатами своего многолетнего труда он доволен. Он доволен также и жизнью своей, хотя была она очень нелегкой.

И старость свою Таркук проводит интересно. Он как участник ансамбля долгожителей Абхазии выступает на сценах театров страны и Европы. Только смерть жены, скончавшейся двенадцать лет назад, несколько пошатнула его, но позиции свои он не собирается пока сдавать. Самочувствие у него хорошее, настроение бодрое. По утрам встает раньше всех в доме, разведет огонь, выгонит скот в лес. Днем возится в саду, ухаживает за виноградником. Только ревматизм, на который он жалуется уже несколько лет, не дает возможности работать в полную силу.

¹⁸ Аштацв – буквально бык, выращенный во дворе, дома.

Одним из важных факторов долгожительства Таркук считает своевременное вступление в брак. «От ранних браков, – говорит он, – рождаются физически слабые дети, лишённые способности жить и работать долго». Нормальный возраст для женитьбы, по его мнению, 30–35 лет. Очень важным он считает также активное движение: пешая ходьба, верховая езда. В молодости Таркук отличался ловкостью. Говоря словами поэта:

Еще совсем недавно
Торцевал хозяин славно,
На скаку стрелял он метко,
Поднимал с земли монету

Таркук и до сегодняшнего дня не может без лошади. Как правило, на свадьбу, похороны и другие народные сходы он ездит верхом на лошади, за которой ухаживает как за ребенком. «Пока жив, буду ездить на лошади, – говорит Таркук, – если умру, то хочу и прошу своих близких родственников и соседей чтобы в день похорон устроили «атарчей» и спели «АЗАР»¹⁹.

И Джинджал Тараш, и Ласуриа Таркук уверяли меня, что старше Харжалиа-пха Гулиза здесь, в селе Кутол никого нет, что она вышла замуж за Харжалиа Степана поздно, что первого ребенка родила в тридцать пять лет, не меньше.

Увидев нас у ворот двора (меня сопровождал директор Кутольского Дома культуры Водик Джинджал), старая Гулиза стала спускаться вниз по лестнице дома спокойно, не отрывая глаз от ступенек, как бы измеряя свои чрезмерно короткие шаги и, имеете с тем, вырываясь от тяжелого одиночества.

– «Заходите, нан, заходите! Не обращайтесь на меня, сторбленную старуху, внимания», – пригласила она в дом.

¹⁹ Атарчей – конноспортивное соревнование, проводившееся в прошлом в день похорон мужчины. Азар – песня наездников.

Глубокие раны морщин, сеточкой покрывающих ее лицо, бросаются в глаза, свидетельствуя о душевных страданиях и скорби, которые переживает она.

«Ровный, просторный зеленый двор, обнесенный живой изгородью, старинный дощатый дом на высоких сваях, и покрывающаяся уже черной сажой амацурта, высокие серебристые яблони и обвитые толстыми лозами старые альховые деревья, редко стоящие в усадьбе хозяйки, хранят тайну жизни, некогда кипевшей здесь, за очагом. Они являются еще как бы магической силой, которая двигает до сих пор эту старую женщину», – подумал я, когда зашел во двор и увидел Гулизу. Это впечатление еще больше усилилось в зале дома, где на стенах и на столе видны различного размера фотографии совсем юного, и очень милovidного молодого человека. Это ее сын!

Уловив мой взгляд, старушка встала и подошла к одной из них.

– «Да, нан, – это Джумка мой... Он учился в Москве, в институте вместе с Аргун Хазаратом. Ты, наверное, знаешь его – профессор, в Абхазском университете работает... В двадцать лет ушел на фронт. Одно только письмо получили мы от него и больше ничего. Кто знает, может быть жив, бродит где-нибудь, голодный, холодный среди чужих людей... Раньше я думала, что дождусь возвращения сына, но уже перестала этому верить...».

Крайне пессимистический настрой этой старой женщины – неизгладимый след войны, которая унесла жизнь ее любимого и единственного сына, не дает ей хоть сколько-нибудь подробно говорить о своем прошлом. Только соединение отдельных моментов ее долгой жизни, о которой мы собрали крупицы сведений, позволяют сделать небольшой экскурс в ее биографию.

Отец Гулизы (Гуагуа), Куцниа Мырзакул, славился как зажиточный и на редкость хлебосольный крестьянин, но умер

рано, недожив и до пятидесяти. Мать, Сангулиа-пха Каимытхан, пользовалась также большим авторитетом и прожила семьдесят лет.

Гулиза была третьим по счету ребенком в семье. Всего их было шесть, из которых до глубокой старости дожили только двое – сама Гулиза и ее младшая сестра, Кауида (с. Дранда). Долгую жизнь прожили только бабушка и бабушка по отцу, как она говорит, больше ста лет. И больше в ее роду долгожителей не было.

В молодости Гулиза занималась главным образом рукоделием – вязанием и тканьем. В пятнадцать лет она получила в подарок от матери швейную машину, представлявшую в то время чрезвычайную редкость во всем селении Атара. В итоге Гулиза стала модисткой, как ее называли односельчане, шила как женскую, так и мужскую одежду. Бывало, что она занималась шитьем целыми днями, особенно во время несчастных случаев где-нибудь в селе, – когда ее приглашали для изготовления траурной одежды. Эту работу она выполняла, конечно, даром, если не считать заказов молодых людей, которые делали за это небольшие подарки.

Гулиза умела веселиться, быть в центре внимания окружающих людей: пела и играла на ачамгуыре, танцевала. Для всего этого у нее были хорошие данные – и голос, и музыкальный «слух, и рост, и стройная фигура. Часто она ездила в гости к родственникам, проживавшим далеко за пределами своего села, где задерживали ее обычно неделями, иногда и больше. В сопровождении старших членов семьи ходила на праздничные вечера, проводывала больных, если таковые были, скажем, по соседству, с целью отвлечения их от боли и т. д.

Долго выбирала Гулиза среди женихов, и только в 30–32 года вышла замуж за Харрджалиа Степана. Родила всего троих детей – двух дочерей и сына. Воспитывая детей и работая по дому и по хозяйству, Гулиза и здесь продолжала занимать-

ся своим любимым делом – кройкой и шитьем. А после вступления в колхоз, к ее занятиям прибавилось также табаководство, ставшее в конечном итоге для нее главным.

Еще до войны, муж Гулизы, Степан, оказался в исправительной колонии за участие в убийстве одного односельчанина. За семь лет отсутствия мужа, Гулиза выполняла все без исключения работы – как женские, так и мужские, вплоть до прополки кукурузы и сбора винограда на высоких деревьях. Ездил на рынок для реализации излишка зерна, вина и других продуктов питания, хотя торговля у абхазов была, как известно, далеко непочетным занятием. Своим трудом она не давала детям почувствовать недостатка ни в еде, ни в одежде. Более того, осиротевшие братья, Тема и Леуа Джалагониа и Цнариа Кыпса, которых в свое время крестил ее муж, переселились к ней. Для этих подростков Гулиза стала второй матерью. Один из них, Леуа, не ушел от нее до совершеннолетия.

Гулиза отличалась редким гостеприимством и сердечностью. Когда в село приезжали гости из района, руководители колхоза, обычно, приглашали их в дом Хардзалиа.

В 1970 году муж Гулизы умер. С тех пор она живет в одиночестве (дочери – семейные, живут отдельно, к тому же старшей, Любе, уже 73 и является она прабабушкой). Тем не менее, если не считать утраченных зубов, Гулиза не знает что такое болезнь. До сих пор она справляется с приготовлением пищи, выращиванием овощей и другими более или менее легкими работами. А при необходимости, ей помогают родственники; и соседи. Часто Гулизу навещает и Аргун Хазарат – вышеназванный профессор Абхазского государственного университета, которого она усыновила после возвращения его с фронта. Хазарат был ближайшим другом и однокурсником ее сына. Поэтому он является самым желанным гостем в ее доме.

После непродолжительной беседы, Гулиза поклялась именем своего сына, что пока не угостит, она нас не отпустит.

При этом старушка попросила моего проводника, Водика, помочь ей накрыть на стол.

– Не стесняйтесь, нан, ешьте и пейте! Представьте себе, что рядом с вами сидит мой сын, Джумка. Он любил посидеть с друзьями. – говорила Гулиза, всячески скрывая свое горе. Просто, она хотела поднять нам настроение.

ДЖАПОУ ТАРАШ И ДЖАПУПХА МАКТИНА

Мне очень много лет. Не меньше 120. Ты спрашиваешь, откуда я знаю? Скажу. Около тридцати лет тому назад умер один мой однофамилец – Джапоу Мхаджир. Моя мать говорила, что он был моим ровесником. Его наречили Мхаджир, в честь уехавших в том году в махаджирство родственников²⁰. Ну-ка, посчитай, сколько лет прошло с тех пор. – говорит Тарант, когда я спросил о том, когда он родился.

– 105, – отвечаю я

– Нет! Ты ошибаешься. Мне больше, – твердит он.

– Как звали Вашего отца? – спрашиваю я.

– Я сын Джапоу Маныху, того самого, который на народном сходе, состоявшемся в Гагре, скакал на необъезженном турецком коне, – ответил он гордо.

В Абжуйской Абхазии нет, наверное, человека, который бы не знал Джапоу Тараша, старейшего жителя предгорного села Отап, знаменитого винодела и великого юмориста, бессменного члена совета старейшин района и солиста прославленного в нашей стране ансамбля абхазских долгожителей «Нартаа».

Тараша можно встретить в любом уголке республики: на свадьбах, похоронах, поминках, скачках. И, как правило, всегда одет он в черкеску, которая так хорошо сидит на нем. Судя

²⁰ Махаджирство – (от араб, мухаджерет – переселение) процесс массовой миграции кавказцев, в том числе абхазов в Турцию и другие страны Ближнего Востока, имевшее место в XIX в. во время Кавказской и Русско-Турецкой войны.

по тому, как Тараш держится в обществе, можно подумать, что этот жизнерадостный старик никогда ни на что не жаловался, жизнь у него была полна одних удач и радостных событий. Но это не совсем так.

Неожиданно, в двадцать девять лет умер Маныху – отец Тараша. Мать Тараша была второй женой отца. С первой он развелся, имея от нее три сына. Вскоре умерла и мать Тараша. В это время первая жена была уже замужем в с. Пакуашь, где и воспитывала она своих детей от отца Тараша, Маныху. Тараш и его две младшие сестры остались в доме без присмотра. Тогда первая жена их отца, проявила исключительную сердечность – этих сирот она переселила в свой дом. Только в двадцать лет Тараш вернулся в отчий дом, где живет и в настоящее время. Таким образом, в молодые и зрелые годы Тарашу приходилось работать очень много, как он об этом говорит, «с рассвета до захода солнца».

В годы организации коллективного хозяйства, Тараша выбрали председателем в местечке Мрамба. Однако, отдельные члены этого производства, у которых возникло сомнение в преимуществе колхоза, вышли из него. «Раз Тараш-хага (так называли его, шутя, за то, что он был на вид легкомысленным) руководитель, то дело это не серьезное», – подумали они. Но не прошло и двух месяцев, Тараш нашел со всеми общий язык и дело пошло как нельзя лучше.

Сообщая о своих физических данных, Тараш говорит: «В молодости я часто проводил время в горах, где пасли скот братья Кысоу и Пена Аршба. Около стоянки собиралось много ребят – любителей играть аимцакьяча. Пена заодно устраивал соревнования по борьбе. В них принимал участие и я. Но не было случая, чтобы кто-нибудь меня переборол. Единственным моим соперником был Амичба Гуакь из Тхина – молодой человек небольшого роста, но жилистый и очень ловкий. Победители награждались небольшими кожаными тесемками. Я эти тесемки хранил долго, но потом растерял.

Во время большого снега наш буйвол упал в пропасть. Не смотря на то, что мои братья Нестор и Леуантиа, были старше меня, они тянули скотину за рога, чтобы вытащить его, а я один – за хвост.

В ловкости же трудно было также со мной сравниться. Однажды, в селе Пакуашь был какой-то праздник. Молодежь играла в аймцакбача. В углу поляны, где проходил праздник, устроили перепляс. Мой родственник, всеми уважаемый Джинджал Басят, пустил меня танцевать с дочерью Арыш Хацакбач, Хьыкуа. Молодая и очень красивая была она. Вот, танцуя с ней, я видел мяч, упавший прямо между мною и ею. Я поднял его и стрелой помчался к воротам. Бросив мяч в ворота, я вернулся обратно и продолжил танцевать. Люди, стоявшие вокруг нас, вовсе не успели заметить мое отсутствие».

В прошлом Тараш увлекался также верховой ездой. Как он говорит, без лошади не мог жить. Покупал скакунов. Не раз он ездил в Карачаевск, Кабарду, Адыгею и другие районы Северного Кавказа. Он ездил туда еще в составе телохранителей князя Францыза Ачба, особенно в Сванетию, откуда была родом его жена. Вместе с ним гостил в доме сванского князя Тенгиза Дадешкелиани. В начале двадцатых годов Тараш являлся членом военной экспедиции, созданной для ликвидации антисоветских элементов на территории Абхазии, в частности в пограничном районе со Сванетией. За проявленную храбрость и преданность Советской власти командующий этой экспедицией подарил ему именное ружье.

В брак Тараш вступил поздно, когда ему уже было больше пятидесяти лет. То есть это было в тридцатых годах, как раз в том году, когда он работал в Мрамбе в качестве председателя колхоза.

– «Иду по просёлочной дороге и вижу идёт навстречу мне молодая девушка. Она сразу приглянулась мне. Когда она поравнялась со мной, я повернулся к ней и схватил ее за талию.

– Ты кто, сумасшедший? – спросила она меня удивленно.

– Нет. Нормальный. Выходи за меня замуж.

Так мы и познакомились с ней, хотя долгое время она все-ррез не принимала моего предложения. Ей было тогда сем-надцать лет. Я женился еще и потому, что в свое время мне нравилась ее мать, ныне моя теща, которая моложе меня на шесть лет. Хотел отомстить ей».

А когда я спросил жену Тараша, Валю, правда это или нет, она засмеялась и сказала: «есть и правда, есть и ложь».

У них три сына и две дочери. От старшего сына, Тото Ад-жапуа – композитора и певца Абхазской государственной ка-пеллы» имеют одного внука.

Жизнью своей, Тараш, доволен. Она стала еще больше интересной после вступления в ансамбль долгожителей. Он с гордостью рассказывает, как этот коллектив занял первое место во Всемирном фестивале этнографических ансамблей, проводившемся в Будапеште в 1974 году, и привез с собой «Золотой павлин».

В заключении отмечу, что в роду Тараша были еще не-сколько долгожителей. Как, например, старший брат его, Не-стор, прожил до ста лет.

– «Если бы не его единственный сын, – говорит Тараш о своем брате, – то он мог бы быть в живых и сегодня. Он был очень здоровый человек».

Сын Нестора, будучи девятнадцатилетним, работал пред-седателем сельсовета в 1942 году и погиб от пули вражеского десантника. Нестор похоронил его во дворе, справа от вход-ных ворот. Он вместе со своей женой до последних дней сво-ей жизни спал у могилы сына.

Долгую жизнь прожили также двоюродный брат Тараша, Ка-рач-ипа Джапоу Куакуа, и дедушка Кунач, перевалившие за сто.

Дальше речь пойдет о 90-летней жительнице того же се-ления Джапыупха Мактине – жене вышеназванного Джапоу Куакуа, скончавшегося лет двенадцать тому назад в возрасте более, чем сто лет.

Мактина или Машькуала, как ее звали до замужества, родилась в нуклеарной семье одного из крупных скотоводов с. Гуада Хатхуа Хауд. По счету Мактина была предпоследним ребенком из шести душ детей в семье: Естественно, поэтому она очень рано познала физический труд, сначала как помощница матери, затем вместе со старшими сестрами, занимавшимися различными делами домашнего хозяйства. Уже в 12–13 лет Мактина самостоятельно готовила пищу для всей семьи, вязала, ткала, шила, обрабатывала шерсть, лен. Без помощи извне она сама приготовила себе ряд элементов приданного: полотенца, наволочки, простыни, скатерти, занавески и пр. Бывало, что Мактина, как и другие ее сестры ездили вместе с отцом в горы, где он пас скот каждое лето. И там она не могла сидеть без дела; занималась вязанием носков, как для себя, так и для других членов семьи.

Замуж Мактина вышла примерно, в 22–24 года. Муж был старше ее на 22 года, но он выглядел моложе своих лет.

– «Я была уверена, что он трудолюбив и может создать семью, к тому же выглядел весьма недурно», – поясняет Мактина свое решение выйти за Джапоу Куакуа. Действительно, Куакуа славился как великолепный крестьянин, умеющий, как говорится, по-мужски трудиться и по-мужски есть. И Мактина была «ненасытной» по отношению к труду – она могла работать и днем и ночью. Вскоре Куакуа и Мактина построили новый двухэтажный дом. Затем пошли дети – 12 душ. И, что интересно, деторождение никогда не мешало ей в хозяйственном быту, и наоборот, хозяйство – в воспитании детей. Старшей дочери сейчас 65 лет, младшей – 43. Четверо детей умерли еще совсем маленькими, средняя дочь – в 40 лет. От единственного сына и остальных дочерей она имеет 18 внуков и 20 правнуков

Из братьев и сестер у Мактины уже никого нет. Умерли. И долгожителей в ее роду не было, во всяком случае, она таких не помнит.

В колхозе Мактина занималась главным образом питомниковым хозяйством – табачной рассадой. В общественном же быту она была бессменной распорядительницей свадебной и похоронной церемонии. Помимо всего этого, и до сего дня она не расстается своими любимыми занятиями – вязанием, тканьем и шитьем. Видит и слышит хорошо. Ходит еще довольно быстро. Как сообщают ее соседи и родственники, она не может без физического труда, чем-то должна заниматься. Не сидится. Утром встает очень рано. Готовит пищу. В хорошие дни занимается огородничеством. Выращивает кольраби, из которого она делает соленье, разные сорта перца, бахчевые и т. д. и т.п.

Как правило, днем несколько раз отдыхает, но без сна. В более молодые годы она не знала, что такое дневной сон.

Еще одна «профессия» у Мактины. Это народное акушерство. Она занималась им более четырех десятков лет. За все это время она приняла сотни родов. И, как правило, всегда удачно. «У Мактины волшебные руки», – говорили ее односельчане.

– Что способствует долголетию? – спрашиваю я Мактину в конце нашей беседы.

– Труд и желание делать людям добро, – отвечает она. И в этом она уверена²¹.

КУЦНИА КУАТ И АЮДЗЫ ЛЕУАРСАН

«Если среди абхазских долгожителей есть человек, желающий себе еще одного долголетия, то это в первую очередь Хабаху-ипа Куцниа Куат». Так говорят все, кто его близко знает. И что интересно, – каждый из них скажет, что Куат выглядит сегодня так же, как в тот день, когда его впервые увидел.

Действительно, Куат считает себя счастливым не только потому, что без старости он уже перевалил за сто лет, но и

²¹ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та, А. 23.

потому, что все без исключения его потомки стали такими, каким он хотел их увидеть. От сына и двух дочерей Куат имеет десять внуков и восемнадцать правнуков. Одни из них заняты общественно-полезным трудом, другие еще учатся в высших или средне-образовательных школах. Есть и совсем маленькие, которые едва начинают ходить.

Традиция долгожительства была характерна и для родных Куата. Его отец, Хабаху, прожил более 90 лет, дед – отец Хабахуа, Гыд, – 100. Глубокими старцами умерли и братья отца – Баджы, Таджара и Бабыгу. Долгую жизнь прожила, говорят, также и бабушка – жена Гыда, Воупха Кътат. Когда Куат родился, все они жили вместе, в одном доме и вели общее хозяйство. У Баджы было двое детей – Марикуа и Никуа. Двух детей имел также Таджара – Надю и Сикуа. Бабыгу четверых.

Сегментация этой большой семьи на малые началась еще при жизни дедушки и бабушки. Первым отделился Баджы, через год за ним последовал Хабаху – отец Куата, затем и Таджара и Бабыгу. Дома они построили в одном общем дворе, отцовском.

Невестки по очереди ухаживали за стариками, готовили им еду. «Старики сами предпочли жить отдельно, чтоб не чувствовать себя обузой для остальных», – так объясняет Куат этот вовсе нехарактерный для семейных отношений абхазов факт.

При сегментации основное хозяйство семьи, представлявшее главным образом большое стадо мелкого рогатого скота (как он говорит, до тысячи голов), было разделено между братьями почти поровну, с незначительным преимуществом старшему (аихаб ихутаа). А на долю отца, как наставника, определили еще больше. Каждый из них имел отдельно и скотники. Однако, во время нахождения в горных пастбищах, братья пасли скот вместе, при необходимости отпуская друг друга для выполнения земледельческих работ на приусадебном участке. При этом Куат отмечает еще, что земля у них

была мало пригодна для возделывания зерна. Поэтому им приходилось обменивать скот и шерсть на продукты земледелия у жителей более плодородных равнинных земель.

Куат, как единственный сын у отца, с детства начал заниматься хозяйством. Уже, будучи шестнадцатилетним юношей, он стал самостоятельно пасти скот даже в горах. Было и такое время, что количество его скота доходило до 800 голов.

В 1920 году, когда в крае правили меньшевики, жилые постройки семьи Куаты сгорели дотла. Это было делом рук меньшевиков, но они пустили слух, будто это сделали большевики. Отец был уже стар. И Куат при помощи односельчан построил амацрту из рододендрона и акуска – дощатый дом из каштана на сваях. Затем он научился мастерить столы, стулья и прочие предметы домашней утвари.

Вскоре, после этого Куат женился. Как он предполагает, ему было тогда около 50 или 55 лет, а жене – 20-22 года (она умерла четыре года назад в возрасте 72 лет).

Коллективизацию Куат встретил с радостью, хотя он не вполне еще понимал ее значение. И дальнейшая трудовая биография его неразрывно связана с колхозной фермой, где он проработал до глубокой старости.

– «Еще когда я учился в седьмом классе, – говорит Куцниа Отар, внук Куата – учитель по образованию, – я с дедушкой ходил в горы и все лето находился вместе с ним на стоянке, помогал ему в пастушеских долах. В свободное время он учил меня стрелять из охотничьего ружья. Дедушка и сам очень любил ружье и часто ходил на охоту».

Куата и сейчас влечет охота. Если бы не ноги, которые у него постоянно болят, он мог бы до сих пор ходить на охоту, так как отлично видит и стреляет метко. Болезнь ног у Куата началась еще в молодые годы. Он находился в горах, когда неожиданно испортилась погода – выпал снег. Как нарочно, в негодность пришла и его обувь из сыромятой кожи, а чинить ее не было времени. Нужно было перегнать скот. В резуль-

тате, больше, чем половина дороги прошел босиком. Теперь даже в летнее время ноги у него немеют, трудно ходить. Тоску по охоте, он начал даже курить.

– «В молодости не курил, но табак брал с собой, когда отправлялся на охоту, чтобы определить направление ветра».

Таким образом, почти вся сознательная жизнь нашего героя связана с пастушеством, с горами и охотой. Исключения составляют годы Великой Отечественной войны, когда он работал в основном в поле: выращивал всевозможные сельскохозяйственные культуры.

Чтобы он ни делал, Куат всю свою жизнь отличался спокойным нравом, хладнокровным отношением к делу. Ни в какие ссоры он, как правило, не вступал, – спокойно выслушивал собеседника, если даже тот был неправ.

Трудовой деятельностью, связанной как с молодостью, так и зрелостью его, Куат доволен. Доволен он и жизнью.

Вот уже пять или шесть лет прошло, как Куат стал «домашним» человеком. Из приусадебного участка он выходит редко, а если все-таки выйдет, то это для того, чтобы выгнать скот в лес. Сидеть без дела не может. Хоть мало, но он, должен обязательно поработать. Иногда поухаживает за виноградником, мандариновым садом и пр.

Куат каждый день встает очень рано. Разведение огня он считает своей священной обязанностью. По его мнению, огонь божественное создание, поэтому он должен гореть на очаге постоянно.

Пищу Куат принимает вместе со всеми своими домочадцами. Он очень не любит, когда в это время кто-то из членов семьи отсутствует. Из блюд всегда предпочитал и предпочитает молочные. Видимо, сказывается многолетняя привычка.

Как правило, днем не может спать. И здесь дает знать б себе привычная бдительность пастуха.

Куат не очень любит, когда за ним кто-то ухаживает, но ему уже приходится мириться с таким положением вещей.

Невестки ухаживают за ним как за своим отцом. И этим он гордится.

В заключение я еще раз спрашиваю Куата о его возрасте. «В годы Махаджирства (1877–78) я был таким, как вот этот ребенок» – показывает он мне своего шестилетнего правнука. Значит, Куату сейчас 112–115. Ошибка может быть, но не больше, чем на два-три года в ту или иную сторону.

Недалеко от Куцниа Куата, в селе Атара, живет еще один долгожитель – Мамсыр-ипа Аюдзы Леуарсан (по-рус. Авидзба). Но, по сравнению с Куатом, он еще молодой – ему всего лишь 90 лет.

Свидетельством о рождении Леуарсана является Маршан Хаитбей, с которым, как он говорит, родился в один день. Хаитбей – сын князя – в свое время получил образование, ежегодно отмечает свои именины.

Отец Леуарсана, Мамсыр, как и многие другие абхазские махаджиры, долгое время жил в Турции. После смерти родителей он вернулся на родину, оставив могилы ближайших родственников на чужбине. Здесь женился на Джапоу-пха Адгенис, которая родила ему четверых детей. Леуарсан был третьим. Старшая сестра умерла недавно в возрасте 96 лет, средняя живет в с. Кутол. Младший брат умер в юности. В молодости умерла и мать. Отец женился второй раз. От этого, второго брака отца у Леуарсана еще две сестры.

Мамсыр – отец Леуарсана – прожил ровно сто лет.

О Леуарсане Атарцы отзываются как о хорошем крестьянине, никогда не жаловавшемся на недостаток. Обычно о таких людях говорят: «по-мужски трудится – по-мужски ест».

Леуарсан – типичный земледелец, всю свою жизнь занимался и занимается до сих пор выращиванием кукурузы и виноделием. Но вместе с тем он разводил и разводит скот, особенно мелкий. Кстати, в тот день, когда я был у него, мне пришлось прождать около двух часов. Он пас коз далеко в лесу.

В зрелости Леуарсан работал и в руководящих органах села. Несколько лет он являлся председателем сельсовета, затем – колхоза. Женился Леуарсан где-то в тридцать пять лет, еще при жизни отца. Жене было 24-25 лет. Ее зовут Арыш-пха Уард. Как нередко это бывало у абхазов в прошлом, он женился тайно от ее родителей. Это произошло так.

Уард приехала к родственникам в село Атара, где осталась на несколько дней. Увидев ее, Леуарсан сделал ей предложение через жену Кокоба Кьыскьиндж, дяди Уарда по матери. После упорных отказов Уард согласилась выйти за Леуарсана.

В то время Уард и ее младшая сестра воспитывались в семье родного брата отца, так как родители их умерли несколько раньше до этого. Итак, без ведома её родственников, Леуарсан вместе со своими друзьями тайно увел Уард из дома Кокоба. Только утром следующего дня родственникам Уард стало известно, что она вышла замуж. Больше года Аршбовцы не общались ни с Уард, ни с зятем, ни с семьей Кокоба. На последнюю они обиделись за то, что не сберегла девушку. Но потом время сгладило все обиды, стороны помирились. Через три года после этого Уард родила первого ребенка, а еще через некоторое время появились и другие. От дочери и двух сыновей Леуарсан имеет сейчас десять внуков и три правнука.

Леуарсан живет со старшим сыном, имеющим двоих детей.

Невестка очень услужливая женщина, и он уважает и любит ее, как свою дочь.

Отзываясь о своей невестке так хорошо, Леуарсан убеждал меня, в том, что неудачный брак укорачивает жизнь человека и, что долголетие во многом определяется моральным климатом семьи.

– «Большую пользу приносит также, – говорит он, – равномерное чередование труда и отдыха. Я ходил в горы подряд восемь лет. И каждый раз после отдыха в горах я чувствовал

себя великолепно. Недалеко от нас живет один старик, который всю свою сознательную жизнь провел в горах – пас скот. Ему больше ста-ста десяти лет. Вот тебе и горы».

– Как его зовут? – спросил я.

– Куцниа Куат. Когда я еле-еле мог держаться на коне, ему было 25-30 лет, может быть и 40. Он славился уже как хороший охотник.

По натуре Леуарсан спокойный, уравновешенный человек. Всегда он знал, чего хотел. А хотел он жить и трудиться спокойно, не мешая другому, но вместе с тем, не позволяя никому вольности по отношению к себе. Такая жизненная установка развилась в нем еще в раннем возрасте. Леуарсан хочет, чтобы этого принципа придерживалась и его сыновья, внуки и правнуки.

Несмотря на спокойный нрав и малоразговорчивость, Леуарсан может быть хорошим информатором, способным ответить на многие вопросы, представляющие этнографический интерес. В частности, благодаря ему я уточнил отдельные детали брачно-семейных отношений у абхазов в прошлом.

1. Из специальной литературы мы знаем, что в быту абхазов имел место обычай вступления в брак путем нарезания на люльку, в которую укладывали девочку. Делалось это по обоюдному согласию родителей обоих детей – мальчика и девочки. Случалось, что взрослый молодой человек тоже делал «нарезание», для самого себя²². Но нигде не говорится, кем и как этот брак заключался.

Леуарсан рассказывает: «Когда происходила церемония «нарезания», родители девочки устраивали угощение. В свою очередь и жених приносил маленькой девочке подарки. Он делал ценные подарки матери. С этого дня этот молодой человек становился зятем данной семьи. Следовательно, он не имел права жениться на другой девушке. Не могла отказать-

²² Ш. Д. Инал-ипа, Очерки по истории брака и семьи у абхазов, Сухуми, 1964 г.

ся от него и она, девочка, будучи уже взрослой. В противном случае отказавшемуся лицу строго запрещалось вступление в брак раньше другого лица. Во избежание всевозможных неприятностей, обычай этот никто почти не нарушал».

2. Бывали случаи, что мужчина дернул девушку за руку, которая отказала ему выйти за него замуж. Это считалось своего рода оскорблением и нередко приравнялось к изнасилованию (лцва пичит). Поэтому, родители, братья и другие ближайшие родственники насильно выдавали ее за того, кто ее «опозорил», ибо после этого на ней никто не женился бы более. А если молодой человек уклонялся от требования родственников девушки, то последние наказывали его обычно нанесением ему какого-нибудь шрама.

3. Мужчина имел право наказать, как правило, побоями того кто умышленно женился на той девушке, которая была помолвлена с ним. Оскорблению подлежала и она, но только словесно или, в крайнем случае, дерганием руки. Если вступлению в брак девушки содействовали ее родственники, то и они могли быть наказанными тем мужчиной.

4. В случае распада семьи по вине мужа, жена имела право требовать от него (так как при разводе женщина возвращалась в родительский дом) компенсацию убытков. Но если в этом была виновата женщина, то муж мог выгнать ее из дома и жениться на другой женщине. В первом случае делили и детей – девочек отдавали отцу, мальчиков – матери, а во втором – женщину лишали материнства.

5. Если разведенный мужчина женился на другой женщине, и она родила ему детей, то те дети, которые жили с матерью, не пользовались правом на наследование имущества отца. Наследством пользовались лишь младшие. Но если от второй жены мужчина не имел детей, то наследство переходило к старшим сыновьям.

Правда, я несколько отошел от основной темы; но, на мой взгляд, эти сообщения интересны не только сами по себе, но

и тем, что девяностолетний старец помнит их хорошо. Как известно, возраст и память находятся в сильной взаимосвязи и взаимообусловленности. Но Леуарсан – исключение²³.

ДАЧИА ТЕМЫР И ГУАРЗАЛИА САРДИОН

Часто бывает, что дети не похожи на своих родителей, не только по внешности, но и по характеру, нравам и жизненной установкой...

Отец 98-летнего жителя села Тхица Дачиа Темыр, Шьыгу, считался заядлым скотокрадом. Объектом его «деятельности» служили породистые лошади, за которыми он ездил далеко – в Карачаевск, Кабарду и другие районы Северного Кавказа. Менее престижную скотину доставал и здесь, в Абжуйской Абхазии.

Говорят, что Шьыгу, будучи прикованным к постели, позвал к себе своего сына, Темыра и говорит ему: «Угости меня! куском ночной добычи». Темыр сделал вид, что пошел воровать, а на самом деле заколол козла из своего собственного стада. Когда он преподнес козлятину больному отцу, тот встал, сел за стол и съел весь свой кусок «добычи». И... скончался.

У Темыра были три брата и четыре сестры. Не говоря уж о сестрах, все они – и старший брат, Алыкьса, и младшие – Арушан и Рабстан, презирали воровство, считая его социальным злом. Сам Темыр всю свою жизнь занимался земледелием и виноделием. Как до колхоза, так и после его организации, он работал всегда много. Он вместе с Бигуаа Уартаном – первым председателем колхоза данного села, Шама Тарашом (Шамба) и другими активистами закладывал фундамент общественного производства. Вступая в колхоз, он подарил ему двух быков и двух буйволов. Позже колхоз продал их и купил себе автомашину. Впрочем, Темыр имел всегда собственную

²³ Полевой материал автора 1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24.

арбу, на которой он нередко возил в больницу больных. Поэтому тхинцы, шутя, называли эту арбу «скорой помощью».

В брак Темыр вступил, когда ему было около пятидесяти лет. Жена была моложе его, примерно, на двадцать пять лет. И она родила ему одиннадцать душ детей. Пятеро из них умерли в детстве, остальные живы и здоровы. Сейчас Темыр имеет двенадцать внуков и пять правнуков.

После женитьбы Темыра и других его братьев, он со своей семьей остался в отцовском доме. Но дом этот был уже стар. Поэтому он снес его, а на том месте построил большой дом на высоких железобетонных сваях, крытый черепицей. Помимо того, Темыр систематически оказывал материальную помощь всем четверым сестрам, мужа которых погибли на фронте. Сам он тоже принимал самое деятельное участие в уничтожении врага на перевалах абхазских гор, за что награжден медалями: «За отвагу», «За доблестный труд во время Отечественной войны» и др.

ТЕМЫР, как и всякий другой абхазский земледелец, выполнил все без исключения работы, связанные с полем: весной производил чистку земельного участка, вспахивал его, сеял семена, и пахал вторично, боронил, летом мотыжил два раза, осенью собирал урожай. Во всех этих делах ему помогали жена и дети. В дни, когда кончались полевые работы, он вместе со старшим сыном перегонял домашний скот на горные пастбища, где находился до наступления холодов. По его словам, за это время восстанавливались его силы.

По своей природе Темыр физически крепкий, и на вид он плотного телосложения, среднего роста. По характеру был спокойный, никогда ни с кем не ссорился. Как правило, разговаривал он очень мало, как говорится, даром слово не терял.

Поскольку Темыр отличался исключительным трудолюбием, детей своих он рано приобщил к физической работе. При чем всего этого Темыр добивался методом убеждения и своим личным примером.

– «Отец нас никогда не бил, даже не ругал, можно сказать, но почему-то мы, дети всегда его боялись. В его присутствии никто из нас не мог не только пошалить, но и разговаривать громко. Бывало, что его в доме нет, дети шумят, на замечания матери не реагируют, но стоило только сказать: «отец идет» как наступала гробовая тишина», – рассказывает его дочь, Заира – педагог по профессии. Зато дети были всегда в достатке. И дом Темыра считался гостеприимным, богатым добротой и улыбкой его хозяина.

Несмотря на пережитое им горе, связанное со смертью детей и гибелью зятьев, Темыр не сломался, был бодр и работал как в личном, так и общественном хозяйстве до глубокой старости. Лет шестнадцать назад умер его старший брат Алыкьса, которого он боготворил. Недавно умерла жена Алыкьса. И, когда соседи рыли ей могилу, кто-то из них нечаянно лопатой задел стенку могилы Алыкьсы и пробил насквозь. В этот момент Темыр увидел тело своего брата. Оно было в целой сохранности.

– «После этого случая наш отец сильно изменился, стал часто болеть и горевать» – говорит Заира.

Сейчас Темыру 98 лет.

Заметим еще, что отец Темыра, Шьыгу прожил до ста лет, а мать его, Митуар (Качыл) по фамилии Гогуа из Ачампазра – 112. лет.

Другого тхинского долгожителя зовут Хабаджа-ипа Гуарзалиа (гозолия) Сардиан. Ему, как он предполагает, девяносто с чем-то лет.

– «В год Большого снега я уже брился, но к самостоятельным решениям серьезных хозяйственных вопросов меня не допускали, так как старшие знали, что суровость природных условий требовала особую осторожность. К тому же для серьезных работ были более серьезные и сильные рабочие руки – руки отца, дяди и старших братьев. Я занимался главным образом уходом за буйволами: в кормушку им клал сено, гнал

их на водопой по снежной тропе и т. д. В доме же поддерживал огонь в очаге, помогал женщинам приносить воду. Я вовсе не стеснялся помогать женской половине дома, так как все остальные мужчины были старше меня.

Сардиан родился в трехпоколенной большой семье состоятельного крестьянина Гоуарзалиа Быда, схематическая структура которой выглядела так:

Быда и его жена	
с. Джгъау и его жена	с. Хабаджа и его жена
внч. Баджы	внч. Чыку
внч. Кафа	внч. Чына
внч. Минас	внч. Тарас
внч. Мама	внч. Нестор
	внч. Гуадзон
	внч. Сардион

Эта семья, состояла из 16 человек, жила в одном большом доме, имел собственные амхары – плетеные из рододендрона круглые сооружения с остроконечной крышей, крытой из соломы, специально строящиеся для новобрачных. Дедушка и бабушка жили в амацурте. С ними жили также некоторые внуки и внучки. Рядом с амацуртой стояла гостиная – акуаскья.

Большая семья, в которой родился и вырос Сардиан, располагала и большим хозяйственным потенциалом: двадцатью десятинами земельных угодий, двадцатью-тридцатью головами крупного рогатого скота. В нем имелось также до двухсот ульев. Из зерновых она выращивала кукурузу, немного пшеницы, пшено двух разновидностей – ашырдз и ахурдз, бобы. Женщины возделывали помимо огородных, бахчевых и прочих, лен, коноплю и хлопок – технические культуры, необходимые для производства тканей. Важное значение в хозяй-

ственном быту семьи имело виноделие, ибо она, как и весь род Гуазалиа, славилась своим гостеприимством.

Отец Сардиана, Хабаджа, отделился от отцовского дома через четыре года после смерти дедушки, хотя по обычаю это должен был сделать старший брат. Мотивом такого решения служил авторитет старшего брата, Джгъау, которого называли «аизарауаю», так как он был большим общественником; на сходах, собраниях, судебных процессах присутствие Джгъау считалось обязательным. Поэтому Хабаджа говорит своему старшему брату:

– «В нашем отцовском доме должен жить ты, как наиболее способный продолжить славу нашего отца, а я, кроме пастушеского дела, ничего не знаю».

Хозяйство было разделено поровну: и земля, и скот, и виноградник, и пасека. В первых порах Хабаджа со своей семьей жил в амхаре, построенной еще перед женитьбой, а попозже он построил амацурту и акуаскья в двухстах метрах от отцовского дома.

– «Когда молочный брат моего отца и дядьки, князь Дзапш-ипа Чычын, услышал о том, что наша семья разделилась, – рассказывает Сардиан, – примчался к нам и обиженно спросил: «Почему вы не сообщили мне об этом?». «Между нами не было никаких разногласий, потому и решили не беспокоить тебя Чычын ухацкы»²⁴, – ответил мой дядя.

Это было еще до Большого снега, и Сардиан считался подростком.

Живя отдельно, отец Сардиана развел до 300 коз и овец, и тем самым он стал одним из крупных скотохозяев в данном селении. Скот пасли в основном старшие братья Сардиана, а сам он больше занимался земледельческими работами. Но когда ему было, приблизительно, 15–16 лет, он переселился на три года в дом его дяди по матери в качестве ачныр (наемного пастуха), так как те имели очень много скота и сами

²⁴ Ухацкы – форма уважительного обращения.

не справлялись. Через три года Сардиан вернулся обратно в отцовский дом с десятками голов мелкого рогатого скота.

Таким образом, с раннего возраста Сардиан начал приобщаться к физическому труду, занимаясь то пастушеством, то земледелием. Где-то в двадцатых годах умер его отец. Вскоре семейные братья стали отделяться и жить отдельно. Сардиан один вместе с незамужними сестрами остался в отцовском доме. На его плечи легло все хозяйство. В начале колхозного строительства он становится одним из первых его членов. Некоторое время в колхозе Сардиан выращивал табак и кукурузу, затем, с закладкой чайных плантаций, – чай.

В конце тридцатых годов он женился в возрасте сорока пяти лет или чуть больше. Жена, Бигуаапха Бабуца, была моложе его в два раза. В 1942 году Сардиан, имея уже ребенка, пошел на фронт. Вместе с ним, в один день призвали еще одиннадцать человек из с. Тхина, а вернулись только трое. После первого ранения он лежал в госпитале, в Баку, второй раз он получил тяжелое ранение, это было в Новороссийске. После этого, он был зачислен в рабочий батальон, но раны стали беспокоить часто, и в 1944 году демобилизовался. С тех пор работал в колхозе – строил общественные здания.

Трудно было Сардиану особенно в период восстановления народного хозяйства. Дети еще не выросли, жена, как многодетная мать, не могла работать в полную силу. Ему одному приходилось вести хозяйство – и общественное, и личное. Доходы от колхоза были незначительны, едва покрывали налоги.

С взрослением детей, Сардиан постепенно начал освобождаться от тяжелых работ. Всего у него детей семь – четыре сына и три дочери.

Сейчас он радуется внукам и правнукам. Однако, он не может не сожалеть о том, что жена его не успела насладиться всей этой радостью, – она умерла лет двадцать назад от инфаркта, не дожив и полных сорока лет.

В настоящее время Сардиан живет вместе с семейным сыном – трактористом колхоза, Борисом.

Невесткой своей он очень доволен, Просто счастлив, что сын женился так удачно: рождает здоровых детей, чистоplotная, хлебосольная, на редкость услужливая и вежливая. Естественно поэтому и сам он относится к ней как к своей дочери, по возможности помогает ей по домашнему хозяйству, при необходимости и за детьми присмотрит. В хорошую погоду Сардиан оказывает посильную помощь и сыну, заменяя его во многих домашних делах: поддерживает в доме огонь, потихонечку сходит за дровами, поухаживает за скотом и т. д.

Словом, судя по тому, как он сейчас выглядит, Сардион должен прожить до ста лет. Он никогда не болел, если бы не ноги, беспокоящие его часто ранения от осколков, то мог бы работать физически еще более интенсивно – здоровье позволяет. К тому же, если верить теории наследственности, то заметим, что почти все ближайшие родственники Сардиана по прямой и боковой линии были долгожителями. Так, например, бабушка и отец умерли в 90 лет, дядя, Джгъау – в 100, столько же прожил и сын последнего, Баджы. До глубокой старости жили также и сестры, Чыку и Чына, и братья, Тарас и Нестор.

На вопрос, пьет ли Сардион сейчас вино, он ответил: Да, конечно пью, но немного и то с теми, кто умеет пить и знает цену крестьянского труда²⁵.

КУАРЧИА МАХЪАЛ

Петра-ипа Куарчия Махъал, о котором пойдет этот рассказ, родился и вырос в селе Ткуарчал, расположенном близ одноименного города абхазских горняков. На вид он довольно худощав, среднего роста, с типичным для абхазов орлиным носом и седыми усами, спокойными и умными глазами.

²⁵ Полевой материал автора 1982 г. Архив Абх. ин-та. А. 23.

Отец Махьала, Куарчия Петра, был известен в общине кик высоко нравственный, умудренный жизненным опытом человек: без него не решали ни один общественный вопрос. Мать была также женщиной редкого ума, умело управляла домашними делами. Большим авторитетом в семье пользовалась бабушка Махьала, которая знала и охотно рассказывала ему много забавных сказок.

Махьал был первым ребенком в семье (позже появились два брата и сестра), поэтому его рано приобщили к физическому труду. С 7–8 лет он помогал отцу в полевых работах: во время пахоты поил и кормил волов, при плетении забора подавал отцу хворост, заливал воду в заранее подготовленные дыры земли, куда забивались колья.

В детстве Махьал перенес тиф. После этого он два-три года ничего не делал по хозяйству. Только когда полностью выздоровел и окреп, опять начал трудиться.

– «В 12–14 лет, – говорит он, – я один справлялся с сохой, ходил на прополку кукурузы, заготавливал и привозил на арбе дрова».

Однако отец, привлекая его к участию в трудовой деятельности семьи, категорически запрещал ему выполнять тяжелые, непосильные для него работы. Махьал рассказывал:

– «Мой отец был одновременно строг и добр. Если при посторонних он не допускал нас, детей, к себе и делал вид, что вовсе не замечает, то когда у очага собирались только члены семьи, он сажал кого-нибудь из нас на колени и ласково разговаривал».

Здесь вспомнишь слова Н. М. Альбова, который писал: «Относясь к детям с любовью и заботой, абхазы стараются по мере возможности не загружать их... Телесных наказаний – не только розг, но и более невинных, вроде щелчков, дранья за волосы и т. п., при воспитании совершенно не практикуют»²⁶.

²⁶ Н.М. Альбов. Этнографические наблюдения в Абхазии. ЖС, вып. 3, СПб, 1893, с. 317–318.

Трудовая деятельность Махьала в основном была связана с земледелием. На альпийские пастбища, где обычно проводила каждое лето большинство современных долгожителей этой страны, он поднимался лишь от случая к случаю.

В год Большого снега, по которому ориентируются неграмотные старики, когда выясняют свой возраст, Махьалу было 25 лет.

В юности Махьал отличался крепким телосложением и ловкостью. Любил возиться со скакунами: укрощал необъезженных коней, участвовал в состязаниях, которые проводились в селе раз в году, а также на свадьбах и поминках. Тот же Н. А. Альбов отмечал, что «выработка хорошо править лошадью входит существенным элементом в программу абхазско-го воспитания»²⁷.

Советскую власть Махьал встретил с радостью.

– «Впервые и я почувствовал Новый закон (так называют старики Советскую власть – В. Б.) тогда, когда перестали делать подношения по праздникам нашему князю Шьмаф Ачба», – сказал он.

В середине 20-х годов, когда Махьалу было 39–40 лет, он женился на молодой девушке из соседнего селения Арасадзыхь по фамилии Хаджимба (ей было лет 18-19). «Будь мой отец менее авторитетным, хаджимбы не выдали бы ее за меня», – сказал Махьал, сообщая о достоинстве и красоте своей жены, извинившись заранее за столь «нескромное» высказывание. У них родились пять девочек.

В конце 30-х годов дом Махьала посетило горе. Старшая дочь, когда ей исполнилось 15 лет, сорвалась с висячего моста и попала под проходящую машину. За этим последовали другие несчастья: умерла мать, вскоре после этого и отец.

Когда Махьал стал главой семьи, ему приходилось много работать. Он обычно поздно ложился и очень рано вставал. Во время Великой Отечественной войны, когда в армию ушли

²⁷ Н.М Альбов. Там же, с. 311.

все молодые мужчины, он занимал то должность бригадира, то – звеньевого. «Как бы мне трудно ни было, – говорит он, – я всегда чувствовал локоть моей жены, заменившей мне всех, кого не хватало».

Так в трудностях и заботах провел Махьал и последующие годы. Однако его семья никогда не знала материальной нужды. В доме всегда хватало еды. Пищу принимали обычно три раза в день и, как правило, каждый раз горячую. На зиму резали быка, козленка, домашних птиц, ели копченое мясо, ачаюр (комбинированная смесь молочных продуктов, напоминающая сметану), сыр и пр. Летом употребляли вареное мясо, но не чаще одного-двух раз в 15 дней. Основу питания составляли растительные и молочные продукты. Овощей и фруктов употребляли столько, сколько хотели. Часто жена готовила аиладж – разновидность крутой каши из кукурузной муки, приготовляемой со свежим сыром и медом, являвшийся любимым блюдом семьи.

Даже после 80 лет Махьал не чувствовал старости и был бодрым. Но после смерти жены и двух дочерей душевные и физические силы Махьала стали сдавать.

В настоящее время Махьал живет в доме один. Физически еще крепок и справляется с основной работой по дому. Дочери, проживающие в г. Ткварчели, а также и другие родственники оказывают ему при необходимости помощь в ведении хозяйства.

Недавно младшая дочь предложила старику переселиться в ее дом. Но он категорически отказался.

– «Пока на ногах стою, я не дам гаснуть отцовскому очагу и не покину еще не успевшую остыть могилу твоей матери», – сказал он ей в ответ.

Он не из тех, кто опускает руки в горе. Его всегда отличали спокойный нрав и общительность.

Благодаря своим личным качествам Махьал пользовался большим авторитетом среди односельчан. На свадьбах его часто выбирали тамадой или руководителем в ашапе (навес,

где проходит свадебный пир). На похоронах он также был руководителем траурной церемонии, в которой принимало участие несколько сот человек. Сейчас он уже не может выполнять эти обязанности, но за торжественным столом ему предоставляют первое слово и право избрать тамаду, как это принято во всей Абхазии. Среди однофамильцев он пользуется непререкаемым авторитетом; для каждого из них является «ахыбаю». В свою очередь и Махьал сознает свою полезность и полноценность в обществе²⁸.

КАРХАЛАА-ПХА ГУАПХАНАШЬ

Несколько по-иному сложилась судьба 92-летней Кархалаапха Гуапханашь – одной из тех абхазок, которые чувствуют в себе силы прожить «мафусаилов век»²⁹. Родилась она в поселке Аражвпара Гупской общины, в неразделенной семье, состоявшей из отца, матери, сестры, дедушки, бабушки, трех дядей и двух теток по агнатной линии. Основой экономической жизни семьи служило животноводческое хозяйство, в котором главную роль играл мелкий рогатый скот.

Дедушка из-за своего старческого возраста был уже лишь почетным главой семьи. Фактически ею руководил отец Гуапханашь, Гага, который, в отличие от своих младших братьев, занимавшихся скотоводством, постоянно находился дома и занимался земледелием. Плодородной земли было мало, и урожая кукурузы едва хватало семье. Поэтому семья выменивала у жителей равнин на скот, мед и воск, зерно и солому. Когда Гуапханашь была подростком, умерли дедушка и бабушка в возрасте 110–120 лет. Затем отец отделился от своих

²⁸ Полевой материал автора, собранного в 1980 г. В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей. – Феномен долгожительства...

²⁹ По ее словам, в год Большого снега Гуапханашь было 22–23 года. Информация записана автором в 1980 г.

братьев. Однако его уход от них носил лишь юридический характер: жил он со своей семьей в той же амхаре – плетеном из рододендрона жилище, построенном им специально перед женитьбой в качестве брачного помещения, его доля скота находилась в общем стаде. Даже после удачного возвращения с охоты, на которую он регулярно ходил, добрую половину оставлял своим братьям.

В 1911 году отец, не имевший сына, взял на воспитание мальчика. Но ему не суждено было вырастить ребенка, он умер от воспаления легких, не дожив и до 65 лет. Гуапханашь и ее старшей сестре приходилось помогать своей овдовевшей матери не только в таких «женских делах», как обработка шерсти, хлопка, льна, шелка и т. п., но и в поле, выполняя буквально все работы, связанные с возделыванием зерновых, бобовых и других необходимых культур. В доме они занимались выделкой ковров, простыней, полотенцев и др. бытовых предметов, из которых должно было состоять их приданое.

Через некоторое время старшая сестра вышла замуж и переселилась в соседнее село Акуаскья. На Гуапханашь фактически легли все работы по хозяйству. Сама она могла выйти замуж лишь тогда, когда приемному брату исполнится 16 лет, когда ему будет разрешено самостоятельно пахать и засеивать поле.

Когда это время пришло, Гуапханашь вышла замуж. Ее мужем стал молодой пастух Куаста – один из семи сыновей крупнейшего скотохозяина в селе Отап Куталиа Сет. Попав в большую семью, насчитывавшую более 20 человек, Гуапханашь занималась стиркой, уборкой, приготовлением пищи, ухаживала за стариками и старшими братьями мужа, по отношению которым соблюдала обычай избегания³⁰. Почитания старших родственников супруга является до сих пор одной, из обязательных норм поведения абхазской невестки. В свою

³⁰ Свекор умер в 100–105 лет, не услышав от нее ни одного слова.

очередь и первые относятся к невестке с почтительностью, в обращении с ней придерживаются максимальной корректности. Случаи грубых отношений между ними строго порицаются общественным мнением. Напротив, свекор и свекровь, а также и более дальние представители старейшин рода являются опорой и поддержкой невестки при возникновении каких-то ссор с мужем.

Стремясь сделать все дела по хозяйству, Гуапханашь ела в последнюю очередь и ложилась позже всех. Как младшая невестка, Гуапханашь, брала на себя все обязанности по приему гостей: готовила им пищу, накрывала на стол и т. д.

Спустя 5–6 лет после замужества Гуапханашь родила дочь затем – еще двух.

После организации колхоза муж Гуапханашь, Куталиа Куаста, отделился от большой семьи и построил себе дом недалеко от отцовского дома.

Гуапханашь выращивала на колхозных полях табак – весьма трудоемкую культуру.

Когда Гуапханашь и Куаста поняли, что у них уже не будет своих детей, они взяли на воспитание мальчика. Через 15 лет после этого умер Куаста. С тех пор прошло около 30 лет. Дочери вышли замуж, женился и приемный сын. Гуапханашь довольна невесткой: она трудолюбива, послушна, никогда не пререкается со старшими. Лет восемь назад, семья, руководимая теперь сыном, переселилась в село Моква, где проживает в собственном двухэтажном доме.

Сын и невестка – рабочие эфиромасличного совхоза, а Гуапханашь нянчит детей. Всего у Гуапханашь 22 внука. В свое время она продолжала горевать из-за того, что четыре года назад в возрасте 100 лет скончалась ее сестра, однако в целом она считает себя счастливой, и как сама поведала, готова прожить еще пару десятков лет³¹.

³¹ Полевой материал автора, собранного в 1980 г. В. Л. Бигвава. Из биографии двух абхазских долгожителей – Феномен долгожительства...

ХАРАЗИА КУТИА И БЕБИА МАХТЫ

Мы сидим под тутовым деревом, стоящим, по середине просторного травянистого двора. Не упуская нити, разговора с хозяином, я зачастую смотрю на юг. Отсюда, со двора дома старейшего жителя села Хуап Муса ипа Харазиа Кутиа, как на ладони открывается зеленая панорама приморской полосы, напоминающей огромный сказочный ковер. За ней простирается безграничная водная гладь, откуда дует ласковый морской ветерок.

– «Не знаю, сколько мне лет, – говорит Кутиа, но думаю, что не меньше ста десяти. В год Большого снега я перешагивал приличный возраст. В те времена мужчина вступал в брак не раньше, чем в тридцать-тридцать пять лет. Помню, выпал снег. Очень большой снег. Продвигаться без снегоступов (ашваюа) невозможно было. Замерзшие собаки взбирались на соломенные крыши домов, под которыми непрерывно горел огонь. Рано утром к нам явился наш сосед по имени Хашиг Куата, и попросил меня отправиться вместе с ним в апста – горное ущелье, где застрял его старший брат со скотом. Видимо, узнав о случившемся, в пути нас догнало еще несколько молодых односельчан. Шли мы медленно, шаг за шагом преодолевая трудности. Дороги-то не видно было, ориентировались по холмам и деревьям. С приближением к стоянке, мы дали несколько выстрелов в воздух. Услышав нас, пастух и сам выстрелил из ружья. Его радость не имела предела. На следующий день мы с ним двинулись обратно домой. Впереди шел сам пастух, которого покорно слушался скот, за ним пустили больших козлов, способных пробивать дорогу стаду коз и овец, количество которых превышало пятисот голов. Так мы выбрались из апста целыми и невредимыми. В доме Хашиг было устроено затем торжественное угощение».

Относительно своего возраста Кутиа сообщает еще, что он родился после Махаджирства. Значит, ему меньше, чем он

предполагает. Но насколько? В похозяйственной книге годом рождения нашего геронта значится 1887 г. Однако, в сельсовете исходили из церковного материала, свидетельствующего о дате его крещения. Сам же Кутия помнит, что его крестили, он был, примерно, четырехлетним мальчиком. Следовательно, сейчас ему 100–101.

Родился и вырос Кутия в неразделенной большой семье, состоявшей из родителей, трех детей, дедушки и бабушки, женатого дяди с детьми и двух незамужних тетушек по отцовской линии. Во главе семьи стоял дед, Джаджа. После смерти дедушки некоторое время ею руководил старший брат отца Тедж, но через два-три года он отделился. При разделе же хозяйства, к отцу, Мусе, перешло около двух с половиной десятин земли, триста голов мелкого рогатого скота, четыре дойных коровы, два буйвола, лошадь и более ста ульев. В общем пользовании оставалась мельница.

С раннего возраста Кутия был связан с животноводческим хозяйством. Летом, как правило, скот он пас в горах, весной и осенью – в ущельях рек, а зимой выгонял в окрестности своего села. Старший брат больше работал по дому: выращивал зерно, бобовые культуры, ухаживал за виноградником, пасекой и крупным рогатым скотом. О нем говорили «аюны агуы змоу», что переводится как «тот, кто всем сердцем с домом». Напротив, Кутия называли человеком вне дома, жителем гор – «абна илоу», «ашьхауаю». И на самом деле, он даже в свободное от пастушества время отдавал себя охотничьему делу, неоднократно бывал в таких труднодоступных горах, как Дзышра, Куанш, Хагишыха, Чхы, Макадыркра, Амаржар-ашта и др.

Кутия женился поздно после сорока лет. Жена моложе его на двадцать лет, но сейчас выглядит она намного старше своих лет. У них было пятеро детей, но последний ребенок умер еще в детском возрасте. Сейчас старики живут со старшим сыном, которому уже шестьдесят лет. От своих детей они имеют девять внуков и два правнука.

После организации колхоза, Кутия пошел на ферму, в которую сам отдал пятьдесят голов коз и овец и пару тягловых быков.

– «Для чего держать скот в личном хозяйстве. Весь скот нужно отдать колхозу. Всех будет кормить, поить и одевать колхоз!» – твердили руководители нашего села. У тех, кто добровольно не давал, насильно отбирали. Такими поступками они противопоставляли крестьян колхозу. Сколько нервов стоило все это! – с негодованием вспоминает старик перегибы, имевшие место в деятельности тогдашней местной власти. В настоящее время молодежь немного зазналась. После окончания школы молодые люди уезжают в города:– кто в Гудаута, кто в Сухуми. Чего им не хватает? В дворцах живут. Подобных жилищ мы в глаза не видали. К каждому дому поступает вода, газ регулярно привозят. Радио и телевизор у всех. Между нашим селом и городом курсируют пассажирские автобусы. Всего двенадцать километров. Чай, табак – работай и получай деньги. Ведь это счастье!»

Жена Кутия занималась табаководством, являвшимся в селе Хуап ведущей отраслью общественного производства в прошлом, А сам Кутия к земледельческим работам начал приобщаться в основном после того, как старший брат построил себе дом и стал жить со своей семьей отдельно. С течением времени подросли и дети, которые по мере возможности все больше и больше освобождали его от полевых работ. Так он проработал пастухом 65 лет, проводя больше половины всей своей пастушеской жизни в горах. И до настоящего времени Кутия чувствует себя неплохо: утром встает вместе с восходом солнца, разводит огонь и ухаживает за скотом, – иначе он не может.

Когда наша беседа с Харазиа Кутия подходила к концу, я задал ему последний и традиционный вопрос: «Как Вы думаете, что способствовало Вашему долголетию?»

Большое терпение, плюс жизнь в горах, – ответил он уверенно.

Умение чувствовать пульс своего народа – природный дар отдельных его представителей. Причем, для этого обязательно быть высокообразованным.

93-летний житель того же села Хуап Хуамахья ипа Бебиа Махты совершенно неграмотный. Но его волнует все, что волнует лучшие умы в Абхазии.

– «Процесс сокращения детности нужно приостановить, иначе он приведет наш и без того малочисленный народ к нежелательным последствиям. Ведь это и государственный вопрос. И еще как можно читать книги того писателя или ученого, дети которого не владеют тем языком, на котором он пишет? Почему же нельзя сделать так, чтобы дети наши учились на родном языке не только до четвертого, но и до десятого класса? Разве у нас нет для этого необходимых условий? Думаю, что есть. Учиться на своем, наиболее близком и понятном языке – значит получить больше знаний и идти дальше».

Вот с чего начал разговор Махты, когда я сообщил ему, что работаю в Абхазском научно-исследовательском институте и что изучаю этнографию абхазов. После долгой «обороны» от многочисленных и далеко не легких для меня вопросов хозяина, я понял, что Махты имеет полное право говорить на важную социальную тему: сам он – отец двенадцати детей и дедушка пятнадцати внуков!

Махты воспитал столько детей не потому, что жил в полном материальном достатке и душевном спокойствии. Еще в самом раннем возрасте он потерял отца. Мать его, оставаясь вдовой, без существенной помощи извне, вырастила троих детей, но вскоре в дом Бебиа поселилось горе: в один год от малярии умерли обе старшие сестры Махты, у матери остался один он. В то время они жили в соседнем селе Джирхуа, расположенном ниже Хуап. А когда Махты вырос и стал самостоятельно управлять хозяйством, он вместе с матерью переселился в Хуап, где он живет и по сей день. Собственноручно Махты построил амацурта и аганюны – плетеные жилища из орешника с зем-

ляным полом и четырехскатной крышей из соломы³². Вначале приусадебный участок не давал ничего, кроме кукурузы, фасоли «овощей, так как он был еще необжит. Только спустя ряд лет Махты развел несколько коров и более ста голов коз и овец.

Примерно в 22–23 года Махты женился, но от вторых родов жена умерла, оставив ему сына и дочь. Второй раз женился на женщине, которая была моложе его на 31 год, т. е. довольно поздно. Она родила ему десять детей. Сын от первой жены погиб на фронте, дочь замужем, живет в с. Ачандара. Несколько лет тому назад два его сына попали в аварию и погибли. Все остальные живы, здоровы, имеют семьи.

Как правило, каждый год, в начале лета, после окончания основных работ по дому, Махты перегонял скот в альпийские пастбища, пас его до наступления осенних холодов. В период прополки кукурузы, оставив скот под присмотр других пастухов, вместе с которыми он входил в агуп (объединение)³³, спускался в село и завершал работу. В зимние месяцы скот держал на подножном корму в окрестностях своего села, как это делали и другие владельцы скота.

После коллективизации Махты стал колхозным пастухом и проработал им в общей сложности более двадцати лет. Затем перешел на полевые работы. Где бы ни был – в животноводстве или в полеводстве, он распределял свое рабочее время так, что успевал делать все дела, связанные как с общественным, так и личным подсобным хозяйством. Вместе с тем, Махты умел организовывать и здоровый отдых. В молодости, в свободное время он вместе со своими сверстниками устраивал различного рода спортивные состязания – аимцакча, арккыл-асра и национальные игры³⁴. Любимейшим занятием

³² Плетенные жилища строились у абхазов обычно, из рододендрона, но в с. Хуап его нет.

³³ См. Ц. Н. Бжаниа. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сухуми, 1973, Ш. Д. Инал-ипа. Абхазы. Сухуми, 1965.

³⁴ См. О. В. Вахания. Абхазские народные игры. Сухуми, 1959; его же. – Игры народов СССР. М.: Физкультура и спорт, 1985.

Махты была также охота. На его счету несколько десятков медведей, диких кабанов, шакалов и других зверей, зачастую наносивших ущерб крестьянскому хозяйству.

В зрелые годы Махты стал одним из наиболее уважаемых людей в данном селе, на которых возлагалось руководство свадебными и погребальными обрядами. При этом он отличался красноречием и большим знанием обычаев предков. Махты умел также пить, не пьянея, и достойно проводить любой торжественный стол.

Энергичным и крепким человеком был Махты. Об этом можно судить и по тому, как он сейчас выглядит: густо покрытый сединой, широкоплечий старец среднего роста со слабо сторбленным носом и живыми сероголубыми глазами, под которыми виднеются глубоко прорезанные морщинами темные, как бы обгорелые щеки.

Ходит Махты медленным шагом, но уверенно, как бы давняя знать земле, что идет ее хозяин. Каждый его выход из дома диктуется определенной хозяйственно-бытовой необходимостью. Если Махты в повседневной одежде и в руке держит цалду, то это значит, что он собрался в лес за дровами или на пастбище за скотом, а если одет в черкеску, опоясанную серебряным кинжалом, на голове башлык, на ногах кавказские сапоги – отправляется далеко, на свадьбу или на похороны. Во всех, без исключения, предприятиях семейной и общественной жизни Махты принимает до сих пор самое деятельное участие: как старейший и умудренный жизненным опытом член своего рода, он является советчиком в наиболее важных делах. Под его началом проводятся фамильные сходы и моления, естественно, поэтому он носит священное имя «хцашьку» – «обладатель нашей родовой свечи».

В конце беседы с Махты я спросил его о секретах долголетия.

«В благоприятных условиях человек должен прожить да ста лет. За всю свою жизнь он преодолеет четыре возрастные

ступени: детство, юность, зрелость и старость. В детстве человеку присуще стремление к юношеству, в юности – к зрелости. Старости-то никто не любит, но и она, по своему, красива. Стремление к знанию, стремление к прекрасному, что украшает жизнь, двигает человека, делает его более выносливым и сильным как физически, так и духом. Вот – в движении основной секрет долголетия»³⁵.

НИКО МАРГИАНИ, ГЕОРГИЙ ЦЕРЕДИАНИ И АЛИХАН АПРАСИДЗЕ

Село Арцхел (Мулахский сельсовет) занимает небольшое плато, что на правом склоне бурной реки Ингури – недалеко» от того места, где берет она свое начало. За ним уже начинается зона альпийских лугов, а еще выше – вечных снегов и ледников. Внизу простирается то зеленое и шумное ущелье, откуда поднимается извилистая дорога, соединяющая селение с районным Местией – центром Сванетии.

По своей природе люди здесь сильные и выносливые, ибо естественно-климатические условия сами учат их с самого раннего детства трудолюбию.

Нико Маргиани, с которого начинается этот рассказ – рассказ о трех сванских долгожителях, ходит по этой древней земле ровно 100 лет. Из них более, чем девяносто он отдал крестьянскому труду.

Родился Нико в малой трехпоколенной семье, состоявшей из дедушки и бабушки, отца и матери. Он был первым ребенком в семье. За ним следовали брат и пять сестер. Естественно, поэтому Нико стал помогать отцу, порою и дедушке, очень рано, буквально во всех хозяйственных делах. Семья располагала большой землей как пахотной, так и сенокосной. «Сенокосной земли было столько, – рассказывает он, – сколь-

³⁵ Полевой материал автора 1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24.

ко отец и дедушка могли косить в течение пятнадцати дней. И все-таки сена не хватало. Его привозили еще с гор, так как скота было также много: четыре-пять дойных коров, три пары быков, более десяти овец».

Из злачных культур семья Маргиани выращивала ячмень, кукурузу, выращивала также горох, фасоль и пр. бобы.

Главное занятие Нико в времен детства составляло овцеводство. Он пас овец в окрестностях селения. Уже 14 лет принимал участие и в перегоне их на альпийские пастбища, самостоятельно косил сено на склонах гор, заготавливал дрова в ущелье.

– «В детстве, как и всякий ребенок, – говорит Нико, – работать не очень любил, но и отказываться от нее нельзя было. Старшим подчиняться нужно. Но уже в юности труд стал для меня потребностью жизни. Как правило, работа была всегда тяжелая, и работать приходилось много. Но поскольку она стала уже привычкой, большой усталости не чувствовал. Более того, труд никогда не вызывал отрицательных эмоций, потому что я хорошо понимал хозяйственные потребности моей семьи. Для того чтобы нам всем жилось хорошо, надо было работать хорошо».

Обычно с большей энергией Нико работал до обеда, а работать приходилось больше и дольше весной и летом. Когда у было много работы, вставал очень рано, а ложился поздно. В зрелые годы привык ложиться и днем на часок. «Дневной сон помогает человеку быть здоровым», – говорит он.

Раньше, когда освобождался от собственных работ, через перевал ходил в Кабарду и Балкарию, косил сено. Много раз бывал в Абхазии, в частности в Члоу, Тхина, Адзюбжа, Ачгуара и др. селах, занимался прополкой кукурузы. Одним словом, был в какой-то мере отходником.

В настоящее время Нико чувствует некоторую слабость, физической работой не занимается. К тому же у него есть кому заниматься ею. По утрам встает после восхода солнца,

ложится рано вечером, но спит неважно. Пищу он принимает, как правило, три раза в день, но ест мало. «Аппетит появляется после работы, а я не работаю, потому и есть особенно не хочется», – жалуется Нико. Единственное, чем он может заниматься, это ходить к соседям, поговорить со сверстниками, стариками.

Алкогольными напитками Нико не увлекался. Пил от случая к случаю. Но мог пить много, потому, зная его возможности, соседи часто выбирали тамадой на различных торжествах.

Нико верующий. Часто ходит в церковь.

Пройденной жизнью Нико доволен. Доволен и своей семьей. Здесь, в Арцхел, с ним живут его младший сын Нодари, женатый и имеющий детей, и дочь, Натела. Старший сын, Гриша Маргиани – доктор исторических наук, известный советский ученый – заведует отделом Института истории, археологии и этнографии им. Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР, и живет в Тбилиси. Вообще у Нико два сына и четыре дочери, от которых он имеет 13 внуков.

Георгию Цередиани, о котором речь пойдет дальше, 105 лет. Живет он в с. Латали, расположенном несколько ниже от Местии.

Георгий, как и Нико Маргиани, доволен своей жизнью, хотя она у него была далеко несладкой. «Я доволен жизнью своей, потому что потомство мое растет в здоровье», – говорит он.

Забегая несколько вперед отмечу, что Георгий живет вместе с семейным сыном, имеющим семь душ детей. Всего у Георгия были пять сыновей и одна дочь, но трое из них умерли. Он радуется своими внуками и правнуками, число которых приближается к тридцати.

Лет восемь назад умерла его жена. За ним, как за родным отцом, ухаживает невестка, Федора Парджиани. И он любит ее как свою единственную дочь.

Теперь о жизненном пути нашего информатора.

Георгий Цередиани родился в малой нуклеарной семье. В детстве лишился родителей. У него были еще брат и две сестры. После смерти родителей, дядя Георгия по отцу отделился от своей семьи и вместе с женой и детьми переселился в дом умершего брата, Гагуса – отца Георгия. Он и воспитал, и вырастил Георгия вместе с братом и сестрами в своем доме.

В свою очередь и отец Георгия оставил детям большое хозяйство: 20 наджем пахатной и 19 наджем сенокосной земли, 15 голов крупного рогатого скота, пару волов, более двадцати овец, до ста коз, лошадь. Когда Георгий вырос, дядя построил себе отдельный дом и отделился. Георгий стал главой семьи и ее главным кормильцем. Он говорит, что, именно потому его не взяли в армию во время первой мировой войны, хотя тогда ему было где-то 35–36 лет.

Собственной семьей Георгий обзавелся несколько поздно, жена была моложе его на 10–15 лет.

До колхоза он занимался главным образом своим хозяйством. Выращивал зерновые и бобовые культуры. Летом скот перегонял на альпийские пастбища, зимой держал его в основном в скотнике. В общине был и такой порядок: отдельные скотохозяева договаривались пасти скот поочередно, обычно по пятнадцать дней. Это давало им возможность заниматься одновременно и земледельческими работами.

До колхозов Георгий увлекался также заготовкой лесоматериала, который он продавал жителям приморских районов, главным образом Мегрелам.

С организацией же колхоза Георгий стал заниматься и общественным хозяйством. В нем он, как и другие жители села, выращивал пшеницу, ячмень, заготавливал сено для фермы в горах, которое привозил на санях. Кстати, Георгий был известен еще и как мастер по изготовлению саней. Он умел также плести корзины различных размеров и форм, применяемые при сборе урожая.

Георгий, в силу сложившихся в его жизни обстоятельств, довольно рано приобщился к физическому труду, поэтому он стал для него привычной формой движения. Но работал он умеренно, не надрываясь. В течение рабочего дня отдыхал три-четыре раза, а во время обеденного перерыва любил поспать на часок или полтора. В целом же трудовая нагрузка его была большая, но никогда на нее не жаловался. Сильный был, трудности преодолевал легко.

Больше всего, с полной отдачей сил, Георгий работал до обеда. А из времен, года наиболее трудоемкими он считает лето и осень, когда полевые работы требуют больших сил.

Работал Георгий всю свою жизнь исключительно на свежем воздухе, за исключением тех зимних дней, когда он занимался плетением корзин в закрытом помещении.

До последних двух десятилетий он ездил иногда на заработки – косил сено, копал землю. Таким образом, он неоднократно бывал в Мегрелии, Карачаевске, Балкарии, Абхазии. Ездил также в Кутаиси за солью, в которой часто нуждалось население Латали.

Как правило, Георгий раньше ел три раза в день. Сейчас он жалуется на свой аппетит. «Когда физически не работаешь, и есть не хочется. Без труда нет жизни», – говорит Георгий.

На вопрос, что способствует долголетию, он ответил: «трудолюбие и хладнокровие».

Третьим по счету информатором из числа долголетних людей Сванетии является жительница сел. Бечо Алихан Апрашидзе. Но по возрасту своему она вторая, после Георгия Цередиани. Ей 104 года.

Жизнь, прожитая Алихан, была трудная. Родилась она в селении Ецери (по сван. Хецер) в многочисленной семье четырех братьев – Хантук, Николоз, Епкул и Мыза. Мыза – отец. Алихан – был моложе всех. Он имел двоих сыновей и пять дочерей. Алихан была последним ребенком по возрасту.

Когда семье, состоявшей более чем из двадцати человек, стало тесно, братья начали отделяться от отцовского дома. В результате раздела хозяйства и имущества, Мыза – отец Алихан – остался в отцовском доме, но с кусочком земли, которая по своим размерам не могла кормить семью. Продукты питания, которые выращивали на ней, едва хватало до марта-апреля.

Практически негде было косить и сено, от чего зависело содержание скота – основы хозяйства семьи. Нужда заставила Мызу пойти на службу к племянникам Татархана Дадешкелиани, Тенгизу и Левану, сборщиком дани. Это вызвало на него подозрительное отношение со стороны односельчан. Даже близкие родственники начали отворачиваться от него. Тогда Мыза покинул родной очаг и переехал на постоянное местожительство в село Бечо, где сейчас живет Алихан. В этом ему помогли воспитанники его тещи, Бекурти и Джансуг Дадешкелиани, под покровительством которых находилось это селение. Здесь Мыза купил землю, построил дом и стал жить спокойно, без стеснения. Но вскоре спокойная и радостная жизнь семьи Апраксидзе оборвалась внезапной смертью старших, братьев Алихан. Через несколько лет от инфекционной болезни скончались и ее родители. Замуж вышли сестры. В отцовском доме осталась одна. Алихан. Так началось время одиночества. Тогда ей было примерно 20–22 года, жизнь научила ее в одинаковой мере справляться и с ткацким станком, и с пахотным орудием.

После организации колхозного производства, Алихан стала одним из первых его членом: выращивала пшеницу, ячмень, фасоль и другие культуры, которые имелись в селе.

Работала Алихан с утра до вечера, в течение всего рабочего времени отдыхала не более двух-трех раз. Но в полдень, как это делало подавляющее большинство долгожителей, спать она не ложилась. Некогда было. Готовила пищу. Обычно ела три раза в день, но бывали случаи, когда за обедом домой не

ходила. Горячую пищу принимала один раз, как правило, во время ужина.

Естественно, что режим ее труда, на который особое внимание обращают геронтологи, отличался исключительной тишиной и обилием свежего горного воздуха. По ее словам, труд делал Алихан сильной и выносливой. Степень физической нагрузки, по ее оценке, была небольшой. Она не встречала такой работы, которую нельзя было осилить. К любому виду работы Алихан относилась спокойно, без каких-либо признаков нервозности. Напротив, «без работы не прожила бы и половины своих лет, сам бог не мог оторвать меня от работы, работа двигала меня», – рассказывает она. Результаты же труда ее радовали. Она жила стремлением делать больше и чувствовать себя не хуже других. «Если отстану от жизни, что подумают люди?» Эта мысль никогда не покидала Алихан.

Двигательная деятельность Алихан была связана не только с домом и хозяйством. Часто она ездила в Джвари, где обычно приобретала предметы первой необходимости, а также к сестре, проживавшей в Абхазии. (Мархбаул).

Говоря о своих поездках за пределы Сванетии, Алихан «по секрету» сказала мне, что всю жизнь она носила с собой пистолет, служивший для нее надежным другом, «Однажды, – говорит она, – я ехала верхом на лошади в Мегрелию. Не доезжая до Джвари, в ущелье меня догнал один молодой человек. Пользуясь отсутствием, людей, он стал давать мне намеки на непристойные связи со мной. Я мигом; вытащила пистолет и... мой «герой» тут же исчез».

По натуре же Алихан была человеком спокойного нрава. Никогда ни с кем не ругалась, не враждовала. Только с женой ее дяди часто приходилось ссориться, так как та упрекала Алихан в «захвате» отцовского имущества.

Алихан не знает, что такое лекарство. Никогда не принимала его. Лишь в детстве болела один-единственный раз. По ее мнению, это было вызвано тем, что в церкви она взяла

какие-то крестики. А когда она их вернула, сразу выздоровела.

Небезынтересен и дневной хронометраж жизнедеятельности нашего информатора. Утром она встает рано. Вечером ложится спать довольно поздно. «Не спится», – говорит. Ходит к соседям, любит поговорить, Ждет, когда к ней приедет племянник, который систематически оказывает ей всяческую помощь. «Скучно, очень скучно, – говорит она, – когда работала, работа заменяла мне всех, кого у меня не было. Теперь и этой «подружки» лишилась. Силы нет».

– Почему в свое время не вышла замуж? – спрашиваю я, хотя неприятно задавать подобные вопросы старшим по возрасту, тем более представителям женского пола.

– Еще при жизни родителей я любила одного молодого человека по фамилии Субелиани, но выйти за него мне отец не разрешил. А потом не решалась. Просто так выйти замуж не хотела³⁶.

ДИОНОЗ ШАМУГИА, НАРИКИ ШАМУГИА, ИОСИФ КВАРАЦХЕЛИА И ЦИЦИНО КВАРАЦХЕЛИА

Жизнедеятельность старого охотника из предгорного села Мужава Цаленджихского района Дионоза Шамугиа неразрывно связана с горами. Этот столетний горец мечтает вновь увидеть горы Аджбаикуара, Кибо, Букустоу, Ашта, Башкапсара, Чамхара и др., расположенные, по его словам, слева от реки Ингури.

С самого раннего возраста начал он там пасти скот, а уже в юности занимался и охотой.

Любовь Дионоза к горной жизни традиционна. Его дед, зетем и отец, о которых с гордостью отзывается Дионоз, как

³⁶ Полевой материал автора '1983 г. Архив Абх. ин-та, А. 24. 5. В. Бигвава

крупные скотоводы не имели себе равных в данной общине. Они разводили главным образом коз и овец, количество которых порою доходило до трехсот и более голов. Находясь в летнее время в горах, они охотились на быстроногих туров, которые обычно обитают по крутым склонам гор.

Отец Дионоза, Пепу, имел шесть душ детей: четверо сыновей – Миха, Дионоз, Хухут, Лъау, – и двух девочек – Кетэ и Дзау. Дионоз приходился по счету вторым ребенком в семье. Поэтому он был одним из тех мужчин в семье, на которых держалось все хозяйство, начиная с полеводческого хозяйства, кончая скотоводческим. Физическая нагрузка его стала в двойне тяжелее ввиду смерти отца в возрасте 60–65 лет.

Забегая вперед отметим: если долгожительство идет по наследству, то Дионоз идет по стопам матери. Она прожила более, чем 100 лет.

Через год после смерти отца Миха – старший брат Дионоза – женился и отделился от семьи. Во главе хозяйства стал Дионоз. Он, как и раньше, занимался в основном скотоводством, ему часто приходилось принимать самое деятельное участие и в земледельческом хозяйстве. Весной под его руководством сеялись кукуруза и фасоль, затем, с наступлением теплых дней, он отправлялся на горные пастбища, а после прополки к нему поднимался один из братьев и помогал. Другой брат, оставшийся в доме, следил за земледельческим хозяйством, которым занимались также и сестры. Дионоз младших братьев в горы не отправлял, так как они не обладали достаточным опытом. Горы не прощают шуток или оплошностей.

Зимой, когда в лесах Мухава кончались корма, Дионоз отправлял скот в равнинные селения, где коз и овец разводили мало. Весной опять перегонял скот в предгорье, а летом в те же горные районы. Так он поступал до вступления в колхоз.

В брак Дионоз вступил сравнительно поздно, как он сам говорит, – в 35–36 лет. Жена его, Жена Лемонджава, родила ему троих сыновей и троих дочерей: Англишья, Датико, Аг-

ница, Татушь, Жьуй, Алико. Старше всех – Англишьа, которой сейчас 56 лет. Отсюда и выясняется, что Дионоз Допускает ошибку относительно его возраста вступления в брак. То есть тогда, по-видимому, ему было не меньше, чем в сорока лет, если даже жена родила первого ребенка через два-три года после женитьбы.

После рождения третьего ребенка, Дионоз отделился от отцовского дома, оставив в нем младших братьев. Поровну разделили они все хозяйство, в том числе и скот, хотя им занимался преимущественно сам Дионоз. С этого времени он работал на ферме, где держал и свое личное стадо, ведя одновременно также и земледельческое хозяйство. По необходимости пастухи освобождали друг друга по несколько дней. В свободное от основного занятия время Дионоз отправлялся еще на заработки. Он был великолепным строителем традиционных жилищ. Строил дома, главным образом, из тесанных досок и ставил их на сваи. Дом этот, покрывающийся дранью, называется одасахли.

Дионоз был по своей природе веселым человеком. Любил шутить, умел петь и танцевать хорошо, тем самым он всегда привлекал внимание молодых женщин. Он мог также пить много вина. А когда стал справляться с обязанностями почетных людей, его избирали тамадой, но никогда никто его не видел пьяным. Он всегда умел сдерживать себя. Вино Дионоз любит и сейчас, если посадить его с гостями, то выпьет до десяти стаканов «Изабеллы». Из блюд предпочтение отдает молочным продуктам, мясо ест не чаще одного-двух раз в неделю. Как правило, пищу принимает, как и в более молодые годы, три раза в день. Обычно это гоми – мамалыга из кукурузной муки с сыром, мацони. Он любит также лобио – вареную фасоль, заправленную аджикой и пряными травами.

Если не считать того, что несколько лет тому назад умерли два брата, то Дионоз не получал никаких стрессовых ударов. В семье у него все в порядке: сыновья и дочери живут

в окружении своих потомков, которыми он так гордится. «Продолжительность жизни зависит, – говорит Дионоз, – от семейного благополучия, от счастья детей. Если человек доволен своим потомством, если он не жалуется на свои жилищно-бытовые условия, если живет в таком хорошем селе, как Мужава, где живут хорошие люди, и дышат горным воздухом, то он не должен сдать свои позиции не раньше, чем через сто лет».

Заканчивая свой рассказ о Дионозе Шамугиа, мне хочется подчеркнуть еще одну особенность, которой, на мой взгляд, он отличается. Это дружелюбие.

Как в любом мегрельском доме, моя беседа с Дионозом закруглилась за обеденным столом. Перед тем, как сесть за стол, совершенно неожиданно для меня, он спрашивает меня по-абхазски: «абхазский язык знаешь?»

– Конечно, знаю, – отвечаю я.

– Молодец! – говорит он мне, на абхазском.

– Где Вы так научились абхазскому языку? – спросил я.

– Почти каждое лето я встречался с гальскими абхазами в горах.

Вместе пасли скот, вместе охотились. Вот, они и научили меня абхазскому языку. Они ведь были моими друзьями. Язык друга надо знать. Я их тоже научил мегрельскому. При этом, каждый раз они старались говорить со мной по-мегрельски, а я – по-абхазски.

Биография другого долгожителя того же селения Нарики Шамугиа простая. Тем более, что всю свою 90-летнюю жизнь он, провел холостяком.

Он не любит говорить о своем прошлом. А причину, почему не женился, совершенно не раскрывает. Просто, этот вопрос он обходит молчанием. Нарики, несмотря на старость, довольно симпатичный человек: выше среднего роста, крепкого телосложения, брюнет, с большими карими глазами и прямыми чертами лица.

Возраст его я установил верификационным методом.

– «В год Большого снега я находился в призывном возрасте, но в армию меня не взяли, так как семья моя оставалась без кормильца», – сказал Нарики, когда я спросил его, сколько ему лет.

Нарики был первым ребенком в семье. Следующий его брат, Махаз, еще не мог справляться с пахотным орудием. Остальные – Миша, Хута, Чахви и младшие сестры, Баджи и Кита, нуждались в присмотре со стороны взрослых. А отец серьезно болел, был прикован к постели. Он, как и другие его четыре женатые братья, жил с родителями. Дедушка и бабушка были уже нетрудоспособными. Они в свое время не разрешили сыновьям отделиться от дома. Только после их смерти семья распалась. Первым отделился отец Нарики, Коста. И буквально через несколько лет заболел. Семья Нарики жила недалеко ют отцовского дома – джинджи-куде. В начале у них стоял плетеный дом с земляным полом, т. е. пита-пицара, аналогичный абхазскому дому амацурта. Затем построили ода-сахли. Во всех делах отца Нарики, как самый взрослый сын, принимал непосредственное участие, а вскоре стал и основной фигурой в семье. Для этого он занимался даже заготовкой леса, из чего делали элементы остова домов.

Каждая малая семья Шамугиа жила отдельно и вела отдельное хозяйство, но при этом в общем пользовании были мельница, большой котел, остродонный кувшин, вскрывавшийся при молении Сагоронто, напоминающего абхазское анцварныхуара (моление богу). Когда собирали урожай винограда, каждая малая семья наливала в этот священный кувшин свою долю вина.

Отец Нарики умер лет пятьдесят назад в возрасте около 80 лет, а мать его – 22 года тому назад, приблизительно в таком же возрасте.

Нарики, как и его двоюродные братья – Дионоз и др. – имел большое хозяйство: около 20 голов крупного рогатого

скота, 90–100 голов коз и овец, несколько верховых и вьючных лошадей, выращивал кукурузу, бобы и пр. культуры. Нарики помнит еще то время, когда возделывали просо-гум двух видов, желтого–чита, и че–белого.

В колхозе Нарики работал со времени его организации вплоть до последних десяти лет. Он выращивал кукурузу, табак, собирал чай, тунг. Как глава семьи, Нарики нес основную тяжесть как личного, так и общественного хозяйства.

Далее речь идет о тех данных, которые я записал у него, исходя из вопросника по трудовой деятельности долгожителя.

Нарики начал приобщаться к физическому труду, примерно, с 9–10 лет. Обычно он помогал отцу. В частности, в этом возрасте он пас коз недалеко от дома, принимал участие в прополке кукурузы, водил за собой запряженных волов и т. д. Уже в 15–16 лет он стал действовать почти самостоятельно – пахать, возить груз на арбе. Работал с утра до вечера с кратковременными перерывами. В юности обеденный перерыв длился у него до трех-четырёх часов, а когда он стал главой семьи, это время несколько сократилось. В пожилом возрасте он начал отдыхать дольше и чаще.

На вопрос, чувствовал ли он нервную напряженность во время выполнения той или иной работы, ответил отрицательно. То есть для него любая работа принималась как привычное дело и поэтому она не вызывала у него отрицательных эмоций.

Как он говорит, наиболее интенсивно и охотно работалось ему в первой половине дня. После обеда работать не очень хотелось, более вяло чувствовал себя.

Самым тяжелым временем года Нарики считает осень, когда люди занимаются сборкой урожая.

Судя по разговору, Нарики, как и другие его ровесники, не может не работать, но здоровье подводит. Несколько лет тому назад, у него стали болеть ноги, особенно левая нога. За последнее время его беспокоит и левая рука, которая изо дня в день теряет жизнеспособность.

Что касается вопроса о его жизни в пожилом возрасте, то Нарики на него не может ответить однозначно. Видимо причина нерешительности ответить на этот вопрос в его несемейности, хотя об этом он не говорит ни слова.

Недельный режим нынешней жизнедеятельности Нарики:

По утрам встает между 8 и 10 часами. Пищу принимает два-три раза в день. Утром и вечером, но ест мало. Вино и водку не употребляет. Слабость, вызванная малоподвижностью, часто вызывает упадок силы. Поэтому в течение дня он отдыхает несколько раз, лежа на диване. Спать ложится тогда, когда и вся семья.

Живет Нарики в отцовском доме вместе с 72-летним братом, имеющим, в отличие от него, жену, детей и внуков. Главной семьи по традиции считается сам Нарики, но фактически им является его брат.

Следующего долгожителя зовут Иосиф Кварацхелиа. Живет он в селе Джгали, буквально у трассы, соединяющей его с районным центром.

Отметим сразу же, что Иосиф Кварацхелиа один из немногих, кто является участником двух войн и борьбы за установление Советской власти в крае. Он является также старейшим членом данного колхоза, становление и развитие которого связано и с его именем.

Иосиф родился в 1894 году в семье зажиточного мегрельского крестьянина Кеде Кварацхелиа.

В детстве судьба его сложилась неудачно. Еще восьмилетним мальчишкой он лишился матери Анны Гвинджилия, скончавшейся от ожогов. Через два года, после этого, отец вновь женился. На этот раз на Макринэ Белканиа. Мачеха Макринэ была не из тех, кто балует пасынка или падчерицу. Она заставляла Иосифа и его сестер, Шоу и Еле, заниматься всеми, без исключения, домашними делами, благодаря чему он очень рано научился жить самостоятельно. Вскоре семья его отца начала прибавляться. Мачеха Макринэ родила сына, затем пошли и другие.

Иосиф, как первенец среди детей в семье, рано взялся за физический труд. Не, говоря уже о более легких работах по домашнему хозяйству, которые ему приходилось выполнять ежедневно; в 12-13 летнем возрасте он занимался плетением забора, вспахиванием поля и т.д. и т.п.

В хозяйстве имелось большое количество крупного рогатого скота. Летом Иосиф вместе с дедушкой Бурдуг перегонял его в горы, главным образом в Гвандра, где берет свое начало река Хобисцкали, зимой пас в окрестностях своего селения. А когда пастбища здесь беднели, он отправлял скот в Поты, где стоял отцовский балаган, т. н. кера, крытый соломой. Аналогичная постройка имелась у них и в Гвандре, но в отличие от нее, та покрывалась дранью. Спал он на шкурах животных, которые называются куахьча³⁷. В качестве же одеяла служила бурка – набади. Иосиф никогда не расставался со своей пихтовой палкой – кети, сделанной им в горах еще в детстве. Дедушка носил всегда льабашья³⁸ – посох с длинным металлическим острием. Термином «куахьча» называется еще и накидка, которую носят на спине пастухи в ненастную погоду.

С наступлением же весны Иосиф и дедушка Бурдуг вновь отправлялись в горы. Нередко пастухи, в том числе и Иосиф, образовывали объединение – акошьакаура, напоминающее абхазское «агуп». Оно было выгодно не только как коллективное ведение хозяйства, но и как наиболее надежная форма самозащиты.

Иосиф очень любил охоту. И пастухи, зная это, освобождали его от пастушеских дел и отправляли на охоту за турьим мясом. Занятие это, по его словам, «доставляло неподдающееся объяснению огромное удовольствие».

В 1914 году Иосифа призвали в царскую армию, а в семнадцатом вернулся домой.

³⁷ Куахьча – от абх. «акуахьча», что буквально значит «накидка для спины».

³⁸ Льабашья – от абх. «алабашья», состоящего из двух слов: алаба палка и шья – колотая, говорящих о технике изготовления предмета.

– «Несколько позже, – вспоминает Иосиф, – я вошел в боевой революционный отряд крестьян», руководимый уроженцем села Мухури Свимо Толордава. Поскольку меньшевики сплели себе основное гнездо контрреволюции на территории Абхазии, наш отряд перешел реку Ингури с целью помочь абхазским революционерам в ликвидации противостоящих сил князей Ачибая, Емухвари и Маргания. (Ачба, Аимхаа и Маан – авт.). До нашего прихода там действовал вооруженный отряд борцов за власть Советов во главе с Павлам Дзигуа. В эти годы я видел Ефрема Эшба и Нестора Лакоба».

После установления Советской власти Иосиф, как и многие другие его товарищи по оружию, проводил в массах пропагандистскую работу и вел непримиримую борьбу с классовыми врагами народа. В колхоз вступил он одним из первых в селе Джгали и оказывал ему всестороннюю помощь. В частности, на общественное пользование коллектива он отдал пару волов и двух лошадей.

В 35–36 лет Иосиф женился на девушке из селения Зуми, по фамилии Начкебиа. И сразу же он со своей женой отделился от отцовского дома и построил себе чинисгобили – плетеное из орешника жилище с земляным полом, крытое из соломы. Через четыре года после этого, то есть в 1932 году, у них родился сын, Гуда. Затем родились еще двое – Валико и Гедеван.

В 1940 году Иосиф Кварацхелиа вступил в ряды КПСС. В начале Великой Отечественной войны добровольно ушел на фронт. Через несколько месяцев его ранили тяжело, после чего был вынужден возвратиться домой. Но фронту помогал своим трудом: выращивал кукурузу, табак.

В период восстановления народного хозяйства Иосиф долгое время работал в Сванетии в качестве лесоруба, а позже и заготовителем драни, которую он привозил оттуда вьюком на лошадях.

Так долгие годы, заботясь о семье, трудился Иосиф Кедевич вплоть до преклонного возраста. Теперь он спокоен. Дети

обзавелись семьями, появились внуки, правнуки... Что интересно, с водворением в его дом невесток, он настоял на том, чтобы их нарекли другими именами, как это делают до сих пор в сельских районах Абхазии. Жен старших сыновей, например, – Женю Дарсалиа и Марусю Микава – зовут здесь, в селе Джгали, Зиной и Имедой. По его словам, обычай переименования женщин после вступления в брак был распространен у мегрелов, проживающих в Цаленджихском, Чхороцкуйском и Зугдидском районах еще двадцать-тридцать лет тому назад, но он стал забываться под влиянием новых семейных и общественных отношений.

Несмотря на солидный возраст, Иосиф еще трудоспособен, выполняет все без исключения работы по личному подсобному хозяйству, тем самым он облегчает труд молодым членам семьи, всецело занятым на производстве.

Долгожительство, можно сказать, традиционно в роду Иосифа Кварацхелиа. Дедушка Бурдуг прожил 110 лет, Бабушка, Гукиги Дзидзариа – около 100, отец – 95. Сестры, Шоу и Еле, умерли недавно, Пере за 80. Только братьям от второго брака отца не повезло. Дороте умер от рака, Иларион перерезал себе горло, когда боли от ран, полученных на войне, стали невыносимы, другой – Никандр погиб на фронте.

Дополнительные сведения о трудовой деятельности нашего информатора:

Основным своим занятием Иосиф Кварацхелиа считает, прежде всего, скотоводство, затем – земледелие. В юности и в молодые годы он занимался им всегда, с утра до вечера. Пастушество, по его мнению, нельзя считать тяжелым занятием, но с ним связано большое движение. Обеденный перерыв у пастуха длится обычно три-четыре часа, иногда и больше, особенно в летнее время. Это зависит еще от места нахождения. В горах пастух отдыхает дольше, и в хорошую погоду его трудовая нагрузка бывает незначительной. Всюду он находится на свежем воздухе.

Что касается отношения Иосифа к физическому труду вообще, то он, как и другие старожилы, считает его необходимым условием жизни.

Жизнью своей он доволен. Доволен и результатами своего труда.

В настоящее время Иосиф чувствует себя бодро. Утром встает очень рано. Привык. Вечером ложится спать тогда, когда потянет сон, обычно после окончания телевизионных передач. Пищу принимает так же, как и в прошлом – три раза в день. «Разница только в качестве употребляемых продуктов питания, – говорит он. Мясомолочные продукты, получаемые в условиях домашнего хозяйства, отличаются маложирностью. Когда скот пасется в горах, он дает жирное молоко». Вино пьет, когда в доме гости, но немного. В полдень он любит поспать. Тоже привычка.

Есть люди, которые работают не только из материальных соображений. Для таких труд служит рычагом, жизни, без которого нельзя, невозможно привести себя в движение.

А как же еще сказать, например, о женщине, которой около ста лет, но вместе со своими правнуками вырывает сорняки из-под мандариновых корней тогда, когда не отказываются даже молодые люди прилечь где-нибудь в тени?

Жители села Накипу сразу догадаются, что, речь идет о Цицино Кварацхелиа.

Может быть материальная нужда заставляет старую Цицино работать в такое жаркое время дня? Отнюдь нет. В ее семье несколько трудоспособных членов, свободно справляющихся со всеми хозяйственными задачами. Она состоит из сына, Гу-гуни, невестки, Жуны, взрослых внуков, Юрия, Рубена, Котэ, жены Юрия Зои и трех правнуков. Вообще у Цицино 18 внуков и 29 правнуков и правнучек.

В глубине большого просторного двора стоит двухэтажный дом из кирпича. В двадцати метрах от него, слева, стоит другое жилище несколько удлиненной формы. Это то, в кото-

ром живут Цицино и двое младших внуков. Она предпочитает старый дом по той простой причине, что его построил еще ее покойный муж. В нем выросли все ее дети. Что касается тех внуков, которые живут с ней, то они очень привязаны к своей бабушке – ласковой и сердечной Цицино.

Цицино родилась в 1888 году в селении Чвирши, в семье состоятельного крестьянина Джублы Жвания. Отец Цицино, Пахвала Жвания, был младшим сыном Джубла. Старшие братья Пахвала, Гутиа, Бекуя и Сепуя, как и он сам, имели уже детей. Таким образом, всего в данной семье проживали 23 человека. Дедушка и бабушка жили в пацхе, плетеной из рододендрона, остальные – в большом четырехкомнатном джаргвале – бревенчатом доме с земляным полом. После смерти дедушки Джубла, старшие братья отца Цицино отделились поочередно; в отцовском доме остался Пахвала со своей малой семьей.

Отец Цицино был земледельцем, но с таким же успехом он занимался и торговлей. Излишки урожая, главным образом, кукурузы, Пахвала продавал на рынке. Он держал в своем хозяйстве для продажи также небольшой табун. Часто он ездил в Новороссийск, где у него имелся духан. С домашним скотом справлялась Цицино.

Мать Цицино умерла от родов. Через год после этого отец женился на Агатиа Начкебиа. Но Агатиа не родила никого; она воспитала с материнской заботливостью всех троих детей Пахвала – Терезиа, Юстинэ и Цицино.

С самого раннего возраста Цицино, как и ее старшие сестры, стала заниматься физическим трудом. Одновременно мачеха учила ее рукоделию. В этом деле Цицино проявляла исключительную способность. Она уже в 12–13 лет умела вязать, ткать, кроить и шить. Она была еще совсем юной, когда односельчане и даже из других селений молодые люди обращались к ней с просьбой изготовить ту или иную одежду. Еще известный грузинский этнограф С. Макалатиа

обратил внимание на Цицино, как на одну из мастериц в Мегрелии. Ее фотография на фоне ткацкого станка помещена в той книге, которую он посвятил культуре и быту мегрелов. Фотография Цицино висит также на одном из стендов отдела этнографий Зугдидского государственного музея.

Цицино вышла замуж в 15 лет. Мужу, Закариа Кварацхелиа, тоже было 18 лет. Когда ей исполнилось всего 16 лет, она стала матерью. Потом пошли еще четверо.

Старший сын Цицино, Константинэ, умер в 1919 году от аппендикса. Следующий, Давид, погиб на фронте. Гугуни – средний ее сын – является главой семьи и имеет четверо детей и трое внуков, Дочнари, Пушуты и Чука, тоже семейные, живут в других селах района.

После организации колхоза в селе Накипу Цицино работала на всех звеньях производства: сначала она выращивала табак, затем закладывала чай, с появлением продуктивных плантаций которого начала заниматься и сбором его листа.

Между тем, Цицино была еще и незаменимой акушеркой. В условиях бездорожья, когда сельские жители не имели представления о родильном доме, она приносила людям радость. Здесь нет, наверное, такого человека из числа среднего поколения, которого бы она не приняла.

В 1967 году умер муж Цицино, Закариа Кварацхелиа.

Невестка, жена Гугуни, относится к ней хорошо, как к своей матери. И Цицино в свое время помогала ей во всех домашних делах: готовила пищу, нянчила детей, разводила домашних птиц. За это время невестка работала в колхозе, приносила семье доход.

И в настоящее время Цицино не хочет сдавать свои позиции. И не сдаст. Это тоже закономерно: вся ее жизнь прошла в трудовом процессе. Об этом говорит и анкета, заполненная мною в связи с изучением вопросов ее трудовой деятельности:

1. Основное занятие в юности – женское рукоделие, в зрелые годы – полеводство, в пожилом возрасте – то, чем занималась первоначально, то есть рукоделие.

2. Трудилась с детства.

3. Не нормированный рабочий день.

4. Отдыхала главным образом в полдень, если можно считать отдыхом приготовление пищи семье. В зрелые годы она отдыхала еще меньше.

5. Экологические условия – все время работала на свежем воздухе, даже тогда, когда занималась рукоделием, поскольку она жила в основном в плетеном из рододендрона доме.

6. В юности работа ее носила несколько вольготный характер. Такой она стала и в пожилом возрасте. Но наиболее интенсивно она работала в зрелые годы, когда все заботы лежали на нее.

7. Несмотря на степень физической нагрузки, работа никогда не вызывала у нее отрицательных ощущений. Наоборот, она думала о том, как результаты ее труда доставляли ей удовольствие.

8. В юности и в зрелости она работала равномерно, но в зрелые годы трудилась больше и дольше.

9. Наиболее трудными, в хозяйственном отношении, временами года она считает лето и осень.

10. Когда она занималась рукодельческими работами, степень двигательной нагрузки была небольшая, а в те годы, когда трудилась в колхозе, – ходила почти в два-три раза больше.

11. Труд по ее мнению исцеляет человека от всех болезней.

12. Жизнью своей она, в общем-то, довольна, но от смерти ближайших ей людей, особенно сыновей, сильно страдает.

Недельный хронометраж Цицино выглядит так:

С постели поднимается примерно в 9 часов. Пищу принимает два-три раза в день, но очень мало. Постоянное ее занятие – уход за домашней птицей, огородом. После обеда она

отдыхает больше, чем работает. Устает. Иногда и поспит на часок. Вечером ложится в 10 часов, несколько раньше других взрослых членов семьи.

В заключении хочется отметить, что по своему характеру* Цицино довольно смирная старушка. Внук, работающий врачом в Цаленджихе, сказал ей не употреблять свинины. Вот уже десять лет, как она не ела ее. Он сказал ей еще, чтобы она больше ела молочные продукты. Цицино строго придерживается этого принципа. И домочадцы ее заботятся о том, чтобы ей было хорошо.

Выводы или общее и особенное в образе жизни долголетних людей

Итак, мы познакомились с основными вопросами образа жизни ряда долголетних людей. Много ли из этого материала можно извлечь? Говоря словами Пьера Лапласа, то, что мы знаем, ограничено, а то, чего мы не знаем – бесконечно. Прежде всего, это потому, что в данном случае мы имеем дело с человеком – давним, но всегда актуальным для науки объектом исследования. Задача наша тем более сложна, что она всецело касается вопроса продолжительности жизни человека, полной контрастов и противоречий.

По убеждению абхазских стариков, продолжительность человеческой жизни – 100 лет. Больше – подарок, меньше – наказание.

Анализ и конструирование имеющегося материала показывает, что за всю свою «вековую» жизнь человек преодолевает пять возрастных категорий, каждая из которых состоит из четырех ступеней, каждая ступень продолжительностью пять лет. Следовательно, всего возрастных ступеней двадцать. Народная же номенклатура, бытующая до сих пор для обозначения возрастных категорий и ступеней,

довольно строго отражает и половозрастную градацию³⁹.

Груной ребенок до года – адзкы (краткая форма существительного «адзкынт», ср. апш-дзкынт – кукуруза молочной спелости)⁴⁰ «не входил еще в человеческий род», не имел и имени.

Умершего адзкы никто не оплакивал, – цасым, дмаалы-кьуп, – говорили (запрещается, он ангел) и хоронили в первой половине того же дня⁴¹.

Только с исполнением им года, ребенок считался членом семьи. В этот день ему давали имя, производили «стрижку волос⁴², «развязывание ног»⁴³, отдельно определяли мамалыгу (иху анырцон).

После года его называли ачыцныкуа – ребенком, едва начинающим ходить. До двух-трех лет он мог называться также и агаранца, что значит люлечный. Вообще ребенок до пяти

³⁹ Возрастные категории абхазов изучались А. П. Павленко. Работая в различных селах Абхазии, он собрал определенный этнографический материал, осветил ряд вопросов в двух почти одноименных и идентичных по содержанию работах – «Возрастные категории в абхазском обществе».– Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 46–49; его же, «Возрастные категории абхазов и их социальная роль», – Абхазское долгожительство. М., Наука, 1987, с. 271–275. Но по охвату вопросов эти работы не могут претендовать на значительное освещение проблемы, к тому же в них имеются неточности, а местами – и неверные толкования.

⁴⁰ В абхазском словаре «Адзкынт» интерпретируется как «незрелый, молоденький» и сравнивается с ребенком: «Сара схучы дзыкынт ура дабауматвою» – «мой ребенок-адзкынт тебе не подходит». А.П. Павленко этимологизирует как «держат материнскую грудь».

⁴¹ В Бзыбской Абхазии взрослого хоронят на третий-четвертый день, а в Абжуйской – на пятый или даже на седьмой день перед заходом солнца.

⁴² См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов. Тб. Мецниереба, 1983, с. 88–89. По Г. Ф. Чурсину, «первый раз стригли ребенку волосы через пять месяцев после рождения». См. его работу «Материалы по этнографии Абхазии». Сухуми, Абгиз, 1957, с. 185.

⁴³ См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов..., с. 89. По Н. С. Джанашиа, этот обряд совершали только тогда, когда ребенок долго не начинал ходить. См. его работу «Статьи по этнографии Абхазии». Сухуми, Абгиз, 1960, с. 107.

лет это ахуачы-пшка, что переводится как «свежий волосяной покров, мягкий ребенок» (от аху волосы, ч – ребенок, дитя и апшка – мягкий, гладкий. Ср. амакья-пшка – мягкий точильный камень, анарма-пшка – тонкая, мягкая бязь). В качестве синонима ахучы – ребенок употребляется иногда асаби (букв. дитя. Ср. аласба – щенок. Этот термин больше распространен среди абазин)⁴⁴.

Возрастные категории и ступени Мужчины

Возрастные категории	Денотат	Возрастные ступени	Этимология	Примечание
Ахучы	Ребенок до 5 лет	Ахучы-пшка	Ребенок-гладкий	Грудной ребенок до года – адзкы; после года – ачицныкуа; до двух лет – агаранца.
	Мальчик 5–10 лет	Ачкун-хуч	Парень-маленький	
	Подросток 10–15 лет	Ачкун-ката	Парень-по-росль	Упитанный подросток – ахбыдж, худощавый – ахыщв.
	Юноша 15–20 лет	Ачкун-купш	Парень гладко – шерстный	
Ачкун	Молодой человек 20–25 лет	Зычкунра италаз	Вступивший в ачкунра	С 20 до 50 лет – арпыс
	Молодой человек 25–30 лет	Ачкун	Парень	
	Молодой человек 30–35 лет	Ачкун-надза	Достигший потолка своего ачкунра	

⁴⁴ См. Словарь абхазского, языка. Сухуми, Алашара, 1987, т. 2, с. 52.

	Мужчина 35 – 40 лет	Зычкунра интысуа	Выходящий из возраста ачкунра	
Ахаца	Мужчина 40 – 45 лет	Зычкунра иахыпаз	Перешагнувший возраст ачкунра	
	Мужчина 45 – 50 лет	Ахаца, ахацагуа	Мужчина, сильный мужчина	
	Мужчина 50 – 55 лет	Зуаюра интагылаз ахаца	Мужчина, вступивший в зрелость	
	Мужчина 55 – 60 лет	Зуаюрахь инеиуа ахаца	Мужчина приблизившийся к ауаюра	
Абырг	Пожилой человек 60–65 лет	Ауаю, зуаюра итагылоу	Зрелый, дословно, человек	
	Пожилой человек 65–70 лет	Зуаюра инталауа ахаца	Мужчина, выходящий из ауаюра	
	Пожилой человек 70–75 лет	Зажвра инталаз ахаца	Мужчина, склонившийся к старости	
	Пожилой человек 75–80 лет	Зажврахь инеиуа ахаца	Мужчина, приблизившийся к старости	
Атахмада	Старик 80–85 лет	Ауаюажв, зажвра итагылоу ахаца	Старый человек, мужчина в ажвра	атахмада-кабада
	Старец 85–90 лет	Атахмада	Старый человек, дословно: тот, кому доверено главенство семьи	
	Старец 90–95 лет	Атахмада-гуа	Глубокий атахмада	

	Старец 95–100	Атахмада – надза, царга змам атах- мада	Атахмада, достигший потолка человечес – кого возраста	
--	------------------	--	---	--

Возрастные категории и ступени женщины

Возрастные категории	Денотат	Возрастные ступени	Этимология	Примечание	
Ахучы	Ребенок до 5 лет	Ахучы-пшка	Ребе- нок-гладкий	Грудной ребенок до года – адзкы, после года – ачицныкуа, до двух лет – агаранца	
	Девочка 5–10 лет	Адзгаб-хуч	Маленькая девочка		
	Девочка 10–15 лет	Адзгаб-ката	Девочка-по- росль		
	Девушка 15–20 лет	Адз- габ-купш, агыпха	Юная де- вушка, се- мейная дочь		
Апхузба	Девушка 20–25 лет	Апхуз- ба-купш	Девушка, способная стать жен- щиной, но еще молода		
	Девушка 25–30 лет	Апхузба	Девушка, до- словно: спо- собная стать женщиной		
	Женщина 30–35 лет	Апхузба-над- за	Девушка, Достигшая до потолка апхузба		
	Женщина 34–40 лет	Зыпхузбара интысуа	Женщина, перешагнув- шая апхуз- бара		

Апхус	Женщина 40–45 лет	Апхус-ча	Молодая женщина	Злая, язы- кастая жен- щин, в свое время не вы шедшая замуж – атыджха до- словно: дочь, ставшая бре- менем для семьи
	Женщина 45–50 лет	Апхус	Женщина	
	Женщина 50–55 лет	Збыргра инта. лаз апхус	Женщина, склонившая- ся к абргра	
	Женщина 55–60 лет	Збыграхь инеиуа апхус	Женщина, приближа- ющаяся к абыргра	
Апхусбырг	Пожилая женщина 60–65 лет	Апхус-бырг	Женщина-а- бырг (зрелая женщина)	С этого воз- раста жен- щина могла называться «атвахья» – «засидев- шаяся», если была старой девой!)
	Пожилая женщина 65–70 лет	Збыргра ин- тысуа апхус	Женщина, перешагива- ющая абы- ргра	
	Старая жен- щина 70–75 лет	Зажвра инталаз ап- хус-бырг	Женщина-а- бырг, скло- нившаяся к старости	
	Старая жен- щина 75–80 лет	Зажврахь инеиуа ап- хус-бырг	Женщина-а- бырг, при- близившаяся к старости	
Атакуажв	Старая жен- щина 80–85 лет	Апхус-бырг- надза	Женщина, достигшая до потолка абыргра	
	Старая жен- щина 85–90 лет	Атакужв	Старуха	
	Старая жен- щина 90–95 лет	Атахмада-гу- гуа	Глубокая старуха	

	Старуха 95–100	Атаку- ажв-надза, царта змам атакуажв	Атакуажв, достигшая до потолка человеческо- го возраста	
--	-------------------	--	---	--

Во все века выдающиеся мыслители указывали на труд как на источник добрых дел для общества и для самой личности, как на условие счастья. «Счастье дается тому, кто много трудится», – считал Леонардо да Винчи.

Нынешние абхазские долгожители с ранних лет приобщались к физическому труду. Уже с пяти лет – с начала второй ступени детства – ахучра (от ахучы – ребенок и ра – слово-образователя существительных) – ребенок – ачкун-хуч (маленький мальчик) – считался полезным в домашнем быту. Он мог, например, подать напиток воды, подержать полотенце во время омовения рук взрослыми, позвать кого-нибудь из членов семьи, находящихся во дворе, выгнать домашних птиц из дома. Семи-восьмилетний мальчик поддерживал огонь в очаге, пас козлят или ягнят недалеко от дома, подавал хворост тому, кто занимался плетением забора, носил еду работающим в поле старшим членам семьи, садился на арбу и погонял запряженных в нее животных, когда впереди шел кто-нибудь из взрослых, и, конечно же, самостоятельно держался верхом на лошади. Девочка же такого возраста – адзгаб-хуч (маленькая девочка) могла подавать тарелки и другую необходимую посуду матери, сервирующей стол, сыпала муку в котел, в котором та варила абысту (мамалыгу), ходила с кувшинчиком до родника, училась кроить и шить, помогала матери или бабушке в огороде и пр. В десять лет и мальчик, и девочка четко знали, что они уже в старшем детском возрасте и назывались, соответственно, ачкун-ката (букв, парень-поросль) и адзгаб-ката (девушка-поросль). Ачкун-ката доверялось управлять волами, когда взрослые пахали поле, ездить на мельницу, пасти скот в окрестно-

стях села. В таком возрасте он начинал работать с матыгой и плугом, причем специально для него приобретались орудия меньшего размера, участвовал в уборке урожая, заготовке сена, дров, учился стрелять из ружья, летом помогал пастухам на высокогорных лугах, выслеживал дичь, зимой на зверных лазах и переходах ставил небольшие капканы. Другими словами, ачкун-ката становился помощником отца во всех хозяйственных делах. С таким же успехом помогала матери и адзгаб-ката. Вместе с матерью, чаще и самостоятельно, она наводила порядок в доме, подметала двор, при необходимости же помогала в приготовлении пищи и других, более трудных работах, считавшихся чисто женскими (апхус-ус). Конечно же, первостепенной обязанностью девочки-подростка являлось обслуживание взрослых членов семьи – подавать ту или иную вещь, поливать им воду на руки перед едой и после и пр.

Собственно детство у абхазов заканчивалось практически после пятнадцати лет. Наступала пора самостоятельности: Прежде всего, юноша, называвшийся уже ачкун-купш (букв, мягковолосый парень), получал право на именную лошадь, ношение оружия. С этого времени он становился полноценным членом не только семьи, но и рода. В отсутствии отца, свободно, без стеснения являлся на сход или собрание общины, как представитель семьи. В хозяйственном же быту ачкун-купш полностью заменял отца, если в этом возникала необходимость. На свадьбах, игравших по соседству, иногда и в окрестностях села, он обслуживал гостей в ашапе – свадебном навесе, в частности, подавал им вино, причем, не отходя ни шагу от них и четко соблюдая, кто, как и сколько выпил. На похоронах же его определяли в качестве абгакю – сопровождаителя оплакивающих покойного мужчин. Но если ачкун-купш участвовал на подобных предприятиях в другой общине, то его место было среди гостей.

С пятнадцати лет девушку называли атыпха (букв, дочь семьи, то есть домашняя девушка⁴⁵) и умела уже выполнять все женские работы по дому. Кроме того, атыпха должна была приготовить себе основной набор приданого и подарки, которые раздает невестка в день ее свадьбы родственникам жениха. Много трудилась атыпха во время приема гостей: за столом она наливала в бокалы вино. При этом, ни в коей мере ей не полагалось не только садиться, но и хоть на миг поставить графин на стол. Между тем, угощение длилось часами, нередко – и целые сутки. Перед сном она помогала гостям помыть ноги и раздеться, после чего чистила им обувь и гладила одежду. С такого возраста девушку выводили и в общество. И молодые люди начинали присматриваться к ней. Она должна была знать уже, как держать себя: скромной в поведении, вежливой и услужливой по отношению к старшим.

В двадцать лет молодые люди считались уже физически совершенными, а в социальном отношении – вступившими в период зрелости, оставив позади детство. Молодой мужчина, называвшийся уже ачкун, в случае необходимости, становился воином, поэтому о нем, как бы с авансом, говорили «арпыс» (букв, предводитель войска), подчеркивая тем самым практические возможности его возраста. С двадцати лет девушку называли апхузба или адзгаб (апхузба – способная быть женщиной; та, которая моложе женщины. Этимология «адзгаб» не очень понятна, возможно состоит из двух слов: аицбы – младшая, пха – дочь. Этот термин распространен и среди мегрелов, но без аффикса «а»). Ачкун и апхузба пользовались некоторыми льготами в домашнем быту. Они привлекались к хозяйству меньше, чем семейные мужчины и женщины. Апхузба, как правило, не допускали к тяжелым физическим работам, тем более в полевых условиях. В этом следует видеть, видимо, боязнь родителей повредить здоро-

⁴⁵ А. П. Павленко ошибочно интерпретирует как слово, состоящее из «ты» – «зрелая» и «апха» – «дочь».

вью детей – продолжателей рода. Как метко подметила Я. С. Смирнова, дочери в отцовских и, особенно, в больших семьях не столько работали, сколько учились работать, чтобы стать хорошими хозяйками после замужества⁴⁶. С вступлением же в брак, мужчина, именующийся теперь ахаца (букв, отделившийся, в смысле: мужчина, способный обзавестись семьей и отделиться от отцовской семьи), считался привязанным к своему дому и выполнял все хозяйственные работы. Такой порядок устанавливался и для замужней женщины апхус (сложное слово, части которого показывают женский пол). Более того, апхус, как атаца (невестка, букв, женщина, ушедшая к семье, то есть создавшая семью), должна была соблюдать обычай избегания по отношению к старшим родственникам мужа – не разговаривать в их присутствии вслух, не садиться при них, оказывать им всевозможные услуги и т. д. Невестка никогда не отвечала на их слова и вопросы, только молча выслушивала их, принимала к сведению и исполняла. Она не произносила не только личных имен, но и фамилии отдельных родственников из числа людей преклонного возраста. Еще сильнее и безусловнее применялся этот запрет по отношению к родственникам мужа по материнской линии⁴⁷. Невестка должна была раньше всех вставать и позже всех ложиться спать. Весь день она была занята по дому. Вечером должна была накормить и напоить всех своих домочадцев, убрать со стола и только лишь потом закусить незаметно где-нибудь в углу. Но и после этого считалось неудобным сразу идти в амхара (новобрачный домик, плетенный из рододендрона с конусообразной крышей из соломы), поэтому она еще некоторое время нарочно задерживалась в «большом доме» – аюнду. Наконец, она выходила оттуда, причем и в момент выхода из дверей старалась быть обращенной

⁴⁶ Я. С. Смирнова. Семейное и общественное положение старших возрастных групп. – Абхазское долгожителство. М., Наука, 1987, с. 276.

⁴⁷ Ш. Д. Инал-ипа. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сухуми, Абгиз, 1954, 135.

лицом к старшим, потому что недопустима была даже малейшая непочтительность к ним⁴⁸.

Таким образом, активное участие в трудовой деятельности у абхазов в прошлом начиналось с момента вступления в брак, а еще в большей степени – образованием нуклеарной семьи.

Уже в конце XIX века у абхазов преобладала малая семья – атаацва-хуч ы⁴⁹, но местами, особенно в горных районах, где ведущей отраслью сельского хозяйства было скотоводство, в довольно значительной степени сохранялись и большие семьи–атаацваду–вплоть до начала второй четверти текущего столетия⁵⁰.

Что касается брачного возраста, то ясно одно: в прошлом для абхазов было характерно поздняя женитьба. Г. Ф. Чурсин отмечал, что в старину мужчина вступал в брак тогда, когда приобретал некоторую славу и известность своими подвигами, ибо и сама девушка не выходила за ничем себя не проявившего человека⁵¹.

Наиболее ранние письменные источники относятся к концу XIX столетия – времени рождения большинства наших долгожителей. Их исследование показывает, что в 1890–1900 гг. обычный брачный возраст мужчин варьировал между 25 и 35 годами, женщин – между 18 и 25. А наибольший процент вступивших в брак мужчин и женщин приходится, соответственно, на молодых 30 и 23 лет. В то же время имеются факты вступления в брак в минимальном брачном возрасте (по современному понятию до 18 лет, а по данным абхазских стариков – до 20), но среди женщин. Из 231 обследованного мною документа только в одном говорится о женитьбе мужчины в возрасте ниже 10 лет, тогда как 19 женщин вышли замуж в 14-17 лет⁵².

⁴⁸ Там же, с. 136.

⁴⁹ См. В. Л. Бигвава. Современная сельская семья у абхазов..., с. 32–43.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Г. Ф. Чурсин. Указ, раб., с. 159.

⁵² В. Л. Бигвава. Указ, раб., с. 56–57.

Таким образом, в социальном отношении мужчина в двадцать лет становился зрелым, как говорилось уже выше вполне самостоятельным.

В дальнейшем все шло своим чередом в трудовой жизни исследуемых людей: в ней не бывало особых неожиданностей. Каждый из них придерживался ритмичности выполнения ими работать – до малейших тонкостей знакомой и привычной работы. Только с возрастом все больше и больше повышался их социальный статус. Мужчина тридцати-тридцати пяти лет, так называемый ачкун-надза (полноценный ачкун, достигший ачкунра), мог быть, например, тамадой на свадьбе, руководителем свадебного поезда, старшим дружкой невесты и др. В свою очередь, и женщина в таком возрасте – апхус-ча (молодая женщина) – занималась почетными занятиями в общественных предприятиях. В зрелости же, средней возрастной ступенью которой считалось пятьдесят лет, и мужчина и женщина имели уже решающий голос в важных общественных делах. В биологическом смысле о пятидесятилетием мужчине, например, говорили ахаца-гугуа, игугуамта дтагылоуп (сильный мужчина, в расцвете сил), а в социальном – иуаубжара дтагылоуп (он стоит в середине своего человеческого возраста)⁵³. Уже в шестьдесят лет мужчина, называвшийся зуаюра итагылоу, абырг (человеке самом зрелом возрасте, зрелый), мог быть не только главой семьи, но и рода.

В частности, абырг⁵⁴, как глава семьи – атаацва рехабы представлял семью перед богами и духами – аныхую, с такими же успехами и во всех земных делах, имел дело с властями, выступал истцом или ответчиком в суде⁵⁵, входил в

⁵³ Это еще раз говорит, что, по мнению абхазов, продолжительность человеческой жизни равна 100 лет.

⁵⁴ Этот термин не поддается этимологизированию, но ассоциируется с комплексом понятий «зрелый», «пожилой», «уважаемый».

⁵⁵ Я. С. Смирнова. Указ, раб., с. 277.

совет старейшин, ведавший всеми внутрифамильными делами⁵⁶. И женщина как апхус-бырг (женщина-абырг) пользовалась непререкаемым авторитетом не только в семейном, но и более широком социальном кругу; все, кто моложе ее, не осмеливались пройти перед ней без извинения (лапхья ииасуамызт).

С наступлением же пожилого возраста, примерно после семидесяти, а по мнению отдельных старожилков и после восьмидесяти лет, абырги являлись руководителями семьи чаще в идеологическом плане, чем в практическом.

Пожилой мужчина – ауюажв и пожилая женщина апхусбырг-надза входили в последнюю возрастную категорию, так называемую, соответственно, атахмада (человек, которому доверено главенство семьи) и атакуажв (букв, старая женщина семьи: от «ат» – краткой формы слова «атаацва» «семья» «аку», «акуикуи» – «трепанная» и «ажв» «старая»). Но, сохраняя ясность ума и работоспособность, они не переставали вести активный образ жизни. Принимали посильное участие в ведении домашнего хозяйства. Все, кто был моложе их, обращались к ним, как к умудренным жизненным опытом, за советами. При обсуждении же важных семейных вопросов мнения атахмада и атакуажв оставались обычно решающими. Пни являлись главными хранителями обычного права, которыми регулировалась юридическая и нравственная жизнь абхазов⁵⁷. Атахмада и атакуажв, если они продолжали быть полезными в труде и, главным образом, в идеологической жизни общества, до глубокой старости могли называться абырг, абырг-бзиа (хороший абырг). Для членов рода, однофамильцев такие старцы являлись ацвшьху зку (тот, кто держит родовую свечку) а если же они были старше всех, то – ахыбю (головная

⁵⁶ Я. С. Смирнова. Роль старших возрастных групп в абхазской фамилно-патронимической организации. – Феномен долгожительства. М Наука, с. 52

⁵⁷ Я.С. Смирнова, Семейное и общественное положение старших возрастных групп..., с. 277.

кость)⁵⁸. Они пользовались всеобщим уважением как в своем собственном, так и в любом другом обществе. Везде и всюду они были просто а их абы – старшие. Любое нарушение норм поведения по отношению к аихабы, независимо от того, являлся он «своим» или «чужим», исключалось. На собраниях же аихабы сидел на первом ряду, ему принадлежало первое и заключительное слово. На свадьбах или поминках он произносил первый тост. При входе в дом, во двор или выходе из них аихабы-атахмада пропускали вперед, помогали сесть на лошадь, держали ему стремя, сопровождали его в поездке. Причем сопровождающие лица ехали непременно слева или по сторонам от него. Никто не мог пересекать дорогу аихабы, а обходили его только сзади⁵⁹.

Но была и другая категория атахмада. Так, дряхлый старик, окончательно утративший всякую активность в общественной жизни, мог быть назван алыгажв, что переводится как «опущенный старик» (от алага – опущенный и ажв – старый). Термин этот носит некоторый оттенок неуважительности, естественно, поэтому произносится только за глаза. Как правило, такой старик не приглашался на совет старейшин, хотя бы он был самым старшим по возрасту⁶⁰.

Атахмада, у которого давно умерла жена, по своему социальному статусу не отличается от алыгажв, но физически сильнее его, поэтому не прочь и жениться, называется ацлахуста, термином, обозначающим большое окутанное старым плющей дерево, одиноко стоящее на пастбище (от ацла – дерево и ахуста – пастбище). А для легкомысленного старика, не вступившего в положенное время в брак, потому не имеющего детей, всю свою жизнь избегавшего труда, сохранился термин атахмада-кабада. Есть и шуточная песня, в которой говорится:

⁵⁸ В. Л. Бигвава. Указ раб., с. 46; его же – Из биографии двух абхазских долгожителей. – Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 71.

⁵⁹ См. Я. С. Смирнова. Роль старших возрастных групп в абхазской фамильно-патронимической организации..., с. 55.

⁶⁰ Я. С. Смирнова. Указ, раб., с. 54.

Атахмада-кабада ходит без палки.
Атахмада-кабада собаки искусали.
Атахмада-кабада в горы пошел без шапки.
Атахмада-кабада с гор спустился без обуви.
Атахмада-кабада живет в одиночке.
Атахмада-кабада в доме не имеет пищи.
Атахмада-кабада умер без вести.

(подстрочный перевод автора)

Об очень глубоком старике, пережившем всех своих ровесников, говорили акрмыдж – слово, ассоциирующееся со злом и прожорливостью, старцом, неимеющим конца жизни. Акармыджом могла называться и подобная старуха. В то же время, долгожителей, возраст которых никто не мог установить, но отличавшихся по своей природе безобидностью, сравнивали иногда с легендарными Курыжваа – абхазскими мафусаилами (курыжваа дрыкулоуп)⁶¹.

Если речь шла о человеке, умершем после ста лет, то о нем говорили: «хар имам, икура ифеит» – «ни в чем не повинен, свой возраст поел». Долгожителем назывался только тот, который перешел 100 лет и более: «акураду ницит» – «долголетие прожил». Вообще, «возраст» – «акура» этимологизируется как «то, что на человеке» (ср. уи ахыза икууп – на нем одело, под одеялом; уи ауал икууп – на нем долг, т. е. он в долгу).

По мнению абхазских долгожителей, продолжительность, человеческой жизни находится в прямой зависимости от образа жизни самого человека.

Почти все информаторы, с которыми я работал во время сбора полевого этнографического материала, твердят, что труд, был для них нормой жизни, но он носил в прошлом непринудительный характер. Каждый занимался в основном той работой, которая более или менее была по душе, и делал столь-

⁶¹ Ш. Д. Инал-ипа. Мотивы долгожительства в абхазском фольклоре.– Феномен долгожительства. М., Наука, 1982, с. 42.

ко, сколько мог в спокойной обстановке. Как удачно подметила Сула. Венет, абхазы не устанавливали для себя предельных сроков выполнения того или иного дела; срочность и безотлагательность проявлялись только в критических ситуациях⁶². В зрелые годы трудились больше и дольше. Утром вставали перед рассветом и работали, пока глаза видели. Уже в пожилом возрасте они работали не столько по необходимости, сколько в силу привычки труд превращался для них как бы в физическую потребность, которую необходимо удовлетворить.

Долгожители всю свою жизнь работали; как правило, на свежем воздухе с кратковременными перерывами, как они сами говорят, в соответствии с требованиями организма. Обеденный отдых длился обычно не менее двух-трех часов, в зависимости от времени года. Летом он дольше, чем зимой.

Подавляющее большинство абхазских долгожителей предпочитало поспать на часок после обеда, считая дневной сон необходимым условием для восстановления силы и бодрости.

Как правило, основную работу долгожители выполняли в первой половине дня. Несмотря на физические нагрузки, нередко сопровождавшиеся большой интенсивностью, особенно в зрелом возрасте, работа не вызывала у них особых отрицательных, эмоций. В течение года наибольший труд приходился на осень, поэтому полушутя ее называют «мкакачан» – дословно: «время, когда неразжёвывая, вспешку едят пищу».

За редким исключением, долгожители вели весьма подвижный образ жизни, особенно скотоводы. Находясь большую часть жизни в горах, они ходили очень много. К тому же, пастухи были одновременно и охотниками. В условиях же гор охотничье дело требует не только опыта, но также физической силы, чрезвычайной ловкости.

Абхазские долгожители удовлетворены своей трудовой деятельностью. Отсюда вытекает и общая оценка своей жизни в целом, хотя она зависела еще от многих семейно-бытовых

⁶² Сула Бенет. Предпосылки долгожительства. Феномен долгожительства..., с. 210

факторов. Так или иначе, на данный вопрос большинство из них отвечало: «доволен».

Следует отметить, что за редким исключением, абхазские долгожители родились и выросли в больших семьях, в которых благоприятствовала традиционная монолитность – ахуатвейкушвара. С самого раннего возраста они учились здесь добрым чувствам, заботе о близких, умению преодолевать трудности. Именно в семейном кругу начиналось формирование в каждом из них абхазского понятия основы нравственной культуры, именуемойся а псу ар а (букв, абхазство). По мнению народа, в этом понятии переплетаются все внутренние законы человека, среди которых он выделяет честь, благородство и моральный долг. Последний является исходным условием для превращения труда в жизненную потребность. В привитии же любви к труду значительна роль и личного примера старших. Благоприятное влияние на данный процесс оказывает, как известно, и похвала за добрые дела. Педагогикой и психологией доказано, что если у человека и нет особых достоинств, то полезно бывает заметить в нем хорошие ростки лучшего⁶³. В абхазской семье, да и в общественном быту, умели пользоваться методом поощрения сверх заслуг, как бы с авансом на будущее. Такое воспитание оправдывало себя: абхазские долгожители отличаются большим трудолюбием.

Ученым отмечено, что труд становится благоприятным для здоровья и служит условием долголетия. Абхазские долгожители занимались преимущественно тем, что их больше привлекало. В таком занятии они обретали трудовое счастье.

Существенной чертой, характерной для повседневной деятельности абхазских долгожителей, следует считать при этом и активное проведение свободного времени, под которым они понимают, прежде всего, общение с людьми и участие во всех сферах общественной жизни.

⁶³ Д. А. Кикнадзе. Система факторов действия и развития личности. Тбилиси, 1982.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Долгожители: Информация, верификация, обследования

Выводы или общее и особенное в образе жизни долгожителей.

ВАЛЕРИЙ БИГУАА

**АԢСУАА РТРАДИЦИАТӘ ДИНИ
РЫБЗАРАТӘ КУЛЬТУРЕИ
РЫЗЦААРАҚӘА**

**ВОПРОСЫ ТРАДИЦИОННОЙ
РЕЛИГИИ И БЫТОВОЙ
КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ**

РАЗДЕЛ III. ЭТНОГРАФИЯ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ

Апсуара / arsuara – сердце традиционной культуры абхазов (проект будущей монографии)

Предмет исследования. Этническая культура – это совокупность материальных и духовных ценностей народа, которые создаются им исторически накопленным опытом, эмпирическим знанием. Ценности эти проявляют себя в самых разных областях жизни, включая способы взаимодействия с родной природой и социальным окружением. Однако сегодня в более или менее цивилизованных обществах она (этническая культура) находится в качественно ином состоянии, порою доходящем до неузнаваемости.

Отрадно, что абхазская традиционная культура еще не дошла до красной черты, но опасность очевидна.

Учитывая значение бережного отношения к специфике своей традиционной культуры, еще в дореволюционные времена отдельные представители малочисленной абхазской интеллигенции на уровне энтузиазма приступили к письменному фиксированию и изучению первоочередных сторон его быта и, как результат своего труда, смогли опубликовать ряд трудов, не теряющих до сих пор своей ценности. Таковыми являются, прежде всего, «История Абхазии» великого Дмитрия Гулиа, увидевшая свет в 1925 году, и статьи народного учителя Никуа Джанашиа, опубликованные в различных периодических изданиях. Начатое ими дело получило планомерное продолжение в период советизации Абхазии, к которому относится формирование корпуса профессиональных этнографов: Шалуа Инал-ипа, Лиля Акаба, Ивана Аджинджал, Царбея Бжания, Елены Малия, Юрия Аргун и др.

Несмотря на сравнительно приличный срок давности работы над исследованием традиционной культуры абхазов, ряд её актуальных тем остается до сегодняшнего дня незавершенным или даже вовсе не начатым. Как неудивительно, в числе этих проблем пребывает и Апсуара (apsuara) – «абхазство» или «абхазскость», так близкого сердцу каждого абхаза, вместе с тем, малодоступного для понимания фактора его этничности.

Все мы, современные этнографы / этнологи, так или иначе касающиеся данного феномена, исходим из определения выдающегося родоначальника абхазской этнографической школы минувшего столетия, проф. Ш. Д. Инал-ипа, по которому, **Апсуара – это «форма проявления национального самосознания и самоутверждения абхазов; это неписанный кодекс народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах, представляющий собой систему обычаев и представлений о принципах духовного и нравственного бытия, нарушение которых «смерти подобно»** [Инал-ипа, 196: с. 21-22].

Как видно, Ш. Д. Инал-ипа рассматривал Апсуара как область духовной сферы национальной культуры абхазов¹.

По существу и проф. А.Э. Куправа придерживался версии о духовном начале Апсуара, но несколько завуалированно намекнул на способ выяснения её структуры, но не решился на реальные действия.

Но Конструкция (аба^о – абав^о) и механизм её бытия остались неизведанными.

Считая Апсуара, как и большинство абхазских ученых, духовной культурой, охватывающей всю совокупность морально-этических представлений, которыми руководствуется абхаз во всех областях своей жизнедеятельности, первым к

¹ Апсуара становилась объектом этнографического исследования и последующих авторов, о точках зрения которых буду говорить по мере необходимости.

необходимости изучения Апсуара как системы вплотную подошел В. М. Бганба [1998, №4]. С высокой степенью точного соответствия, он рассматривает систему не как замкнутое, рутинное, наоборот, как открытое, лабильное явление. Приведенная им в качестве примера пословица «ацсуара егъакуп, егъыџбоуп» – свидетельство тому. Именно, благодаря своей подвижности, она имеет большое будущее – «анарха амоуп», – пишет он заканчивая свои рассуждения, в которых чувствуется нота оптимизма и благожелательности к народу – создателю и носителю системы Апсуара.

По существу и проф. А.Э. Куправа придерживался версии о духовном начале Апсуара, но несколько завуалированно намекнул на способ выяснения её структуры, но не решился на реальные действия. Или не предпринял никаких шагов в их сторону.

Попытка структурального изучения Апсуара как системы в полной мере предпринята Анной Бройдо (Бройдо, 2008), которая, кстати, впервые в понятийный аппарат этнологического абхазоведения ввела «абхазский этос» как понятие, выражающее обобщенную характеристику абхазской этнической культуры. Применительно к духовным ценностям и нормам поведения данный греческий термин приемлем, но узок для всей системы Апсуара, которая, как выясняется, не может ограничиться рамками духовной сферы традиционной культуры абхазов. И что самое главное. предложенные автором т.н. категории Апсуара чрезмерно многочисленны (23) и порою грешны неточностью и неверностью их толкования. Подавляющее большинство из них – всего лишь компоненты отдельных сфер системы. К тому же, «категория» как выразитель понятия «разряд явлений», к тому же в известной мере приобретающая иерархический оттенок, для точно понимания структурности Апсуара не в полной мере соответствует действительности. В целом, положительность подхода автора к проблеме не вызывает сомнения.

Долгое взвешивание мнений ученых за и против, прямо или косвенно поднимавших проблему, и неоднократный анализ их рациональных зерен наталкивает к мысли о том, что для освоения поля действия Апсуара надо разобраться, прежде всего, в самой сути объекта исследования. Причем стартовой площадкой всей работы над ним служит современное состояние абхазской культуры.

Актуальность исследования. Современная культура абхазов, – это переплетение двух разнородных, противоположных культур: традиционной и западной.

В силу географического и политического положений Абхазии западная культура проникает в быт абхазского этнического массива Страны (сегодня зарубежные абхазы – другая сторона медали) в несколько русифицированном виде. Не последнюю роль в этом играет, безусловно, и их демографическая и лингвистическая ситуация, которая берет свое начало после известной национальной трагедии XIX века – депортации, больше известной как «махаджирство». А своего «пика» она достигла во времена советской власти.

Столь скоростное стремление к принятию инновационной культуры объясняется не только демографической картиной, но и не менее важным обстоятельством, вызванным исторической правдой.

Отличие от сильно регламентированной и ритуализированной традиционной этнической культуры, западная культура сравнительно легковесная / более рациональная. Естественно, она (западная культура) осваивается абхазами без особого труда и становится для них повседневным обыкновением, особенно среди молодого поколения, благодаря современным средствам снабжения его квазицивилизационной информацией извне, и коммуникации.

Обстоятельство это не может не вызвать тревогу у широкого круга людей, особенно творческой интеллигенции, хорошо представляющей себе её причинно-следственную связь. И это

вполне закономерное и исторически оправданное состояние души любого народа, ставшего по воле судьбы малочисленным. И неслучайно, что в критические для абхазов исторические времена именно тревога за традиционную культуру выступала, выступает и сегодня основной силой единения общества, двигателем борьбы за самосохранение.

Как было указано в начале текста, любая абхазоведческая работа посвящена традиционно-бытовой культуре родного народа и перспективе её дальнейшего развития, как в сторону плюса, так – и минуса. Но наличие специального отдельно взятого монографического исследования сердцевины традиционно-бытовой культуры, имя которой Апсуара, по сути дела представляет собой мощное этнокультурное образование.

Проекту может быть своего рода призывом к полному и безоговорочному возвращению культуры в историческое прошлое, к своим архаическим корням, что по праву нужно понимать как утопический шаг. Цель проекта – создание теоретического и историко-этнологического обоснования необходимости сохранения этнической самости – этнического «я».

Жизнеспособная этническая культура любого народа, независимо от его численного ценза, – это сокровище общечеловеческой культуры.

Но сохранение полноценного этнического «самосознания» народа возможно лишь при наличии у него структурообразующих элементов традиционно-бытовой культуры, хотя бы на уровне его реального состояния. Повторюсь, сегодня абхазская этническая культура истощена, но жива.

Консервация» традиционной культуры народа нужна для того, чтобы придать ей импульс творческого начала, для её дальнейшего развития, так как она находится в состоянии постоянного движения. Скорее всего, она движется за счет трансформации собственных ресурсов и способности вбирать в себя новаций, соответствующих реалиям времени, проникающих в неё инновационных элементов, о которых гово-

рилось выше. Как явствует передовая абхазская философия, «только развиваясь, культура может в полной мере выполнять свои социальные функции, повышать творческий потенциал общества, без чего выстоять в конкурентной борьбе за существование малочисленному этносу вряд ли удастся. Своя культура нам нужна не для того, чтобы отличаться от других, (хотя и это необходимо – В. Б.). Своя культура нам нужна для того, чтобы мы могли удовлетворять через нее свои базовые потребности» (Дамения, 2011: 11 – 23).

Еще раз подчеркнем мысль, согласно которой любая этническая культура развивается не без обратной связи. Каждая из них вносит свой вклад в мировую цивилизацию, т. к. каждый народ наделен исторически сложившейся, самобытной этнической особенностью.

Потому в науке принято считать, что народ живет, пока жива его историческая память, под которой понимается бытование в его жизни основных институтов традиционной культуры. Следовательно, считается, что потеря одного из них – невосполнимая утрата не только для него, конкретного народа, но и для неповторимой краски в палитре мировой культуры в целом.

Спрос на предлагаемую монографию может усилиться с еще большей остротой в необозримом будущем народа, в первую очередь малочисленного, которому уже сегодня угрожает процесс лавинообразной мировой глобализации, как в социально-экономической и политической жизни, так и культурной. Поэтому нужно сегодня, а не завтра, приступить к экстраординарному способу впитывания национального самосознания в натуру каждого молодого абхаза, основа которого, вне всякого сомнения, – феномен традиционной культуры – Апсуара. Но это отнюдь не означает, что Апсуара лучше всех других систем культурных реалий современного мира.

Просто, по своей природе, человек может воспринимать мировую цивилизацию только через свою близкую, родную

культуру, концентрированным выражением которой в данном конкретном случае является данный культурный феномен, понимающийся, если выразиться словами Вяч. Бганба, как «система ценностей» (Бганба, 1998: 2). При этом я подчеркиваю термин «система».

Существо вопроса. Теоретической базой для создания намечаемой монографии по Апсуара служат капитальные труды Ш. Д. Инал-ипа: «Очерки по истории семьи и брака» (Сух., 1954), «Абхазы» (Сух., 1965), «Вопросы этнокультурной истории абхазов» (Сух., 1976) и, конечно же, «Традиции и современность» (Сухух., 1973), «Очерки об абхазском этикете» (Сух., 1984).

А вышеприведенное определение ученого служит озаряющей свечой для тех, кто берется за работу над написанием монографии.

По сути дела, абхазская традиционная культура в целом укладывается в признанную этнологией схему четырехчастного деления культуры вообще: «производственная, жизнеобеспечивающая, соционормативная и гуманитарная» (Арутюнов, Рыжкова, 2004: 79). Но традиционная культура абхазов в целом не есть Апсуара, т. к. ей не чужды общечеловеческие универсалии. Ведь человеческая культура едина, если рассматривать её с точки зрения историко-этнологического конструктивизма.

Несколько забегаю вперед сообщая, что логическое переосмысление феномена Апсуара как системы дает возможность формулировать его лаконичную дефиницию: **Апсуара – сердце традиционно-бытовой культуры абхазов, понимающееся как способ этнического самосознания и самоутверждения, этнической саморегуляции и самодостаточности.**

Как видно, по сравнению с иналиповским определением данная дефиниция дается в максимально сжатой форме, но по содержанию она соответствует ему. Да и сам Ш. Д. Инал-ипа

считал, что необходимо переработать и подвергнуть его лаконизму. Свидетельство тому – его последнее заключение:

«Апсуара – этническая специфика абхазского народа» (Инал-ипа, 1996)². Если сформулировать смысл этой фразы более доступными для читателя словами, то звучит как «особенность абхазского бытия».

Структура Апсуара

Полевое этнографическое исследование темы, которым я как этнолог с достаточным опытом работы занимался в течение многих лет, и использования данных профессиональной литературы, фольклора и языка, а именно в плане структурального подхода к ней, позволяет смело заявить, что Апсуара это система, представляющая собой конструкция / монолитное строение. А строение воздвигнуто абхазским народом в процессе его исторического развития. Свидетельство тому – золотые слитки его фразеологического словаря:

апсуа-дгьыл / apsua-dg'əl;

апсшэа, апсуа бызшэа / apšš'ə;

апсуа-бзаара / apsua-bzazara;

апсуа-доуха / apsua-douha;

апсуа-къабзкэа, апсуа-леишэа / apsua-leiš'ə;

апэгъеи-абзиен / ac'g'ei-abziei;

правовой – **ахъзи-ахъымзги / ax'zi-ax'əmzgi.**³

² Знаю, что с моей стороны звучит не очень скромно то, что хочу сообщить здесь, но сообщу: мой великий учитель собирался вернуться к ней вместе со мной, поскольку это он сам поручил мне поработать, и знал, что собираю материал. Но, к сожалению, судьба его распорядилась иначе.

³ О наличии параллельных народных понятий с соответствующей номенклатурой в традиционно-бытовой культуре абазин автору настоящего проекта не известно. К сожалению, в существующей на сегодня абазинской этнологической литературе их нет. В случае появления ясности, они будут использованы в работе. Но не искусственные.

За каждым фразеологизмом стоит соответственно определенная культура: **этноэкологическая;**

Этнолингвистическая;

Бытовая;

духовная;

Нормативная;

Обрядовая;

правовая.

Следовательно, Апсуара – это суперкультура, которая состоит из субкультур, выступающих по отношению к ней как сферы культуры. То есть как культуры в культуре.

Нетрудно заметить и то, что название каждой культуры (субкультуры) состоит из двух самостоятельных слов, но оба эти слова понимаются как одно целое, как одно понятие, поэтому и писать его надо слитно или через дефис.

Апсуа-дгьыл / apsua-dg'əl – (этноэкологическая культура). Это территория исторической Абхазии (Абазии), ассоциирующаяся с ограниченным пространством «между морем и горами» – геи-шьхеи рыбжьара – «со всеми особенностями ее физико-географических и природно-климатических условий» (подробнее об этом – Дбар, 2007; 2012: 12 – 23). Значит, «абхазы ориентируются сообразно с той природой, в которой они живут» (Зухба, 1995: 56), нередко ассоциируя её с некоторой грустью: «бедная Абхазия» – Апсын-рыцха. Вместе с тем они и возвеличивают её: «Абхазия просторная, великая страна» – Апсынкъакья-дузза (Куправа, 2004: 141 – 150). Видимо, первое словосочетание возникло после трагических событий, произошедших во второй половине девятнадцатого столетия в результате т.н. Кавказской войны, поставившей народ абазы (абхазов и абазин) вместе с родственным ему адыгским народом на грани исчезновения, второе – как эхо времен могущества средневекового государства абхазов (абазы).

«Море-горы» тоже не замыкается природой и масштабами страны. Солнце встает из-за «гор-небоскребов» – надежных

защитников земли абхазской (абазской) – ажэџан хыла иц-зыцессо ашьхақэа. Горы являются символом мужской гордости, море, в которое опускается солнце, – женской красоты.

«Горы и море абхазы представляют как равносильные и равнозначные явления, как единое целое и неделимое, как целый «образный архетип» (Зухба, 1995: там же) Отсюда и другое словосочетание: геи-шьхеи.

Между тем, море и горы существуют независимо друг от друга: «морская страна» – гатэыла, «горная страна» – шьхатэыла. Обе эти взаимоисключающие, но в то же время и взаимосвязанные и взаимообусловленные «страны» – одного и того же физико-географического организма, являются собственностью абхазов (народа абаза).

Народ абаза является связующим звеном этих вертикально разнозначных природных зон. Очевидно, и то, и другое понятия отражают его отношение к родной природе, в среде которой он сформировался как этнос.

Традиционный представитель народа абаза не мыслит себя вне отчей земли. Гармонично сосуществуя со своей родной природой, он считает себя ее неотъемлемой частью, ибо особенности данной экологической ниши оказали известное влияние не только на его образ жизни, но и на язык и мышление его.

Следовательно, Апсуара как система могла сформироваться только на родной земле, которую абхазы называют *ацсад-гьыл* (родина) – «земля абхаза / абаза», от чего и Апсны (Абхазия) – «страна абхазов / абаза»⁴.

⁴ Абхаз (абаза) не мыслит себя и свою Апсуара вне своего места обитания, Абхазии. Гармонично сосуществуя со своей родной землей, он считал себя её неотъемлемой частью. Даже насильственно депортированные во второй половине XIX столетия абхазы (абаза) – махаджиры, не обосновались на предложенных им землях. Каждая община долго скиталась в поисках мест, по своим природным условиям приближавшихся к «покинутым» селениям, получившим затем те же названия, какие носили там, на родине: Цхьынара. Цабал, Цьгьарда...

Апсшэа, апсуа бызшэа / apšš°a (этнолингвистическая культура). Можно ли представить себе Апсуара без абхазского языка, средства мышления, общения и взаимопонимания абхазов, основного этнодифференцирующего фактора и, наконец, обслуживающего всю систему феномена?

– Нет!

Являясь одним из наиболее трудных агглютинативных языков, «абхазский язык (читай: абаза – В. Б.) принадлежит к числу так называемых консонантных. «Его фонетический состав характеризуется сложной системой согласных и минимально развернутой системой вокализма» (Чирикба, 2007; 2012: 25). Абхазский язык, вместе с абазинским языком, как нельзя лучше отвечает требованиям разнообразия земли его носителя. Это значит, что язык абаза (абхазо-абазин) порожден самой природой и, как следствие всего этого, архаикой их традиционного уклада жизни. Примерно в таком ракурсе, в ракурсе «теории языковой относительности» (Сепир, 2001) мыслится раскрытие природы языка народа абаза при изложении лингвистической культуры Апсуара. В абхазской языковедческой семье знаний – слава Богу! – есть кому об этом писать.

Апсуа-бзазара / apsua-bzazara (бытовая культура) включает в себя широкий спектр бытовой культуры народа. Такими являются следующие подкультуры: хозяйственный быт (особенности земледелия, скотоводства (Инал-ипа, 1965); Чанба, 2012; Смыр, 2012; Бигуаа, 2012: 212-217), материальный быт (пища (Тарджман-ипа, 2012), одежда (Малия, 1982), жилище (Акаба, 1982; Бигуаа, 2012: 212-232), семейный быт (структура и внутренняя организация семьи (Бигуаа, 2010, 2012), воспитание детей (Дбар, 2000), система семейных групп – *ажьрацэара*), общественный быт (патронимические, родовые, общинные, региональные и всенародные отношения (Маан, 2012; Куправа. 2012).

При этом нужно учесть и то, что в данном случае речь не идет о способе производства материальных благ так таковых,

а о характеристике самого быта. То есть «хозяйственный быт» следует понимать вне трудового процесса, а просто как форма его существования.

Апсуа-доуха / Apsua-douha (духовная культура) следует понимать не как «неопределенное высшее творческое начало, сверхъестественную способность всевидения и предвидения» (Инал-ипа. Указ работа), а как ценность, мотивирующую и стимулирующую деятельность людей. Это то, что принято называть эмоциональным способом познания мира: народная музыка и народная хореография, традиционная религия (пантеон абхазских политеистических богов) и официальное вероисповедание (христианство, ислам), фольклор (наиболее характерные жанры). Описание любого жанра искусства или устного народного творчества должно осуществляться, прежде всего, с учетом его значимости в духовной жизни народа (Салакая 1976; Аншба, 1982; Зухба, 2015; Джапуа, 2003, 2016; Адлейба, 2020; Когониа, 2014).

Главное здесь объяснение, допустим, величественности манеры абхазского песнопения или огненность и виртуозность поворотов и круговых движений танцев на языке искусства (нотная запись песен, графическое или схематическое описание действий исполнителей танцев (Вардания, 1964), или кинетография, созданная Србуи Лисициан (Лисициан, 1940). И в отношении религиозной жизни народа – то же самое: абхазский супрематеизм как высшая стадия политеистических воззрений, который в известной мере можно называть и монотеистическим (Бигуаа, 2018), и место официальной религии в современном абхазском обществе (Арх. Дорофей (Дбар, 2012; Барцыц, 2009).

Апсуа-леишэа / Apsua-leiř°a (нормативная культура) – наиболее типичный показатель системы Апсуара: обычаи – ақьабз. Это – этика (представления о том, что делать следует и не следует), эстетика (красивом и некрасивом) и этикет (совокупность форм обхождения с окружающим миром во всех

их проявлениях: в семье и обществе; в сфере политической культуры, в обрядах жизненного цикла, в пути, в застолье; в формулах общения, речевых стандартах и др. нормативных актах). И, конечно же, особое место здесь занимают формы общения. Как писал академик В. Бромлей, «ни в одной сфере человеческой деятельности традиция не заявляет о себе так зримо, как в сфере коммуникации» [Бромлей, 1981: с. 129]. Аналогичное мнение о них и у известного кабардинского кавказоведа, проф. Б. Х. Бгажнокова: «культура общения живыми нитями связана со всеми другими сферами культуры» [Бгажноков, 1983: с.5]. Очень важны также аспекты традиционной благожелательности – формулы приветствия, количество которых в абхазском языке – несколько десятков (!), а также бесконечные речевые стандарты, не раз отмеченные и зарубежными этнологами.

В намечаемой нами монографии все они должны быть показаны с учетом техники практического исполнения каждого из них. В какой бы ситуации эти и другие элементы нормативной культуры не проявляли себя, всецело сопрягаются с оппозицией: старший – младший и младший – старший, мужчина – женщина и женщина – мужчина, наездник – пеший и пеший – наездник, хозяин – гость и гость – хозяин и т. д., и т. п.

Весь этот материал должен быть изложен с учетом менталитета народа – этнической психологии и этнической педагогики.

Наряду с вышеуказанными трудами профессора Инал-ипа, в процессе работы над проектируемой монографией, мы можем широко использовать те труды проф. Барасбия Бгажнокова, посвященные непосредственно нормативной культуре адыгов (Бгажноков, 1978; 1983; 1999), поскольку, как известно, аналог Апсуара – Адыгагэ.

Не случайно, что проф. Инал-ипа отмечал: «Абхазо-адыгские этикетные параллели в широком смысле этого слова настолько выразительны и многочисленны, что книгу об адыг-

ском этикете с известным основанием можно было бы назвать и производением по абхазским моделям поведения, и наоборот» (Инал-ипа, 1984).

Можно найти немало этнографических параллелей и в Бусидо, хотя как в пространстве, так и во времени оба эти феноменальные стороны культуры не пересекаются. Это – лишнее подтверждение тому, что человеческая культура едина – идея, которая красной нитью проходит через всю довольно объемистую книгу крупного русского этнолога-американиста В.А. Тишкова «Реквием по этносу» (Тишков, 2003).

Ацәгъеи-абзиен / ас° g' ei-abziei (обрядовая культура). Она представляет собой комплекс обрядовых действий, связанных, главным образом, с жизненным циклом. С одной стороны, это рождение человека и вступление его в брак, с другой – похороны и поминки.

Если родильная или свадебная обрядность отличается большей лабильностью, то похоронно-поминальная – относительно рутинностью (Инал-ипа, 1954; Бигуаа, 2012: 281-294). Здесь этническая специфика личностных и общественных отношений более устойчива и проявляет себя достаточно выпукло. Она полна также элементов религиозных представлений, как супрематеистических, так и христианских, или мусульманских, которые в своем комплексе образовали сложное мистическое переплетение. Поэтому изложение данной обрядности требует осторожного переосмысления материала.

Ахъзи-ахъымзги / ах'зи-ах'эмзγι – (правовая культура). Это дозволенное общественным мнением поле действия каждого человека или группы людей, это механизм того, что делать можно и нельзя. Ахидз – имя высокое, завоеванное индивидуумом или группой людей умом или силой: справедливо (хақла), по-человечески (уафрала), по совести (ламысла). Прежде всего, это смелая защита родной земли и родного народа, защита справедливости, во имя чего нередко проливалась человеческая кровь.

Человек, совершивший особый поступок, удостоивался народом особого звания *ахайа или афырхайа* – «мужчина» / «мужчина грома и молнии». О таком храброе человеке народ слагал песню.

Ахимдзг – противоположность ахидзу: трусость, предательство, кровосмешение и прочие низости, за которыми следовала смерть, но чаще не в прямом, а в переносном смысле этого слова. Как правило, виновник изгонялся из рода, общины.

При этом правосудие осуществлялось путем «делопроизводства по-абхазски» – *ацсыуала аусеилыргара*. Это понималось как устное рассмотрение дела, гласно, прозрачно. Таким же способом оглашался и приговор.

Еще одна особенность системы Апсуара.

Апсуара понимается в двух смыслах: в широком и узком. Об этом намекает и вышеуказанный лаконизм Ш.Д. Инал-иа (Апсуара – специфика традиционной культуры абхазов).

Апсуара в широком смысле – это вся та система, о которой шла речь выше. И все без исключения субкультуры Системы (7) равнозначны, равноценны и находятся в строгом взаимодействии и взаимообусловленности, ибо они так или иначе постоянно пересекаются. К тому же видно, что каждая из них называется не просто общим, собирательным словом, а в сочетании с самоназванием абхазов – «ацсуа», вкладывая в термин этнический дух, этнический знак.

Апсуара в узком смысле слова ограничивается соционормативной культурой – *ацсуа-цаскэа / ацсуа-акъабзкэа*, или *ацсуалешэа*).

Соционормативная культура абхазов характеризуется как «кодекс народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах», о котором писал еще Инал-ипа (Инал-ипа, 1996: там же). Естественно, поэтому на неё нужно делать особый акцент, особую ставку. Повторюсь, абхазские этнические традиции проявляют себя

наиболее зримо именно в системе нормативной культуры Апсуара.

Аксиальную роль в апсуатас играют два неразрывно связанных между собой понятия:

1) аламыс апсуаламыс, принимающееся как «общенародная честь и совесть» (Инал-ипа, 1996: там же), как «престижное поведение» (Чеснов, 1984: 107), имеющее «вполне конкретное этническое содержание» (Куправа, 2004: 150);

2) ауаџра – человечность в самом широком и глубоком смысле этого слова: доброта, гуманность, обходительность, предупредительность, порядочность, готовность к помощи и другие категории морали «высшей материи».

Логика структурального метода исследования феномена приводит к еще более определенному лаконизму:

Апсура – система нравственной культуры абхазов / абза (здесь «нрав» понимается в его втором значении: «обычай, уклад жизни» (СРЯ, 1988).

Разумеется, монография не может считаться полной без вводной и заключительной частей. Во введении будет обоснована актуальность проблемы и определены задачи работы. В нем должны быть отражены также историографический аспект и четкое определение понятия вообще.

В заключении речь пойдет о современных реалиях и перспективах развития Апсуара, о её роли и значимости в строительстве Абхазского национального государства демократического типа. А демократичность и подвижность – характерная черта системы Апсура, целостное понятие которой передается в форме трудно переводимой пословицы: апсуара егъакуп, егъыџбоуп. И, именно, благодаря демократичности и подвижности своей, «она имеет большое будущее» – анарха амоуп (Бганба, 1998: там же).

Заключение, или рекомендация. В заключении следует отметить, что сама структура феномена Апсуара требует от нас, ученых, готовых брать на себя практическое решение

проблемы – создание монографической работы в виде двух книг:

1) **Апсуара – сердце традиционной культуры абхазского народа / абаза (абхазов и абазин);**

2) **Апсуара – суперкультура абхазского народа: соционормативная сфера феномена.**

Причем первоочередной задачей проекта является написание второй работы (Соционормативная сфера...) с относительно небольшим объемом – 10 п. л. И должна быть она написана одной или, максимум, двумя руками. При интенсивной работе на её выполнение достаточно 1 год. Другая (первая) работа будет более объемистой – в порядке 20 п. л. Естественно, поэтому она требует усилие определенного коллектива авторов, имеющих опыт в данной области знания, и, соответственно, несколько большее временное пространство. Но она может подождать до лучших времен, так как основное её положение излагается в известной коллективной монографии «Абхазы», вышедшей в Москве (М., «Наука», 2012).

Можно было поставить на этом точку, если бы создание монографии по Апсуара, если оно могло служить панацеей для исправления этнокультурной ситуации.

Увы, прошлое – это еще неразвившееся будущее. Значит необходимо поговорить не только о чисто традиционном аспекте системы, но и о её настоящем состоянии с учетом тенденции дальнейшего развития. Когда абхазский народ строит кровью завоеванное национальное государство демократического типа, Апсуара должна играть в нем осевую роль, точно так же, как Апсуаламыс – в самой Системе.

Что нами двигает в направлении системы Апсуара, nostalgia?

Нет, хотя и она тоже.

Ведь в мире немало довольно успешных государств, в основе конституции которых – специфика этнической культуры,

несмотря на занимаемые ими земельной площади и численности населения.

Сохранение системы Апсуара, способной шагать в ногу современной цивилизации, находится в прямой зависимости от состояния четырех объективных факторов: демографии, языка, земли и образовательного стандарта.

В условиях современных реалий жизни изменение демографической ситуации возможно только тогда, когда роженица имеет твердую гарантию социально-экономической защиты. За примером не надо ходить далеко. Абхазия расположена рядом с РФ, которая успешно решает вопрос детности. Но, конечно же, возможности великой страны не сопоставимы с нашей. Однако нет безвыходного положения: Крылатая фраза гласит: «ты закроешь тысячу дверей, я открою – тысячу первую». Это одна сторона медали. Вторая – проблема репатриации, архиважное значение которой не вызывает сомнения не у кого из нас.

Нам нужен людской ресурс, которому во главе умелого управленца под силу поднять наше новое государство на более высокую ступень. Он и решит и государственную безопасность в самом широком смысле этого слова.

Человеческая природа неизменна. Тяжело было предкам наших заморских братьев расстаться с отчей землей, но не легко и их потомкам сняться с чужбины, где они родились, выросли и добились определенных жизненных успехов. Все зависит от уровня привлекательности нашего государства, пребывающего еще в младенческом возрасте.

Поднятие престижа абхазского языка как государственного в ранг основного средства общения граждан Абхазии в обозримом будущем должно быть проблемой проблем государства, раз он – государственный. Поднятие престижа абхазского языка возможно только в том случае, если государство примет вынужденные меры, как бы они не западную демократию. Меры эти заключаются, прежде всего, в поднятии

стимула лицам, работающим на абхазском языке: педагогам, писателям, ученым. Как известно, аналоги в мировой практике есть. Это с одной стороны. На территории республики руководитель любого ранга обязан владеть свободно. Если таково требование конституции от президента, то, тем более, его надо распространить и на блок нижестоящих государственных чиновников. Следовательно, реально государственный язык становится государственным.

«Время, в котором мы стоим», требует от нас особого обращения к родной земле, на которой мы живем и собираемся построить цивилизованное национальное государство, способное защитить свой народ как этнос, его язык, его самобытную культуру в целом. Нелегальное лечение своей финансовой болезни за счет земельных участков, осуществляемое отдельными гражданами Абхазии, рано или поздно может привести народ к очередной трагедии – национальному дисбалансу, ущербному для коренного населения / абхазов. Надо таким людям напомнить, что земля у нас национализирована – она не продается и не покупается. Юридически нарушение земельного кодекса должно приравниваться к предательству, а по нормам Апсуара – ахьымдзг, со всеми вытекающими из этого понятия последствиями. Вообще между понятием «бережное отношение к земле» и порядком получения гражданства можно ставить знак равенства. Для этого нужен защитный механизм. Искать не надо. Это – язык. к, без знания которого ни один иностранец (за редчайшим исключением) не может получить гражданство, следовательно, и недвижимость как это делается в ряде государств.

Помню, еще в самом начале послевоенного периода времени ректор Абхазского госуниверситета Алеко Гварамия, выступая на каком-то общереспубликанском форуме (прошу прощения, точно не помню) громко, с требовательным тоном сказал: «Образование должно стать государственной идеологией Республики Абхазия!». Нет, не ради красного словца, а со знанием дела, с которым он часто сталкивается.

Мягко говоря, образовательный уровень населения страны в целом оставляет желать лучшего. Дело не в дипломе. Диплом – это бумага. Если планка подготовки человека не отвечает его диплому, то лучше не иметь его. Чего греха таить: далеко не каждый из нас стоит на своем месте.

Первый шаг к решению проблемы – избавиться от постыдного принципа: «свой – чужой». В любой ситуации жизни: приеме экзаменов либо на работу, защите диссертации либо присуждении премии и т.д., и т.д. верх берет не дело человека, а личные отношения с ним или его ближайшего окружения. Надо строго-на-строго пресекать дорогу лоббизме / эвфремизме.

Теперь о взаимоотношениях древних, но вечно молодых проблем жизни системы Апсуара: традиции и современности.

Как писал еще в начале семидесятых годов прошлого столетия Ш. Д. Инал-ипа, «надо понимать и ценить веками создававшиеся положительные нравы и обычаи горцев. Но это отнюдь не должно заслонять задачу активной организации работы по исправлению недостатков общественной и частной жизни» (Инал-ипа, 1973, с. 3).

Как указано в начале данного проекта, порою многие из нас бьют себе в грудь, что принципы Апсуара искажаются, или вовсе исчезают!

Безусловно, проблемы есть, и весьма, и весьма серьезные. С течением времени они усиливаются все больше и больше. В этом и причина возникновения и предлагаемого проекта. Но нет основания для преувеличения факта. Если каждый из нас будет заниматься тем, чем может, главным образом, по зову сердца, призванию и способности. И результат обеспечен.

Проблемы, имеющиеся в Апсуаре, распределяются неравномерно. В одних сферах системы они больше ощутимы, в других – меньше. Самой уязвимой сферой системы Апсуара является именно соционормативная культура – её узкое понятие. И в ней самая шаткая стороны – формулы и стан-

дарты общения в тандеме с институтом «старшинства-младшинства».

К примеру. Среди молодых абхазов и абхазок редко кто знает, что при появлении или проходе старшего по возрасту надо вставать во весь рост, а не имитировать жест. Подавляющее большинство молодежи не знакомо также с тем положением, что при приветствии младший имеет права подать руку первым старшему. В то же время молодой человек не только может, но и обязан приветствовать старшего по возрасту в вербальной форме. Молодежь не очень знакома и с тем, что в лексике абхазского языка имеется в порядке тридцати стандартов благопожелания, в зависимости от ситуационных моментов. Однако это не её вина, а беда её. Мы, старшее поколение, – не лучший пример для подражания.

В отношении же первой части бытовой культуры (Апсуа бзазара) можно дышать спокойно. Пища – законсервированный элемент жизнеобеспечивающей системы. Жилища на пути модернизации с сохранением основных традиционных форм. Отдельные факты строительства домов западного типа пока не в силах повлиять на лицо материального быта. Количественное превосходство традиционных домов – сохраняется.

Национальная одежда абхазов – исключение: мужской костюм пока бытует, но в основном в виде отдельных его элементов: папахы, пояса и др., в сочетании с современной формой одежды. Национальный женский костюм ушел в небытие.

Известно еще, что в финансовом выражении «приобретение национальной формы одежды в полном комплекте – из области фантастики».

Что касается семьи – другой сферы бытовой культуры, – то в ней не могли не произойти изменения по той простой причине, что она всегда адекватно, или почти адекватно, реагирует на эпоху времени.

Структура семьи движется в сторону сокращения, как в плане поколенного, так численного состава. О причинах проблемы и способах её выправления я попытался сделать выше. Но можно добавить следующее. Кроме всего прочего, сокращению численного состава семьи способствует и усилившийся в послевоенное время процесс урбанизации, отсюда и упрощение социальной организации.

Регламентация внутрисемейных отношений, основанная на системе стратификации жизни, минимизируется. Минимизируется также и обычай избегания и, прежде всего табуирование имен, до уровня отношений свойственников первого порядка.

На современном состоянии духовной сферы Апсуара я остановился в основной части проекта монографии.

Разговор о соотношении традиции и современности в сфере обрядовой культуры (ацэгъеи абзиен) следует начать со свадьбы.

Ну и что из того, что на свадьбе делаются денежные подношения – *афыхтыңса*? Они делались и в прошлом, но только во время смотрин – *атяцабара*, без записи. В виде «цены открытия лица» невесты. Это нужно понимать как искреннее оказание помощи молодой семье, которая рано или поздно вступит в самостоятельную социально-экономическую жизнь. Близкие родственники или друзья могут пригнать и крупную рогатую скотину – *ахаршэ*.

Форма денежного подношения – да, не годится, если оно происходит в специально отведенном для этого месте в отсутствии невесты. А так, не надо препятствовать своеобразному обычаю: *«ути-сыти ешиьтоуп»*.

Препятствовать надо и нужно безмерности самой свадьбы.

Второе – «эстрадное обозрение» торжества, по существу превращающее т в предприятие общественного питания (ресторан) с увеселительной площадкой, где много шума от надрывной музыки, под которую устраиваются бальные танцы.

Оно оттеснило красивые, традиционные формы развлечения, каковыми являлись не только песни и танцы, но и завуалированные соревнования по изысканности отношений друг к другу, и красноречию в тостах, служившему своего рода одной из народных школ ораторского искусства.

Вызывает недоумение и одеяние жениха и невесты, отличающееся чрезмерной европеизацией. Разве национальная одежда не придаст эффекта свадебному торжеству? Вспомним слова Константина Федина, описавшего в 1935 году одного абхазского крестьянина, – участника очередного советского праздника в Ереване: «Большой, стройный, в белом башлыке, в бурке (...). Коричневая черкеска туго обтягивала абхаза, патронташ на груди готов был лопнуть, он снял и повесил к бурке кинжал в серебре и пояс. Он казался мне слепком с самого себя (...). Он занял место в ряду других делегатов, его сверкающий башлык, завязанный по праздничному пышно и замысловато, был виден из всех уголков театра» (Федин, 1959, с. 313-314).

Нельзя не отметить с досадой и вхождение в абхазскую свадьбу чуждого для абхазской манеры поведения в отношении приема алкогольных напитков, осуществляющееся по принципу «кто кого». Можно позавидовать нашим предкам, издревле отличавшимся сдержанностью за столом, когда читаешь об их нравах: «вина туземцы выделывают много, потому что они большие любители этого напитка и пьют его много в особенности в гостях. Но пьянство здесь совершенно не известно. Считается крайне неприличным поведением выказывать какие бы то ни были признаки опьянения» (Альбов, 1893, вып. III., с. 315).

В основном, как уже было отмечено, свадьба сохраняет свою традиционную схему. Поэтому нет смысла говорить о каких-то сценариях, как во времена советов.

За традициями, уходящими со сцены бытовой жизни народа, не стоит цепляться, если они уступают место новше-

ствам, если они не идут вразрез с национальными ценностями культуры.

Новшества с резко отрицательными оттенками имеют место и в похоронно-поминальной обрядности, стало быть, наиболее устойчивой стороны сферы *Ацэгъеи-абзиеи*. Прежде всего, это растянутость дней совершения поминальной тризны об упокоении умершего. Между тем, по традиции, тело умершего человека не должно покоиться в доме более трех суток. Свидетельство тому – сложное, но короткое слово: *ахахымѣ* – «дрова на три ночи». А угощение участников устраивалось и должно устраиваться только после похорон.

Стыдно и грешно говорить тосты за тех, кто за черным столом, тем более – стоя. Исключение – тосты за здравье ближайших родственников покойного, которые говорят так же исключительно сидя.

Если остановиться на правовой сфере Апсуара, то, прежде всего, следует вести речь о случаях, увлечения молодежью ненужными занятиями, идущими во вред её здоровью, и, конечно же, нарушении правил уличного движения, которыми она показывает неуважение к самому себе и другим, и самое главное – отсутствие чувства жалости к своей жизни и жизни родителей. Это бич абхазской нации, и в первом, и втором значении этого слова, (см. СРЯ, с. 19).

Ведь, правила уличного движения – это своего рода всаднический этикет, отход от которого строго пресекался общественным мнением. Поэтому здесь наравне с официальным законом должен действовать и традиционный закон – седьмая субкультура Апсуара – Ахъзи-ахъымзги. Отец должен отвечать за сына, а мать за – дочь, если они еще не обзавелись собственными семьями и живут в «большом доме» – *афнду!*

Вне всякого сомнения, в рамках предлагаемого читателю проекта я не претендую на смелость и способность ответить на все вопросы, выдвигаемые современным состоянием системы Апсуара. Скорее, это прерогатива коллективного ума

абхазского общества, прежде всего, круга его старейшин и интеллектуальной элиты.

Структурно-схематическое изображение системы Апсуара

Система	Сфера	Компонент	Предмет
А п с у	Апсуа-бызшәа / апсшәа (языковая культура)	1. Типологический аспект 2. Лингвистический аспект	Общие сведения фонетика, морфология, синтаксис
	Апсуа-дгыл (этно-экологическая культура)	1. Окружающая природа 2. Климат	Ландшафт, флора, фауна
	Апсуа бзазара (бытовая культура)	1. Жизнеобеспечивающая система 2. Семейный быт, общественный быт	Пища, одежда, жилища Структура, Внутренняя организация. Воспитание детей. Семейные группы: Патронимия, Ажьрацәара.
	Апсуа-доуха (духовная культура)	1. Искусство 2. Устное народное творчество 3. Философия 4. Религия 5. Эстетика	Песни, танцы. Изобразительное искусство. Фольклор. Особенности этнического мышления, менталитета. Супромотеизм. Монт. Предст. о красов и некрасивом

Ацсуа-цаскэа, ацсуа – къабзкэа (соционормативная культура)	1. Этика 2. Этикет	Застольный, всад- нический и др., стандарты обще- ния, речевые фор- мулы и пр. во всех их проявлениях
Ацэгъеи-абзиеси (обрядовая куль- тура)	1. Свадебная об- рядность 2. Похороннопом- инальная обряд- ность	Предсвадебная, свадебная, после- свадебная. Допохоронная, похоронная, по- слепохоронная. Поминки.
Ахъзи-ахъмызги (правовая культу- ра)	1. Слава 2. Позор	Мечь. Защита справедливости, родины, народа Трусость, нару- шение принципа гостепримства, кровосмешение, дизертирство, предательство

Литература

Альбов Н.А. Этнографические наблюдения в Абхазии // ЖС, СПб.

Арутюнов С.А., Рыжкова С.И. Культурная антропология. Москва., 2004.

Бгажноков Б. Х. Адыгский этикет. Нальчик, 19678.

Бгажноков Б.Х. Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1883.

Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик, 1999.

Бганба Вячеслав. Ацсуаразы гэанагарақэак // «Алашара» № 4, Акэа, 1998.

Бройдо А.И. Проявление этнопсихологических особенностей абхазов в ходе Отечественной войны народа Абхазии 1992-1993 гг. Москва, 2000.

Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М., 1981.

Вардания Ш.А. Апсуа жэлар рыкэашарақэа. Сух., Алашара, 1964.

Дбар Р. С. Природно-экологические условия этнокультурного развития // Абхазы. Москва, 2007.

Дбар С.А. Обычаи обряды летского цикла у абхазов. Сух., Алашара, 2000.

Джапуа З.Д. Абхазские архаические сказания о Сасыркуа и Абырыкиле. Сух., Алашара, 2003.

Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории семьи и брака. Сух., 1954.

Инал-ипа Ш.Д. К изучению абхазского народного кодекса // Абаза, №2.

Инал-ипа Ш.Д. Традиции и современность. Сухуми, 1970.

Инал-ипа Ш. Д. Очерки об абхазском этикете. Сухуми, 1984.

Куправа А.Э. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сухум, 2004.

Лабахуа М.А. Вопросы об Апсуара // Сборник научных трудов АГУ. Сухум, 2000.

Лисициан С.С. Запись движения (кинетография). М., Искусство, 1940. Маан О.В. Основные черты социального строя. М., Наука, 2012.

Малия Е.М. Одежда // Акаба Л.Х., Малия Е.М. Одежда и жилище абхазов. Тб., Мецниереба, 1982..

Салакая Ш.Х. Абхазский народный героический эпос. Тб., Мецниереба, 1976.

Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. 2001.

Чирикба В. А. Абхазский язык // Абхазы. Москва, 2007; 2012.

Чеснов Я В. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении // Полевые исследования, т.1. М. 1984.

Источник: Валерий Бигуаа. Апсуара. Структуральный метод исследования. Прект. Сухум, Дом печати, 2009 (с уточнениями, дополнениями и некоторыми изменениями).

АЦСУАРА: СТРУКТУРАЛТЭ МЕТОДЛА АТЦААРА. АПРОЕКТ

Ацсуаа рмилаттэ культура ачыдарақэа аетнологиатэ царадыррахкағы ианакэызаалакғы хра зуа проблемоуп. Уи напы адыркижътеи маң шымтцауағы, ехъауажэраанза цкъа изызхэы-цым, цкъа итцаам аганқэа ыкоуп.

Иахынзахэтатэкоу еилкаам хырхартоуп, иахъеи-уахеи «хабз ахы иқэу», «абыскак иахзааигэоу, аха иҳазгэамто» Ацсуара асистемағы. Амала, чышэрак здыруаны икоу зегғы уи халацэажэоит, хзанааттэ зыкацара азин хнамтозарғы (Ацсуаразы икоу агэаанагарақэа еилызкаарц зтаху, шэахэапш: А. Е. Кэыпраа, 2004, ад. 141–149). Ихы идыруа даакалеижътеи ацсуа традициатэ культура дырра дула атцаара дшафызғы, апроф. Шьалуа Инал – ица игэаанагара даара амаршэа кны, даара дацклапшны, днакэша-аакэшо акэын ари апроблема дшалацэажэоз: «бжынтэы ишэа, знык ицқа».

Ш. Инал-ица ишипхъазоз ала, Ацсуара амилаттэ хдырра аазырпшуа, ифым кодексуп. Уи шыатас иамоуп агуманисттэ идееи адемократиатэ хэыщъеи, насғы хажэлар рдунеихэапшышьеи рцаскэеи ирсистемоуп (Инал-ица, 1996, ад. 21–22).

Апроффесор Арвелод Кэыпраа ишазгэеитэ еипш, Инал-ица ацсуара арака дшахэапшуа доухатэ культурак ахасабалоуп (Кэыпраа, 2004, ад.143).

Апроблема структуралтэ методла атцаара ишахнарбо ала, Ацсуара амэхак кыр итбаауп. Ацсуара ацсуа традициатэ культура иагэыцэуп. Ганкахъала, Ацсуара ацсуаа рхазхэыцшыъеи рхахэапшышьеи рхынкылашьеи ирсистемоуп, аеаганкахъала – рхы ргэы азтазцо, аеажэларык рхы зларыладмырфашы, «ха хауп!» злархэо мчуп. Ус анакэха, Ацсуара ацсуаа рзы псэзаара еиқеаагоуп, хеикэырхагоуп, рфеиагоуп, пхъақацагоуп.

Ацсуара – система нравственной культуры абхазов (Бигуаа, 1988), конечно же, при понимании термина «нрав» во втором значении: обычай, уклад жизни (СРЯ, 1988).

Еиҕыршәшәаны хәхәапшыр, Ацсуара еишьашәалоу, еиларсу «акультура ссақәа» рыла ишьақәгылоуп. Ацсуара, акультурақәа иркультуроуп. Асистемаҕы урт аинтегралтә, адифференциалтә роль нарыҕзоит, еиҕараны. Азнаказы урт хазы-хаз иҕоушәа убоит, аеҕьарта рымоуп, диалектикатә закәанлагы иҕеиоит, аха еидҕахәалоуп. Дара рхатақәагы рхатә системақәа рымоуп.

Ацсуара доухатә цәырцрак еипш дшахәапшуагы, А. Е. Кәыпраа структуратә методла атцаара дазааигәахеит. Сыгәгы иахәоит.

Сара сшахәапшуала, Ацсуара асистема аилкааразы аструктуралтә метод ада даҕа цапхак ыказам.

Ацсуара уаанзатәи ишәкәы аҕы имаз агәаанагара атқыс шацанакуа атәы ихәоит Ш. Инал-ипагы даҕа усумтак аҕы: «Ацсуара этническая специфика абхазского народа» (Инал-ипа, 1984).

Иашайҕьаны, Ацсуара уаҕы ихаҕы изаагару ацсуаразы этнодифференциалтә принцип хадас иҕоу ацсуа бызшәеи геи-шьхеи рыбжьара ишьтоу ацсуадгыли рыда?

Хатала сара атарадырратә ус аҕы инартбааны схы иасырхәо алогикатә хәыцшыа исанахәо аоуп: апсууала иаазоу ацсуа иапсуа дгыли иапсуа базшәеи рыда ицстазаара пстазаарас ицхьазом, ицсуарагы ацсуараны ицхьазом. Ус акәын дышхәыцуаз уи еихаракгы аҕатә аамта ааианза. Уи идгыли иареи гармониаара рзеибауан, еинаалон, иара дахәтакынгы ихы ицхьазон. Уимоу, XIX ашә. аҕбатәи азыбжазы зыдгыыл гәакьа иахырбааз, амхацьырқәа, хәа, аҕоурых зыхьз анхалаз ацсуаагы, иахьнаргаша ианнарга, – «абра шәынха», – хәа иддырбоз адгыыл аҕы иаангыломызт, иаабуамызт. Уаанза, Ацсны ианыҕаз изкәынхоз, изышыцылаз адгыыл псабарала иазааигәаз тыцк рыцшаанза еимдон. Иантәа, изыкәтәаз адгыыл Ацсны изхыцыз ақытақәа рыхьзқәа рыхьзырцеит: Цхьынара, Цабал, Цьгарда...

Абра схи иасырхэо астуркутралтэ метод инакэршэаны, Апсуара асистема быжыцьараны, быжыкультуракны еихыс-шоит сара сыхэттахь ала:

Аңсуадгьыл – аекологиатэ культура

Аңсиэа – абызиэатэ культура

Аңсуа бзазара – абзазаратэ культура

Аңсуа доуха – адоухатэ культура

Аңсуа ҕасқәа, аңсуа қабзқәа – ахымәаңгаишьатэ, аlesiэатэ культура

Аңэгьеи-абзиетэ – ариуалтэ культура

Ахьзи-ахьымзғи – азинтэ культура

Ихазхамҗар аует, аха илабҗабоуп: апсуара злеибарку акультурақәа рхыпхьазара апсуаа ирымоу асакралтэ хыпхьазара чыда «бжьба» иакэшэоит: абжьныха, абжьшь-хак, абжьымшынк, быжьрабыжьцәа, абжьөеишьцәа... Уимоу, машэырзааит атахызар, иара асистема ахьз ахатагьы бжьышьшьтыбжьык амоуп: а-п-с-у-а-р-а⁵.

Иишоуп, – «Апсуара ө-цакык амоуп», – ихэон апрофессор Шалуа Инал-ипа, аха, рыцхарас икалаз, уи апроблема азбаха имоуит. Инарцэымөа дыққәлеит.

Сара сгэы ишаанаго ала, апсуара атактшәа асоционормативтэ культура ианаалоит: зегьы рапхьаза иргылань, аетика, аестейка, аетикет, рхы ахьцэырыгозаалакь аґы. Апсуара атакы тбаа хыхь зызбахә сымаз абжь-культурак атцанакуеит.

Иапхьа инеиуаз апсуа җарауаа зегьы реипш, Апсуара дшахэапшуаз моралтэ хымөапгашьак, доухатэ культурак амацаралоуп, аха системак аґасабала атцаара шаґаху апхьа изхэаз Виачеслав Бганба иоуп (Бганба, 1998). Иара убриа-лагьы уи дышиашаз аструктуралтэ метод даадгьлт. Насгьы даара дакэшэаны иазгәеитеит апсуара шаркым, җысра зқэым акы акэны ишыґам, ишаарту, алабилра шамоу. Уи атэоуп

⁵ Сара идырны Апсуара асистема иаластазом анхамөатэ культура. Аарыхра апроцесс аетностэ цаки аткыс ауниверсалтэ цаки иамоуп азы, уи ианахәарц зылшо ачыдаракәа шыкоугьы.

иахэо ыырцштэык ахасабала иааиго апсуа жэапқагы: «апсуара егыакуп, егыыобуоп». Абас, шыадала алабилтэ кэзшыа змоу, аитасра иацэымшоо, акэра зылшо асистема анархагы амуоп, – хэа, ихиркэшоит атцарауао-кэрахыымза иажэа, ижэлэр цхьакатэи рцеипш игэы аладуны.

Апсуара систематэ (структуралтэ – В. Б.) методла атцара лэазылшэеит Анна Броидо (Бройдо, 2008). Насгы апсуатцаара уи атермин ыыц алалгалеит: «апсуа етос» («абхазский этос»), апсуа етностэ культура аказшыа хзырбо акы ахасабала. Хыхь зызбахэ схэаз асоционормативтэ культура акэзар атцарауао илхэо зызку, ари абырзен термин маншэалоуп, аха Апсуара асистема зегы азы итшэацэоуп. Убри адагы, Апсуара асистема категория-категориала еихылпсакыоит: 23. Акы ирацэацэоуп, насгы реихарак культурара рзузом, урт акультура иакомпоненткэоуп, Иобахаз, «категория», «разряд явлений» злакэу ала, асистема ианаалом, аиерархиатэ шэыгыгы анубаалоит. Ус, хэарада, атцарауао дзыкэныкэо апринцип иашоуп, ихэартоуп.

Уажэшыта иахэтоуп Апсуара асистема аилкааразы зда цсыхэа ыкам аструктуралтэ метод ахыцкэа раартра.

Апсуа бзаара, мамзаргы абазаратэ культура. Ганкахыала, ари иатцанакуеит апстазаара зда хэшэы амам, апстазаара тышэынзыртэало – афатэ-ажэтэ, аоны-агэара, аматэа-ытэа. Аетнологиаф урт аматериалтэ культура аелементкэа, хэа, ирышьтоуп. Аеаганкахыала, абазаратэ культура иатцанакуеит атаацэа, атаацэаратэ бзазашыа. Атаацэаратэ еизыказаашыакэа, иара убас ауаажэларратэ еизыказаашыакэа.

Апсуара иазкны атцарауаа монографиак аора руалуп. Абрака урт аматериалтэ культура ианалацэажэо, фатэума, хыброума, матэоума – иарбанызаалакгы, аинтерес зцоу излыху акэкам, аклассификациатэ аспектоуп, еихаракгы афункционалтэ. Чыдала иазаатгылатэуп иара убас атерминологиа, избанзар ишдыру еипш, абызшэа иагэылоуп аетностэ культура ачыдаказшыа / аспецифика.

Аматериалтэ культура дара апсуаа рхатакэа шахэапшу-оуп аус злоу. Уи акомпоненткэа ус, зейпш хьзыла, рызбахэ рхэазом. Апсуаа рзы урт аашьара зкэым, амилатцэа зыкэну атрибуциакэоуп: апсуааны, апсуаматэа, апсуафатэ (Бигэаа, 1999, ад. 233-259; 2004, ад. 262).

Абазаратэ культура аабатэи ахэтэ – атаацэа – Апсуара иахыцхыртоуп, амазақэа зтатэаху хьтэы шэындыкэроуп. Хэарада, убри азоуп аетнологиатэ тцарадыррахкафэы (уи адагьы) атыц чыда зааннакыло. Атаацэа аифартэышыа (структура), анытккала аифэкаашьа – афемилистика иатцаатэы хадоуп: аформа, ахыцхьазаратэ еилазаашьа, аихабы ироль (идеологиала, аус афэы), аитцбацэа реизыкэаашьа, хымпада, ақэратэ ценз хасаб азуны. Анаас – ахэычаазашьа. Абрака иазгэатазар ауеит иара убас ақэратэ стратификация, уи асоциалтэ цакы (шэахэыпш: Бигэаа, 1988).

Апсуа доуха. Ара «адоуха» шеилкаатэу «зегь зылшо, зегь кэзцо, хыхьынтэ илбаашьту амч» (Инал-ипа, 1977, ад. 75) хэа акэкам, ауааны иус, ауаа ипстазаара амотивация азто, астимул азто адоухагэ культура, хэа, аупоуп: ашэакэа, акэашарақэа, афэапыцтэ хэамтақэа адин, афилософия... Ари, арационалтэ, аемоциатэ дунейхэапшышыа, агуманитартэ культурахэангы иашьтоуп (Арутиунов, Рыжкова, 2004: 79).

Истахуп, егьахэтоуп, ашэатэ-кэашаратэ кэзара азаатгылар, иахэтоу атцааратэ хылапшра змам акеипш ипхьазаны.

Апсуатас ашэахэара шмилаттэ кэзшыоу азэгьы мап изаххэауам, аха царадыррала цкэа иазгэатам. Хатала сара исазхэода, – как можно любить и чтить своих героев, чтоб так трогательно и громко петь о них, – хэа Максим Горки ицьеишыаз, бжыгэацала ирхэоз апсуа ашэакэа рымаза атэы? Царадыррала иазгэататэуп иара убас апсуашэакэа бжыхкырацэала ишейбытоу, изейбытоу атэгьы.

1964 шыкэсазы итыгыз Шамил Ашардан ишэкэы – «Апсуа жэлэр рыкэашарақэа» – ада, профессионалтэ зыкэацарала ифу, апсуа хореографиатэ культура еилыкка иахзырбо усумтак ыкам (Ашардан, 1964).

Ахореографиатә дунеиаҕы икоуп акәашарақәа, акәашаратә еитацрақәа «па» ақбаадахь излеарго аметод – кинетография (иаххәап: Лицсициан, 1940), аха агьынкыларәа удааоуп. Лымкаала иазыкацам аетнологцәа рхы иадырхәо, еихарак, ахцәажәаратә методоуп (описательный). Рхы иадырхәоит иара убас аиуллистрациатә материалқәа, асахьакәа, адырғақәа.

Ихәатәуп, Кавказ иқәынхо ашьхаруақәа рыкәашарақәа шеижәлантәу, типологиала ишеицшу атәы. Урт реицшра дара ажәларқәа шьала-дала реизааигәара мацара акәзам, рынхамоа инаркны рдоухатә ркультуреи рцәәеи ркынза зегь хәаакәытцаз, уасхырс ирыцалаз рекологиатә тагылазашьакәа раеизаагәароуп.

Хара иахуалу – хара хвариантқәа реилкаароуп, ргәылыршәароуп. Иаххахмырштыроуп, иарбан кәашаразаалакгы, иарбан кәашашьазаалакгы, зегьы жәытәнәтә аахыс ауаатәыо-са иаарыкәыршаны иказ ацсабара (афауна, афлора) ацәәа (имитация) акынтә ишаауа. Уиоуп ирхәо, иаххәап, еицыкәашао рсинхронтә нахәаахәрақәа, ашьацәхыртәара, агьежьра, иара убас асимвол цакы змоу арыгьала аикәшара. Азцаарақәа рацәоуп.

Жәлар рхореографиатә казара царадыррала, етнологиатә лацшхәаала атцаара, атеория инаваргыланы, апрактикатә цакгы амоуп. Егьырт зегьы хәркәатцып, ацсуара ианымало аформалисттә «ырхагарақәа», ахытхәаакәашашьакәа, ахытхәаахьызкәа ааннакыларгы акыр иацсоуп: «анхацәа рыкәашара», «хәацаа рыкәашара». Ацсуа жәлар рыкәашаратә казара асоциалтә иерархиа, ма арегионал (акытә) казшьа амамызт ахаангы. «Анхацәа рыкәашашьа», «тауади-аамыстеи рыкәашашьа». Аҕакы иамусуп, айгьтәрахь, арҕыцрахь, амо-дернизацияхь урт рхы архара.

Жәлар рҕапыцтә хәамтақәа рзы цәажәара мыцхәы атахзам, урт царадыррала рытцаара напы агзам. Амала, «Ацсуара» ахьзала акы зыоуа атцарауао еиха дацклацшыр аует, афольклор атцаара атоурыхи аматериал аизгаразы икоу айхьза-

рақеи ракэымкэа, апсуа идоухатэ пстазаарағы уи иааннакыло атыц (уи азы шэахэ. Зыхэба, 2007).

Афилософия ахэтагы сєалазгалом, акызатэык, иахынзандыруала, иаарцштэу иара апсуа ифилософия (икэығара, икэығашья, ахэцшья) шака иетностэу, апсуа ихы дшазхэыцуа, аєазэгы дышизхэыцуа, апсабарей атоурыхи рығиара дшазхэыцуа атэоуп. Акэыга, ахарахэыцфы «ашьяуардын ахшыо змоу» хэа иштан. Убыс икоу апроблемакэа рызхэыцра, урт икэдыргыло азцааракэа ртак акацароуп Апсуара ахыз ала акы зыоуа ацарауао ихэтоу.

Адин апсуарағы атыц гэгэа ааннакылон, иахьягы ахыцша камхац. Зегы рацхья игылоу зцааразароуп иахьягы «злаба казмыршэыц» аполитеизм / асупремотеиз, нас – амонотеисттэ дунеилкаашья: изырлашо, изырхэло, изырдыдуа, изырмацэысуа, хыхь икоу Анцэаду. Иалкаатэуп, хэа сгэы иаанагоит, иаххэап, акырсиянрей апсуа традициатэ дини рпастулаткэа ахьеикэшэо амоменткэа, урт дара-дара шеицырхагамхо, ишеицхырауа атэгы. Анаос – апсуа жэлар ракалендари уи иадхэалоу акьбзкэеи.

Апсуа доухатэ культура иатэуп иара убас апсуаа рестетикатэ еилкааракэа (представления). Ицьоушьаша: абырзен термин «аестетикос» апсуа «цэанырра» такыла иазааигэоуп. Аус злоу ахи-ацыхэеи, хэа, изышьтоу аестетикатэ ганкэа аобагы реиодыраашьоуп.

Апсуа йасқэа, апсуа қабзқэа, – ззырхэо, зегь рацхьяза иргыланы, аетикоуп, аетикет ауп – ажэлар бипара-бипарала инеимда-аимдо иаарго римпирикатэ дыррей рыпстазаратэ пышэеи, идырғиаз афеноменалтэ цэырцра (явление). Ус, апсас иатцанамкуа апсуарағы акгыказам, зехынцьяра иалахэуп, зехынцьяра аус аует. Убри акнытэ, хазы иалахкааует, «ахымоацгашьатэ / алешэатэ культура» (поведенческая) уи атакы иакэшэоит, иакэшэоит формалагы. Асас ипыларағы, аишэағы, аеыкэтэарағы, аицэажэарағы – амилаттэ цэак зхам шьяфакгы изыкатом дызустазаалакгы.

Хазеу амоногарфияҕы ахымсапгашьатэ культура иала-цэажэо, дарбаньзаалакь, ацсуа сахьаркыратэ жэа азказацэа рапцамтакэа ркынтэ акы-оба сиужет ааигар аеуит: «Абатаа Беслан», «Ахра ашэа» ухэа уб. егь. Уи ииоуа ацсы аханатоит, иарлахҕыхуеит.

Хэарас иатахузеи, аетикет аҕы атыц чыда ааныркылоит цыхэапцэара змам апсшэаеибьхэашьатэ формулакэа. Уи ага-нахьала имоқэтцагоуп акад. Иулиан Бромлеи иажэакэа: «Не в одной сфере человеческой деятельности традиция не заявляет о себе так зримо, как в сфере коммуникации» (Бромлей, 1981, с. 29). Еицырдыруа акабарда етнолог, апроф. Барасби Бгажноковгы иазгэеитоит уи атэы: «психологически все компоненты коммуникативной стороны традиции выступают еще в виде устойчивых нравственных привычек и убеждений, все многообразие которых подчинено более масштабным и логически обоснованным принципам поведения типа: почитание старших, уважение женщины, скромность, благожелательность и т. д.» (Бгажноков, 1983, ад. 4-5).

Ахымсапгашьатэ, мамзаргы алиешэатэ культура аобатэи ахэта – *ачеицьыка* – ацакы хэара атахзам, аха ацарадырратэ традицияҕы иахэтоу атыц азылхым.

«Ачеицьыка» анаххэо, ххаҕы иааиуа асас ипылароуп, агэыргьареишэоуп. Амала, мдыршақэ «асасдкылар» хэа иахьа хабз ахы икэу атермин апсуа жэар (ажэлар рбызшэатэ жэароуп сызеу) иалазам. Уи цышыбатэзам, егьымашэырзам.

Асас апшэма дитаауеит. Апшэма иус уи ипылароуп, имац ауроуп. «Асас дыстоуп», – ихэон уи игэы апцыхэаны, акэым-зар, – «асас дсыдыскылеит», – ихэозма? «Отсутствие в словарном фонде абхазского языка термина «гостеприимство» отнюдь неслучайно. У абхазов нет понятия «принимать или не принимать гостя». Гость идет в гости, но никогда и ни при каких обстоятельствах не спрашивает у хозяев разрешения. Гостя встречают все члены семьи как праздник: гость в абхазском доме божья благодать. Отсюда и необычное название го-

стиной: асассирта – место прихода гостя» (Бигэаа, 1999; 2004, ад. 262).

«Асасдкылар» апсуа ихьымзгишьаша, ихы иакэйтцаша ажэоуп.

«*Ацэгъеи-абзиеш*» антонимра ззейбауа «ажэак рыла ишьакэ-гылоуп, аха культурак аҕахэы зхэо фразеологизмуп, аурыс-шэала «обрядовая сфера», хара – «аритуалтэ культура» ххэап, уаха хэашья амам (латин. Ritualis – обрядовый): ачара, апсра, апсхэра ухэа атаацэаратэ бзазараҕы икало-ианыло ахтысқэа. Урт таацэарауэсқэоуп, аха ауаажэлларатэ резонанс рымоуп, зепиш ритуалкэоуп. Иаххэап, атаацэалалара апсуала «анасып» иадырхэалоит (Бигэаа, 2007, ад. 27).

Ачара атемала аус зуа аетнолог, ачара ахатаҕы даанымҕаскэа, ачара аенынза, ачара ашьтахь ухэа атаацэалаларатэ гэырҕара иадхэалоу аусмөпгатэқэа зегы дрылацэажэароуп. Урт ҕыц рытцаара икэшэом уи, шамахамзар, ихы иаирхэоит акыпцхь збахьоу азанааттэ усумтақэа.

Ацэгьаратэ ритуал аетнологиатэ царадыррахк аҕы ускак нап зыдкылам проблемоуп, иара акара ареликттэ қабзқэа еикэырханы измоу аҕак шыкамгы. Ахэхэара, азыцэыпцпра, ахцэпыртлара, ма ахацэа ртэуашья (згэы итасуа, зхы иасуа) абантэаауеи, изхылҕеиаазеи? Изхылҕеиаазеи ашэы, ажакьоужьра? Иахья урт зегы ацьабара иатрибуткэоуп, аха...

Ахэхэара уаеизгагоуп – sos, насгы ианыхэхэоз апсра аныкалацэкьозтэи амомент азы акэын, абжьаапын – цэуаран, қызқызыран, мыткэмахэаран. Ацэыпра, ахцэпыртлара, ахы асара, ажакьоужьра, ашэы – ҕырҕашьягақэан (маскировка). Апсы дызцэуаз арымала игьежьны иахьыкэцуагы анимисттэ цакы амоуп: апсы абза дихьымцшроуп. Акры атанакуеит апсыжра аены ацьабацэа ртэашья: гэакья-гэакьала, гэыцхэыла, уала-тахыла, еихабы-еитцбыла, иара убас адышшылашьакэа, адышшыларатэ формулақэа. Ажэак ала, уаҕы дызлацэажэаша рацэоуп, урт зегы апсуара амазақэа ныкэыргоит.

Апсхэра, аетнологиа аус аламшэа, зынзаск итцаазам, уи ахьзала шэкэеицарсакгыи азэггы имшыц. Убри акнытэ, зыцшра камцакэа нап арктэуп, – атеорияфэи еипш. апсстазаа-рафэггы ацак чыда змоу азцаара.

«Ахьзи-ахьымзги» – антоним жэакэа «ба рыла ишыакэгыло терминуп абриггы, абызшэа аганахьтэ хэхэапушазар, аетнологиафэ – зинтэ культурууп: «апсуа адэи дзыкэу ахьзи – ахьымзги рзоуп».

Ахьз – ауафэи икаитцараны икоу, ззин имоу усуп, ахьымзг – икеимташа, ззин имам. Ахьз – ажэлар рымац аурууп, апсадггыл ахьчароуп. Уи азы ихьамцуаз, згэи еицампоз, – «ахатца», – хэа ишьтан. Ахатцаус афэи ахатцара аазырцшыз дфырхатан, иашэа рхэон.

Ахьымзг – ашэыргэиндара, абналара, амахагьара... Ахьымзг апсуара иатэаршьомызт, азэггы ианарыжьбуамызт, дахьдырхэуан: ижэла ихьрхуан, акыта далырцон, «апсы» хэа ишьтан, ижьрацэарафэи дмыцхэын, атэымуаа рфэи – дтэын.

Ажэытэ аус еилдыргон апсуала, шэкэи-быгьшэида, ажэала, аха адемократиатэ принципкэа рхэаа итмьжкэа – аргама, ауаа ирбо-ирахауа, напшахарыла, иара убра, аус ахьырызбоз атыцафэи.

Уажэшьта, хыхь, аусумта алагамтафэи зхи цсыртлаз, аха иасмыртыз ацэажэара: Апсуара асистема злашыакэгылоу акультуракэа рхеибаркышьеи рхеибартэашьеи ртэи.

Еитазгэастоит: асистема злашыакэгылоу акультуракэа затца хазы-хазы иамыхара, еилацэаны аус еицыруеит. Уи ашыакэыргэгэаразы иаагап зегь иахзеипшу, зегь еицаадыруа, зегь реиха иахзааигэоу фыртштэи затэык – аоны. Аоны, афатэи ашэцатэи инарываргыланы, аматериалтэ культура иакомпонентуп, абза-зара иатэуп. Афунционалтэ позиция акнытэ уахэапшуазар, аоны хыброуп, хыхьчагоуп, нхартоуп: амапурта, асасааирта, аганоны. Амапурта фатэикацартоуп, крыфартоуп, асаса-аирта асас итэуп, шьталартоуп, аганоны – атаацэа ду. Егьырт аклассификациатэ методкэа Апсуаразы ускак ркапануам. Атызтыпалхра иадхэалоу агэаанагаракэа, аныхэаракэа рыла, иара убас арцшзашьала, архиашьала, аоны адоухатэ культу-

ра иалахэуп. Уи аоныцка икало ахтыскэа рыла – ацсра, абзара ухэа, – уи аригуалтэ культура иаларгалоит. Аоны хатыре-икэцартоуп, чеицьыкатыцуп, ус анакэха ахымөөцгашьатэ культура иузалхуам. Аоны ахьз, аоны ахыцша ахьчара, аонеилыргара (аҫаацэаратэ сегментация) – азинтэ культура иатэуп. Аетноекологиатэ культуреи абызшэатэ культуреи ртэы ахэара аҫахым. Аонымаҫэхэ инаркны аоны форма акынза зегьы цэырызго, ихэаакэызцо ацсабарей ахауей рчыдароуп (шэахэацш: Дбар, 2007). Уаанза еикэысыцхьаз атерминкэа, «аоны» ацхьа инаргыланы, ацсуа лингвистикатэ дуней ишатэу өашьом.

Ацсабарей абызшэей реизыкызаашьа атэы анаххэо, иазгэататэуп аеакгы: «теория языковой относительности» (Сепир, 2001). Ишырхэо ала, абызшэа «псыс» иахоу аекологиатэ нишоуп. Ацсуара амац зуа ацсуа бызшэаггы усоуп. Убри акнытэ, алингвистикатэ зейцш згэатаракэа – аморфология, асинтаксис ухэа аграмматикатэ хэҫакэа – инарываргыланы, иазгэататэуп уи атипологиатэ еибыҫашьа (типологическая структура), атипологиатэ чьдара (шэахэацш: Чыркба, 2007). Ацшэа агглиутинативтэ бызшэа удаөкэа ирхыцхьазалоуп. Избан? Изыруадаөзей уи абас? Ацшэа – ацсабара иарфеиаз, зхэынга ехьауажэраанзаггы иказмыжыц ацсуа ипстазаарейөкаашьа (уклад жизни) иабызшэоуп, ацсуа ицсабара иабызшэоуп.

Ацсуара асистема ашьа зырныкэо, апсыц лазгаөазго аламысоуп. Ацсуа бызшэа ажэар аҫы «аламыс» «совесть» хэа еитагоуп (САЯ, 1986). Аха ацсуала «аламыс» аҫакы еиха итбаауп, иара аетимон «намус» (честь) ааҫтаггы. А. Кэыпраа диашоуп: «аламыс имеет вполне конкретное этническое значение (Куправа, 2004, ад. 150). Уи азоуп ацсуаа «ацсуаламыс» зырхэоггы. Ш. Инал-ица иакэзар, – «термин общенародной чести и совести», – ихэеит (Инал-ица, 1970). Урт ргэанагара дазааигэоуп Иан Чесновгы: «аламыс в самом широком смысле означает правовое и престижное поведение личности, проявляющей себя в тех или иных поступках» (Чеснов, 1984, ад. 107). Аҫакала иаххэозар, «ацсуаламыс» аурысшэала «честь», «совесть», «мораль» хэа изышьтоу ах-терминкгы ацанакуе-

ит. Ажэапқа цышыхэкэа згэылатцааху абызшэа ахата шахатуп: апсуа ипсырта – иламыс ағы ауп иахыкоу». Аеаганкахьбалагы, апсуаламыс Апсуарағы аксиалтэ роль ааннакылоит.

Зны-зынла, синонимк ахасаб ала, «аламыс» ацынхэрас, – «апсуашья», – рхэоит. Уи, сгэанала, аетностэ идентификация гэылзыршэо феноменалтэ дыргоуп.

Апсатеи ачыкаци: Абрака исыргылар ауан акэап, аха ицэырцит даеа гэтыхак: ихасхыоу, хапхьака икалаша. Ус анакэха, апэажэара атахуп Апсуара иахьатэи атагылазашья акэша-мыкэшагы, хэарада, афеиарамоа пхьакатэи атенденция азгэатаны. Уи еихагы актуалра амоуп иахья, апсуа жэлар шьала иааргаз ахэынтқарра адемократиятэ шьата атаны акацарағы. Апсуара уи лырара азнауроуп, аламыс иара Асистемағы ишыкоу еипш.

Ихэхо закэызеи хара Апсуара асистемахь? Агэхьяагароума? Агэхьяагарагы ыкоп, хэарада. Аха, убри адагы, хара иаадыруеит амилатэ культура ауасхыркэа ирыкэгылоу ахэынтқарракэа кыр адунеияғы ишыкоу атэгы.

Иахьатэи аамта ашьафеакэа ирыкэшэо Апсуара айкэырхаразы икоуп зда ххэартам х-факторк: адемография, абызшэа, адгыл.

АПСУАРА атцаара аструктурал-схематэ цшра

<i>асистема</i>	<i>акультура</i>	<i>акэыцда</i>	<i>аматэар (излацаажэатэу)</i>
А ц с у а р а	Апсадгыл – Апсны (аетное- кологиатэ куль- тура)	1. Апсабара 2. Ахауа	1. Акэыцшыла- ра, ашэапыцап, апстэкэа. 2. Ашьахауа, агаха- уа

Ацсуа бызшәа (абызшәатә культаура)	1. Атипологиатә аспект 2. Алингвистикатә аспект	1. Азеипшхәаа 2. Афонетикатә, аморфологиатә, асинтаксистә чыдаракәа
Ацсуа бзазара (абзазаратә культаура)	1. Ацстазаарекәырхагатә система 2. Атаацәа, атаацәаратә бзазашья	1. Афатә-ажәтә, аматәафытәа, афны-агәара 2. Аилазаашья, ақәкаашья. Ахәычаазашья
Ацсуа доуха (адоухатә культаура)	1. Аказара 2. Ақәапыцтә хәамтәкәа 3. Афилософия 4. Адин 5. Аестетика	1. Ашәақәа, акәашарақәа 2. Нартаа ражәабжкәа. Абрывкыыл... 3. Агәаанагарақәа: ацсабараз, атоурыхаз... 4. Асупремөтеизм, амонотеизм, акыыр-сианра, ацсылманра. 5. Ицшзоу, ицшзам
Ацсуа цаскәа (ахымфәапгашьатә, алейшәатә культаура)	1. Аетикет 2. Ачеицъыка	1. Аишәатә, аеыкәтәаратә, абзазаратә... 2. Асас ипылашья, агәыла ипылашья
Ацгәеи-абзиеси (аритуалтә культаура)	1. Ачара 2. Ацсра, ацсхәра	1. Ачараенынза, ачараены. Ачарашьтахь 2. Ацсра: апцдәуашья, ацсыжшья, ацсинаскьагашья. Ацабара. Ацсхәра: жәымшы, фынфәажәамш, ашыкәс

	Ахъзи-ахьмызги (азинтэ культура)	1. Ахъз 2. Ахьымзг	1. Аишаныкэгара, ахацара, афырхача- ра. Ашьоура. 2. Амцхэара, ашээр- гэиндара, амахагья- ра, ашьатархара.
--	-------------------------------------	-----------------------	---

1. Ацсуаа иахъа ирымоу адемографиагэ тагылазашъа арфеиара алшоит ахшара дзауа апхэыс асоциал-экономикатэ цстазаашъала дшыхъчо агэра анылгалакъ. Афырпштэазы хара ицатэзам – хаварафэ икоуп ари азцаара шъахэлацэкъа азбара иафэу Урыстэыла ду. Уа иларцаз ажэла цэыгбан, аката асеира иафэуп. Ииашоуп, уи амчхареи хара халшарақеи еидкылашъа рымам, аха хэшэы змам акгыы ыкам. Уи ганкахъала. Егьи аган арепотриация апроблемоуп. Уи ада псыхэа шхамам зегъы иа-адыруаза хэхэтоуп. Хара иахтахуп Ацсуара ицегъы ашьтыхра зылшаша амч – ауарацэа, апсышэала зфэ цэажэо, апсышэала ихэыцуа ацсуаа.

Ирцэыцэгбан, ирцэыцэгъазан зыпсадгьыл иахырба-аз, – амхацбыркэа, – хэа зыхъз атоурых ианылаз апсуаа амшын ахыла, аха имариам атэымдыгыл икэтэоу урт ирыхшаз рыхынхэрагъы. Егъа умхэан, ауафы ицэыцэгъоуп дахъиз-дахъаазаз, дахъашыцылаз, анхара-анцыра ахыкеицаз атыц ааныжъра. Насгъы, изаазари, цсабарала ус дшоуп ауафы: хашыцэа хынхэуеит зшыапы акэгыла, иафэу ххэынткэра уаф деилахаратэы, итэы-ипча ианыкалалакъ. Агэра згоит, ус егъыкалоит, аха аамта атахуп. Сара исхэом, арепотриациятэ усхэарта акагъы канатом, хэа. Иканатоит – агъежъра иафэуп хашыцэа, уарла-шэарла акэзаргъы. Амала ххы хазцаап: хахиоума хара ххатакэа, агэыркхэа урт рфеархар? Иахъазы – мап. Асубиективтэ мзызкэа рыла мацара акэым, – обиективтэла-гъы.

2. Ацсуаа бызшэа хэынтқарратэ бызшэак ахасаб ала Ацсны икэынхо ауаапсыра зегъы злеицэажэо акы акэны акацара,

хара имгакэа, ахэынтқарра аҕапхыа икэгылоу апроблемақэа ирыпроблемахароуп. Уи ус икаларц азы ацсуа бызшэала аус зуа рстимул шытыхтэуп: ашэкэооцэа, ацарауаа, арцаоцэа ухэа уб. егыртгы, дааразак адемократиатэ принципқэа ирыкэымшэозаргы. Уаха хэшэы змам уск еипш ицхызаны: апсуа бызшэа аныкамла, икалом ацсуарагы, апсуара аныкамла, икалом ацсуаагы, жэларык рахасабала. Абызшэа иазку азакуан инакэыршэаны, аҕхэара анааилакь, дарбан хэынтқарратэ напхгаоызаалакгы изы ацсшэа усмөацгагахароуп. Абызшэатэ политика уасхырс иацоу ацараус ареформа азуроуп, ахэынтқарра зыхыз аху ажэлар рбызшэа апыжэара атаны. Абри аус дахагылароуп аус здыруа ауаоы, апрофессионал. Даға вариантк ыказам, егыкалом.

3. Хазтагылоу аамта ихаднацоит хазкэынхо, жэларык рахасабала хзыхчаша ахэынтқарра зыкэхаргыло хадгыыл гэакыа даға блакэак рыла ахэапшра, аичахара, ахзызаара, айгзара. Хадгыыл хфинанс чымазара зхэышэтэуа ак еипш хэхэапшуа халагар, ххэынтқарраҕы адимографиагэ (амилаттэ) дисбаланс калар алшоит («иахтиуеит атызтып», – хэа алахэарақэа кызцало ыкоуп, ицыашэшьаргы), уи хажэлар атрагедиахь еитакылнагар ауеит. Иаххэхмырштып, асоветқэа рхан аахыс, адгыыл ажэлар ишырзеицшу, атирагы шыкамло, ишыкамло аахэарагы. Адгыылтэ кодекс айлагара цсахроуп, махагыроуп. Адгыыл аичахареи атэылауаофра аиуреи цакыла еикароуп. Убри акынтэ абри аус зыхчаша акы хтахуп. Сара сгэы ишаанаго ала, уи азы икоу хэшэык ауп: абызшэадырра. Ахэынтқарратэ бызшэа ззымдыруа атэымуао Ацсны датэылауаоымхароуп (шамахазак акэымзар), ахэынтқаррақэа жэпакы рҕы ишыкоу еипш.

Шыта, атрадициақэеи иахыатэи хаамтэи шейкэшэо азы ажэакэак.

Ари апроблема згэы ицымхо ацсуа дыкам, хэарада. Уацэтэи амш иазымхэыцуада?

Иаххысыз ашэышықэса 70-тэи ашықэскэа рылагамтаз Ш. Инал-ипа исуан: «Надо понимать и ценить веками создавав-

шиеся положительные нравы и обычаи горцев. Но это отнюдь не должно заслонять задачу активной организации работы по исправлению недостатков общественной и частной жизни» (Инал-ипа, 1973, ад. 3).

Згэы итасуа храцэафуп: «хацсуара анышэ иагеит», «хазит-хацсит»!

Апроблемакэа ыкоуп, ишпакам, аха хамч змырхо шэарта баадсыкгы ыказам. Адемографией абызшэеи адгыбли рзы иазгэахтаз азхозар, абрака ихэатэу акоуп: Апсуара ацэам-ажым цыара-цыара еикэычцеит акэымзар, анцэа идышыаны, абаф еибгоуп.

Хазтагылоу аамта – машыналасуп. Уи зну амфэггы чапа-зароуп, хара, акрызхыцуа ауаа хзышыцылахьоу амфэхэаста, – ашыакауаф итэуп. Машыналасыла анылара ауам, ишэартоуп, иакэтэоу хамшырггы, циаа гэартак хнажэжэоит.

Апсуара иамоу апроблемакэа зехынцыара еипшзам! Культуракеак рфы урт еиха иубартоуп, аеацыара – еитаны. Иуашэшэыроу асоционормативтэ культура ауп – «зымэхак тшэоу» Апсуара: ахымфапгашьатэ, ариуалтэ, азинтэ.

Абазаратэ культуразы, иаххэап, еиха хгэы каршэны хакоуп, ххы анхраалейт, уимоу хазхыгэхэакэашагы хамоуп.

Апсуа фатэ аматериалтэ базара егырт акомпоненткэа зегь рааста аконсервативтэ казшыа амоуп. Аоны, амодернизаци-амфа ианызаргы, амилаттэ чыдара аныпшуеит, зегь рапхьаза иргылыны аформа. Мрагашэаратэи аонкэа цыара-цыара атыц рымазаргы, цыара-цыароуп, ишэартам. Амагэа – аеакуп. Ахэса рмилаттэ матэа шашэаз-гэырз изит, ахацэа рышэцатэы ацсы тоуп, амала, деталькеак рыла: ахылпарч, амака, ухэа – акык-фбак. «Хапсуа матэа хархынхэыроуп», – хэа, иаххэало, фантастикажэоуп. Апсуа матэа ззахуа наплакык ахыкам, уи атэы хэашыа амам, иказазаргы ахэ ашытыхра удафуп. Иахьа-зы. Апхьака – даеаки имусуп.

Абазара афбатэи ахэга – атаацэа – апроблемагы ус има-риам. Атаацэа, ианакэызаалакгы, аамта реакэдыршэон,

иахъагы усоуп. Структурала уи уафы иаибаратэы аеапсахит, игархеит, аира ахъмачхаз иахъаны. Уи ариашаразы моакэас икоу атэы халацэажэахьеит. Уаапсырала атацэа рмачхара аибашъра ашьтахъ зыгызьргэгээз аурбанизациягы иахароуп. Абарткэа-абарткэа ирыхъаны, кыр ихъысхахеит атацэа ртардициатэ еизыказаашъакэагы. Аихабреитыбра иацыз арегулментация псыгехеит. Ипсыгехеит уи иацу атабуациятэ къабзкэагы, абхэеи-тацеи, анхэеи-тацеи, амахэ иабхэарааи иареи реизыказаашъатэ формакэа ртэы алахамцозар.

Адоухатэ культура иахъатэи атагылазаашъа сазаатгылеит аусумта ахэта хадафы.

Убри акнытэ, еиха сазхъапшыр стахуп хыхъ зызбахэ салацэажэахъоу асоционормативтэ культура. Заанатгы уи ахэшьара астоит: еигъу-еицэоу, хэа акапанга иакэхаргылар, еигъу еихахоит, аха «аха» зхаххэауагы мачым.

Икалеи, нас, ачараф апаратэ хамтакэа карцозар?

Ахамтакэа карцон ажэытэгы, тацабара амхарахы инеиуаз: афэхтыпса. Еиха иааигээз ауацэеи атынхацэеи ашьамакагы ааргон, уи харшэын, ахэса – ацэартаматэа, акфыограматэа, ахымаатэа – рылшара зеипшраз еипш. Ари акъабз апсы тоуп ехъагы, уарла-шэарла акэзаргы.

Апарашэашъа, сакэшахатуп, – иееим, еихаракгы, атаца дыказамкэа уадак афы ауаа еипхыкэкэа итэаны ашэкэы иананырцо. Амала ахата афагылара атахзам, уи атацэара фыц апызцо ачкэыни азгаби рыцхыраара иатэуп: «ути-сыти еишьтоуп». Изфагылатэу иара ачара ахэаадароуп. Аобатэи – ачара аресторан кэзшыа азто аестрадэа чымазара. Уи ауаа ашэахэара рханарштит, ирханарштит ажэахэарагы.

Даара уафы игэы иахэаратэы икам атацэара иалалаз ачкэыни азгаби реилахэашъагы. Ачара амырпшзэои урт апсуаматэала еилахэазар? Фыц ирымзахыргы, прокатла иргар амуеи. Апрокат калароуп зны, иашоуп. Шака уафы игэы канатои 1935 шыкэсазы Ереван гэыргъарамшык иалахэыз апсуа хатцак изкны Константин Федин иифыз ацэахэакэа дан-

рыпхьо: «Большой, стройный в белом башлыке, в бурке... Коричневая черкеска туго обтягивала абхаза, патронташ на груди готов был лопнуть, он снял и повесил к бурке кинжал в серебре и пояс. Он казался мне слепком с самого себя... занял место в ряду других делегатов, его сверкающий башлык, завязанный по праздничному пышно и замысловато, был виден из всех уголков театра» (Федин, 1959, ад. 313 – 314).

Имхэакэан хавсыр азин хамам даеакгы. Уи, апсуаа ирцэамыз-иржымыз, абыжэрамыцхэ ауп. Уаарыцашыцып зхы ахразага икылызхуаз хабацэа жэакэанда ла ианрыхцэажэо: «вина туземцы выделяют много, потому что они большие любители этого напитка и пьют его много в особенности в гостях. Но пьянство здесь совершенно не известно, и считается крайне не приличным для мужчины быть навеселе и вообще выказывать какие бы то ни было признаки опьянения» (Альбов, 1893, III атыжьра, ад. 315).

Ус, иааидкыланы уахаапущазар, апсуа чара злеибарку абаакгы амыхыц, ахафэра ацэымыззац. Убри акнытэ, ачарашыаз сценариак афра атахзам (ажэытэ аидеология злаэны иказ этнографцэакэак уи рхы аршхьан, аха акгы алымцит). Аамтагагахеит. Атоурыхтэ сцена акэцра иафэу атрадициакэа цышыатэзам, егырхынхалатэзам, аамта ахатоуп ирыгэтасуа. Афыцкэагы, уеизгы-уеизгы хмилацтэ цэаа еиларымгозар, рфэрхьра иапсам.

Апсуара змырцшзо «афыцракэа» аабоит ацэгьаракэа рфэгы. Зегь реиха уи зхысхэаауа апсы дыкфэанаты, апсыжра афэынгы, атыц змоу аишэеицхэакэа роуп. Акы, ажэытэ апсы хымш иреиханы дыкфэрцомызт, уи азы шахатра ауеит иара хбызшэа ахатагы: «ахахымф». Шба – апсы ихьзала рыжэтэк анхыртэалоз апсы даныржлак ашьтахь акэын. Абжыаапны, ачацшыацэа цыара акы иандырцхауан акароуп, уаха акгы.

Апсуара халацэажэатэкьозар, хазлацэажэаша изыхатэым иахо, изылататэым злаццо, машынала еипхныола амфадукэа ирну афэр роуп, зегьыцкэа еидыскылом, мап. Аха иками

зых хатыр ақэзымцо, ауаагы хатыр рықэзымцо; зхы рыцхазымшьо ғазэгы дрыцхазымшьо. Ари милаттэ рыцхароуп, еицэамзар. Мшэан, иахьатэи амашьынаныкэцашья, ажэйтэтэи ағыкэтэаратэ етикет иадахкыла замузеи? Хэашья зкэымыз аеуаө ихымсацгашья хэғышлар, жэларык рахасаб ала анарха хауеит. Ус анакэха, аус арутэуп Ахьзи-ахьымзги хэа, «ацсуа адэы дыззыкэыз», азинтэ культура: «апа илеишэазы аб атак каитцозароуп»!

Алеишэачыда нызкылаша механизмк атахуп. Уи, сгэанала, атыцантэи амчроуп. Атыцантэи амчра иахагылоу ауафы дзыкэтэоу акэардэ дахзызаауа дкацатэуп. Уи финанстэ зцаароуп.

Хэарас иатахузеи, Ацсуара асистема иахья икэнаргыло азцааракэа зегы ртак акатцара амалахазгы сғазыскуам сара, егысылшом. Уи зылшо хауаажэлар роуп, хажэлар рхеилакроуп.

Академия наук Абхазии
Абхазский институт гуманитарных исследований имени Д.И.Гулиа

На правах рукописи

БИГУАА
Валерий Левардович

**ТРАДИЦИОННО-БЫТОВАЯ
КУЛЬТУРА АБХАЗОВ
И СОВРЕМЕННАЯ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**

Диссертация в виде доклада
на соискание ученой степени доктора исторических наук
(специальность: 07.00.07 – этнография, этнология,
антропология)

Сухум–2013

Работа выполнена в Абхазском институте гуманитарных исследований имени Д.И.Гулиа АН Абхазии

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, член-корр. АН Абхазии, профессор Ачугба Т.А.

доктор исторических наук, академик РАЕН, профессор Чибиров Л.А.

доктор исторических наук, академик РАЕН Тер-Саркисянц А.Е.

Ведущая организация: Кабардино-Балкарский государственный университет

Защита состоится 19 ноября 2013 г. в 10 часов на заседании разового диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Абхазском институте гуманитарных исследований имени Д.И.Гулиа АН Абхазии, по адресу: Республика Абхазия, г. Сухум, ул. Аидгылара, 44.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Абхазского института.

Диссертация в виде доклада разослана – -----
2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент С. А. Дбар

Введение

Понятие «традиционно-бытовая культура» соответствует тому, что обычно называют народной культурой»¹, включающей в себя такие компоненты культуры народа, которые наиболее наглядно показывают его этническую специфику.

Не претендуя на охват всего круга вопросов традиционно-бытовой культуры абхазов, в настоящем сообщении я попытаюсь охарактеризовать ее в менее изученном аспекте. В одних случаях – это структурно-классификационный аспект, в других – реконструкция отдельных сфер объекта исследования. Объектом исследования являются следующие вопросы:

- 1) система Ацсуара;
- 2) жизнеобеспечивающая система;
- 3) семья и семейный быт;
- 4) традиционная стратификация жизни;
- 5) традиционная религия.

Все вопросы, поднятые в диссертации, рассматриваются в моих пяти монографиях различного объема:

- 1) Современная сельская семья у абхазов. Тбилиси, Мецниереба, 1983;
- 2) Образ жизни абхазских долгожителей. Тбилиси, Мецниереба, 1988;
- 3) Ацсуара. Структуральный метод исследования. Проект. Сухум, Абхазгосиздательство, 2009;
- 4) Абхазская традиционная семья и действительность. Сухум, Алашырбага, 2010;
- 5) Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, Алашырбага, 2013.

Традиционно-бытовая культура абхазов – тема и других моих работ, помещенных в коллективных монографиях и

¹ Бромлей В.П. Современные проблемы этнографии. М., Наука, 1977, с. 6.

сборниках научных трудов (список прилагается). Кроме того, в ходе моей научной деятельности я выступал с докладами и сообщениями на многих конференциях, форумах и конгрессах республиканского, всесоюзного и международного значения. Они, в основном, опубликованы в целом или виде тезисов в соответствующих изданиях. Как правило, все эти работы написаны с учетом вечно актуальной проблемы в этнологии: «традиции и современность», которую проф. Ш. Д. Инал-ипа называет «связью времен»². Но, по известным обстоятельствам, в этнической истории абхазов связь эта постоянно стояла в повестке дня народа. Она продолжает волновать абхазскую общественность и сегодня. Волнение это вполне закономерное и исторически оправданное явление и объясняется рыхлостью почвы, на которой стоит сегодня традиционная культура народа, малочисленного, но богатого своей самобытностью.

Современная абхазская культура – это переплетение двух разнородных, противоборствующих культур: западной и традиционной. Западная культура проникает к нам через русскую культуру, в «русифицированном» виде, благодаря чему она кажется нам более или менее привычной. В отличие от сугубо самобытной абхазской культуры, современная западная культура «легковесная», потому и рациональная, от чего она действует быстро, наступательно и осваивается нами без особого труда. Силы, содействующие всему этому, больше чем достаточно, прежде всего, процесс современной глобализации, направленной к стиранию всего этнического своеобразия.

В критические для абхазов ситуации именно тревога за традиционную культуру выступает обычно в качестве основной силы единения народа. Сохранение нашей традиционной культуры, хотя бы на уровне ее сегодняшнего состояния, необходимо. «Консервирование» традиционной культуры народа нужно для придания ей импульса творческого начала. Твор-

² Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сух., 1984, с. 5.

ческий подход к культуре – это основное средство ее дальнейшего развития, дающего ей возможность шагать в ногу с современной цивилизацией. «Там, где нет творчества, нет культуры, и наоборот. Только развиваясь, она может выполнять свои социальные функции. Своя культура нам нужна для того, чтобы мы могли удовлетворять через нее свои базовые потребности»³. Принцип этот в полной мере перекликается с критерием всей моей скромной этнологической деятельности, в том числе и теми работами, на основе которых построена настоящая диссертация. И поднятая в ней проблема продиктована именно процессом размывания традиционно-бытовой культуры родного народа, требующий от нас, представителей этнологического сообщества республики, всестороннего изучения, а от государственных институтов – незамедлительного реагирования на его причинно-следственную связь.

Основным источником моих монографий и других моих работ является полевой этнологический материал, собранный мною в различные годы работы в двух регионах республики – Абжуйском и Бзыбском, в которых сосредоточено подавляющее большинство этнического массива абхазов. Они призваны способствовать решению двух задач. С одной стороны, это содействие восстановлению жизнеспособных элементов абхазской традиционно-бытовой культуры на основе исследования имеющейся для этого потенциальной возможности, прежде всего, использования нового этнологического материала, способствующего восполнению пробела в установлении картины прошлого народа. С другой стороны – это возбуждение в абхазском читателе искренней любви и большого уважения к наследию предков, что может дать ему положительный заряд в своих добрых помыслах и поступках. Известно, что прошлое – это еще не развившееся будущее.

Научная новизна и практическая значимость всех без исключения моих публикаций заключается, с одной стороны, в

³ Дамения О.Н. На рубеже веков. С.Пб, 2011, с. 64 – 65.

комплексном изучении поднятых в ней вопросов с широким привлечением нового этнологического материала в том ракурсе, в каком оно осуществляется в ней. С другой стороны, на протяжении около тридцати лет я читаю два спецкурса на историческом факультете Абхазского госуниверситета: «Проблемы семьи и семейного быта» и «Бытовая культура абхазов».

Хронологические рамки диссертации, как и сами работы, являющиеся ее источником, ограничиваются двумя последними столетиями и современностью, хотя в ней не исключаются и моменты, когда возникает необходимость заглянуть в глубину истоков того или иного элемента традиционно-бытовой жизни абхазов в целях лучшего восприятия объекта исследования.

Методологическая основа вышеуказанных моих работ – труды известных этнологов в области исследования традиционной культуры вообще: Эдуарда Тайлора, Льюиса Г. Моргана, Юлиуса Липса, Джеймса Фрезера, Карла Вейле, Марка Косвена, Сергея Токарева, Юлиана Бромлейя, Георгия Читая, Алексея Робакидзе, Шалвы Инал-ипа, Вениамина Кобычева, Сергея Арутюнова, Валерия Тишкова, Виктора Иванова, Яна Чеснова, Людвиг Чибирова, Аллы Тер-Саркисянц, Барасбия Бгажнокова и многих других.

Диссертация обсуждалась в Отделе этнологии Абхазского института гуманитарных исследований имени Д. Гулиа Академии наук Абхазии, где я работаю в качестве старшего научного сотрудника.

В настоящую работу я включаю проект системы *Аңсуара* *arsuara* еще и потому, что всем нам, абхазским этнологам, предстоит его обнародование в виде отдельной книги, которая могла бы членораздельно объяснить, что это такое, тем более, что она ни что иное, а ядро традиционной культуры абхазов. В противном случае от нареканий, нередко звучащих со стороны тех, кому не безразлично будущее культурного наследия абхазского народа, нам не уйти.

I. «Апсуара – ядро традиционной культуры абхазов: опыт структурирования проблемы» представляет собой основное содержание моей небольшой монографической работы, вышедшей в 2009 году в Сухуме почти под одноименным названием: «Апсуара. Структуральный метод исследования. Проект».

1). Апсуара как объект исследования. Все мы, современные абхазоведы (А.Э.Куправа, Ю.Г.Аргун, В.М.Бганба, А.И.Бройдо, О. Н. Дамения, М.А.Лабахуа, Вяч. А. Бигуаа, В.А.Чирикба, Г.В. Смыр, Р.Г.Читашева, Е.К.Аджинджал и др.), так или иначе касающиеся феномена абхазской культуры, исходим из определения Ш.Д.Инал-ипа, по которому «апсуара («абхазство») – это исторически сложившаяся форма проявления национального самосознания и самоутверждения абхазов как этнической индивидуальности; неписанный кодекс народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах, обнимающий собой систему обычаев и представлений о принципах духовного и нравственного бытия, нарушение которого «смерти подобно» (апсуа ипсырта иламыс ауп); эстетические нормы поведения, включая речевое, вообще своеобразие традиционной культуры абхазского народа как части общекавказской и мировой цивилизации»⁴.

Вместе с тем Ш.Д.Инал-ипа понимает ее в двух смыслах: широком и узком.

В широкий смысл феномена ученый включает как духовную, так и материальную сторону традиционной культуры абхазов, в узкий – специфику их морально-этических норм поведения. Первостепенной задачей считал составление свода законов Апсуара.

К сожалению, завершить свой проект ученый не успел.

Аналог Апсуара – Адыгагэ. Говоря словами Ш.Д.Инал-ипа, абхазо-адыгские этнографические параллели настолько

⁴ Инал-ипа Ш.Д. К изучению абхазского народного кодекса «апсуара»// Абаза, Сух., 1996, №2, с. 21-22.

многочисленны и выразительны, что произведение об адыгах с известным основанием можно назвать произведением об абхазах, и наоборот. «Традиции и современность» (1973), «Очерки об абхазском этикете» (1984) Шалвы Инал-ипа и «Адыгский этикет» (1978), «Очерки этнографии общения адыгов» (1983) Барасбия Бгажнокова – тому подтверждение⁵.

2). Апсуара как суперкультура в системе традицион-но-бытовой культуры абхазов. Опираясь на анализ имеющихся работ в абхазоведении, прежде всего Ш.Д.Инал-ипа, а также собранного мной полевого этнологического материала методом личного наблюдения, я пришел к следующему выводу: апсуара в широком смысле – это система жизненного уклада абхазского народа. Являясь наиболее наглядной частью абхазской традиционно-бытовой культуры, она представляет собой суперкультуру, состоящую из семи субкультур: *аңсуа-а-дгьыл* *apsua-dg'al* (этноэкологической), *аңсиада* – *apsš'a* (этнолингвистической), *аңсуа-бзазара* – *apsua-bzazara* – (бытовой), *аңсуа-доуха* – *apsua-douha* – (духовной), *аңсуа-леишда* – *apsua-leiš'a* – (нормативной), *ацгьеи-абзиеи* – *ac'ei-abziei* – (обрядовой), *ахъзи-ахъымзби* – *ax'zi-ax'amtz'bi* – (правовой).

Аңсуа-дгьыл (*apsua-dg'al*) – это территория Абхазии, ассоциирующаяся с ограниченным пространством «между морем и горами» – *геи-шьхеи рыбжьара*, со всеми особенностями ее физико-географических и природно-климатических условий. Это значит, что «абхазы ориентируются сообразно с той природой, в которой они живут»⁶: «многострадальная, маленькая Абхазия» – *Аңсын-рыцха*. В то же время в глазах абхазов она «просторная, великая страна» – *Аңсын-къакъа дузза*. По всей вероятности, первое понятие возникло после трагических

⁵ Инал-ипа Ш.Д. Традиции и современность. Сух., 1973; его же: Очерки об абхазском этикете. Сух., 1984; Бгажноков Б.Х. Адыгский этикет. Нальчик, 1978; его же: Очерки этнографии общения адыгов. Нальчик, 1983.

⁶ Зухба С.Л. Типология абхазской несказочной прозы. Майкоп, 1995, с. 56.

событий, произошедших во второй половине XIX столетия в результате Кавказской войны, второе – эхо могущества средневекового государства абхазов. Поэтому и понятие «море-горы» не замыкается природой и масштабами страны. Солнце встает за «горами, головой подметающими небо», надежными защитниками земли абхазской. Горы являются символом мужской гордости, а море, «в которое опускается солнце», – женской красоты. «По представлению абхазов, горы и море равносильные и равнозначные явления, единое и неделимое, «целый образный архетип»⁷, отсюда и данное словосочетание: *геи-шьхеи*. Вместе с тем, море и горы существуют независимо друг от друга: «*гатэыла*», «*шьхатэыла*» (прибрежная страна, горная страна, соответственно). Обе эти взаимосвязанные и взаимообусловленные «страны» являются собственностью абхазов. Они, абхазы, являются связующим их звеном. Очевидно, и то и другое понятия отражают отношение абхазов к родной природе, в среде которой они сформировались и развиваются как этнос. В свою очередь, «влияние родной природы находит выражение во многих чертах материальной и духовной культуры, и наиболее четко проявляется в способах ведения хозяйства»⁸. Традиционный абхаз не мыслит себя вне отчей земли, вне природы своей. Гармонично сосуществуя со своей родной природой, он сам считается ее неотъемлемой частью, ибо именно особенности данной экологической ниши создали образ его жизни. Следовательно, Апсуара как система могла сформироваться только на родной земле, которую абхазы называют *аҭсадгьыл* (родина) – «абхазская земля», от чего и *Аҭсны* (Абхазия) – «страна абхазов».

Аҭсшәа (apsš^oa). Лингвистическая концепция Вильгельма Гумбольдта гласит: духовное развитие человека возможно только благодаря языку, и развитие человеческой природы находит-

⁷ Зухба С.Л. Указ. работа. Там же.

⁸ Дбар Р.Ч. Природно-экологические условия этнокультурного развития// Абхазы. М., 2007, с.12.

ся в прямой зависимости от развития языка. «В каждом языке заложена самобытность мирозерцания»⁹ Перефразируя его слова, можно делать свой вывод: Абхазский язык как атрибут абхазов – источник их этнической индивидуальности и, наоборот, душа абхазского народа есть колыбель абхазского языка. Впрочем, можно ли представить себе Апсуара без абхазского языка, подчеркиваю, средства мышления абхазов, играющего решающую роль в формировании у них представления об окружающем мире, основного этнодифференцирующего фактора и, наконец, обслуживающего всю систему данного феномена?¹⁰

Являясь одним из наиболее трудных агглютинативных языков мира, абхазский язык как нельзя лучше отвечает требованию земли абхазской. Свидетельство тому фонетические особенности – сложная система согласных и минимальная развернутость гласных фонем и т.д., и т.п.¹¹. Другими словами, язык абхазов порожден архаикой их традиционного уклада жизни, обусловленного в свою очередь самой абхазской природой.

Аңсуа-бзазара (apsua-bzazara) охватывает узкий смысл понятия «бытовая культура абхазов»: хозяйственный быт (земледелие, скотоводство, но вне трудовой сферы, просто, как таковые); материальный быт (пища, одежда, жилище); семейный быт (структура и внутренняя организация семьи, воспитание детей); общественный быт (род, община).

Аңсуа-доуха (Apsua-douha) следует понимать не как «неопределенное высшее творческое начало, сверхъестественную способность всевидения и предвидения»¹², а как ценность, мотивирующую и стимулирующую деятельность людей. Это

⁹ Вильгельм фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984, с. 80.

¹⁰ См. Теория лингвистической относительности Сепира-Уорфа. Скаги. Литература.

¹¹ См. Чирикба В.А. Абхазский язык// Абхазы. М., 2007, с. 23-38.

¹² Инал-ипа Ш.Д. Памятники абхазского фольклора. Сух., 1977, с. 75.

то, что принято называть рациональным и эмоциональным способом познания мира¹³: народная музыка и народная хореография, традиционная религия (политеистический пантеон) и официальное вероисповедание (христианство, ислам), фольклор (наиболее характерные жанры), народная эстетика (представления о том, что делать следует и не следует, о прекрасном и безобразном и т.д.).

Аңсуа-леишга (Apsua-leiš^oa) – повседневные обыкновения абхазов. Это народная этика (нравственное поведение абхаза) и народный этикет (ситуационный порядок поведения абхаза) во всем их проявлении: в семейном и общественном быту, в политической жизни, в обрядах жизненного цикла, в формулах общения, речевых стандартах и других нормативных актах, в которых абхазские традиции зримо заявляют о себе.

Ацэгъеи-абзиеи (ac^o g' ei-abziei) – комплекс обрядовых действий, связанных главным образом с жизненным циклом. С одной стороны, это рождение человека и свадьба, с другой – похороны и поминки.

Если родильная или свадебная обрядность отличается большей лабильностью, то похоронно-поминальная – относительно рутинностью. Здесь этническая специфика личностных и общественных отношений более устойчива. Она полна также элементов религиозных представлений политеистического порядка, которые вместе с христианскими или мусульманскими традициями образовали сложное мистическое переплетение.

Ахъзи-ахъымзби (ax'zi-ax'əmz'bi) – это правовое поле действия абхазов, это механизм того, что делать можно и чего нельзя.

Ахъз – высокое имя (слава), завоеванное способностью индивидуума, группы людей с честью – *хъызла*. Прежде всего, это защита родной земли и родного народа, социальной справедливости.

¹³ Арутюнов С.А., Рыжкова С.И. Культурная антропология. М., 2004, с. 79.

вости, во имя чего постоянно проливалась абхазская кровь. Человек, совершивший особый поступок, удостаивался особого звания *ахайа* «мужчина», или *афырхайа* – «мужчина грома и молнии». О таком храброе мужчине народ слагал песню.

Ахьымзъ – противоположность, антипод понятию ахъз: трусость, предательство, кровосмешение и прочие человеческие низости, за которыми следовало заслуженное наказание – смерть в прямом и переносном смысле этого слова. Чаще в таких случаях виновник изгонялся из общины, и никто не осмеливался общаться с ним, как родственники, так и просто знакомые.

Обычно наказание осуществлялось путем «делопроизводства по-абхазски» – *аңсуала аусельргара*: устное рассмотрение дела, гласно, прозрачно. Таким же способом оглашался и приговор.

Все без исключения субкультуры системы Апсуара равнозначны, равноценны и находятся в строгом взаимодействии и взаимообусловленности, ибо они так или иначе постоянно пересекаются (схема в приложении). К тому же видно, что каждая из них называется не просто общим, собирательным словом, а в сочетании с самоназванием абхазов – «*аңсуа*», вкладывая в термин этнический дух, этнический знак¹⁴.

«Апсуара в узком смысле слова»¹⁵ ограничивается соционормативной культурой, включающей в себя главным образом ту же этику – *ахымваңгашья*, и тот же этикет – *аихабрейыбра*, *аихайгылара*, *ахаатыреикэйдара* и эстетику – *агьама*, которые в совокупности обозначаются одним понятием: *аңсуа йасқәа*. И как раз, по праву культура эта характеризуется как «кодекс народных знаний и ценностей, основанный на гуманистических и демократических началах»¹⁶.

¹⁴ Бигуаа В.Л. Апсуара. Структуральный метод исследования. Проект. Сух., 2009, с.7.

¹⁵ Лабахуа М.А. К вопросу Апсуара// Сборник научных трудов АГУ. Сух., 2000, с. 137.

¹⁶ Инал-ипа Ш.Д. К изучению абхазского народного кодекса ... Там же.

Аксиальную роль в *аңсуайҕас* играют два неразрывно связанных между собой понятия: 1) *аламыс*, принимающийся как «общенародная честь и совесть»¹⁷, как «престижное поведение»¹⁸, имеющее «вполне конкретное этническое содержание»¹⁹; 2) *ауафра* – человечность, *агдыразра*, – сердечность, *ацхыраара*, – помощь, *айҕаҳара* – предупредительность и т.д. Вместе с тем провести черту между этими понятиями невозможно. Скорее всего, они выступают как одно целое.

Как отмечал сам автор, иналиповское определение получилось «длинноватым», как бы объяснением сути системы Аңсуара.

В выше указанной моей работе (2009) предлагается более краткая дефиниция, но, на мой взгляд, в полной мере раскрывающая суть феноменального явления, правда, на первый взгляд, кажущаяся заумной и труднодоступной: **Аңсуара – это ядро традиционно-бытовой культуры абхазов, представляющее собой способ этнического самосознания и самоутверждения, саморегуляции и самодостаточности.** Логическое осмысление данной дефиниции приводит к еще более выраженному лаконизму: *Аңсура – система нравственной культуры абхазов.* Но при этом «нрав» нужно понимать в его втором значении: «обычай, уклад жизни»²⁰.

II. Жизнеобеспечивающая система абхазов: структура и классификация.

На понятие «система жизнеобеспечения» особо останавливаются С.Арутюнов и Ю.Мкртумян²¹, по мнению которых

¹⁷ Инал-ипа Ш.Д. Там же.

¹⁸ Чеснов Я. Нравственные ценности в традиционном абхазском поведении// Полевые исследования ИЭ. М., 1984, с. 107.

¹⁹ Куправа А.Е. Вопросы традиционной культуры абхазов. Сух., 2004, с. 150.

²⁰ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1986, с. 306; Словарь русского языка. В четырех томах. М., 1986, т. 2, с. 512.

²¹ Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И. Проблемы типологического исследования явлений культуры// Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984, с. 19-26.

оно охватывает наиболее заметную, «наглядную» сферу человеческой деятельности: пищу, одежду и жилища – основные элементы материального быта. В.И.Иванов этому понятию посвятил целую книгу, в которой излагает свое несогласие с ними²². Он считает, что система жизнеобеспечения представляет более широкий круг культуры, в который вместе с указанными компонентами материального быта входит и духовный. Склоняясь к мнению первых, я здесь пропускаю один из ее компонентов – одежду, хотя в отдельных моих работах я высказываю свое видение о ней. Благодаря специальным исследованиям Е.М.Малиа²³, она имеет довольно широкое освещение в абхазской этнологии. В данном случае, несмотря на имеющиеся в абхазской этнологии работы²⁴, объект моего исследования – классификационный и структурно-функциональный аспекты пищи и жилища, которые, на мой взгляд, нуждаются в некотором уточнении и дополнении.

1). Структура и классификация традиционного жилища, и его новация. Основной фактор определения материального быта – наглядного показателя творчества, особенности вкуса и эстетического предпочтения народа – экологические условия места его обитания. Природная среда формирует прежде всего тип поселения: разбросанный. С развитием современной коммуникационной системы в равнинах, особенно в приморской полосе, он стал более упорядоченным, близким к уличной планировке. Изменился и статус поселения. Если в прошлом оно было моногенным, то сегодня – полигенное. Основная причина разнородности населения – усилившийся за последние два столетия этнический процесс. И в том,

²² Иванов В.И. Этническая экология: становление дисциплины и история проблемы. М., 1994.

²³ См. Малиа Е.М. Одежда// Абхазы. М., 2007, с. 212 – 232.

²⁴ Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сух., 1957; Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сух., 1965; Копешавидзе (Тарджман-ипа) Г.Г. Абхазская кухня. Сух., 1989; ее же: Пища// Абхазы., 2007, с. 178-212.

и в другом случае при постройке дома неизменным остается одна особенность – отношение абхазов к частям света, имеющее региональный характер. В южных районах страны при постройке жилища основным ориентиром служит дорога, к которой оно обращено лицом, в северных – юг, чтобы на его фасад падало много солнечных лучей.

Жилой дом – *аоны* располагается в глубине просторного двора – *аиҭа*, огороженного от других частей усадьбы: «скотного двора» – *арахэггара*, огорода – *ауҭра*, пашни – *амхырҭа*, сада – *аиҭырҭра*, виноградника – *азахэатра*, пасеки – *аишьымзатра*.

В силу обилия лесов в стране, основным строительным материалом раньше служило дерево: каштан, дуб и др., отличавшиеся наибольшей плотностью. Вместе с тем, абхазам не чужды были и каменные дома – *абаатэы оны*, *ахахэтэ* юны, которые имелись у многих представителей привилегированного сословия, но больше в качестве защиты, чем жилья.

Не вдаваясь в полемику с предыдущими авторами соответствующих работ, я изложу свое мнение следующим образом: абхазские традиционные жилища весьма разнообразны по форме, по материалу, из которого они сделаны, по планировке, и, конечно же, по функциональному значению. И классификационный метод изучения любого из них подчиняется этим особенностям.

По материалу господствовали два вида жилища: 1) плетеное – *абыцатзы*, *абыцакьяоны*, *аҭацха*; 2) срубное – *аонеихакэа* / *ацьарггалоны*, позже, как его усовершенствованный вариант, дощатое – *абэтэыоны*.

По форме все они делились на три группы: круглую – *аонхырҭеҭеҭаа*, *аонаазыҭеҭеҭ*, прямоугольную – *аонҭшьаркца* и «удлиненный в бок дом» – *аганоны*. Среди них наибольшей архаичностью отличается постройка первого типа жилища – круглой формы, *ақэацэ*, представляющая собой плетенку из рододендрона или орешника с одной дверью, с земляным

полом и конусообразной крышей. Прямоугольный дом, за редким исключением, имеет основание – *ауасхыр*. Стены такого дома могут быть плетеными и дощатыми. В отличие от жилища круглой формы, прямоугольник может иметь два, или даже три камеры – *афы* с небольшими окошками *ахышэ*, а также открытый навес – *абарџа*, подпирающийся двумя или четырьмя столбами – *абакэ*, в зависимости от его ширины. Оно, как и все другие плетеные жилища, покрывалось многолетними травами, главным образом из семейства осоковых растений – *аусыр*. Жилище удлиненной формы строилось также с основанием, или без него, с многочисленными камерами, не имеющими между собой сообщения. Каждая из них выходила во двор отдельной дверью. Многокамерный дом предназначался большой семье. А изолированность камер друг от друга свидетельствовала о наличии в данной семье нуклеарных подразделений.

Как видно, наличие в строительной лексике множества антонимов дает возможность рассматривать жилища и по принципу горизонтальности и вертикальности строения. Все наземные дома, независимо от размеров, обозначались одним общим термином – *асаарафны*. В качестве оппозиции к «асаарафны» выступают «*афнышьтых*», или *ашьакафны*, – «приподнятый дом» (свайный), или и *афнеихагыла*, или *афнеихачаџа* (букв. «дом на дом»). Возникновение приподнятых домов связано, по-видимому, не столько с климатическими условиями страны, сколько с социальным и имущественным неравенством. Хотя редко, но уже и в пережиточной форме, они дошли и до наших дней.

И в функциональном отношении абхазские жилища можно классифицировать без особого труда, если использовать языковой материал.

За редким исключением, абхаз – крестьянин, дворянин, или князь, – располагал двумя жилищами. Первое, главное, – *амайуртџа*. В амацурте готовили и принимали пищу, про-

ходило семейное заседание. Второе жилище располагалось рядом с ним, и предназначалось исключительно для «прихода гостей» – *асасаиртџа*. Как правило, оно строилось более масштабно, изысканно, привлекательно.

Относительно необычного названия гостиницей нелишне заметить тот парадокс, что в языке столь гостеприимных абхазов нет термина «гостеприимство», т.к. нет у них понятия «принимать», «не принимать» гостя. Гость идет в гости, никогда и ни при каких обстоятельствах не спрашивая у хозяев разрешения. Дело хозяина – встретить гостя как праздник. «Гость в абхазском доме – божья благодать»²⁵.

О функционализме говорит и название небольшой круглой плетенки – *амџара*, которую строили позади главных домов временно для новобрачной пары так, чтобы она не бросалась на глаза со стороны двора (обычай избегания). *Асасаиртџа* как престижный свайный дом крыли дранью из каштана или пихты, а также черепицей. Двери и окна его были относительно широкими, двустворчатыми – *ахьшиџџа аашџаџауа*. Органическим элементом такого престижного для тех времен дома являлся также фасадный балкон – *абарџа*, опиравшийся, обычно, на шесть колонн, соединенных перилами – *абаркьыл* на балясинах – *акалам*, и ажурными тимпанами с резьбой – *аџаривь*. Так же украшалась и лестница с одним или двумя маршами, в зависимости от высоты столбов, на которых стоял дом. С одной стороны, балкон служил как бы связующим звеном между жилой площадью и природой, прежде всего двором, с другой – символом радушия и постоянной готовности хозяина встречать желанных гостей в любое время дня и ночи.

От свайного дома берет свое начало и современный абхазский многокомнатный дом в два этажа, стены которого возведены шлакоблочным материалом или кирпичом и покрыт

²⁵ Рыбинский Г.А. Абхазия в сельскохозяйственном и бытовом отношении. Тиф., 1894, с. 15.

шифером, черепицей или металлическим листом. Сохраняя свою традиционную планировку, нижний этаж современного дома связан с повседневной жизнью семьи. Зал верхнего этажа служит в качестве парадного помещения, другие комнаты – спальных. То есть нижний этаж выполняет функцию амацурта, а верхний – асасаирта. Обычно площадь его в несколько раз превышает размеры и практическую потребность семьи. Это объясняется максимально развитым до сих пор обычаем гостеприимства и заботой о детях. Конечно же, не исключается и момент престижности.

За последнее время все больше стала проявляться тенденция возвращения к традиционному ансамблю жилых построек. Рядом с капитальным домом начали вновь строить *анацху*, но уже в модернизированном стиле. Вернулся и *аганюны*, но он уже шлакоблочный и без перегородок. Во время торжественных предприятий в его просторном помещении накрывают на стол для гостей, а в обычное время он используется в хозяйственных целях.

Интересно и само название дома «*афны*» – «обиталище» (*а* – «человек», *н* – локатив пространства). Действительно, этнологии известно, что «понятие «дом» исторически менялось. Для первобытного человека домом являлась «скорее обширная территория племени, а не сооруженное по большей части лишь на время убежище»²⁶. Для обозначения же понятий «дом», «двор», «хозяйство» «семья» применяется еще и другой термин «*атзы*» – стена, восходящий, по-видимому, к ветровому заслону – первому жилищу, построенному человеческими руками.

2). Структура и классификация традиционной пищи и ее место в системе питания абхазов. Традиционная пища абхазского народа – самая устойчивая сторона его жизнеобеспечивающей системы. И выяснение ее традиционной структуры представляет этнологический интерес.

²⁶ Липс Юлиус. Происхождение вещей. М.-Л., 1954, с. 17.

Независимо от социальной принадлежности, в любой абхазской семье предпочитается основной набор национальной еды – *афатэ*, состоящей из двух категорий: «центральной доли» *агдыхэ* и «той, с чем ее едят» – *ацыфа*²⁷. Блюда первой категории растительного происхождения, среди которых главной и повседневной является *абыста*, а блюда второй категории – животноводческого и, отчасти, плодоовощного.

К категории «центральной доли» относятся также разнообразные чуреки, пироги, вареники: *амгьал*, *ачашэ*, *ачааҭа* и т.д. и т.п.

В силу того, что абыста пресное блюдо, подавляющее большинство *ацыфа*, разделяющаяся так же на несколько групп и подгрупп, отличается в основном, чрезвычайной остротой – *аҭаара*. К ней относятся, прежде всего, *акэыд*, или *акэыдршышы* – вареная тщательно размешанная фасоль, заправленная небезызвестной абхазской аджикой; *акэыдеилыришэ* – сваренная цельная фасоль более крупного сорта, отделенная от жидкости, перемешанная с однородной массой из аджики, мелко нарезанного лука, зелени и гранатового сока; *ахэылчаҭа* – мелко разрезанная масса остро соленного кольраби, заправленная растертым орехом и пропитанная его маслом – *арашы*; *абырчманчаҭа* – вареная и растертая вместе с орехом, аджикой и сочными плодами граната масса молодых побегов *сассапареля*; *ахэацчаҭа* – такая же растертая масса мелких листьев молодой крапивы с орехом и аджикой.

В понятие «ацаара» входят еще всевозможные соусы – *аҭэыҭыра* или *асызбал* – из алычи и других кисло-сладких плодов, служащие в качестве подливы главным образом к мясным блюдам.

Жидкая ацаара, какой является *акэыд*, не может считаться полноценной без вспомогательных продуктов, т.е. «тех, что макают в нее», – *ахшытэы*. В свою очередь и *ахшыты*/ *ахшытэы* как подгруппа встречается в двух видах: *арҭэы* и

²⁷ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы..., с. 340.

аиацэабѣы. Арцэы – подсоленные кольраби, огурцы, помидоры и пр. виды овощей. Аиацэабѣ – лук, праса и пр.

Блюда из группы атаара сугубо семейные, вместе с тем и постные – *ачгьахьа*, поэтому они не ставятся на праздничный стол.

Праздничная пища – это блюда из категории *ахаатэы*, в которую входит прежде всего мясо – *акэац*, *ажьы*, в основном, в вареном или жареном виде; *акэырма* – смесь просоленных и слегка отваренных почек, легких, сердца, печени и других, тщательно промытых внутренних частей крупного рогатого скота в собственном жире, хранящаяся в глубоких глиняных сосудах; *атубар* – своеобразная колбаса из просоленных внутренних частей мелкого рогатого скота, пропитанных чесноком.

Следующая группа блюд категории ацыфа – это молочные изделия – *ахилых*, подразделяющееся также на две подгруппы: твердые – *аиэ* и жидкие – *абаазатэы*.

К абаазатэы относятся: собственно молоко – *ахи*, кислое молоко или простокваша – *ахарцэы*; *ачафыр* – своеобразная просоленная сметана, изготовленная в бурдюке путем систематического и тщательного взбалтывания смеси коровьего или буйволиного (возможно и вместе) молока, простокваши и размельченного сычужного сыра в определенных долях, употребляющаяся обычно зимой, когда сокращается надой молока. К такому роду относится и *ахаца* – творожная масса, полученная в результате вторичной обработки сыворотки.

В питании абхазов не последнее место занимают фрукты – *аиэыр*, употребляющиеся, как правило, в свежем виде. А из отдельных плодов получают разнообразные заготовки, служащие в зимний период времени несравненным лакомством – *ахаамыхаа*: ацбынцыхэа – низки долек ореха в сушеном виноградном желе, алахарѣа – сушеное инжировое желе, атэарѣа – сушеные кусочки яблока, нанизанные подряд на нитки и др., которые в совокупности называются *ахыжэла* (закуска).

В системе питания особое место занимают напитки – *арыжэтә*, среди которых по праву выделяется вино – *ааы*, не только своей традиционностью, но и функциональной значимостью, ибо оно сохраняет за собой статус «божественного происхождения» – *анцәа ишеит*.

Безалкогольными напитками считаются все виды настоек – *ашәырз*: из виноградного сула – *ажьырзы*, из лавровишни – *ашымҳазы*, яблоч – *атәазы*, а также медовый – *ацхазәа* и др., необходимые для утоления жажды.

Этническая специфика ощущается и в построении меню, которое зависит от характера стола и времени дня и года. И эти, и другие вопросы подняты в моей работе «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов» (2012).

III. Семья и семейный быт абхазов: традиция и новация.

Прямо или косвенно вопросы семьи и семейного быта абхазов советского времени рассматриваются в исследованиях Ш.Д.Инал-ипа, (1954; 1965), Л.Х. Акаба (1955), Ц.Н. Бжания (1967), Ю.Г. Аргун (1976) и др. известных ученых Абхазского института²⁸. Но, без ложной скромности отмечу, что конкретно и дифференцированно, на основе этностатистического и этносоциологического материала, в аспекте структуры и социальной организации абхазская семья получила освещение лишь в двух моих монографиях: «Современная сельская семья у абхазов» (1983) и «Абхазская традиционная семья и действительность» (2010).

1). Состав семьи. Еще в начале XX столетия абхазская семья встречалась в двух формах: *атәацәаду* – большая семья и *атәацәахәычы* – малая семья²⁹.

²⁸ Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи у абхазов. Сух., 1954; Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района// КЭС, М., 1955, т. 1.; Бжания Ц.Н. Семья и семейный быт в абхазской колхозной деревне (по материалам села Атара) // Современное абхазское село. Тб., 1967.

²⁹ Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории брака и семьи..., с. 184; его же: Абхазы..., с. 466; Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья..., с. 32-33; его же: Абхазская традиционная семья..., с. 33.

В прошлом, примерно до, в какой-то мере и после, введения в Абхазию советского метода хозяйствования, и среднестатистическая абхазская моногамная семья была многодетной³⁰. Идеальное же число детей в семье представляло восемь душ, о чем говорит и фольклор: «*абжьџеишьџа рахџишьазаџ*», «*ахџыџаџа–ахџыџаџа*», что переводится как «единственная сестра семи братьев», «пять сыновей и три дочери», соответственно. Добрые люди семьям, в которых имелись восемь детей, желали «счастливого роста» – *анџа рзырџа*, – если их было больше – «уцеления с божьей помощью» – *анџа иа-аза*. Уже в 60-х годах прошлого столетия доминирующее положение занимали двухпоколенные семьи, составляя около 70 процентов, и лишь немногим более одной трети делили между собой однопоколенные и трехпоколенные³¹. В 70-х годах двухпоколенные семьи представляли 62 процента – почти на восемь единиц ниже предыдущего показателя³². За ними следовали семьи из трех поколений, насчитывавшие 23 процента. Третью строчку занимали т.н. неполные семьи – семьи из одного поколения, представлявшие супружеские пары или одиночки, удельный вес которых равнялся 14% в среднем³³.

Поколенность семьи в известной мере зависела от физико-географического положения населенного пункта. Как правило, наибольшее число семей из трех поколений встречалось в горных и предгорно-холмистых районах республики. Зато в них однопоколенные семьи встречались реже. Это объяснялось непоколебимостью еще в те времена традиционного отношения детей к родителям, согласно которым оставление стариков в одиночестве считалось недопустимым. Однопоколенные семьи были больше характерны для жителей пригородных, приморских селений, где доля трехпоколенных семей заметно падала.

³⁰ Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья..., с. 32-43.

³¹ Бигвава В.Л. Абхазская традиционная семья..., с. 39.

³² Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья..., соответствующая таблица.

³³ Бигуаа В.Л. Абхазская традиционная семья..., соот.табл.

Время, отделяющее нас от указанных периодов, составляет около половины человеческого возраста. Но, судя по темпу количественного и качественного развития общества, прошло немало времени. И известные изменения, происшедшие после этого, оказали серьезное влияние на семью, в данном случае на ее структуру.

Правда, и сегодня в структурном отношении первенствующее место занимает группа нуклеарных семей, составляющих 44 процента. Но разница между показателями прошлого и настоящего периодов времени более чем ощутима – 18 и 26 процентов, соответственно. До 36 процентов увеличилась доля однопоколенных семей. Разрыв – двадцать две единицы. Естественно, поэтому позиция семей в три поколения, именующихся в этнологии «полными» или «благополучными», существенно ослабла. Теперь они ограничиваются девятнадцатью процентами³⁴.

Естественным образом эти изменения не могли не сказаться на ее количественном составе.

Из всех селений страны, в которых мною собирались данные этнической демографии абхазов, везде и всюду шкала его параметра двигалась в нисходящем направлении.

Хотя имеющийся материал незначителен (в архиве он сохранился в половинчатом виде), но и он достаточно ярко демонстрирует, что в отношении численного состава семьи, самыми многочисленными в 60-х годах минувшего столетия были семьи из пяти-семи человек. Часто встречались и более крупные семьи – из восьми-девяти и более человек. Напротив, одиночки не превышали и пяти с половиной процентов. Если иметь в виду среднестатистический показатель абхазской традиционной семьи, то в 70-х годах минувшего столетия в тех селах, где я проводил обследование, она равнялась 4,6³⁵.

³⁴ Бигуаа В.Л. Там же.

³⁵ Бигуаа В.Л. Указ. работа, с. 9 (табл.).

Уточняю: по данным этнодемографического материала, собранного мною, современная абхазская сельская семья составляет 3,4 человека в среднем³⁶.

Думаю, что комментарии здесь не уместны. О том, что ждет абхазское общество завтра, конечно, если не исправить положение дел, свидетельствует демография – наука о народонаселении и его изменениях: если средний размер семьи равен 4.0 человека, то она в состоянии застоя, больше – прогресс, меньше – регресс.

2). Социальная организация семьи. Наблюдаемая за последнее время трансформация в составе абхазской семьи находится в прямой взаимообусловленности с ее социальной организацией, в которой наиболее важной стороной принято считать роль главы семьи – знаковой фигуры в быту всего этнокультурного пространства горного Кавказа.

До советизации абхазского общества имидж главы семьи был неоспоримым, ибо им мог быть только старший в ней мужчина. В исключительных случаях, вызванных его смертью, семейством руководила его жена, но, опять-таки, если среди мужской половины детей не было совершеннолетнего.

Вместе с тем, в бытовой жизни абхазов глава семьи не был деспотом, как это преподносилось отдельными авторами прошлых времен³⁷.

Не случайно, что в языке абхазов существует фразеологизм *«аҭаацҭаду релатҭара/ аҭаацҭаду анааилатәо* – «заседания большой семьи», «время заседания большой семьи».

Большая семья собиралась вечером, после завершения дневных дел. Оно, заседание, посвящалось решению предстоящих проблем. Можно сказать, что *аҭаацҭаду реилатҭара* было своеобразным семейным парламентом, роль спикера которого исполнял глава семьи. Правом голоса пользовались

³⁶ Бигуаа В.Л. Указ. работа, с. 11 (табл.).

³⁷ Напр., Дубровин Н. Ф. в его работе «История войны и владычества русских на Кавказе» (С.Пб., 1871, т.1); Я.С. Смирнова в раб. «Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (19-20 вв.)...

все взрослые мужчины, от труда которых зависел семейный бюджет. С совещательным, а иногда и решающим, голосом могла присутствовать и старшая женщина, обычно жена главы семьи, мать семейства, хранительница домашнего очага и распорядительница «домашних дел». Молодые люди стоя слушали «парламентариев», а разговор старших родственников брали себе на вооружение. Другими словами, в решении важных, общих вопросов семья придерживалась основ демократических принципов.

Гуманностью характера отличалось также и половозрастное разделение труда, постоянно функционировавшее в хозяйственной жизни абхазов. С одной стороны, это «внешние дела» – *адэахтэи аус* и «домашние дела» – *аантэи аус*. Первая сфера трудовой деятельности предназначалась мужчине, потому называлась еще «мужским делом» – *ахайаус*, а вторая – женщине, именовавшаяся, соответственно, «женским делом» – *апхэысус*. И те, и другие понятия синонимичны. С другой стороны, имеется в виду возрастной ценз: «дела взрослых» – *аду иус*, и «детские дела» – *ахэычы иус*. На семейном заседании, когда шло обсуждение предстоящих неотложностей, глава семьи учитывал все эти нюансы, а также призвание каждого исполнителя. Внешние дела – это тяжелые работы – земледельческие и скотоводческие, требующие мужскую силу; внутренние – приготовление пищи, наведение порядка в доме и во дворе дома, выращивание овощей, разведение домашних птиц и, конечно же, воспитание детей, считавшиеся кругом занятий женской монополии. Хотя в разряд домашних дел входит и доение крупного рогатого скота, которое в прошлом считалось делом рук представителя сильного пола. Это отмечалось еще в девятнадцатом столетии: «щадя силы женщины, абхаз не стыдится доить коров, что как-то не идет его воинственной фигуре»³⁸.

Глава семьи как наставник, умудренный жизненным опытом, и взрастивший свое потомство, пользовался не-

³⁸ Рыбинский Г.А. Указ. работа, с. 15.

пререкаемым авторитетом; никто не осмеливался пройти перед ним, становиться или садиться спиной к нему, курить, громко разговаривать при нем, пререкаться с ним. При входе старшего в дом, или выходе из него, находящиеся в нем вставали, а молодые не садились рядом с ним, не садились даже и на специально отведенный ему стул – *аиҳабы ик̄аард̄а* – один из атрибутов старшего – и тогда, когда не было его в доме. В пути он должен был идти впереди, если даже шел рядом, то все, кто моложе его, двигались, как бы отставая от него, хотя бы на один шаг. Так везде и всюду: место главы семьи – первый ряд. Глава семьи был первым не только потому, что глава, – прежде всего он был старший по возрасту. Возрастной ценз работал как в семье, так и за ее пределами.

Субординация соблюдалась как снизу, так и сверху. Каждый знал свое место – и старший, и младший. Границу не мог нарушить никто.

В нуклеарных семьях во главе семьи стоял отец, в его отсутствии – мать. В трех-четырёх поколенных семьях главенствовал дед, если его не было уже в живых – бабушка.

Глава семьи, если даже он не был трудоспособным, все равно считался главным, но больше в идеологическом плане. В геронтологических исследованиях отмечается: идеологическая позиция престарелого человека, непременно способствовавшая развитию у него чувства своей полезности, играла немаловажную роль в продлении ему жизни³⁹. На деле семейными делами руководил тот, умением и трудом которого определялось благосостояние коллектива данной ячейки. Он обладал мандатом доверия также и в обществе. В отсутствие главы семьи он имел право действовать от его имени, пользуясь его полномочиями и голосом.

³⁹ Старовойтова Г. В. Этнопсихологические особенности абхазских долгожителей// Абхазское долгожительство М., 1987, с. 257-261; Шахматов Н.Ф. и др. Некоторые особенности психики старых людей// Абхазское долгожительство..., с. 262-270.

Несмотря на то, что в решении семейных проблем последнюю точку ставил глава семьи, мнение жены тоже им не игнорировалось. При этом он, как мужчина, по отношению к ней не позволял себе грубости, наоборот, «с его стороны, как сознающего свою силу и превосходство, проявлялись элементы рыцарского снисхождения к слабому»⁴⁰. В случае же раздора между ними, муж в то же время имел право «дернуть» ее – *алакта лирбон*, но без рукоприкладства. Настоящий мужчина «это считал не только ниже своего достоинства, но и несогласным с обычаем. Много терял в общественном мнении тот, кто позволял себе насилие или непочтительное отношение к женщине вообще»⁴¹. Рукоприкладство не прощалось и ее родней, главным образом, братьями. Уход жены к своим родителям по такому поводу не подлежал осуждению. Он мог перерасти во вражду между сторонами, особенно, если у них не было еще детей, ради которых можно было хоть как-нибудь разрядить обстановку. Главной причиной развода супружеской пары могла быть только «измена со стороны жены»⁴². Тогда примирение исключалось. Родня, опозоренная поведением дочери, не имела голоса: *рылахь ада џџан*. Другой причиной развода являлось бесплодие женщины, но и в этом случае супруги находили выход из положения. По инициативе самой жены в дом приводили другую женщину в качестве «присаженной». На первый взгляд, выглядящий как полигамия, обычай этот представлял вынужденную меру, и общественность относилась к нему с пониманием, даже поощрялся им. И женщины, как правило, уживались и жили под одной крышей в мире и согласии, сообщая занимаясь домашними делами и, конечно же, воспитанием детей «второй». Естественно, супруги могли прибегнуть к разводу и в случае «несходства характером», особенно, в начале совместной жизни, но появление у них

⁴⁰ Инал-ипа Ш.Д. Там же.

⁴¹ Инал-ипа Ш.Д. Там же, с. 446.

⁴² Инал-ипа Ш.Д. Там же.

детей предотвращало его. При необратимости развода по инициативе жены, дети оставались в отцовском доме, она забирала лишь свое приданое *аухрайага*. А когда инициатива исходила от мужа, дети уходили вместе с матерью к ее родителям, тогда ей принадлежала половина общего имущества без исключения. А вообще развод – *аильйра* – как таковой в семейном быту абхазов представлял собой редкое явление.

В трехпоколенной семье внешние, видимые барьеры во взаимоотношении супругов, т.н. «обычай избегания», не нарушались, даже если у них были уже взрослые дети. А во взаимоотношениях молодых супругов эти обычаи работали с еще большей силой. В присутствии же старших членов семьи, в особенности ее главы, молодая супружеская пара не садилась и не стояла рядом друг с другом, друг с другом не общалась, а если и общалась, то шепотом, порою, просто глазами. По отношению же к матери семейства она придерживалась избегания в заметно упрощенной форме. Этому способствовала не столько женская теплота, сколько совместное ведение домашнего хозяйства невесткой и свекровью. Общеизвестно еще, что муж не называл жену свою по имени и, наоборот, жена – мужа, ограничиваясь местоимениями *уара* и *бара* – «ты», соответственно.

Хронологически эти ограничения, в том числе и табуация имен, связаны с начальным периодом патрилокальных отношений, породивших похищение невест. Даром невесту никто никому не отдавал. С потерей молодых рабочих рук не хотела мириться ее родня. В первое время насильственного вступления в брак похититель тщательно утаивал место нахождения невесты, поместив ее где-нибудь в лесу, а позже – в специально построенную на быструю руку круглую плетеную хижину с конусообразной крышей – *амхара* так, чтобы ее не увидел чужой глаз, и не услышало чужое ухо. Об этом говорит и название постройки, этимологизирующееся в точном соответствии с ее функциональной значимостью: «глушь», «глу-

хомань». В семье никто из ее членов не произносил имени невесты вслух, все называли ее совершенно другим именем, во избежание выявления факта нахождения ее здесь противоположной стороной. И обычай, запрещающий невестке называть родственников по имени, – результат антагонистических взаимоотношений свойственников. А связанные с ним магические представления и этикетные нормы – запрет на произношение невесткой имен старших родственников мужа и т.д. – вторичное явление.

Система обычая *аихабрейыбра* соблюдалась не только между главой семьи и его домашними, но и между самими братьями, сестрами, братом и сестрой, деверем и невесткой, между взрослыми и детьми.

Ссориться со старшим братом как равный с равным, даже если он был неправ, младший не мог. При младшем брате старший брат не позволял себе вольности ни в действиях, ни в разговоре. Он был для него покровителем, защитой; старался быть всегда и везде подтянутым, чтобы тот равнялся на него. В свою очередь и младший брат служил ему тылом: «брат, что кровь!» – *аешья ашья дафызоуп*. Однако естественные взаимоотношения братьев ни при каких обстоятельствах не подчеркивались, наоборот, они носили несколько завуалированный, можно сказать, спартанский характер.

Отношения сестер отличались относительно большей открытостью, особенно со стороны старшей. Старшая как помощница своей матери пользовалась большей самостоятельностью и доверием одновременно и у взрослых, и у детей. И, как правило, младшая сестра слушалась и подчинялась непосредственно ей, действовавшей исключительно по велению матери. Одновременно младшая сестра «готовила» свою старшую сестру к замужеству, помогая ей в рукоделии. А во время прибытия в дом гостей на смотрины, или сватание девушки, младшая сестра брала на себя все «невидимые работы», а за той оставалась лишь показательная сторона –

аеырбара. Старательность младшей сестры диктовалась не только естественной любовью к своей старшей, но и тем, что она «прочитала» себе дорогу и получала необходимый опыт.

Отношение младшей сестры к старшей не оставалось без ответа. Заботливое и ласковое обращение старшей сестры к младшей сестре было само собой разумеющимся явлением.

Отношения между братом и сестрой формировались не столько нормами возрастного преимущества, сколько понятием «мужчина есть мужчина» – *ахайа дхайоуп*. Преимущество это исходило из той ответственности, которую нес брат за честь и достоинство своей сестры. Поэтому сестра всегда была подконтрольна брату, в особенности младшая. К старшей он относился с большей корректностью, предупредительностью, предусмотренной возрастным разрывом. В свою очередь и сестра не обделяла соответственным вниманием своего кровного защитника. Она регулярно и аккуратно ухаживала за ним, по крайней мере, до женитьбы. Более того, сестра тоже могла быть заступницей брата, пресекая любого, кто осмеливался отозваться плохо о нем, предельно тактично, но не грубостью. Грубая, языкатая женщина не воспринималась общественным мнением. В обращении же с братом сестра отличалась необычайной теплотой и нежностью, адресуя ему при любом удобном случае благопожелание: «да обойду я тебя» – *уаҳэшья дукэхьшоуп*, в смысле, «беру я на свою голову все твои беды». Подтверждением искренности этого выражения является и народная мудрость: «когда сестра услышала горестную весть о гибели брата, трава под пятой ее выгорела» – *зашья ицзы заҳаз аеҳэшья «арйгаа» анаатлырга, дзықэгьлаз ашьац лыйыблааит*.

Особое место в абхазской традиционной семье занимала невестка. К ней относились с некоторой осторожностью и большей тактичностью, особенно к младшей, как к новому члену семьи, не успевшему еще приспособиться к непривычному ритму жизни. Вольготность обращения не только по от-

ношению к ней, но и друг с другом в ее присутствии исключалась. И она должна была быть услужливой по отношению ко всем родственникам мужа, главным образом старшим. Утром она вставала раньше всех, а ночью ложилась спать позже всех. Утром ее ждала «невестина метелочка» *аҗаца-өымсаг*, днем – обыденные дела в доме. Вечером, во время ужина, невестка должна была ухаживать за семьей, конечно, не без участия девочек, если таковые жили в доме. Невестка ложилась спать позже всех еще и потому, что в свою спальню она должна была «проникнуть» незаметно от любителей острословия: «невестка тянется в теплую постель мужа». Во время встречи с гостями, если даже они приехали не издалека, невестины заботы еще больше увеличивались. Нельзя было отпустить их, не угостив «невестиной абыстой» – *аҗацабыста*. В первое время супружеской жизни невестке нельзя было показываться вместе со своим мужем представителям старшего поколения в семье – *аиццэдырымйра*. Невестка со дня водворения ее в дом свойственников не должна была разговаривать при родителях и других старших родственниках мужа – месяцами, годами, нередко и всю жизнь. В присутствии старших она могла говорить с кем-нибудь из молодых членов семьи, но только шепотом. Со свекровью она начинала общаться с истечением определенного времени, поскольку, как об этом уже говорилось, домашние дела требовали от них установления близких и открытых контактов. Их сближало особенно воспитание детей. Свекровь по мере необходимости высвобождала невестку от ухода за ребенком. Бывало, что невестка соглашалась разговаривать и со свекром, но лишь после его убедительной просьбы и организации им небольшой пирушки. Да и после этого невестка при общении со свекром строго придерживалась вежливо-смирненного отношения, разговаривая с ним лишь вполголоса, не смея прямо смотреть ему в глаза, подчеркивая тем самым свое скромное положение в семье. Дальше – больше. При родителях мужа, особенно свекра, невестка

не ласкала своих детей, не играла с ними. Невестка никогда и ни при каких обстоятельствах не садилась рядом со свекром и свекровью, деверем и другими старшими родственниками мужа, не произносила их имена, даже и тогда, когда они ее не слышали. Она называла их так же, как и их родные дети, в частности, ее муж: *баба, нана* (абж.), *даду, нан* (бзыб.). Точно так же и родители мужа, вообще и другие его родственники, не называли невестку по урожденному имени, а давали другое имя, на свой вкус.

Соблюдение табуированных норм поведения в семейном быту абхазов, как со стороны невестки, так и со стороны ее свойственников, воспринималось общественным мнением как знак уважения, как дань минувшему времени. А на самом деле оно служило традиционным регулятором взаимоотношения сторон.

Вместе с тем, в отличие от других членов семьи, невестка пользовалась некоторыми льготами. Возможные ошибки, упущения или недоработки со стороны невестки членами семьи, как правило, прощались, «не замечались». В случае же ссоры между невесткой и ее мужем члены семьи защищали не своего, а ее, если даже она была неправа. Принцип этот, на первый взгляд кажущийся лукавинкой, оправдывал себя как метод воспитания. На традиционные предприятия, имевшие широкий общественный резонанс, женская половина дома не появлялась без нее, стараясь показывать все ее лучшие стороны, как бы с авансом.

Непокорность женщины мужу и другим старшим членам семьи тенью ложилась как на ее авторитет, так и на авторитет родителей. Такое поведение могло быть для нее и небезопасным. Опасность исходила именно от ее мужа – единственного человека в семье, который имел право вернуть ее в дом родителей. Женщина, возвращенная обратно «за ее язык», не имела перспективы в дальнейшем: больше никто ее замуж не брал.

В трехпоколенных семьях, тем более в четырех, могла быть ни одна невестка, а несколько – *аицалацэа* («соневестки», «сосношки»). Их взаимоотношения складывались по известному принципу «старшинство-младшинство». Старшей невесткой – *аицалеиҳабы* считалась жена старшего брата, если даже она не была старше других по возрасту, и поэтому все остальные невестки относились к ней с почестями. Все младшие *аицалацэа*, не называли ее не только по урожденному имени, но и по имени, данному семьей мужа, нарекая совершенно другим, еще более привлекательным.

Приобретая навыки семейной жизни, старшая невестка выполняла и роль наставницы, содействуя своей младшей *аицала* овладению опытом воспитания ребенка, манерам держаться перед старшими родственниками мужа достойно и т.д., и т.п. В случае разногласия между младшими *аицалацэа*, старшая как правая рука хозяйки дома, выступала в роли медиатора. Разногласия между ними могли возникнуть обычно перед сегментацией семьи, сопровождавшейся разделом имущества. Но раздор в семье как таковой возникал очень редко, он отрицался общественным мнением, поэтому и делать на него акцент не стоит.

Регламентацией поведения были проникнуты также и внешние отношения между детьми и взрослыми членами семьи.

Воспитание ребенка – *ахэычаазара* – считалось «делом рук его матери». Отец уходил утром, был занят внешними делами и возвращался только вечером, после захода солнца. И в свободное от работ время он не баловал мальчика вниманием, а девочку одаривал скупой отцовской улыбкой, но не более того. Несколько иными были отношения других взрослых мужчин-домочадцев, позволявших себе быть с ними нежнее. Напротив, вся женская половина дома считала себя обязанной помогать молодой матери, особенно по уходу и присмотру за ребенком. В этом отношении особое место занимала бабуш-

ка. Поэтому привязанность ребенка к ней выглядела как само собой разумеющееся явление. И, как следствие всего этого, бабушка для ребенка представляла собой всепрощающую фигуру, порою и главную защиту. И дед был мягок в обращении с внуками, но и он тоже воздерживался от излишней нежности. Естественная теплота, исходящая от стариков, способствовала не только сближению сторон, но и формированию у детей преимущества традиционных отношений между поколениями.

В целом, в семейном быту абхазов взаимоотношения взрослых и детей мало чем отличались от отношений между самими взрослыми, если исключить процесс воспитания как таковой. И в том, и в другом случае главной осью, вокруг которой вращался весь механизм внутрисемейных отношений, является та же система *аухабрейыбра*.

Теперь о разделе семьи – *аиҕыҭра*. В специальной литературе он известен еще как сегментация или метамерия. В силу их структуры сегментированию подвергались только большие или т.н. неразделенные семьи.

Как известно, в основе большой семьи лежала экономическая необходимость, требовавшая большое количество рабочих рук. С другой стороны, в условиях междоусобных столкновений, нередко имевших место в абхазской социальной действительности, большая семья имела и большой вес. Третьим фактором необходимости совместного проживания большого кровнородственного коллектива служило общественное мнение, отрицавшее домашний раздор в любом его проявлении. Разнобой в семье размывал авторитет ее главы, да и семьи в целом. Во избежание разночтения факта, когда семья по своей структуре достигала чрезмерных размеров и «не могла питаться из одного котла» – *чуанк изеицтамчо ианыкалалакь*, глава созывал несколько человек из числа представителей своего рода и односельчан и оглашал свое решение определить сыновей, имеющих уже собственные семьи.

При этом указывал на причитающиеся им части имущества в отдельности: «доля старшего», «доля младшего» – *аиҳабы ихэҭаа, аиҭбы ихэҭаа*.

Для главы семьи предоставлялась одна треть имущества, понимавшегося в основном в виде скота. Несколько больше других дольщиков получал его старший сын, чей вклад в семейный бюджет был особо весом. А все остальное имущество делилось между другими сыновьями поровну, куда входил и тот, кто оставался в отцовском доме для присмотра за родителями. Вопрос последнего решался обычаем минората. Женская половина дома не имела отношения к разделу имущества. Причина – приданое, которое они получали в день вступления в брак.

Кроме того, при разделе делилось все, чем располагала семья, начиная с живности, кончая предметами кухонного обихода. Делили даже надочажную цепь – символ единения родственного коллектива, предмет, обладающий магической силой. Скорее всего, дележ надочажной цепи носил символический характер, забирая всего лишь ее частицы. Отсюда и известный фразеологизм «*архнышьна еиҭызыҭаз*», употребляющийся до сих пор как эквивалент понятия «родные братья», подчеркивая степень близости родственников по крови, как бы для эффекта.

Отделившиеся малые семьи не уходили далеко от «метрополии», а обосновывались вокруг большого дома – *аанду*, т.е. отцовского дома. Мотив – те же факторы, о которых шла речь выше, плюс идеологическая сторона дела. Их не отпускало также и чувство ответственности друг перед другом, а в еще большей мере – перед родителями. Каждый из них считал себя обязанным оказывать «большому дому» посильную помощь. В свою очередь, родители тоже не оставляли молодых без внимания: следили за ними, по мере необходимости давая им советы.

Теперь о современной действительности абхазской семьи. Как уже отмечалось выше, господствующим типом малой

семьи является сегодня нуклеарная семья – семья из родителей и детей. Ею руководит отец, не только юридически, но и практически. А в тех семьях, где нет отца, главенствует мать. В трехпоколенных малых семьях им является дед, а там, где его уже нет – бабушка, но здесь их главенство носит уже номинальный характер. В однопоколенной семье из супружеской пары, как и прежде, главенство принадлежит мужчине.

Что касается «ограничительных установок» во внутрисемейных отношениях, то не трудно заметить, что в нуклеарной семье как будто они традиционны, но на самом деле это из серии деланных элементов системы, «ради приличия». Отсутствие в ней носителей и выразителей этнических норм поведения налицо. Их стиранию способствуют еще и источники материального благосостояния семьи. Порою, жена зарабатывает ничуть не меньше, чем муж. Поскольку хозяйство современной абхазской сельской семьи приобрело и рыночное значение, реализацией товара занимается преимущественно женщина, ибо традиционная пренебрежительность абхазов к торговле до сих пор заметно сохраняется. Следовательно, и общесемейные проблемы решаются сообща, общими усилиями, особенно воспитание детей. В изменении формы, в какой-то мере и содержания, во взаимоотношениях супругов не последнее место занимают также уровень их образования и интенсивность информационных потоков.

Купля-продажа нарушает также и границы между понятиями «мужские дела» и «женские дела». Женщина выходит за пределы внутренних работ, она стоит рядом с мужчиной, где он занимается внешними делами, главным образом земледельческими. И мужчина в свою очередь не брезгает работами по дому, особенно во время отсутствия жены. Конечно, до метлы и тряпки – символов женской монополии – он еще не дошел, да и сама она не позволит ему взяться за них: «со стороны что скажут» – анацщэа ирхэозеи?

Что касается проблемы развода, то, как и прежде, она может возникнуть редко, во всяком случае, при наличии потомства. Если даже такое и происходит, то с той лишь разницей, что при решении вопроса по вине мужа, ни жена покидает дом, а он сам, поскольку все родственное окружение разводящейся пары, в особенности его сторона, защищают интересы детей. И в дальнейшем он не оставляет их без внимания. Дело, как правило, не доходит до суда, т.к. муж, независимо от отношений к своей бывшей жене, самостоятельно решает вопрос материальной помощи своим детям. В противном случае ему не избежать строгого порицания со стороны общественного мнения.

Дети до вступления в брак находятся как бы в руках родителей. Я умышленно подчеркиваю слово «родители» потому, что теперь их права на проблемы детей практически сравнялись. И после отделения, дети не прерывают связь с отцовским домом, но в известной мере она изменяется в сторону ослабления.

Отделившиеся сыновья уходят, не думая о расстоянии, в города, где они находят свое применение по специальности или призванию. В доме отца остается только тот, кто находит уют в сельских условиях жизни. Традиция минората «устарела» не только в более или менее обустроенных прибрежных селениях, но и в отдаленных, предгорных и горных. С положением вещей примирились и родители.

Одним из факторов, способствующих единению кровных родственников, является обрядовая сфера семейного быта – *ацэгъеи абзиеи*. Она касается всех без исключения, ибо ответственность за качество ее проведения ложится на каждого из них.

Во главе современной трехпоколенной семьи стоит тот сын, который не покинул свое село, не оставил родителей в одиночестве, заслуживая тем самым уважение в обществе. Авторитет его зависит еще от уровня благосостояния семьи,

воспитанности детей в традиционном духе, личной коммуникабельности и, конечно же, приверженности к хлебосольству. Что касается юридического главы семьи – отца, деда, на чье имя оформлены дом и хозяйство, то он больше идеолог, чем практик; дает различного рода советы сыну в решении проблем, как внутрисемейного, так и вне семейного масштаба.

В двухпоколенной семье воспитанием детей в равной мере занимаются родители. В трехпоколенной семье посильную помощь им оказывают старики. Но главное не в этом. Главное в том, что здесь «в рабочем состоянии» находятся обычаи отцов, и дети имеют возможность усвоить традиционный стиль жизни, за который они, по мере взросления, испытывают чувство гордости, в том числе за чистоту родного языка.

Отношения между боковыми родственниками – братьями, сестрами и т.д. – сохраняются естественным чувством ответственности друг перед другом. Но внешне они освобождаются от традиционных ограничений и регламентаций. В обществе они еще имеют определенную силу, хотя зачастую носят деланный, показной характер. Сегодня младший брат может жениться, не дожидаясь своей очереди, а младшая сестра опередить старшую сестру, «выскочить замуж». И абхазское общество к такому явлению относится теперь с пониманием. Главное – сам факт.

Не говоря уже о более весомых семейных коллективах, совместное проживание двух женатых братьев в абхазском обществе теперь почти не найти. Поэтому исследование отношений современных «соневесток» уже невозможно.

В целом для современной абхазской семьи характерна одна общая тенденция развития – легковесность структуры и упрощенность внутренней организации. И это не случайно. Налицо продукт социально-экономических и культурных преобразований, произошедших в абхазском обществе за последние десятилетия.

IV. Возрастная стратификация как фактор самоорганизации абхазов.

1). Возрастная стратификация абхазов – предмет научного изучения. Стратификация человеческой жизни на категории считается объектом изучения двух научных дисциплин: психологии и этнологии. В этнологии ею занимались немногие: В.А.Попов⁴³, К.П.Калиновская⁴⁴ и др., хотя понятие «возрастные категории» культурно зависимо – принципы подхода к нему подчиняются обычной установке этноса. Она, социальная стратификация, или система возрастных категорий, привлекает внимание этнологов как один из способов формирования и развития семейных и общественных отношений, тем более, если нет соответствующих письменных источников. Изучение этой проблемы у абхазов началось в первой половине минувшего столетия в связи с возникшим интересом к абхазским долгожителям. Первым исследователем феномена абхазского долгожительства был краевед С.П. Басариа⁴⁵. Затем тема долгожительства была поднята также и рядом других ученых, касавшихся вопросов возрастных категорий как бы «между прочим»⁴⁶. В проект исследования и тех, и других входил образ жизни абхазов, который невозможно изучить без учета системы возрастных категорий, и наоборот. На научной основе к специальному изучению данной проблемы приступили лишь в конце 70-х–начале 80-х годов того же столетия в рамках «Советско-американского комплексного биолого-антропологического и социально-этнографического исследования долгожителей», одним из участников которого

⁴³ Попов В.А. Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потесторно-политические функции. М., 1993.

⁴⁴ Калиновская К.П. Категория «возраст» в представлениях некоторых народов Восточной Африки//

АЭС, вып. 2. Л., 1980.

⁴⁵ Басариа С.П. Избранные сочинения. Сух., 1967.

⁴⁶ Шафиро И.Б. и др. Долголетние люди Абхазии. Сух., 1956.

был и я⁴⁷. Исследование было посвящено борьбе за долгую и счастливую жизнь – основному стержню всего исторического развития человечества. Это как раз то, что является целью и для исследования системы возрастных категорий абхазов, созданной жизненным опытом народа. Именно поэтому она вошла в этот коллективный проект в качестве одной из многочисленных тем исследования. В этой связи нельзя обойти и работу американской журналистки Пола Гарб⁴⁸, написанную, кстати, с большой любовью и уважением к абхазам. Впервые попытка конкретного рассмотрения системы была сделана московским этнографом А.П.Павленко⁴⁹, членом этой группы. Однако ему не удалось собрать необходимый материал, анализ которого позволил бы уверенно ответить на существенные вопросы, хотя сделанные им отдельные выводы довольно удачны. В целом же работа ученого не вышла за рамки «попытка», т.к. концепция, выдвинутая в ней как таковая, не получила системно четкого и последовательного объяснения. Тема эта исследовалась и молодым абхазским этнологом О. В. Маан⁵⁰, который, в частности, ставит под сомнение предложенную мною структуру в монографии «Образ жизни абхазских долгожителей»⁵¹ и специальной статье «Структура возрастных категорий у абхазов»⁵², назвав ее схемой, построенной «на искусственно раздутом материале», не предложив при этом никакого другого варианта.

Повторюсь: исследование системы возрастных категорий абхазов невозможно вне контекста их образа жизни. А соби-

⁴⁷ См. Феномен долгожительства. М., 1982, с. 69-74.

⁴⁸ Гарб Пола. Долгожители. М., 1986.

⁴⁹ Павленко А.П. Возрастные категории в абхазском обществе// Феномен долгожительства. М., 1982.

⁵⁰ Маан О.В. Социализация личности в традиционно-бытовой культуре абхазов. Сух., 2003, с. 12-13.

⁵¹ Бигвава (Бигуаа) В.Л. Образ жизни абхазских долгожителей. Тб., 1988.

⁵² Бигуаа В.Л. Традиционная система возрастных категорий у абхазов// Кавказ: история, культура, традиции, языки. Сух., 2004, с. 296 – 306.

рать сведения об образе жизни традиционных абхазов задача не из легких. Абхазы охотно рассказывают легенды о народных героях или даже просто о своих друзьях, но о себе – нет, считая это несовместимым с ментальностью абхазов⁵³. Тем не менее, резюмируемая здесь работа, написанная на основе по крупицам собранного мною полевого этнографического материала, состоялась. И надеюсь, что работа, представляющая по существу первое комплексное исследование в абхазской этнологии, способна дать стройное представление о данной проблематике.

2). Структура возрастной стратификации абхазов. По убеждению абхазов, средняя продолжительность человеческой жизни – сто лет: больше – подарок (от господ), меньше – наказание (из-за его грехов перед ним). Они говорят: *икэуп* – «на нем лежит», т.е. должен, воспринимая данный срок как долг, который человек обязан отдать. Отсюда и *ақара* – «возраст».

Универсальное понятие об основных возрастных категориях – детстве, молодости и старости – бытует, естественно и у абхазов: *ахэычра*, *ақара*, *ажара*. Им известны также и переходные понятия: юность и зрелость – *ақэыңира*, *ашара*.

Однако, анализ и конструирование имеющегося материала, собранного в свое время мною, показывает, что за ним скрывается довольно сложная структура. С точки зрения абхазов, за всю свою «вековую» жизнь человек преодолевает пять возрастных категорий, каждая из которых имеет четыре ступени, а продолжительность одной ступени – пять лет. Следовательно, всего возрастных ступеней двадцать. Народная номенклатура – тому подтверждение. До двадцати лет человек – «ребенок» – *ахэычы*. И только после первой возрастной категории начинается четкая половозрастная градация в соответствующей лексике абхазского языка: мужчина 20-40 лет – «тот, кто моло-

⁵³ Бигвава (Бигуаа) В.Л. Из биографии двух абхазских долгожителей// Феномен долгожительства. М., 1982, с. 69.

же предводителя воинов» – *арңызба/ ачкэын*, женщина – «та, кто моложе женщины (замужней) – *аңхэызба/ азџаб*; мужчина 40-60 лет – *ахайа*, женщина – *аңхэыс*; мужчина 60-80 лет – *ахайа-бырг*, женщина – *аңхэыс-бырг*; мужчина 80–100 лет – *атахмада*, женщина – *атакэажэ*. Заметим: в известной мере последний термин носит на себе уничижительный оттенок, видимо, настоящий термин, служивший для обозначения последней возрастной категории женщины утерян. Заметим еще одно обстоятельство: возрастная стратификация, бытующая в абхазском обществе, в корне отличается от стратификации, предложенной психологами⁵⁴: детство – 1-12 лет; юность – 12-20; молодость – 20-25; зрелость – 25-60; старость – 60 и более.

В соответствии с наименованиями ступеней детской возрастной категории грудной ребенок до года назывался «младенцем молочной спелости» – *азкы*. Он, младенец, не включался в понятие «человеческое общество», не показывался чужим людям, «не клалась отдельно для него доля пищи» – *ихэы анырџомызт*, не давалось ему и имени. Азкы считался существом семейным. В случае же смерти азкы, не оплакивая, хоронили в первой половине того же дня, считая его ангелом – *амаалыкъ*. О нем говорили «погас» – *дкьатџеит*, а не «умер». Только с исполнением года он «становился человеком», получал все, что ему причиталось, в том числе и имя. В этот день имениннику производили «стрижку волос» – *амышхэамхра*, «развязывание ног» – *адашьхэаңкара*⁵⁵. С этого дня он назывался «ново-ходячим» ребенком – ребенком, едва начинающим ходить – *аџыцныкэа*. До двух-трех лет он мог называться еще и «люлечным» – агаранца. Вообще ребенок до пяти лет – это *аңиқа*, *ахэычытықа*. Нередко в качестве синонима подобного ахэычы употреблялось *асаби*, как у родственных адыгов.

⁵⁴ Выготский Л.С. Психология. М., 2000, § 1-2; Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1999 и др.

⁵⁵ Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья у абхазов..., 89.

В пять-десять лет протекала вторая ступень детства. Это – время проникновения в лексический мир абхазского языка «символики» половой принадлежности детей при помощи прибавления впереди каждого термина «парень» – *ацкэын* или «девушка» – *азҕаб*. Мальчик начинает называться «маленьким парнем» – *ацкэын-хэычы*, девочка «маленькой девушкой» – *азҕаб-хэычы*. На протяжении всего этого времени и мальчик, и девочка приобщались к физическому труду как источнику добрых дел. К тому же они уже считались весьма полезными в домашнем быту, могущими, к примеру, подать напиток воды, подержать полотенце во время омовения рук взрослыми, выгнать из курятника или загнать в него домашних птиц, позвать кого-нибудь из членов семьи, находившихся во дворе, или даже соседа из ближайшего дома. Через год-два после начала данной возрастной ступени «маленький парень» начинал поддерживать огонь в очаге, пасти козлят или ягнят недалеко от дома, подавать хворост тому, кто оплетал забор, погонять волов или буйволов, запряженных в арбу, когда впереди шел кто-то из взрослых. И, конечно, он уже держался верхом на лошади, а во многих случаях и овладевал сложными приемами джигитовки. Девочка такого возраста считалась подсобницей матери или, чаще бабушки. Она может подавать тарелки и прочую посуду сервировавшей стол женщине, ходить с кувшинчиком до родника, учиться шить, кроить, ткать, помогает взрослым сеять семена, сажать овощи в женском огороде.

Уже в десять-пятнадцать лет мальчик именовался «парень-поросль» – *ацкэын-ќата*, девочка – «девушка-поросль» – *азҕаб-ќата* (в смысле: подросток). Ацкэын-ќата доверялось управлять тягловыми животными, когда взрослые пахали поле, ездить на мельницу, пасти скот в окрестностях села. Он начинал работать также с плугом, мотыгой и прочими орудиями земледельческого труда, причем специально для него приобретались орудия меньшего размера; участвовал в убор-

ке урожая, заготовке сена и дров, летом помогал пастухам на высокогорных лугах, выслеживал дичь, зимой на звериных лазах и переходах ставил небольшие капканы. Другими словами, ачкэын-ката становился помощником отца, чаще и дедушки во всех хозяйственных делах. К концу данного времени он учился даже стрелять из огнестрельного оружия.

С таким же успехом помогала матери или бабушке и азџаб-ката. Вместе с матерью, чаще и самостоятельно, она наводила порядок в доме и во дворе, при необходимости помогала взрослым женщинам в приготовлении пищи и выполнении других внутренних работ, считавшихся женскими или домашними делами – *аңхэысус*, *аонус*. Конечно же, первостепенной обязанностью девочки считалось обслуживание взрослых членов семьи, особенно мужчин: подавать ту или иную вещь, поливать воду им на руки перед едой и после.

Упитанного мальчика называли «крепыш» – *ахбыц*, а худощавого, впрочем, как и девочку, – одинаково – «макушка» (дерева) – *ахыцэ*.

Практически детство у абхазов заканчивалось после пятнадцати лет. Видать, это объяснялось не только нуждой крестьянского быта в рабочих руках, но и желанием родителей видеть в своих детях полноценных людей, способных самостоятельно прокормить себя и свою семью.

Прежде всего юноша, называющийся уже *ачкэын-кэыцш*, в отсутствие отца в полной мере справлялся с хозяйством, в общественных же предприятиях принимал участие в обслуживании гостей. В частности, на свадьбах, игравших по соседству, иногда и в окрестностях селениях, подавал к столу вино, наливал его в стаканы, ни отходя ни шагу от гостей, и четко наблюдая, кто, как и сколько выпил. На похоронах же его определяли в качестве сопровождающего мужчин-плакальщиков – *абџакэы*. Но если ачкэын-кэыцш участвовал в подобных предприятиях в другой общине, то его место было среди гостей. В отсутствии отца он свободно, без стеснения

являлся на сход рода или даже общины. Ачкэын-кэыпш получал право на именную лошадь и ношение оружия, ибо он уже считался полноценным членом не только семьи, но и рода. В критический момент на него возлагалась обязанность защитника дома и окружающих его людей. Азѳаб-кэыпш называли и «дочерью семьи» – *аѳыпѳа*, в смысле «домашняя». Азѳаб-кэыпш, или аѳыпѳа умела уже выполнять все женские работы по дому. Кроме того, она должна была изготовить себе основной набор приданого и подарки, раздававшиеся ею в день ее свадьбы родственникам жениха. Много трудилась она во время приема гостей, которых нужно было обслуживать за обеденным столом. При этом ни в коей мере ей не полагалось, не только садиться, но и поставить графин на стол или кувшинчик со спиртным напитком. Между тем, угощение длилось часами, нередко и целые сутки. Перед сном она помогала гостям помыть ноги и раздеться, после чего чистила им обувь и гладила одежду. С такого возраста ее выводили и в общество. Молодые люди начинали присматриваться к ней. Она уже должна была знать, как держать себя: скромной, стеснительной, тактичной и услужливой по отношению к старшим.

В двадцать лет молодые считались уже физически крепкими, совершенными, в социальном отношении – зрелыми, вступившими в пору счастливой молодости, оставив детский возраст позади. Молодой человек, именовавшийся уже *арпызба/ ачкэын*, в случае опасности становился воином, поэтому его называли «предводитель» – арпыс, как бы гордясь за его потенциальную возможность командовать воинским подразделением, защитником родины. Девушка такого же возраста звалась «той, которая моложе женщины» – *аѳхэызба/ азѳаб*. Арпызба и аѳхэызба, не смотря на их практическую подготовку, опыт и возможность в производстве материальных благ, пользовались некоторыми льготами. К физической работе они привлекались меньше, чем семейные мужчины и женщины. В этом следует видеть, видимо, боязнь родителей

повредить здоровью молодых, продолжателей рода. Как метко замечено Я.С.Смирновой, у абхазов «дочери в отцовских и, особенно в больших семьях, не столько работали, сколько учились работать, чтобы стать хорошими хозяйками после замужества»⁵⁶. Зато их пускали в общественные предприятия – на свадебные, похоронно-поминальные и прочие, где они могли познать то, чем живет общество. Если молодой человек мог посещать их самостоятельно, то девушка должна была иметь сопровождаителя в лице брата или его жены. Появление к людям незамужней женщины без сопровождения кого-либо отрицалось общественным мнением. И так – до 25 лет.

25-30-летний молодой человек был «настоящим парнем» – *арңызба-наза/ ачкэын-наза*. И девушка данного возраста называлась так же – *аңхэызба-наза/ азбаб-наза*. Оба термина в одинаковой степени звучат как намек на то, что пора им расстаться с холостяцкой жизнью, необходимо уже определиться в плане создания собственной семьи. Он мог сопровождать жениха в качестве друга, и она в свою очередь – ехать на свадьбу подружкой невесты.

Молодой человек 30-35 лет был «солидным парнем», «сильным парнем» – *ачкэын/ арңызба-хатэра, ачкэын/ арңызба-бэбэа*. Солидный во всех отношениях молодой человек должен был быть уже женатым, знатоком и носителем традиции отцов. Поэтому он мог быть распорядителем или тамадой на свадьбе, вожаком свадебного поезда, посредником в деловых переговорах, ведущихся между различными сторонами, доверенным лицом семьи, рода в различных общественных предприятиях. 30-35-летние молодые, незамужние женщины – *аңхэызба/ азбаб-хатэра, аңхэызба* на общественных предприятиях играли чуть ли не главенствующую роль. На свадьбе им доверялось руководить обслуживающим персоналом, выполнение миссии старшей подружки невесты, а на похорон-

⁵⁶ Смирнова Я.С. Семейное и общественное положение старших возрастных групп// Абхазское долгожительство. М., 1987, с. 276.

ной процессии – возглавить группу женщин-сопроводителей и тому подобные дела, требующие четкого знания обрядовой практики. Такие почетные обязанности считались прерогативой молодых людей и последующих одного-двух возрастных ступеней, в зависимости от обстоятельства.

О 35-40-летнем мужчине говорили: *зарпызбара/ зычкэынра интысуа*, женщины – *зыңхэызбара/зызбара интысуа*. В социальном смысле, как и в биологическом, в сорок лет заканчивалась возрастная категория молодых людей, независимо от их половой принадлежности.

40-45 лет для мужчины было началом самого почетного периода жизни мужчины, который с неприкрытой гордостью носил имя ахатца. Возможно, этимология данного термина поддается объяснению при помощи этнологического материала, гласящего о том, что именно в этот период происходила сегментация большой семьи: *ахазцара*. И для женщины этот возраст был наиболее потенциальным периодом самостоятельной жизни – *апхэыс*, и в биологическом, и в позиционном смысле этого понятия. Поэтому о таких людях говорили, соответственно: *зарпызбара/ зычкэынра*, *зыңхэызбара/ зызбара* *инахыңаз*, или – *ахайца иқара*, *апхэыс лықара интагылаз*. Уже в таком возрасте холостяцкая жизнь никому не одобрялась. Отсюда и эпитеты, характеризующие их социальный статус. В частности, незамужнюю женщину с этого времени называли «засидевшейся» – *атэахья*, если она к тому же была языкатой, резкой в общении с людьми, – «обузой семьи» – *атыңыңха*, естественно в ее отсутствии.

Собственно зрелость наступала в 45-50 лет. О пятидесятилетнем человеке отзываются обычно как о том, «который в среднем возрасте» – *зыуафыбжара итагылоу*, или «сильный/ крепкий мужчина» – *ахайца-бэбэа*, *зыбэбэамта итагылоу*. Именно такого зрелого мужчину имеют в виду, когда молодого человека называют «предводителем войска» – *арпыс*, как бы с авансом. Если до этого женщину

называли «свежей (молодой) женщиной» – *аңхэыс-ға*, то в таком возрасте она превращалась в «настоящую женщину» – *аңэыс-наза*.

50-55 летний мужчина характеризуется как «тот, который перевалил за половину своего возраста» – *зыуаыбжвра инахысыз*, а 55-60 летний – как «тот, который приближается к *ауафра* – термину, буквально переводящемуся как «человечность», т.е. «полноценный человек» – *зыуафрахь инеуа*. Ауафра ассоциируется с социальным знаком, дающим право голоса на заседании старейшин рода, общины. Таково иерархическое место и женщины подобной возрастной ступени, за которой закрепляется аналогичный термин.

Уже в 60-65 лет, как мужчина, так и женщина, могли называться «зрелым человеком» – *абырг* – имя людей четвертой возрастной категории, которое они носят до конца своей жизни как социальный знак почитания. Абырг, *ахайабырг*, «как глава семьи, представлял своих домочадцев перед богом – *аныхэаа*, с таким же успехом и во всех земных делах имел дело с властями, выступал истцом или ответчиком в суде, входил в совет старейшин, ведавший всеми внутрифамильными делами»⁵⁷. И женщина, как *аңхэысбырг*, «пользовалась непререкаемым авторитетом не только в семейном, но и более широком кругу; все, кто моложе ее, не осмеливались пройти перед ней без извинения. При этом знаки уважения были тем акцентированнее, чем выше был фактический и позиционный возраст их объекта»⁵⁸.

В 65-70 лет и мужчина, и женщина назывались людьми, приближающимися к старости – *зажэрахь инеуа*, *зажэра иазааигэахо*.

Возрастная ступень, охватывающая 70-75 лет, была начальным периодом старения человека, который так и назывался: *зажэра итагылоу*.

⁵⁷ Смирнова Я.С. Указ. работа, с. 277.

⁵⁸ Смирнова Я.С. Там же, с. 278.

75-80-летний человек считался «человеком, находящимся в возрасте «хорошей старости»: *ауаажэ-бзиа*.

80-85 – «хороший старец» – *атахмада – бзиа*;

85-90 – «собственно атахмада» – *атахмадайэжъа*;

90-95 – «глубокий старец» – *атахмада-бэбэа*;

95-100 – «старец, достигший высшую планку человеческого возраста» – *атахмада-наза*.

По абхазским меркам, долгожителем считается тот, которому больше ста. О нем говорили «свой возраст употребил» – *икэра ифеит*.

Интересно, что с возрастом не понижается социальный статус пожилого человека, наоборот, повышается. Свидетельство тому – термин последней возрастной категории – атахмада, выступающий как бы синонимом понятия «непререкаемый авторитет».

Пожилой человек из категории «атахмада», охватывающей от 80 до 100 лет, не имеет себе равных в своей семье, правда, больше в идеологическом, чем в практическом плане. Он, сохраняя ясность ума и посильную работоспособность, не переставал вести активный образ жизни. Все, кто был моложе его, если даже на один день, обращались к нему за советами как умудренному жизненным опытом. При обсуждении важных семейных вопросов, а также фамильно-патронимических, к его слову прислушивались, порою, оно оставалось и решающим. Атахмада являлся главным хранителем семейных традиций, обычного права – регулятора юридических и нравственных ценностей народа. Так же почтительно относились и к атакэажэ – пожилой женщине той же возрастной категории, не только в ее семье, но и в любом обществе. И атахмада, и атакэажэ как духовные покровители сородичей до глубокой старости носили почетное имя абырг. Каждый из них в своем кругу являлся молещиком – *аныхэаф, ацэашьхэжы*. Вообще пожилой человек везде и всюду «старший» – *аихабы*. Нарушение норм пове-

дения по отношению к нему, не зависимо от того, являлся он своим или чужим, исключалось.

Но была и другая категория атахмада и атакэажэ. Старик, утративший всякий интерес к активной жизни, мог быть назван «опустившимся старичком» – *алыгажэ*. Физически еще довольно крепкий, моментами посматривающий на молодых женщин старый вдовец назывался «пастбищным деревом» – *айлаҳэыста*. Для легкомысленного, не создавшего в свое время семьи старика, бытовал термин *атахмада-қабда*. О глубоко, злом старике, пережившем всех родственников и ровесников, страдающем к тому же потерей памяти, говорили «пень, окутанный хмелем» – *акармыц*. Данный термин был применим и для подобной старухи.

По мнению абхазов, долгожителем считался человек, который перевалил за сто. И только за сто лет начиналось понятие «долгожительство» – *ақэраду*.

Как видно, за редким исключением терминология системы возрастных категорий абхазов, насчитывающая довольно большое количество лексических единиц, в силу своей прозрачности, поддается этимологизации. Более того, видно, что они носят описательный характер, особенно термины возрастных ступеней. Здесь нужно согласиться с мнением А.П.Павленко, сводящимся к тому, что система служила не только для фиксации границ между возрастными категориями, но и для определения функции и социального статуса каждой из них. Вместе с тем, нельзя ставить знак равенства между реальным возрастом и функциональной значимостью той или иной возрастной категории, так как личность могла развиваться не всегда адекватно с соответствующей категорией⁵⁹. Это подтверждается тем, что «*ацкэын/ арңызба*» и «*азбаб/ аңхэызба*» перекрывают две первые категории, «*абырг*» – четвертую и пятую. Точно так же параллельность референции и денотата не всегда соблюдается, особенно в

⁵⁹ Павленко А.П. Указ. работа, там же.

отношении ступеней второй и третьей возрастных категорий. Это видно и по тому, как в системе наличествуют термины-кочевники. С одной стороны, это арцыс, ахаца, с другой – атыцха. Но они перескакивают с места на место только лишь тогда, когда возникает вопрос при разговоре старшего с младшим.

V. Традиционная религия абхазов: опыт реконструирования пантеона абхазских богов

1). Супремотеизм – основа традиционной религии абхазов

Традиционная религия – одна из недостаточно изученных сфер традиционно-бытовой культуры абхазов. Имеющиеся в абхазской этнографии работы являются, как правило, работами информационного характера о функциональной значимости тех или иных персонажей. В ряде случаев в них дается также и описание ритуальной практики, связанной с тем или иным культом. Это, прежде всего, работы С.Т. Званба, Н.С. Джанашиа, Г.Ф. Чурсина, Д. И. Гулиа и других ученых, стоявших у истоков этнографического изучения бытовой культуры абхазов⁶⁰. На основе многочисленного полевого материала написан соответствующий раздел известной монографии Ш.Д. Инал-ипа «Абхазы»⁶¹. Попытка теоретического обобщения этнографического материала делается в исследовании Л. Акаба, в частности, в ее обширной статье «Традиционные верования абхазов»⁶². Значительный интерес представляют полевые материалы фольклориста С.Л. Зухба, содержащиеся в

⁶⁰ Званба С.Т. Этнографические этюды (сост. Дзидзария Г.А.). Сух., 1955; Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сух., 1960; Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сух., 1957; Гулиа Д.И. Культ козла у абхазов. Сух., 1927 (см. его Собрание соч., т. 6).

⁶¹ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы..., с. 516-565.

⁶² Акаба Л.Х. Традиционные верования абхазов// Абхазы. М., 2007, с.356.

его монографии «Типология абхазской сказочной прозы»⁶³. Интересны также и наблюдения А. Б. Крылова, которые он делает в своей работе «Современная религиозная ситуация в Абхазии»⁶⁴, хотя в ней много спорных, неточных, порою и неверных толкований полевого материала. Однако, нет еще ни одной научной работы, которая могла бы объяснить, что на самом деле представляет собой пантеон абхазских богов как таковой, типологию, структуру и «социальную» организацию и другие его этнические особенности. Мнение, утвердившееся в абхазской этнологической литературе на базе фольклорного материала о традиционной религии абхазов как о «системе политеистических верований, имеющих многослойный характер, с весьма многочисленным пантеоном божеств и объектов сакрального почитания»⁶⁵, трудно оспорить, хотя недостаточно аргументировано необходимыми данными.

Слабое исследование теогонии абхазов объясняется запоздалостью этнологов: носителей информации нет уже в живых. Лишь переосмысление существующей литературы и данных языка, а также конструирование различного этнографического материала, собранного в полевых условиях, позволяют представить себе картину, более или менее похожую на реальность. При этом необходимо учитывать еще одно обстоятельство: физический мир – это субстрат, причина переживаний, интересов и оценок человека. Отсюда и перенесение им своих земных представлений на звездное небо.

«Решительно вся природа и решительно весь космос трактуются как универсальная общинно-родовая формация»⁶⁶. «Высшие боги народов земли являются отражением самого человечества – вот где ключ к их исследованию... Человек является типом, моделью божества, и поэтому человеческое

⁶³ Зухба С.Л. Типология абхазской сказочной прозы..., с. 356.

⁶⁴ Крылов А.Б. Современная религиозная ситуация// Абхазы..., с. 367-381.

⁶⁵ Акаба Л.Х. Указ. работа, с. 56.

⁶⁶ Лосев А.Ф. Философия, мифология, культура. М., 1991, с. 405-406.

общество и управление было образцом, по которому создано общество богов и управление в нем»⁶⁷. И абхазы, пытаясь осмыслить все, что происходило вокруг них, с целью защитить себя от страшных сил природы, создавали себе богов по своему образу и подобию. Естественно, и «малая социальная ячейка» этих богов так же не отличается от людской, абхазской, представляющей семейную общину из ряда поколений родственников, как по восходящей и нисходящей линии, так и боковой.

Во главе общины богов стоит *Анцэа* (*anc^oa*) – создатель, учредитель и хранитель мирового порядка – *адунеи зиаз*. Анцва, шесть его братьев – *Афы* (*afə*), *Айах* (*açah*), *Апстха* (*apstha*), *Апшаха* (*apšʰaha*), *Агах* (*agah*) (*Хаумт* (*hajt*)), *Аергь* (*ajrgʷ*) и единственная сестра *Нан* (*nan*) или *Анан* (*anan*) представляют первое поколение. «Первое» потому, что миф о их родителях абхазы уже не помнят. Они помнят, что мать Анцва происходит из рода Хьац(иа) (*xʷacja*), а об отце – ничего. Скорее всего, версия о происхождении матери Анцва – политеистический неофит. «Хьац(иа)» – родовое имя тотемного происхождения: *ахьаца* – граб. Благодаря своему строению, граб не подвергается удару молнии. Отсюда и возникновение мнения о принадлежности божьей матери к данному роду: «поднять руку на мать – более чем святотатство».

О том, как Анцэа (*anc^oa*) стал верховным божеством, абхазская мифология умалчивает, точнее, эти сведения до нас не дошли. Поэтому Анцва (*anc^oa*) и его предполагаемые боковые родственники следует считать представителями старшего поколения богов, хотя бы условно.

Возможно еще то, что сакральные числа «семь» и «восемь», встречающиеся в духовной жизни абхазов, впрочем как и многих других народов, особенно Древнего Востока, восходят к числу богов старшего поколения: «*абыжьвеишьцэа рахэшьзайцэ*» – «семь братьев и их единственная

⁶⁷ Тейлор Эдуард. Первобытная культура. М., 1989, с. 390.

сестра». По существу, созданный Анцва мир – *адунеи*, представляющий собой живой, шаровидный космос, един, но по вертикали трехчастный. Каждая из них «автономна»: «*хыхь* (хэх')», «*йаҭа* (ҭаҭа)», «*агэҭа* (аг^ота)» (верх, низ, середина). Понятия эти восходят к той древности, когда в любом явлении абхаз видел живое существо, имеющее голову, хвост и сердце – *ахы* (ахэ), *айыхэа* (аҭэх^оа), *агэы* (аг^оэ), т.е. начало, конец, середина.

Верхняя часть адунеи – *ажэван* (аҭ^ован) (небо), нижняя – *аҭа* (аҭа) (подземелье, дно), средняя – *адгьыл* (адг^ьыл) (поверхность земли). Но, судя по фразеологизму – *дгьыли жэвани* (земля и небо), в котором отсутствует *айа* (аҭа), они не равнозначны. Только небо и земля находятся как бы на равных, во взаимосвязи и взаимообусловленности, образуя одно целое, чистый мир – *адунеицкьа*. Аҭа, напротив, – сосредоточие нечистой силы, опасностей.

По представлению абхазов, мировое движение тоже имеет круговой характер (*адунеиикэшара*), поскольку круговорот – сменяемость дня и ночи (*амши айҭи еикэшоит*), времен года (*ашықәсеикэшара*, *аамҭеикэшара*) – непрерывный и бесконечный процесс (*адунеи абырбал иануп*).

Круговое пространство господствует и в горизонтальном мире – *адунеи ақэыҭшылара*. Здесь, в горизонтальном пространстве, головной или начальной частью является восход – *мрагылара*, хвостовой или конечной – закат – *мраҭашэара*, средней – место расположения субъекта. Концы поперечного пространства представляют собой оппозиционные стороны: левый – север – *авада* (ав^оада), правый – юг – *алада* (алада). Для уточнения отметим: при определении частей света абхазы становятся лицом на восток.

На краю света (по горизонтали, независимо от части света – *адунеи аназараҭе* (адунеј аназараҭҭ) – небо и земля соединяются и разъединяются одновременно дубовыми столбами – *дгьыли-жэвани ахьеилало-иахьеилыҭуа*.

Возможно, этот фразеологизм связан со «священным браком» неба и земли, поскольку они как бы вместе и не вместе.

Расстояние от поверхности земли до подземелья измеряется понятием *быжьра-быжьџа* (bəʒra-bəʒʕa) (досл. семь локтей и семь шестов), а о расстоянии между землей и небом не принято говорить: *џасым* (табу).

Земля и небо в целом ассоциируются с белым цветом, а подземелье – черным, под которыми понимаются, соответственно, жизнь и смерть – *аџсреи-абзарей*. Отсюда и выделение белого и черного в качестве основных цветов вообще. Все остальные цвета – «определение и дополнение».

Измерение по горизонтали осуществляется только на земле. Здесь речь идет о «своей» и «чужой» земле. Между ними «семь гор и семь морей» – *абжьышьхак-абжьымышынк*. Свидетельство тому – фольклор. Заговор «прогнал (болезнь) за семь гор и семь морей» – *абжьышьхак ирхысцейт*, *абжьымышынк ирхыстаџалт* означает «выгнал отсюда, прогнал туда, далеко на чужую землю».

Анцэа как Творец, как Старший, как Глава семейной общины богов оставил себе небо в качестве места своего пребывания и личного владения. Вообще в представлении абхазов «Анцэа субстанционален. ...неувядаем, течение времени никак не сказывается на его возрасте. Он всегда был, есть и будет»⁶⁸.

Бытовые условия жизни Анцэа устроены как у людей. Свидетельство тому – язык: *жэвангэашџьара*, *жэвангэашэимкъара* (ʒ^oʷanguaʂ^orx'aga) – «стоянка у ворот неба», «мент открытия небесных врат».

По-абхазски ворота могут быть у двора усадьбы, в глубине которого располагается дом, то есть тот самый золотой дворец, где живет и здравствует демиург, где он творит и издает «указы».

⁶⁸ Зухба С.Л. Указ. работа..., с. 31.

Править подземельем Анцва послал своего второго, злого и завистливого брата, *Айах* (*айа ах*), именем которого называется и ночь – *айых* (*аҭэх*). Следующий по возрасту брат, *Агах*, больше известный как *Хаит*, стал «владыкой моря». Остальных братьев оставил в пределах своего царства, неба – *жәангәы* (*ž°ω°ang°э*), наделив каждого из них определенными полномочиями. Это *Афы* – бог грома и молнии, *Апстха* – владыка туч, олицетворение облаков, *Апшаха* – владыка ветров, *Аергь* – бог войны и военного дела.

Все они находятся под началом Анцәа, выполняют его «указания», ибо все, что происходит в природе, абхазы приписывают его воле. Атрибутивные имяреки Анцәа свидетельствуют тому: *Изырдыдуа* – громовержец, *Изырмацәысуа* – молнемет, *Изырлашо* – осветитель, *Изырҭхо* – теплодатель и др., воспринимаемые как «всемогущий» – *Зегь зымчу* (*zeg' zәmčü*), «вседержатель» – *Зегь зку* (*zeg' zku*).

Как отмечает Ш.Д.Инал-ипа, «*анцәа*» (*anc°a*) – это не собственное имя бога, а нарицательное имя его, соответствующее понятию «бог». Далее он пишет, что «анцәа состоит из двух слов: «небо» и «бык». К такому мнению ученого привело, на мой взгляд, сравнение Анцәа с Зевсом, для которого священными животными являются орел и бык, в образе которых он порою представлялся. Но в то же время между Анцәа и Зевсом ученый справедливо не ставит знак равенства, поскольку «Анцва не совсем Зевс», как по месту их пребывания, так и по статусу. В качестве сравнительного материала Ш.Д.Инал-ипа мог использовать еще и сведения о хаттском, равно и каскском боге грозы *Тару*, который «восседал на спине быка, потрясая молниями»⁶⁹. Ученый, считая «бык» олицетворением мужского начала, отвергает мнение некоторых ученых, согласно которому «анцәа» следует понимать как «матери» – анацәа

⁶⁹ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сух., 1956, с. 42.

(напр., П. Чарая, Н. Марр). Между тем, соглашаясь с первой частью теонима, включение в него понятия «ацэ» – бык мне представляется не совсем удачным, не только потому, что бык не служит атрибутом абхазского Верховного бога, хотя культ быка в абхазской мифологии встречается. В «анцэа» ударение падает в конце, а в «ацэ», наоборот – в начале. К тому же, мы имеем здесь не «анацэ», а «анцэа». Не убедительна и этимология, предложенная С.Л. Зухба. По С.Л.Зухба, она сводится к сочетанию двух слов: *ажэ* – корова и *ан* – мать⁷⁰. Если «ажэан (небо)» происходит от «ажэ» (корова), то тогда что означает звук *ϕ* (*ω*^o)?. Скорее всего, «ажэ» понимается как краткая форма «ажэа» – плечо//верх вообще (экономия языка).

Абхазский теоним верховного бога Анцэа восходит к древнему абхазскому названию неба – *ан* (*an*) (см. ниже), т.к. первоначально он персонифицировал именно небо, представляющее в сознании народа одновременно и опасность, и защиту. Вскоре Анцэа стал персонифицировать и грозу – *адыди амацэыси*. Мнение это подтверждается отношением абхазов к данному «небесному огню» – молнии. Молния была той небесной силой, которая внушала им наибольший страх.

По убеждению абхазов, огонь – амца тоже явление небесного происхождения, частица молнии. Поэтому у обоих терминов один и тот же корень – *ц* (*c*) – горячий, т.е. огонь. К тому же, в «амца» присутствует элемент отрицания *м*, служащий для табуирования названия огня от нечистых сил. Для древних абхазов потеря огня была смерти подобна, ибо огонь служил не только источником тепла, приготовления пищи, но и грозным оружием, при помощи которого они избавлялись от зверей. Следы сакраментальности огня у абхазов сохранились в языке: *мцацэа*// *мцахэыцэа* (*мсас^oа*) – «тот, у которого огонь угас, *умцахэ ыцэаит!* –

⁷⁰ Зухба С.Л. Указ. работа, там же.

«чтоб угасла твоя доля огня!» – предание отступника сильному проклятию⁷¹.

Молния – небесный огонь, но в отличие от земного огня, он обладает сверхъестественной силой, потому и называется «ударяющим огнем» – *амацъис* (amacəs). Настоящая форма звучания термина – *амацъэс* (amac°əs) – продукт лабиализации звука «ц» (с), осуществившейся переходом *а* на *ы*. Аналогичной лабиализации подверглось и нарицательное имя бога, Анца, состоящее из двух слов – «небо» и «огонь» (небесный огонь – молния), в результате чего «анца (анса)» превратилось в «Анцэа».

По статусу за Анцэа следует Афы (afə), основная функция которого «очистительная»⁷²: уничтожение злых существ. Он не пощадит и грешного человека. По абхазскому космогоническому представлению, Афы обладает еще и многоликостью. «Афы – это не одно божество, а целая плеяда грозных небожителей»⁷³. Аргументом для такого вывода служит и термин «*афырхайа* (afəghaxa)» – «мужчина грома и молнии», которым народ называет своего героя. В действительности, многоликость Афы диктуется его дружбой со своим младшим братом Аергь – богом войны и военного дела. Свидетельство тому «Песня Афы», или «Песня Аергь» – *афрашэа//аергъашэа*, которая исполняется во время поднятия тела человека, убитого молнией. Ее поют и в момент возвращения бывалых мужчин с удачной охоты, или из боевого похода – *хъызрацара* (x'zgasaga), ибо охотник и воин имеют одинаковый статус – статус меткого стрелка, бесстрашного защитника родного народа и родной земли. Одним из ярких свидетельств единения этих двух божеств является «священный огонь», добывающийся путем трения фундуковых палочек в сопровождении

⁷¹ Касланзиа В.А. Апсуа бызшэа афразелогиагэ жэар. Акэа, 1989, ад. 196-197, афр. 65, 72, 77; его же: Абхазо-русский словарь. Сух., 2005, т. 1, с. 696.

⁷² Зухба С.Л. Указ. работа, с. 53.

⁷³ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы..., с. 531.

песни не о ком-нибудь другом, а именно об Аиргь. Апстха – божество облаков – временами прячет, временами сгущает вверенные ему объекты, порою спуская их вплоть до земной поверхности, тем самым наводя страх на людей и животных. Все эти облака, отличающиеся друг от друга как по своим названиям, так и по значимости, понимаются под общим названием «*апстхэа*» (apsth^oa), идущим от *Апстхэа* (apstha).

Различны по характеру и ветра, но среди них наибольшей коварностью отличается «Апшахэы (apšʔah^oэ)», имя которого восходит к теониму Апшаха (apšʔaha).

По логике структуры семейной общины, второе поколение богов должно представлять потомство старших богов. Это – прежде всего, «дети» Анцэа и Анан: божества небесных светил – *Амра* и *Амза*, наземные божества – охоты и диких зверей – *Ажэецишь* (a ž^oep š), гор – *Ашьха-нцэахэы* (a šxa-nc^oax^oэ), лесов – *Абна-нцэахэы* (abna-nc^oa х^oэ), рек и речных долин – *Захкэажэ* (zahk^oaž^o), скотоводства – *Ауттар* (ajtar), земледелия – *Цаца* (žʔažʔa), очага и родства – *Ажьахара* (ažahara).

Богиня солнца – *Амра* и бог луны – *Амза*, именами которых называются и сами небесные тела, в большом абхазском пантеоне (семейной общине) богов занимают особое место. О их родословии нет ясности, но мифология гласит, что они сотворены самим Анцэа – изырлашо, изыркаччо, – что они – брат и сестра, или – муж и жена. Но в целом превалирует вариант супружества, о чем свидетельствуют формулы благопожелания молодоженам: «да не разлучиться вам и состариться вместе, подобно солнцу и луне!» – *амреи амзеи реици, шэеигымха-аит, шэеидажэлааит!*

Вместе с тем, ритуальная практика моления верховному богу наталкивает на иную мысль: первоначально главным культом у абхазов было Солнце. Не, случайно, что при обращении к богу жрец становится исключительно лицом к востоку солнца. Именно восточная, головная часть неба, является местом пребывания бога.

Не обойти и семейство звезд, созданных также самим *Анцва*. Прежде всего – это *Ейџацъаа* – абхазские Плеяды. По всей видимости, они символизируют семью высших богов. Остальные, отдельно расположенные звезды, напрямую связаны с людьми: они рождаются и умирают вместе с ними.

У Анцџа есть еще особые помощники – *ашацџа* (создатели) и *ачаџацџа* (исполнители, букв. ковачи). В отношении численного состава, *ашацџа* столько, сколько суток в году, поскольку каждый из них обязан нести «дежурство» по миру раз в год. Причем, половина из них – добрые, другие – злые, от установки которых зависит и судьба человека. Обязанности *ачаџацџа* не совсем понятны, но, судя по звучанию термина, они имеют дело с формированием того, кого уже создал ашаџы, согласно решению Анцџа.

По убеждению абхазов, каждый человек имеет еще и личного бога, бога-покровителя – *Анцџахџы* (анс^оах^оџ) (досл. доля бога), который облегчает ему доступ к Творцу для получения благорасположения.

В абхазском пантеоне богов наибольшей известностью пользуется божество охоты, *Ажџеџшь* аџ^оерџ, – по предлагаемой мною схеме наземный потомок Анцџа. Сказители его «часто смешивают с Аергъ»⁷⁴, поскольку иногда и последний обитает в горах, к тому же оба они состоят в свойстве. Первоначально «Ажџеџшь» возник в зооморфном значении и, по-видимому, звучал как *ашџыџс* – «лесное животное», которому древнейшие охотники не могли не поклоняться. Во-первых, *жџ* и *шџ* взаимозаменяемые звуки: ижџа// ишџа, ижџџы// ишџџы. Во-вторых – *ашџы* и *абна* омонимы, означающие лес, темный лес (*зибнака-зишџнака* – далеко, в глухомань, за тридевять земель, ашџарыџара – охотиться, досл. ходить в лес, ашџара – пугаться, т.е. застрять в лесу, потенциальная смерть). Подвижна и вторая часть термина – *џшь//џс* (этимон

⁷⁴ Салакая Ш.Х. Обрядовый фольклор абхазов // Фольклор и этнография. Л., 194, с. 20.

понукания теленка *чыцшь* (цэрщ – (у)ца цсы – иди скотина). Со временем «лесное животное» превратилось в антропоморфное существо.

Божество охоты и его многочисленные нимфы, приходящиеся ему дочерьми, связаны с божеством гор – *Ашьха анцзахэы* и божеством лесных массивов – *Абна анцзахэы*, являющимися также древнейшими божествами. Помимо бокового родства, в котором они состоят, их связывает территориальное пространство, т.к. звери, которым покровительствует охотничье божество, водятся во владениях божеств гор и лесов.

Ашьха-нцваху – божество строгих правил. Здесь, в горах, нельзя гневаться, браниться, одеваться небрежно, вплоть до того, что запрещается раздеваться под открытым небом. Все эти «горные нормативы» – *ашьха-цасқәа*, строго соблюдаемые абхазами, исходят не только из соображения того, что они находятся высоко, близко к Верховному Богу, но, прежде всего, и из эмпирических знаний. В горах погодные условия могут меняться неожиданно; человек, тем более голый, легко пропускает через себя ток; в горах воздух разряжен; вероятность нарушения артериального давления даже у физически крепких людей значительна.

Силен и Абна-нцваху, тем более, что на территории вверенного ему объекта водятся абхазские дриады, т.е. его дочери, а также обитающее в темных ущельях «злое чудовище» – «лесной человек» – Абнауы (абнау^{оэ})⁷⁵.

Божество домашнего очага и родства возникло в период образования семьи как социальной ячейки. И сам термин говорит об этом: *«ажьсахара – ажьы* плоть, *ахара –* размножение. Свидетельство тому – тост *«ажьраццара»*, под термином которого понимается как раз круг родственников. А круг родственников ассоциируется с культом очага «большого дома» – *аонду ахэышцара*, (а^оndu ах^оэццара), у которого справляется и связанный с ним обряд с одноименным

⁷⁵ Джанашиа Н.С. Указ. работа, с. 30.

названием. Корни этих мифов уходят в глубину времен полидемонизма.

Далее – потомство Ацах, которым он богат и силен. Здесь царство мертвых, владельцем которого является *Аңсцәаха* (apsc °aha). К нему относятся также злые духи: *Аџстаа* (aџ °staa) и *Агызмал* (agəzmal) – дьявол, черт. Версия, существующая в абхазской мифологии о том, что якобы они являются племянниками Анцәа от сестры, – продукт времени, нередко вносящего путаницу. Кроме Анан у Анцва нет другой сестры, ибо кроме нее в религиозных представлениях абхазов никто не упоминается.

В специальной литературе превалирует мнение, согласно которому вышеупомянутая богиня рек, *Заҳкәажә*, отождествляется с представительницей семьи богов третьего поколения *Зызлан* (zəzlan). Объясняется это, во-первых, созвучием имен, во-вторых, объект, которым они владеют – речная артерия. Разница – места пребывания обеих персон. *Заҳкәажә* живет в глубоком речном водоеме – *азыжь* (azəj). В условиях Абхазии глубокие водоемы имеются в долинах, ближе к устью рек. Напротив, *Дзызлан* пребывает в мелководье, роднике, колодце. *Дзызланы* – это своего рода наяды, рожденные богиней *Заҳкәажә* от *Хайта*. Другими словами, *Заҳкәажә* является богиней рек и речных долин, а *Зызлан* – мифологическим персонажем демонического происхождения, т.е. абхазской русалкой.

Ацәакәа (ac°ač°a) – мстительное божество радуги – носится в облаках, и «всякого, кто только погрешит перед ним, наказывает строго – кого смертью, кого болезнью»⁷⁶. Между тем, оно выполняет благородную миссию: в реках или в водоемах выпивает столько воды, сколько необходимо для утоления жажды облаков. Исходя из его функционального назначения, *Ацәакәа* – из семьи *Апстха* – олицетворение облака. Подробная характеристика каждого малого пантеона, в

⁷⁶ Джанашиа Н.С. Указ. работа, с. 56-57.

котором младшие боги состоят, дается в моей соответствующей книге при помощи лексических данных абхазского языка (2012). Для большей ясности можно коротко остановиться на двух наиболее прозрачных пантеонах: скотоводческом и земледельческом.

Первоначально Аитар – божество скотоводства – сформировался как единоличное божество, затем, в соответствии с порядком приручения того или иного животного, он становится «семидолным», от чего его называли «великим», особенно в горных и предгорных районах Абхазии, где отдельные пастухи коз и овец «выращивали тысячу голов, сто отпускали в лес» – *зкъы аазаны, шэ́кы абна иларѝон*. Таким образом, под «семидолем» следует видеть семерых его детей: *Жэабран* (ž'abran) – покровительницу крупного рогатого скота, *Цэабран* (žabran) – покровительницу мелкого рогатого скота, *Хэарах* (h'arah) – покровителя свиней, *Алышькынтыр* (aləšk'əntər) – покровителя собак, *Цабах* (cabah) – покровителя кошек, *Еышьашыана* (č'əšəš'ana) – покровителя лошадей, мулов и ослов, *Анана-Гэында* (anana-g'ənda) – покровительницу пчел и пасечного дела. Относительно хронологических рамок возникновения «долей» Аитара исключение составляет божество пчел и пасечного дела. Бортничество как основа пчеловодства вообще, восходит ко времени присваивающего хозяйства, о чем свидетельствует его название: *ашьхышэара* (ašxəš'ara) – «охота на пчел».

Спорным является вопрос половой принадлежности Жэабран и Цэабран, хотя в этнологическом абхазоведении предпочитают приписывать их к женскому полу. Причина – окончание теонимов – «ан (an)», означающее «мать». Но в них присутствует еще и звук «б», стоящий перед окончанием со значением «самец». Вообще скотоводство у абхазов считается исключительно мужским делом, даже «доение коров»⁷⁷.

⁷⁷ Рыбинский Г.А. Указ. работа, с 15.

Что касается «странного» обычая отпускать сто голов коз и овец в лес, то он имел не только мистический характер, но главным образом и практический. Эмпирический опыт народа подсказывал о необходимости бережного отношения к фауне – одному из главных богатств дикой природы.

Джаджа покровительствует засеянному полям, по которым часто расхаживает. Если она довольна вниманием, оказанным ей со стороны земледельцев, то дает им богатый урожай, заведомо пожелав добра: «в локоть, пядень и пять пальцев». Если она обижена, то проклинает: «мизинец, мизинец»⁷⁸. Формулы эти возникли поздно, с распространением кукурузы. А «пятерка» соответствует, с одной стороны, с первой группой чисел, в которых хорошо разобрался древний человек – «пять», с другой – с количеством ее детей, ставших покровителями пяти главных направлений земледельческого хозяйства: *Ана-па-нага* (апара-нага) – покровительницу проса, ячменя, овса, *Сау-нау* (sau-нау) – мукомольни, *Кэыкэын* (к°ак°ээн) – льна и конопли, *Ерыш* (егэšʎ) – ткань, прядения и шитья, *Нар* (нар) – виноградарства.

По всей видимости, богиня Нар в земледельческий пантеон вошла в период возникновения самого виноградарства как такового, а по существу ее формирование восходит ко времени собирательства.

Земледельческий пантеон всецело состоит из представителей слабого пола, что следует понимать как лишнее доказательство принятого в этнологии мнения о женском начале данной отрасли хозяйства в древности.

Интерес вызывают отношения Джаджа с Апстха, которые характеризуются, скорее всего, как интимные, супружеские. Иначе, почему от богини плодородия зависит изменение погоды в ту или иную сторону? «Полей нам дождем, вырасти большой урожай!» – просят люди Джаджу в дни засухи. Бывает и такое, что Джаджа не сообщает Апстха о необходимости

⁷⁸ Джанашиа Н.С. Указ. работа, с. 29-31.

полить на землю, а урожай погибает. Тогда замученные знойными днями люди устраивают «поселковое моление» самому Анцва – *Ацуныхъара* (acunəh°ara), чтобы тот полил землянам. В прошлом оно сопровождалось и ритуальным шествием на речку: *Зиуауа*.

Среди божеств младшего поколения особое место занимает *Нымирах* (nəmjraħ) – покровитель любви и брака, особенно в представлениях молодых женщин. Он считается сыном Амры и Амзы. Место его постоянного пребывания – небо. На землю спускается в ночь на Новый год. Нымирах доброе божество – не требует никакого моления и жертвоприношения. Если девушки в эту ночь приготавливают соленые лепешки, то лишь ради приятного сновидения, в котором появляется будущий жених со стаканом воды.

Самым молодым божеством большого абхазского пантеона является божество кузни (ажьыра) и кузнечного дела (ажьыра), *Шъашэы* (šəš°ə).

Интересно, что по своему звучанию теоним *Шъашэы* близок осетинскому теониму *Сафа* – «духа надоочажной цепи»⁷⁹, весьма почитаемого в пантеоне, но по функциональной значимости уступающего первому. Он напоминает и индусского Шиву – «благой», входящий в божественную триаду, но по происхождению – доарийский бог: «хозяин животных» (о функциях данного божества во втором параграфе).

У Ш.Д. Инал-ипа есть мнение, согласно которому «у каждого рода были свои празднества, то есть свой особый культ, свои доли божества»⁸⁰. Действительно, и до сих пор подобного рода религиозные культы встречаются у многих абхазских родов, но не у всех. Некоторые родовые образования не имеют общих покровителей. Если судить по разнообразию ритуальных действий и названий культов – *Ашэаа ркъакъа*, *Амчаа*

⁷⁹ Чибиров Л.А. Традиционная духовная культура осетин. М., 2008, с. 139-140.

⁸⁰ Инал-ипа Ш.Д. Абхазы..., с. 52.

рыцкьа, Цэмааза-цэмырхэа и т.д., то нетрудно заметить, что генеалогически они обязаны тем или иным событиям, некогда имевшим место в жизни далеких предков этих родов.

События эти послужили основанием и «запретных дней» – *амшьара* (амšʹšara), в течение которых нельзя заниматься полевыми работами, выносить из дома вещи личного или общесемейного характера, шить, подметать, оплакивать, хоронить умершего и т.д., и т.п. Считать индивидуальные культы принадлежностью пантеона абхазских богов не правомерно.

То же самое можно сказать и о священных рощах, которые являются местом моления некоторых абхазских родов.

Священными рощами принято считать, как правило, дубовые, в которых нередко бывают несчастные случаи, связанные с ударами молнии. Впрочем, поклонение дубовым рощам характерно для многих народов мира, проживающих в районах широколиственных лесов. Культ дуба ассоциировался даже с божеством неба, дождя и грома⁸¹. Это тоже вполне естественно. Дуб – дерево верхнего яруса с большими глубокими корнями, к тому же в его коре содержится определенное количество железа, поэтому он чаще всего и становится жертвой мгновенного разряда атмосферного электричества. Что касается поклонения деревьям вообще, то это уже из области до политеистических верований, в частности анимизма и тотемизма, следы которых видны и в современной бытовой жизни абхазов.

Исходя из изложенного материала, следует отметить, что формирование пантеона абхазских богов – результат длительного процесса развития теогонистического мироощущения, охватывающего почти весь древний период человеческого бытия.

Как отмечалось выше, образ Анцва, олицетворяющий одновременно и небо и молнию, сформировался уже на заре патриархального общества, по всей вероятности у родствен-

⁸¹ Фрезер Джеймс. Золотая ветвь. М., 1983, с. 156-159.

ного абхазам населения, частично локализовавшегося почти до конца II тысячелетия до н.э. в северо-восточной части Анатолии. На черноморском побережье Кавказа, где это население слилось с автохтонным населением и образовало ядро абхазского этноса, распространило свой теоним, Анцва, как носитель «языка победителя»⁸². И вскоре Анцэа (анц^оа), как главное божество более сильного и многочисленного племени, занял место общеэтнического значения. Об этом свидетельствует его имя, хотя и нарицательное. Это не сходится с мнением З.В.Анчабадзе: «представление об едином и главном божестве — Анцва «окончательно сложилось» в ранней античности». К сожалению, почему именно в ранней античности, им не аргументируется ничем⁸³.

Вообще нарицательные имена характерны и для многих других божеств. Среди ближайших родственников Анцэа, т.е. богов старшего поколения, собственные имена имеют лишь бог грома и молнии *Афы*, бог войны *Аиргь* и бог моря *Хаит*. Остальные зовутся по названиям их владений, к которым добавляется термин *ах* — «глава», «владыка».

Исключение — *Анан / Нан ду*, имя которой говорит о ее функции: «мать матери», «большая мать». Из богов среднего поколения собственными именами пользуются также двое — бог охоты *Ажвепш* и бог скотоводства *Аитар*, другие — названиями родов занятий, во главе которых стоят они. Помимо *ах*, в качестве оформления имен здесь встречается еще «анцваху» — доля бога. Исключение имеется в лице богини земледелия *Джаджа*, в имени которой отражается, как уже отмечалось, ее грубоватая и неказистая внешность. Точнее, это не имя, а кличка, данная ей тружениками земли. Такова картина и в пантеоне младшего состава богов, в котором наибольший интерес представляет *Анана-Гунда*. *Анан* — «мать матерей», но что значит «гунда» — имя, которое больше известно как

⁸² Анчабадзе З.В. История и культура древней Абхазии. М., с. 168.

⁸³ См. Анчабадзе З.В. Указ. работа, с. 168.

имя единственной сестры великих Нартов? Лингвистика пока не дает однозначного объяснения.

Интерес представляет еще и то обстоятельство, что нарицательные имена абхазских богов, независимо от поколенной принадлежности, как правило, прозрачны, а собственные – не поддаются полной этимологизации. По всей видимости, собственные имена, встречающиеся в абхазском политеистическом пантеоне, являются именами собственно кавказских аборигенов.

До образования единого абхазского этнического ядра в религиозной жизни обоих его компонентов протекал энотеизм. Это значит, что в пантеоне «кавказских абхазов» выделялся Афы как божество грома и молнии, а в пантеоне «малоазийских абхазов», некогда вышедших, по всей видимости, из Месопотамии, – бог неба, Анца (Анцэа). После их слияния, в результате чего последний взял верх, Афы со своей «командой» перешел на второй план, но сохранил за собой высокий статус. Случилось то, что в таких случаях говорят: «как побежденный народ признает главенство бога покорителя, так покоритель воспринимает культ богов побежденных»⁸⁴. В образовавшемся таким образом общем пантеоне наступила последняя стадия политеизма – супремотеизм. Анцэа подчинил себе всех остальных богов – и своих, и чужих, – и превратил их в исполнителей его воли. Абхазская традиционная религия уже в конце античности вплотную подошла к классическому монотеизму, но не стала им. В процессе самореализации абхазской традиционной религии серьезным тормозом стал внешний фактор. К концу античности рядом с ней оказалось христианство с государственным статусом, которое пришло из могущественной Византии. Что интересно, абхазская религия не встретила «пришельца» с штыком, наоборот, по мере продвижения к совместной жизни, она находила с ним общий язык, поскольку принципы его идеологической миссии с не-

⁸⁴ Кривошеев Ю.В. Древнерусское язычество. С.-Пб, 2005, с. 41.

вероятной точностью подошли ей. Даже христианские культовые сооружения строились именно в непосредственной близости от объектов мощнейшего религиозного института абхазов – Аныха. Тем самым на абхазской земле христианская церковь снискала себе доверие массы людей. В свою очередь и Аныха не только не ослабевал свои позиции, но укреплял их, соседствуя с культом официальной религии. В период османского владычества в стране (XVI-XVIII вв.) определенная часть абхазского населения приняла ислам суннитского толка, но и она отнюдь не отвернулась от родной религии. И ныне в духовной жизни абхазов традиционная религия играет важную роль, хотя православие занимает в ней первенствующее положение. Свидетельство тому – обрядовая практика супрематеистического порядка, с которой так сильно сопряжена религиозная действительность народа.

Типологически абхазский пантеон богов входит в орбиту абхазо-адыгского этнокультурного мира. И структурно здесь масса встреч и параллелей, на которых делается акцент в моей монографии 2012 года.

В отношении внутренней организации пантеона как таковой абхазская религия обнаруживает значительное сходство также с олимпийской религией построенной по принципу большой семейной общины, состоящей из нескольких поколений родственников. Во главе семьи абхазских богов стоит Анцва, а у олимпийцев – Зевс. В своих окружениях и у того и у другого есть неприятели, которые прямо или косвенно враждуют с ними. Главное расхождение во времени.

Зевс имеет предшественников и к власти пришел силой⁸⁵, к тому же несколько позже – в эпоху расцвета греческих полисов. А Анцва (анс^оа) – Творец, источник всего сущего, древнее древнего. Более того, в отличие от Зевса, абхазский бог никогда не спускается на землю, за исключением тех момен-

⁸⁵ См. Кун Н.А., Нейхардт А.А. Мифы и легенды древней Греции и древнего Рима. С.-Пб., 2000, с. 16-24;

тов, когда он наблюдает за нею с нижнего слоя небосвода, не ведет праздного образа жизни. Если Зевс предпочитает полигинию, то Анцэа придерживается моногинии. Но их объединяет другое обстоятельство. И греки, и абхазы сформировали своих богов еще до усиления экзогамных порядков.

Что касается функциональных ролей других богов, то старшее поколение сторон обнаруживает в основном близкое сходство, но среди средних, тем более младших богов – ошутимый разнорой, главным образом относительно их половой принадлежности.

Явно выраженная разница между абхазскими и олимпийскими богами возникает в эпоху большого разделения труда. Олимпийский бог скотоводства Гермес одинок, а абхазский Аитар живет в окружении многочисленного семейства, каждый член которого является божеством отдельно взятого вида животного. Таково положение и в земледелии. Рядом с Деметрой никого нет, а у Джаджи столько дочерей-богинь, сколько пальцев у нее на одной руке. В еще большей степени перекоос ощущается в области кузнечного ремесла. Гефест занимает весьма скромное место в Олимпийской семье⁸⁶. Даже Зевс относится с некоторым пренебрежением к нему, несмотря на то, что он его родной сын. Шьашэы, наоборот, пользуется огромнейшим уважением в народе, который называет его не просто по имени, но и Владыкой с «золотой стопой» – *ахьышььыргэыџа*, точно так же, как и Анцэа. Даже место его временного пребывания – кузня – служит святыней и обладает неимоверной силой.

И в философском отношении абхазская традиционная религия отличается от Олимпийской религии, особенно античной. Для Олимпийской религии характерно преклонение космосу, организованной материи. В основе античной космогонии лежит вещь, в основе абхазской – личность, высокая

⁸⁶ См. Ботвинник М.Н. и др. Мифологический словарь. М., 1983, с. 403-404; Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1976, с. 403-504.

абсолютная личность, которая стоит выше всякой природы, всякого космоса. Такой абсолютной личностью является Анца, создатель и человека, и природы, и всего космоса. Абсолютная личность в религиозном мировоззрении, подобная личности Анца, принято называть философией абсолютного духа или средневековым неоплатонизмом⁸⁷.

В основе наблюдающихся сходств между абхазским и греческим пантеонами богов – универсализм развития политеистических верований. Разрыв объясняется самостоятельностью процесса формирования каждого из них, несмотря на то, что абхазские земли являлись периферией Античного мира. Но античная традиция не смогла оказать существенного влияния на абхазский пантеон, ибо он был уже полностью укомплектован.

Совершенно иное отношение абхазской традиционной религии к религиям древнейших народов Ближнего Востока. Структура пантеонов и имена богов тех и других лишнее подтверждение тому.

У хаттов и касков – древнейших обитателей Анатолии – небесный бог назывался «Анцили, имя которого в своей основе полностью совпадает с... именем абхазского бога небес «анцэа»⁸⁸.

Наибольшая схожесть обнаруживается в отношении структуры пантеона времен третьей династии Ура, т.е. верховенства Ану: боги небесные, земные и подземные.

Первая часть имени абхазского верховного бога неба *Анцэа* (*anc^oa*), равно и название самого неба, восходит к имени «шумерского бога неба Ан»⁸⁹, представляющего третье поколение богов, и ставшего затем главным в родном пантеоне. Амра (персонификация солнца) находит определенное созвучие с именем египетского божества солнца Мон-Ра и

⁸⁷ Лосев А.Ф. Указ. работа, с. 375.

⁸⁸ Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов..., с. 142.

⁸⁹ Афанасьева В.К. Шумеро-акадская мифология// МНМ, М., 1983, т. 2, с. 647-653.

аккадским – Мардук с аналогичным значением, которые в своих пантеонах занимает центральное место. Поразительная близость значений обнаруживается также между египетским теонимом Шу – божества воздуха, буквально означающего «пустота», «свет», и абхазским термином «ша(ра)» – рассвет. Корень имени бога луны Амза – з – присутствует в имени шумерского (Ура) повелителя луны *Зуэн*, называющегося еще и *Нанну* в имени бога луны у хеттов, сменивших древних хаттов.

Какую бы почву «амра» и «амза» не имели, наличие в них вышеупомянутого элемента отрицания *м* не исключается: *амра – не Ра, амза – не За*.

Шумерская богиня зерна именуется не иначе, как *Ашнан*, что по-абхазски означает «*мать пшеницы*». Вообще абхазские божества злаковых культур, подобно шумерским, с женским лицом. А абхазы, называя покровительницу земледелия, *Цаца* (ჭააჭა), нарицательным именем, вычеркнули из своей памяти ее собственное имя.

Отметим еще, что за исключением самого Анцэа (ანც^оа) и двух-трех его боковых родственников первого и второго поколений, абхазский принцип наречения божеств полностью укладывается в шумерскую схему доануского периода: «*владыка того-то*».

И, что еще интересно, в абхазской мифологии сведения об устройстве вселенной и неба скудны, зато организация жизни земных божеств изложена достаточно подробно, вплоть до личных богов, точно так же, как в шумерской.

Далее. Ассирийский бог грома и молнии, равно и в Сирии, и в Хеттском государстве, звался *Адад*. Абхазское происхождение термина вряд ли подлежит сомнению: *адыд, адыдра* – «гром», «гремять» – из ряда слов звукоподражательного происхождения. На абхазском языке объясняются почти и все другие теонимы: «Апсу» олицетворение мирового океана равняется абхазскому и адыгскому «апсы» – вода, и по-аб-

хазски *аңсы* – вода; «кишар» – абх. «*кашыра*» – всемирная светлость, изобилие; «аншар» – *ашара* – рассвет; *аишур* бог солнца (ассир.), абх. *ашара* – рассвет; Шамаш – аккадский бог солнца – абхаз. *ша* – свет + *маш* – день. Вряд ли является случайностью также наличие одного корня – т – в абхазском имени атыџ (atəw^o) – чудовища, вызывающего затмение солнца, и в имени шумерского бога солнца Уту⁹⁰.

Для определения сходств интересующих нас культур важным показателем могут служить и представления об отношениях между их богами и людьми. По шумерской традиции цель создания человека из глины Абзу – «трудиться на богов, кормить богов своими жертвами»⁹¹. В молитвенных формулах абхазов, обращаясь к богам, главным образом к Анцэа и Шьашэы, жрец подчеркнуто напоминает ему: «*уара ҳаумаїу-цэоуп*» – мы твои слуги, «*ихалшо ала умаї аауеит*» – по силе своей возможности мы обслуживаем тебя. Во главе мира у абхазов стоит триада Анцва, Анан и Ацах, у шумеров – Ану, Энлиль и Энки.

Вопросы этнокультурных связей собственно кавказских народов с древним населением Передней Азии и сопредельных ей стран у ученых-востоковедов не вызывают сомнения. Наука располагает достаточным количеством исследований различного направления, прямо или косвенно дающих на этот вопрос однозначно положительный ответ⁹².

2). Ритуальная практика абхазских супрематеистических праздников. На основе моего полевого этнологического исследования, а также литературных данных, в соответствующих моих работах описывается обрядность моления божеству кузни и кузнечного ремесла, Шьашэы, и верховному богу в день абхазской Пасхи – Амшаџы, отличающихся от всех других традиционных праздников наибольшей торжественно-

⁹⁰ См. Афанасьева В.К. Литература Древнего Востока// ИВЛ М., 1983, т. 1, с.88.

⁹¹ Афанасьева В.К. Там же.

⁹² Дьяконов И.М. Языки древней Передней Азии. М., 1967, с. 37; Ста-

стью и пышностью. День божества Шьашэы – Ажьырныхэа отмечают исключительно те семьи, предки которых занимались исключительно кузнечным делом⁹³. Сила культовой кузни распространяется на весь круг патрифилиации, поэтому и праздник строго «рассортировывает» членов семьи, справляющей моление. Невестки – полноценные члены данной семьи расходятся по отцовским домам для принятия участия в подобных предприятиях. Исключение может быть только для престарелых, не транспортабельных женщин, которые уже «открепились» от родовой кузни посредством специального моления с жертвоприношением. Патрилинейный принцип объясняется родовым характером занятия в прошлом, когда приемы кузнечного мастерства держались в строжайшей секретности. Это подтверждается еще складчиной, делаемой мужской половиной подданных кузне людей при приобретении жертвенного животного, холощенного козла – ашьгэа. То же самое можно сказать и о том обстоятельстве, что обязанность жреца – наследственная. А о том, что праздник носит патрифилиационный характер, говорит и момент моления – появление луны, символа мужского начала. Очень символична, естественно, и сама календарная дата праздника – канун Нового года по старому стилю, воспринимающегося как «День сотворения мира и обновления». Однако, «дата Нового года и формы праздничной обрядности не оставались неизменными в ходе исторического развития абхазов»⁹⁴. В далеком прошлом у абхазов, как и у многих других народов, нача-

ростин С.А. Культурная лексика в общесеверокавказском словарном фонде// Древняя Анатолия. М., 1985; Николаев С. Л. Северокавказские заимствования в хеттском и греческом// Древняя Анатолия...; Ардзинба В.Г. К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов) // Древний Восток. М., 1985; Чирикба В.А. Баскский и северокавказские языки// Древняя Анатолия...; Инал-ипа Ш.Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов...; Папаскир А.Л. К проблеме возрождения истории Абхазии// Приложение к газете «Апсны», 2009, №1.

⁹³ Ардзинба В.Г. Указ. работа.

⁹⁴ Барцыц М.М. Праздники и время // «Новый день», 2000, № 1.

ло года приходилось на весеннее равноденствие. Перенесение празднования нового года на январь произошло со времен проникновения порядков римской империи, периферией которой была абхазская земля. Приурочивания Ажьырныхэа к Новому году, отмечавшемуся весной, не случайно: железные орудия – неотъемлемая часть земледельческого производства.

Хронологически моление божеству кузни и кузнечного дела возникло в период возникновения в быту древних абхазов железа – в начале I тысячелетия до н.э., когда оно воспринималось ими как «небесное происхождение»⁹⁵, а сама «кузница – как осколок Афы» – афцыркъа⁹⁶. И это отнюдь не случайно. Изобретателями железа считаются хаты – далекие предки абхазо-адыгского этнического массива. Свидетельством о чрезвычайно высоком культе железа у них служит царский ритуал хеттов, сменщиков хаттов, но носители их культуры, непременным условием которого было наличие «железного топора, т.е. наконечника копья, на котором изображался образ бога грозы»⁹⁷. Поэтому, возможно, что формирование образа Шьашэы уходит в более ранние времена.

Именно благодаря исторической памяти абхазов, культовая кузня служит не только местом моления божеству кузни и кузнечного ремесла – *аныхэартэ*, но и принятия присяги – *ақэыртэ/аббартэ* и искупления – *ахэыхыртэ*, и пускания проклятия – *аишэртэ*, и взаимного моления друг за друга – *аибаныхэартэ*. Именно поэтому культовая кузня, Ажьыра, является основой могущественного религиозного института абхазов, *Аныха* (анэха). Свидетельство тому и атрибуты Аныха – железо и огонь.

Отдельные культовые кузни, некогда прогремевшие по тому или иному случаю, стали общенардными. Так возникли знаменитые святыни, т.е. аныха, имеющие общеабхазское

⁹⁵ Ардзинба В.Г. Указ. работа. Там же.

⁹⁶ Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии. Сух., 1969, с. 266.

⁹⁷ Ардзинба В.Г. Указ. работа, с. 273.

значение: *Дыдрыцшыныха, Елырныха, ьачныха* и др. Установить количество Аныха – и малых, и больших, теперь не легко.

Некоторые религиоведы, ссылаясь на сообщения современных жрецов, пишут, что в Абхазии «святилищ семь, поэтому их совокупность называется «абжьныха (семь святилищ)»⁹⁸. У абхазов, как и у многих других древних народов, «семь» – число сакральное, «*абыжьныха*» – то же самое, не более того. Не повезло Аныхе и с толкованием ее названия. Одни, под влиянием народной этимологии, называют иконой (Джанашиа), другие путают ее с местом, внушающим чувство почитания (Крылов). Термины, созвучные с аныха, встречаются в словарном фонде ряда языков на Кавказе: адыг. *хасэ* – совет, совещание, осет. *нихас* – речь, собрание мужчин аула, груз. *нахшьоба* – разговор, беседа. По мнению лингвиста Б. Г. Джонуа, все они, в том числе и абх. «аныха», имеют индоарийское происхождение⁹⁹.

Аныха связана с древним абхазским названием неба *ан*, точно так же как у шумеров, и железа (*аи*)*ха*. Свидетельство тому – термин *афырхы*, которым абхазы называют железо метеоритного происхождения. Он переводится не иначе, как «камни Афы (афэ)». А если еще точнее, то метеоритное железо абхазами воспринимается как «черный, небесный камень»¹⁰⁰. Действительно, у двух, совершенно различных, слов: *ахахэ* (*ахан*⁰) камень и *аиха* – железо один корень – «х».

Это как раз тот случай, когда форма и содержание находятся в строгом соответствии: теоним *шьашэы* этимологизируется как «горячее железо» (ш – горячий/огонь – шэ – черное, т.е. железо. Формула проклятия «*шьашэы утарблааит!*» – «чтоб тебя сожгли в шьашэы» – лишнее свидетельство тому. Прав

⁹⁸ Крылов А.Б. Современная религиозная ситуация// Абхазы..., с. 367-381.

⁹⁹ Джонуа Б.Г. Заимствованная лексика абхазского языка. Сух., 2003, с. 32.

¹⁰⁰ Ардзинба В.Г. Указ. работа, с. 273.

В. Г. Ардзинба: первоначально *Шьашэы* «возник как бог-кузнец», олицетворяющий не железо вообще, а именно метеоритное.

В системе абхазских религиозных праздников особое место занимает *Амшапы*, больше воспринимающийся ныне как светлый день, связанный с верой в искупительную силу страданий и в святое воскресение Христа Спасителя.

В старину празднование Амшапы представляло собой целый цикл взаимосвязанных обрядовых действий и представлений, способствовавших необычному подъему жизненного настроения людей. Подробности всего этого излагаются в моей работе, посвященной данному празднеству¹⁰¹.

Наиболее ревностные последователи христианства в субботу вечером посещают церковь для совершения обедни. Но дома и они встречают Амшапы «по-своему» – *аңсыуала*.

В современном абхазском обществе мало кто придерживается правил предпраздничного поста, хотя традиция его в религиозном быту абхазов уходит в далекое прошлое, когда недостаток продуктов питания требовал от людей самоограничения в еде, получившего со временем форму запретов. Свидетельство тому – отраслевая лексика абхазского языка: *аҭбаара*, *ачгара*, *ачгахьа*, что означают «пост», «поститься», «постная пища», соответственно. И, что интересно, буквальный перевод первого термина звучит как «гниение уст», последних двух – «отодвигать хлеб от себя» и «постная доля».

По отдельным источникам, менее чем одного столетия тому назад некоторые семьи приносили в жертву и по два и по три пасхальных козленка, «смотря по тому, сколько они были должны»¹⁰². Но и здесь требуется уточнение. Согласно сообщению современных старожилов, козлят можно было за-

¹⁰¹ Бигуаа В.Л. Амшапы:4 атрадициақәеи иахьатәи аамтәи// Алашара, 2013, № 2.

¹⁰² Джанашиа Н.С.Указ. работа, с. 36.

колоть сколько угодно, если их не жалко было, но в качестве жертвы – только одного.

Относительно исторического экскурса можно заметить: по своей функциональной значимости Мшапы – это ни совсем «Пасха. В то же время, влияние православной традиции значительно. В частности, дата его проведения устанавливается в соответствии с юлианским календарем.

Судя по характеру и степени традиционности до проникновения христианской пасхалии в быт абхазов позднеантичного периода, абхазская Пасха праздновалась на неделю раньше, подобно семитскому pasah, в полнолуние, которому придается большое значение в хозяйственном быту абхазов. То есть возникновение Мшапы как праздника уходит в глубокую древность, возможно даже в эпоху большого разделения труда, в неолит. И, по всем данным, оно связано с весенним отелом скота, игравшего в жизнеобеспечивающей системе древних абхазов первостепенное значение, особенно среди горцев: «скот – источник самосохранения» – *хаазагас икоу рахэуп*. Следовательно, первоначально новорожденный козленок приносился в жертву именно божеству домашнего скота, Аитару. С усилением роли земледелия Мшапы распространился и в среде жителей равнинно-холмистой зоны страны. Иллюстрацией тому служит *Чычхадыл* – праздник, посвященный богине земледелия и первому посеву зерновых семян, который отмечают в четверг пасхальной недели.

В отношении хронологических рамок возникновения абхазской Пасхи этнографический интерес представляет также обряд нанесения креста на сырое яйцо, которое прокатывают по полу жилого помещения за семь дней до праздника. Этот обряд восходит к далеким временам, когда крест воспринимался как фетиш. Своеобразным отголоском далекой матриархальной традиции является, видимо, и порядок соревнования детей с родителями по постукиванию пасхальными яйцами: «сначала с матерью, затем – с отцом». С формированием

у абхазов образа верховного божества праздник стал носить общий характер и для тех, и для других. И ныне абхазы, и стар и млад, с нетерпением ждут «пасхальный рассвет» – *мшацшара*, после которого жизнь на земле будет лучше и краше. Свидетельством тому, что Мшапы считается праздником праздников, служат не только пышность и увеселительные мероприятия, но и связанные с ним устойчивые пословицы, словосочетания и фразеологизмы: *мшацггырбъара* – пасхальная радость; *ула хьуфар, амшацы цоит* – если закроешь глаза, то и Пасха незаметно пройдет и др. Разумеется, к ним относятся и названия пасхального утра, пасхального дня, жертвенного козленка, жертвенного пирога, жертвенного кувшина, праздничного яйца: *амшацшара, амшацыми, мшацызыс, амшацыхацшыа, амшацчашэ, амшацыкэтабъ*. К тому же термин «мшацы» синонимичен с праздничным днем вообще.

Отсюда и вывод: Мшапы – это праздник весеннего пробуждения природы, начальной, радостной поры года. Лишнее свидетельство тому – его название, переводящееся как «день первый» (амш + ацхъа). То есть Амшапы – это Абхазский праздник нового года древнейшего периода времени народа. И потому, несмотря на известное наслоение христианского культа, он и сегодня один из самых светлых праздников религиозной традиции абхазов, связанных с верховным божеством – *Анцэа апс^оа*.

Выводы. В силу ограниченности рамки доклада, здесь я не рассматриваю все те вопросы традиционно-бытовой культуры абхазов, о которых идет речь в моих вышеуказанных работах. Мною поднимаются лишь отдельные ее стороны, нуждающиеся в дополнении, уточнении, во многих случаях и в новых разысканиях. На мой взгляд, они дают необходимое представление о современном состоянии и перспективах развития традиционно-бытовой культуры абхазов в целом.

1. Ключевой вопрос традиционно-бытовой культуры абхазов – это ее сердцевина (ядро), система Апсуара, от функ-

ционирования которой зависит судьба абхазского народа как этнической индивидуальности. Первый шаг к ее сохранению – создание специальной монографии, в которой речь пойдет как о прошлом, так и о современных реалиях, перспективах, роли и значимости этого феномена в строительстве национального абхазского государства демократического типа. А демократичность и подвижность – характерная черта системы Ацсуара, концентрированное выражение которой передается в форме трудно переводимой пословицы: *ацсуара егыакун, егыыџбоун* (прибл. «Ацсуара и такой, и сякой»). И именно благодаря демократичности и подвижности своей она может иметь большое будущее – «анарха амоун»¹⁰³, конечно, если придать ей соответствующий государственный статус.

2. Жизнеобеспечивающая система, представленная в докладе жилищем и пищей, довольно устойчивая сторона бытовой культуры народа. Исключение – национальная одежда, ставшая в основном сценической. Я не касаюсь ее проблем, но приятно отметить, что за последние годы, по мере улучшения материальных возможностей в стране, отношение к ней изменилось. Растет число людей, которые в праздничные дни с неприкрытой гордостью одеваются в национальную форму, правда, в известном модернизированном стиле.

3. Абхазия сегодня – признанное суверенное государство, строящееся под началом демократии. Но в условиях необустроенности села, абхазский крестьянин еще не успел вкушать современную демократию и прочно встать на ее платформы. Идет усиленный процесс урбанизации. В современном семейном быту абхазов проблема номер один – детность.

Что делать? Однозначно ответить на этот вопрос не под силу никому, какого бы социального ранга он ни был. Ясно одно: современная абхазская семья стоит у опасной черты. Ей необходимо оглянуться назад, к своим традиционным истокам, полным структурных благополучий и богатых вну-

¹⁰³ Бганба В.М. Ацсуаразы гџаанагаракџак // Алашара, Акџа, 1998, № 2.

тренних организаций. Для этого необходимо поднять статус института старейшин, способного использовать ум народа в деле реанимации народных сходов, где можно довести до каждого абхаза правду о том, что сегодня имеет народ в области этнодемографии. Народ сегодня имеет очень серьезную этнодемографическую проблему, стремительно приближающуюся к опасной черте.

Этнодемографическая политика должна быть приоритетом приоритетных направлений в строительстве Абхазского национального государства, т.к. вне всякого сомнения, от нее зависит и его будущее как таковое.

4. Анализ всего полевого этнологического материала по традиционной стратификации абхазов показывает, что в абхазском обществе система возрастных категорий играла большую роль, ибо, с одной стороны, она была инструментом одного из главных институтов нормативной культуры – *аиҳабрейыбра*, с другой, как продукт всего этого, – одной из характеристик личности. Необходимость возрождения этого института не нуждается в комментариях.

5. Традиционная религия абхазов, представляющая собой последнюю стадию политеистических верований, супрематеизм, является одной из главных сфер духовного быта абхазов. Её можно называть и монотеистической религией, поскольку верховный бог Анцва является демиургом, а все остальные боги – исполнители его воли.

Для реконструкции пантеона абхазских богов в работе применен метод сравнительного изучения, сопоставляя его с системами родственных культур¹⁰⁴.

Свидетельство значительности традиционной религии в бытовой жизни абхазов – ее ритуальная практика. Несмотря на известное наложение на нее христианского и, отчасти, мусульманского культов, она сегодня в «рабочем» состоянии.

¹⁰⁴ Подробнее об этом: Бигуаа В. Л. Вопросы традиционной религии..., с. 146-195.

Устойчивость традиционных праздников, равно традиционной религии в целом, в современной религиозной жизни абхазов объясняется не слабостью христианских корней в быту народа. Напротив, абхазы, принявшие, как известно, христианство в качестве официальной религии одними из первых на Кавказе, были проводниками идей Христа и за пределами своей страны. Но в период турецкого владычества, охватившего почти все позднее средневековье, проводилась открытая политика насильственного насаждения ислама. Обстоятельство это толкнуло народ назад к своей традиционной религии. С приходом русских (1810) абхазы в подавляющем большинстве своем вновь вернулись в лоно возрождения своей государственной религии, но историческая память, видать, легко не стирается.

Тогда зачем обращаться к религиозным корням абхазского народа? Нет, не для возврата к ним, или идеализации и пропаганды его сакрального прошлого. В данном случае «корни» – предмет познания одной из частей этнокультурной истории абхазов как этноса. Народ живет, пока жива его культурная память, куда входят все традиционные институты без исключения. Потеря одного из них – невосполнимая утрата не только для него, конкретного этноса, но и для неповторимой краски в палитре мировой культуры.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

Монографии

1. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., Мецниереба, 1983 (112 с.).
2. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Образ жизни абхазских долгожителей. Тб., Мецниереба, 1988 (96 с.).
3. Бигуаа Валерий. Апсуара. Структуральный метод исследования. Проект. Сухум, 2009 (43 с. – на абх. и рус.).
4. Бигуаа Валерий. Абхазская традиционная семья и действительность. Сухум, 2010 (70 с. – на абх. и рус.).

5. Бигуаа Валерий. Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов. Сухум, 2012 (302 с. – на абх. и рус.).

Работы в коллективных монографиях

6. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Из биографии двух абхазских долгожителей // Феномен долгожительства. М., Наука, 1982 (с. 69-73).

7. Бигвава (Бигуаа) В.Л. (в соавторстве с Бахия С.). Вопросы внутрисемейных отношений // Этнографические параллели. Тб., Мецниереба, 1987 (с. 72-77).

8. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Особенности трудовой деятельности абхазских долгожителей // Среди долгожителей Абхазии. Тб., 1987 (с.45-62).

9. Бигвава (Бигуаа) В.Л. (с участием). Труд и физическая деятельность абхазских долгожителей // Абхазское долгожительство. М., Наука, 1987 (с. 156-162).

10. Бигуаа В.Л. Жизнеобеспечивающая систем у абхазов: традиции и современная действительность // Этноэкологические исследования. М., 2004 (с. 253-259).

11. Бигуаа В.Л. Жилище // Абхазы. М., Наука, 2007; 2012 (с.233-259).

12. Бигуаа В.Л. Свадьба // Абхазы. М., Наука, 2007; 2012 (281-294).

13. Бигуаа В.Л. Виноградарство // Абхазы. М., 2007; 2012 (с. 130-140).

14. Бигуаа В.Л. Садоводство и огородничество // Абхазы. М., 2007; 2012 (140-144).

15. Бигуаа В.Л. Семья и семейный быт // Абхазы. М., 2007; 2012 (274-294).

Работы в научных сборниках и журналах

16. Бигэаа В.Л. Ацсуаа рзахэаазашья атоурых акынтэ // Алашара № 1, Акэа, 1975 (с. 190-205).

Бигуаа В.Л. Из истории виноградарства и виноделия у абхазов/абх.

17. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Жилые и хозяйственные постройки современной семьи у абхазов // Мацнэ №1, Тб., 1976 (с.34-39).

18. Иахьатэи апсуа таацэа аиҕартэышьа // Алашара №3, Акэа, 1976 (с.66-68).

Бигуаа В.Л. Структура современной семьи у абхазов/абх.

19. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Формы заключения брака у абхазов // Исторический сборник. Тб., 1976 (с.126-134).

20. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Внутренняя организация современной семьи у абхазов // Известия АИЯЛИ, 7, Тб., Мецниереба, 1977 (73-81).

21. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Изменения в культурной жизни семьи у абхазов // Известия АИЯЛИ, 8, Тб.: Мецниереба, 1978 (с.107-118).

22. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Этнические традиции и внутри-семейные отношения у современных абхазов // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Семья у народов СССР в условиях развитого социалистического общества». Махачкала, 1985, (с.180-182).

23. Бигвава (Бигуаа) В.Л. Изменения брачного возраста у абхазов и грузин // Всесоюзная сессия по итогам этнографических исследований 1986-1987 гг. Сухуми, 1988.

24. Бигуаа Валерий. Жизнеобеспечивающая система у абхазов: Традиции и инновации // III конгресс этнологов и антропологов России. Тезисы докладов. М., Наука, 1999 (с. 79-80).

25. Бигуаа Валерий. Жизнеобеспечивающая система у абхазов: этническая специфика и современная действительность // Сборник трудов АГУ, Сухум, 2000 (с. 108-115).

26. Бигуаа Валерий. Традиционная система возрастных категорий у абхазов // Тезисы докладов научной сессии, посвященной 20-летию АГУ, Сухум, 2000 (с.17-18).

27. Бигуаа Валерий. Этнологизм в трудах З.В.Анчабадзе // Тезисы докладов научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения З.В.Анчабадзе. Сухум, 2000 (с. 14-15).

28. Бигуаа В.Л. Традиционная система возрастных категорий у абхазов // Кавказ: история, культура, традиции. Сухум, 2004 (с. 294-304).

29. Бигуаа В.Л. Этноэкологическая традиция и культура материального жизнеобеспечения абхазской диаспоры в Турции // Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. С-Пб, 2005 (с. 336-337).

30. Бигуаа В.Л. Ажьырныхџа или Новый год по-абхазски // Абхазоведение. Серия истории, археологии и этнологии. Сухум, 2012 (1,0 п.л.).

31. Бигуаа В.Л. Супрематеизм – традиционная религия абхазов // Абхазоведение. Филологические науки. Сухум, 2012 (1,5 п.л.).

32. Амшапы: атрадициеи иахьатџи аамџеи // Алашара № 2, Аџџа, 2013 (1,5 п.л.).

Бигуаа Валерий. Амшапы: традиция и современность/абх.

АПСУАА РЫБЗАВАРАТӘ КУЛЬТУРА АЗЦААРАҚӘА

Иахьатәи апсуа культура – еишьашәалазамкәа, еиматәазамкәа, хаала-мчыла зееинзынраалаз, зееилазыгъаз, зееилазшашьыз «культурак ирсистемоуп: атрадицаитәи мраташәаратәи.

Мраташәаратәи акультура хара хәынза иаазоит аурыс культура иалсны, «аурыс-цәа» ахатцаны, убри акынтә уи хара «албаадара» еиха иахзымариоуп, еиха иахзымариоуп «арсарагы». Аструктура-уада «змоу змоу, иритуалтәу хара хатрадициатә культура-хьантә иадкыланы уахәацшуазар, мраташәаратәи акультура «ласуп», ашьтыхра мариоуп, имариоуп ашьткаарагы, еихаракгы, афәр рзы.

Хәарас иатахузеи, апсуа бзаварафәи еиха-еиха зпашә зышьтәу ари атенденция хажәлар агәтынчымра рызцәырнагоит.

Агәтынчымра хажәлар апсабара ирыланатейт, ршьа иалоуп, зегь рацхьаза иргыланы, арфәиара знапы алаку аинтеллигенция. Апсуаа ртрадициатә культуразы ирымоу агәтынчымра, милаттә мыкәмабарак ианнадгылалакь, еидызкыло мчы-хаданы иаагылоит.

Иахьакәызаалакгы, ианакәызаалакгы. Хатрадициатә культура аиқәырхара, иахьа ишыкоуггы акәыз атахызар, зда ыкам хәшәуп хажәлар жәларык рахасаб ала имызырц азы, рмилатә хәфәи еиқәдырхарц азы. «Атрадициатә культура «аконсервация» азура хара иахтахуп ихарфәиарц азы, импульск ахасаб ала. *Атрадициатә культура арфәиарахьы амәа ақәйара зайдыкоуп ахеиқәдырхаразы аңсуа жәлар иахьа маас ирку. Уаха акгы.* «Арфәиара ахьыкам, акультура ыказам, аультура ахьыкам, икам афәиарагы. Ианыфәио амилааттә культура иара асоциалтә функция анагзара аналшо, ауаажәларратә потенциал аизырхарагы убрахь иналацаны. Уи ада аееикәырхаразы адунеиафәи ицо ақәпаратә конкуренция хамч ақәхазом, хатцзуеит. Хкультура хара изахтаху егырт ажәларкәа

хаерылахакарц азы акэзам. Хкультура хара иахтахуп апста-заара хеацхья икэнаргыло азцаарақэа иарала инагзаны ртак кахцаларц азы, иахтау хара ишахтау ххы иахархэаларц азы, хгэы иатау, хгэы зыхэо хауларц, иаххахаларц азы» (Дамениа, 2011: 64-65). Уи иаанаго уи ауп: хара хатрадициатэ культура харфеиалароуп иахьатэи аамта аныкэашэа иакэшэартэ еипш. Хатрадициатэ культура иахьатэи аамта ианақэымшэа, аамта атыхэае ханхоит. Атыхэа – ианақэызаалакгыы ишэартэ ацуп. Ифецэар аует. Ускан жэларык рахасаб ала ахсаала ханыцуеит.

«Ацэгъеи-абзиеи» афы ицэыргоуп ауаажэларратэ пани-хидеи, апсыжреи, апсы икэ-итцас амцапгареи ртэы зхэо амомент хадақэа. Уи азы инартбааны ахархэара рызуп азаанаттэ литературафэы икоу аматериалқэа реипш, фыц еизгогыы, чыдала сара издыруагыы, узбахьоу-исахахьоугыы – еифеыбааны, еикэхэаланы, еицырхырааны.

Еитасхэоит: сара хеацхья икэгылазам атрадициатэ культура аганқэа зегыы, ишыхэо еипш, итыршэшэаны ацэыргара. Ицэыргатэу еиха хра злоу, еиха уафы илацш ицашэо, еиха уафы иибо амилаттэ зыргагақэа роуп.

§ 1. Анхамоатэ базара

Ацсуаа рынхамоатэ базара изну адгьыл апсабарей ахауатэ тагылазаашьей ирышьашэалоуп, еихаракгыы аушэақэ. Алақэыра дгьылқэа рфэы, архақэа рфэы, пыжэара амоуп адгьыл ақэаарыхра, – апстақэеи ахэцақэеи рфэы – арахэаазара.

Адгьылқэаарыхра. Ажэытэ апсуаа рыцжэлахадақэас иаадрыхуаз аши ахэызи ачакакали рақэын. Урт рышьтақэа апсуадгьыл иануп мезолити неолити раахыс. Арт арыцтэ культуракэа ацакду шрымаз аныпшуеит апсуа бызшэа афонд иалоу аусхктэ лексикагыы.

Аши ахэызи ачакакали инарываргыланы апсуаа иаадрыхуан иара убас ақьаргыы, ацагыы, амала урт еиха апыжэара ахьрымаз афеақэа рфэы акэын.

А-18-тәи ашәышықәсазы ацсуаа ацш рылатәеит. Уи аарыхра еиха иахьымариои еиха акашәа ахьацрытцуеит ирыбзоураны, иаразнакы амәхак артбааит, дук хара имгакәа апыжәарагы ааннакылеит. Абзарафәы атыц чыда ааннакылеит иара убас ацшанаауаз иацааз ақәыдгы.

Атехникатә культуракәа рахьтә жәйтәнәтә аахыс ацсуаа ирдыруаз ациаажәлакәа иреиуоуп ақәни аныцәи. Урт ирылхны ацсуа хәсақәа арахәыц ррахон, аба дрысуан. Нас урт матәахон, цәартәхон. Аныцә иалырхуан иара убас ашашәа, ашаха. А-19-тәи ашәышықәсазы урт ирыцлеит абымба. Абымба иамоу ацшқареи ақәымшәышәреи ирыбзоураны, адырдқәа рыла абымбабахәыцқәа ррахон, бымбарахәыцла ирсуан анармақәа.

Ацсуа нхацәа арыцтә культура ахафәракәа рфәы, урт анаапсалакь, даеа дгыылк хтуа. Ареформа ашьтахь (1870), урт рыдгылмазара ахәаакәа анытшәаха, хфәрала аарыхра иақәыцит, рыдгылқәа рыртәрахьы ииасит, жәыруацла, цьыруацла.

Амыругакәа рахьтә ацсуа нхафәы иахьей-уахеи инапы иакыз *аихеи айгәышии* ракәын. Еихала уи ацла цикон, ирышьшьон, аматәахә ирхион, ахыбрақәа кайтон, айгәышә – магрырхыган, мфәылхган, бнарыцкьаган, қәыцрхыган.

«Аиха» аихажәла цәыртәанзагы ацшәа иалалахьан, ухәаратәы икоуп, атермин ашьаҭа «х» – «ахахә» ақынгы ишыкоу ала. Ус анакәха аиха цәыртәанзагы аиха (амыруга) картон ахахә иалхны.

Адгыл хныкәгагас измаз ацсуаа жәйтәнәтә аахыс рхы иадырхәоз мыругакәан иара убас *ацҭаранат*, *айҭахә*, *ахәхәага*, *аеҭыга/аебыга*, *аеага*, *амагана*. Адгыл ацәагәарахь ианисас, урт рынхамәатә бзарафәы ацакду аанахәеит *ацәматәа*. Ишааиуаз уи афәы *ацәеиха* афәрцеит, нас инахәаахәуа икарцеит, *ибылгьахеит* (акәәтан). Ицаркуан *ацәқәа* аугә рықәпаны. Ацәматәагы, аугәгы хкы-хкыла иқан: ганкахьала – *ацәматәахәыч*, *ацәматәаду*, аеаганкахьала – *ауҭәхәыч*, *ауҭәду*. *Аҭьатамақәагы* урт ирнаало икартон, иахәтоу ацәхәагақәа рытаны – аныцә иалхны ма ацәхар.

Арт атерминкэа зегъы ацсышэала ишцэажэо ала, адгьылкэаарыхратэ казара апсуаацъарантэ иаарымгеит, дара римпирикатэ дыррей рпышэеи ирыбзоуроуп.

Апсуа дгьылкэаарыхыщэа зегъ реиха еигъаршыо иагъзызказо нхамѳахкуп *азахэаазара*. Уи азы акэхап, иахъа уажэранзагъы, азахэа анцэа ишеит, зырхэогъы, еизыгэдуны. Ииашацѳъангъы, апсуадгьыл аѳы азахэа иамоу аѳоурых апсуа жэлар рѳоурых иузалымхуа иалоуп⁴. Апсны акэзар, адунеи аѳы рапхъаза азахэаазара напы ахъадыркыз атэылакэа иреиуоуп. Культурак ахасаб ала уи цырцит аѳъазаамтазы. XIX-тэи ашэышыкэсазы Апсны зегъы «зегъынцъара захэатрала итэын», аха дук мыртыкэа ицэыртыз ашэырчымазара ажъжэлакэа реихарак икэнагеит. Еикэхах иахъанзагъы иааит: ажъеикэацэакэа – *акачыч, айысыжъ, ахэацэажъ, аежыкажъ, апаныжъ*, ажъцэыкапшыкэа – *амлахэ, ажъаѳишъ, ажъшыкэакэакэа – ажъихэатэ, атыркэажъ, татлажъ, ауасыхэа*.

Апсуаа рыбзазараѳы азахэаазара атыпду иааннакылоз атэоуп иахэо иара анхамѳахк иадхэалоу апсуа лексика. Уи еиднакылоит ышэажэа инарыххэхэо. Уимоу амзакэа руаки жьтаарамза хэа иашытоуп (ноиабр).

Аетнографиатэ интерес ацоуп иара убас аѳы ахъзгъы. Уи аѳыкацара апроцесс иалытщэоуп – *ахэара, арыххара, амѳарѳхъара, айѳыхра, атэатэара* (аѳра, иѳу). Уи иугэаланаршэоит антикапасазы апсуаа злахэыз ацивилизациала: абырзенкэа аѳыжэра напы анадыркуаз аамтазы акара азы алатэаны ирыѳуан.

Ажэытэ апсуа ѳкэа Крыми, Мандауантэылеи, Францызтэылеи итартэоз аѳыхккэа ирацлабуа икан. Уажэгъы Лыхны, Апсны, Ачандара, Анакэааиа, Цсоу, Амра ухэа Апсны итрыжъуа аѳкэа жэларбжъаратэи аѳгэатаракэеи ацэыргакэпацэеи раан апхъахэкэа аныргало ыкоуп, рхыцша хара ицахъеит⁵).

Ажэытэ Апсуа шэыртракэа аныкэацэеи амиссионерцэеи зыршанхоз акакэны икан. Азанааттэ литератураѳы Апсны «европатэи абахчаазара иацсадгьылуп» хэа уаѳы иахыпцыло

ыкоуп. Ашэыртракэа рацэаны амшын иапну ақытақэа рёы еипш, аёаоакэа рёгы. Ашэыраазара атёы здыруаз аныкэацэа инатшыны изгэартон апсуаа апсабара ирнатоз шырацэазгы, дара рнапала ираазозгы шыарда шыказ атёгы. Апсуаа дара иззыманшэалаз усын *аихахара*. Хэарада, аихахара ада акультуратэ шэыраазара уаёы ихаёы изаагом.

Ара ирызхауан еиуеипшымыз атэажэлақэа, урт иаарылукаауаз акы акэын апсуатэа. Ирацэан ахажэлақэагы, алахажэлақэагы, имачмызт атама, амжэа, аца, ашымха, абхэа, ахэаса, ара, абиа, амытмыць, абнацэ, ахьа. Иахьатэи апсуанхао ишэыртра зхэыцшыа ыкам 10-20 ашэ. Рзы Апсны икэнагалаз ацитрустэ циаакэа рыда: амандарина, апатыркэл, алимон. Еиха-еиха рымехак дыртбаауеит афеихои акивии. Урт ауаёы дара ихахауа, игэабзиара иацхраауа шэырхккэоуп.

Апсуаа рыдгьылкэаарыхратэ нхамоаёы традициала иаауа усуп аутракатара. Иахьагыи уи акы ацэымзыц, анхаоыжэлар рыбазара иахэтакны икоуп. Аутраёы зегы ирыцкуп аххыла, ахэысхэа, амакындол, акама, апырпыл. Утратыхуп иара убас ахьшы: ацымшыы, ацыш, апраскыиа, ахэыл, ачыркэа. Аурыскэа Апсны ианыкэнагала инаркны, апсуа утра ианаалейт анаша, апатырцъан, акартош. Апсуа утра дырбеиойт иара убас акаб, ахапара, акырпыжэ, ашынка.

Ианакэызаалакгы апсуа ихкаара иачыдаказшыоуп «аилфачареи уаёы иаацёеишьаратэы икоу ацкьареи».

Арахэаазара. Арахэаазара амехакы аказшыей, адгьылкэаарыхра еипш, апсабаратэ тагылазаашья иадхэалоуп. Акьякьяара дгьылкэа рёы, ауаапсыра еилассы иахьынхо, рыхэыжэлас иныкэырго шыамакоуп: ажэ, акамбашь. Шамахамзар, апшара ара удаоуп арахэхьамта иреиуоу «ба-хца хы ззаным апсуа нхаоык, иагья ахэыртэ мачзаргы: «хаазагас икоу рахэуп». Апсаса арака, уарла-шэарла акэымзар, рыцшаара удаоуп. Иацэарала, бнала ибеиоу аёаоакэа рёы ашьамакагы рзануп, аха апсаса еиха ирацэоуп – ацьма. Ауаса мачуп зегынцъара, алакэырадгьылкэа рёы адагы, аёаоакэытақэа рыоныйцакы.

Жэума, цьмоума – атэыџа змоу арахэ, ахши акэаци роуп. Ацсаса рхэыртақэа рацэоуп ашыцақэеи апстақэеи рџы. апхын урт шьхылоит.

Ажэытэ ацстауааи ахэцауааи рыџныцка. Икан ацсаса рацэа змаз, ишырхэо еипш, «зқкы аазаны, шэкы абна илазтцоз» ахышьцэа дукэа, абна анцэахэы, ма ашьханцэахэы изы, «игэы ркырц» азы. Агауаа, шамахамзар акэымзар, рырахэ ашьха икарцомызт, ишьхыломызт.

Ижэума, ицьмома – апсуаа иныкэырго арахэ шэагаала имачуа, изну акэацаџапара ианаалартэ еипш, аха ирымцуа ахш жэпоуп, ахэша рацэаны иалоуп, еиха иаазагоуп.

Жэынгы-џангы апсуа рахэыжэлас икоу зегы реиџе-ишьоит, зегь реихагы напы адикылоит аџы – игэыхэтэы дахызыгзо, шыамхыс ицоу иџызагэакыа. Ажэлар рџапыцтэ хэамтақэа рџы ишахдыло ала, аџы ауаџы ишьа алоуп. Убри акынтэ уи агэы иадыргомызт, цыбаа мыцхэгы адырбомызт. Аидаразы ишаз агэыжыи аџадеи ракэын. Агэыжь неи-ааигас измазгы ыкан, аха аџада иақэтэомызт, ихымзгыршьон. Уи азоуп «ахымзг игеит» ацнхэрас «аџада дақэтэеит» рхэар зауа – цакыла аџбагы синонимқэоуп.

Ацсуаа ишырхэо ала, «ацстэы – ауаџы ицстазаароуп, да-азоит». Машэырым нас рахэыжэлас икоу зегы нцэахэык-н-цэахэык ахырымоу, урт ирызкны хазы-хазы аныхэарақэа ахыкарцо, ианахэтоу, ишахэтоу иазгэатаны.

Ашьхымзаазара. Ацсуа дгыл ашьхымзаазара иазшоуп – ахауа кэандоуп, циаахкыс арака иуцымло мацуп, урт зегы амати згэылоу ашэт рџалоит.

Ашьхаалыцкэа апсуаа рыбзазараџы кыр рыцаркуан. Уи атэы азгэартахыан антиказгы. А-19-тэи ашэ. аџбатэи азыб-жеи ХХ ашэ. алагамтэи рзы ашьхымзаазара знапы алакымыз апсуа шамахамзар ицшаара уадаџын^{2п}. Насгы апсуа шьхыц ахыз хара ицахэеит: уи апынцэа ауп, амати агэылалара азыма-риоуп, насгы амцэыжэақэа гэгэоуп азы, хара ипыруеит^{2п}. Ацсуа цха зда ыкам тауарын, экспортк ахасабала Адгыылб-жыратэи амшын иацну атэылақэа рахь иргон. Ашьхымза-

азара апсуаа рынхамоатэ бзазарафэ атыц чыда шамаз атэоуп иахэо ашьхышээрери ашьхымзеи рынцэахэы атрадициатэ нцэахэқэа рпантеон аилазаарафэ иааннакыло атыщгы.

Ашэарыцара. Ажэытэратэқьа хэгэылаларгы, а-10-30 ашэышықэсақэа рылаггы иаабойт апсуаа рылаггы иаабойт апсуаа рыбзазарафэ ашэарыцара атыц ду шамаз атэы. Ашэарах ажы хаауп, ауафы ихахауеит, ацэа кэахьчан, царшэын, кэыршэын, айтныпсахлааразгы зеггыкам тауарын.

Апсуа шэарыцаэа титэык ахасаб ала ирыман иара убас абнацэтэыоакэа – урт еихарак, матэакныхартақэан. Абгаб атэыоа ртиуан патхьк злырхуа акы еипш.

Ашэарах тэыоа здыкнахалаз атзы арцшзон, насгы уи шахатра азнауан ашэарыцао иказара. Ашэарыцао ду изы «зхымта камшэо ахатца», рхэон, уи ахьз иман. Зхымта камшэоз ашэарыцао еихарак дызлардыруаз еихарак апслахэ атэыоакэа рыла акэын – шыапцынтца зымкуа ахрафькыарақэа ирфэоу ашэарах.

Ашэарыцара апсуаа рыпцстазаарафэ акыр шатцанакуаз атэоуп иахэо абна бызшэагы. Абна бызшэа рхы иадырхэон ашэарахи агыгшэыги ржыгак ахасаб ала, «избанзар урт апсшэа рахауеит»^{?)}. Хэарас иатахузеи, апсуаа рыбзазарафэ ашэарыцара иамаз атцкы зырцабыргуа зеггы рапхьа дгылоуп ашэарыцаратэ казареи ашэарахи рынцэахэы Ажэеипш. Уи атцкыс еитцам цакыла иара убас Ажэеипшыаа рашэа^{№г}.

Апсуа жэлар рфэапыцтэ рфеиамтақэа рфэы ашэарыцао ишэарыцара адаггы, деибашьоуп, ипсадгыыл зыхьчо ахацэагэгэақэа рапхьа дгылоуп. Апсадгыыл азы зхы иаеиэгзо ахатца иашэа рхэоит.

§ 2. Аматериалтэ бзазара

Аоны-агэара. Аматериалтэ бзазара анхарта тыц аекологитэ атэ тагылазаашьа иашьашэалоуп.

Аматериалтэ бзазара ажэлар рказареи ргыамеи рстетикатэ оызареи аазырцшуа ачыдарақэа иреиуоуоп.

Аҫаа дгьылкәа рҫы анхартакәа харабгъара ахәкәа иыкәыпсоуп, анааракәа ирҫацсоуп. Алакәыракәа рҫы, еихаракгъы акъакъаракәа рҫы, урт еилыргоуп, аката еипш еилацсоуп, еиварыпхаа икоуп. ориентир хадас ирымоу амоуп, амоахьоуп аонкәа рҫы ахьхоу, еихарак Апсны аладатәи аганыхь. Апсны азыбжа инаркны аада амра еиха игәцараркуеит. Атцыхәтәантәи аамтазы, амоачацакәа рцәыртцра иабзоураны, анахьгъы-арахьгъы амоа апыжәара аго иалагеит.

Аоны ашта итагылоуп, ашьтахька аекейдкыланы, апхьа тбаатыщәза иказарц азы. Ашта гәарала ихкаауп. Уаанза икан еиуеипшым агәарахккәа: амасараанда, хәыжәбыцала ихыркны, ашышаанда, акәыцаанда. Зегъы иреигъуп хәа ирыпхьазон амасараанда, мамзаргъы амасаргәара. Иахьа ашта аихатәы материала ихыркаауеит. Еиуеипшымызт агәашәкәагъы: акны, обаны, иааиҫахауа. Изеипшразаалакгъы, агәашә аць иалырхуан. Акы антца амоуп ибаауамызт, обә – ихьантоуп, игәгәоуп. Уажәтәи агәашәкәа формала еипшымзар ауеит, аха ишынеибәку азегъы еихалыхуп. Цқарак ахәсаб ала, ашта атцладуа махьацак тагылоуп, настхашәа, аоны амтцәахыртә еипш. атцла шәшыроуп, апхын ауааы дныцатәоуит, имшуп. Ахьаца еихагъы еигъуп хәа ирыпхьазоит, адыди амацәыси апырхагазам. Апсуа шта цхынгы-зынгы рахә тарцазом, хәармзар, убри акынтә ииацәкакараза икоуп, абыбыц ыкәыршәым, «ухәы ыкәтцаны иуфартә». Ашта афункциахада цәгъеи абзиет роуп. Убри азоуп иагъздыртбаауа, ауаа рацәа акыртә еипш, аеыбгаказа аеы ирхәмарыртә еипш.

Апсуа тызтып иаидкыланы уахәапшуазар, еокаа-еокааны икоуп: арахәгәара, аутра, амхырта, азахәатра, ашьхымзатра, ашәыртра, ахкаара. Цъара-цъара, ауаа еилассы иахьынхо акытакәа рҫы, атызтыпкәа ирыцаркуа адгьыл мацуп. Убри акнытә амхыртакәа рзы азеипш дгьыл аҫы аренда иргоит.

Апсны бнала иахьбеиоу иабзоураны, атрадициатә хыбракәа рыргыларәҫы ианакәызаалакгъы рхы иадырхәо амҫымаҫәахә акәын: ахьа, аць, ажа, ара, ухәа антцыра змоу атцлажәлакәа.

Аргыларатә казара аганахь ала, ацсуаа ахахә хыбрақәагы иирылыхәдаамызт, еихарак тауади аамыстеи иреиуаз. Аха ахахәтә хыбрақәа ҕнык ахасаб ала атқыис, хыхьчагак еицш ирыман. Баагәарала икәыршоу абаашқәеи ақырсиантә ны-хабаакәеи, шамахамзак акәымзар, қытацыпхьаза уафы ибоит, урт акәара акынтә иаагоу хыхәшәыгәла ртызқәа ҕагоуп.

Ацсуа традициатә ҕнқәа еиуеипшым. А-20-тәи ашә. азб-жанза Ацсны ахыи атдыхәеи, зегьынцъара ҕ-хкыкны икан: ашыштә, агәтәы. Формалагы урт ҕбаны ишон: ахыргьежъаа, апшьыркца. Еиха ахыцуеит, еиха ижәйтәтәиуп хәа ицхьазоуп аҕнхыргьежъаа – акәацә. Акәацә аргыларә еиха имариан: ацәҕанқәа хыргьежъааны ицартцон, хәажәыла иршышуан, акә шьтыхны аисыр акәыртцон. Уантәоуп уи ахызгы ахьынтәауа: «акә – ацә/тә». Атызқәа ршышуан аҕныпшьыркцагы. Убригы ҕбаны уафы ицылар ауан: абыцатзы, апацха. Абыцатызгы апацхагы рыхьзқәа ртызқәа зларшышуаз аматериалқәа ирхылҕеиааит: абыца; апацха. «Б»-и «П»-и рееитнырыпсахлоит акәымзар, аҕтерминкгы шыагәйтқоуп ирымоу.

Апацха конструкцияла абыцатзы излеипшымыз ыкан. Акы, апацха ауасхыркәа ацартцон, ахарца артон урт, цакагы хыхьгы тапыкканы ацәҕанқәа тадыргылон, ҕба – ҕҕык амазар ауан, хпа – акәгы цшьыркцан, насгы еиха илакәын, цшьба ацхьа ахышә артон, хәба – абарца. абарца цшьбакәк иныркылон. Еипшымызт урт злырхуаз атлақәагы. Анышә ицартцоз – тәәанума, шыакоума – цьтәын, ицарымцоз – хьатәызаргы ауан, зегы ахьа еиха еиғаршьон, иласуп, ацәыцәгы иркуам, ауасхыркәа реихапшьырта иапыхәхәо (адәахьала) аахы хәа изышьтоу. Акәацәгы апацхагы рыҕныргәкәа анышә ршьышьны ахәа алатцаны, еилакәаханы ионарыпцсон, идрапон, еикарартәуан. Ахәа ацәаакыра ҕанагом хәа ицхьазан. Аҕныргәы агәтаны, ашьтахьтәи атзамц еиха иазааигәаны, ақырмытқәа шьтацаны ахәыштаара алырхуан, ахчыза атаны. Ахәыштаара иахакнахан архышьна, агәтәтәи ақырста иаркны. Архышьна ачуан алакнархауан, уи акәын

афункциа, аха уи асакралтэ такгы аман, ныхацыпцэахан. «Абри аныс» хэа, архышьна аакны икэыз ауафы, игэра ргон, зшэирагы ифэхэатэы назон: «абри мчы амазар!..»Архышьна иавакнахазар ауан еиуеицшым атэахэкэа – аихалых, амфлых. Амала, апацха аеа фык амазар, уи хыргэгэан, уи шыталартан, ацэартагэкэа кфакатан.

Ахэыштаарафэ амца еикэын – фырцхартан, кыруртан. Ахэылпаз, атаацэа анааилатэалакь, ахэыштаара иакэшаны ртыпцкэа ааныркылон зеггы, уаххьа ашытахь ара еилацэажэартан, еилабжьартан, жэабжьхэартан. Убри акнытэ уи – кэацэыз, пацхаз атахызар – аматурта хэа иашьтан, афункциатэ цакыла.

Цкарак еицш, аматурта атаацэа реихабы итэын, икан ипшэмапцхэыси иареи риарагы. Аматурта атзы икыдыкнахалан апшэмахаца иабцъар – шэакьума, кamoума, ахэоума, иарбанзаалакь. Убри акнытэи уи аонду ахьзын, еигьырт ахыбракэа раткьыс еицазаргы.

Аматурта армарахьтэи аганахь ала игылан уахьынагэыдыпшыло иара аткьыс еихаз, иара аткьыс еигьыз дафеа фнык – асасааирта.

Асасааирта, иара ахьз ишахэо еицш, уахггы-фынггы асас иааира иазыпшыз, ианакэызаалакгы ихианы иказ фнын.

Атаацэа махэфеиаала ианеицытцлакь, аонду акэша-мыкэша, апхьа аламцакэа, идыргылон амхаракэа – атаацэахэыцкэа рхыбракэа. Амахэфеиаа ахьыгэгэаз урт ирылазомызт, зеггы ирзеицшны аганфны дыргылон, ашта аганахьшэа, иазыхэхэаны. Аганфны афкэа рацэаны иартон – атаацэара хэыцкэа рыцыпцхьаза. Убри акынтэ афкэа аки-аки еимадазамызт, ашэкэа зеггы адэахьала ифан. Аганфны атызкэа ршыыхуан, азын ахьта фнамлартэ еицш. Ашыыхга анышэи, анышэапшыи, ахэеи, атэеи еилакэаханы икарцон. Аоншыых адэахьала кьырла иршэуан.

Аргылараус аганахь ала ирылаз аказара еиха инартбааны, еиха инартцауланы иаапшит агэтэы фнкэа рфы.

Агэтэы ыны ыныпшыркцан, ишахаракны ашыакакэа ирыкэ-
гылан, ацэаакыра апырхагамхартэ еипш. уи ашышонкэа ра-
аста итбаан, еихан гыларалагы, хпа-пшыба ыы рыла еибытан,
акы акынтэ аеакахы уналон, ашытахь ифаз ашэкэа еифахауа
икатан, ыыщыпхыза ыоба-ыба хышэ аман, апхыа зегыы, ине-
ибеипшыны ибарцан, бакэла, каламла, баркылла, мардуан-
ла ирпшзаны. Еиха идыуз, еиха илашаз афы асасцэа иртэон,
егьырт атаацэа иреиуаз афар. Абарца акынтэ ашытахь ииасуан,
ашта акынтэ – адэахыы, мац-мац, гармониаала, апсабара апшза-
ра еиламгакэа. Пжарак ахасабала ас казарыла еифеааны икатцаз
асасааирта ауацбак амамзар ауамызт, гышцэкны иказ, аха уда-
цыпхыза афы змаз. Ауацбак кырымтла икарцон, аха имацмызт
ахыкэцэкэа еикэцаны ианшаргозгыы, итапыкканы еиуеипшым
асахыакэа антаны, еихарак апсабаратэ цыртцракэа азырп-
шуаз. Агэтэы ыны гыама харакыла, ашта италалакь, аналара
игэапхо, игэалаказаара шытыхуа иразза, ихааза.

Ацсуа нхара иачыдаказшыоуп асасааиртеи аматуртеи ре-
ифапшыра. «Асасааиртеи аматуртеи еифапшыуп», рхэеит, аха
афепшыра ахата зыкэшэо асасааиртаоуп – аматурта шыкоу
икоуп, афеапсахзом. Асасааирта аганкэа руакы амцэыжэа
атаны, ишиашоу аматурта иалартцоит, баркылымла, каламкэо-
ума, харцумла – акгыы мпсахзакэа, акы акынтэ аеакахы уаы
ишыапы мбаазазакэа, кэак-сык икэымтэо дыналартэ еипш.
архитектуратэ хасаб шыкоу ала, аонеифапшыра ацсуаа рыоны-
ргылашыа иамилаттэ казшыоуп.

Иахьатэи ацсуа ыны атрадициатэ ыны изеипшым, еихарак,
излыху аматэахэ алоуп. Иахьатэи ацсуа ыны, шамахамзар,
ыбаны еихагылоуп, атызкэа кырымтла ма блока ишагоуп,
кыцла ма еихатэы бгыыцла ихыбуп. Егыыс, аргыларатэ каза-
ра аганахь ала, ашыакакэа ирыкэыргыланы икарцоз агэтэыы-
ны, ажэытэ сасааирта еипшуп. Убри аганахь ала иазгэататэуп
аеакгыы. Азаанаттэ литературафы, акытауаа акалакь афы иды-
ргыло аонкэа иреипшыны рыонкэа дыргылоит, хэа цыара-цыа-
ра ианахдыло ыкоуп. Акытауаа рыргыларатэ казара акалакь

акынтэ иаарымгазеит, акалакыуаа роуп акытауаа ирҕыпшуа. Апсуа милаттэ оноуп иахыа апсуа қалакыкэа рҕы игылоу ахатэыонкэа, амала, еиха еиххэаеитцхэа. Хаамтазтэи апсуа оны актэи аихагыла аматурта афункциакэа наназоит – арака хэыкатартоуп, арака чартоуп. Апхыатэи ауадаҕы апшэма хатэи апшэма пхэыси шыталоит. Аобатэи аихагыла уахыныоноло тбаатыщэза икоуп, изалуп, исасааиртоуп, еигырт ауадакэа цэартоуп, еихарак апхыатэикэа, ашытахьтэикэа аҕарацэа ирызкуп. Иахыатэи апсуа оны закароу ала, атаацэа егырцэымцхэуп, аха, ганкахыала, иреигу ауадакэа шамахамзар уао дрыонолазом, апшэма зхылоу – дхэычы-дду – азэгыи ихы иаирхэазом. Урт цыара бабыцк рыоношээр қалом ианакэызаалакгыи ихиазароуп, асасцэа ирзыпшызароуп. Аҕаганкахыала, аоны атбаа-тыщэра аоныпшза ҕырбагоуп, престижуп.

Атхыатэантэи аамтазы атрадициатэ онкэа рыргыллара тенденциахо иалагеит. Иахыатэи апшсуа ионеихачаца аганаҕ идыргылоит апацха. Идыргылоит иара убас аганоны, аха еиоымкаазакэа. Ацэгҕеи абзиет раан уа аишэа еиххэеитцхэадукэа дыргылоит: чарауртоуп, цсхэуртоуп. Абжыаапны аганоны анхамотэ матэахэкэа ыцарцоит.

Иахыатэи аонкэа рхыбуеит, еихарак, профнастилла, апацха ада, апацха қауарла ирхыбуеит.

Ашэцатэы-акэынцатэы. Апсуа традициатэ матэа иачыдаказшыоуп ахэдахарак, амагроу, амака змоу азарапа. Уи ускак уао илапш итамшэо авариантхэычкэак аанамхэазар, ауразоуроу кавказтэи ашьхарыуакэа рыматэа еипшуп, еихарак шыала-дала апсуаа ирзааигэоу адыгакэа. Ашэцатэы азы иаалытын акэны, аласа, абырфын, абжыарашэышыкэсақэа раахыс – абымбагыи. Урт хаханы арахэыц аларыхуан, арахэыц – аба. Рхы иадырхэон еиуеипшым ацабаратэ шэыгахккэа. Ашытаца еихарак ашыамакаца иалырхуан. Ацэа иалырхуан иара убас ахатагыи, аха еихарак аба акэын излырхуаз.

Ахаца ишэцатэы – ахатаматэа, – анырхэо зегь рапхыза уаыи ихаҕы иааиуа акэымжэи акабей. Акаба атка иршэы-

рцоит ахарци айкэеи. Аикэа ашьапкэа аймсы итартцоит, аймсы аймаа иахагылоит, аҕышэт аатэахэуа. Аймсы рзахуеит ахаца ишьапгэацэ тархханы иакуа.

Ахаца шыаца, аформеи азахышыеи айуеипшымра амоуп. Зегь рацхьа игылан ақэра змах ацэ ақэакэа ацэа иалхны зцынцэи зышьхэакэеи аазала ирзахуаз ажэцэеимаа. Акры зкыз ауафы, еихарак тауади аамыстеи, асахтанеимааи асахтантэ магэи ныкэыргон, урт цшзан, итатан, иласын.

Дара изыцклапшыны, дара иацпыхэаны ирзахуаз матэан акэымжэы. Акэымжэы хыхьтэи матэоуп азыхэа, апхьа ауразоуроу иркэоуп, азара поуп, изшэу дкацаза дакыртэ еипш. Азара лахыс нак-аак, акалт акынза, алапсақэа амоуп, цака итбаатыцэза икалартэ еипш. Азараҕы аганқэа рҕы ахэыпқэа амоуп, амака аанакыло, цака иамышытуа. Акэымжэы азара иоахыкны агэы тыхуп, агэы инаркны азара акынза ахэынцэре-илатақэеи ахацақэеи рыла ейбакуеит, амаграқэа изшэу инапы аахнафэо иауп. Акэымжэы азара иоахыкны нак-аак ахазырттрақэа ҕазахуп, ахазырттрақэа ахазыркэа/акаламқэа ртоуп, аки-аки еикымсуа азахырстақэа рыбжьатцаны, итымшэартэ еипш. Ахазыр/акалам аоахык цшшэыла еипшым, руақы шкэакэоуп, егы еикэатцэоуп – ацэгэеи абзиеи рзы. Абзиа аганахь имоахытцуа ашкэакэара афада ирхоит, иныкэара ацэгэара иатэызар – иааирхэуеит, айкэатцэара тыхэхэо.

Хэарас иатахузеи, ахацаматэа уафы ихаҕы изаагом кэынцатэыда, насгы уи акэымжэы ацшшэы архиашыеи ирнымаало. Цкарак ахасаб ала урт ианакэызаалакгы еинаалoit, аестетикатэ гымахарак ала ицэажэoit. Ажэлар рҕы ианакэызаалакгы ахэ харакны иршьoit разныла ирхиоу амака: «акэынақэа разынцсараха». Разынцсараха иказароуп, ма абыош иалхзароуп акама ахи атреи. Аразны абыошыши ирылырхуан иара убас акырахэ тапанча ашьхэа, ахэа, ахэызба ахэы.

Еипшым ахацэа рхататэгы: ахылпа, ахылпақэацэ, ахтырпа, ахылпарч. Урт рахьтэ зегь рааста иныкэыргоз хацатэын ахтырпа. ахтырпа злырхуаз бан – аласатэ ма абырфынтэ. Аха

захышьала еицшын – ахы зтадырпоз акасы еицшны ачыхэ атаны, апшькэа аобагы еикараны иауны.

Еицшым ахтырпахаташьақэагы – ахккэа рацоуп. Аус абзиара иатэызар, ахтырпа рхарцон армарахь аганахь ала еилышьны, апшькэа аушьтны, ацэгъаус ағы – еиужьны ирхадырпон, апшькэа шиашо илашьтны. Апхын, ашоура аныкоу уи атца изхоу ихэда иахаршэны апшькэа ааилышьны икэакэа икыдиршэлоит, азын – илымха инатцакны еилышьны ихыиғы алатеихэхэоит.

Ахтырпа хацоуп, уиоуп изызку, аха, иатаххар, уи зхоу ихы иахьаирхэаша мачым: ахэра иаур, ихэра алаҕеиэхэоит, иага дихэынчар, далеипахуеит.

Азын ахата икэымжэы ахыхь ишэитцоит аупа. Аупа еихарак изматэоуп ауаы иоуп, аибашьы иоуп. Уи зшэу ихэдағы атцакэа еикэхэаланы ишэхарцоуп, абцар икэнызаргы иумбо, иаацэытырхэхэаны ишитаху дхысыртэ еицш. аеыуао игэиғанзамкэа ижэларгы, акэылзы еицш, дахьчоит, амшбаацс икэшэаргы, иогы иаргы ирыкэнакуеит, икэхэлар, дылғыжэтцны иеы ааҕахэаны, иенылахэаны, икэадыр ихы инатцатаны, дышьталар ауеит.

Иаидкыланы уахэапшуазар, апсуа хата иматэа, егырт ашьхарыуакэа рғы ишыкоу еицш, иласуп, имаха-ишьаханнамкыло, ицэа иакэшэоит, ихныкэгашья ианаалоит, аибашьы ашэарыцаы рзы ишоуп.

Апсуа пхэыс лыматэа усоуп – излыху аматериал аума, азахышьалоума, аипшымрақэа амоуп. Аипшымрақэа зыхкьо, еихарак, изшэызцо рыкэроуп, рсоциальэ тагылазаашьоуп. Апхэысмаатэа злырхуаз аба, шамахамзар, аоны ирсуан, дара рнапала.

Апхэысмаатэакэа зегь рацхья игылоуп атцы – хэынцэрала еикауа ахэда харак змоу, зкалт саара илеиуа, итбаау, ззара поу, змагракэа ауу, ашэтатэы. Уи атцака апхэыс илшэылцоит лшьаргэацкэа ркынза илеиуа зыхэда тыху анарма харп. Ахарп абырфын иалхны иззахуазгы ыкан, еихарак акрыз-

кыз рыоныцка. Ас еипш иказ ахарц лышэцаны хара дызцо-мызт, аха адэы дныкэларгыы ауан, аха хыхь акьаф лышэцаны. Цакатэи матэан иара убас итбаатыцэза иказ ахэымцъар зтап-саз, цака, зшыапкэа шыацхэала ифархэоз айкэатага, амала лыцкы иатцымпшуа.

Апхэыс илшэылтцоз лыцкы ахыхь илшэылтцар ауан аеатцкы-кгы, еиха ижэпаз, уи хыхьтэи аткы ахьзын, уаф дахьнахэап-шуаз акэымжэы еипшын – агэы тыхны, азара нташэо, азара-лахыс тбааны, аганкэа рфэы алапсакэа аманы, амашьхэылтц акынза итшэаны, амашьхэылтцлахыс еиха-еиха аеарбтаауа.

Апсуа пхэыс лшыапыматэа ашыамака иалырхуан, иртэны, ажэцэеимаа еипш, аачала ирзахуан, ацынтца инаркны афышэт акынза, ашыацхэакэа атаны, изахны ифаргон ашьхэаггы. Уи ацэышеимаа хэа иашьтан, цъарацагасгыы ирыман.

Тауцади-амыстеи еиха зыцсы злаз анхаоцэеи ирылтцыз ахэ-сахэыцкэа амагэ ласкэа ныкэыргон, еихарак цъара ианнеиуаз. Аоны, иара убас ааигэа-сигэа ахэса акапцакэа, акармыгэкэа рышьбарцон – зыцакэа мыгэтэыз рфэы цэатэыз ашыацакэа.

Еиуеипшымызт ахэса рхатакэаггы. Аоны рхы царкуан касеицарсала, цъара ианцоз акасдукэа рхадыршэуан. Апхын иныкэыргоз акаскэа цаган – кэынлыхын, бырфынлыхын, азынкаскэа жэпан, насгыы аласа иалхны ирцон, ачыхэ атаны.

Аматэа апшшэы – ахатаматэа, апхэысмаатэа хэа неилых камцакэа, – уаанза ишазгэахтаз еипш, акэреи атагылаза-ашьеи ирышьашэалан. Апшшэы фыхакэа – ашкэакэа, акапшь, ашыацпшшэыла, жэфангэыпшшэыла – афар иртэын, айкэара – зыкэрахь инеихьаз ауаа. Ацэгъараус афэы, неилысрада зеггы еикэарала рфеилархэон. Аоак ала иаххэозар, ауафы имахэа-лаггы иудыруан уи икэратэ статус, амоа дыкэзар, дыззыкэыз аус.

Апсуа хата иматэа ашыахауаф, ашэарыцаф, айбашьфы имчи илшарей цэырнагон, апсуа пхэыс лыматэа – уи лтатара, уи лыкэымшэышэра, уи лыхаара.

Ахаца иматэоума, апхэыс лыматэоума – апсуаматэа захышьала апсуаа зеггы ирзеипшын, апсуа уаажэларра еи-

рархиа казшыа шамазгы. Амала еипшымзар ауан рхиашья-ла, аурыла. Тауади-аамыстеи иныкэыргоз акэымжэы еиха иауын, ршыахэызыз илахысуа, анхафыжэлар, зхыцша дууз азэы иакэымзар, – ршыамхы илахысуан акароуп.

Хазтагылоу аамтазы ацсуаа – дхэычы-дду, дыпцхэыс-дхатца – европаа иныкэырго аматэа ныкэыргоит. Зыуафрахь инеихьоу ахацэа рахьтэ зэырфы макьаназы традиция тасла аеиилахэара еигьаршьоит, еихарак акытауаа. Ацыхэтэантэи аамтазы ртрадициатэ шэцатэкэа рахь ихьацшуа иалагеит аинтеллигенция рхатарнакцэагы.

Иаaidкыланы иугозар, ацсуаматэа иахьязы исценаматэоуп.

Афатэ-ажэтэ. Ацсуаа ртрадициатэ фатэкэа ацсуа рматериалтэ бзазарафэы зегь реиха зееикэырханы икоу элементкэоуп.

Социалтэ тагылазаашьяала изеипшразаалакгы, ацсуа таацэа рыфатэ ф-категориак рыла ишыакэгылоуп – агэыхэи ацыфеи. Агэыхэ циаалыхуп. Урт зегьы ирыцкуп абыста. Ацсуа дгьыл ацш ыкэнагалаанза абыста руан аши ахэызи рыла. Ашы еиха икээзуп азы ирлагон, ахэыз игтас идырсон, нас ашыла алацссаны ируан. Ацыфа арахэ раалытц иалырхуан – акэац, ашэ, ахышхырцэы. Имачмызт аутратыхгы. Агэыхэ акатегорияхь ицхьазоуп иара убас амгьал, ачашэ, ачафэа ухэа убас егыртгы.

Амгьал – ачашылеи ацшылеи еилацсаны хазыла ма зыла икэаханы ацлакь ианцаны амца иехэаргыланы ирзуа мажэоуп.

Ачашэ. Ачашыла ахарцэы акэтагь агэи атаны, зыла иркэахауеит, ианчлакь еитцыхны ашэаза ркэычны иагэыларцойт, нас ихырчаны цлакьла ирзуеит.

Ачафэа (акэакэар, ахампал) – амажэа ашэаза агэылатцаны иржэуа фатэуп. Еихарак уи амзеи, амреи, ахаи, ацэеи рсахьа артойт.

Анафсан – аилаць. Аилаць абыста еипшуп, аха ианыруа ашэаза хыхны иартойт. Абыста еипшуп ачамыкэагы, аха зыла акэымкэа хшыла ируеит, ашэаза алацаны.

Агэыхэ иацанакуеит афатэкэа рацэоуп, урт реикэыпцхьаза-рагы мариам.

Абыста ада агэыхэс икоу зеггы ирызхашаацыкахыш артоит. Ашэаза златаны ирзуа ма иржэуа агэыхэ ахала иуфарггы ауеит, аха, цкарак ахасаб ала, урт ахарцэы иадыркылоит.

Абыста цаазамкэа икоуп азы, иацырфо реихарак цаауп, еитахартэ еипш.

Ацаара егьакуп, егьыооуп. цаароуп акэыд, мамзарггы акэыдеилыршышы. Акэыд азы ацатэаны акэцал итарыпсцит, акэцал амца ичэаргыланы хаа-хаа иржэуеит. Нас кэыдыршышыгала иршышыны апырпыл цыка артоит, ихыхны иартоит ахэысхэеи, ацымшы.

Ацак чыда амоуп зегь рацхьаза иргыланы иара апырпыл цыка ахата. апырпылцыка злырхуа компоненткэаоуп ацыкахыши апырпыли, аха урт рхала рыла апырпылцыка рхуам, шамахамзар. Агьама бзиахарц азы ирыларцоит арахана, ацыбра, ацыш, акакан ухэа афыхаа зхылцуа ациааккэа бжыхкык. Ацыкеи аххылеи анарталак ашьтахь, акэыд еитахадыршуеит.

Ацаара иацанакуа ацыфақэа еиуеипшым. Урт иреиуоуп акэыдеилыршэшэа – уи акэыдкэаз жэны, азы атцхны, акакан хны иартоит, имкэакэакэа еилдадырфынтуеит, иазхаша апарпылцыкагы атаны. Иалартцар ауеит иара убас ацымшы аматцмыцы.

Ацаара иатэуп ахэылчаца, ахэыцчаца, апрчманчаца.

Ахэылчаца – ахэылырцэ ахи абгыи хыхны акакан хны иаладырфынтуеит, арашы артоит. Апырчманчаца – апырчман акатарақэа жэны акакани аматцмыцы алатцаны ирхуеит, апарпылцыка атаны.

Ахэацчаца – ахэац акатарақэа жэна акакани ацыкеи алатцаны ирхуеит.

Ацаара иатэуп ахэаса ршны, агэагькэа алыршэшэаны, ацыкеи аххылеи атаны икарцо атэыпцэыра.

Ацаара, еихаракггы акэыд, ахышы ацымкэа ирфом. Ахшыы о-хкык ыкоуп: арцэы, аиатэабггы. Идырцэуеит ахэыл,

ачыркэа ухэа аутратыхкэа кыр. Едэабгъуп ацьымшьёа, апра-
кыа уб. итц.

Ацаара атааца иртэуп, насгъы ичгъахъоуп, убри акынтэ
агэыргъареишэа икэыртцом.

Агэыргъареишэа иатэу ахаатэы – акэац, ижэны, изны, еиха-
разак ацьмажыы, ауасажыы, ажэжыы, ахэажыы. Амала, цсыл-
манны зхы зыпхъазо апсуаа ахэажыы «рэадыркыашьюам». Урт
рахьтэ ахэа анызтцо ыкоуп, еихарак абжыуаа рыоныцка, аха
атиразы мацара.

Апсуаа ркэацфашья асезон казшыа амоуп. Апхын акэац
рфоит, еихарак, ижэны, ацьыка ахышьны, азын – ирцаауеит,
амца иахыкнаханы лэакла идырфоит, чан ирзуеит, ацэцэыра
иацырфоит. Азынраз ирцэахуеит иара убас акэырма, ашыа-
мака архэарахи ацакыали акъамсеи акъатеикэеи ирылхны.
Икэашкакараза азы анатырхлакь цыкахышла ирцаауеит, иа-
неилыслакь, ахапшыа итацаны цсыц тамло ихырфоит. Абас,
азынраз икарцо фатэуп атубар. Атубаргыы апсаса архэарахи
ацакыали ауасакыацеи еилацаны, итааны, ацыш атаны акъа-
теикэа хыцэцэаны итарцоит, нас нак-аак урт рыхкэа җархэо-
ит, алэае идырфоит. Крыфан ирзуеит ацэы иахатцаны. Ине-
ицынкыланы акэымзаргыы, цыфак ахасаб ала апсуаа аишэа
иагдырхом апсызгыы изны – ирзуеит аплакыла амца иеҳэар-
гыланы ма ацэы иахатцаны. Ус – апсыз иалхны аеа фатэчыдак
карцом. Апсызжэлакэа рахьтэ зегъы иреигършьоит азиаскэа
рҗы иркуа – акалмаха, амлағэыр, еиха иахыыхау мацаразы
акэым, «ицкыоуп» азы. Амшын цсыз апсуаа ицкытыцкыаршьо-
ит. Ишырхэ ала, апсуаа амхацыыра ианыкэнагоз, аҗба итапсу-
аз иршэны амшын иаларыжыуан, урт ржыы ала ичон апсызкэа.
Уи адагыы, апсыз агэыргъареишэа икэыртцом, ичгъахъоуп азы.

Ацыфа акатегория иаиэу афатэкэа рыоныцка атыц чыда
ааннакылоит ахшлых. Ахшлых обаны иршоит: ганкахыала,
ашэ, аеаганкахыала – абаазатэы. Ашэкэа еипшым: ашэаза,
ашэтазыла (ацьыка злысхъоу), ашэеилаца, ашэха (ашэрфа).
Ибаазатэуп ахш (иршны), ахарцэы. Ашэи абаазатэи ирыбжыа-

гылоуп ахача, ачаоыр. Ахача ахыз ршны иандырхышэашэа-лакь иатцо ашэ иацэынхоуп, нас пырпылцьыкала, ххылала ирчацоит. Ачаоыр – зынхэуп, уи есышыжь ахшаза ахата итатэаны икнархауеит, ахарцэи ашэазеи мацк-мацк алатцаны, иазхаша ацдыкахышгы алацсаны, ласы-лассы ирыоуеит.

Иахьатэи апсуа кэыоурафэи икоуп Ацсны антытынтэ иааз афа-брикатэ аалытцкэагы: ашыакар, амакарон, ашыахариа ухэа кыр.

Апсуаа рыкрыфарафэи атыц амоуп иара убас ашэыр, амала, иара уа – иаафэыхны. Икоуп азын хэы хэа иртэахуагы. Урт ахаа-мыхаа рыхьзуп: ацынцьыхэа, алахароа, ацэароа, ахэыр-мароа. Урт рахь зегь реха ацбабаа зду, аамта зго ацынцьыхэа ауп. Ацынцьыхэа кауцарц азы акакан гэылхны, еикэырпцаны иучачроуп, ақалмышь оынтэ изааушыроуп, икнаханы иурцш-шароуп, нас ахэылблафэи алоақ арсны иуроароуп. Алахароа-гы усоуп: иуршыроуп, ағэи икэцаны еитцухроуп, иуроароуп, алоақ аурбароуп. Ахаа-мыхаа атаацэагы иртэуп, еихарак ахэычкэа, аха, зегь рапхьаза иргыланы уи сасхэуп, хыжэлоуп.

Апсуаа рыкрыфаратэ системафэи атыц чыда ааныркылоит арыжэтэкэа. Арыжэтэкэа зегь рапхьа игылоуп ашы, афунк-ционалтэ цакыла мацара акэым, доухалагы, – «ашы анцэа ишеит», – рхэоит ажэлар рыоныцка иахьагы. Оыда апсуа еишэа пшзахом, абзиара иатэыз, ацэгьара иатэыз.

Аурыскэа апсуа дгыл ианықэнагала инаркны (XIX ашэ.) апсуаа ауатка аршышыа рцеит, ажьагь иалхны, ашэырхкэа ирылхны. Зегьы акоуп, ауатка қьафкатцагахеит акэымзар, ирыжэтэымхеит – апсыуатцасла, уаткала аныхэара гэнаалам, цасым – ныхэагас икоу ашоуп, уаха акгы.

Апсуаа икарцон алкоголь злам арыжэтэкэагы: ажьырзы, ашымхазы, абацэзы ухэа еиуеипшым ашэырхкэа ирылхны. Бзиа ирбоит иара убас ацхазоа, ахарцэыршла. Ахарцэыршла ауашы азышра дазэызхуа рыжэтэуп, ацхазоа ржэуеит еихарак-гы ацсхэракэа рфэи.

Апсуаа рыкрыфашьатэ специфика аишэа ацаки ацсабаратэ аамтэи ирышьашэалоуп.

Цқарак ахасаб ала, таацэашэала иантэоу ацсуаа рнапы адыркуеит ацаара ала, рчара хдыркэшоит хыхлыхла. Иара ахшлых аганахыалагы «ацхья-ашьтахь» рдыруеит: ашэҒаба-азатэы (ахш, ахартэы). абзеиреишэа, асас иааирагы убрахь иналатаны, аҕэыдлых ықэдыргылазом, иқэыртцом ацсызгы, – хыхь ишазгэахтаз еипш, урт чгьяхьяқэоуп. Асас имтадыргылом иара убас абаазатэгы, «ахэычқэа ирыфатэуп» хэа иҕэыншыаны. Уи ганкахыала. Аеаганкахыала – цхынратэуп ахшлых, еихаракгы ахартэы. Ацхынра акэац реадырцалом, цыара сасхэык иадыбзиаламхозар, иара убригы – ацмажы, настг ижэны. Акэтыжь атэы аеакуп – ижэны еилдыршэщэар аеуит, иаеуит ацэы иахатаны ирзыргы. Азынхэы хэа ирыцхьязоит уаанза зызбахэ ҳамаз акэацлых: ажьцаа, акэырма, атубар.

Цқарак еипш, ацсуаа мышкы хынтэ акрырфоит: шыбыжьхья, шыбыбжьхья, уаххья. Ашыбыжь мгьалцхак инацхаеуит аҕароуп, баазатэык надкыланы. Ацсны ачаи анықэнагала шыбыжыла чептэцак азна ачаи ржэуа иалагеит. Иахья уи еихагы иашыцылеит, аха зегь аоуп, ацсуаа ртрадициатэ крыфашья цкья ианымаалац. Шыбыбжьхья быстацхада қалашья амам, цаарак, ма кэацлыхк ацны, иара убас ахшхартэгы, гэырцсахаагак, гэырхаагак ахасаб ала. Уаххьягы, шамахамзар, иласу – мгьалк, чак иалазоит, амала, ахшхартэы ацны.

АПСУА НЦӘАХӘҚӘА РПАНТЕОН

Атрадициатә дин, уаажәларратә дыррахкык, дунехәа-пышыак ахасаб ала, аетностә культура аган хадақәа иреиуоуп. Убри акынтә уи агуманитартә царадыррахккәа жәпакы азәлымхауп, аинтерес рымоуп. Неиоымсрада урт зегыи уи анституционалтә дин иакәытханы иахәацшуеит, шәышықәсала уи иакәиаауаз аофициалтә дин иахкьаны, уаоы иааибаратәи асинкретикатә казшыа шаанахәахьоугыи.

Апсуа ртрадициатә дингыи усоуп ишыкоу. Ақьырсианра ашыапы ианаакәгыла, иаразнакы апсуаа ркынза ишаазазгыи, дук мыртыккәа хәынкарратә динк ахасаб ала ишрыдыркылазгыи, дара ртрадициатә дин кармыжыит, ишатагылаз иатагылан, иахьагыи иатагылоуп, амац рует, ржәытә ныхәақәа ргырак шамәапыргац, имәапыргоит.

Уи цышыатәзам. Акы, Ақьырсиан бааныхаккәа ирымоу аказшыаккәа апсуа рынцәахатцара иацоу аидеиа азы итәымзам, уи ахашәара-цышәара итазоит, ианаалоит, әба – аконфессилнал нцәахатцара абрака ашыата рхарц, ацакы арыгәгәарц азы рныхабааккәа ахьдыргылазгыи апсуа ныхаккәа рааигәароуп, урт рымчи рхыпшеи хасаб рзуны.

Аәак ала иаххәозар, адин аганахь ала апсуаа хынтаәынцара иаламлазеит. Аха абжьарашәышықәсхьшәаккәа рзы, атырккәа мчылатәккәа апсылманра апсуаа ианрылеигала, ақьырсинра еипш, апсуаа ртрадициатә дингыи «мыцхәхәит». Ақьырсианә иашахатцара ныкәызгоз аурыс Апсны инапафәи ианааига, арт аә-динкгыи еитах рыцсы тәлеит. Ихпахаз – апсуа дин, аофициалтә дин еиш, анцәахатцаратә етика мыцхәи атахзам, уи дара ажәлар ретика иеиуоуп, урт ршыа иалоуп, рдаккәа иртаныкәоит, дара иртәуп. Хәарада, уи иахьанза излааиуагыи амариароуп, апстазаара иахьахылцыз ауп, уи ажәлар рдоухамч иахьшәашәалоу ауп.

Изакәызеи нас апсуа традициатә дин, ишпеилкаатәу уи?

Апсуа традициатә дин – ари анцәахатцароуп. Даәахьзык амазам.

Анцѳахатцара, атрадициатѳ культуракѳа зегы рѳы ишыкоу еипш, апсуа адгыл ишыапы аныкѳаиргыла наркны зеилкаара ицѳыуадашыз апсабаратѳ мчкѳа идырцыз, цѳалашѳарыла ирѳаиз доухатѳ бакоуп. Уи аполитеисттѳ дунеихѳацшышыа иатѳу динк ахасаб ала, Анцѳахатцара хара хкынза иааит уи ахыцѳкѳанза иѳазо акы акѳны. Аетнологиатѳ царадырраѳы ари атеологиатѳ ѳазара супремотеизм, хѳа, иашытоуп: анцѳаду дыкоуп, аха икоуп уи ихѳатѳы иахымцо, ихѳатѳы назыгзо, ргѳажѳѳас имоу анцѳахѳкѳагы. Аѳеак ала иаххѳозар, апсуа рынцѳахатцара монотеизм еиха иазааигѳоуп.

Анцѳаду дызхагылоу апсуа нцѳахѳкѳа рпантеон ашыакѳылашыа, аиѳкаашыа, уи аказшыа аабоит анцѳахатцаратѳ аныхѳакѳа рѳы. Иашоуп, урт зегы иахыатѳи апсуа традициатѳ бзазара акынза изымааит, аха еикѳэханы икоугы апантеон аѳахѳы рхѳаратѳы икоуп.

Амала, Апсуа мифологиа атеонимтѳ персонажкѳа рызбахѳ рхѳоит, ирхѳоит урт рперсонификациатѳ цакы атѳгы, аха иратѳѳаны акгы унатазом. Анцѳахатцара агѳыцѳ змоу системоуп, уи ада калашыа амам, аха системак ахасаб ала уи атѳы здыруа иахыа икам, урт рыбаѳкѳа ацытѳахахѳеит. Иахыа апсуа нцѳахатцаратѳ дуней тызцаауа ацарауаѳ – детнографума, дфольклористума, дызустзаалакѳ – ана-ара адѳы икѳаигѳо аматериалкѳа еидкыланы, еиѳыбааны, азанааттѳ литература ихы иархѳаны, комплексла, логикала абаѳ (остов) шыакѳаиргылароуп, насоуп уи ачарра анилшо, апантен цшра анаиуагы. Аѳеа мѳакы ыказам.

Иазгѳататѳуп аѳеакгы.Апсуа динтѳ ныхѳаракѳа, ансоума-арсоума, зегы ларас ирымоу, зегы зхагѳежѳуа, изыкѳѳеишо цышь-псабаратѳ цѳырцрак руп: апын – амши атцхи аникарахо, апхын – амра анаатгыло, тагалан – амши атцхи анейкарахо, азын – амра анаатгыло.

Акульткѳа ирыцагылоу ауаа агѳра ганы излакоу ала, аныхѳара ауааи анцѳеи цѳас ирыбжѳу, еигѳныѳуа иказцо, еизырцѳажѳѳо, еизааигѳазтѳуа, дгыли жѳѳаны еимаздо мчуп.

Аныхэара ауаа асакралэ дуней иазааигэанатэуеит, адуней ҕыцбарах иднарбоит, рацстазааратэ ритм арҕыцуеит, рып-сынтры иацнацоит. Убри иачыданы, ихэычума-идума, апсуа динтэ нахэа апсуа жэлэр ртрадициатэ культура ахаҕара еица-зымкуа, еихазхауа, анарха азто феноменуп.

Апсуаа рдунейхэацшышьа. Апсуаа рмифоепикатэ хэы-цшыала, адуней / акосмос алагамта амоуп. Ус анакэха антца-мтагы амоуп.

Адуней иамоуп иара ашэагазагакэа: кэыцшыларылагы, аушэакэлагы.

Аушэпкэ адуней хцаны еихагылоуп: ахы, атыхэа, агэы. Ахы –ажэаноуп, атыхэа – адгыыл ацоуп, агэы – хзыкэгылоу, хазкэынхо адгылоуп. Урт ахпагы хазы-хазы икоушэа ааб-ит, аха еимадоуп, апсуа икосмос иахэтакэоуп, идунейоуп.

Амала, апсуа адунейхэтакэа изеипцшзам. Иара изы адгыыли ажэвани еинаалоит, еицнаргоит, еилибакаауеит. Ажэан иара изы иабуп, адгыыл ануп. «Дгыыли-жэвани», – ихэеит, фразеологизмк ахасаб ала.

Адгыы пшыыркцоуп, пшыганк амоуп, икьякьоуп, еиужьуп: «Адгыыл кьякья дузза».

Адгыыл атца атэы апсуа изы ихазуп, алацэажэарагы итах-зам. «Адгыыл атца зеипцшроу антца иоуп издыруа», – рхэо-ит акароуп. Аха, ега ус акэзаргы, ачуан иадикылоит. Ити-кэацэаауп. Итышалшьцоуп.

Адгыыли ажэваны шака рыбжьоу уафы издырам. Аха жэлэр рҕапыцтэ хэамтакэа ишахдырбо ала, икан хҕала аиатца ажэван икыдыцаауаз айбагакэа, афырхацэа. Амала апсуаа ирдыруеит ажэван злейбытоу аихагылакэа шака-шака рыб-жьоу – хэышэшыкэсанькэа.

Адгыыл атцанза быжьра-быжьцэа бжьоуп.

Адуней, псы зхоу акы ахасаб ала, шэымтак иадамзаргы иаангылом: «адуней абырбал (акэыр) инуп». «Амши атци еикэшоит», «аамтеикэшара», «ашыкэсеикэшара».

Куцшыларыла адунейгы аназара апсуа издырзом, аха иахынцэо рдыруеит: «абжьышьхак-абжьымшынк» рнаоо

Анцэа. Адуней анцэа ишеит: ажэангты, адгьылгы, апса-барагы, ауаагы, псы зхугы, псы зхамгы – зегы...

Адинтэ ныхэакэа зызкуи дара рказшыа чыдакэеи рыла хэхэацшуазар, апсуаа рынцэахатцара дара зкэынхо адгьыл ианалоит, ржэйтэ социалтэ еифэкаашья иакэшэоит, рыбазаратэ тагылазаашья иашьяшэалоуп.

Убри акынтэ апсуа нцэахэкэа рпантеон адгьыл афэи ашьапы акит, аха ишнеи-шнеиуаз, аамта анахыла, апсуаа руаажэлара-ратэ фиашыа ицегы аeanартбаа, аeanейцнах, рынцэахэкэа ргырак ажэан ахь ихаргалеит, цытшык ацахь илбааргеит, иара адгьыл афэи инрыжбызгы калеит.

Иаидкыланы хэхэацшуазар, еитасхэоит, апсуаа рынцэахатцаратэ система дара рхатакэа рыбазаратэ еифэкаашья еипшыртэит, зегь рацхыза иргыланы, – ртаацэаратэ. Апсуа нцэахэкэа рпантеон апсуа патриархалтэ таацэаду еипшуп: аби ани рыхшареи дарей, ахшара рыхшареи дарей, атаацэа реихабы иашьцэа рыхшареи дарей, урт рыхшара рахшареи дарей. Урт зегы таацэа-таацэала, хазы-хазы инхоит, амала – раб икэша-мыкэша.

Апантеон дахагылоуп Анцэа, егырт анцэахэкэа зегы адуней аныкэгарафэи напынцак-напынцак рымоуп, акака ирхылацшуеит.

Адуней зшаз азэы иахасаб ала, анцэа, неилых камцакэа, адуней зегы дахылацшуеит, ихэаакэитцоит, илацш ицижьюам.

Анцэа субстационалтэ персонажуп – уи лагамта имзам, имазам нцэашьягы, иара изы аамта аeanсахзом, жэра икэзам, ианакэызаалакь дыкан, дыкоуп, дагыкалоит.

Апсуаа шыахэлацэкья ирдыруеит Анцэа «иуафшышьа», иказшыа – ихэмаршыей иччашыей игэыргышыей инадыркны, игэашыей ицэыуашыей ркынза: «Анцэа дургэыргэеит», «Анцэа дуррччеит», «Анцэа думыргэаан», «Анцэа думыртэыуан».

Анцэа ибзашьатэ тагылазашьягы ах ибзашья еипшуп: исны, иашта, игэара, ихкаара, ухэа, зегы, ахы иалх-

ны икацоуп акэымзар. Уи азы шахатра руеит атеонимтэ терминкэа: «жэџангэашэпхьара», «жэџангэашэимкьара».

Изгэахтап аеакгы. «Анцэа» Анцэа ихатэыхьз акэзам, уи иара иказшьарбагоуп.

«Анцэа» ажэџан ажэытэыхьз «ан» иахылфеиаит. Анцэа ажэџан персонификация азызуа азэы иоуп, уи азоуп уи хьз зышьтэхызггы. Убри адаггы Анцэа адыдггы амацэысггы апесонификация рзиуеит. Адыди амацэыси амч ду рымоуп.

Ацсуаа ргэы ишаанаго ала, амца ажэџан акынтэ ауаа ироуз акоуп, ифцыркьоуп. Уиоуп арт аџ-терминкгы шыатак зрымоу: «ц» (аца). Амала, «м» мапкратэ элементуп, табууп. Ажэџан мца кшар ауеит: «амацыс» («амацэыс» – ы) «а» ахьапсахыз иахкьаны, ц» иацлаз алабилизация иабзоураны икалаз ажэоуп). «Анцэа» акэзар, џ-терминк рыла ишькэгылоуп: ан + ца (ажэџан + амацэыс).

Анцэа ажэџани амацэыси хыс ирымоу персонажк еицш хихэапшыр ауазар, ацсуаа жэларык рахасаб ала излашьа-кэгылаз ретностэ копонент хада, хаттаа, рыбзазарафэы апатриархалтэ еизыказаашьакэа рцэртцымтаз икалаз теонимуп. Уи зырцабыргуа акы акэны икоуп иара убас хеттаа (хаттаа зыпсахыз ажэлар) рыжэџан-нцэа Анцили ихьзггы.

Х. к. II– I азкышыкэскэа реилытымтазы хаттаа рхытшьтракэа амшынеикэа мрагылахьтэи апшахэафэы ианаани, ари адггы зкыз кавказтэи ауаапсыра-шьагэыткэеи дарей иеилацэеит, ишьтарцеит апцсуа етностэ уасхыр. Хыпхьазаралаггы культуралаггы еиха зымчыз азиамачаа рбызшэа аиааира агеит, зэеилазызџаз ауаапсыра рынцэахатцаратэ системафгы хыс дкалеит дара ладантэ иааз ауаапсыра иааргаз, дара ирхылапшуаз Анцэа. Анцэа иаазггы закны иазггы ирзеипшыз нцэахадахеит, нацэадухеит. Аха иара иара дааидџыло акынза амч имоуп ифункциакэа руакы зитаз Афы. Афы уаанза ара, кавкатэи амшынцшахэа зкыз ауаапсыра ртелогиафэы адыди амацэыси аперсонификация рзызуаз нцэадыун. Уиазоуп ихьзггы захзелымкаауа.

Апанеон агэыцэ. Адунеи зшаз азэы иахасаб ала, Анцэа атеологиатэ таацэара еиҕикааит, махэҕиаала итбаау, бипарала еибытоу апантеон. Анцэа иагывагылоуп быжьыык анцэахэқэа: афы, Ацях, Апстҕа, Апшаха, Агах, Аиргы, Анан. Конкретикатэ принципла хиаагозар, быжьыык аишьцэеи рахэшьазацэи. Ари апсуаа рыбазараҕы асакралтэ хыцхьазарақэа зеггы рааста мчы змоу «быжьба» иашьашэалоуп, нас – «ааба» («абыжьыишьцэа рахэшьазацэ», «ахэыопацэа-ахыпцхацэа»). Икалап, асакралэ хыцхьазарақэа зеггы хатцхыртас ирымоу ажэоан икыду аецэ-хэыцқэа ракэзар: Етэацьяа).

Адунеи / акосмос хпаны еихаргыланы ишетазы, Анцэа урт рнапы ианитеит итаацэа рҕы еиха дзықэгэыгуаз анцэахэқэа. Ажэоан иара Анцэа ихата иааникылеит, адгьыл Анан илитеит, аца – Ацях (иазгэахтап, «атцх / ацях» «атцах» аҕынтэ ишаауа. Иазгэахтап иара убас Анан лыхьз ишадхэалоу «анышэ» – адгьыл ажэытэхьыз.

Абас ала, апсуа нцэахэқэа рпантеон аҕы Анцэеи Анани Ацахи иааныркыло атыц теологиатэ триумвиратуп (троица).

Еитасхэоит: Анан лоума, Ацях иоума, дарбынынцэа-хэызаалакь, зеггы Анцэа ихэатэаҕы иҕоуп, иихэо ауп икарто. Уи атэоуп ирхэо Анцэа ихьзшьарақэаҕы: Хазшаз, Зеггы зымчу, Хыхь иҕоу, Изырдыдуа, Изырмацэысуа, иазыруа, Иазырсуа, Изырлашо, Изырцхо.

Иаидкыланы хэхэапшуазар, Атсуа нцэахэқэа рпантеон аоныцҕа х-пантенк ыҕоуп: ажэоантэ нцэахэқэа рпантен, адгьылтэ нцэахэқэа рпантеон, адгьылацаҕэтэи анцэахэқэа рпантеон.

Хазы-хазы хрыхэапшып нас адунеи ахэтақэа рпантеонқэа.

Ажэоан-нцэахэқэа рпантеон. Хыхь ишазгэатоу еицш, ажэоан Анцэа итэуп, ажэоанаҕоуп дахьынхоҕы.

Аха, ажэоан быжьыбаны еихагылоуп, аныкэгара мариам азы, Анцэа уи хаз-хазы ишаны, ааигэа игылаз анцэахэқэа рнапы ианитеит. Ажэоан ахыцэқэа, Аршь, Анцэа иара ихазы иааникылеит, иара зеггы рзы деихабуп, настгы уантэ аду-

неи зегы ибартоуп азы. Итцака икоу аихагылақэа рҕы инхоит егырт ажэан-нцэахэқэа, аихабреитцыбра хасаб азуны.

Ажэан усқэа рымсапгараҕы Анцэа иаамыштыхь дгылоуп Афы – амч ду змоу, алшара ду змоу, адыди амаэыси рынцэахэы. Убри акынтэ уи Анцэа иаагэаратцэқэа дыкоуп, арҕажэас димоуп.

Цьара-цьара абызшэатэ материалқэа ишырхэо ала, Афы дзацэым, атацэа имоуп. Уи зырцабыргуа акоуп Афрашэа ахыз иамоу арацэа хыпхьазара.

Афы дыбызагэакыоуп Аиргь – аибашьрей ар руси рынцэахэы. Уи атэоуп иахэо иара Аф-рашэеи Аиргь-ашэеи реипшра, ракзаара. Арт ашэакгы рзеипшуп аибашьцэеи ашэарыцацэеи. Ацсуа изы ашэарацаш зхы камшэо еибашьоуп, абашьы – дшэарыцаоууп. Арт ашэак рзеипшуп иара убас амацэыс иаркыатаз ауаы инарцэымса дыкэызцо ахацэагы. Амала Аиргь Афы дызлаеипшым ыкоуп. Аиргь адгьыл ахь данылбаауагы ыкоуп, шьхатэылан тэартас-гылартас имоуп, шьхатэыланууп иахьынхо итаацэагы. Аиргь итаацэа ажэеипшыаа ирылахэуп, ажэеипшыааи дарей ажьрацэара рыбжьоуп.

Афи Аиргьи ракзаара хзырбо акоуп амцацшыа. Амцацшыа икэызцо ахацэа ирхэо Аиргьашэоуп. Амца Афы иатрибут-хадоуп.

Афы итаацэара датэуп Шьашэы – ажьырей ажьырей рынцэахэы.

Теонимтэ персонажк иахасаб ала, Шьашэы ацсуаа рабацэа дукэа аметериттэ еиха анырбаз ицэырцыз нцэахэуп. Адгьыл ицоу аиха аус адулара ианалага, уи еихагы ихыцша гэгэа-хеит.

Иаанхаз ажэан-нцэақэа ириуоуп: Апстха, Апшаха, Ацэакэа, Амра, Амза.

Апстха аптажэлақэа дыхылапшуеит, ихэаакэитцит: апта, аптцырш, апташ, аптеикэа, аптазлач, аптакэамкыа, аптеилач, апстхэа. Абарт аптажэлақэа Апстха ихылц-пылц ириуоуп,

итаацэара иатэуп. «Апстхэа» иадхэалоуп атеоним, анцэахэ ихьзгы – Апстхэ.

Ацэакэагы Апсха итаацэара датэуп, дзаагаоуп.

Дзатэым Апшаагы. Уи итакыра иреиоуп: апшалас, апшагы, ашатлакэ, апшааа, апшатэытэ, апшахышэашэа, апшакеанда, апшахэы. Урт зегы функциак-функциак нарыгзоит. «Апшахэы» «апшах / апшаха» афынтэ иаауа акоуп.

Амала, Амрей Амзеи ажэоан-нцэахэкеа зегы ирчыдоуп, ауаа рзы мацара акэым, Анцэа изгы. Уи азы шахатра руеит дара рыхыз ала акэра («абри ицхо иамафуп»; «икаччо иамафуп»). Апсуа мифтэ жэабхыкеа рфы Амрей Амзеи ма иашыи иахэшыи роуп, ма – хатей цхэыси.

Амрей Амзеи дрытцаруп абзиабареи атаацэалалареи рынцэахэы, Нымирах.

Урт роума, ант роума – зегы Анцэа ишеит, Анцэа инапацака икоуп.

Амрей Амзеи реипш, Анцэа ишеит ажэоан икыду аецэакэагы. Апсуаа рдоухвтэ бзасарафы аиатэакэа зегы ирылыччоит уаанза зызбахэ салацэажэоз Етэацэаа. Икалап, урт апсуа нцэахэкеа рпантеон афы апыжэара змоу абицара рхыпхызара иасимволзар: «быжьба».

Ажэлар рфапыцтэ хэамтакеа еихагы рымехак тбаауп иара убас Хэылпыетэа, Шырпыетэа, Асар рымоа, Жэгараа.

Хэылпыетэеи Шырпыетэеи арпызбеи апхэызбеи ирепшныршыалоит, иеишьтоуп, аха изеиниом.

Егырт аецэакэа зегы ауаа рынасыц иасимволкэоуп: «Адуней шакао ыкэу акара, ажэоангы аецэакэа кыдуп. «Ауааы даниуа ииатэахэ кыдлоит, даныпсуа – икыдшэоит».

Адгьылнцэахэкеа рпантеон. Адгьыл анцэахэпхэыс Анан / Нан шыарда лымчуп, уи лнапацака икоуп анхамоатэ пантеонкеа зегы. Урт рахытэ зегы иреихабуп, зегы рацхыа ицэыртит Ажэеипшь дызхагылоу ашэарыцаратэ пантеон.

Ажэеипшыаа ртаацэара – нуклеартэ таацэарадууп. Урт беиоуп, еихаракгы, кыр зылшо, адоухамч змоу, цэа змам

атыпхацаа рыла. Ацсуа фольклор ишахэо ала, ажэеипшыаа ртыпхацаа иртахар, ашэарыцаа ҕацахэы имоуп, иртахымхар – иҕырхуеит, уимоу дхыхны дыргаргы рылшоит.

Ишаабо ала, апхьатэҕьа Ажэеипшы азооморф тькы иманы дцэырцит, аамта анца, дантропоморфхеит, ашэарахқэеи ашэарыцареи дрынцаахэхеит.

Функциатэ цакыла Ажэеипшыаа ирыцнаргоит Аергьаа рта-ацэара. Насгы урт астаацэарак жьрацэаралагы еилахэуп: «ажэеипшыаа ртыпха – аергьа ртаца, аергьаа ртыпха ажэеипшыаа ртаца».

Хэарада, ашэарыцара цсыс иахоу шьхатэыла акэны ишыкоу ала, ажэеипшыааи аиргьааи рпантеонқэа ьункциала ашьхатэ пантеон иазааигэоуп, Ашьханцэахэы имадоуп. Ашьханцэахэы дыцьбароуп. Ишьхылаз ауааы, дарбанызаалакь, ихы разаны, мацкьа-шьацкьа дныкэароуп: деикэпах деилахэаза-роп, ицэеижэ ажэоан иаимырбароуп, арыжэ цьбара аимжэыо-роп, дымгэамцлароуп, иҕы итамзо имхэароуп.

Ацсыуатцасла, шьхылан, шьхытын ахьшыцэа дукэа ианакэызаалакьгы, ашьтэа шьны, аныхэара картдоит. Ашэарыцаацэагы ус ауп – Ашьха анцэахэы «зыцсра ааз» агэи агэатцэеи ирбаны, ма, хамтак ахасаб ала, еиха илацш иташэа-ша хаҕкьакьак кызатэык-хызатэык инькэцаны, рыоныка илбаауеит.

Адгьылинцэахэқэа рпантеон аҕы амчду змоу пантеонуп Абнанцэахэгы дызхагылоу апантеон. Абнанцэахэы геи-шьхеи рыбжьара иамоу абна зеггы дахылацшуеит. Абнаҕы ишэары-цо иоума, абна илахаз иоума, дызустазаалакь, Абнанцэахэы диашьапкует лыпхала ионыка дхынхэразы, аҕацахьа икэитцар-гы ауеит. Избанзар, абна ианакэызаалакьгы ишэартоуп.

Абнанцэахэы апхацаа имоуп, урт Анцэа идхэылазом, ауаа ирцырхагоуп азы. Урт ауааы абна дылан дырбар, ижэлоит, да-гырфоит, раб дырнымиар. Уиазоуп лассы-лассы Афы урт ама-цэыс зрылаитцо, аха дара рҕырзоит, егызхарам ашэапацьац амца ркуеит. Дац-пашэла ари амиф аполидемонизм иеиуоуп.

Абнаршэыра дылоуп иара убас Абнауы. Абнауы амч чыда илоуп, дыгэгэоуп, илеишэа баапсуп, ауы дишьыр илшоит. Аха Абнанцэахэы, игэацхар, абна илахаз ауаы деибга-деизыда абна дылигоит.

Ауы ибазараеы даара кры зцазкуа пантеонуп Арахэаазаратэ нхамса апантеон. Арахэаазаратэ пантеон дахылапшуеит Аитар, еихаракгы аеааа дгыылкэа ирыкэынхо ауаапсыра рдинтэ бзазараеы. Ари апантеон аумак ахытуам, ашьапы акит ауаы арахэаазара напы анаиркынахыс, «анеолиттэ револиуция» аан. Ацхьацэкьа Аитар ихала дцэырцит, аха аамта кыр ианааскьа, быжьхафьк иоуит: Цьабран, Жэабран, Ёышьашьана, Хэарах, Лышькьынтыр, Цабах, Анана-гэында. Амала, Анана-гэында ицегь заа, амазеиеизгара аамтазы, дцэырцхьан, зегьы дреихабуп, аха дшааиуаз, ауаы инхамса антэшэантэала, арахэаазара апантеон ахь дианагеит.

Торыхла Аитар ажэытэ Азиамач иашьагэытыз ауапсыра рынцэахэкэа рпантеон иахагылаз Тару дидхэалазар алшоит, уи ихьз шцэажэо ала мацара азы акэым, мчхаралагы.

Ауаытэыса инхамсатэ тышэантэалара анааи аамтазы ишьақэгылаз аоуп иара убас адгыылкэаарыхратэ пантеонгы.

Адгыкэаарыхратэ пантеон иахылапшуа дыпцхэысуп, уи Цаца лоуп. Цаца хэык апхацэа лымоуп: Анаца-нага, Сау-нау, Кэыкэын, Ерыш, Нар. Урт лара ильцхыраацэоуп, напынцак-напынцак рымоуп.

Адгылынцэахэкэа рпантеон аеы атыц чыда аанылкылоит, насгы дзатэуп,

Ажьахара – аонытэ хэыштарей атаацэаратэ бзазарей, ажьрацэарей рынцэхэпцхэыс.

Адгылацатэ нцэахэкэа рпантеон. Адгыыл аца икоу анцэахэкэа хыс дрымоуп Ацах. Адгыыл аца лашьцароуп. Иара иоуп атх ахас иамоу, ихьзгы уиоуп изыдхэалоу: атх / атцх. Атцх ипантеон датэуп Ацсцэаха – зыпстазаара иалцхьоу ауаа, ацсцэа рынцэахэы, Ацах итэуп аостаа, агызмал, ацэа анцэахэпцхэыс Цэыблакы, иара убас Атыо, Агэылшьап, Амац, ухэа, ауаы антиподкэас имоу зегьы.

Адгъылацатә пантеон иадхәалоуп **амшынтә пантеон**. Амшынхэынтқар Қайт ихэынтқарра ауразоуроу ахыкоу амшын ацаҕоуп, уакоуп иахыгылоу дзыоноу атәцабаашгы. Қайт гәымбыльцбарак иоуп, игәампқар, амшын ырцәкәы-рпаны, амшын иху зеггы зааиркәылоит – гбаз, праз, нышыз, атахызар. Уи атәоуп иахәо аганыхәа: Аитных-агных.

Хазы икоуп **Зақкәажә лпатеон**, аха амшынхэынтқарра иалахәуп. Зақкәажә амшынхэынқар ипшәмапқәыс лоуп. Зақкәажә лахтынра азиас ду иамоу азымжкәа руакаҕы икоуп. Агахи Зақкәажәи апхацәа рымоуп. Насгы ирацәаоуп, тәа рымазам дара. Урт зеггы хызыкоуп ирымоу – Зызлан. Зызлан дызмоу азиаскәеи акәарақәеи, азыхкәеи атицәчәеи роуп. Зақкәажә тынч икоу, ауаа ирцырхагам азәы лоуп, Зызлан лпан баапсуп, дшәартоуп.

Ишаабо еипш, апсуа нацәахәкәа рпантеон злашьакәгылоу ах-пантеонкгы рыоныцқа мыхақыла еипш, функционалгы еипцоу апантеон хәыцкәа кыр ыкоуп. Хазы-хазы урт рзаатгы-лара атахуп, аха абра саангылоит. Анцәа ихәар, урт хрыла-цәажәап аеазны.

22. 03. 2018.

ВОПРОСЫ БЫТОВОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ: СТРУКТУРНЫЙ АСПЕКТ

1. Хозяйственный быт

Земледелие. Доминирование основных занятий абхазов – земледелия и скотоводства – находится в прямой зависимости от вертикальной зональности Абхазии. Земледелие – *ад-гьылқәаарыхра*, превалирует в низменно-холмистых районах, а скотоводство – *арахәаазара* – в предгорных и горных.

В древности важнейшими злаковыми культурами абхазских земледельцев являлись две разновидности проса – *ашырз* и *ахьырз*, и пшеница – *ачакакал*, следы которых наблюдаются с мезолита и неолита («Соловьев, 1961: 194; Хоштария, 1944: 214). О важности этих культур в жизни древних абхазов говорит и богатство отраслевой лексики абхазского языка Инал-иа, 1965: 236).

Наряду с просом и пшеницей абхазы выращивали ячмень – *ачеиқәаиҕа* и овес – *ақьар*, посевы которых имели основное распространение в горных селениях страны.

В XVIII столетии в стране появляется кукуруза – *аҗи / аиықәреи*, которая постепенно вытесняет древние злаки, а с первой половины XX она становится вообще ведущей культурой пашенного земледелия. Из бобовых культур наибольшую популярность получил фасоль – *ақәыд*, появившийся одновременно с кукурузой (Чанба, 2007: 121).

Техническими культурами в древней Абхазии были лен – *ақәны* и конопля – *аныцә*, из которых крестьяне изготавливали одежду и ряд других предметов первой необходимости. В XIX веке к ним добавился и хлопок – *абымба*, служивший исключительно для личного пользования.

Для выращивания злаков абхазские крестьяне пользовались переложной системой земледелия, но после реформы (1870) они стали ограничиваться несколько меньшими размерами площадей, правда, широко применяя органические удобрения.

Непосредственными орудиями производства абхазских земледельцев являлись и являются топор – *аиха* и цалда – *аигъишә*. С помощью первого они валят лес, строят жилища из дерева, изготавливают всевозможные предметы быта. Второе, в силу своего клювовидного конца лезвия, применяется при расчистке участка из-под кустарников, лиан и колючек.

«Аиха» свидетельствует о том, что данное орудие имело применение в хозяйственном быту абхазов еще до возникновения металла, поскольку и у топора и у железа одна и та же основа «х».

Земледельцы пользовались также вилами с двумя развилинами в конце – *ацъгаранат*, крючком – *айџахә*, граблей – *ахәхәага*, косой – *аебыга*, серпом – *амагана*. А пахотным орудием служила рала легкого типа – *ацәматәа*, превратившаяся, затем, в плуг.

Исконность терминологического материала – яркое подтверждение самобытности развития земледелия у далеких предков абхазского народа.

Наиболее любимым занятием абхазских земледельцев является виноградарство – *азахәаазара*, считающееся созданием богов. И, действительно, история его развития неразрывно связано с историей самого народа (Бигуаа, 2007: 130). И Абхазия признана одним из очагов возникновения виноградной лозы – *азахәа* (Колоковский, 1958; Рухадзе и др, 1964). Начало культивирования лозы на абхазской земле восходит к бронзовому веку. Уже в XIX в. Абхазия представляла собой «сплошной виноградный сад» (Пушкарев, 1852; Торнау, 1864). Однако распространившиеся скоро после этого грибковые заболевания уничтожили большинство сортов абхазского винограда. Сохранившиеся сорта дошли вплоть до наших дней. Это черные – *акачыч*, *айфысыжь*, *ахәыхәыжь*, *аеқыкажь*, *апапыжь*; розовые – *амлахә*, *ажьаңиш*; белые – *ажьыххатә*, *атъырқәажь*, *татлыжь*, *ауасырхәа* (Бжаняня, 1973: 184; Инал-ипа, 1965: 346-246; Чанба, 1977; Чамагуа, 1968: 120-140).

О месте винограда в бытовой жизни абхазов говорит та же отраслевая лексика абхазского языка, насчитывающая свыше двухсот терминов. Даже один из осенних месяцев, ноябрь, называется «месяц сбора винограда» – *жьџаарамза*.

Этнологический интерес представляет также и название вина – *аюы* – «мешанное». Оно соответствует конечному итогу процесса перемешивания мезги и напоминает известный обычай народов античного мира, с которыми древние абхазы находились в тесных культурных связях, разбавлять вино водой перед употреблением.

В прошлом абхазские вина успешно конкурировали с лучшими крымскими, молдавскими и французскими винами. И в настоящее время *Лыхны*, *Апсны*, *Ачандара*, *Анакопия*, *Псоу*, *Амра* и другие вина, выпускаемые в Абхазии, завоевывают золотые и серебряные медали на международных дегустациях и пользуются широкой известностью за пределами страны (Бигуаа, 2007: 138-140).

Вообще абхазские сады – *ашдыртра* / *абачча* являлись предметом восхищения для путешественников, миссионеров и ученых. В специальной литературе Абхазия значится как «родина европейского садоводства» (Вавилов, 1987: 261). Плодовыми садами были богаты не только прибрежные земли Абхазии, но и горные (Брун, 1876; Броневский, 1823: 327; Торнау, 1864: 51). При этом отмечалось, что абхазы пользовались не просто дарами природы, но и искусством прививки – *аихащара*, без которого немислимо культурное садоводство.

Абхазия была богата множеством сортов яблони, среди которых выделялось «зимнее яблоко» – *азынџа*, более известное за пределами страны как «абхазское» или «железное». Множеством сортов и сочностью характеризовались также груша – *аха*, инжир – *алаха*, персик – *атама*, айва – *абиа*, шелковица – *амжэа*, черешня – *аца*, вишня – *ашымха*, слива – *абхэа*, алыча – *ахэаса*, грецкий орех – *ара*, мелкий орех – *араса*, германская мушмала – *абачэ*, каштан – *ахьа*.

А современный сад абхазского крестьянина не мыслим и без citrusовых насаждений – мандаринов, лимонов и апельсинов, появившихся на рубеже XIX–XX вв. Новшествами являются деревья из семейства миртовых и актинидий – фейхоа и киви.

В традиционное занятие абхазских земледельцев входит также огородничество – *аутракайара*, которое имеет важное хозяйственное значение и в настоящее время. Трудно себе представить абхазский огород без пряных травянистых растений – *аххыла*: кориандра – *ахэыхэа*, петрушки – *амакьындол*, укропа – *акама*, чеснока – *аеыш*, лука – *ацьымышы*, горького перца – *апырпыл*, кольраби – *ахэыл* и т.п. В нем встречаются еще и картофель, и огурцы, и помидоры и прочие овощи, получившие распространение в результате контактов с русскими переселенцами. Абхазский огород богат также бахчевой культурой: тыквой – *акаб*, арбузом – *акырпыжэ* и дыней – *ашьынка*.

Характерной особенностью абхазских огородов была и есть «поразительная чистота и опрятность» (Подгурский, 1907: 125; Чанба, 1977: 49).

б) Скотоводство. Удельный весь и характер скотоводческого хозяйства абхазов, как и земледельческого, находился и находится до сих пор в зависимости от природных условий места обитания. Если в густонаселенной низменности доминирует крупный рогатый скот – *ашьамака* – коровы и буйволы, то в богатых широколиственными лесами и кустарниками предгорных и горных селениях – мелкий – *аңса-са*, представляющий коз и овец. Последние теперь разводят мало. И тот, и другой вид домашнего скота – источник мясомолочных продуктов. Главной кормовой базой служат субальпийские и альпийские пастбища (Инал-ипа, 1965: 218). В прошлые времена именно в предгорных и горных селениях встречались крупные скотоводы, которые, как о них говорят, «взрачивали тысячу голов, сто отпускали в лес» – *зкьы ааза-*

ны шэжы абна иларџон, как бы в задабривание духов вне дома, прежде всего божества гор – *ашьха аңцъахэы* (Инал-ипа, 218). Напротив мелкие скотохозяева прибрежных районов отгоняли свои стада лишь от случая к случаю.

И что интересно, абхазская порода коров и коз низкорослая, но выносливая и хорошо приспособлена к условиям горного рельефа. И, самое главное, они дают исключительно жирное молоко.

Из всех видов скота всеобщим почетом и любовью пользуется лошадь, испокон веков служащий для верховой езды. В фольклоре лошадь – верный, надежный друг героя, ибо «в его жилах течет человеческая кровь». Вьючными животными были мулы и ослы. Мулы используются в качестве средства передвижения в пределах своей общины, ни более того. Езда на осла исключается – понятие «садиться на осла» и «позор» – синонимичны.

Вообще, по мнению абхазов, «домашний скот – это существенный рычаг жизни человека, кормитель, хранитель и взраститель его» (Инал-ипа, 207. Там же). Не случайно, конечно, что каждый вид скота имеет своего покровителя, в честь которого ежегодно в установленное для этого времени проводят обрядовое моление.

в) Пчеловодство. В Абхазии имеются необходимые условия для развития пчеловодства – *ашьхымзаазара*. О том, что оно играло важную роль в народном хозяйстве страны, отмечали еще античные авторы (Ксенофонт, 1951. Цит. по Инал-ипа, 1965: 193). А во второй половине XIX – нач. XX вв. пчеловодством было занято почти все абхазское население (Пахомов, Цит. по Инал-ипа, 1965: 193). Причем слава об абхазской пчеле, как пчеле, имеющей длинный хоботок и сильные крылья, благодаря которым она работает в большом радиусе действия и достает нектар из всей глубины цветка, разнеслась по всему миру (Ионов, 1927: 31-32. Цит. по Инал-ипа, 1965). И абхазский мед, считавшийся «редкост-

ным» товаром, экспортировался в страны средиземноморья. А наличие в абхазском политеистическом мире богини пчел и пчеловодческого хозяйства – лишнее свидетельство о значительности данной отрасли хозяйства в укладе жизни абхазов.

г) Охота. Не говоря уже о древнем периоде времени, на рубеже XIX–XX вв. в хозяйственной бытовой культуре абхазов не последнюю роль играла также охота – *ашаарыцара*. Мясо дичи служило превосходной пищей, шкура – подстилкой, накидкой, зачастую и предметом обмена и торговли, особенно куньи меха.

Абхазские охотники занимались еще и реализацией оленьих рогов – *абнацэтэыџа*. А из турьих рогов изготавливали *аџаџхь*, с которых пили вино. Они служили еще и своеобразным украшением стен жилых построек, являясь свидетельством того, что хозяин дома отличный стрелок и бесстрашный охотник. Популярной, хотя и небезопасной считается также охота на серн и косуль, обитающих в скалистых вершинах гор.

Важность охотничьего занятия в бытовой действительности абхазов как нельзя лучше иллюстрирует еще и тайный «лесной язык» – *абна бызшэа*, функциональность которого заключается во введении зверей в заблуждение, притуплении их бдительности, т.к. «они понимают по-абхазски» Хеция, 2007: 151-153). Естественно, важнейшее место в представлении охотников занимает божество охоты и диких зверей. Более того существует одноименная песня, которая исполняется охотниками каждый раз, когда падает убитая дичь (Акаба, 2007: 359).

В абхазской народной поэзии охотник – и воин, защитник родины, естественно, поэтому имеются и героические песни, которые посвятил ему народ (напр., «Аатаа Беслан», Химыч-охотник» Иуа Когониа).

Литература:

Бжания, 1973 – Бжания Ц.Н. Из истории хозяйства и культуры абхазов. Сух., 1973.

Бигуаа, 2007 Бигуаа В.Л. Виноградарство // Абхазы. М., Наука, 2007.

Броневский, 1823 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М. 1823.

Брун, 1876 – Брун Ф. Путешествия турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // Записки Императорского Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1876.

Вавилов Н.И. Избранные статьи и выступления. М. Падгурский, 1907 –

Инал-ипа, 1965 – Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сух., 1965.

Колоковский, 1958 – Колоковский А.А. Первое дополнение Дуабской полиоценовой флоре // Труды Сухумского ботанического сада. Сух., 1958.

Ксенофонт. Анабасис. М.-Л., 1951.

Ионов, 1927 – Ионов П. Абхазские пчелы в Баш. республике // Пчеловодный мир. 1927.

Пахомов, 1868 – Пахомовы А.В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // Записки кавказского общества сельского хозяйства. Тифлис, 1868.

Подгурский, 1887 – Падгурский П.И. Лыхнынские огурцы // Черноморское сельское хозяйство. ЧСХ, 1909. № 5-6.

Пушкарев, 1852 – Пушкарев С.О. О виноградниках и виноделии в Абхазии // ЗКОСК. 1852.

Рухадзе, 1064 – Рухадзе Л.П., Соловьев Б.Л. Бжания, 1973 – Из истории Голоценовая флора погребальных торфяников. Сух., 1964.

Соловьев, 1961 – Соловьев Л.Н. Об итогах археологических раскопок в гроте Хупынипшахва в 1960 году // Труды АБИЯЛИ. Т. XXXII.

Торнай, 1864 – Тонай Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М., 1864.

Хеция, 2007 – Хеция А.Д. Охота // Абхазы. М.: Наука. 2007.
Акаба, 2007 – Акаба Л. Х. Традиционные религиозные представления // Абхазы. М.: Наука, 2007.

Хоштария, 1944 – Хоштария Н. Диха-Гудзба – древнее поселение Колхидской низменности // Сообщение АН ГССР. Тб., 1944.

2. Материальный быт

Жилище. Основными факторами, определяющими материальный быт народа, являются экологические условия места его обитания. Вместе с тем, материальный быт – наглядный показатель творчества народа, особенности его вкуса и эстетического предпочтения.

В предгорных и, тем более, в горных районах Абхазии преобладает разбросанный или усадебный тип поселения. В равнинах, особенно в приморской полосе, оно более упорядочено. Основной ориентир – дорога, к которой лицом обращены дома, хотя не исключается и предпочтение южной стороны. С развитием современной коммуникационной системы не редкостью стала здесь и уличная планировка. Жилой дом – *аоны* располагается в глубине обширного двора – *аиша*, огороженного от других частей усадьбы. Ограды бывали разные: чаштоколы, обрешеточные и пр., а в горных селах – и каменные. В настоящее время двор обносят преимущественно металлической сеткой, растягивающейся между железобетонными столбами. Ворота – *агэаишэ* делали из дубовых и каштановых жердей, теперь ставят металлические. Во дворе красуется большое тенистое дерево, обычно лавровишня, граб, грецкий орех, под которым в жаркие, солнечные дни хозяева проводят значительную часть свободного времени. Двор, независимо от времени года, покрыт зеленой травкой. Важная его функция состоит в том, что во время радостных и горестных событий в семье в нем происходят соответствующие ритуальные

действия с участием многочисленных гостей, которые нередко сопровождаются джигитовкой – *аеырхэмарра*.

Усадьба имеет и ряд других отделений: скотный двор – *арахэггара*, огород – *аутра*, пашня – *амхырҭа*, сад – *ашэыртра*, виноградник – *азахьэтра*, пасека – *ашьхымзатра*.

В силу обилия разнообразных лесов в стране, раньше основным строительным материалом служил дерево: каштан, дуб и др., отличавшиеся наибольшей плотностью.

Строительное искусство абхазов представлено и каменным зодчеством – *абаа*. Каменные дома – *ахахэтэ* юны – имелись у многих представителей привилегированного сословия, но они служили больше в качестве защиты, чем жилья²³. Могушественные замки и крепости – *абааиш*, христианские культовые сооружения – *аныхабаа*, встречающиеся и в настоящее время чуть ли ни в каждом селении, сделаны из булыжника.

Абхазские традиционные жилища весьма разнообразны. Почти до середины XX в. господствовали два вида строений: плетеный и дощатый. И по форме все они делились также на две группы: круглую – *аонхыргьежъаа*, прямоугольную – *аонҭшьаркца*. Наибольшей архаичностью отличается *ақәацә* – круглая плетенка из рододендрона, с земляным полом, с конусообразной крышей. Второй вид из плетеных жилищ – прямоугольный, в плане сооружения. И прямоугольные плетеные жилища встречались в двух типах – *абыцатзы* и *аҭацха*, названия которых связано с прутьями. В отличие от первого типа, стенные колья которого вбивались в землю, прямоугольное жилище имело уже основание из долговечной древесины: тиса или дуба. Более того *апацха* могла иметь два или даже три камеры – *аҭы*, а также навес – *абарҭа*, подпиравшийся двумя или четырьмя столбами – *абакә*, в зависимости от размеров строения. На передней стене *апацхи* на высоте человеческого роста имелось «дверце для головы» – *ахыиә*. *Апацха*, как и все другие плетеные жилища, покрывалась многолетними травами, главным образом из семейства осоковых растений – *аисыр*

В центре любого плетеного жилища, несколько ближе к задней двери, располагался открытый очаг – *ахэышџаара*. Над очагом свешивались надочажная цепь – *архнышьна*, одновременно игравшая роль домашней святыни, всевозможные деревянные раздвижки и подсвечники. Здесь семья готовила и принимала пищу, поэтому данное жилище называлось еще «местом обслуживания» – *амайџурџа*, в соответствии с ее функциональной значимостью.

Обычно в амацурте жили глава семьи и его супруга. Поэтому на стенах помещения постоянно висело оружие – и холодное, и огнестрельное.

Рядом с амацурта, стояло другое, более совершенное и просторное четырехугольное жилище, назначавшееся исключительно «для прихода гостей» – *асасааирџа*.

Третий тип четырехугольного плетеного жилища – «удлинённый в бок дом» – *аганџны*. В силу своего плана строения, оно имело много комнат без сообщений между собой. Двери всех комнат выходили под длинный на всю ширину жилища навес. В них жили нуклеарные подразделения большой семьи.

Следующим видом традиционного абхазского жилища был дощатый – *аџэтэыюны*, стоявший на сваях. Как правило, его четырехскатная крыша крылась дранью. Поскольку самое просторное и светлое переднее помещение данного жилища взяло на себя функцию гостиной, оно переняло и ее название, остальные служили для молодых членов семьи в качестве спальни. Для утепления зажиточные хозяева проводили обивку внешней стороны стен жилища тонкими фальцованными досками. И окна в них делались уже обычные, двустворчатые. Его важнейшим органическим элементом был широкий балкон – *абарџа*, тянувшийся на весь фасад, являясь как бы звеном, связующим его с окружающей природой, прежде всего двором. Балкон опирался на четыре-восемь колонн, которые соединялись перилами – *абыркџыл* – и ажурными тимпанами – *аџарџь*. К балкону плотно примыкала лестница – *амарџуан* с одним или двумя марша-

ми, в зависимости от высоты столбов, на которых стоял дом. И лестница снабжался такими же перилами и тампонами, как и балкон в целом. Непременной принадлежностью такого дома был камин – *ауацьяк* с широкой открытой топкой – *афы*.

Особенностью ансамбля абхазских жилых построек было соединение *амацурта* и *асасаирта* крытым переходом – *аиҭаҭшьра*.

В отличие от сугубо традиционного, современный абхазский двухэтажный дом сделан из шлакоблочного материала или кирпича. Во время его строительства традиционно особое внимание обращают на передний балкон, подвергающийся разностороннему художественному оформлению. Нижний этаж современного дома связан с повседневной жизнью семьи. Здесь располагается в основном кухня и столовая. Зал верхнего этажа служит в качестве парадного помещения, другие комнаты – спальных.

Таким образом, нижний этаж современного абхазского дома выполняет функцию амацурта, а верхний – асасаирта. Общая же площадь его в несколько раз превышает потребности семьи. Это связано с максимально развитым до сих пор обычаем гостеприимства и заботой о детях. Конечно же, не исключен и момент престижности.

В последнее время все больше проявляется тенденция возвращения к традиционному принципу домостроительства. Так, рядом с капитальным домом начали вновь строить апацха. Вернулся и аганюны, но без перегородок. Во время торжественных предприятий в его просторном помещении накрывают стол для присутствующих, в быту он используется в хозяйственных условиях.

Кровлей для современных абхазских домов служит железный лист или профнастил*.

б) **Одежда.** Специфическая черта традиционной одежды абхазов – *аҭсуамаҭәа* – глухой ворот, длинные рукава, туго перехваченный поясом стан – тождественна с одеждой гор-

ских народов Кавказа, прежде всего генетически близких адыгов.

Сырьем для изготовления одежды служили лен – *акэны*, шерсть – *аласа*, шелк – *абырфын*, позже и хлопок – *абымба*, а для обуви – *ашьайа* и головных уборов – *ахайа* – шкуры домашних и диких животных – *ацэа*.

Комплекс мужского одеяния – *ахайаматэа* прежде всего черкеска и бешмет – *акъымжэи акабеи*, под которыми одеваются рубаха – *ахарч* – и штаны – *аиқэа*. Поверх штанов натягивают суконные либо сафьяновые ноговицы – *аимсы*, плотно охватывающие икры ног.

Обувь – *ашьайа*, отличающаяся разнообразием форм и покроя, кожаная. Это, главным образом, обувь из цельной кожи и с пришитой подошвой. Представители зажиточных слоев населения носили и мягкие, изящные, сафьяновые сапоги – *асахтанмагэ*.

Акуымжвы – наиболее выразительный элемент национальной формы абхазов – относится к типу распашной верхней одежды – *хыхьтэи аматэа*. Особенность ее – цельная, зауженная по линии талии спинка, так же цельные, подрезные с боку полы. С боков от талии пришиваются по два клина. Передние полы и клинья от талии к низу делаются расклешенными. На груди акумжвы клинообразный вырез без ворота. Ниже груди до талии ее полы сходятся впритык и застегиваются на ряд плетеных из круглой тесьмы пуговиц – *ахэынйэра* – и таких же петель – *ахаңа*.

На груди акуымжвы имеются карманы – *аҳазыртра* – с мелкими отделениями для трубочек – *аҳазырқэа*, в которых хранятся готовые заряды для стрельбы из огнестрельного оружия – *ашэақь*. Газыри поворачивали белыми либо черными головками вверх, в зависимости от обстоятельства (белый цвет – символ радости, черный – печали).

Конечно же, абхазский мужской костюм не представляется без украшения – *акэынйатэы*, выступающего в данном ан-

самбле с особенностями материала, покроя, гаммы цветов и способами их ношения, тем самым служащего выражением эстетических воззрений и художественного вкуса. Особо ценятся серебряные либо костяные украшения поясов – *амака*, портупей холодного и огнестрельного оружия, главным образом кинжала и револьвера – *акама* и *атапанча*.

Головные уборы абхазов – *ахайтэты* также разнообразны. Наиболее исконные башлык – *ахтырча*, папаха – *ахылчарч*, и шапка островерхой или остроконечной формы – *ахылча*. Среди них самый распространенный и любимый – ахтырпа. Шьется он из цельного полотнища ткани, сложенного вдвое и выкроенного в форме конусообразного капюшона и двух длинных овально закругленных концов.

Существует множество способов ношения ахтырпа: на радостных событиях надевают на голову, как бы повязав им и собрав концы у левого уха, а на печальных – просто накидывают на голову с распущенными спереди лопастями. В жару его перекидывают через левое плечо, а зимой им повязывают голову, скрестив концы под подбородком и закинув их за спину.

Помимо своего главного назначения, абхазский башлык может быть применен и в качестве сумочки для сбора фруктов, перевязки ран, своеобразного наручника.

Зимой комплекс мужской одежды дополняется буркой – *ауна*, всецело приспособленный для наездничества. Не прилегая плотно к телу, сдвинутая на левое плечо, бурка как походная, военная и внушительная одежда дает возможность скрыть оружие и свободно стрелять. При внезапном нападении она может служить щитом, а при необходимости – и теплой подстилкой, надежным укрытием.

Вообще традиционная мужская одежда абхазов, впрочем, как и других аборигенных народов Кавказа, – это легкая, не стесняющая телодвижение одежда, наилучшим образом приспособленная к условиям жизни горца, одежда охотника и воина.

Традиционная одежда абхазок – *аңхәысмаҭәа* несколько разнообразна, как используемым материалом, так и покрою. Она дифференцируется также в соответствии с возрастным цензом и семейным положением той, кто ее носит.

Материалом служили в основном изделия домотканого производства из того или иного сырья.

Наиболее примечательным элементом одежды женщин-абхазок являлось платье – *аҭкы* с высоким стоячим воротником, небольшим прямым разрезом ворота, скрепленным пуговкой и втачанными прямыми рукавами, собранными у запястья в сборку на обшляжок.

Нательной считалось рубаха с цельным рукавом длиной до середины голени и небольшим выемом ворота, напоминающая тунику. В то же время она могла быть и верхней одеждой, в которой можно было выйти и за пределы усадьбы, особенно, если сверху надевался кафтанчик – безрукавка – *амаграхҭәа*.

Поясная нательная одежда – это длинные до щиколоток, слегка суженные книзу штаны. Они могли быть и шире почти как шаровары.

Верхняя одежда абхазок, называемая так же ацкы, встречается в нескольких типах. Самое массовое из них платье походит на акуымжвы. Спереди оно имеет вертикальный разрез от ворота, полы сужены к середине, в бока вставлены клинья. Праздничное платье такого типа имеет втачанные, узкие до локтя рукава, а ниже локтя шире, не зашиты и имеют трапециевидную форму.

Разнообразны и распашные отрезные в талии платья, в зависимости от формы их ворота и рукавов. В основном они плотно прилегают к телу лифом и имеют не глубокий овальный либо клинообразный вырез на груди. Разрез лифа от груди до талии застегиваются металлическими, обычно серебряными или позолоченными, застежками. От талии вниз платье ниспадает широкими фалдами. Рукав втачанный, длинный, расширенный книзу с разрезом до локтя.

Выходная обувь абхазок представляла чуваки из сафьяна – *ажэцэеимаа*, верх которых цельный, шов проходит от носка посередине подошвы и вдоль пятки. Далее – постолы и сапожки, а также обувь на деревянной подошве. Это *акармыгэ* и *акаҭкаҭ*. Первая с небольшим каблучком, вторая – на двух расширенных книзу дощечках – подставках, а верхом из твердой кожи.

Женский головной убор состоит из разнообразных по величине платков – *акасы*. Без них абхазка не могла явиться вне дома, в особенности, замужняя.

Цвет одежды абхазов и абхазок в одинаковой мере определяется, как уже отмечалось выше, возрастом и обстоятельством. Светлые цвета предназначались молодым людям, темные – людям преклонного возраста. Более того, цветом одежды человека безошибочно можно определить и характер предприятия, куда направляется он.

В отличие от мужской одежды, демонстрирующей силу горца, одежда абхазок подчеркивает нежность и пластичность женского тела.

Не смотря на иерархичность традиционного абхазского общества, абхазская национальная одежда едина для всех. Разница лишь в качестве материала и степени украшений. Наглядное подтверждение тому – длина акумжвы: у крестьян – по колено, у князей и дворян – до середины голени.

Современное одяение абхазов и абхазок европеизировано. И лишь в среде старшего поколения сохраняются отдельные элементы традиционного костюма: папаха, башлык, пояс, штаны-галифе, узкие кавказские сапоги, бурка, в соответствии с привычными способами их ношения. В большей мере сохранение национальной одежды, главным образом мужской, характерно в качестве праздничного костюма. А в целом она является теперь сценической.

в) Пицца. Традиционная пицца абхазского народа – самая устойчивая сторона его жизнеобеспечивающей системы.

Независимо от социальной принадлежности, в любой абхазской семье предпочитается основной комплекс национальной еды – *афатъ*, состоящей из двух категорий: *агыыхъ* – «центральной доли» и *ацыфа* – «той, что с нею едят». Блюда первой категории растительного происхождения, среди которых повседневной является *абыста* – крутая каша из кукурузной муки – растительного происхождения. До распространения кукурузы абысту варили из *ашырз* и *ахэырз* – разновидностей пшена, а блюда другой категории – животноводческого происхождения и, отчасти, плодоовощного.

К категории «центральной доли» относятся также разнообразные чуреки, пироги, вареники: *амггал*, *ачашэ*, *ачааҭа* и т.д. и т.п.

Амггал – выпеченное на сковороде тесто круговой формы из смеси пшеничной и кукурузной муки преимущественно на сыворотке, начиненное ломтиками сыра или без них.

Ачашв – выпеченное слоеное тесто, полученное в свое время в процессе крутого смешения пшеничной муки, кисло-го молока, желтков яйца, начиненное кисломолочным сыром.

Ачаатша – вареники с сыром, имеющие разнообразную форму: обычно, солнца и полумесяца.

Далее: *аилацъ* «(иладж) – легко подсоленная однородная масса абысты и кисломолочного сыра; *ачамықәа* (ачамыква) – абыста, варенная в легко подсолённом молоке, в которую расплавлены куски выдержанного сыра.

И простое перечисление названия блюд из серии *агуыхэ* может занять значительное место в работе. Их можно употреблять вместе с молоком, кислым молоком, медом – без них тоже.

В силу того, что абыста пресная, подавляющее большинство ацыфа, разделяющаяся так же на несколько групп и подгрупп, отличается чрезвычайной остротой – *аҭаара*.

К группе асаара относится, прежде всего, *акэыд* или *акэыдршышы* – варенная тщательно размешанная фасоль,

заправленная небезызвестной абхазской аджикой (*ацъыка*) – острой и жгучей массы наподобие своеобразной пасты из соли, кавказского перца, кориандра, чеснока, ореха и ряда других пряностей, пропущенных через терку в определенной пропорциональности. Перед употреблением акуд заправляют еще мелко разрезанной зеленью: луком, кориандром, чесноком, сельдереем. Имеется еще ряд разновидностей атсаара из фасоли, среди которых наибольшей популярностью пользуется *а́кэдыдеильрышэиэа*. Это сваренная цельная фасоль более крупного сорта, отделенная от жидкости, перемешанная с однородной массой из аджики, мелко разрезанного лука, зелени и гранатового сока.

Следующие: *ахэылчаца*, *апырчманчаца*, *ахэацчаца*, т.е. салаты – *ачаца*.

Ахулчапа представляет собой разрезанные на мелкие кусочки остро соленного кольраби, заправленные растертым орехом и пропитанные маслом того же ореха – *арашы*. Апырчманчапа изготавливают из молодых побегов сассапарилия, которые варят, затем растирают вместе с орехом, аджикой и сочными плодами граната. Ахэацчаца готовят также из мягких листьев жгучей крапивы с орехом и аджикой.

В понятие ацаара входят еще всевозможные соузы – *ацъэицъыра* или *асызбал* – из алычи и других кисло-сладких плодов, служащие в качестве подливы, главным образом, к мясным блюдам.

Ацаара, особенно акуд, не может считаться полноценной без вспомогательных продуктов – *ахышьтэы* («те, что макают в него»). В свою очередь и ахышьтэы как подгруппа встречается в двух видах: *арцъэы* и *аиацъабгъы*. Арцвы – подсоленные кольраби, огурцы, помидоры и пр. виды овощей. Аиацъабгъы – лук, праса и пр.

Блюда из атсаара сугубо семейные, вместе с тем и постные – *ачгъахъа*, поэтому они не ставятся на праздничный стол.

Праздничная пища – это блюда из категории *ахаатвы*, в которую входит, прежде всего, мясо – *акэа* / *ажыы*. Наибо-

лее распространенное мясо – говядина, козлятина, баранина. Христиане употребляют и свинину, а мусульмане свиней не разводят даже для продажи.

Вообще абхазы употребляют мясо в основном в вареном или жареном виде. Вареное мясо едят с аджикой, жареное – с соузом из алычи – *аҳәасасызбал*. Мясной деликатес – вареная козлятина и жареный на вертеле у огня цыпленок.

Абхазы изготавливают мясо и впрок, главным образом на зиму: *ажьџаа* – копченое над открытым очагом в апацхе просоленное мясо; *акэырма* – смесь просоленных и слегка поваренных почек, легких, сердца, печени и других, тщательно промытых внутренних частей крупного рогатого скота в собственном жире, хранящаяся в глубоких глиняных сосудах; *атубар* – фарш из просоленных внутренних частей и курдючного сала барана, пропитанного толченым чесноком, завернутый в тщательно промытые кишки туго завязанный ими же так, чтобы из него получилось несколько изделий в виде колбасов, нанизанных в деревянные шампуры, при помощи которых вешают высоко над открытым очагом для копчения. Перед употреблением и то и другое поджаривают.

От случая к случаю в рацион питания абхазской семьи присутствует и рыба – *аңсыз*, но исключительно в жареном на вертеле или на сковородке у огня. А так отдельных рыбных блюд не признают. Вообще отношение абхазов к рыбе несколько избирательное. Как правило, они предпочитают речные рыбы, особенно форель – *акалмаҳа* и лосось – *амлаздыр*, отличающиеся «чистоплотностью» и особыми вкусовыми качествами. Морских рыб абхазы, брезгают, т.к., по преданию, в период Махаджирства они питались плотью и кровью померших соотечественников, которых неприятели выбрасывали за борт кораблей. К тому же рыба – пища постная.

Следующая группа блюд категории *ацыфа* – это молочные изделия – *ахшлых*, подразделяющееся также на две подгруппы: твердые – *ашә* и жидкие – *абаазатъы*.

Ашв отличается значительностью ассортимента: сычужный сыр – *ашаза*, рассольный сыр – *ашэтазыла*, сыр-сулугун – *ашэилайа*, копченый сулугун – *ашэырфа* и др.

К абаадзатвы относятся: собственно сырое молоко – *ашаза*, кипяченое молоко – *ахшыршы*, кислое молоко или простокваша – *ахарйды*.

Между ашв и абаадзатвы находится *ачафыр* – своеобразная просоленная сметана, изготовленная в бурдюке путем систематического и тщательного взбалтывания смеси коровьего или буйволийного (возможно и вместе) молока, простокваши и размельченного сычужного сыра в определенных долях, употребляющаяся обычно зимой, когда сокращается надой молока. К такому роду относится и *ахача* – творожная масса, полученная в результате вторичной обработки сыворотки, остающейся после снятия сычужного сыра. Употребляется после заправки ее аджикой и мятой.

Элементы *абаадзатвы* пользуются особым спросом в семейном рационе как необходимые питательные вещества, особенно для детей и людей преклонного возраста.

Современная абхазская кухня пополнилась рядом привозных продуктов питания: сахаром, макаронами и пр. изделиями фабричного производства.

В питании абхазов не последнее место занимают фрукты – *ашыр*, употребляющиеся как правило в свежем виде. А из отдельных плодов получают разнообразные изготовления, служащие в зимний период времени несравненным лакомством – *ахаамыхаа*: ацынцыхэа – сушеные низки долек ореха в виноградном желе, алахарфа – сушенное инжировое желе, ацэарфа – сушеные кусочки яблока, нанизанные подряд на нитки и др., которые в совокупности называются *ажжыла* (закуска).

В системе питания особое место занимают напитки – *арыжэтэ*, среди которых по праву выделяется вино – *авы*, не только своей традиционностью, но и функциональной значи-

мости, ибо оно сохраняет до сих пор статус «божественного происхождения» – *анцда ишеит*. Без вина нет трапезы, независимо от ее характерной особенности.

Со времен знакомства абхазов с русскими переселенцами в стране распространилась и водка, которую варят из выжимок винограда и других фруктовых плодов. Но в религиозном поле она не получила резонанса даже до обычая произношения ею молитвенной речи.

Безалкогольными напитками считаются: настойка из виноградного сусли – *ажьырзы*, настойка из лавровишни – *ашымшаёы*, медовый напиток – *ацхазоа*, напиток, изготавливаемый путем разбавления кислого молока с холодной водой – *ахарцъызвоа* или *ахарцъыришла* и т.п. Основное назначение всех этих напитков – утоление жажды.

Этническая специфика ощущается и в построении меню, которые зависят от характера стола и времени дня и года.

Как правило, семейная трапеза начинается от острого блюда любого происхождения и заканчивается молочными. Причем, и при приеме последних соблюдается очередность: сперва твердая или полутвердая масса, затем – жидкость.

Ставить на праздничный стол, в том числе гостевой, блюда из бобов не принято, ибо они считаются постными. Не подаются также и молочные жидкости, особенно мужчинам, поскольку они ассоциируются с детским питанием.

Питание находится в прямой зависимости от сезона. Традиционно летними продуктами являются молочные, среди которых особое место занимает «кислое молоко» – *ахарцъы*. Оно походит на простоквашу, но круче её, и жирнее. Мясо употребляют от случая к случаю, в основном в вареном виде. Исключение – курятина, которую жарят на вертеле. Зимними блюдами являются, прежде всего, острые, в том числе, копченое мясо и всевозможные мясные изделия впрок, а также копченый сыр, которым запасаются осенью, когда молоко в избытке.

Кратность приема пищи – три раза в день. Утренняя еда ограничивается легкой теплой закуской, включающей в себя преимущественно молочные продукты, с чуреком. С превращением Абхазии в чаеводческую страну, в абхазскую кухню вошла культура чаепития, но до сих пор не очень вписывается в систему традиционных напитков. В особенный рацион питания входят острые плотные блюда как растительного, так и животноводческого происхождения, конечно же, в сочетании с горячей *абыстой*. На ужин предпочитают те же молочные продукты вместе с всякого рода хлебными изделиями***.

Примечание:

*В параграфе «Жилище» широко используется соответствующие главы работ Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии (19690, Инал-ипа Ш.Д. Абхазы 1965), Бигуаа В.Л. Жизнеобеспечивающая система у абхазов: этническая специфика и современная действительность (2000).

** В параграфе «Одежда» широко использована работа Малиа Е.М. Одежда // Одежда и жилище абхазов. Тб., Мецниереба, 1982; Бигуаа В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., Мецниереба, 1983; его же «Жизнеобеспечивающая система... (2000).

*** В параграфе «Пища» широко использованы работы: Инал-ипа. Абхазы, 1965; Гарджман-ипа Г.Г. Абхазская кухня. Сухум, 1989; её же «Пища» // Абхазы. М., Наука. 2007; Бигуаа В.Л. Жизнеобеспечивающая система... (2000).

P. S. Статья написана в качестве материала для планируемой монографии «Апсуара».

АЦӘГЪЕИ АБЗИЕИ: АТРАДИЦИЕИ ХАЗТАГЫЛОУ ААМҢЕИ

Ацсуара асистемаҕы ацәгъеи абзиеи рымҕахак кыр итбаауп, урт ирытцаркуеит ауаатҕыһса рыцстазаараҕы, изынио амомент хадақәа зегъы. Ацәгъа ацстбара иатәуп – апсра, ацсхәра, абзиа – агәырғъара. Гәырғъароуп ацеи иира, атаацәаралалара, ачара.

Атаацәаралалашьатә цасқәа. Ачара

Ацсуа етнологиа иадыруеит ацсуаа рыбзазараҕы ишыкоу атаацәаралалашьатә формақәа хпа: амтцарсра, мазала, аргамма. Иарбан формазаалакҕы, атаацәаралалара згәы итазкыз арпызба ишьаҕа еихигоит апхәызба лбарала. Иара еипш, аинциатива арпызба иһызак, ма ус итаһык итәызарҕы ауеит. Уимоу дзыркаауа арпызба иани-иаби анракәугъы ыкоуп, цъара дырбаны, мамзарҕы лыбзарзы раҳаны рычкәын изы дыргәацхазар.

Арпызба игәацхаз апхәызба дымтцаирсуан мап аницәылклак ашьтахь, усқан уи мчылатцәкәа дигон, ега лыгелырххарҕы, ега дыхәхәарҕы – ихала, ма иһызцәақәак ицырхырааны.

Апхәызба лымтцарсшьа иақәымшәаз, мамзарҕы лтаацәа ихъзаны дызмырхыз арпызба, хьымзгы игеит, хәа иазырыцхьазон. Убри акнытә, иһныка дигомызт, даашьтцааны кыр зылшоз, ахыцша змаз итаһык, ма ианшьа иахь дигон. Аиахәшьаца изы аншьа иһны баагәаран. Уи ибзианы идыруан, иатаххар, ианшьа иара изы ашьа шкеитәоз.

Аноума – ароума, дахьнеилакҕы, ацшәма илшо аказы даагыломызт аус арцәаразы. Иашта итанагалаз апхәызба ауаа лзынашьтны, илымур ихатаҕы дзыһнагылаз луада дныһналаны аҕа лирхәон: аихабыреитцбыра акры ацанакуеит. Нас игәыла-изла, дызланхо иуаажәлар рыһныцка икоу ауаанагақәа иманы апхәызба лаб дитаауан, иазааигон. Лара апхәызба лхатаҕы, уаһык иадамхарҕы арпызбеи лареи уадак аҕы

гыланы, ахтэы мацэазкэа. Убринахыс арпызбеи апхэызбеи *амаҳеи атацеи* рыхъзуп.

Ажэытэ ахатца пхэыс дхэаны даниртэоз ауха, ацара иҕеа-назикуаз аамтазы, ихазыртра хазырк аатыганы лапхъа ика-иршэуан. Уи *ахкаршэра* ахъзын. Аҕаархэра калашъа змамыз усын, асганк рыбжьара ашъа катэар алшон.

Ашъа акэын символс иамаз ари ақбабзггы. Ахкаршэра иахъа икам, изакэуггы рыздырам, аха ажэеилагара азэггы иа-нарыжъуам, атызшэа канатоит.

Ажэытэ пхэыс дхэаны дзыртэаз ахатца, мчыбжьык ма оым-чыбжьа антцлакь, апхэызба лцэаматэа итиуан, итиуан лани-лаби, лашыцэа-лахэшъцэа ухэа лыуа-лтынха рыхъзала ахамтақэа рацэаны. Урт зеггы аидкыланы ачма рыхъзын. Азныказы уи *калым* угэаланаршэоит, аха апсуаа калым закэуггы рыздырамызт. Уимоу, ачма ааста апхэызба лтаацэа илыщырцоз леихрацага, заца еитамхарыз, еихаггы акэырхарцъуан. Арт ас-институткгы иахъаггы амч рымоуп, атаацэалаларатэ қбабз иацуп, аха уаанза ааста, урт кыр имариахеит – ашэцатэи-ашъацатэи, арахэтиаан, асныматэеи рхатыпан ацареи ахтэы хамтақэеи калеит.

Аргам хэа изышьтоу атаацэалаларатэ форма иацанакуеит иара убас «агараҕакэара».

Агэыпхэы иацымтыц азгабхэычы дызмоу атаацэа рыуара згэапхаз ахатца иахэызбалала лгара ахцара аницон, лара илыкэлоу ичкэын изы. Уинахыс азгабхэычы дынкыланы дыкан, «дхэаны дтэан» – дандухалакь дхэаны дзытэаз дигон. Икан атаацэара иаламлацыз арпысггы апшқа лгара аниҕакэоз. Ихазы. Хатца дцартэ дкалаанза дылзыпшуан уи, нас аргам дигон. Абракаггы атыц аман уажэраанза зызбахэ хамаз ақбабз – ахкаршэра. Амала икадыршэуамызт, агарҕ азгабхэычы лхы иацартцон.

Ачара. Ачара апсуаа рыцстазаараҕы ирбо агэыргьаратэ қбабзкэа зеггы иреихауп. Уи злеибарку акэама-цамакэа зеггы еиҕарцоуп, аки-аки еишьтагылоуп, еицхыраауеит, ихеибартэауеит, итибагоит.

Ачара аҕазыкатара иалагоит хазтагылоу аамтазгыы рнапкэа шааимырдаз еипш, цшра камтакэа, иаразнакы. Ацхэа аҕэхэара цыртэоит. Уи аганахь ала, нак-аак ажэа ирыбжьоггы, аус злоу апхэыс даазго итаацэа ирхэо ауп. Ачара зуа апшэма аҕэхэараццэарахэа иааипхэоит иуа-итынха, игэылацэа – ичара зырҕеиуа, зкэакэа икэызхуа зеггы.

Ажэытэ, ханөеижэа-цшыынөеижэа шықэса рышьтахьгыы, ачара руан тагаланшьтахь, рҕаора аныцхьарклакь, аҕамаҕа анрыларгалалакь, сабшак аҕены, уахынла. Уажэы ачараҕынлахь ииасит – ацсымыцкэыацэеи алацшцэгыацэа рыгэрагара иакэытцит, насгыы апрактика аганахьалагыы иманшэалоуп, алацш-ҕапшыы – лапшҕапшуп. Егыи, ачароура аамта, уеизгыы-уеизгыы зыны-цхны амазам.

Ажэытэ аҕацаагацэа аҕаца лаагара ицон ахэылпаз, атцмгакэа ихынхэырц азы, уажэы – шыбжьаарамцан еипш, ашыбжьышьтахь ихынхэыртэ еипш. Аҕацаагацэа ианаамтоу рыхынхэра атэы дадгылоит, аҕак кайцоит апшэма урт хыс ириҕо ахата, *аиҕабы*.

Цхэыс даазго ахата игэаратаҕы ируа ачара иадкыланы уахэапшуазар, зыцха хата дзышьтуа аҕаацэа ируа ачара ишанагара икоу чароуп, уа икоуп ачарауаа рхыцхьазара мацарала акэым, рхымөапгашьалагыы. Аҕаца лҕаацэа ргэыргьара адэахыы ицэырыргом, ирыднырцшуам. Иаалатэоумшьартэ «лылахь еикэуп» лара лхатагыы – «имариоума ани-аби рныжьра?» Аҕацеи аҕаца лҕаацэеи рыхныкэгашыа ажэытэра ианыөбжьуп, дымцамырскэа ахата цхэыс данизымгозтэи аамта. Апатрилокалтэ еизыкэзаашьакэа ршьапы ианыкэгылоз аус зуртэ иказ анапкэа зеггы иртахын, убри акнытэ, ацхэызба хаала азэы даҕазэы диитомызт.

Уаанза еипш, иахыагыы ацхэызба лаб ионы дандэылцуа аҕацаөызцэа ддэылыргоит, аҕацаөызеиҕабы ихэатэала. Аҕацаматаҕа зтоу ачамоданкэагыы дара иркуп. Аҕаца аҕацаагацэа рнапахыы дрырттом мөабжара инеиаанза, дара дыргэылакны дыргоит, аха урт ирывагыланы ицоит аҕацаөызцэа еитбацэа-

ггы, ахэса рганахь ала еихабыс ирыщуггы дналацаны. Амѳаб-жара ишынахыслакь, атаца атацаагацэа дыртэуп, урт рыгэта дыкоуп, аха атацаѳызеи ахатаѳызеи аалыщрымшэо ирыщуп. Атацаагацэа рхаѳы дгылоуп аихабы уи ишьтагылоуп кэра-ла иара иашьашэалоу ахацэа, атыхэаѳы – аитцбацэа. Еиха згэы зытасуа арпарацэа атацаагацэа инарывас-аарывасуан – «зеицш камло еггыкам». Уаанза, атацаагацэа ѳыла ианыказ «атацаагарашэа» хэо ицон, абцъар змаз аѳар анхысуаз рацэан. Ашэала урт рныкэара агэыргъара ишатэыз ддырдыруан из-лысны ицоз зеггы, хысбжыла – апсымыщкыкэа аѳ ицарцалон: хаибытоуп, шэхи халашэымгалан!»

Атацаагацэа ѳны иазааигэахо ианалагалакь, аитцбацэа рахьтэ азэы дѳарылкыаны дыѳуан, уи ишьталозггы калон, аха ихымызар, рѳызцэа рахь ихынхэуан. Арпыс ѳырххыла ата-цаагацэа ирзыпшны ашта итагылаз ачарауаа дѳарылтэрааны дышиашаз хыхь дхалон «агэыргъаѳхэаша» игон: ампахьшыы ахэымцъар ацны.

Уажэтэи атацаагацэа гэыц-гэыцла амашьыналаскэа ирта-тэаны ицоит, ашэакэак рхэозарггы, ихазхазуп, ахысра цэгъа изымбо ыказарггы рѳеаныркылоит, ианатахунза. «Ианатаху» захьзуггы атаца амахэ иашта дантаргало ауп.

Атаца ашта дантаргало аамтазы, лацхьатэкыа аѳар «ашэа-хэарей акэашарей тарцоит», агэыркыкэа уахь еихоит ачара-уаа зеггы. мацэысеимкыарацас «ачаракэашара» зырдыдуа арпызбей апхэызбей ирхыкны ахысбжыкэаггы гоит. Атаца асасааирта данхаргало аамтазы, амардуан дыкэгыланы, лан-хэа аразынпараѳырпи ахаамыхаакэеи лыкэлыцсоит. Ачкэын-цэахэыцкэа еижэыланы урт шытыркэыцэаауеит. ѳыцъа ахацэа нак-аак еиѳагыланы еиѳарыкшо акамакэа дрытцыжьюеит. Хыхь данхалалакь, ланхэа хынтэ длыкэшаны дгэыдылкы-лоит: мышракэ-цыхракэ!» Атаца абырфын-кас лхаршэуп – амалахазггы ллакта уаѳ дталырцшуам. Атаца данхаргало имѳапырго акыабз амагиатэ цакы амоуп, апараѳырп амахэѳи-аи амали ирсимволуп, акамакэа реиѳакшара ѳыстааршэагоуп,

рытцысра – рыцкыагоуп. Иахья урт уаф дрызхэыцуам, аха ақыа-бз шкыабзыз инхеит, иацсуатасуп, чарарцшзагоуп. Ирхаштит амахэи атацеи аамтала «рҕызлартцэахуаз» амхарагыы – амхара афункциа афнеихагыла ауадакэа иреигуу руакы ахахы иагеит. Ирхаштуа иалагеит «атаца афнду ахь лфогара» – атаца илыцыз ахатафыза ихарць ала икаитцоз аишэачара. Икартцозаргыы уи ҕытцгак иафызоуп – еибабагоуп, еицэажэагоуп.

Ачараф афара-ажэра цоит ашыапа ацака. Уака игылоуп аишэахэхэа дукэа. Ахатгылацэа еихабацэа ачарауаа аишэахь инарыпхьоит еихабеитцбыла еибарцшны рнапкэа анырызэзэа-лак ашытахь. Аишэа иахалоит иара убастцэкыа, еибарцшны, еихаб-еитцбыла. Аихабацэа ахахы итэоит, аитцбацэа – атыхэхэхь. Ашыапа атыхэалоуп ианытцало, излатцало. Атаца илыцу лфызцэа – асасцэатцэкыа, – реихабы рапхья днаргыланы, апшэмацэа иреиуоу, – «хар змам», – хэа изышьтоу ауаабаракэа рыгэта идыртэоит, аргъарахь ала (ашыапа атыцыртахь уфы рханы уахэапшуазар). Макьяна ацсы тоуп иара убас ачарауаа аишэа ианахатэалакь аамтазы атыц змоу ацеремониа. Ашыапеихабы ашыапа ахафынтэ ибжыы иргоит: «Иахьатэи игэыргъара иалагэыргъарц иааз асасцэа, шэхатцкы! Шэмыццакыкэа, икоу ахэычы шэхы анышэрааларц, аамта жэгарц азы ацшэма дшэыхэоит. Ажэытэ аишэа иахатэоу ркынтэ иреихабзас «анцэа улыпха хат» хэа ихэы инапы аиркаанза азэггы иҕеиртцысуамызт. Нас, – уи ишьтанеиуа, – зхэаз еипш инеибарцшааибарцшнуан: «унапы аркы, снапы аркы». Иахьягыы аихабацэа ахьеидтэалоу уи рхадырштуам, еихарак ақыта чарафы.

Иааидкылан иугозар, апсуа чара амфапгашьатэ формацэа макьяназы амчра шрымац ирымоуп, зегь рапхыаза иргыланы «аишэатэ етикет» хэа изышьтоу ахымфапгашья, асасцэеи ацшэмацэеи реибабашья, аныхэафэакэа реишьтагылашья, рынкылашья: «анцэа улыпха хат». Зеггы иреипшу, зеггы рзы ипшьоу актэи аныхэафэа анафстцэкыа ацшэма атамада ихэз ихэоит, ачарауаа зеггы уи дныхэа-ныпхьяны «абжыы иртоит».

ианцо аламталазы. Ари амиссия назыгзо ауаагы заа иалыр-хуеит – апшэмацэагы асасцэагы.

«Ачарафы апшэмацэеи асасцэеи рахатыреикэцашьатэ вариациакэа рацэоуп, зегынцъарагы еипцзам, пкарак ишыкэныкэогы. Ахатыреикэцара, хатырла аицэажэара аишэафы еихагы иаапшуеит, еихагы уафы ибартоуп. Иаахцэаны иухэозар, ачареишэа традициала еифкаау, ишыакэгылахьюо спектакльуп».

Ачара еилгеит хэа иазырыпхьазоит асасцэа апшэмацэа бзиала хэа нарахэаны аштэ ианынтыцлакь инаркны. Аха ачара уи ала ихдыркэшазом. Апшэма ачара зыреиз ихатгылацэа рыхьз ала хазы аишэачыда ирхиоит, ашьтэа шьны. Адырфеены ашьаца дырбгоит, апшэма, хэарас иатахузеи, уртгы рфы мырцысыкэа ишьтуам. Уи нахыстэи аамтэ «ачарашьтахь» хэа иашьтоуп. Ачара ашьтахьтэи аамтэ иатанакуеит: «атаца аонду лэагара» (иказцо рзы), «атаца ауацэеи атынхацэеи рахь лнагара», «амахэ иабхэараа рахь ицара» (амахэ иаашьтра»), «абхэараа раашьтра». Уртгы чароуп, гэыргьароуп, хамтагароуп-хамтагароуп». Амала урт рзы уеизгы-уеизгы фхэарак цэаны иказам, аха шака заа икарцо акара ихьзуп, даргы еиха иарманшэалоит.

Ачарашьтахьтэи акьабзкэеи атцаскэеи рынахыс еилахэ-хаз астацэарак реитанеиааира цынгыла амазам, нак-аакгы агэашэкэа аартуп.

Ацсра. Знырцэымфа икэлаз икэ-ицас

Алахьеикэцаратэ кьабзкэа апсуаа рыбазарафы зегь реиха зееикэзырхаз, аконсерватизмра злоу гануп. «Урт ирныцшуеит апцэеи абзацэеи реизыкэаашьазы апсуаа ирымоу агэаанагара». Атеория аганахь ала уахэапшуазар, апсреи апсхэруи рымэапгарафы иубоит анарцэ иазку амиф акьырсиан дин, ма апсылман дин, иафыбааны, ианаалартэ ишыакэыргылоуп. Аус злоу иара апсы ихата инцэахатцашьоуп. Иарбан динзаалакгы,

иаасуа. Ианықәтцлакь, «Сгәы иалсит!» – «Угәы иалсша анцәа иузааимггаит», хәа ацсы итынхацәа ирыдышшылоит, ахатца зхоу (ахтырца, ахылцарч, ахылца), рхатцақәа нархатцаны, рҕа-арҕеины.

Атынхацәа аоны аргъарахьтәи аганахь ала, еихабейтцбыла инеивагылоит: шака деитцбу акара дазааигәаны, шака деихабу акара – дацәыхараны.

Агәакра иакәшәаз зеггы ацсы дыртцәыуоит зеггы, хәычггы-дуггы, хацәаггы-хәсаггы, «тцасым» зыбжам рыда: ахатца ипцхәыс дитцәуом, ацхәыс ахатца, аб – ихшара. Аабыкьянза ари ацас дыкәныкәон анггы, ауаа ианырбоз-ианрахауаз – лгәырҕа лцәахуан.

Жәынггы-ҕанггы алыпсаа дзауз атаацәа, хәычггы-дуггы, ашәиекәатцәа ршәыртцоит – аикәара – ацәгъара иасимволуп. Ашәы ршәыртцоит иара убас ацсы иахәшьцәа, иашьцәа, ианшьцәа ухәа шьала-дала изааигәоу ауаа. Ауацәа ракәым, атәымуааггы апсрахьы инеиуам мацәа-лахҕыхла – игәнаалам.

Ацсра аныкала ауха, ауа-аҕахы рхала ианааизынхалакь, ргәыла-азлацәа нарыдгаланы ацсыжра аҕхәара цырцәоит, изыхшаз хыбракаҕы иааизаны. Агәылацәа аарыпцхәоит, избанзар ацсра иадхәалоу ацәбаа зыжәахыр икәызхуа, зегь рацхьаза иргылыны, излатәоу руаажәлар роуп.

Абрака иалырхуеит апшәма дзыкәшәаз ацәгъара зырҕеиуа зеггы: айлыргацәа – хацаки цхәыски, урт рыцхыраацәа, ацсыжра ашьтахьтәи аишәиекәатцәа аматц зуша ауаа (афатә кәзцо, афатә ыкәзыргыло, арыжәтә аазго, изнахауа, – зхәаз еипш). Абрака рыхьз рхәоит хара инхо ауацәа адырра рызташа ашәацхәацәаггы.

Уаанза самырзаканаа, абжыуаа, гәымаа ацсы хәымшфымш даныгҕартцоз ыкан, абзыпкәа – хымш. Уажәшьта, еибьрхәазшәа ладаггы-әадаггы хымш еиханы ацсы дыгҕартцом, еихаракгы айбашьра ашьтахь – ускан иҕахоз ачкәынцәеи азгабцәеи рыцәбаха змадаз, мышкы-шымш рыла рымәа икәырцон. Ладаггы-әадаггы еипшуп шыкәсык зхымтыц апшқа

дкьатар, аены, ма адырџаены иньшэнап икэрыцсоит. Апшқа алағырзгы икэрыцсом – «тцасым».

Апсы дыгџанатцы изахауа зеггы тџэуара иааиуеит, апшэ-мацэа ирыдышшылоит.

Апсыжра уатцэакэны уахеипш, атэымуаа анеимплакь, апшэмацэеи агэылацэеи анеизынхо аамтэзы, апшэма иааигэоу игэылак, ма иапханагылакь, даџа џыцьяка наицырхырааны апсы дикэабоит, ихы инаркны ишьапакынза матэаџыцла деилархэоит, ашьыршьаф нтаршэны акэыба дтеитцоит, аха ахџа ахамтэакэа. Апсы дыцхэысзар, дызкэабоггы дыцхэысуп. Ари «агэыкэхра» хэа иашьтоуп. Ииашангы, ажэытэ апсы агэы дыкэцаны дыркэабон, апсыжра ашьтахь агэы кэарак ихырцон, ауаа ыкэсларц азы, нырцэыцха иасимволу акы аха-саб ала.

Апсы агэы дыкэызхыз ауаџы атацэа уинахыс уак, тахык еипш дрыцхэазоит, насггы ашыкэс аены уи гэаларшэагак аиртоит, еихаракггы иара зынарцэмџа икэлаз иматэа-иџыта еиуоу.

Апсыжра аџынгы апсы иџны дыџнарцэыуон. Иахья, аита-неиааира мариоуп азы, апсыжра ауаа рацэа еизнагоит. Убри акнытэ апсы ддэылыргоит, аџны апхьяшэа, аамтала хыбрак наргыланы, атака акэыба ыкэдыргылоит. Апсы ишьтахь акэардэжэа дыргылоит ацэабара зыкэнагоу ахэса рзы. Апсы иханы итэоит ахэса еихабацэа, ишьапахы – аитцацэа. Акэыба апхья ауархалкэа кааршэуп, апсы дызтэыо ахацэа рзы, акэшацэа рзы.

Акэшара иалоуп апсы зегь рааста изааигэоу зыкэра ыкоу агэакьяхэсакэа. Урт апсы дызтэыуо ахацэа ирыкэшоит: «ишэыхьша сара исыхьяаит, нан!»

Абжыуаа рџы апсы икэыба зцагылоу ахыбра аргьярахьтэи ашьака инаркны аштэ ацыхэанза акэардэаукэа ргыланы ацэабара зуалны зхы зыцхэазо ахацэа тэоит, еихабыеитцбыла: агэакьяцэа рахьтэ зегь рааста еитцацэоу акэыба ааигэара, зеггы иреихабу ахаџы. аштэ армарахьтэи аган ркуп ахэса ире-

иуоу ацбабаца. Абзыцкэа рѣы ари ацкара ускак мчы амазам, насггы ацбабара иалагылоу агэакьацаа рымацара роуп. Икалап уи арегион ацсабаратэ тагылазаашья иахкьазар. Абжыуаа зкэынхо адггыл еихарак каршэроуп, абзыцкэа рыдггыл – кэапаѣапароуп, «ба-хца кыта рыда.

Ацсрахы иааиуа ахэса ишиашо инеины ацсы инеихагыланы дырцэуоит, ахэса ирыдышшылоит, нас – ахацаа, амѣацгацаа рхэатэы инакэаршэаны, нас, иаагьежъны настха игылоу ахэса инарылагылоит. Ахацаа ашта икэгылоу астал аѣы мацк рѣааныркылоит, рацхья азэыр дгылазар, хасаб рзуны. Аилыргаѣ «шэнеи» анихэалакь, рхацакэи ркэынтатэкэеи уа иныкэцаны, ацсы инеихагыланы дырцэуоит. Ацэуаѣ дцэууаны даналгалакь, арыгъала дгьежьюеит (иармарахь) «ацсы дихьымцшразы».

Традициала ишапу еипш, астал аганахьшэа ааигэа игылазароуп иара убас хѣы-пшьѣы ркынза арпарцаа-абгакцаа. Абгакѣы ацэуаѣ изара аакшэа, дицхрааны ацсы дихаиргылоит, данцэууалакь, еита ибга аакны дихигоит, астал аѣы данааилак, уа инижъыз иматэакэа ииркуеит, ицхраатэызар, дицхраауеит, нас ацбабацаа ркынза дицнаскьоит, досу дахьгыло ирбо. Ацэуаѣ ацбабаѣы данаaidгалалакь, – «сгэы иалсит!» – ихэоит. «Угэы иалсша анцаа иузаaimгаait!» – атак кaitцoит ацбабаѣы. Ацэуаѣ даатгыланы дыздышшыло агэакьацаа роуп, егьырт – рацхья дниасны дцоит. Амала, дааигэоума-дхароума, дтэазар, уи дихацгылоит.

Агэакратэ церемониал иузалымхуа иалаз абгакѣы ифункциа «ажэытэра» иагеит, иахья уи азбахэггы рхэом цьарггы, «ацивилизация» иацэыхароу ѣаѣакьтакаѣ акэымзар.

Апсыжраѣ икало ауаа рхыпхьазара, ганкахьала, ацсы уаѣык иахасаб ала имаз ахьз-апшеи, иуаажэлларратэ тагылазаашьеи, аѣаганкахьала – уала-тахьыла дахьынзакази ирхьыпшуп. Уи шака днагаз акара, дызцэууоггы рацэаѣоит. Шамахака акэымзар ацсуаа рѣы ацсыжра зыкьѣыла ауаа еизызго кьабзтэ институтуп. «Ацсы ицэууара, итынхацаа рыдышшылара рыхэтаны

ирьцхьазоит, рыуацаа реицш, ирдыруа-издыруа, рфызцаа, ней-
лых камцакэа рқытауаа зегьы, ргэылацаа, ргэылацаа рыуацаа».

Ацсы икэгара аамта ааигэахо ианалагалакь, ацьаба-
цаа еитацэуоит, еибарцшны: айтцацаа – аихабацаа. «Нас
ацсы дахьргоит, ацсы дызтоу акэыба ашьтыхра рыхэто-
уп ижэлантэкаа рахьтэ зегь рааста изааигэоу афар, ашта
агэта столк, ма кэардэкак наргыланы икэдыргылоит¹⁾», ахы
мраташэарахь ирхэаны. Акэыба иахагылоит агэакьацаа:
ахахьы аихабацаа, атцыхэахь – айтцацаа. Аилыргао илабашьа
кны аргыраахь ала акэыба ашьапафьы ифеанкыланы еикэша-
ны иаагыло ауаа дфарылацшны икалаз ацэгъара иааркьафьны
азбахэ нарылеихэоит, ацсы илацшны дыздыруз игэылак, ма
ифызак ажэа иитоит уи дызнысыз ицстазааратэ мфеи, итаа-
цэаратэ бзазареи, иуафьшьатэ чыдаракеи дрылацаажэарц
азы. Ахцэажэао ишьтахь иааркьафьны ицэажэар ауеит иара
убасс ифызцаа иреиуоу азэык-фьцьякгы, анафс – апшэмацаа
рыхьзала, абхэараа рыхьзала – дафеа азэазэа. Атцыхэтэаны
згэы иалсны иааз, ацьабаа збаз зегьы «итабуп» хэа реихэо-
ит ацсы ииашьара еиуоу еихабык. Иажэа ахыркэшамтазы уи
ибжыы захауа зегьы дрыхэоит ацсы анышэ дшаарталакь, иа-
ахынхэны, тэыцак-тэыцак ныхтэаланы имфеа рныхэарц азы
(«акрышэфа-акрышэжэы» ауп уи иаанаго).

Цсылманс зхы зыцхьазо ацсуаа еихаракгыы бзыцан, ахалал
ркуеит – аихабацаа иреиуоу агэакьацаа «упстэарта бзиаха-
аит!» хэа илахь инагэзуеит, айтцацаа – игэы.

Ахцэажэара, ахалалкра, анаантэалакь, аилыргао ацсы-
жратэ церемониал ацсы икэгарахьы ирхеоит: «шэааи, дад». Ацсы
ичкэынцэа, иашьцэа ухэа ижэла ныкэызго афар, акэыба
рыжэаахыркэа инарыкэыргыланы, дрыманы анышэынтрахь
ицоит, ишьапкэа апхьака ирханы – ашьтахька – ифныка
дхьамцшыртэ еицш. Ацсы дшаашьтырхыз еицш акэыба зыкэ-
гылаз астал, ма акэардэкаа ганха иаархэны ишьтарцоит, ацсы
дызцарцэуаз ахыбрахэычгыы ыкэыргоит, ацэгъараашьта
дырзырц азы.

Ацсны анышэынтрахь данырго, акэыба апхьа игылоу шыца, – азэы ацэашьы аркны икуп, егы – айрыз азны асы – амшалашеи ацстазаара ыци рсимволкэа.

Ацсы шэнышэнап икэрыцсоит амра аташэамтазы (анышэ цыркоит агэылацэа, ацсыжра мышкы шыбжьюу, цшышьакак зцагылоу ахыбхэыч ахаргыланы), атацэа рзе-ипшнышэынтракэа рфы. Ацсы, динс дзеиузаалакгы, ихы мраташэарахь ирханы дыржуеит. Ацсы даныржлакь, анышэынтрафы алашара аркны зегы аишэеикэатцэахы ихынхэу-еит, ихыртэалоит, ацсы имша рныхэоит, ирныхэоит агэара иа-зынхаз, ацэгъара зырфеиз, ацбабаа збаз зегы.

Ацсхэра акъабзкэа. Ацсхэратэ къабзкэа, мамзарггы ацсы икэ-итцас анагзара иалагоит ацсы инарцэымша даныкэыртца инаркны аншыан акфатцарала.

Аншыан – ацсы деитцыхны, инапкэа игэы икэцаны (акъырс.), ма ивапсаны, деилахэаны (ацсылм.) ацэартагэы дыкэушэа дзышнарцэыуаз ауадафы икэцоу имитациоуп. Ацсыжра иакэымшэаз ауа-атахы ааны аншыын иакэцэыуоит – дхацазар, днахагыланы, дыпхэысзар – днадтэаланы. Зыкэра ыкоу ахэса амыткэмаггы рхэоит.

Ацсы ихэы карцоит анышэынтра ианыкэло аены инаркны: ахымш, ажэымш (акъырс.), ажэхэымш (ацсыл.), ашыноажэамш (акъырс.), ашыноажэижэаомш (ацсыл.) ашыкэс. Убырт инарчыданы, амшшыноеижэанза – ацсы аоны дахыпш-натцы, есымша, атацэа крыфара напы адыркаанза хазы ацсы ихэы анырцоит – азы картэоит, ампахышыцкы нышътшышэа (инапы идырзэзэоит), «акры ифеит» анааргэахэуа, акэардэ иаахоит, «астол дырцысуеит». Мышшыноеижэа нахыс ацсы анышэынтроуп изтаауа, ашыкэс карцаанза, аха сабшак аены иаауеит, убри акынтэ аишэаггы дыргылоит.

Аишэа андыргыло аоны ашэ аадыртуеит – «ацсы анышноло цынгылак амоуроуп».

Ажэымш, ма ажэхэымш, имачны икарцоит, уасак ршыу-еит акароуп. Амышшыноеижэа еиха инартбааны икарцоит.

Амшынөеижэа, ма адынөеижэижэаамш, рархэоит ажьра-
цэара иатанакуа, иара убас агэыла-азла ухэа ацсраан аца
збаз, ацсра зырөеиз ауаа.

Ацсы икэ-итас анагзара иазку ақьабзкэа зегьы рааста амө-
хак тбаауп ацсхэра. Ацсхэы рур ауеит амшынөеижэазгы
(өынөажэижэаамш), аха еихарак уи ашыкэс иакэдыршэоит.
Абзыцкэа ашыкэс ацэымзаркрахэангы иашьтоуп. Ашыкэс
рархэоит, шамахамзар, ацсы дызтцэуаз зегьы, ауа-атахы,
ақытауаа, апшэмацэа рөызцэа. Хэарас иатахузеи, ацсхэрахэа-
раан, зегь рацхьа идьргылоит апшэмацэа акры рзаазгаз ауаа.

Ацсхэраан агэакьацэа, ауацэа-атынхацэа ацсхэы зуа иры-
цхраауеит – ацсататэкэа ааргоит, арыжэтэ еикэдыршэоит.
Икоуп уи ацаратэ фонд анамоугьы.

Атыхэтэантэи аамтазы афинанстэ цхьраара апсыжра
аөнахьгы инарго иалагеит. Убри акнытэ «ацаратэ еизыказа-
ашьакэа» лакеит, еихаракгы бзыцан.

Ацсхэра захэо ауаа шырацэоу еицш, ацсхэреишэагы беиоуп
зеиуакам фатэы-жэтэыла, еихаракгы хаа-мыхаала. Ирацэоуп
ацэашькэа. Урт анадырклакь, аишэа ахы инаркны атыхэанза
илаха-лахауа икэуп ацэеи ахалуеит ирхылтцуа аромат. Аншьан
ахьыгөоу ауада адэылтцуеит ахэса рцэыуабжь, еихаракгы ацсы
ижьрацэара иеиуоу ахацэа аншьан ианақэцэыуо аамтазы.

Атэарахьы рхы дырхаанза, ацсы итаацэеи итаацэа ирзаа-
игэоу атынхацэеи агэылацэеи цытөык ацсхэразы идьрхиаз
фатэы-жэтэыхэа икоу ракака рыманы анышэынтрахь ицоит,
аишэа дыргылоит, ацэашьы адыркуеит. Ацэашьы былуанатцы,
еихабы-еитцбыла – анарцэ акрыказар, уалыхэдамхааит, упсата
бзиахааит! –хэа, иныхтэаланы, цэыцак-цэыцак ааныркылоит.

Иахьысыз ашэышыкэса аөеишамтанза ацсы иньшэыргэ
аханы иазыхэхэашэа икоу хахэык ытадыркьакьон, атыхэаө
– уи еицшыз, аха иааитцаны, ега аамта царгы имызырц,
азы. Тауади-аамыстеи акрызкыз анхацэеи анышэынтра аша-
на ахадьргылон, ацсы ижэлеи ихьзи анцаны. Ацсхэра аөны
анышэынтра иахагылаз ахьбрагы ахьрхуан. Уажэы цкарак

ахасаб ала, ашана ахахэжэла бзиа иалырхуеит, еиуеипшым аформақэа рытаны. Хахэжэла бзиала ирчапоит анышэынтра агэггы. Икоп анышэынтра ахыбрафыц ахазыргылоггы, аонхэычы ааугэаланаршоо, «аостэа деилахартэ еипш», ацшзара икны иаго.

Анышэынтрахытэ ианыгьежылак, иарэзнак, агэакыацаэ, агэылацаэ, атынхацаэ, асызцаэ ухэа апсы изааигэаз ахацаэ асыкэмал хырцоит. Асыкэмалхцара мѳапысуеит аншыан ахыгѳоу ауадатбаафы. Уа хаа-мыхаала ирхианы, ацэашыкэа ххаза изыкэгылоу аишэафы асаан иануп ацэарыцкэа, рыжэтэцѳбарала итэу ацэақэа аваргыланы, аишэа ацэака адашымафы ишытоуп акэицкэа зну даѳа цыамк. Аишэа дахагылоуп атаацаэ иреиуоу, зыкэрахь инеихыоу цхэыск, ашэы лышэны, аха шыырышьяфшкэакэала лхы-лѳы тахэхэаны.

Асакэмалхцэафы аишэа даадгыланы, рыцк, асаан иааныхны, хынтэ арыжэтэ зтаны икэгылоу ацэақэа хынтэ инархыкэшаны акэиц иалаиршэуеит, нас арыжэтэхккэа акакала ихитэалот: «уцсатэ бзиахааит!» Аишэа аганафы игылоу ахэсахэыцкэа руазэк ацэақэа еиталыртэуеит, анаѳсан иааиуа ихитэаларатэы.

Ацсхэреишэа катцоуп аганѳнафы, аганѳны азымхозар, – ашыацафы.

Асыкэмалхцара ишаалгаз еипш, ацсхэрауаа дыртэоит, апхыа – аихабацаэ, нас – аитцбацаэ. Ишапу еипш, ахэсеи ахэцэеи хаз-хазы идыртэоит.

Ацшэмацаэ рахытэ еихабык – аиашыара, ма агэылацаэ иреиуаз азэы – ашыаца агэтэ дѳагыланы, зеггы дырбо-драхэуа, аишэеикэатэа иахатэоу, – шэхэы шэнапы ашэыркы, шэмыццакыкэа крышэѳа-крышэжэы, – хэа реихэоит, нас ацэақэа дзыркыша азэы ихыз ихэоит, аха ацэа аанкыланы диныхэазом, уи иныхэаѳа ааныркылазом итэоуггы ацэақэа раанкыларэ дзыртэо ахатэак (аишэеикэатэафы дтамадазам, дытэцэанкылаѳоуп) ацсы дааигэаны дыздыруаз игэыла бзиа, ма иѳыза бзиа иоуп.

Апхъа, еихабеитцбыла иааибарцшны, ихыртэалоит, насоуп апэцакэа рынкылара здыртцоз апсныхэафе анааникыло. Зыхъз рхээз иоума (аишэеикэатцэафы уи далырхзом, ихъз рхэоит), аеазэума – дызустзаалакь, апэца аанызкыло дгылазом, аныхэафеакэа икуеит дтэаны, аишэеикэатцэа ахатцгылара цасым. Апсныхэафе зкуа ибзырзы рхэоит, акэымзар исаналажэа рхэом, ирдыруа ыказаргы. Абжыуаа рфы, апсныхэафе ашытахь, апсы итаацэа рныхэоит: иани-иаби ыказар, – хазы, ихшара – хазы, иашыцэа иахэшъцэа – хазы. Абзыцкэа рфы, шамахамзар, урт зеггы рныхэафе акны иркуеит, уи «агэарата иазынхаз» ахъзуп. Урт рышьтахь апсы ижэлантэ рныхэоит, ирныхэоит ианшыцэа, атаацэара змаз, – иабхэараа, згэы иалсны иааиз, амац зуз агылацэа, анышэ цызказ. Аибашьра ашытахь, апсныхэафе ашытахь иааныркыло иалагеит Апсны зхы акэызтаз рыцсныхэафе, милатла еилымхкэа. Уимоу тэымцъарантэ иааны апсуаа ирыцеибашьюаз, апсуадггыл зхы акэызтаз рыхъз еихаггы иалыркауеит.

Иазгэататэуп аеачыдаракгы. Аишэеикэатцэафы иааныркыло аныхэафеакэа ааныркылоит зынкьарала, аха акакала иржэеит, иахымыщакыкэа. Атдыхэтэантэи аамтазы ари атрадиция иахьацэхьацуа мацым – игыланы, насггы акакала аныхэафеакэа нкылауа. Амала, ажэытэ мыцхэы ажэра, амцхэ ахэара, амцхэ абжырдур ацхашьароуп, хымъзгуп: «апсы шэоит».

Апсы ианиаамтаз дэыбгаказатгы, апсхэрафы атарчеи ныкэгара еифыркааргы ауеит. Атарчеи ныкэыргоит апсы ифызцэа – аеыбгаказацэа. Апхъа урт анышэынтрафы инеины азар рхэоит, нас ихынхэны аонаштаф иааиуеит, аежэа дырхэмаруеит хынтэ-хынтэ. Ажэак ала, иаармарианы. Атарчеиныкэгара аклассикатэ формацэкьа ихаосхьюу аамта иагеит. «Апсы иеы шэыла идырхион, аеыкэцаршэ иататцаны, икамхартэ еипш. Аеы апырцэкэатцэагы цехеикэатцэала ирцон. Уи апсы зегь реиха изааигээз ифызак дакэтэон. Аецэа анышэынтрафы инеины хынтэ иакэшон. Уи ашытахь апсы

иҕы иакэтээз аҕыбҕаказа ахыкэалаа еипш иыызцэа дрылҕьяны дыуан, уаа дихыымзакэа дгьежыны даарцазы. Егьыртгы ишьталон, ихызаны иҕыкэтаршэ иатцаз атарчеи итдыржэарц»). Нас еикэагыланы азар хэо анышэынтрахь инеиуан. «Упсаца бзиахааит», – хэа анышэынтра инеихырхэаны, ашьапахь игьежьюан.

Атцхабжьон, апсхэрауаа анеимплакь, атаацэа ргэылацэеи дареи анеизынхалакь, ыцџа-хы ахэсақэа ацэашы аркны аншьан ахыгџаз ауадахь инеиуеит. Руазык арасачынла аншьан днасасуеит: «уца рыцха, уца! Утыцахь уца! Упсы тынчыз. Арахь азэгы хьаас дкоумцан, арахь ухьамцшын! Уца!» Ацэартагэы иқэу зегы акакала ицхьаркуеит – аншьан шьтырхуеит. Апсы иқэ-итцас нагзоуп уинахыс, апсы иуал шэоуп, уи икынтэ азэгы ыпцныхэа имам – апсы ипсы апстэартахь ицеит, нырцэыка.

Азгэата: Астатиа оуп «Апсуара» апроект инакэыршэаны.

ВОПРОСЫ ОБРЯДОВОЙ КУЛЬТУРЫ АБХАЗОВ: ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обрядовая сфера системы Апсуара охватывает весь комплекс предприятий, связанных с жизненным циклом – *ацэгъеи абзиеи*. Под *ацэгъа* понимаются горестные события, под абзиа – радостные. С одной стороны, это похоронно-поминальная обрядность, с другой – брачно-свадебная. И та и другая справляется в строго театрализованной форме.

Брачная обрядность. Этнологическому абхазоведению известны три формы заключения брака: *амцарсра* – похищение, *мазала* – тайно и *аргама* – гласно. Любая из них началась со смотрин – *цхэызбабара*, инициатором которых мог быть как сам молодой человек – *арцызба*, так и посредник – *акъагъариа*. Иногда инициатива исходила даже от родителей арпызба.

К похищению или умыканию молодой человек прибегал в случае получения отказа от приглянувшейся ему девушки – *ацхэызба*, совершив на нее нападение, он увозил ее силой.

Неудачное похищение или возвращение невесты ее родственниками назад ложилось на жениха позором, поэтому он увозил ее ни к себе домой, а далеко, к влиятельному приятелю или дяде по матери. Дом последнего считается наиболее надежным в силу особых отношений с ним. Племянник не сомневался в том, что в случае необходимости дядя отстоит его честь и ценой собственной жизни.

Тот или иной хозяин положения прилагал все усилия, чтобы «потушить дело» – *аус арцэара*, для чего он добивался согласия невесты посредством обычая *старшинства-младшинства* – *аҭа лдырхэон*. Затем, при помощи уважаемых односельчан шел на мирные переговоры с ее родней, которая в конце концов уступала свершившемуся факту. Да и самой невесте, проведеншей хоть одну ночь наедине с мужчиной, не выгодно было возвращаться обратно домой, т.к. «она знала,

что редкий жених согласился бы жениться на «опозоренную девушку».

В день свадьбы в доме жениха хозяин «промежуточного места жительства невесты» не выдает ее без соответствующего пиршества, словно замуж выходит его родная дочь.

Похищение девушек имеет место и в наши дни, но крайне редко. От прошлого оно отличается еще и средством передвижения. Скоростной автомобиль позволяет похитителю действовать быстрее и эффективнее, чем бывшему джигиту в черной бурке на резвом коне.

Встречаются также имитации тайного ухода невесты, осуществляющегося по взаимной договоренности сторон. Это когда родители невесты не согласны или хотят сократить свадебные издержки. При этом и жених выигрывает время, необходимое для подготовки к свадьбе. Однако в данном случае он не обходится без т.н. «малой свадьбы» – *ачарахэчы*. А классическая форма тайного брака связана с несогласием родителей выдать дочь за избранного ею мужчины.

При обоюдном согласии сторон, то есть гласного брака, бракосочетание осуществлялось и осуществляется свадьбой, как в доме жениха, так и родителей невесты, как правило после неоднократных переговоров о сроке и пр. «мелочах». Но все это происходит без непосредственного участия «виновников торжества». Жених и невеста могут находиться лишь в окружении своих сверстников в отдельно взятом помещении, как бы вне поля зрения старших, и то всего один раз – во время официального сватовства – *аизхэара*. При этом молодые обмениваются обручальными кольцами и другими малозначительными подарками. С этого момента молодые люди именуются женихом и невестой – *амахэи атацеи*.

Именно поэтому в прошлом перед отъездом жених бросал на колени своей невесты газыр, вытащив его из газырницы. Обычай этот, известный под названием *ахкаршэра* (бросание пули) означал, что отказ в любом его проявлении – *аҕаархэра*

– получит трагический конец. Теперь он совершенно забыт, но нарушение слова не прощается и сегодня.

Через неделю-две после сватовства жених родителям и другим ближайшим родственникам невесты делал различного рода подношения, набор которых назывался *ачма*, на первый взгляд напоминавший калым. Но калым как таковой абхазам не известен. Напротив, расходы, связанные с выдачей приданого – *аихрайага* – не только не уступали ачме, но значительно превышали ее. Оба института бракосочетания существуют и сегодня, но в значительно упрощенной и видоизмененной форме, в которых главную роль играют золотые и денежные подарки.

Разновидностью гласного брака является т.н. «нанесение на люльку надрезов» – *агараџакэара*. Инициаторами данного обычая выступал либо отец малолетнего мальчика, изъявившего породниться с родней девочки, либо весьма взрослый мужчина, решивший подождать ее до совершеннолетия. И в том и в другом случае претендент оставлял ту же пулю под подушкой ребенка.

Свадьба – *ачара* (букв. пир) – одно из наиболее сложных и устойчивых предприятий жизненного цикла, составные части которой взаимосвязаны и взаимообусловлены и развиваются в строгой последовательности.

Подготовка к свадьбе начиналась, начинается и в настоящее время сразу после сватовства. Почти одновременно устраивают и *аџэараџэара* – «определение срока свадьбы». Последнее – прерогатива стороны жениха, в котором участвуют родственники и соседи – носители «свадебной нагрузки» – *ачара зырееиуа*.

В старину свадьбу играли, как правило, осенью, после сбора урожая, в ночь субботы на воскресенье, а в настоящее время – днем, поскольку от нее отпали представления о злых духах. А сезонность не имеют существенного значения.

В прошлом свадебный картеж – *атцаагацэа*, формировавшийся женихом из числа молодых родственников и друзей,

направлялся за невестой вечером, чтобы вернуться хотя бы к полуночи, теперь в первой половине дня, поскольку, посадка – *атэара* – в три. За своевременное возвращение поезжан отвечает их старший – *атэаагацэа реиҳабы*, назначаемый таковым главой семьи жениха.

По сравнению со свадьбой в доме жениха, свадьба, устраиваемая родней невесты, несколько скромнее, не только по своим размерам, но и по характеру ее проведения. Здесь хозяева воздерживаются от чрезмерного веселья. Скромной и неестественно печальной должна выглядеть и невеста: «нелегко ведь расставаться с родным домом».

Как и прежде, невесту из родительского дома вместе с ее чемоданами выводят провожатые – *атэаафыцэа*, под руководством «старшего товарища невесты» – *атэаафызаеиҳабы*. В руки атацаагацэа она переходит только за пределами родного селения. Невеста вместе с подружкой – *атэаафыза* – следует в середине группы. Впереди – старший и следующие за ним по возрасту мужчины, в том числе и тот же атацаазаеиҳабы, хвостовую часть – молодежь. Раньше по пути следования все члены свиты вместе пели «песню привода невесты» – *атэаагагаришэа*, те, кто был с оружием, стреляли: «способ отпугивания злых духов и не только их...». Современный свадебный картеж разбит по автомобилям, поэтому и песня не может быть единой, а любители пострелять воздерживаются до кульминационного момента.

И кульминационный, и шумный, и торжественный момент – это момент водворения невесты в дом жениха, во время которого под оглушительную ружейную пальбу молодежь устраивает огненный свадебный перепляс – *ачаракэашара*.

Свекровь прямо у парадной лестницы дома обсыпает невесту серебряными монетами и конфетами, которые с боем подхватывает подростки. Порог дома невеста переступает под звон скрежечающихся над ее головой кинжалов. Магический смысл данного обряда, направленный, с одной стороны,

на обеспечение молодых богатой и сладкой жизнью и защитой нового члена семьи от всякого нечиста – с другой, забыт, но сам ритуал стойко удерживается в современном свадебном предприятии абхазов. Забыт смысл временного скрывания молодых в специально построенном для этого домике – *амҳара* и «поднятия невесты в большой дом» – *аонду аагара* в пятнадцатый день после свадьбы. Функцию амщара взяла на себя одна из лучших комнат современного жилища, а обрядовое угощение за счет «товарища невесты» *ахацаџа*, связанное с последним, устраивается с большим удовольствием как повод для очередного веселья.

Свадебный пир проходит в специально построенном за день-два до этого навесе – *ашьаџа*, под которым на всю его длину в несколько ряд тянутся столы, богатые разнообразием блюд и напитков. За стол садятся после ритуального омовения рук, определенного обычаем «старшинства-младшинства». Еще живуча и церемония, соблюдаемая в начале принятия пищи – *рхэы рнапы анадыркуа*. В целом, в современной абхазской свадьбе, придерживается основных традиционных норм поведения за столом, о чем подробнее будет изложено в соответствующей главе работы. Это поднятие первого бокала за встречу – «Боже, дай нам тепло своих очей» – *анцэа улыпцхат*, оглашение старейшим членом рода жениха имени тамады, кандидатура которого тут же получит всеобщее одобрение, структура очередности тостов, почтительное отношение тамады и других представителей хозяина к группе дружков невесты, внешнее проявление последней чувства благодарности стороне жениха и обслуживающему и пр. структурные и нормативные подразделения торжества. В недалеком прошлом старший дружка невесты здесь на всеуслышание и на глазах у всех от имени последней раздавал подарки родственникам жениха. Сейчас редко, кто этого обычая придерживается. На это не тратят времени. Чаще он дает хозяевам список тех, кому они предназначены, но сообщая гласно об

этом дамаде. От свадебного застолья отпал и обычай демонстративной раздачи адекватных подарков тамадой от жениха друзьям невесты. Они делаются им так же несколько завуалировано.

«Формы деликатного обращения с людьми у абхазов многочисленны, сложны и строги. Застолье является как раз тем местом, где они находят свое концентрированное выражение. Вообще абхазское свадебное застолье – это своего рода спектакль, основные компоненты которого предусмотрены традицией».

Свадебная церемония завершается после отъезда группы дружков невесты – центральной фигуры гостей хозяина.

Но торжество на этом не заканчивается. Хозяин, закалывает еще одного бычка, накрывает на стол заново для тех, кто «устроил его свадьбу» – *ачара зырееиз*, «не дали ему стыдиться перед людьми» – *ауаа рҕы дызмырҕахашьаз*.

Затем, начинается послесвадебный цикл обрядов «ввод невесты в большой дом», приглашение зятя родителями жены» – *амаҳә иаашьтра*, и, наоборот, «приглашение родителей жены зятем» – *абхәараа раашьтра* и др. предприятия, которые справляются так же в торжественной обстановке и полны церемонии дарения «памятных подарков» – *агәаларшәагатә хамтәқәа*. После окончания послесвадебного периода взаимопосещение свойственников не имеет никаких преград.

Похоронно-поминальная обрядность. Обряды, связанные с печальными событиями – *ацәгъара*, отличаются наибольшей консервативностью. «Они отражают представления о смерти и взаимоотношениях живых и мертвых». В теоретическом плане абхазская похоронно-поминальная обрядность – это глубокий пласт мифологического осмысления о потустороннем мире, на котором наслоились либо христианские, либо мусульманские элементы, в зависимости от религиозной принадлежности покойного. В основе же необходимости устройства той или иной обрядности лежит боязнь души покойного, не покидающей

родню, пока не получит долг – *икә-ийҕас нарыгзаанза*. В современной действительности абхазов любое обрядовое действие печали – это скорее всего продукт морально-психологической обязанности родственников умершего.

Похоронная обрядность. Похоронная обрядность – *аҕсы-жра* начинается с момента наступления смерти и завершается «черным столом» – *аишәеиқәайҕә*, устраиваемым в доме семьи покойного после погребения.

К моменту проявления у умирающего признаков испускания духа – *аҕсеизгара*, присутствующие там мужчины – родственники и соседи – освобождает помещение от женщин и детей. Как только наступит конец, покойнику закрывают глаза, укладывают его на тахту головой на лево от, оставив за ним место для плакальщиц. Руки ему складывают на грудь или выпрямляют вдоль бедер, в зависимости от его вероисповедания.

После придачи телу покойника надлежащего вида – *аҕсы ирееира*, мужчины, вытирая себе слезы, выходят во двор дома, давая тем самым сигнал бедствия всем, кто находится в ожидании горя. Женская половина дома «взрывают» все окружение своими душераздирающими криками и громкими рыданиями, периодически зывая умершего термином родства, в котором та или иная состоит с ним. При этом женщины преклонного возраста, как это делали в старину, царапают себе щеки и грудь. Спешно прибегающие к ним соседи силой удерживают их от «самоистерзания». Мужчины ближайшего окружения, оплакивая покойного, бьют себе в грудь, а более дальние – соединенными ладонями в лоб. Более отдаленные местом жительства и отношениями сразу после окончания ими процесса оплакивания – *айҕыура* по умершему выражают свои соболезнования родственникам последнего – *адышылыара*, выстроившимся у правого крыла дома, как бы в один ряд в строго установленном обычаем порядке: «*младший-старший*». То есть чем моложе, тем ближе к дому.

От настигшего горя плачут все, кроме тех, на которых распространяется табуирование внешних проявлений искренних чувств: «жена не оплакивает мужа, муж – жену» прилюдно. Точно так же «родители не имеют права на оплакивание своих детей». Но теперь среди молодых людей редко, кто выдерживает такую стрессовую нагрузку.

Вся родня покойного одевается в костюмы черного цвета – символа глубокого траура. Вообще не принято ходить на горестные предприятия в светлом одеянии, даже тем, кто не имеет никакого родственного отношения с покойным.

Срок похоронного дня – *аңсыжра аҧҧҧҧара аңҧҧара* определяется группой близких родственников, рода и соседей, от которых зависит слаженность проведения траурного обряда – *аңсыжра арҧҧҧра*. Для этого они собираются вечером того же дня в зале жилого дома или в каком-нибудь другом широком помещении, где они могут разместиться.

В прошлом у самурзаканцев, абжуйцев и друх христианских районов тело покойного покоилось в доме несколько дольше, чем у бзыбцев и других северо-западных этнографических образований абхазов, где население имело больше влияния ислама. Теперь и те и другие придерживаются трехдневного срока. Тут же выбирают горевестников – *ашаацъҧҧа-цза*, оповещающих о случившейся беде далеко живущих родственников. В течение дней покоя все, кто считает себя обязанными, ходят на панихиду.

В канун похорон, вечером, когда в доме остается считанное количество людей, два-три человека из числа родственников и соседей проводят омовение и переодевание покойного во все новое, укладывают его в гроб. Естественно, при проведении данного обряда учитывается половозрастная градация.

В день похорон гроб с телом покойного устанавливается под специально выстроеном во дворе навесе, украшенном всевозможными ветвями вечнозеленых деревьев и отборными цветами. «За тахтой (на которой гроб – В.Б.) стоит не-

сколько рядов стульев. Их занимают женщины..., которые рассаживаются в соответствии со своим родственным... и возрастным статусом. Чем выше статус той или иной женщины, тем ближе она располагается к гробу». Четко определен и родственный состав плакальщиц первого ряда, относительно порядка расстановки занимаемых им мест. Место во главе гроба занимают ближайшие родственницы старшего поколения, у хвостовой части сидят следующие за ними по возрасту, в середине – молодые.

Перед гробом расстилаются ковры, где проходит процесс прощания с покойным – *ац̣ьыуара* и обрядовое обхождение вокруг оплакивающих его – *ак̣ьшара*, осуществляемое группой пожилых родственниц.

У абжуйцев и других юго-западных абхазов начиная от правого крыла навеса, кончая краем парадных ворот, на всю длину двора тянутся длинные скамейки для «скорбящих мужчин» – *ац̣ьабац̣ьа*, представляющих членов семьи, рода и родственников по различным линиям. Левая половина двора занята женщинами, называющимися так же *ац̣ьабац̣ьа*. Места тех и других зависят от той же структуры родственных отношений с покойным. У северо-западных абхазов состав категории *ац̣ьабац̣ьа* ограничивается кругом ближайших родственников.

Прибывающие на похороны женщины направляются прямо к гробу с телом покойного, а мужчины в ожидании своей очереди выстраиваются у стола, что стоит в центре двора. «Рядом со столом находятся распорядители похорон – *аилыр-гац̣ьа* «мужчина и женщина», которые по мере возможности пропускают их к гробу с телом покойного и сопровождают их в порядке очереди – по три-четыре человека в группе. Оплакавшие поворачиваются левым плечом, «чтобы покойник не заглядывал им вслед» – *ац̣ьсы дырхьымц̣ьшуа*, и следуют к выходу, выражая каждому из *ац̣ьабац̣ьа* слова соболезнования: *«сг̣ьы иалсит»* – «твое горе пронзило мое сердце». В знак бла-

годарности тот отвечает: «*угэы иалша аицэа иузаимгаит*» – «не дай тебе бог случая, могущего пронзить твое сердце».

Количество людей, принимающих участие в похоронной процессии, зависит от круга родственной цепочки и уровня общественного положения умершего. Вообще похороны у абхазов, как правило, многотысячны. «Выразить свое сочувствие семье покойного и остальной родне считают своим долгом не только родственники (ауацэа – В.Б.) и близкие друзья, товарищи, но знакомые, а также соседи родственников и даже родственники соседей».

Перед условленным моментом времени выноса тела покойного происходит последнее прощание родственниками с ним. Мужчины из числа ацэбацэа еще раз оплакивают его так же по принципу «младшие-старшие» – *иаабарҭины*. «Затем гроб поднимают близкие родственники и выносят к центру двора» и ставят обычно на стол. Под руководством распорядителя устраивают «высказывания» – ахцэажэара, больше похожее на митинг, после которого немедленно выносят гроб хвостовой частью вперед, «чтобы покойный не оглянулся назад» – *ишьҭахьҭка дхьамҭшьртэ*. После выноса гроба с телом покойного, стол, на котором стояло оно, перекидывают, чтобы подобного горя в этом доме больше не было. Погребение осуществляется на семейном или родовом кладбище исключительно перед заходом солнца, после чего все возвращаются к печальному столу.

Поминальная обрядность. Поминальная обрядность – *аҭсхэра* начинается сразу после похорон, с устройства условного муляжа как бы в одежде умершего на тахте, убранного коврами и фотографиями – *анишьан* – имитации лежащего тела. Родственники или просто знакомые, по той или иной причине не сумевшие принять участие в похоронной процессии, оплакивают покойного у его *анишьан*. В общей сложности обычай поминания включает в себя ряд тризн различной величины, управляемых на третий после погребения – *анышьэынтрақэла*

ра, девятый – *ажэymi* (христ.), и пятнадцатый – *ажэохэymi* (мусульм.) день, а также сороковой – *амишынџажэа* (христ.) или пятьдесят второй – *авынџажэижэавами* (мусульм.) и завершается годовщиной *ашыбъс*. Независимо от них, до сороковин, «пока душа покойника привязана к дому» – *аңсы авны дахьыңинайы*, ежедневно во время завтрака, обеда и ужина «на стол ставят его долю» – *аңсы ихэы анырџоит*. После сорока дней, вплоть до годовщины, местом пребывания души является могила, но посещает и дом, либо по субботам, либо по четвергам, соответственно с верой покойного. Поэтому «ставят ему стол» – *иешэа дыргылоит*, приставив к нему и стул: «тихо, он ест». При этом и двери должны быть приоткрыты, «чтобы душа проникла в дом беспрепятственно. Из всех поминальных обрядов наибольшей масштабностью и пышностью отличается «делание доли покойного» – *аңсхэра* приурочивающее либо к сороковинам либо к годовщине. На аңсхэра приглашается большой круг родственников, друзей и, конечно же, односельчан.

Традиционная особенность поминок заключается в оказании разносторонней помощи семье покойного. Наиболее близкие семьи пригоняют скот, с горящими свечами на рогах, обеспечивают и другими необходимыми продуктами питания, напитками, а остальные делают денежные подношения. Но, поскольку денежные подношения участились сегодня и в день похорон, число «плательщиков» на поминках становится все меньше и меньше. Аңсхэра отличается еще многочисленностью свечей различной формы и величины. Каждый родственник считает себя обязанным поставить свечу от своего имени, «чтобы в свое время покойный встретил его и осветил дорогу». Более того, поминальный стол ломится здесь от изобилия неимоверно разнообразных блюд мучного изделия, одним из самых значительных компонентов которых является мед. Поэтому всецело он пахнет сладостью и восковым ароматом.

Из помещения, в котором располагается аншьан слышится плач и причитания близких по родству женщин, в особенности, в момент оплакивания покойного группами мужчин.

Перед началом поминальной тризны наиболее близкие родственники и родственницы, беря с собой по одному куску всех приготовленных блюд и кувшин вина, посещают могилу умершего, «ставят стол», зажигают свечу. Каждый, кто говорит поминальный тост, прежде, чем осушить бокал вина, несколькими глотками обливает края могилы со словами доброго напутствия: *уңсаҫа бзиахааит!* – «хорошего места душе твоей». После возвращения из кладбища, осуществив омовение рук, родственники один за другим заходят в помещение аншьян, где стоит широкий длинный стол, на котором большое количество сладкой пищи, в которые воткнуты зажженные свечи. На столе стоит также чашка с мелкими кусочками воска, а рядом – вино и другие напитки. Посетители с каждого стакана отливают содержимое в специально поставленную для этого вазу, и кусочек воска бросает в миску с горящими угольками, стоящую там же на полу, произнося ту же формулу пожелания. Стаканы тут же дополняются одной из женщин семьи покойного с большим белым полотенцем на голове, закрывающим почти все ее лицо. Поминальная трапеза проходит в аганюны или в навесе – ашьаца. Все, кто за «черным столом» должны вести себя тихо, в соответствии с характером предприятия: «душа покойного пуглив».

Столom руководит один из уважаемых соседей, «хорошо знающий положительные и отрицательные стороны покойного» – *ицэгъеи ибзиеи здыруа*. Но он должен говорить о нем только хорошо: «за упокой души», «за его семью», «за его род», «за род его матери» и т.д. и т.п. Весь этот набор тостов тамада обязан сказать «в одно дыхание» – *зынкъарала*. За ним следует все, кто за столом. За тех, кто за «черным столом», за исключением выше названных близких родственников покойного, говорить тосты не принято. Не принято говорить также стоя. Выказывать какие-либо признаки опьянения исключается: «стыд и позор».

Если покойный был наездником, то, не исключена возможность, что поминки завершатся скачками – *аҫарчеи*, в

которых участвуют его друзья, известные как мастера верховой езды – *аеыбгаказаца*. Атарчей начинается с посещения участников могилы покойного и обрядовой песни «Азар», хором исполняемой ими. Само мероприятие происходит обычно во дворе дома в упрощенном варианте, ограничиваясь «играми на лошадях» – *аеырхамарра*. Атарчей в классической форме проводится исключительно редко, скорее всего, он ушел в прошлое. «На лошадь умершего, от гривы до хвоста, накидывали...покрывало «черный попон – В.Б.), ... На нее садился наездник, который вместе с другими верховыми отправлялся на могилу, и обходил ее кругом трижды. После этого тот, кто на лошади с покрывалом, незаметно вырывался вперед из группы наездников и несся стремглав по любому направлению с тем, чтобы нетронутым прискакать обратно... Остальные также неслись за ним, чтобы догнать и вырвать из-под его седла покрывало до того, как он доедет до места, где был дан старт».

В полночь одна из пожилых родственниц при помощи двух-трех близких женщин, освещающих помещение зожженной свечей, в котором располагается муляж покойного, слегка размахиваясь фундуковым прутом: «Не бойся, не бойся. Пора тебе на место своего постоянного пребывания! Встань, отправляйся в путь!»! Неоднократно повторяя формулу утешения души покойного – «*уңсы тынчыз*», осуществляет поднятие муляжа – *анишьанишьтыхра*, которое служит знаком последней точкой цикла поминальных обрядов.

* Статья написана для проекта монография «Апсуара» на основе нового полевого этнографического материала и существующей специальной литературы. Из книги «Вопросы традиционной религии и бытовой культуры абхазов». Сухум, 2012.

ЖИЛИЩЕ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧИВАЮЩЕЙ СИСТЕМЫ У АБХАЗОВ

Жилище, как составная часть жизнеобеспечивающей системы абхазов, универсально. Вместе с тем оно является одной из наиболее «наглядных» сторон материального быта народа, хотя находится в постоянном движении, нередко вбирая в себя явления инновационного порядка. И развитие их традиционных жилищ подчинено этой же закономерности.

Типы поселений

Основными факторами, определяющими изменения или трансформацию жилых построек абхазов, впрочем, как и любого другого народа, являются их социально-экономические и экологические условия жизни, а характер поселения определяется своеобразием рельефа места их обитания.

В холмисто-предгорных и, тем более, в горных районах Абхазии превалирует разбросанный или усадебный тип поселения. А селения, как правило, тянутся десятки километров, занимая значительную площадь. На этой территории, обычно по берегам речек и взгорьям, беспорядочно разбросаны дома жителей, что является самой характерной чертой самих сел.

По существу абхазское село – это система хуторов и отдельных усадеб, стоящих нередко совершенно изолировано посреди своих участков и полевых угодий. С. Броневский писал, что абхазы «в больших деревнях не живут, но рассеяны по горам и косогорам малыми усадьбами по два и по три двора» (Броневский, 1823. С. 325). Анонимный автор журнала «Домашняя беседа» также отмечал, что «абхазец выбирает жилье по душе, мало думая о необходимости скупиваться» (Абхазы и Пицунда. 1877. С. 929). К.Ф. Ган вообще отказывался назы-

вать абхазские селения «деревнями» в обычном смысле этого слова (Ган, 1902. С. 38).

Смежные селения фактически сливались, границей между ними служили реки, холмы, проселочные дороги и другие метки. На проселочные тропинки обычно выходили заборы, ограждавшие усадьбы, виноградники, огороды, пахотные поля, сенокосы и т.д. «Трудно заметить, где живет абхаз» – говорили абхазы сами о себе. И, действительно, их жилища совершенно исчезали в зелени лесов и садов (Инал-ипа, 1965. С. 296-297; Аджинджал, 1969. С. 18-19).

В то же время в приморской полосе абхазские поселения были более упорядоченными, основным их ориентиром являлись дороги – *амваду*. С развитием современной коммуникационной системы они приобрели здесь уличную планировку.

Усадьба

Для строительства жилого дома годилось не всякое удобное, подходящее на первый взгляд место. Поэтому перед тем, как приступить к строительству довольно долго искали «счастливый» участок земли – *адгылыми, атыңыми*. Способов для его определения было много. Иногда, на приглянувшемся месте, где предполагалось строительство, клали массивный камень и поливали его сывороткой – *ахаз*. Если через пару дней под ним оказывались черные муравьи, то земля на данном участке считалась благополучной. Существовал и другой способ: ночью приходили на предполагаемое место жительства и начинали оглядываться взад-вперед, по сторонам. Если появлялось нечто вроде света, исходящего от некоего невидимого огонька, то можно было начинать строительство своего жилища. Счастливый участок «выявлялся» также при помощи куриных яиц: разбитыми верхушками скорлуп их клали на ночь в углы будущего дома. Если яйца и утром оставались полными, то это означало, что место выбрано удачное и здесь

можно было жить в полном здравии и благополучии (Гулия, 1925. 175; Чурсин, 1956. С. 7; Аджинджал, 1969. С. 40).

Несколько забегаая вперед, отметим, что по окончании строительства дома хозяин устраивал Владычице земли – *Ад-гыыл ахылацыхэды* – моление, которое е трансформировалось в пышное новоселье.

Важнейшим элементом абхазской усадьбы является двор, на местоположение которого обращали и сейчас обращают внимание – ведь в его глубине воздвигалось жилище.

Абхазский традиционный двор представляет собой обширную, огороженную от других частей усадьбы, площадку. Ограды бывали разные: частоколы, обрешеточные и пр., а в горных селах – и каменные из булыжника. Нередко встречалась также живая цитрусовая изгородь.

В настоящее время двор обносят преимущественно металлической сеткой, растягивающейся между железными или железобетонными столбами. Ворота – *аггашиэ* – делали из дубовых, каштановых и пр. жердей, а в настоящее время ставят, в основном, металлические. Во дворе красуется большое теннистое дерево, обычно лавровишня, граб, грецкий орех, под которым хозяева проводят значительную часть свободного времени в жаркие, солнечные дни. Просторный двор идеальной чистоты покрыт искусно остриженной зеленой травкой. Важная его функция состоит в том, что во время радостных (свадьба) и горестных (похороны, поминки) событий в семье в нем, как правило, происходят соответствующие ритуализированные действия с участием многочисленных гостей, которые сопровождались, нередко сопровождаются и сегодня, джигитовкой – *аеырхамарра*.

Остальная, большая часть усадьбы тоже имела ряд внутренних отделений: скотный двор – *арахэггара*, огород – *аутра*, пашня – *амхырта*, сад – *ашгыртра*, виноградник – *азахэатра*, пасека – *ашьхымзатра*. Если площадь позволяла, то усадьба могла иметь еще и специально огороженный уча-

сток – *ахкаара*, где паслись телята. Расположения всех отделений зависели от рельефа самой усадьбы. Сообщение между ними осуществлялось при помощи калиток – *агдышэхэыч* или перелазов – *ахџыста*.

Строительный материал

В силу обилия разнообразных лесов в стране, основным строительным материалом служили деревья. Наибольшей популярностью и почетом пользовался каштан. Он легко обрабатывается, обладает красивой фактурой, его древесина отличается наибольшей плотностью. Часто использовался дуб, из которого, как и из каштана, изготавливались основные элементы остова – *абаџ* – или каркаса здания. Дуб боится сырости меньше, чем каштан, поэтому исключительно из его древесины делали сваи – *ашьака* – и бревна-лежаки – *ауасхыр*. В тех районах, где трудно доставались эти материалы, употреблялись и другие более или менее твердые породы: шелковица, акация, карагач и т.д.

При рубке леса особое внимание обращали на зрелость дерева, который определялся не только его толщиной, но и расстоянием между сердцевиной и корой.

Крестьяне хорошо знали, что строительный материал, заготовленный в период питания растительных организмов, легко поддается червоточине. Поэтому лучшим временем рубки считался осенне-зимний период. Этот порядок соблюдался особенно по отношению к рододендрону, которым оплетали стены отдельных жилищ.

Строительное искусство

Строительное искусство абхазов представлено и каменным зодчеством – *абаа*, *абааргылара*. Древние сторожевые башни – *аџцабааш*, могущественные замки и крепости –

абааш, христианские культовые сооружения – *ақьырсиан ны-хабаа*, встречающиеся чуть ли не в каждом селении Абхазии, сделаны из камня.

Каменные дома – *ахахэтэ оны* – имелись у многих представителей привилегированного сословия, но они служили больше в качестве защиты, чем жилья (Торнау, 1864. С. 23-24).

Плотничий промысел – *ауастара* – у абхазов возник очень рано. Особое развитие он получил после проникновения в Абхазию элементов капиталистического способа производства. Тогда появляются и наемные мастера – *ақьырауаста* – выходцы из других областей горного Кавказа, где, в силу различных причин, существовало отходничество. Спрос на услуги отходников был велик, так как их труд являлся относительно дешевым. Тем не менее, традиции плотничества в Абхазии существовали практически в каждом селении.

Набор строительных орудий простого крестьянина-плотника – *ауаста* – был минимален по своему составу. Самыми необходимыми были абхазский топор – *аңсуаиха* и цалда – *аигэышэ*, бытующие у абхазов с начала железного века (Хотелашвили, 1974. С. 38–42). В зависимости от их функционального назначения, топоры встречались разные. Большой топор – *аихаду*, при помощи которого вырубали и раскалывали на части толстые и твердые древесины; маленький топор – *ауастеиха*, служивший для обтесывания бревен, жердей и досок; *аикэага*, – предназначавшийся для выполнения мелких работ. С появлением русских переселенцев появляется и так называемый русский топор – *аурсеиха*, который получил распространение особенно в Бзыбской Абхазии.

Цалды встречались также двух типов – с круглым и четырехгранным обухом.

С этими орудиями крестьяне уходили в лес для заготовки строительного материала. При помощи топора производили валку и первичную обработку дерева, а цалдой – рубку лианы, хвороста и пр.

При постройке дома особо проявлял себя обычай взаимопомощи – *аицхыраара, ауаахэ*. Родственники и односельчане сами предлагали свои услуги и оказывали всяческую помощь, к которой прибегали даже проживающие поблизости от места рубки леса; в частности, они считали себя обязанными угощать заготовителей – *аматэахэҟкацэа*.

Лес доставляли на арбе, запряженной парой волов или буйволов. В холмистых же предгорьях его тащили и волоком – *ацьал*.

Бревна укладывали недалеко от места строительства дома. Они лежали там до достижения определенной степени просушки, после чего подвергались необходимой отделке. Некоторые всю эту работу производили на месте, чтобы облегчить перевозку.

Типы построек

Абхазские традиционные жилища весьма различны. До конца XIX – начала XX в. господствующими были два вида строений: плетеные и дощатые. Кроме того, по форме они также делились на две группы: круглые – *аонхаргьежэаа*. прямоугольные – *аонҟшьыркца*. Формой определяется и разнообразие их конструкций, позволяющее дифференцировать все жилища на ряд типов. Наиболее архаичной разновидностью являются круглые в плане, плетеные сооружения типа *ақьала*. Для их строительства достаточно было иметь длинные колья – *ацэфан*, прутья – *ачын*, папоротник – *арас* – или солому – *ачаз*.

В землю по кругу вбивались колья, верхние концы которых связывались дикой лозой – *алмышэзахэа* – или дубовой вицей – *азарцэи*. Пространство между кольями заплеталось орешником – *арасачын* – или рододендроном – *ахэажэ, абжынцэ* – до самого верха, за исключением передней части, в которую вставлялась плетеная дверь – *аиэ*. Таким образом,

ақьала приобретало своеобразную форму чума или типи. В качестве жилища оно встречалось еще в первой половине XX в., но только в горной зоне, у пастухов.

Другим типом плетеного жилища круглого в плане является *ақэацэ*. В старину жилища именно такого типа были наиболее распространены в Абхазии. Они встречались всюду, но более всего в горных и предгорных районах Бзыбской, Гумской, Абжуйской Абхазии, Самурзакание и Цебал-дале.

Ақэацэ возводили следующим образом. Во дворе, на ровном месте (если такого не было, то площадь специально выравнивали) кругообразно на расстоянии около 0,18 м друг от друга вбивались в землю заостренные топором колья-жерди из орешника или дуба. Забивали их руками, слегка раскачивая и поливая землю водой (высота кольев или жердей доходила до 2-3 м). Затем жерди сплетали хворостом из рододендрона, азалии, орешника, дикой виноградной лозы. Плетень делался из ровных прутьев, возможно более плотно пригнанных друг к другу; все сучки при этом обрубались. Хорошие мастера весьма искусно изготовляли узорчатый плетень (Аджинджал, 1969. С. 44-45).

Конусообразную крышу образовывали стропила (абж.: *ахахэйдэахэ*, бзып.: *амаркац*), очищенные от коры при помощи скобеля – *агдымсаг* – или – *ахымсаг*, и державшиеся своими крюками – *айдэахэ* – за высокий столб, вбиваемый посредине помещения, потому и называвшийся «средней подпоркой» – *агэашь*. Многие применяли стропила виллообразной формы – *аимғаҕа*, которые могли опираться на край стены, благодаря чему необходимость в «средней подпорке» отпала.

Стены *ақэацэ* укреплялись рядом дубовых столбов – *адырвала*, плотно приставленных к ним снаружи. Название данного жилища происходит от формы крыши, напоминающей конус: *ақэ* – покрытие, *цэ* – показатель чрезмерной высоты.

Разновидностью *ақэацэ* является амхара. Это плетеное, с конусообразной крышей, круглое в плане помещение, по сво-

ему внешнему виду сходное с *ақәацә*, но гораздо меньших размеров.

Амҳара была примечательным явлением старого абхазского быта – она являлась жилищем для новобрачных, в которое водворялись молодожены после свадьбы. В этом брачном домике они проводили первые месяцы, а иногда и целый год, своей семейной жизни.

К началу XX в. *ақәацә* и *амҳара* стали стремительно исчезать. Новые техники домостроения, а главное, новационные изменения бытовых традиций погасили потребность в этих сооружениях. К середине прошлого века по всей территории Абхазии этнографами было зафиксировано лишь несколько десятков сооружений такого типа. Утратив свои прежние бытовые функции, они служили в качестве подсобных хозяйственных помещений.

Как было сказано выше, вторым видом плетеных жилищ являлись прямоугольные в плане сооружения. Они также были разнотипными. Среди этой группы наибольшей примитивностью отличалось *абыцатзы*, для строительства которого достаточно было иметь топор и одну из разновидностей цалды. В названии этого жилища отражается способ его возведения: *абыца* – прут, *атзы* – стена.

Вторая часть термина, по-видимому, восходит к так называемому «ветровому заслону», известному этнологии, как укрытие, сделанные впервые человеческими руками вообще.

И что более интересно, «*атзы*» применяется сегодня как синоним понятий «дом», «двор», «хозяйство» и «семья».

Для поднятия четырех стен *абыцатзы* длинные круглые кольца вбивались в землю на расстоянии одной пяди – *шь-хәатыңк* – друг от друга уже в форме четырехугольника. Пространство между ними оплеталось прутьями из рододендрона, азалии или орешника до самого верха. Стены сверху опирались на бревна – *ақьарста*, укладываемые на вилы столбов

– *ашьака*, которые ставились в местах угловых соединений венцов – *акэакьта*, *акэындыхэ*.

У передней и задней стен в землю закреплялось еще по два столба, чтобы верхние концы их перекрещивались выше стен жилища, поэтому они и получили название «ножницы» – *амаркатыл*. Место их скрещивания скреплялось врубкой в полдерева – *атяңкара*. На скрещенные концы ножниц клали коньковый брус – *ақэыркъа*, за который держались крючкообразные стропила *ахахэйэахэ*. На стропила привязывались поперечно лежащие на них обрешетки (абж.: *алартка*, бзып.: *амартақы*), после чего дом покрывался тем же материалом. Передняя часть крыши несколько выступала вперед, образуя небольшой навес – *абарйа*, в качестве потолка которого служил плетеный настил (абж.: *ачалт*, бзып.: *абыцакья*).

«Ножницы», как и *агэашь* круглой плетенки, вследствие своей практической нецелесообразности утратили свою жизнеспособность. Уже в конце XIX в. они нигде не фиксировались. Этнологи знают о них только по рассказам старожилков.

Дальнейшие приемы возведения крестьянского жилища связаны с применением разного рода долота (абж.: *акыга*, бзып.: *ацэымка*), которое осуществило крупнейший переворот в развитии деревянного строительства. В частности, благодаря ему стропила стали обходиться без виц, их скрепляли так, что конец одного стропила вбивался в отверстие другого. Строители производили путем долбления соединение бревен – *аихартэара*, скрещивание пазов – *аихасара* и др. работы.

Рубка в хряпку, как способ скрещивания пазов, применяли при строительстве всех типов четырехугольного жилища, в частности, при скреплении лежаков и брусьев-обвязок – *ахарча*. Посередине пазов проделывали отверстия, куда вбивали шип – *айды* – и подпорки – *абакэ*. Тем самым соединение приобретало необходимую прочность.

Усовершенствование *абыцатзы* привело к строительству другого типа четырехугольного плетеного жилища – *ама-*

сартзы или *аҭацха*, которое со второй половины XIX в. получает широчайшее распространение и становится основным видом жилища абхазов.

Решетки *аҭацха* устанавливались на плоских тесаных бревнах, связанных между собой по углам врубкой и положенных в форме правильного прямоугольника. Являясь основанием, эти лежаки – *ауасхыр* – подкреплялись в свою очередь камнями, предохранявшими стену от гниения. Внутренние поверхности лежаков и обвязочных брусьев подвергались долблению отверстий, в которые входили концы решеток, заплетаемых ровными прутьями из рододендрона, азалии или орешника. Стены снабжали подвязочными брусьями (абж.: *агәларшә*; бзып.: *агәыҭахәа*), через сквозные отверстия которых пропускали решетки так, чтобы до обвязочного бруса оставалось с топорнице – *аихахәышәара*.

Аҭацха имела уже более широкий навес, подпиравшийся обычно двумя или четырьмя столбами – *абакә*. Дверей у нее было две – одна против другой. Причем, передняя называлась «верхней» – *хыхәтәи ашә*, а задняя – «нижней» – *йақатәи ашә*. Двери всех предыдущих типов жилищ были, как правило, плетеными. А дверь *аҭацхи* представляла собой уже четыре, пригнанных друг к другу ребрами, доски, которые были укреплены двумя поперечными планками, одним раскосом. Петли изготавливались в кузне. С внутренней стороны дверь закрывалась металлическим крючком – *азырза*, а снаружи – вращающимся деревянным затвором – *алыкә*.

Высота стен плетеных жилищ, независимо от их формы и типа, была немногим более человеческого роста, и, поскольку они были плетеными, то легко пропускали внутрь помещения воздух и свет. Тем не менее, обычно в фасадной стене оставляли небольшой проем в виде прямоугольника, то есть «дверь для головы» – *ахышә*. Правда Ф. Торнау считал, что он служил скорее для наблюдения за тем, что происходит во дворе,

чем для освещения (Торнау, 1864. С. 114). Ночью и в холодное время проем закрывался ставней.

Многие, особенно жители горных селений, утепляли свои жилища, обмазывая стены глиной. Для придания прочности смешивали ее с размельченной соломой или с сеном, а затем производили побелку. Белила изготавливали из известковых масс – *аҳаш*, которые доставляли из скалистых ущелий горных рек.

Все плетеные жилища, в том числе *аңацха*, покрывались многолетними травами, главным образом из семейства осоковых, папоротником, соломой. Заготовка кровельного материала осуществлялась осенью, когда растение обсыхало. Собирали его в пучки, которые ставили верхушками вверх, на определенном расстоянии друг от друга. Перед употреблением их вымачивали водой.

Самым распространенным способом покрытия крыши являлось покрытие не вязаной осокой. При этом материал подавали на крышу в пучках – *аҗаҳдара*, но потом эти пучки развязывали и расстилали снизу вверх. Таким образом, каждый ряд несколько закрывал предыдущий. Ряды пригоняли тонкими жердями, которые привязывали к обрешеткам пропущенными через кровлю вицами. По форме крыши были четырехскатными.

Как правило, за исключением *аңацха*, все плетеные жилища представляли собой однокамерные постройки, а *аңацха* могла иметь два, иногда и три помещения – *аҗык*, ма *хҗык*. Наибольшее из них располагалось обычно справа от входа. В этой большой комнате у очага семья готовила и принимала пищу, обсуждала свои повседневные проблемы. В ней спали старшие члены семьи. В ряде случаев она служила еще и в качестве гостиной. Младшие члены семьи спали обычно в меньших комнатах.

В традиционных жилищах пол был земляной, тщательно выровненный и утрамбованный, хозяйки стремились содержать его в идеальной чистоте. Однако в маленьких помеще-

ниях пол делали из досок. Тесаные доски настилались на внутренних бревнах в перпендикулярном направлении по отношению к ним. В местах прохождения швов – *ахеиҕаҕсарта* – концы досок подгонялись прямым теслом (абж.: *ацакъа*, бзыб.: *ацъапар*). Такой, несколько приподнятый, деревянный пол назывался *ахыгэра*.

В центре помещения, несколько ближе к «нижней» двери располагался открытый очаг – *ахэиштаара*. Очаг в жилищах круглой формы представлял собой своеобразный полукруг; в *аҕацха* он был четырехугольным. Головная часть очага укреплялась тесаным камнем – *ахчыза*, на который клали утолщенные концы поленьев для костра.

Вообще каждый хозяин старался устроить свой очаг как можно лучше. Здесь непрерывно горел огонь – символ непрерывности жизни. Перед сном хозяин прятал пылающие угольки в золе – *иҕеиҕэон* (досл.: «завязывал»), чтобы утром зажечь огонь ими же. Делал он так не только потому, что добывание огня было сопряжено с определенными трудностями.

По поверью, огонь – явление необычайное, сверхъестественное, он обладает магической силой, способствующей удачному продолжению рода с присущими ему традициями. Даже при разделе семьи, отделившись от неё брачная пара брала с собой в новый дом горящую головешку из отцовского очага (Аджинджал, 1969. С. 61, 98).

Сам термин «*ахэиштаара*», по-видимому, очень древний и этимологизируется как «место горения дров» (*ахэы* – дерево, *ашы* – горячее, *т* – локативный суффикс, *ра* – масдарная форма глагола).

Над очагом свешивалась надочажная цепь – *архышьна*, игравшая роль домашней святыни, деревянные раздвижки – *ацэахэеиҕарта*, подсвечник – *ацэаиштаргыларта* и другие всевозможные крючки – *ацэахэ*.

У очага ставились различной длины скамейки – *акэардэ*, *арымз*. К боковым стенам прикреплялись деревянные нары

– *ацартағды*, над которыми висели шерстяные покрывала – *акыдыршдыла*. На нарах лежали постельные принадлежности. В помещении могли быть и всевозможные сундуки – *ашандыкэра*, шкатулки – *ачықмаца*, в которых хранились ценные вещи семьи. Несколько выше к стене прибивались полки – *акығара*, в которых помещались предметы кухонной утвари – *акёфраматға*. У одной из стен стояла плоская каменная зернотерка – *ахақья*, на которой хозяйка готовила аджику. На стене за специальные крючки держались также узкий стол удлиненной формы с относительно низкими ножками – *ашида*, а также седла, оружие, бурки (Аджинджал, 1969. С. 62-65; Инал-ипа, 1965. С. 303-307; Акаба, 1955. С. 65).

У одной семьи могли быть две жилые постройки типа *аңацха*, причем каждая из них имела свое назначение. Одна, часто имевшая сзади пристройку для хранения утвари (абж.: *ағаңара*, бзып.: *асура*), служила для самой семьи; в ней протекала вся «кухонная» работа – *амайурта* (букв.: «место обслуживания»). Другая предназначалась для приема гостей – *асасаирта* – «место, куда заходит гость» (Инал-ипа, 1965. С. 311-312).

Третий и последний тип четырехугольного плетеного жилища – *аганоны* – «удлиненный в бок дом». Он также имел несколько комнат, однако, в отличие от *аңацха*, эти комнаты – *ағы* – не имели сообщения между собой, поэтому, чтобы попасть в одну из них, нужно было сначала выйти наружу. Двери всех комнат выходили под длинный на всю ширину жилища неширокий (1-2 м) фасадный навес.

«Удлиненный в бок дом», как говорит само название, вытянутый в ширину или в бок четырехугольный дом. Его можно было строить какой угодно ширины, в зависимости от материального положения хозяина, а также от количества семейств. Обычно длина такого жилища в 3–4 раза превышала его ширину (Аджинджал, 1969. С. 69).

Раньше в таком доме проживало совместно несколько кровнородственных семей. В большой, обычно боковой, комнате,

где располагался очаг, семья проводила свою повседневную жизнь, а ночью расходилась брачными парами. Молодые, несемейные домочадцы, оставались в «большом» помещении вместе с родителями.

Как было сказано выше, другим видом жилища в Абхазии были бревенчатые дома – *аџнеихакџа*. Традиция их строительства уходит своими корнями в раннеантичный период. Об этом свидетельствуют археологические данные, а также письменные источники, сообщающие об отдельных элементах быта и культуры населения Древней Колхиды (Латышев, 1904. С. 42-43). В XIX в. бревенчатые дома продолжали возводиться. Одной из их разновидностей является *аџьаргџалвны*. Первоначально стены этого жилища делались из круглых бревен, которые тщательно очищали скобелем от коры. Бревна скреплялись по углам вполдерева. Для плотного прилегания их продольные ребра отесывали с таким расчетом, чтобы верхнее бревно несколько закрывало своим ребром верхнюю сторону нижележащего.

Исключительным удобством отличались жилища с ровными гладкими стенами внутри, для чего при помощи топора (*аихаду*), кувалды (*аура*) и клиньев (*асал*) бревна раскалывали на две части, затем их аккуратно отесывали.

Из круглых бревен строили также и ряд хозяйственных построек, но при этом пользовались более простым способом соединения бревен – в чашу (*итџыргџежџааны*). К тому же в данном случае вырубали только нижнюю сторону бревна, то есть на каждое нижнее закладывался паз верхнего – *атџџкарстџа*. Это предохраняло выемку от атмосферных осадков.

Во всем остальном как по форме, так и по функциональному назначению, бревенчатое жилище не отличалось от *амасартџы* или *атџаџа*.

Следующим видом традиционного абхазского жилища было дощатое. Одна из его разновидностей представляла *аџџытџы*. Начиная строительство, доски – *аџџы* – отесыва-

ли топором, так называемым *ауастеиша*. При этом плотники применяли *алар* или *ацархэ* – шерстяной шнур, который после вымачивания красильной жидкостью – *ақардуаг* – протягивали по бревну и тем самым наносили на него линию, по которой производили обтесывание. Что касается самой краски, то она представляла жидкую массу из угольного порошка, замешанного на воде.

Доведение плотничьих инструментов до относительного совершенства, в частности, появления долевого пилы – *ағэхы-гахэархь*, дало возможность строителям применять рубку стен из пиленных досок – *ағды*.

В новое время абхазские плотники пользовались уже и мастеровыми продольными пилами – *ахыцхэархь* – и ножовкой – *ацыпхэархь*. Выемку делали теперь путем вырезания доски или бруса. При выпиливании углов с остатком в конце, снаружи оставляли не меньше, чем на ширину доски, во избежание откалывания остатка. Для достижения прочного прилегания досок друг к другу в поверхности нижнего ребра каждой доски вынимался продольный паз, в который входило заостренное ребро другой нижерасположенной доски. Кроме того, в ребрах этих же досок на одинаковом расстоянии сверлили дыры, в которые вбивали деревянные гвозди или шпильки – *акылайэ*, *ахэдыйэ*, служившие для укрепления стены.

Первоначально, *ағдытзы* имело не более одной-двух комнат. В то же время была возможность расширять жилище вширь или длину. Если появлялась необходимость в новом помещении, длина которого больше максимальной длины доски, пользовались прорастиванием элементов – *аицшыра* – с помощью специальных стоек, называвшихся также *абакэ*, с шипами на концах и двусторонними продольными пазами, куда вгонялись торцы досок. В то же время они являлись непосредственной опорой лежавшего над ними обвязочного бруса.

Последний и наиболее усовершенствованный тип дощатого дома, получивший широкое распространение со второй

половины XIX в., называется – *акэаскъа*. По своему происхождению термин этот связан с тюркским «кунак» – гость, проникшим в абхазский язык через посредство русского – «кунацкая». Этот дощатый дом, постепенно совершенствуясь, со временем превратился в более обширный, удобный многокамерный дом. Он строился целиком из досок, с полом и потолком и устанавливался на деревянных (из твердых пород) или каменных столбах-стойках, высотой до 1 м и выше.

Доски для стен были исключительно каштановые; половицы изготовлялись преимущественно из древесины дуба. Употребление пихтовых досок началось сравнительно недавно и связано со значительным сокращением вышеназванных пород деревьев. Перед употреблением лицевую сторону доски строгали рубанком (абж.: *ашьалашшын*, бзып.: *аандсаг*) и тщательно выравнивали при помощи фуганка – *ахэыштър*. А потолочные доски – *атуан гэкэа* – подвергали и фальцовке – *афтыхра*, или *аивыхра*.

Для утепления жилища наиболее зажиточные хозяева производили обивку внешней стороны стен тонкими фальцованными досками. Основным видом ошалевки был поперечный, то есть обивка ошалевочных досок поперек стеновых. С начала XX столетия распространяется и елочная ошалевка. Этот способ применялся главным образом при обивке фасадной стены.

Материалом кровли служила дрань (абж.: *акауар*, бзып.: *акэырғыаң*), кое-где и черепица – *акыц*. Дрань изготовлялась из каштана, дуба, пихты и бука, но предпочитали все же каштановую.

Прежде, чем валить дерево, изготовители вырубали из него небольшую щепку – *анытқара анырхуан*. Если она расщепалась легко, то валили дерево и распиливали его на куски. Затем каждый кусок (абж.: *асин*, бзып.: *амара*) подвергался расчленению на несколько поленьев (абж.: *акалра*, бзып.: *арыззара*), служивших уже непосредственно для приготовления дранок. Расчленение полена на дранки производили при

помощи специального инструмента – *асатыр* – и деревянной колотушки (абж.: *атамскэагэ*, бзып.: *ахэасага*) путем удара последним по первому, которое своим лезвием прикладывалось к верхнему концу поставленного на бревно полена.

Полены, которые плохо раскалывались, обогревали на огне, для чего вокруг костра вбивали четыре вилообразных кола, верхние концы которых соединяли жердями и укладывали на них полена. Тем самым они оказывались над костром.

Для предотвращения возможной кривизны в процессе просушки, дранки клали в виде пятирядной клетки, по десять на каждую укладку. Это также способствовало облегчению ведения счета.

Крышу покрывали в один или, чаще, в два слоя. Укладывали по обрешетке в ряды, также снизу вверх по линейке. Первоначально драни укрепляли на каждом скате дубовой рейкой – *абаска*, положенной вдоль ската. Она прибивалась обычно в трех местах специальными четырехгранными гвоздями местной ковки – *абаскайдымаг*. Особое достоинство этих гвоздей заключалось в наличии широкой шляпки, благодаря чему дождь не мог по нему протекать. Впоследствии вместо таких гвоздей стали применять тонкую проволоку, накручиваемую на драночные гвозди – *акауарйдымыг* которыми приколачивали каждую дрань. Ребра, то есть линии пересечения скатов крыши покрывали желобами – *аеҳаа*, для изготовления которых бревно раскалывали, затем каждую половину отесывали топором, а на сторонах раскола делали продольное углубление при помощи желобчатого тесла (абж.: *агэмжъайгэ*, бзып.: *амахэтыңсага*) (Аджинджал, 1969. С. 79–80).

Степень наклона скатов зависела главным образом от частоты осадков. Обычно крутые крыши больше были характерны для жилищ жителей предгорных и горных мест, где осадков выпадает гораздо больше, чем в приморской зоне.

Как говорилось выше, до появления жилищ с основанием, дверные стойки, как и другие стеновые колья, вбивались пря-

мо в землю, о чем говорит и их название – *ашэваз*, которое переводится как «то, чем обставляется дверь». С применением *ауасхыр* в качестве основания жилища и *ақьарста* как верхних обвязочных элементов, дверные стойки, подобно опорным столбам, начали скреплять между ними. Таким же способом укрепляли порог – *ашэхымс* – и вершняк – *ашэхынць*. В дощатых домах внешние стороны стоек подвергались продольному выдалбливанию, в котором скреплялись стеновые доски, а внутренняя же сторона, за исключением верхней части, расположенной над вершняком, представляет колоду для крепления в ней дверных пролетов – *аоналарта*.

В таких домах делались в основном двустворчатые двери со вставленными филенками – *ашэқэа ааиңахауа*.

Роль обвязок оконных проемов выполняли те же стойки. И окна в них, особенно в свайных домах, делались большие и светлые. Это створчатые рамы с двумя распахивающимися половинами и фрамугой. Как правило, подобные окна устраивались с заметным расширением обоих откосов проема для лучшего освещения помещения. Кроме того, широкое пространство имели резные наличники – *адыңсала*, которые накладывались на оконный или дверной проем

Важнейшим органическим элементом *акэасқьа* был балкон – *абарйа*. Просторный, тянущийся на всю фасадную длину дома, он служил важным звеном, связующим жилище с окружающей природой, прежде всего, двором.

Абарйа опиралась на четыре или шесть и более колонн, в зависимости от размера самого здания. Колонны соединялись перилами – *абаркьыл* – и ажурными тимпанами – *аҳарць*.

Поручни или парапеты – *акаламхарца* – прикреплялись ниже средней части колонн путем вставления шипов первых в выдолбленные отверстия последних. Нижняя поверхность парапетов подвергалась продольной выемке, куда вгонялись верхние концы дощатых балясин – *акалам*, укрепленных снизу двумя рейками, прибитыми параллельно к половым доскам

вдоль *ауасхыр*. Тимпаны укреплялись при помощи капители – амацэз – и реек, прибитых к боковым поверхностям колонны между первыми и обвязочным брусом.

Творческая фантазия плотников сполна проявлялась в художественном оформлении балконов, перил, балясин и карнизов, которые украшались искусной пропиленной резьбой преимущественно геометрического характера. В целом каждый хозяин стремился оформить и лестницу, и балкон так, чтобы они служили как бы символом радушия и приветливости.

К входной дверце *абарџа*, расположенной обычно в среднем пролете ее перил, плотно примыкает лестница, простейший тип которой состоит из одного марша. Для домов же, стоящих на высоких столбах, больше характерна лестница с двумя маршами, между которыми устраивалась площадка. Лестница снабжалась перилами, оформленными точно так же, как и *абарџа*.

В Бзыбской Абхазии встречалась и такая *акэаскъа*, к навесу которой пристраивалось крыльцо с двускатной крышей и фронтоном, удачно вписывающееся в общий вид *абарџа*.

В *акэаскъа* было несколько помещений. Первая, большая комната, часто называвшаяся по-русски залом, служила в качестве гостиной – *асасаиртџа*. Хозяева практически ею не пользовались, так как в любое время дня и ночи она должна была быть готовой для приема гостей. Это была парадная, красиво убранная комната. Вдоль стен стояли кровати с льняными подзорами и аккуратно сложенными постельными принадлежностями; могли быть здесь и другие предметы первой необходимости. В центре помещения находился стол, окруженный стульями. Стены украшались белыми льняными или хлопчатобумажными орнаментированными тканями, полотенцами, занавесями и другими рукодельными изделиями хозяйки и ее дочерей. Развешивались также большие домотканые ковры, выходная одежда мужчин и их вооружение (Аджинджал, 1969. С. 81). Уже

к XX столетию залы стали обставляться гарнитурами фабричного производства.

Непременной принадлежностью *акэасқыа* был восточный камин – *ауацьак* – с широкой открытой топкой – *ағы*. Наиболее старинные типы камина строились из известнякового камня, легко поддающегося обтесыванию. Кирпичный камин распространился несколько позже – в начале XX в. Устраивался он обычно в месте соединения зала с другими комнатами так, чтобы в каждой из них была топка. Поскольку камин являлся важным элементом во внутреннем убранстве помещения, лицевая сторона передней укладки, расположенная над топкой, украшалась резьбой.

Как говорилось выше, залом *асасаирта* хозяева практически не пользовались. Повседневная жизнь семьи протекала в других, сравнительно небольших комнатах – *акэасқыа*, где домочадцы собирались по вечерам, женщины и девушки занимались рукоделием; здесь же укладывались спать.

На территории абхазской усадьбы было еще одно помещение, которое целиком служило хозяйственным нуждам семьи – это кухня – *амайурта*. Она располагалась в нескольких метрах от «большого дома» на заднем дворе или на одной линии с первым (но не спереди). Пол здесь был земляным, потолок отсутствовал, посередине располагался очаг, где постоянно поддерживался огонь, над очагом висела надочажная цепь. Домик иногда снабжали дымоходом, но чаще обходились без него, и дым расходился по всему помещению, вследствие чего постройка становилась внутри черной, и прокопченные стены приобретали темно-красную окраску, словно были покрыты лаком.

В *амайурта* прежде всего, готовили пищу, поэтому здесь находилась разнообразная хозяйственная утварь: котлы, тазы, кувшины, миски и пр.; хранились некоторые из хозяйственных и продовольственных припасов. В обыденной обстановке *амайурта* служила местом, где семья трапезничала. Здесь

же женщины проводили большую часть дня, выполняя многочисленные хозяйственные работы (Инал-ипа, 1965. С. 312–313; Аджинджал, 1969. С. 83).

Амайурта и *акэасқа* соединялись крытым переходом – *аҭаҭшьра*. Когда в *амайурта* прибывали гости, пища и питье из *амайурта* немедленно доставлялись к пиршественному столу.

Со временем пространство между сваями, на которых стоял дощатый дом стали заделывать досками, устраивая там тем самым ряд помещений для хозяйственных нужд. Одновременно появляются также каменные кладки для перегородки этих камер. В результате получилось здание в два этажа – *аҭнеихагыла* от которого берет свое начало современный абхазский дом.

Сегодня это, как правило, двухэтажное шлакоблочное или кирпичное сооружение. Оно удалено от входных ворот в глубину двора, который, по стойко сохраняющейся традиции, представляет собой чистую зеленую поляну с живописно стоящим одиноким деревом. На второй этаж ведет широкая лестница, которая сделана из заливного шлака. Заливными бывают и ее перила и балясины, хотя в последнее время их начали делать также из металла.

Традиционное внимание уделяется фасадному балкону, который, как и прежде, часто украшают пропиленной резьбой, особенно его балясины, на которые опираются перила. Некоторые хозяева предпочитают превращать балконы своих домов в закрытые, веранды с открытыми крылечками у входа остекляют. По сравнительно новой традиции балконы порой устраивают уже не на всю ширину дома, а ограничиваются выходом на него из двух или даже одной комнаты.

Два этажа современного абхазского дома имеют свою специфику. Нижний этаж связан с повседневной жизнью семьи. Здесь расположена хозяйственная часть жилища, в частности, кухня с плитой, и домашняя столовая, в которой происходят

семейные трапезы, а также спальные помещения для пожилых членов семьи, так как здесь теплее, благодаря наличию кухни и камина. В нижнем этаже размещены подсобные хозяйственные помещения (винный погреб, продуктовый склад, хранилище для утвари и т.д.).

Зал верхнего этажа является парадным помещением дома. Пол здесь паркетный, застлан коврами, висит хрустальная люстра, мебельный гарнитур, телевизор. Именно сюда приглашают гостей; им предназначены и другие комнаты верхнего этажа, за исключением одной-двух, служащих в качестве спального помещения для молодых домочадцев.

Таким образом, нижний этаж сегодня выполняет функции *амайурта*, а верхний – функции *асасаирта* (*акэаскья*).

Общая площадь современного абхазского дома в несколько раз превышает потребности средней семьи. Это связано как с максимально развитым до сих пор обычаем гостеприимства, требующим обязательного наличия в доме «гостевой» комнаты, так и заботой о детях. Конечно же, не исключен и элемент престижности.

В последнее время все больше проявляется тенденция возвращения к традиционному принципу абхазского домостроительства, в котором жилая и хозяйственная зона были разделены. Так, рядом с капитальным домом начали вновь строить *ацацха*. Возрождая старую традицию, ее возводят обязательно плетеной с открытым очагом, над которым, как и в старину, коптят сыр и мясо.

В состав жилых построек вернулся и *аганоны*, правда, без традиционных перегородок. Во время свадебных и поминальных торжеств в его просторном помещении накрывают стол для присутствующих, а в быту он используется в хозяйственных целях (Бигуаа, 2000. С. 112).

Крыши современных домов покрываются шифером или обычным железным листом. Кровлей для *ацацха* служит, как и прежде, дрань или черепица.

Являясь одним из основных элементов жизнеобеспечивающей системы, жилище воспринимается как часть национального духа, как этнический знак, как материальное выражение устоявшихся особенностей и специфики абхазского быта.

Литература:

Акаба, 1955 – Акаба Л.Х. Абхазы Очамчирского района // КЭС I. М., 1955.

Аджинджал, 1969 – Аджинджал И.А. Из этнографии Абхазии: материалы и исследования. Сух., 1969.

Бигуаа, 2000 – Бигуаа В.Л. Жизнеобеспечивающая система у абхазов: этническая специфика и современная действительность. СНТ АГУ, вып. 6., Сух., 2000.

Броневский, 1923 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923.

Ган К.Ф., 1992 – Ган К.Ф. Поездка в Минтрелию, Самурзакань и Абхазию // КВ, 1902, № 4.

Гулиа, 1925 – Гулиа Д.И. История Абхазии. Т. I. Сух., 1925.

Инал-ипа, 1965 – Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сух., 1965.

Латышев, 1904 – Латышев В. Заметки о кавказских надписях // ИИАК, 1904. Вып. 10.

Торнау, 1964 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. 1964.

Хотелашвили, 1974 – Хотелашвили М.К. Земледельческие орудия Абхазии античного и раннесредневекового времени // Материалы по археологии и искусству Абхазии. Сух., 1974.

Чурсин, 1956 – Чурсин Г.Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сух., 1956.

Источник: Валерий Бигуаа. Жилище // Абхазы. Москва: Наука, 2007, 2012: 233 – 259.

СТРУКТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ АБХАЗСКОЙ СЕМЬИ

По мнению абхазов, брак, создание семьи – это событие чрезвычайной важности, момент перелома жизни, всегда ассоциирующийся с понятием «счастье» – *анасың*. Великий Д. Гулиа писал: «Если у тебя хорошая жена, то зачем тебе ходить на веселые предприятия, веселье в твоём доме, а если у тебя плохая жена, не ходи на печальные события – печаль в твоём доме».

В прошлом для абхазов было характерно довольно позднее вступление в брак. Мужчина создавал семью только тогда, когда «приобретал некоторую славу и известность, ибо и сама девушка не выходила за человека, ничем себя не прославившего» (Чурсин, 1956 С. 159). На самом деле за формой данного явления скрывалось подлинное содержание – серьёзность проблемы, к которой следовало подходить только с глубоким чувством ответственности.

Еще в конце XIX в. обычный брачный возраст мужчин варьировал между 25 и 35 годами. Преобладающее же число мужчин вступило в брак в возрасте 30 лет, средний брачный возраст женщин был 18 лет, хотя нередко встречались невесты, достигшие 25-летнего возраста.

В 1920-1930-х годах наблюдалось некоторое снижение преобладающего брачного возраста мужчин, равного 28 годам, и повышение брачного возраста женщин до 20, что в целом объясняется известными изменениями в социально-экономической жизни народа, вызвавшими в свою очередь сегментацию неразделенных семей на нуклеарные.

Тенденция снижения брачного возраста имела место особенно в годы Великой Отечественной войны, «призывавшие» молодежь к быстрому взрослению, и сохранилась вплоть до конца восстановительного периода. Затем, в связи со значительным улучшением благосостояния народа, в частности с расширением сети образования, повлекшим за собой воз-

растание социальной активности женщин, вновь наступило относительное повышение брачного возраста вообще, и женщин, в частности. Уже в 1970-х годах средний брачный возраст женщин повысился до 25 лет, а мужчин – до 31 года (Бигуаа, 1983. С. 56-59).

В настоящее время брачный возраст у абхазов опять начал склоняться к снижению. Этому способствует, видимо, осознанность невосполнимых потерь людских ресурсов во время боевых действий в Абхазии 1992-1993 гг., приведших к нежелательным демографическим последствиям.

В абхазской бытовой действительности выбрать себе невесту было нелегко. Сложности возникали, прежде всего, в связи с наличием жестких экзогамных запретов, которых абхазы и сейчас строго придерживаются. Экзогамия распространяется на всех без исключения лиц, носителей родового имени, то есть фамилии – ажэла (доел.: «семья», «происхождение») отца, матери и даже обеих бабушек. Считается, что все, кто носит одно родовое имя, независимо от их места жительства и даже этнической принадлежности, происходят от одного предка и, следовательно, являются кровными родственниками. Явления кросскузенного или ортокузенного брака в абхазском быту неизвестны и сама мысль о супружеской связи кузенов в даже самой отдаленной степени родства для абхазской» сознания дика и неприемлема.

Брачные ограничения исключали из брачного круга и лиц, связанных искусственным, в частности молочным, родством. Брак между людьми, вскормленными когда-то грудью одной женщины, если даже они принадлежали к различным фамилиям считается недопустимым, и в настоящее время такой брак не облучает одобрения со стороны общественного мнения (Бигуаа, 1983. С. 59-61).

По некоторым сведениям у абхазов некогда бытовал институт левирата и сорората (Дубровин, 1871. С. 59), однако, ныне эти формы брака исчезли. Нарушитель экзогамных запретов

являлся кровосмесителем – *амахагья*. Уличенный в кровосмешении в любом его проявлении подлежал наказанию, наиболее типичной формой которого являлось и является изгнание из рода. *Амахагья* лишался всех социальных прав, с ним прекращалось всякое общение. Принцип «родового ostracism» проявлялся даже в случае смерти умершего преступника; *амахагья* запрещалось погребать на родовом или семейном кладбище. Его хоронили в отдельном, заброшенном месте без оплакивания, к тому же не традиционными для абхазов способами – головой не на запад, а на юг или на север, либо лицом вниз (Аргун и др., 1987. С. 69).

Традиционные представления чрезвычайно сильны и сегодня, поэтому, вступая в брак, стороны тщательно изучают родственные связи будущего брачного партнера. Вольная или невольная «ошибка» не простится, и общественное осуждение неизбежно скажется на социальном статусе незадачливой пары.

Завершая разговор о брачных ограничениях у абхазов, отметим, что ранее запрещался брак по мотивам сословного неравенства, естественно, вышестоящей стороной; дистанция соблюдалась и среди крестьянства, состоявшего из ряда социальных ниш. Ограничений браков по мотивам религиозной принадлежности абхазы почти не знали. Смешанные христианско-мусульманские семьи были вполне обыденным явлением.

Форма, тип, поколенный и численный состав

Материалы полевого этнографического исследования, исторические, демографические, статистические, литературные и иные данные, подвергнутые автором соответствующей реконструкции, говорят, что еще сравнительно недавно у абхазов наиболее распространенной формой организации семейно-родственных коллективов была большесемейная. При

низком уровне производительных сил её существование было реальной необходимостью, ибо экстенсивно-отгонная форма скотоводства, являвшегося в то время в горной зоне Абхазии ведущей отраслью сельского хозяйства, требовала значительного количества рабочих рук. В этом отношении большая семья имела ряд социальных преимуществ. Объединяя под началом отца несколько семейных и неженатых сыновей, представляла мощную трудовую единицу, а при необходимости могла эффективно защитить свои интересы. Последнее обстоятельство играло большую роль особенно в приморских районах, рубежи которых отличались наибольшей уязвимостью.

Разложение классической формы большой семьи у абхазов началось еще в период проникновения в страну элементов капиталистических отношений. Но в своем пережиточном состоянии она сохранилась вплоть до коллективизации сельского хозяйства. Свидетельством бытования большой семьи в недалеком прошлом является наличие у абхазов особых родственных объединений, так называемых патронимий – *абица-ра*, образовавшихся в результате сегментации больших семей. Чаще всего семьи одной такой патронимии живут по соседству, иногда даже в одном большом общем дворе, сохраняя при этом некоторое хозяйственное и идеологическое единство. Последнее выражается в частности в коллективной памяти об общем предке – главе неразделенной большой семьи, разделение которой дало начало позднейшей патронимии.

Основная форма современной абхазской семьи – *ацаацаа* – это малая семья, встречающаяся в трех типах, среди которых наиболее многочисленна нуклеарная. За ней следуют семьи, состоящие из супружеской пары с детьми и родителей супруга или одного из них. Обычно такие семьи формируются по миноратной традиции. Нарушение может быть только тогда, когда младший сын, получив редкую профессию, находит себе применение в городе и там создает неолокальную

семью. Семьи, в которые, помимо восходящих родственников входят еще родственники супруга по боковой линии, больше характерны для горной зоны республики и представляют собой редкое явление. Эти сложные, «реликтовые» по своему составу семьи, обозначающиеся в этнологической литературе как «неразделенные», абхазами именуются *аҭаацҭаду* – большая семья.

В равнинной и, тем более, приморской зоне, население которой занималось преимущественно земледелием, превалировала малая семья. Как показывает полевой этнологический материал, фактор зональности в той или иной степени не теряет до сих пор своего значения, как бы по привычке.

Одним из важных компонентов структуры семьи является ее поколенный состав, в значительной мере обуславливающий и внутрисемейные отношения. Везде и всюду доминируют двух поколенные семьи, вторую строчку занимают трех поколенные. За ними следуют семьи из одного поколения, а четырех поколенные встречаются исключительно редко. Если рассматривать их в плане физико-географического положения места жительства, то двух поколенные семьи находятся в примерном равновесии – около 55-60% во всех зонах проживания абхазов. Зато в горных селах, где по-прежнему поощряется совместное проживание родителей хотя бы с одним из сыновей, доля трех поколенных семей ощутима, и равняется 20-22% от общего числа семей. В приморской полосе Абхазии таковые семьи составляют немногим более 10%. И наоборот. В горных количество одно поколенных семей значительно меньше, чем в равнинных селениях, тем более – в приморских. Молодежь пригородных селений позволяет себе жить и работать в городах, а в более далеких сельских местностях не представляется возможным оставлять родителей без постоянного присмотра.

Старшее поколение трех поколенных семей представлено исключительно родителями мужа. Семьи, в которых живут

теща или тесть, почти не встречаются, так как вся ответственность за нуждающихся в помощи стариков лежит по традиции на сыновьях, а в случае отсутствия последних – на ближайших родственниках по боковой линии.

Абхазский брак патрилокален. Исключение – уксорилокальное, к которому прибегают в специфических случаях, когда, например, является выходцем из других регионов или, скорее, родители жены последнего нуждаются в постоянном присмотре (Бигуаа, 1983. С. 32-41).

Как известно, размер семьи находится в прямой зависимости от детности. В абхазской сельской семье численность детей так же, как и общая численность семьи, находится в зависимости от места жительства, в определенной степени и от социального фактора. Многодетные семьи встречаются теперь только в горных селах. Обычно это семьи неквалифицированного рабочего труда.

Внутрисемейные отношения

Главой семьи – *аџнаџа аиџабы*, по традиции является мужчина – отец, дед. От него в значительной мере зависит ее благополучие.

В былые времена глава семьи был если не полновластным собственником, то полномочным распорядителем общесемейного имущества. От него зависел раздел семьи, и при выделе он получал половину. Власть его над детьми почти не ограничивалась. О его престиже можно судить по несохранившемуся ныне ритуалу: после смерти главы семьи дом стягивали веревкой, «чтобы не рухнул» (Смирнова, 1987. С. 277). В случае же отделения сына, родители и другие его ближайшие родственники оказывают ему всестороннюю помощь, вовсе не беря во внимание никаких традиционных установок.

Семейный быт и сейчас строится под известным началом главы семьи: распределение хозяйственных работ между сы-

новьями, вопросы купли и продажи и т.д. В случае же возникновения возможных разногласий между домочадцами, старший мужчина становится непререкаемым регулятором.

В обязанности главы семьи, впрочем, и других взрослых мужчин, входят, главным образом то, что абхазы называют *аддахьтәи аус* – «внешние дела», то есть строительство и ремонт жилых и хозяйственных построек, земледельческое и скотоводческое хозяйство, орудия производства, средства передвижения и т.д. Глава семьи выполняет также основные коммуникативные функции с «внешним миром» – *ауаа рахь днеуеит*. Он представляет свою семью на всякого рода общественных предприятиях, имеет дело с властями, выступает истцом или ответчиком в судах и т.д. (Там же).

Между тем, при обсуждении важнейших семейных вопросов глава семьи советуется с взрослыми домочадцами, прежде всего с взрослыми сыновьями и «женщиной-хозяйкой» – *аһныцхәыс*. Окончательное решение принимается им с учетом мнения своих «подопечных».

Вообще пожилым людям принадлежит основная идеологическая роль. Они, прежде всего, хранители обычного права, которым отчасти до сих пор регулируется юридическая и нравственная жизнь абхазов, носители поведенческих норм – *алешигәа*, в частности правил этикета – *ахымәацгашьа*, выступают как религиозные лидеры – *аныхацаафы*. При всех календарных обрядах христианских, мусульманских, языческих) старики исполняют жреческие функции, совершают жертвоприношения, молясь о благополучии семьи.

Старейший, являясь религиозным покровителем не только собственной семьи, но и всех семей, относящихся к его патриимии и даже фамилии, обычно называется почтительными словами: *цхыбаә*, *ццгашьхәкөы* (букв.: «наш череп», «носитель, владетель нашего света»). Он считается как бы посредником между Богом и сородичами. А при непосредственном обращении к нему сыновья, внуки и внучки пользуются

обычными терминами родства: саб – мой отец, сабду – мой большой отец, или соответствующими эквивалентами – дад, даду и баба, бабаду.

В двупоколенных семьях, в которых живет супружеская пара с детьми, главой считается также муж, независимо от его экономического положения. Фактически же семейными делами руководит тот, на котором в значительной степени держится бюджет семьи. Таков принцип распределения ролей и в однопоколенных семьях.

Женщина может быть главой семьи, если у нее нет мужа, а дети не достигли еще совершеннолетия. Вдова может числиться главой семьи и при женатом сыне.

Женщина называется главой и уксорилокальной семьи. Но это отнюдь не означает, что зять-примак – ахатэа не пользуется правами хозяина. Просто «консервирование» фамилии осиротевшей женщины в похозяйственной книге администрации способствует большему сохранению памяти об ее отце у односельчан, с которыми всю свою жизнь он делил хлеб-соль.

В семейной жизни современных абхазов весьма значительна роль «хозяйки дома».

В трехпоколенных полных семьях она как старшая ведаёт всеми делами по дому: заготовкой и распределением продуктов, выращиванием овощей, бобовых, бахчевых культур, разведением домашней птицы и массой других «легких» занятий, за исключением прядения и тканья, временем преданных забвению. Если же молодые женщины заняты общественным трудом, то по силе своей возможности она заменяет их и в поддержании чистоты и порядка в доме, в приготовлении пищи для семьи. Однако самым обыкновенным и почетным занятием пожилых абхазок считается воспитание внуков и внучек.

С вовлечением женщины в общественное производство возросла и ее роль в общесемейном бюджете. Работая наравне с мужчиной во всех без исключения областях производственной

жизни, женщина зарабатывает обычно не меньше мужчины, порою и больше. К тому же на изменение положения женщины в семье определенное влияние оказывает авторитет, которым она пользуется в обществе. Не меньшее влияние оказали, в свою очередь, на характер внешних взаимоотношений супругов также политические и юридические права, представленные женщине законом. Даже такой, на первый взгляд, кажущийся мелочью, но накладывающий отпечаток на характер тех или иных отношений между членами семьи, факт, что семейная касса находится в руках старшей женщины-матери; она же в основном занимается расходованием этих средств, разумеется, согласованно с мужем и другими работающими домочадцами. Дом и хозяйство юридически оформлены на старшего мужчину, то есть на главу семьи. Однако, без ведома жены, по существу, он не решает ни одного серьезного вопроса, ибо экономическое равноправие супругов не допускает единоличного решения важных семейных проблем.

Обычаи горцев выработали строгие нормы своеобразного рыцарского поведения мужчин в женском обществе, не потерявшие своего былого значения и в наше время. Особенно священна мать. Оскорбление матери считается одним из тяжчайших преступлений.

Развод представляет у абхазов, как и прежде, редчайшее явление. Сдерживающими факторами являются, прежде всего, дети, а также родня жены, поддерживающая с ней тесные связи, и при необходимости серьезнейшим образом защищающая ее интересы. Мужчина может развестись с женой в основном по причине супружеской неверности. Уличив жену в измене, муж в тот же час, обычно ничего ей не говоря, под каким-либо предлогом предлагает немедленно ехать вместе с ним к ее родным. Приведя ее к ним, оскорбленный муж говорит «Примите вашу покойницу» и тотчас же покидает навсегда их пределы. В старину за нарушение супружеской верности муж имел право убить и жену, и соблазнителя. Род-

ственники убитых, как правило, не мстили. Но если, скажем, он убил только жену, то родня ее могла ему ответить той же суровостью. Так поступали в подобных случаях и родственники соблазнителя.

При расторжении брака по вине женщины дети остаются с отцом, но если в этом повинен отец – с матерью. Раньше она переселялась вместе с детьми в дом своих родителей, взяв приданое и все, что было нажито ею за время совместной жизни. В настоящее время из дома уходит муж, обычно не доводя до суда имущественные споры, как говорится, «по-мужски» – *хайџаџас*. В любом случае проявляется характерная особенность семейного быта абхазов – отец по большей части сам обеспечивает своих детей.

Причиной расторжения брака могло служить также и бесплодие женщины, но только в том случае, если она препятствовала появлению «подсаженной», второй жены – *авартџа*. Встречаются случаи развода на почве бесплодия и в настоящее время, но мужчина ни в коей мере не вступает в новый брак, пока не рассчитается с первым.

Традиционный семейный быт был проникнут патриархальным духом. Особенно это сказывалось на положении невестки. Она раньше всех вставала и позже всех ложилась спать – весь день была занята по дому. Вечером невестка должна была всех своих домочадцев накормить, убрать со стола, и лишь потом закусить незаметно где-нибудь в углу. Но и после этого считалось неудобным сразу удалиться в свое брачное помещение, поэтому она еще некоторое время задерживалась в «большом доме». А в момент выхода из него старалась быть обращенной лицом к старшим. В той или иной степени эти формы прислуживания старшим родственникам мужа и знаки внимания к ним соблюдаются и современными абхазскими невестками, главным образом в сельских семьях.

Патриархальные нормы действовали и во взаимоотношениях между другими домочадцами. Так, младший брат от-

носился к старшему брату с особым почтением. Вступление в какой-либо спор с ним не допускалось. Такими же были отношения и между сестрами, в еще большей мере – между братьями и сестрами. Но несколько слабее было выражено повиновение брата старшей сестре, что объяснялось, видимо, самим положением женщины. Старшинство соблюдалось и в очередности вступления в брак: младший брат не должен был жениться раньше старшего, младшая сестра – выходить замуж раньше старшей.

Другой патриархальной основой внутрисемейных отношений был комплекс обычаев избегания. Они накладывали ограничения на общение между супругами, между родителями и детьми, между невесткой и старшими родственниками мужа. Ограничения были обязательны также между зятем и старшими родственниками его жены, но они, естественно, для внутрисемейных отношений не имели существенного значения.

Избегание между супругами было тем строже, чем моложе были они сами. Оно проявлялось почти во всех случаях жизни. Считалось неприличным, предосудительным молодым супругам находиться наедине в одном помещении днем, беседовать, есть за одним столом, появляться вдвоем там, где находились старшие, независимо от родственных отношений с ними, заботиться друг о друге на виду у всех, называть друг друга по имени. Они могли обращаться друг к другу, и то, как бы украдкой, только на ты: *yapa* – обращение к мужчине; *para* – обращение к женщине. Когда муж и жена говорили друг о друге, имена заменяли местоимениями третьего лица *para*, *lara* – он, она или словосочетаниями: «тот, кто дома», «та, кто дома». Даже супруги преклонного возраста избегали называть друг друга по имени, когда же им приходилось вести разговор друг о друге, пользовались своеобразными заместителями, вроде «хозяин», «хозяйка», «моя старуха», «мой старик». Только пожилая женщина, мать семейства, могла позво-

лить себе при старших родственниках разговаривать с мужем, появляться с ним вне дома (Смирнова, 1955. С. 120).

Другой круг обычаев избегания связан с ограничениями на общение невестки со старшими родственниками мужа, особенно с его родителями, с которыми она не должна была разговаривать – *амцэажэара* и называть их по имени – *ахъзшьара*. В трехпоколенных семьях и сегодня в деревне невестка не только не обращается к родителям мужа по имени, но довольно долгое время соблюдает запрет на разговор с ними, особенно со свекром. По обычаю она должна стоять и молчать в присутствии свекра «из уважения к нему» и оказывать ему и другим всевозможные почести. Слабее выражается избегание по отношению к свекрови, с которой невестка чаще связана ведением внутрисемейного хозяйства. Ограничены отношения невестки также и с любыми другими старшими родственниками мужа, включая в первую очередь старшего деверя – ближайшего помощника и наиболее вероятного преемника главы семейства.

Избегание между родителями и детьми в большей степени касалось отца, нежели матери. Приличия требовали, чтобы при посторонних, а тем более в присутствии старших, отец не брал ребенка на руки, не играл с ним, не говорил о нем и вообще не проявлял отцовских чувств. Проявление «непристойной слабости» мужчинам не прощалось. Только с истечением времени отношение отцов к детям становилось менее отчужденным, но продолжало отличаться показной сдержанностью. Что касается матери, то, особенно в малых семьях, необходимость повседневного ухода за ребенком исключала возможность сколько-нибудь выраженного и длительного избегания. Только в больших семьях мать некоторое время делала вид, что не имеет к ребенку никакого отношения, но вскоре, после особых просьб со стороны старших женщин, переставала стесняться их присутствия. Все же в дальнейшем матери полагалось воздерживаться от явных проявлений сво-

их чувств, и воспитанием ребенка занималась не столько она, сколько свекровь и другие женщины дома. Строже соблюдалось избегание между матерью и ребенком в общественных местах, вплоть до того, что ей, как и отцу, не полагалось оплакивать сына или дочь.

Столь строгие, «бессердечные» мужчины, отчасти, и женщины по отношению к своим собственным детям, чрезвычайно ласковы с внуками и внучками, и поэтому обычно о них и шутят: «Старики дружат с внуками потому, что равны им по уму».

Обычаи избегания в современном семейном быту подвергаются перестройке и трансформации. Запрет на вербальное общение с родителями мужа снимается по настоянию последних лиц часто сразу же после свадьбы, однако сдержанность и скромность в общении со свекром и свекровью, подчеркнутые знаки внимания по отношению к ним не утрачивают своего значения. Реликтом норм избегания остается лишь табуация имен свойственников. Невестка обращается к свекрови и свекру после снятия запрета на общение не по имени, а так же, как и ее муж: *нан* – мать, *дад*, *баба* – отец. Ранее имели большее распространение такие формы обращения невестки к родителям мужа, как «наш владетель» или «наш князь» – *ҳаҳ*, «наша владетельница» или «наша княжна» – *ҳаҳкэа.жэ*. Они сохраняются ныне лишь в наиболее отдаленных горных районах республики, особенно в ее Бзыбском регионе.

Всем остальным старшим родственникам мужа, иногда и ближайшим почетным соседям, невестка в знак «уважения» дает новые, обязательные только для нее, подходящие им по «рангу» и по возможности красивые имена, выбранные по ее собственному усмотрению (Инал-ипа, 1984. С. 95). В свою очередь, с момента вхождения молодой в дом родителей мужа, она получает от своих новых родственников новое имя, также по «вкусу» последних, изысканное, вместе с тем легкое на язык, которое невестка отныне носит всю свою жизнь. Она расставаясь с ним только в случае развода.

Дружеское и заботливое отношение супругов друг к другу стало теперь само собой разумеющимся явлением в абхазской семье, особенно в нуклеарной. В таких семьях уходит в прошлое и избегание почти во всех его проявлениях. В молодых семьях, как правило, муж и жена свободно, без какого-либо стеснения помогают друг другу и в полевых, и в домашних делах. Нередко можно увидеть молодого отца, который ухаживает за маленькими детьми, хотя по сохраняющимся среди абхазов представлениям, отец должен придерживаться некоторой традиционной строгости по отношению к детям в целях воспитания их в духе семейного согласия и мира. Супруги называют друг друга по имени; старый запрет может действовать только тогда, когда в доме присутствуют представители старшего поколения, особенно если они являются ревностными сторонниками обычаев старины.

Практически полностью изжил себя патриархальный институт старшинства, который пронизывал взаимоотношения старших и младших членов семьи. Младшие братья и сестры теперь более свободно обращаются к старшим. Их внешние взаимоотношения не имеют ничего общего с прежними половозрастными гранями.

Заботливое отношение ко всем родственникам, столь характерное для абхазов, не только не ослабевает, но приобретает новые черты. Особое внимание уделяется тем, кто живет за пределами «большого дома», прежде всего горожанам, учащимся молодым людям. В свою очередь, последние в свободное время приезжают к родным и помогают буквально во всех делах в хозяйстве.

Степень соблюдения обычаев зависит еще и от природы социальной принадлежности семьи. Как правило, они имеют меньше силы в тех семьях, где старшее поколение принадлежит к интеллигенции.

Вывод очевиден: благодаря социальным, экономическим и культурным преобразованиям, происшедшим в республике,

сформировалась качественно новая абхазская семья, во взаимоотношениях членов которой лучшие национальные черты не только сохраняются, но и получают дальнейшее развитие.

Литература:

Аргун и др., 1987 – Аргун Ю. Г., Павленко А.П., Спицына Н.Х. Семейно-родовая система и брачные ареалы // Абхазское долгожительство. М. 1987.

Бигуаа, 1983 – Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., Мцниереба, 1983.

Дубровин, 1871 – Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб, 1871. Т. I.

Инал-ипа, 1954 – Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории семьи и брака у абхазов. Сух., 1954.

Смирнова, 1955 – Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины (XIX-XX dd/) // R”C? Ш. М., 1955.

Смирнова, 1987 – Смирнова Я.С. Семейное и общественное положение старших возрастных групп // Абхазское долгожительство. М. Наука, 1987.

Источник: Валерий Бигуаа. Семья и семейный быт // Абхазы. Москва, Наука, 2007, 2012: 271-281.

СВАДЕБНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

В абхазской этнологической действительности известны три формы заключения брака: *аргама* – гласная, *мазала* – тайная и *амцарсра* – насильственная, то есть брак путем похищения девушки (Бигуаа, 1983. С. 59-66).

Любая форма заключения брака начиналась со смотрин – *аңхәысзбабара*. Они происходили обычно по инициативе одного из родственников, друзей сторон. Местом смотрин мог быть дом инициатора или любое общественное предприятие. Бывало, что инициатива исходила от самого молодого человека, услышавшего о достоинствах девушки как бы между прочим – *иньцыф-аайыны*. При этом юноша мог себе позволить посмотреть девушку прямо в ее отцовском доме, явившись туда под каким-нибудь предлогом. Затем через кого-нибудь, занимавшего нейтральное положение, он давал знать о своем намерении жениться. Посредник – *абжьаказаф*, *ақьагъариа*, способствовал достижению взаимного согласия сторон. В случае успешного исхода порученного дела, он щедро вознаграждался женихом (Инал-ипа, 1965. С. 450). Однако девушке считалось неприличным дать согласие с первого раза, если даже молодой человек казался для нее самым подходящим.

Получив, наконец, положительный ответ от приглянувшейся девушки, молодой человек через друга или дальнего родственника, обязательно чуть старшего по возрасту, сообщал своим родителям об этом, поскольку непосредственное обращение молодых к старшим по такому поводу обычаем не допускалось. В свою очередь отец молодого человека проводил свое собственное «расследование» родословия девушки. Стороны должны были быть равны по социальному и материальному положению, и находиться вне экзогамного круга.

В случае получения удовлетворяющих сведений, происходило сватовство – *аңхәысхәара*. В один из счастливых по народному поверью дней, каковым считается главным обра-

зом суббота, вечером, после захода солнца, чтобы злые духи не повредили делу, отец молодого человека в сопровождении небольшой группы уважаемых родственников и односельчан отправлялся к отцу девушки с просьбой дать согласие на замужество дочери.

В переговорах родителей молодые люди, изъявившие желание соединить свои судьбы, не принимали участия. Они находились в одной из задних комнат, и ни в коем случае не наедине, а в окружении сверстников (Инал-ипа, 1954. С. 76-100).

Если сватовство заканчивалось успешно, то молодые люди обменивались символическими подарками – обручальными кольцами и некоторыми другими вещами, входившими в понятие *анапемдахьа* (букв.: цена рукопожатия). Пир, обязательно следовавший за церемониалом, продолжался до следующего дня. В случае же получения отрицательного ответа, что, но крайне редко бывало, гости уходили, не отведав угощения хозяина. Отказ воспринимался как оскорбление не только личности посетителя, но и всего его рода без исключения.

Перед отъездом жених или, реже, кто-нибудь из его друзей, оставлял невесте газыр. Обычай этот, известный под названием *ахкаршэра* – бросание пули, служил выражением нерушимости состоявшегося соглашения.

С этого момента обручившиеся молодые люди именовались женихом и невестой. Вплоть до свадьбы в доме жениха, девушка оставалась «сидеть нареченной» – *дхэаны дтэан*.

Через неделю-две после сватовства жених посылал в семью невесты подарки: отцу и матери живность, как правило, лошадь и корову, как бы в знак благодарности за их благословение, остальным домочадцам – вещи меньшей значимости.

Весь набор этих подарков, известный под названием *ачма*, по своей форме приближается к понятию «калым», но калым как таковой абхамам неизвестен. Напротив, расходы, связанные с обеспечением невесты приданым, не только не уступали

ачме, но значительно превышали ее. В частности, приданое – *аихрацага* – состояло из предметов первой необходимости для жизнеобеспечения новой семьи, начиная с надочажной цепи и медных котлов, кончая постельными принадлежностями и домашними животными.

Сватовство в своем классическом состоянии не дошло до наших дней, оно сохранилось лишь в значительно упрощенном виде.

Приданое дается и в настоящее время, но в виде денег, а *ачма* оставила лишь едва заметные следы в подношениях, делаемых зятем в день приглашения его в отцовский дом жены через определенное время после свадьбы.

Иногда невеста оставалась в отцовском доме довольно долго. Жених мог посещать ее, но при этом интимные связи исключались. Более того, все это время и невеста, и жених старались не попадаться на глаза старшим родственникам, соблюдали обычай избегания, почти не известный современной молодежи. Для смягчения ограничения отношений, в пятнадцатый день после сватовства устраивался «вывод из брачного помещения» – *амхаратыгара*, сопровождавшийся небольшим пиром, который устраивался «мужчиной – другом» невесты – *ахайафыза* и дружкой жениха – *амахэфыза*, соответственно. Вывод невесты могла взять на себя также и подружка невесты – *атацафыза*. С этого момента с молодых «снимался стыд» – *аңхашахья рхырхуан*, и они могли вести себя на людях чуть более свободно.

С исчезновением обычая избегания исчез и обычай вывода молодых из брачного помещения, но имитация действий и связанное с ним застолье сохранились, как повод повеселиться еще раз, но устраивают их уже через пару недель после свадьбы.

Разновидностью гласного брака является так называемый «люлечный брак» – *агараҕақэара*. Инициаторами обручения малолетних детей выступали обычно их отцы, между кото-

рыми поддерживалась многолетняя дружба, с целью увенчать свои отношения родственными узами. При этом, в знак договоренности, отец мальчика на ручке люльки делал памятные нарезы. Бывали и такие случаи, когда подобными способами сватал люлечного дитя довольно взрослый мужчина и брал ее в жены после достижения ею совершеннолетия. И в том, и в другом случае в изголовье люльки девочки клалась опять-таки пуля, «символизировавшая требование нерушимости договора и напоминавшая, что отказ одной из сторон или, как говорят абхазы, *аҭаархара* – перемена лица, не прощался (Инал-ипа, 1954. С. 60-61; 1965. С. 449).

Как отмечалось выше, при заключении брака большое значение придавали и придают до сих пор авторитету свойственников. Родственная группа, прежде всего, родители препятствуют браку, если семья претендента не пользуется достаточным уважением. Нередко в этом случае родители категорически отказывают дочери поддержать ее решение выйти замуж за своего избранника. В подобной ситуации молодые люди прибегают к браку путем тайного ухода невесты. Согласно предварительной договоренности, в условленное время и место жених со своими друзьями тайком приезжает к невесте и увозит ее. Ее сопровождает кто-либо из дальних родственников или подружек, которой она доверила свой секрет.

Редко, но встречается имитация тайного ухода невесты. Они осуществляются по тарному взаимному согласию сторон, когда родители невесты по той или иной причине вынуждены сократить свадебные издержки, при этом и жених выигрывает время, которое необходимо для подготовки свадьбы. Однако и в данном случае водворение невесты в дом жениха не обходится без определенного пира, так называемой «малой свадьбы» – *ачарахэыч*.

Последняя форма заключения брака связана с насильственными действиями – похищением, умыканием невесты. К нему прибегали, если стороны не пришли к соглашению

относительно брака (Патеипа, 1978. С. 11; Бигуаа, 1983. С. 64-65), или если юноша и не рассчитывал получить согласие родителей девушки. Молодой человек один или, чаще, с товарищами совершал нападение на девушку, и силой увозил ее.

Неудачное похищение могло на всю жизнь помешать молодому человеку создать семью, так как не всякая девушка согласилась бы выйти за отверженного. Еще более тяжким позором ложилось на молодого человека и всю его родню, если похищенную девушку ее родственники силой возвращали назад. Поэтому опасно было сразу привозить её к себе домой, но при этом действовать нужно было решительно и быстро – отвезти далеко, в дом какого-нибудь влиятельного лица. Похититель обращался к нему со словами: «*Сыхьзгыы сыхьмызчгыы унапы иануп*» (буквально: моя слава и мой позор в твоих руках). Хозяин и его родичи обычно брали под свою опеку и покровительство доверившегося им гостя и прилагали все усилия для успокоения родственников невесты. Чтобы «потушить дело» – *аус дырцэаразы*, требовалось, в первую очередь, получить согласие девушки на данный брак – *аҕалдырхэон*. Затем шли на мирные переговоры с ее родственниками, которые, как правило, в конце концов, бывали, вынуждены смириться с произошедшим.

Собственно говоря, похищенная девушка, побыв с похитителем хоть одни сутки, и даже меньше, не возвращалась к родителям домой. Покорившись судьбе и традиции, она, как бы не хотела жить с нелюбимым человеком, сообщала прибывшим за ней родственникам: «*Сахьҕсыз сыкоуп*» (букв.: где умерла, там и нахожусь). Она знала, что редкий жених согласился бы жениться на такой «опозоренной» (Инал-ипа, 1954. С. 48; 1965. С. 450-451).

Похищенная невеста находилась в «промежуточном» доме до свадьбы. В день же свадьбы в доме жениха выдача невесты из данного дома проходит в торжественной обстановке. Похищение девушек происходит и в наши дни. От прошлого оно

отличается, можно сказать, лишь средством передвижения. Скоростной автомобиль позволяет действовать намного быстрее и эффективнее, чем бывалому джигиту в черной бурке и на резвом коне.

Завершающим моментом предсвадебного цикла является «определение срока свадьбы» – *аҗғараңҗара*, которое дошло до наших дней почти в неизменном виде. На это «совещание» приглашаются близкие родственники, как по отцовской линии, так и по материнской, друзья, а также соседи. Все они принимают самое непосредственное участие в трудоемкой работе по организации свадьбы. Это обязательно потому, что ни одна семья не в состоянии справиться только своими силами с проведением свадебного торжества, сплошь и рядом отличающегося своими размерами и масштабами. Обычно на ней бывает несколько сот человек, нередко и свыше тысячи.

Перед тем как сесть за торжественный стол, отец или, чаще, старейший представитель рода, передает огласке причину и цель сбора и просит мнения каждого присутствующего о сроке свадьбы, ибо «хозяин торжества побеспокоил именно тех, на которых он опирается во всех случаях жизни, и надеется, что на сей раз тоже не оставят его в одиночке». Это всегда встречает горячую поддержку всех присутствующих, которые искренне заявляют в ответных выступлениях о своей готовности сделать все от них зависящее. Затем высказывают свои соображения относительно срока свадьбы. Выбирают такой день, когда никто из родственников или сельчан не играет свадьбы или не отмечает поминки, особое значение придают при этом погоде, от которой в известной мере зависит красота свадьбы. Поэтому все прислушиваются к мнению старожилков – мудрых и опытных знатоков климатических народных примет.

На торжестве определения свадебного срока называют также и состав обслуживающего персонала – *амайүңә*, в который входят, как правило, только односельчане; выбирают распорядителей – *аилыргаңә*, на которых возлагается управ-

ление всеми делами для своевременной и достойной подготовки свадебного стола. Сам хозяин в день свадьбы конкретно ничем не занят, лишь время от времени осуществляет общее наблюдение за ходом предприятия.

Срок свадьбы пересмотреть не может никто, даже родители невесты. Он переносится только в том случае, если в семье или в роду одной из сторон случилось несчастье. После определения дня свадьбы, на этом же торжестве называют двух-трех старших товарищей жениха, которые должны довести до сведения родителей невесты о назначении данного срока, визит которых не обходится, в свою очередь, также без соответствующего застолья.

Прежде для выполнения данной миссии к родителям отправлялся сам отец жениха в сопровождении почетных людей, также из числа родственников и приятелей. При этом с собой брал богатые подарки для всех членов семьи и других родственников невесты. В свою очередь, и последние «делали соответствующие подарки жениху и его родителям, а также приехавшим гостям» (Патеипа, 1978. С. 12).

Торжество, посвященное определению срока свадьбы, устраивают и при заключении брака посредством тайного увода или похищения невесты. Однако, естественно, отпадают возможные предварительные переговоры с родителями невесты, так как в этом случае свадебный пир в доме ее отца не устраивается. За родителями невесты остается только приготовление приданого, которое они присылают ей в день свадьбы.

В старину, за несколько дней до свадьбы по селам рассылались гонцы – *ачарахацага*, которые сообщали о приглашении на свадьбу. Часто жених сам оповещал людей, объезжая дворы вместе с товарищем. Точнее, во двор заезжал его товарищ, а сам он оставался за воротами с несколько опущенной головой – считалось неудобным молодожену смотреть прямо в глаза старшим.

Сейчас за неделю-две до свадьбы хозяева рассылают пригласительные билеты. Независимо от общего списка приглашаемых гостей, жених приглашает своих товарищей и друзей по работе или учебе. Невеста также может пригласить на свадьбу людей из своего круга. Все это, конечно, новые элементы свадебной обрядности.

Прямо или косвенно к свадьбе начинают готовиться со дня сватания, а при взятии невесты тайно или путем похищения – со времени свершения факта. Но непосредственно к подготовке торжества приступают после назначения срока свадьбы. Много забот особенно у родителей жениха, так как свадьба, устраиваемая ими, собирает в несколько раз больше гостей, чем в доме отца невесты.

Как правило, за два-три дня до свадьбы все, задействованные в обустройстве свадебного пира, собираются в доме хозяина. Избранный во время определения свадебного срока обслуживающий персонал образует соответствующие группы, одна из которых занимается заготовкой дров – *амҗаагацаа*, другая – постройкой свадебного навеса – *ашьаҗайцаа* и т.д. В отличие от сельских жителей, горожанам не приходится строить свадебный навес, они пользуются обширными залами Домов обрядовых услуг. В этот же день формируются и другие рабочие группы, которые должны будут варить мамалыгу – *абыстауцаа*, мясо – *акэаҗэцаа*, разливать вино – *афынаҗцаа* и т.п. Точно также создаются группы и среди женской половины персонала, на которых лежит обязанность приготовления и раздача курятины, всевозможных подлив, салатов, пирогов, лакомств и прочих блюд, а также сервировка стола и множество других дел связанных с эстетическим оформлением навеса. Причем каждая группа имеет своего «старшего» – *аихабы*.

Следует отметить, что вся физическая помощь, оказываемая соседями, носит безвозмездный характер, но если в доме любого из них будет иметь место аналогичный случай, то и данный хозяин окажет ему посильную поддержку.

После завершения собрания хозяин обычно закалывает для «помощников» бычка и устраивает достойную пирушку.

Свадебная обрядность представляет собой один из наиболее сложных и довольно устойчивых комплексов семейной обрядности у абхазов, все взаимосвязанные и взаимообусловленные части которой развиваются в строгой последовательности. Абхазское название свадьбы – ачара (букв.: «пир»).

Наибольшее количество свадеб приходилось на осень, когда крестьяне заканчивали полевые работы. Свадебным днем традиционно считалась и считается суббота. Еще совсем недавно свадьбу устраивали ночью, поэтому гости начинали собираться вечером. После захода солнца, под покровом темноты, из дома жениха, где уже шла оживленная подготовка к свадебному пиру, бесшумно выезжала со двора свита для привода невесты – *аҭацаагацәа*. Она формировалась женихом исключительно из молодых родственников, родственниц, а также друзей и насчитывала в среднем полусотню конников. Предводителем свиты – *аҭацаагацәа реиҭабы*, бывал уважаемый односельчанин, назначавшийся обычно отцом жениха. Принцип старшинства соблюдался и среди женщин входивших в состав свиты. Если брак заключался открыто и не вызывал никаких беспокойств, то жених не сопровождал свиту.

Современная абхазская свадьба играет днем, чаще во второй его половине. Свадебный кортеж насчитывает гораздо меньше людей и едет за невестой только на легковых машинах. В путь поезжане отправляются с таким расчетом, чтобы успеть зарегистрировать брак и вернуться с невестой в дом жениха к началу пира.

Свадебный кортеж радушно встречают у ворот родительского дома невесты. Главу свиты, других почетных мужчин и женщин препровождают в гостиную комнату – *асасаирҭа*, где уже находятся столь же почетные уважаемые гости со стороны невесты. Там же обычно устраивается и угощение.

По сравнению со свадебным пиром в доме жениха, пир в доме семьи невесты скромнее не только по своим размерам, но и по характеру его проведения. Здесь хозяева воздерживаются от чрезмерного веселья. Несколько стеснительной и неестественно печальной должна выглядеть и невеста – «нелегко ведь расставаться с ближайшими людьми и родным домом». Она располагается в отдельной комнате вместе со своей «подругой», в окружении сверстниц. Молодые члены свиты вместе с ее женской половиной могут зайти к невесте, выразив восхищение ее красотой и пригожестью.

Наступает время отъезда, однако хозяева всеми мерами заставляют гостей – членов свиты подольше задержаться за столом. Даже у ворот они преграждают путь столом, за которым гостей заставляют осушить по объемистому рогу вина, мешая тем самым вовремя отправиться в дорогу – «таков порядок в хлебосольном доме». В прошлом попытки задержать поезжан принимали еще более изощренные формы. Молодые односельчане невесты вскачь гонялись за ними, срывали с головы кого-нибудь папаху или башлык, отнимали бурку и т.д. (Джанашиа, 1960. С. 98). Они считали своим долгом свалить на землю хотя бы по одному разу каждого из свиты. Победенных заставляли танцевать без музыки, под свист и хохот победителей, и только затем разрешали сесть на лошадь. Считалось большим стыдом, если при этом кто-нибудь сердился, даже тогда, когда во время борьбы его неловко роняли на землю Патеипа, 1978. С. 13).

Как и прежде, невесту выводят из родительского дома провожатые. В руки свиты она переходит только за пределами родного селения. Придерживаясь традиции, молодая вместе с сопровождающей ее подружкой и мужчиной-товарищем следует посередине группы; впереди, как обычно, – старшие, а хвостовую часть кортежа составляет молодежь. На пути следования члены свиты почти непрерывно поют «Песню привода невесты» – *аҗаагагаришда, радеда*. Те, кто с оружием – стреляют.

По мере приближения к дому жениха, вперед мчатся несколько молодых гонцов для того, чтобы сообщить хозяевам свадьбы о благополучном возвращении свиты. Благодарные хозяева одаривают красивым полотенцем того, кто первым заехал во двор дома. А раньше, когда свита ездил на лошадях, всадники по лестнице взбирались наверх и заезжали прямо в помещение новобрачных.

Привод невесты является самым радостным и, возможно, самым шумным моментом свадебного торжества: молодежь поет героические песни, устраивает огненный перепляс, а наиболее горячие – и оглушающую ружейную пальбу.

Мать жениха три раза обходит вокруг невесты, на лестнице дома обсыпает ее конфетами и серебряными монетами, которые с боем подхватываются подростками. Порог дома невеста переступает под звон скрещивающихся над ее головой кинжалов. Магический смысл данного обряда, который был связан с необходимостью защитить молодоженов от злых духов, давно забыт, но само ритуальное действие стойко удерживается в современной свадебной обрядности абхазов.

Давно забыта и другая примечательная особенность традиционной абхазской обрядности. Еще в XIX в., сразу же по прибытии свадебной процессии невесту водворяли не в дом, а в *амхара* – специальный брачный домик, который для этого случая обязательно возводился на территории усадьбы. Он представлял собой плетеное строение с конусообразной крышей и по своему виду напоминал тип традиционного жилища – *ақәацә*, но гораздо меньших размеров. Здесь молодая вместе со своей подружкой, которая должна находиться вместе с ней до конца свадьбы проводила первое время пребывания в доме мужа. Ныне функцию *амхара* приняла на себя наиболее светлая комната дома.

Между тем важное действо разворачивается на территории усадьбы. Хозяин вместе со своими уважаемыми односельчанами, встретив гостей – сопроводителей невесты и. поприв-

ветствовав их, приглашает в дом. Но сначала гости останавливаются у специально приготовленного стола, где ими выставляется напоказ приданое невесты. Старший гость – *асас еихабы* демонстративно раздает свадебные подарки, которые делает невеста членам семьи и другим родственникам жениха, высказывая при этом добрые пожелания каждому из них. Однако за последнее время ритуализированная форма одаривания стала уступать церемониальному предъявлению списка подарков с указанием каждого адресата. К «молчаливому» методу переходит и ответное одаривание женихом почти всех гостей, «доставивших» невесту, осуществляющееся обычно после окончания основного свадебного застолья.

В это же время в комнате проводятся смотрины невесты – *атацабара*, сопровождающиеся денежными подношениями – *аҧыхтыҧса* (букв.: «цена открытия лица»). Наиболее близкие родственники и друзья делают ценные подарки – золотые, бриллиантовые кольца, цепочки и прочие украшения. По обычаю каждого входящего посетителя молодая должна встречать стоя.

Специальной свадебной одежды у абхазов не было. Обычно это было длинное до пят и широкое книзу платье с высоким воротником и длинными рукавами, так называемое *аҧсуайкы*: большой шелковый платок на голове – *аҧарцькасы*, которым невеста чуть ли не целиком закрывала себя, а на ногах – изящные сафьяновые чуваки (См. Инал-ипа, 1954. С. 106). В настоящее время облик абхазской невесты полностью европеизировался: на ней обычно белый свадебный наряд с фатой.

Однако уже пора садиться за пиршественный стол. Распорядители приглашают всех присутствующих, прежде всего сопровождаителей невесты – главных гостей хозяина, на омовение рук. Гости поочередно подходят к двум молодым девушкам: у одной в руках кувшин с водой, у другой – чистейшее, белоснежное полотенце. Но эту предварительную и весьма деликатную церемонию сопровождают довольно длительные

препирательства. По убедительной просьбе гостей первым церемонию омовения рук совершает старейший представитель хозяина. За ним, уже по настоянию хозяев, следует «старший» группы сопровождающих невесты – *ацацафызца рехабы*, хотя и он в свою очередь упорно предлагает пройти сперва кому-нибудь из более старших его по возрасту людей. Далее идут остальные гости строго по возрастной иерархии попеременно с почетными представителями хозяина.

Рассаживание за столами происходит в том же порядке. Гостей со стороны невесты усаживают на самом почетном месте, каковым считается середина левой стороны свадебного навеса относительно входа.

Затем, по предложению старейшего представителя хозяина, присутствующие «прилагают руки к своим долям» – *рхэы рнапы адыркуеит*, то есть приступают к трапезе, но так же по старшинству.

Через определенный промежуток времени распорядитель призывает всех сидящих за столом и обслуживающий персонал к вниманию и, когда воцаряется тишина, предоставляет слово хозяину или старейшему члену рода последнего, которому молодые мужчины из обслуживающей группы вручают бокал вина и шампур с сердцем и печенью жертвенного бычка. Тот произносит молитву за здравие новобрачных:

– «Бог – создатель наш! Прошу тебя, обрати внимание на соединившихся сегодня молодых людей. Дай им здоровья, радости, размножения – пятерых сыновей и троих дочерей! Дай им возможности и времени на достойное воспитание и определение своих потомков!».

– «Аминь!» – отвечают все.

Осушив бокал и закусив ломтиком того же сердца и печени жертвенного животного, он разрезает их на мелкие куски и через обслуживающих молодых людей раздает наиболее почетным гостям, которые должны съесть, также произнося сначала обычную ритуально-магическую формулу:

– «*Анцида улҭха рыгумырхан!*» (букв.: «Бог, не обделяй их теплом своих очей!»).

И в дальнейшем гости закусывают курятиной, индейкой в остром ореховом соусе, пирогами, различными сладостями, другими «холодными» блюдами, выпивают по одной, по две рюмки водки за встречу, за знакомство и т.д. Все это прелюдия, которая длится до тех пор, пока не будут поданы горячая мамалыга, вареное мясо и вино – основа традиционной трапезы у абхазов.

В прошлом раздача мяса осуществлялась с учетом социального статуса гостей. Мясо ни в коем случае не подавали, как теперь, на общих тарелках. Его разносили в большой плетеной корзине, которую держали с обеих сторон двое молодых мужчин, а третий, постарше и более опытный, хорошо знавший все части тела животного, доставал соответствующий кусок и церемониально клал перед гостем «лицом к нему» – *иара иахь иҭы рханы*. Каждый должен был получить порцию «по достоинству» – *дасу ихәҭоу*. старший – полголовы (*ахыбжа*), главный гость – лопатку (*ажәҭаиҭақьа*) или бедро (*аҭлгды*) и т.д.

Столь же важный элемент трапезы связан с подачей вина к столу, традиционно считавшегося божественным напитком.

Поднимая первый бокал, каждый, кто сидит за торжественным столом, обязан вновь произнести ритуально-символическое словосочетание, естественно, с соблюдением принципа возрастной иерархии:

– «*Анцида улҭха ҳаҭ!*» (букв.: «Бог, дай тепло своих очей!»).

Затем наступает долгожданный момент – переход к основной части застолья, которое должно проходить под руководством тамады.

Тот же старейший с бокалом вина в руке вновь встает и произносит речь за здравие избираемого руководителя стола. Им бывает наиболее уважаемый односельчанин, обладающий красноречием и немалой выносливостью в отношении прие-

ма вина. Кандидатура тамады обсуждается, конечно, заранее и, как правило, его предупреждают об этом. Поэтому попытка самоотвода при «выборах» не принимается обычно во внимание. Все пьют за тамаду, а он благодарит всех «за доверие», и не без деланной скромности, говорит о том, что следовало бы остановить свой выбор на другом, более подходящем кандидате, который мог бы лучше «обслужить» столь дорогих гостей. Назначив своих помощников, он берет «бразды правления» в свои руки, и, строго соблюдая иерархию ценностей, переходит к тостам.

Высшей ценностью после Бога для абхазов является народ, поэтому тамада поднимает бокал сначала именно за него, второй – в честь погибших героев в боях за освобождение родины в 1992–1993 гг. Это нововведение стало ныне обязательным тостом на торжественных застольях, в том числе, свадебных. Пока тамада говорит эти священные для абхазского народа тосты, все слушают его стоя, чтят память погибших минутой молчания.

Третий тост посвящается новобрачным. Именно в этот момент перед гостями появляются новобрачные. Это нарушение традиционных устоев. Дело в том, что на традиционной абхазской свадьбе ни жених, ни невеста не появлялись. Молодая постоянно находилась в брачном домике – *амхара*; жених же слонялся вокруг и около навеса с пирующими, но ни в коем случае не входил внутрь, демонстрируя, что он, якобы, не имеет ни малейшего касательства к происходящему (Смирнова, 1976). Со временем обычай свадебного скрывания брачующихся потерял свою актуальность, поэтому сейчас становится нормой приглашать новобрачных под свадебный навес в момент, когда тамада поднимает за них бокал. Их сопровождают друзья и молодежь с музыкой и зажигательными абхазскими танцами.

Вообще на абхазском свадебном торжестве большое место занимают народные песни и танцы, по которым молодежь устраивает настоящие состязания.

Обойдя все ряды, чтобы каждый участник торжества смог взглянуть на них, молодые вновь удаляются. На городской же свадьбе сразу после «обхода» жениха и невесту вместе со своими провожатыми приглашают за специально накрытый для них стол, расположенный отдельно на самом видном месте. Однако они продолжают стоять за столом, пока тамада не предложит им сесть.

Между тем, застольный церемониал продолжается. Тамада провозглашает тосты за родителей и других старших членов рода жениха и невесты, за руководителя группы провожатых и других гостей по старшинству. Завершающим является тост за обслуживающий персонал, благодаря которому свадебное торжество прошло на уровне. Кто бы ни говорил тост, говорящий должен сказать тому, за кого поднимает, «нужное слово». Само слово, не лишённое, правда, и некоторых стандартных элементов, представляет собой настоящую импровизированную речь. В нее оратор вкладывает максимум добрых пожеланий здоровья и успехов тому, о котором говорит. Красноречиво и эмоционально излагая положительные качества, он тщательно обходит возможные отрицательные черты его характера, дабы не задеть чувство собственного достоинства. Поэтому за абхазским столом, как правило, не создаются конфликтные ситуации.

Вообще язык тостов – важная и характерная черта абхазского застолья. Любой тост исключает повторение предыдущей речи, кроме разве ее начала и конца – окаменевшего зачина. Интонационные, стилистические и другие особенности тоста зависят, естественно, от индивидуальных качеств говорящего. Особым богатством лексического состава отличаются обычно тосты мудрых стариков, в которых широко используются устоявшиеся словосочетания, пословицы, поговорки, перемежающиеся с воспоминаниями, уместными в данной конкретной ситуации, если только они не грозят слишком утомить слушателей. Особенно лаконичной должна быть речь молодых людей.

Главная обязанность тамады, как и всех вообще хозяев, заключается в том, чтобы оказать гостям необходимые знаки внимания и почести – *пату рықәџара* предусмотренные обычаем, в том числе обильно и разнообразно накормить. Однако, несмотря на изобилие всевозможных блюд и напитков, которыми ломится абхазский свадебный стол, переест считается неприличным в уж совсем позорным – перепить – таково требование элементарных правил доведения.

Важно знать еще одну из норм застольного этикета абхазов: каждый очередной тост тамады присутствующими выслушивается стоя. Встают также каждый раз, когда слово предоставляется уважаемому гостю, старейшине, видному по социальному статусу лицу. Постоянные вставания со стороны могут показаться ненужной и утомительной обязанностью, но эта черта абхазского застольного церемониала соблюдается неукоснительно.

Стол всегда делится на две половины: «головную» – *ахы* и «хвостовую» – *аџыхәа*, первую из которых занимают старшие по возрасту, а вторую – все остальные по нисходящей линии. Младшие должны вести себя по отношению к старшим уважительно, не повышая голос, тихо и мирно. Им следует уходить из-за стола пораньше старших в том же порядке, в каком заходили, то есть с хвостовой стороны стола, а не наоборот, чтобы случайно не задеть кого-нибудь. Женщины тоже сидят как бы отдельно, но чаще вместе со своими родственниками или друзьями. Впрочем, строгая половозрастная градация в последнее время забывается.

Вставая из-за стола, гости, выражают хозяевам свои добрые пожелания:

– «Пусть множится ваш хлеб-соль!» – *шәчеџыка азхалааит!* В свою очередь и хозяева на это отвечают:

– «Пусть да пойдет вам впрок!» – *халалс ишәоуааит!*

Формы деликатного обращения с людьми у абхазов многочисленны, сложны и строги. Застолье является как раз тем

местом, где они находят свое концентрированное выражение. В целом абхазское свадебное застолье – это своего рода спектакль, основные компоненты которого предусмотрены традицией; это бессценарная постановка содержания которой не только*: торжество жизни и многоликость зрелища, но и самоутверждение человеческой личности (Инал-ипа, 1984. С. 123–135).

Свадебная церемония завершается после отъезда гостей. Но, благодарный хозяин не отпустит своих соседей, достойно организовавших торжественное застолье, «холодными» – *ихь-шаашгаза иоушьтуам*. При помощи уже близких родственников он на следующий день закалывает им бычка, накрывает стол и устраивает новую трапезу, по своей форме не уступающую первой, с соответствующим весельем. Она длится обычно до поздней ночи, порою и до следующего дня.

Послесвадебный цикл торжества в традиционном быту абхазов также отличался сложностью и разнообразием обрядовых действий. Так, в прошлом довольно длительное время после свадьбы молодожены не показывались вместе старшим родственникам, особенно родителям – «стеснялись». Молодая невестка продолжала ютиться в брачном домике *амхара*, где по ночам, тайком, прячась от глаз домочадцев, ее посещал новоиспеченный муж. Для снятия данного ограничения, в пятнадцатый день после свадьбы устраивался обряд – *атаца аџнду ахь лџагара* – «ввода невесты в большой дом», в котором жили родители жениха вместе с несемейными детьми. Невесту с провожатыми и группой молодых людей выводили из брачного домика и, оглашая округу исполнением обрядовой песни привода невесты, подводили к порогу дома, где ее встречали родители молодого супруга. Сняв с головы платок и повернувшись лицом к дому, свекровь просила покровителя очага – *Ажьахара* – благословения и милости его для нового члена семьи. Считалось, что очаг не «принимает» чужаков на постоянное место жительства, пока он не приобщится к нему

со всеми почестями. Поэтому, войдя в дом, свекровь обводила невестку вокруг очага, над которым висела «могучая надочажная цепь» – *архышьна* – символ и объект культа семьи. В жертву приносились пирог, испеченный самой невесткой, и курица, сердце и печень которой должна была съесть только невестка. Вокруг головы невестки свекровь обносила свечу и зажигала ее. Мужчины в данном обряде не принимали участия.

К обряду «ввода в большой дом» могли приурочить и «ввод» молодого супруга в родительский дом. Расходы, связанные с этим пиром, брали на себя дружки молодой пары.

Если же в доме чувствовалась нехватка рабочих рук, то срок «ввода» невестки и ее мужа, тем более приобретение первой к семейному очагу, сокращался до минимума. Иногда все организовывали сразу после окончания свадебного пира или же на следующий день. В свою очередь и молодожены делали соответствующие подарки своим дружкам – устроителям торжества, после чего обе стороны считали друг друга близким и родственниками.

Следующим важным послесвадебным обрядом было моление духу воды, не совершив который, молодая невестка не могла ходить к роднику. Поэтому после ввода в большой дом устраивалось обрядовое шествие к роднику. Свекровь готовила лепешки – *акэакэар*, брала яйцо и, стоя на коленях вместе со своей невесткой, умоляла «царицу вод» – *Захкэажэ*, чтобы она разрешила молодому члену семьи брать воду. Затем, обведя яйцо три раза вокруг головы невестки, бросала его в сток родника, после чего женщины, не оглядываясь, возвращались домой. С этого времени невестке разрешалось ходить за водой.

Все эти обряды имеют место в быту абхазов и сегодня, но кое-где, главным образом в прибрежной части страны, редуцируются, либо вовсе забываются. Так, сильно упростился, хотя и сохранил свою функциональную значимость обычай приобщения невестки к отдельно проживающим родствен-

никам и соседям мужа. По традиции она не имела права самовольно посетить их. Первый визит наносился только по специальному приглашению, принимая характер обрядово-ритуального действия. В частности, приглашающая семья устраивала специальное угощение, делала молодой невестке подарки. В свою очередь и невестка одаривала различными вещами почти всех членов данной семьи.

Не разрешается до сих пор вольное посещение родителей жены и молодому зятю. Зять может явиться в дом тестя только по приглашению. Этот визит всегда сопряжен с торжественным застольем, которое мало чем отличается от свадьбы. Как и в последнем случае, заранее определяется срок празднества, выбирают людей для разрешения тех или иных вопросов, связанных с организацией стола, и т.д.

Первый визит зятя также сопровождается очередным ритуальным дарообменом. Характерно, что в это время зять в той или иной степени еще соблюдает обычай избегания, в частности, разговаривает вполголоса, пьет меньше других, не курит в присутствии старших родственников жены, не поет, не танцует. С целью сокращения расходов, многие предпочитают приглашать зятя в день свадьбы сына, естественно, если она предстоит в не очень далеком будущем.

Подобное торжество устраивается также и зятем в честь приобщения родственников жены к своим родственникам, после чего взаимные посещения свойственников не имеют никаких преград.

Литература:

Бигуаа, 1983 – Бигвава В.Л. Современная сельская семья у абхазов. Тб., Мецниереба, 1983.

Джанашиа, 1960 – Джанашиа Н.С. Статьи по этнографии Абхазии. Сух., 1960.

Инал-ипа, 1954 – Инал-ипа Ш.Д. Очерки по истории семья и трака у абхазов. Сух., 1054.

Инал-ипа, 1965 – Инаал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сух., 1965.

Инал-ипа, 1984 – Инал-ипа Ш.Д. Очерки об абхазском этикете. Сух., 1984.

Птеипа, 1978 – Патейпа Н.С. Избранное: Статьи, рассказы, стихи (сост., предисловие и комментарии Г.В.Смыр). Сух., 1978.

Смирнова, 1976 – Смирнова Я.С. Свадьба без новобрачных: к вопросу о генезисе и функциях свадебного скрывания у народов Северного Кавказа // СЭ. 1976. № 1.

Источник: Валерий Бигуаа. Свадебная обрядность // Абхазы. Москва, Наука, 2007, 2012: 281-294.

АПСУАА РҒЫ АҒЫКАТЦАРА АҒОУРЫХ АҒЫНТӨ

Жэйтө-натө аахыс апсуаа ашэыраазара иазказан, бзиа ир-бон. Урт рыхкааракэа рғы адаггы, иахьынхоз рыкэша-мыкэша еитархауан зеиуахкы уағы итаххаша ациаакэа. Аца-шақэеи ахацқақэеи ката-катаза ианырбалакы, азынцэакэеи ахажэлабзиақэеи рхархауан. Уи ус шакэу рхэоит иахьаггы Апсны, зынза угэы ахьымөазо атыпқэа рғыы еиуеипшым ашэырцлақэа иуцыло рымацараггы.

Апсуа ихкаарағы зегь раастаггы хатыр зкэу, ағиараггы зауз азахэазара ауп.

Анаукағы излазгэатоу ала, азахэа Апсны рацхьаза иқэна-галаз ациаакэа ируакыуп. Ацарауаа ирхэоит, азахэа иит арака ауаағтэыөса ихата дықэнагалаанзаггы, хэа (Вавилов, 1931, убас егыртгы). Ари агэаанagara дырцаабыргуеит еиуе-ипшым апалиоботаникатө цшаахқэеи (Калаковски, 1958) археологиатө цыхракэеи (Ацакизе, Лордкьипанизе, 1960). Урт зегь рааста аинтерес зцоу акакэны икоуп А. Лукин (1941) Бомбора итихыз х-нызкы шықэса ркынза зхыцуа, – «Ағыжэағы», – хэа изышьтоу астатуиа хэычы.

Апсуаа жэйтэнатө аахыс азахэазара мыцхэ ихтакны ишрымаз, насггы урт итартэоз ағгы даға ык ишаламөашьоз атэы рхэоит Ксенафонт (хера калаанза V-тэи ашэышықэса), Страбон (хера алагамтазы) ухэа иахцыло абырзен тоурых тцааөцэа рөымтақэаггы.

Апсуаа ари анхамөа усхк ашка ирымаз абзиабара амалахаз-ггы имыхьшэашэеит, иагымеицакит, Апсны иакэлаз арабцэа шыатанкыла азахэакэа анхыршыаа (VIII-тэи ашэышықэса актэи азбжа) ашьтахьггы (Е. Чамагэа, 1968).

Азахэазарей ағыкатцарей хабацэа дукэа даараза ишазказаз уағы ибаратэы икоуп 300 шықэса абра ахра зуаз, динла ағы зыцэтэымыз атырқэцэа рхаанггы ари аус гэгэтажьра ахьазы-рымуз алаггы.

Иаххысыз ашэышықэсазы Апсны ахьынзаназаазоз аа-глыхрағы ацак ду аман ағы (Ш. Инал-ипа, 1965), еихарак

амшын иапну акытакэа рёы азахэа аёиара бзиаза аиуит (Р. Чанба, 1973). Убыскан Акэатэи абаёуазаёынтэ иргоз атитэкэа рахьтэ аёы иартёон 28 процент (Г. Зизариа, 1958), иара апсуа захэажэлакэагы рхыпхьазара 50 иреихан (Черниавски, 1877; Мацавариани, 1888; Баллас, 1896).

XIX-тэи ашэышықэса аобатэи азбжазы игэарлаз азахэа-чымазаракэа оидиум, филлоксера, ухэа, атыцантэи азахэа-жэлакэа рыбжеихарак ықэрхит, иахьазы урт ызит, ипсит. Аха анхаёыжэлар уи ргэы азкамыжыит. Аёиара иалагеит ачыма-зара-ёккэа ускак ирцэымшэо, насгы анцыра ду змоу «иза-белла» (ахардан), хэа, изышьтоу америкатэи захэажэла. Уи-моу, Адольф Берже (1858) ишиёуаз ала, актэи амхацьырра калаанзагы (1864), Тьркэтэылака иртиуаз апальма цла (ус акэн ишашьтаз ашыц – В. Б.) аамышьтахь акырткэеи ашэа-махькэеи ирдырхэхауаз ажь ааглыхраёы ихаданы икан.

Уаёы иаацьеишьаратэи икоуп иахьауажэраанзагы апрак-тикаёы зцакы мызыц азахэаазареи аыкатареи ирыдхэалоу апсуа жэлар ремпирикатэ дьрра цаула (уи аёа темоуп, ари астатиа ахэаакэа иртазом).

Аиашазы, иахьатэи апсуа кыта ауаёы ихаёы изаагом ахардан захэа зыкёным атла хараккэа рыда (Инал-ипа, 1973). Аха атыхэтэантэи аамтазы ари азахэа-жэла ахыпхьазара еиха-е-иха иагхо иалагеит. Еихарак ас еипш икоу атагылазашья ахьыкоу амшын иапну акытакэа рёы ауп. Азеипш захэатракэа ирёыпшны цёоуки-цёоуки анхацэа зоура змышьтуа ажь шкэакэа зёало азахэажэлакэа раазарахь ииасит.

Иззымдыруада ахардан цьабаа мыцхэ уаёы ишадимбало, насгы уи дгыыл мыцхэкгы шатанамырзуа, аха аёаора аашьтраёы даёа захэажэлак ишацамхо, гьамала уи иалцуа аёгы даёа оык ишаламёашьо.

Амала, хёаоа кытакэа рёы макьаназы ахардан хатыр шақэц иакёуп, даёа захэажэлакгы иазхьуа икам.

Ишыказаалакгы, кытак аёы, шамахамзар, дупылом, хэ-ба-фба шыпы ирыдамхаргы, захэак ззеитахам, цхалк аёы тазымтэо апсыуа нхаёык.

Аҕаамтанык еипшымкэа иахьатэи ацсуа кытаҕы иазхаит азеипштэ аарыхра аекономикатэ мчхара, иара убас уи аколнхаҕы инатэ ахашэалахэҕы.

Акоммунист партия апрограмаҕы ишахэо еипш, иалкаау этапк аан азеипш нхамҕа аҕиара аоазара убри акынза ихалотит, уи амалкэа рхардьала аколнхацэа ртахра инагзаны атак азыкатахаргэ еипш. Абасала атызтыптэ цхыраагзатэ нхамҕа економикала маҕ-маҕ ианызаауеит. Аколнхацэа рыуаажэлартэ нхамҕа ала ртызтыптэ цхыраагзатэ нхамҕакэа рыпсахра аналшалакь, насгы дара аколнхацэа ацхыраагзатэ нхамҕа амазаара шырзапсам агэра аныргалакь, ускан дара рхалагы уи мап ацэыркуеит.

Аха уи амш мааиц. Ацхыраагзатэ аарыхра макьана анхаҕ изы хэартара аланы икоуп.

Уи аганахьала егырт анхамҕатэ кэльтуракэа раастагы азахэа ахархэара амоуп, ахахарагы алоуп. Избанзар, ацармыкьаҕы ажь ианакэзаалакь ахэ бзиоуп. Анхацэа ркнытэ ахарданжы аанахэоит ахэынтқаррагы.

Ари азахэажэла аринахысгы арҕиара шатахыу уаҕы иботит «Апсны», «Лыхны», ухэа апсуа «кэа атирхакэа рҕы шамахамзар уаҕы иахьимпчыхамшэо алагы. Уимоу «Араду», «Мархьаул», «Нартаа», «Ешыра» ухэа апсуа пацхакэа змоу акрыфартакэа рҕгы ахардан ҕы анрымоу ааста ианрымам еихауп.

Макьаназы уаҕы имахац апсуак ионы сасдахьк дымҕахытны ҕык изцэырымгац хэа. Аишэа еҕа фатэы хкы ыкэзаргы, рыжэтэыда ипшзам рхэоит.

Апсуаа ибзиазаны ирдыруан ажь ауаҕытэыҕса ицэа-ижы, игэабзиаразы шака хэартара ду алоу атэы. «Аҕыцкьа ауаҕы ишья иалалоит», – рхэон урт.

Апсуаа жэытэ-натэ аахыс адгыл икэаарыхуаз, аҕы катара ссиршэа иазказаз, уи даараза бзиа избоз шракэз атэы ахэоит иахьанзагы еицакрак ақэмкэа абри анхамҕа хкы иадхэалоу рлексика беиа амацарагы. Зегь рапхьаза уи наукала ититца-

аит абызшэадыршы Б. Цыанашыа (1955). Ацарауа акакала урт ажэакэа зеггы дырзаатгыланы анализ рзиуит, оныцкала цакысггы ирымоу, изхылцыз ухэа етимологиатэ принципа еилиргеит. Аха тыцкэак рфы автор хымпада узиқэшахатхом, уимоу, Ш. Инал-ица (1965) ишихэаз еицш, икэмфеиеит хэа ззухэашаггы кыр уцылоит. Еихаракггы угэы амырчыдарц залшом ажэа «афы» хылтцшьтрала ацсуа бызшэа иатэым», – хэа икаитцаз алкаа.

Автор игэаанагарала, ашьтыбжь «о» гв» иахылцит, насггы антэамта «но» (гвино) ацсуа жэа «афы» иацэкашэеит.

Зегь рацхыза арака уафы игэалашэар ауан «о» ижэытэзатэиу шытыбжьны ишыкоу, насггы ацсуа бызшэафы ада иахыа, ша-махамзар, даға бызшэак афы ишупымло атэы.

Аетнографияфы идыруп, ауафытэытэыфса ажь иалхны афыкатцара далагаанзаггы егырт арыжэтэқэа ртатэашыа шидыруаз. Еилкаауп насггы рацхыза арыжэтэ ацэыртра зыбзоу-уроу. Иаххэап, еилкаауп арыжэтэ цьбара зхылцыз тэыла пхарак афы инхоз азэы, машэыршэа, амра цахэцахэ ашэахэақэа акэцеиуа, азы ацатэаны краамта адэафы ицэынхаз ача иалалаз амч шакэу, – ихэон анемс етнограф ду Иулиус Липс (1934). Мамзарггы, еицырдыруа ацарауаа Карл Веиле (1924) ишихэаз еицш, иаххэап, енак ауафы адэахыы иаанижыт ацхеи ази еилатэаны изтаз еирызк. Цытрак ашьтахь уи ибеит ацхазы апштэы шейтанакиз, ачча, хэа абжыы шгоз, ашэах шхалоз. Абарткэа ирчыданггы, агыамеи амчи аеакхеит, ицьбарахеит, изжэуаз ргэалаказаара шытнахуа иалагеит. Ишдыру еицш, ацсуаа уи «ацхазоа», хэа иашытоуп, етимологиатэ принциплагы, хгэанала, ари ажэа хцэажэара атахым, афэхэы иара иахэартэ икоуп (ацха+азы+афра). Аус злоу, уа еиуеицшыам атаэашьаркэа реилара иахылфеиааз хнарбоит.

Абрака иазгэататэуп аеакггы. Зызбахэ хамоу арыжэтэ рыжэтэны акатцара зылшаз ацэырса (дрожь), ма ахауа иалаз акэыкэбаа ссақэа (грибки) роуп, икалап урт иара ацхазоа зтаз ачысмаатэа ахатафы иказтгыы.

Аха ажь иалцуа арыжэтэ акацара, мамзаргьы уи аартра зылшаз ажбыргэыц агэагькэа ирымоу кэыкэбаа ссакэа роуп. Абарт акэыкэбаа ссакэа ажь иалоу ашыакар ырзытны алкаголь ахь ииаргеит (Карл Веиле).

Абарткэа зегьы цацфэыс икатцаны, игхоуп, хэа. ипхьазатэуп, цьюкы – цьюкы атцарауаа ажэа «афы» ажь иалцуа арыжэтэ акынтэ иаауеит», – ахьархэо. Избанзар, «Атаацэеи, ахатэ мали, ахэынтқарреи зхылтцыз» зыхьзу Ф. Енгельс ифымтафэы ишазгэатоу еипш, афы акацара ауафы итцеит аиха анцэыртц инаркны, даеакала иаххэозар, хэра калаанза актэи азкышыкэса алагамтазшэа.

Ус анакэха апсуа жэа «афы» зхылтцыз ажь иалтцыз арыжэтэ акэымкэа, уаанза ауафы иидыруаз арыжэтэ, даеакала иаххэозар, ашыакари акрахмал злоу аматэашьаркэеи реилартцэрала икайтцаз ажэытэзатэи арыжэтэ ауп.

«Афы» акацарба «афра» иахылцит. Ажэытэ еипш, апсуаа иахьагьы еиуеипшым аматэашьар цафакаэ еилатэаны ирыоуеит. Ирыоуеит иара ихэаны аиахэа иану ажь ахатагьы. Аматэашьаркэа реилазаара цакыс иаманы, ашьтыбжь «ф» злоу даеа апсыуа жэакэакгьы аабойт: «ачафыр» (ачра+фра), «ахарцэызфа» (ахарцэы + азы + афра). Ажэакала «афы» нбанцакыла аурыс термин «смесь», мамзаргьы «месиво» еипшуп.

Афыкатцара иатэу атерминкэа ирылоуп «афыз» (афы + азла), мацк иаахьыцэытэаау афы – «афахьа» (афэы + ахьра), ухэа, убас егьырт ажэакэагьы. «Афахьа» етимологиала еилургозар иапсыуа ажэоуп, цьюкы-цьюкы ргэы ишаанаго еипш, акартуа бызшэа акынтэ имааит.

Апсуа бызшэа иалоуп цакыла «афахьа» иафагыло ажэа «афыхаа» (афэы + ахаа). Абригьы иахэойт уи ус шакаэу.

Аиахэа иану ажь иацоу, еиламшыц афы, – «амачар», – хэа, иашьтоуп. Уи ажэа еилоуп мапкратэ елемнт «м»-и, «ачреи» рыла. Даеакала иаххэозар, уи иаанагойт «имтэыц, имчыц афы». Акры зхьыцуа, мацк иаафашашоу афы «ахатафы», хэа, иашьтоуп.

Апсуа ажэа «абы»-и адунеи еиуеипшым абызшэакэа рфы иахпыло абы хыызкэеи реипшра атэы ххэозар (кыртшэала – (гвино), урысшэала – вино, англыз бызшэала – Wine, немсбызшэала – Weine, францыз – бызшэала – Vin), цабыргытэкьяны аинтерес ацоуп.

Иеицырдыруа аболгар царуаа, академик Владимир Георгиев (1958) игэы иаанагоит, абри ажэа хылтшьтрала индоевропатэуп, хэа. Насгыы ашыагэйт* Uei «еикэатэиуа», «арша» акнытэ иаауеит, ихэоит уи. ‘Фырпштэысгыы иааигоит абырзен ажэа oivn – азахэа, уи иахылтэиааз Poivos – абы.

Аха абызшэадырөцэа реихарааык ари ажэа хылтшьтрала индоевропатэи абызшэакэа ртаацэара иатэым, рхэоит. Урт ишырхэо ала, уи асимитт-хамит бызшэакэагы рус алам, уи даэа бызшэак акнытэи егырт абызшэакэа ирылалеит.

Пытөык абызшэадырыөцэа дукэа ргэаанагарала, ажэа «абы» ашыагэйт Кавказ икоуп (Marr, Фасмер).

Акыртэа бызшэадырөцэа, ари ажэа акыртшэа акнытэи иаауеит, рхэоит (фырпштэыс даагозар Г. Церетели (шэахэацш: Ш. Зизигури «Акыртэа бызшэа. Ииаазыркьяфэу аххэа», ад. 73 – 74).

Ацаруаа дукэа изныкымкэа иазгэартахьеит, Кавказ икэынхо ажэларкэа жэпаки Азия Мац ауаацсыра шыагэйткэеи (Автохтонное население) шеимадаз атэы. Урт агэаанагара зларымоу ала, хатааи кавказааи рыбжьара, аимадарамоу, аиуарагыы ыкан, аиуара ыкэзтгыы уи зегь рацхьазагыы икаларц ахьалшоз хатааи апсуа-едыга бызшэакэеи рыбжьара акэын. (Кондратиев, Шеварошкин, 1970).

Иахьазы ишыакэргылоуп апсуа бызшэеи, аеда бызшэакэеи хатаа рбызшэеи лексикалеи грамматикалеи акырцэара ишеизааигэоу атэы (Меликишвили, 1954).

Апсуааи Азия Мац икэнхоз ажэытэзатэи ажэларкэеи ретника-бызшэатэ еизааигэара атэы рхэоит анаукатцааөцэа азэырофы. Абри ус шакэу аабоит, 1973 шыкэсазы Чикаго имаацысыз адунеижэларбжьаратэи антрапологиеи аетнографиеи

знапы алаку ауаа рконгресс ағы апрофессор Ш. Инал-ипа дзыпхъаз ажэахэ – «Амраташэарахьтэй Кавкази Азия Мачи ажэйтэзатэй ретнокэльтуратэ еизааигэара» – акынгы.

Иеидырдыруа асовет тоурыхтцаащца Редери Черкасоваи «Ажэйтэзатэй Адунеи атоурых» зыхьзу рышэкэы (1970) акны иаахтны ишырхэо ала, ижэйтэзатэйу етникатэ субстратны икан хатаа, урт цэажэон апсуа-аедыгатэ гэыц иатэу абызшэала, бэбэалагы Кавказаа ирымадан. Атцыхэтэан урт ражэакэа рацэаны индоевропатэй атаацэаратэ абызшэакэа ирылалейт.

Ииашатэкьбаны, иахьа лассы-лассы иахпылоит апсуа бызшэеи индоевропатэй атаацэара иатцанакуа абызшэакэеи рлексикатэ еикэшэаракэа. Ёырпштэыс иаагозар, апсуа бызшэағы ихамоу «асы» шытыбжыла кыр иазааигэоуп аурыс ажэа «снег», англыз бызшэағы – Snow, анемс бызшэағы–Schnee, ухэа, убас цегьы. Уймоу, апсуа ажэа «асыпса», шамахамзар, еиласра амамкэа, излалаз абызшэакэа мачым. Иаххэап аурыс ағы «сыпса», акорел бызшэағы isipsu, афин бызшэағы sipсу, ухэа кырцъара. Зегьынцъара уи иаанаго «аскэамкьа», ма «азытра иаёу ас ёыткэа» ауп (М. Фасмер, «Аурыс бызшэа аетимологиагэ жэар», 1969).

Хэарас иатахызуеи, апсуаа хылтцшытрала ирзааигэоу, ма ргэылара инхо ажэларкэа ркынтэ ироуны, рхы иадырхэауа ажэакэа мачзам, аха «афы» ёабызшэакэак ирылалазар ауейт акэмзар, даёацъарантэй имаайт, апсыуа ажэоуп.

Ахацхырта: В. Бигэаа, Кырттэылатэй ССР Анаукакэа академия атоурыхи, археологии, аетнографией р-иснтитут аспирант. Апсуаа рғы ашыкатаара атоурых акнытэ. Аж. «Алашара». Акэа, 1975, № 6.

ЭТНИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ВИНОГРАДАРСТВА И ВИНОДЕЛИЯ У АБХАЗОВ

Виноградарство – *азахэаазара* – одно из традиционных и наиболее любимых занятий абхазских земледельцев. История его развития протекала здесь в неразрывной связи с историей самого народа.

Вообще Абхазия признана одним из очагов возникновения виноградной лозы – *азахэа*. По палеоботаническим данным, дикие сорта винограда, дававшие мелкие плоды, – *абназахэа* – распространились на территории Абхазии задолго до появления на ней человека (Колаковский, 1958; Рухадзе, Соловьев, 1964). Для этого имелись вполне благоприятные естественно-географические и климатические условия. Главный Кавказский хребет защищает Абхазию зимой от северных воздушных масс, а летом – от горячих иссушающих ветров со стороны Средней Азии. Другим и очень важным фактором, обуславливающим мягкий субтропический климат, является Черное море. Весной и летом его поверхностные слои нагреваются солнечными лучами, а в осенне-зимний период вода, выделяя тепловую энергию, согревает прилегающую к побережью территорию.

Народные предания связывают появление винограда в абхазском хозяйственном быту с героями Нартского эпоса, отнявшими виноградную лозу у великанов.

Согласно официальным письменным источникам, имеющимся в распоряжении исследователей, начало культивирования винограда на абхазской земле уходит своими корнями в глубь бронзового века (см. Инал-ипа, 1965. С. 246). В этой связи большой этнологический интерес представляет найденная в центральной Абхазии бронзовая статуэтка, изображающая мужчину с рогом – *аҷатхь* (Лукин, 1941. С. 64). Возможно, что она имеет связь с известной традицией абхазов: в почете пить вино из рога. Пифосообразные кувшины для хранения вина – *аҷатшьа* – датируются I тыс. до н.э.

За всю многовековую историю Абхазии виноградарство, по различным причинам, развивалось неравномерно. Но даже в период турецкого господства на Черноморском побережье Кавказа оно не прервалось (Вахушти, 1941. С. 71; Броневский, 1823. С. 326).

К XIX в. эта отрасль хозяйства достигла расцвета, занимая значительное место в структуре производственной деятельности местного населения. С. Пушкарев писал, что Абхазия представляла собой «сплошной виноградный сад» (Пушкарев, 1852). Проехав всю Абхазию Ф.Ф. Торнау также видел здесь «сплошные виноградные насаждения» (Торнау, 1864). Опустевшие земли, доставшиеся колонистам после махаджирства, сплошь и рядом были покрыты виноградными садами – *ақдайға* (см. Мачавариани, 1888. С. 134-140; Альбов, 1892. С. 82-84; Баллас, 1896. С. 127).

В середине XIX в. виноградникам был нанесен значительный ущерб грибковыми заболеваниями – милдью, сидиумом, оидиумом, несколько позже и филлоксерой. Тем не менее, были сохранены десятки сортов абхазского винограда. Это черные – *апысыжь*, *акачыч*, *аҳәыҳәыжь*, *ачеқыкыжь*, *апапыжь*; розовые – *амлахә*, *ажьаҭшь*; белые – *ажьсыхәата*, *аҭырқәажь*, *татлыжь*, *ауасырхәа*, *хәаналыжь*, *цаналыжь* и др. (Бжания, 1973. С. 182–208; Инал-ипа, 1965. С. 245–259; Чанба, 1968. С. 29–40; Чамагуа, 1968. С. 120–140).

Каждый сорт винограда имел свое функциональное назначение. Некоторые сорта были исключительно столовыми, другие – винными, третьи служили для окраски, аромата, крепости и вкуса вин (Чанба, 1968. С. 34; Чамагуа, 1968. С. 120-140).

Отдельные сорта винограда были ввезены в Абхазию в различные исторические эпохи, на что указывают и их названия: *азбыжь* – азербайджанский, *аҭырқәажь* – турецкий и т.д. С таким же успехом виноградная лоза вывозилась и из Абхазии. Так, например, известные в Западной Грузии сорта винограда – *амлахә*, *гудатаури*, *абхазури* и т.п. являются абхазскими.

Абхазские крестьяне умело разбирались и разбираются в аграрных правилах, связанных с уходом за виноградниками. Также умело определяют и годность почвы под тот или иной сорт винограда, зональность и другие особенности естественных условий его выращивания.

Наилучшими для закладки виноградника считаются холмистые склоны, обращенные на юг, называемые *аиера*. При этом обращается особое внимание на характер рельефа самого участка и прилегающей территории, а также на флору. Если на участке растут каштан и дуб, то он признается подходящим – почва добротная и сухая – *абарра*. Присутствие же влаголюбивых деревьев делает местность для возделывания винограда негодной и называется *арычра*. Потому большинство виноградных насаждений находятся в разных частях усадьбы: во дворе, на пашне, в саду и т.д. (Бжания, 1973. С. 187).

Урожайностью и качеством винограда отличаются виноградники на холмистых предгорьях с известковыми почвами, которыми богата главным образом Бзыбская часть Абхазии (Инал-ипа, Чанба, Смыр, 1986. С. 31). Поэтому, учитывая почвенные особенности, еще в 1869 г. здесь были рекомендованы французские сорта винограда: белый рислинг, черный пено и синий бургундский. Однако внедрение этих сортов в практику, к сожалению, не произошло.

Практиковалось несколько видов посадки высокоствольной лозы. Прежде всего, высаживали молодые саженцы – ольху, шелковицу или дикую хурму. Через год их вырубали на корню, чтобы из молодого побега впоследствии выросло дерево с гладким стволом и сильными ветвями. На второй-третий год, когда дерево становилось достаточно окрепшим, способным служить в качестве естественной подпорки, к нему подсаживали виноградную лозу.

Поскольку виноград, как и все многолетние культуры, нуждается в глубокой предпосадочной обработке почвы, его

рассаживают вегетативным путем – черенками – *аҭашәыркра*, отводками – *ахырҭиаара*, прививками – *аихаҳара*. При этом в большей степени воспроизводятся ботанические признаки, агробиологические свойства и увологические качества. Особенно широко применяется размножение винограда черенками. Черенки укореняются, и выросшие из них саженцы сохраняют признаки материнского растения. Размножение отводками применяется при ремонте старых насаждений. Размножение прививкой является своего рода черенкованием, только в данном случае побеги развиваются из глазков привоя, а подвой развивает корневую систему (Чамагуа, 1968. С. 169-170).

Виноградарями практикуется и «омолаживание» лозы – *ахҭара*. Для этого старые лозы вырубаются до основания, а вырастающие побеги, чаще всего по два, отводятся и закапываются. После того, как молодая лоза укореняется, ее отделяют от корня старой лозы, а последнюю уничтожают. На третий год молодая лоза начинает давать урожай.

Дальнейший уход за высокоствольным виноградом заключается, главным образом, в периодическом очищении подпорных деревьев от глушащих их колючих растений и рубке чрезмерно выросших ветвей, по которым вьются отростки лозы – *айлеилыхра*. Сами лозы подвергают прочистке от сушняков, удаляют холостые ветки, местами и подрезают – *азахәаеилыхра*, окапывают и подкармливают перепревшими органическими удобрениями – *арҭәыратҭара*.

Очистка лоз и их подпорных деревьев производится, как и прежде, исключительно при помощи «маленькой цалды» – *аигәышәхәыч*.

В Абхазии, главным образом в городах, распространено так называемое формирование высокоствольной лозы беседкой – *амчындыр*. Считается, что правильно сформированная лоза на беседке обеспечивает равномерное озеленение и дает высокий урожай винограда хорошего качества.

В первые годы все внимание хозяина направляется на создание основного скелета лозы на беседке так, чтобы правильно заложить плодовые плети, на которых в свою очередь будут заложены плодовые звенья. Причем закладываются несколько ярусов, в зависимости от высоты беседки. Таким образом, из года в год ярусом закладываются рукава. Окончательная формировка лозы на т.н. беседке завершается на пятый год её жизни (см. Чамагуа, 1968. С. 181).

В настоящее время в Абхазии среди высокоствольных виноградных сортов преобладающее место занимает «Изабелла» – *аҳардан*, появившаяся здесь во второй половине XIX в. Она, как почти не страдающая оидиумом, в основном вытеснила местные эндемичные сорта. Однако и этот сорт винограда имеет свои слабые стороны: он боится различных природных явлений.

С середины XX в. во многих сельскохозяйственных районах Абхазии широко культивируется низкоствольный сорт белого винограда «Цоликаури». Его закладывают по шпалерной системе. Густота зависит от плодородия почвы и рельефа участка. На плодородных низменностях, где кусты развивают большую надземную и корневую систему, увеличивают площадь питания. На крутых склонах – густоту посадки увеличивают. В условиях Абхазии посадку саженцев производят как осенью, так и весной. За два-три дня перед посадкой саженцы вымачивают в воде. Сажают их в ямки, предварительно насыпав в нее ведро перепревшего навоза, срезав также корни саженцев на верхних узлах. На двух узлах, расположенных выше пятки саженца, корни на полдюйма – *нацэатыҭбжак* – укорачивают, а корни, выросшие на корневой пятке, – на одну длань и больше – *напсыргэҭыҭак атбаара*. Затем в яму посыпают землю, перемешанную с навозом, холмиком, утрамбовывают и, если влажность почвы недостаточна, поливают водой.

Саженцы сажают таким образом, чтобы место прививки оказалось выше уровня почвы. Правильный уход за молодыми растениями обеспечивает хороший рост кустов, ускорен-

ное вступление в пору плодоношения. Особенно важен уход в первые годы посадки. Поэтому виноградари разрыхляют холмики, которые прикрывают саженцы, после каждого дождя чистят от сорняков.

После того, как появившиеся побеги окрепнут, холмики полностью раскрывают. В течение лета несколько раз удаляют поверхностные корни. На второй год молодые кусты винограда весной подрезают, у каждого из них устанавливают кол, к которому подвязывают молодые побеги, в начале третьего года – и шпалеру. Затем виноградари проводят обрезку и формирование виноградного куста так, чтобы винограду было легко регулировать силу его побегов и плодоношение (см. Чамагуа, 1968. С. 72-74).

Наиболее напряженным моментом работы для виноградарей является сбор урожая – *ажьтаара*. Поскольку основные абхазские сорта винограда созревали поздно, сбор в прошлом начинался поздней осенью. Отсюда и название ноября – *жьтаарамза* – «месяц снятия винограда». Превалирующий ныне сорт черного винограда созревает раньше и собирается обычно в течение октября. Осень в Абхазии сопряжена с частыми дождями. И для того, чтобы виноград стал достаточно витаминозным и сладким, его собирают, как правило, после нескольких солнечных дней.

Сбор винограда считался и считается исключительно мужским делом – *ахайаус* и сборщик именуется специальным термином – *ажьтаав*.

В прошлом в богатых виноградом хозяйствах практиковалась взаимопомощь – *ауаахэ* или же на определенных условиях нанимались сборщики – *қырала*, обычно мегрелы и сваны, в бытовой жизни которых существовал институт отходничества. В настоящее время таких хозяйств нет, так как отнятые у крестьян в годы советской власти земли остаются национализированными и их возвращение потомкам бывших хозяев не представляется реальным.

Виноград собирают в *амйдышэ* – конусообразную плетенку, которую сборщик спускает по длинной веревке. Ее подхватывают и пересыпают содержимое в *акалат* *амйдышэйга*. Обычно это делают подростки. Хороший *ажьтаав* может собрать пять-шесть *акалат* – специальных корзин для переноса винограда – в день, то есть столько, сколько дает обычно одно полносборное дерево – порядка десяти пудов и больше.

Если виноградник расположен поблизости, то виноград доставляется взрослыми мужчинами в *акалат* на плечах. Если виноградник находится в отдалении, то в больших корытообразных плетушках – *акэыңа*, приспособленных для перевозок на прицепе или арбе. Собранный урожай доставляется в специальную постройку, винодельню – *авцара*, в которой хранится весь винодельческий инвентарь: дубовые бочки – *ауалыр*, остродонные кувшины, зарытые в землю – *ахаңыша*, различные кувшины для переноса вина – *аңал*, *аирыз*, воронки – *аматра*, черпаки – *акэапел* и пр.

Виноград давят в горизонтально лежащей на колодах выдолбленной древесине липы – *аехэа*. Все большее распространение получает и чан – огромный сосуд в форме бокала из дубовых клепок, стянутых обручами.

В прошлом виноград давили ногами, естественно, тщательно помыв их. В настоящее время почти в каждой винодельне имеется механический станок, при помощи которого давят виноград.

Если это черный виноград – *ажьеиқэайға*, то на второй день мезгу размешивают лопатообразной месилкой – *ажьхэага*, а на третий день вино вычерпывают и разливают в емкости. Белый виноград – *ажьшкэакэа* в давяльне держат несколько дольше, чтобы придать вкусу больше терпкости, а виду – янтарный цвет (см. Бжания, 1973. С. 203).

Вина хранятся в бочках или кувшинах, о которых речь шла выше. При этом некоторые виноделы, как и в старые времена, в кувшин опускают вишневую или черешневую кору, облада-

ющую, как считается, дубильными веществами. По мере вычерпывания вина на дно кувшина опускают отрезки того же дерева для подъема содержимого до уровня отверстия сосуда. Это способствует сохранению вкусовых качеств и крепости вина.

Во избежание скисания вина и превращения его в искусный штих, к нему добавляют разогретое хорошее вино в остывшем состоянии из расчета один к десяти (Бжания, 1973. С. 204).

Вообще, за исключением перебродившего осенью вина из отдельных сортов винограда, весной винная гуща поднимается, поэтому ее заранее переливают в чистые сосуды. Правда, переливание предохраняет вино от помутнения, но ослабляет его, в связи с чем, многие виноделы обходятся простым проведением крестообразных черт в гуще осадка, образующегося на дне сосуда, при помощи заостренной палочки.

Многообразная и многоаспектная технология виноделия нашла отражение в богатой терминологии, связанной с данным процессом. Так, настаивание выдавленного виноградного суслу на выжимке – *ажьагъ* называется *аицарцхъара*, брожение вина с мезгой – *аибафара*, а соковыделение из нее – *аилыцра*. Вино, которое вычерпывают сразу после давления, называется *авыз*, напротив, настоянное несколько дней и выжатое прессом – *арыххага*, поэтому обладающее и большей терпкостью – *авыцъбара* или *аваша*. Процесс брожения вообще обозначается термином *аира* (букв.: «кипение»). Вино, не подвергшееся брожению, к тому же, склоняющееся к окислению – это *авыцца*, *ачахъа* с уксусным штрихом – *абжьеи* и др.

Всего в абхазской лексике винодельческого хозяйства насчитывается свыше двухсот терминов. Наибольший интерес представляет само название вина – *авы* (буквально: «мешаное / мсиво»). Оно соответствует, с одной стороны, конечно-му итогу вышеописанного процесса перемешивания мезги, а с другой – напоминает известный обычай народов античного

мира, с которыми предки абхазов находились в тесных политических, экономических и культурных контактах, разбавлять вино водой перед употреблением.

В старину из винограда абхазы изготавливали не только вино, но и ряд безалкогольных напитков типа *ажьырзы* – настой черного винограда в воде, который делали в своеобразном керамическом кувшинчике – *ачапанхаҭшьа*. Из белого винограда готовили напиток *ахмарцҭыз*, считающийся полезным при желудочных и катаральных заболеваниях.

В прошлом после окончания всех операций по изготовлению вина абхазы выбрасывали выжимку, так как им не было известно винокурение. Только начиная со второй половины XIX в., научившись этому делу от русских переселенцев, ее стали использовать. Несколько позже сырьем для перегонки служили также груши, яблоки, инжир, алыча и другие фрукты. Однако водка у абхазов является второстепенным алкогольным напитком. В почете только вино.

Следует отметить, что виноделие, как и виноградарство, является в основном делом увлеченных земледельцев. Вина, изготовленные ими в домашних условиях, не уступают промышленным. Абхазские крестьянские вина пользовались большой популярностью еще в XIX в. Они покупались русскими солдатами, матросами и служащими царской администрации края. Домашние вина сбывались также и далеко за пределами страны, в частности, в Керчи, Анапе, Редут-Кале и других портовых городах России. Спрос на абхазские вина диктовался, безусловно, их высоким качеством. Куда бы они ни экспортировались, везде успешно конкурировали с лучшими крымскими, молдавскими и французскими винами (Пушкарев, 1852; Бжания, 1973).

В советские времена абхазские вина промышленного производства: «Букет Абхазии», «Апсны», «Лыхны», «Псоу», «Анакопия» и «Ачандара» пользовались широкой известностью по всему Союзу и за рубежом.

В 1990-х годах фирма «Абхазские вина и воды» построила современный завод, усовершенствовала технологию по изготовлению вин, отвечающую мировым стандартам, увеличила срок хранения вина, улучшила товарный вид и дизайн продукции.

На международных выставках-конкурсах абхазские вина сегодня получают золотые и серебряные медали. Сама фирма принята в Международную ассоциацию виноградарей и виноделов СНГ и стран Восточной Европы.

Фирма «Абхазские вина и воды» обогатила выпускаемый ассортимент новыми винами: «Амра», «Радеда», «Диоскурия», «Пицунда», «Эшера», «Апостольский Афон». При этом она делает основную ставку на частную сырьевую базу закупает виноград не только у соответствующих общественных хозяйств, но и у крестьян, берет сотни гектаров под собственные виноградники, возрождает традиционные абхазские сорта винограда.

Литература:

Альбов, 1892 – Альбов Н.М. Состояние садоводства в Абхазии. Одесса, 1892.

Баллас, 1896 – Баллас М. Сухумский округ (Абхазия и Самурзакань) // Виноделие в России: Историко-статистический очерк. СПб., 1896. Ч. II. Западное Закавказье.

Бжаниа, 1973 – Из истории хозяйства и культуры абхазов: исследования и материалы. Сух., 1973.

Броневский, 1823 – Броневский, 1923 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923.

Вахушти, 1941 – Вахушти. Описание царства Грузинского. Тб., 1941.

Инал-ипа, 1965 – Инал-ипа, 1965 – Инал-ипа Ш.Д. Абхазы. Сух., 1965.

Инал-ипа, Чанба, Смыр, 1986 – Инал-ипа Ш.Д., Чанба Р.К., Смыр Г.В. Земледелие и скотоводство у абхазов. Материалы к историко-этнографическому атласу Грузии. Тб., 1086.

Колаковский, 1958 – Колаковский А.А. Первое дополнение к Дуабской плиоценовой флоре // ТСБС. 1958. Т. VII.

Лукин, 1941 – Лукин А. Я. Материалы по археологии Бзыбской Абхазии// ТОПКГЭ, 1941. Т. I.

Мачавариани, 1888 – Мачавариани К.Д. Абхазские вина // СКОСХ. 1888. № 3.

Пушкарев, 1852 – Пушкарев С.О. О виноградниках и виноделии в Абхазии // ЗКОСХ.1852.

Рухадзе, Соловьев, 1964 – Рухадзе Л.П., Соловьев Б.Л. Голоценовая флора погребенных торфяников. Сух., 1964.

Торнау, 1964 – Торнау, 1964 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. 1964.

Чамагуа, 1968 – Е.И. Виноград Абхазии. Сух., 1968.

Чанба, 1977 – Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX нач. XX в.). Тб., 1977.

Источник: Валерий Бигуаа. Виноградарство // Абхазы. Москва, Наука, 2007, 2012: 130-140.

САДОВОДСТВО И ОГОРОДНИЧЕСТВО У АБХАЗОВ

Традиции плодоводства – *ашыраазара* и огородничества – *аутратыхкайцара* в хозяйственной жизни абхазов уходят в глубокую древность. В специальной литературе Абхазия иногда даже обозначается как «родина европейского садоводства» (Вавилов, 1987. С. 261).

Садоводство и овощеводство, как и виноградарство, представляли собой неотъемлемую часть земледельческих занятий.

Плодовыми садами были богаты не только прибрежные и предгорные районы Абхазии, но и ее горные ущелья (см. Брун, 1875; Броневский, 1823. С. 327; Торнау, 1864. С. 62; Пахомов, 1868. С. 51).

Эти хозяйственные отрасли имеют широкое распространение и в наши дни, но абхазы и в прошлом не просто пользовались дарами природы: они издавна были знакомы с таким важным приемом в области плодоводства, как искусство прививки – *аихахара*, без которого немислимо культурное садоводство. Совершенствуясь, эти знания передавались из поколения в поколение. Ими владело почти все взрослое мужское население.

Поскольку в окружающих садах и даже в лесу произрастало и произрастает большое количество диких плодовых растений, абхазы не готовили питомников дичков. Они сажали близ дома дикие саженцы и прививали на них культурные сорта. В конце зимы с культурных деревьев отрезаются черенки и закапываются в землю или песок. В пору сокодвижения, в основном в марте, черенки откапывают, отрубая на два-три глазка и отесанным концом вставляют в расщелину дичка, затем обвязывают накрепко корой молодого побега шелковицы, а место прививки обмазывают пластичной красной глиной, поверх которой прикладывают мох, и опять перевязывают корой шелковицы. Глина мешает проникновению влаги, а мох

защищает от чрезмерного нагревания. Обычно к дичку прививают два черенка, но если подвой позволяет, прививают и больше (Чанба, 1968. С. 41-42).

Одним из способов увеличения урожайности садов абхазы считали прореживание загущенной кроны и удаление сушняков. Для восстановления плодоношения старых садов, у которых наблюдалось прекращение роста веток и усыхание ветвей и сучьев, широко практиковали их омолаживание путем сильного укорачивания веток, отчего дерево вновь приобретало силу и начинало плодоносить (Там же).

Почти все фруктовые деревья отличались многосортностью. Этнографический материал свидетельствует о наличии в Абхазии множества сортов яблонь – *айда* и груш – *аха*. Среди яблонь особенно выделялись *ацэахахакацшь*, *апхынйда*, *ацэаежъ*, *абымбайда*, *ацбайда*, *ашьақарйда*, *азынйда*. Последний сорт называют еще «железным», а среди проживающих здесь представителей других народов оно больше известно как «абхазское яблоко».

Из многочисленных сортов груш наиболее распространенными являлись *ахаиш*, *ақэыцсха*, *алуха*, *ахэызха*, *алагэанха*. Плоды большинства абхазских сортов груш, впрочем, как и диких, при зрелости имеют светлую или желтовато-зеленую окраску и белую или беловато-желтую грубоватую мякоть. Встречаются и такие сорта, которые представляют собой нечто среднее между культурным и диким растением, как, например, *амгэырчылха* и *аеадха*. По всем данным, они выведены из диких форм груш путем неоднократной прививки (Там же).

Из семечковых пород в садах абхазов произрастает также айва – *абиа*. Широкое распространение имеет инжир – *алаха*, главным образом – *айыслаха*, *алахаиш*, *атырқэлаха*, *ацсуалаха*, *апатырцьянлаха*. Разводили его обычно черенками, которые сгибали в дугу и зарывали в землю обоими концами, предварительно заткнув их щепочками, чтобы во внутрь не попали черви. Когда ростки, пущенные черенками, поднимались

вершка на два, все засыпали землей, оставляя сверху только молодой побег, который затем пересаживали или оставляли на месте.

Шелковица – *амжэа*, как и инжир, встречалась в прошлом повсюду – дикая – *амжэасса* и культурная – амжэихаха с белыми и черными ягодами. Ягоды полукультурного сорта шелковицы крупнее и слаще. За последнее время шелковицы, занимающие довольно много полезной площади, стали уступать место экономически более выгодным субтропическим растениям.

Косточковые породы плодовых растений в Абхазии представлены черешней – *аца*, лавровишней – *ашымха*, сливой – *абхэа*, алычой – *ахэаса* и персиками – атама. Еще в XIX в. здесь насчитывалось до пяти разновидностей черешни (см. Чернявский, 1877. С. 83). Ее разводили в основном путем прививки садовых сортов к диким. Своими размерами и вкусом отличалась также и вишня, встречающаяся и сегодня преимущественно с коричневыми и черными плодами. Одними из древнейших плодовых деревьев являются слива и алыча. В зависимости от их разновидностей, плоды могут быть белыми, черными, красными, желтыми, зелеными. Они различны и по форме. Абхазские сады богаты персиками. И в далекие времена здесь росло множество разновидностей: мелкие – *атамасса*, крупные – *агэыргэылтама* с мякотью белой, желтой и розовой, с отделяющейся и не отделяющейся от мякоти косточкой и т.д. (Пахомов, 1868. С. 54).

Орех (*ара*) и фундук (*араса*) издавна представляли собой «необходимую принадлежность каждого сельского ландшафта» Абхазии (Альбов, 1892. С. 84). Они встречались здесь в несметном количестве, как в садах, так и в лесных массивах (Пахомов, 1868. С. 56). Различаются несколько сортов грецкого ореха: *аракэада* – сорт с твердой скорлупой, *арамеыг* – ранний сорт, *амаргэыз* – сорт с тонкой скорлупой и полным ядром. Абхазы бережно относились к выращиванию грецкого

ореха, так как он, как весьма полезный продукт питания, занимал и занимает почетное место в национальной кухне.

Фундук встречается главным образом в трех видах: *арасс-скэаз* – крупный, *абкэылраса* – продолговатый и *арасасса* – мелкий, скороспелка (Чанба, 1986. С. 44–45). В связи с вовлечением крестьян в орбиту рыночных отношений, в настоящее время наметилось резкое расширение площадей под насаждения фундука. Из экономических соображений они стали уделять больше внимания и хурме, встречающейся также в нескольких разновидностях, а также мушмуле, барбарису, гранату и другим «ходовым» плодовым деревьям.

Современный абхазский сад не мыслится без цитрусовых насаждений – мандаринов, апельсинов и лимонов, плоды которых в значительных количествах вывозятся за пределы Абхазии, преимущественно в Россию. Все большее распространение получает также грейпфрут.

По сравнению с цитрусовой культурой, появившейся в Абхазии в XIX в., новшеством для абхазских садов являются фейхоа – дерево из семейства миртовых кустарников, и актинидия, больше известная как киви.

Наглядностью разделения половозрастного труда, характерного для хозяйственного быта абхазов, является огород – *аутра* – «монопольное» владение старшей женщины в семье. В усадьбе абхазского крестьянина, как и в старину, огород занимает примерно одну десятую часть и располагается, обычно, рядом с животноводческими постройками, чтобы облегчить труд женщин, связанный с процессом его удобрения – *ауацатара*. Ограждают огород забором так, чтобы домашние птицы не могли проникнуть внутрь.

В огороде выращивают, прежде всего, традиционные одно-двухлетние корнеплодовые, травянистые растения: кориандр – *ахэысхэа*, петрушка – *амакьындол*, укроп – *акама*, чеснок – *ацьыш*, лук – *ацьымшьы*, перец – *апырпыл*, кольраби – *ахэыл* и т.д. Сажают также огурцы – *анаша*, помидоры

– *анатырцъан*, получившие распространение, по-видимому, в результате контактов с русскими переселенцами во второй половине XIX в. (Пахомов, 1868. С. 44). С русскими связана и традиция выращивания абхазами картофеля – *акартош*, занимающего в современной абхазской кухне не последнее место. Если площадь земли позволяет, то в огороде могут быть и бахчевые культуры, главным образом, дыни – *ашьынка* и арбуз – *акарпыжэ, ахабырзакъ*, тыква – *акаб, аханара*.

Наиболее необходимой культурой среди корнеплодов считается чеснок, служащий приправой почти ко всем острым блюдам. Издревле он является обязательным компонентом при изготовлении знаменитого «абхазского масла» – аджики – *ацъыка*. К тому же, по убеждению народа, чеснок – лекарство от семи болезней – *ацъыш быжьсхъаак ирыхэшэуп*.

Прежде, чем приступить к возделыванию корнеплодов и других съедобных растений в огороде, огородники очищают огород от всевозможных сорняков. Но их на месте не сжигают. Считается, что земля, по которой прошел огонь, теряет большое количество питательных веществ (Хватыш, 1978. С. 13).

Глубокую обработку почвы абхазские крестьянки производят весной или, реже, осенью. Копают исключительно в солнечную погоду. При повышенной влажности копание почвы приводит к образованию глыб и комков, а также к произрастанию сорняков. Корнеплоды дают здесь хороший урожай только на рыхлых почвах. Разрыхляют почву мотыгой и граблями.

После окончательной обработки почвы, огород разбивают на грядки, чтобы растущие в них растения не глушили друг друга, и в необходимый момент излишняя вода могла течь по канавкам.

Абхазские огородники придают большое значение выбору срока посева, сказывающегося, по их убеждению, не только на урожайности, но и на пищевой ценности корнеплодов. В весенний период наиболее оптимальным временем считается февраль-апрель, а в осенний – с начала сентября до середины

октября. И, как правило, семена так называемых подземных корнеплодов сеют в полнолуние, а семена надземных – в новолуние. Посевы семян, как огородных, так и бахчевых, производят сами огородники, не прибегая к рассаде. Семена выбирают из имеющегося материала (см. Чанба, 1968. С. 48-49).

Предпосевная подготовка семян заключается, главным образом, в калибровке. Калибруют путем просеивания через сито с ячейками подходящих размеров. За два-три дня до начала сева семена рассыпают на полу и равномерно смачивают водой в несколько приемов, несколько раз перемешивают и покрывают шерстяной тряпочкой. После появления отдельных ростков просушивают до сыпучести и высеивают во влажной земле, но исключительно в теплый, ясный день, до наступления жары. Саженцы, наоборот, сажают перед заходом солнца.

Здесь, в условиях влажного субтропического климата, до появления всходов на поверхности почвы образовывается довольно плотная корка, которая увеличивает испарение воды из почвы, ухудшает поступление воздуха к произрастающим семенам и препятствует выходу на поверхность нежных ростков растений (Хватыш, 1978). Поэтому надлежащий уход за овощными корнеплодами – рыхление почвенной корки до всходов – абхазские огородники организывают сразу же после посева. Одновременно это является основным средством уничтожения возможных сорняков. В течение периода вегетации растения подвергаются рыхлению еще два-три раза. В начале роста растений обязательными операциями по уходу за ними считаются также своевременное поливание водой и подкормка органическими удобрениями.

В качестве удобряющего материала служит навоз, главным образом, коровий и козий, но исключительно после перепревания, а также и птичий помет, перемешанный с золой из домашнего очага. Для этого в течение года навоз собирают в кучу и сверху сыплют землю, чтобы содержать его во влажности, беречь от промывающих дождей и чтобы не улетучивался в воздух содержащийся в нем азот.

Как результат всего этого, огородничество у абхазов характеризуется в целом интенсивным использованием земли в течение круглого года, достигающимся путем применения повторных посевов и посадки различных культур, в основном в условиях открытого грунта.

Характерной особенностью абхазских огородов была, и остается по сей день, «поразительная чистота и опрятность» (Подгурский, 1909. С. 125; Чанба, 1977. С. 49).

Литература:

Альбов, 1892 – Альбов Н.М. Состояние садоводства в Абхазии. Одесса, 1892.

Броневский, 1823 – Броневский, 1923 – Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1923.

Брун, 1875 – Брун Ф. Путешествие турецкого туриста вдоль по восточному берегу Черного моря // ЗИООИД. Одесса, 1875. Т. IX.

Вавилов, 1987 – Вавилов Н.И. Избранные статьи и выступления. М., 1987.

Пахомов, 1868 – Пахомов А.В. Абхазия в сельскохозяйственном отношении // ЗКОСХ. 1868. № 1-2.

Торнау, 1864 – Торнау, 1964 – Торнау Ф.Ф. Воспоминания кавказского офицера. М. 1964.

Хватыш, 1978 – Хватыш Г.А. Выращивание овощных корнеплодов в Абхазии. Сух., 1978.

Чанба, 1977 – Чанба Р.К. Земледелие и земельные отношения в дореволюционной Абхазии (XIX –нач. XX в.). Тб., 1977.

Чернявский, 1977 – В. Плоды Абхазии, Джигетии и Мингрелии // ВИРОС. 1877. Т. I.

Источник: Валерий Бигуаа. Садоводство и огородничество // Абхазы. Москва, Наука, 2007, 2012: 140-144.

Научное издание

Валери Леуард ица Бигэаа

**Ацсуа фамилистика
Ацсуа кэраду амазакэа
Ацсуа ртрадиция-бзазаратэ культура**

Бигуаа Валерий Левардович

**Абхазская фамилистика
Секреты абхазского долгожительства
Этнография традиционно-бытовой
культуры абхазов**

Компьютерная верстка: *Беренджи А.Ш.*